

В. А. ЯНИН

Новгородские посадники

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1962

В. Л. ЯНИН

НОВГОРОДСКИЕ ПОСАДНИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1962

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Под редакцией член.-корр. АН СССР,
профессора А. В. Арциховского

Валентин Лаврентьевич Янин
НОВГОРОДСКИЕ ПОСАДНИКИ

Редактор **Н. А. Горская**

Технич. редактор **Л. В. Лазарева**

Сдано в набор 25/І 1962 г.

Подписано к печати 17/VIII 1962 г.

Л-42443 Формат 70×108¹/₁₆ Печ. л. 24. 25+18 вкл. (0,96)=25,21 Привед. печ. л. 35,29

Уч.-изд. л. 34,40 Изд. № 1604 Заказ 19 Тираж 1500 экз. Цена 1 р. 90 к.

Издательство Московского университета
Москва, Ленинские горы, Административный корпус
Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы.

ВВЕДЕНИЕ

В политической истории средневековой Руси Великому Новгороду принадлежит значительное и своеобразное место. Это своеобразие, обусловленное неповторимыми особенностями новгородского государственного строя, никогда не перестанет привлекать внимание исследователей. Биение пульса общественной жизни в «великой северной республике средневековья» было более частым, чем во многих других современных ей русских государствах. Более высокой была в ней политическая активность народных масс, степень воздействия которых на формирование новгородских государственных институтов определялась их постоянным участием в политической жизни города. В силу этого и сам процесс развития общественной жизни в Новгороде кажется более сложным, чем в Твери или Рязани, Москве или Смоленске.

Отличаясь неповторимым своеобразием, новгородская средневековая государственность остается в то же время чисто русским явлением, одним из вариантов феодального государства, вызванным к жизни теми же общеполитическими закономерностями, которые действовали повсюду на территории раздробленной Русской земли. Причины, породившие своеобразную новгородскую государственность и определившие ее многочисленные позднейшие преобразования, заслуживают самого пристального внимания. Наиболее важен вопрос о формах развития в Новгороде классовой борьбы, который невозможно рассматривать, обособившись от истории государственных институтов Новгородской республики.

Этот вопрос не только важен, но и сложен. Если в княжествах антагонизм эксплуатируемых масс и землевладельцев предстает перед исследователем, так сказать, в «чистом виде», то в Новгороде эта противоположность внешне завуалирована. Все те явления новгородской государственной жизни, которые в своей совокупности кратко называются «вечевым строем», постоянно приводили буржуазных историков к представлению о существовании в Новгороде народоправства. В русской литературе первой половины XIX в. прочно утвердилась мысль о Новгороде как символе вольности и народной свободы:

Глас любезнейший народу,
Гнусна рабства грозный враг!
Глас, вещающий свободу
И тиранам гордый страх!
Век по стогнам раздавайся,
И свободу здесь тверди,
В сердце вольном отзывайся,
И блаженства нам блюди!¹

¹ Ф. Ф. Иванов. Марфа Посадница. М., 1824.

Эти строки Ф. Ф. Иванова прекрасно характеризуют популярное представление старой русской исторической литературы о вечевом строе Новгорода, представление передовое для своего времени, сыгравшее роль в формировании демократически-революционных взглядов А. Н. Радищева и декабристов, но неверное по своему существу.

Вечевой строй, сравнительно с организацией управления в княжествах, в самом деле отличался видимыми чертами демократизма в его средневековых формах, но этот демократизм иллюзорен. Новгородский вечевой строй является образцом феодальной демократии в ее русском боярском варианте. Власть в Новгородской республике принадлежала не какому-то идеальному сообществу антагонистических классов, а боярству, составлявшему, говоря словами В. И. Ленина, тот особый разряд людей, «которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия»².

Из самого существования вечевого строя не следует, что он вел к постоянному смятению классового антагонизма. Напротив, приобщенный к общественной жизни народ должен был стать и стал более активной силой. Если в княжествах недовольство эксплуатируемых проявляется спорадически, заявляя о себе время от времени вспышками народных движений, то в Новгороде классовая борьба постоянно осуществляется в откровенных формах, будь то словесная схватка на вече или вооруженное столкновение на улице. С другой стороны, история Новгорода не дает примеров сколько-нибудь существенных успехов черного люда в его классовой борьбе. Напротив, в ходе этой борьбы происходит неуклонное и постоянное укрепление боярского государства, формируются новые органы государственного аппарата, получают более четкую и законченную форму древние государственные институты.

Это позволяет говорить о необычайной сложности той политической обстановки, в которой идет развитие народного сознания в Новгороде, и дает возможность в самом вечевом строе видеть организацию, умело противопоставленную боярством классовым интересам производителей. «Вечевые собрания, — писал Б. Д. Греков, — живут долго на северо-западе (Новгород, Псков, Полоцк) как результат определенного соотношения классовых сил, при котором феодальная знать, захватившая в свои руки власть и ограничившая в своих интересах власть князей, не была в силах уничтожить народное собрание, но была достаточно сильна, чтобы превратить его в орудие своих интересов»³.

В этом, собственно, и состоит историческое своеобразие вечевого строя Новгорода. Будучи формой участия народа в государственном управлении, он в то же время противостоит народу как одна из форм боярской власти. Восходящее еще к первобытно-общинному строю, народное собрание в Новгороде теряет значение с появлением там княжеской власти и возрождается в процессе антикняжеской борьбы боярства, но уже на новой основе. Вынужденное постоянно обращаться за поддержкой к той или иной части трудящегося населения, новгородское боярство создало такие формы государственного строя, которые, оставаясь в полном распоряжении господствующей верхушки, могли казаться формами народоправства. Вне всякого сомнения, новгородская государственность времен республики пережила закономерную эволюцию от показных форм феодальной демократии к откровенной олигархии. Показателем этой эволюции является отношение черного люда к республике. Еще в XIII и XIV вв. ее защита собирала под свои зна-

² В. И. Ленин. О государстве. Соч., т. 29, стр. 437.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Учпедгиз, М., 1949, стр. 364.

мена многочисленных представителей всех классов Новгорода, а в XV в. судьба республики волнует лишь новгородских землевладельцев.

Несмотря на бесспорную важность конкретных исследований характера и движущих сил политической борьбы в республиканском Новгороде, в литературе этому вопросу уделялось гораздо меньше внимания, чем он того заслуживает. Исследователи, как правило, ограничивались анализом отдельных восстаний или же общими рассуждениями о борьбе политических группировок, обращая больше всего внимания на ту часть проблемы, которая связана с изучением народных движений. Это направление не только закономерно, но и всегда будет составлять основу представлений о степени и путях развития классовой борьбы. Однако несомненно также, что такое сложное явление, как классовая борьба, может и должно быть исследовано во всех возможных аспектах. В то время как эксплуатируемые массы в процессе классовой борьбы борются за лучшие условия существования, стоящий у власти класс направляет свои усилия к постоянному совершенствованию государственного аппарата принуждения, к упрочению своей власти, к новому обузданию трудящихся масс. В этой борьбе, следовательно, претерпевает изменение не только класс эксплуатируемых, но и класс эксплуататоров. Чем активнее классовая борьба, чем энергичнее натиск народных масс, тем активнее поиски новых средств самозащиты правящего класса. Само развитие государства, будучи развитием «аппарата принуждения», находится в прямой зависимости от развития классовой борьбы, успехи которой имеют неизбежным следствием прогрессирующий процесс консолидации правящего класса. Мы исходим из этой идеи, полагая, что изучение истории новгородской государственности является одним из аспектов изучения классовой борьбы в Новгороде.

В нашу задачу входит рассмотрение двух главных проблем: вопроса о связи истории новгородских государственных институтов с историей классовой борьбы и вопроса о связи этих институтов с историей борьбы внутри самого боярского класса. Практически это единая проблема, поскольку классовая борьба в Новгороде сплошь и рядом внешне объединялась с внутриклассовой борьбой боярства⁴.

Еще в исследованиях дворянских и буржуазных историков В. В. Пассека, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. А. Рожкова было обращено внимание на обычное противопоставление летописцем Софийской стороны Новгорода — Торговой стороне. Это противопоставление приобретает тем большую конкретность, что на протяжении XII—XV вв. стороны неоднократно выступают одна против другой с оружием в руках, а мост, соединяющий обе половины Новгорода, служит местом схватки или разбирается для укрепления обороны.

Противопоставление сторон летописцем породило чрезвычайно распространенный в старой литературе вывод о том, что Волхов был не только административной, но и классовой границей города. В. В. Пассек приходил к выводу, что Софийская сторона была заселена боярами-землевладельцами, тогда как основное население Торговой стороны составляли ремесленники и купцы: «Все без исключения данные говорят, что Софийская сторона была стороною боярскою, а Торговая сторона — стороною купеческого или черного народа»⁵. В. В. Пассек не допускал даже мысли, что кто-либо из бояр мог жить на Торговой стороне. Обра-

⁴ На недостаточную изученность общей зависимости хода борьбы городского плебса в Новгороде от противоречий внутри новгородского боярства в советской исторической литературе уже указывалось (А. А. Зимин, А. А. Преображенский. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы в России (до начала XIX века). «Вопросы истории», 1957, № 12, стр. 137).

⁵ В. Пассек. Новгород сам в себе. ЧОИДР, 1869, кн. 4, стр. 115.

тив внимание на возникновение время от времени коалиции Торговой стороны и Неревского конца, он писал по этому поводу: «Козни и соперничества между боярскими семьями уже в XIII столетии раскрывали возможность для Торговой стороны найти между боярами таких лиц, которые готовы были вести ее или идти с ней против своих же братьев бояр, против главы боярства и всего Новгорода — против посадника; мало того, давали возможность Торговой стороне найти себе естественную опору в целой толпе бояр — в целом конце»⁶.

Подобный взгляд выражен и в работах В. О. Ключевского: «Когда народ подозревал или видел со стороны выборных властей либо всего правящего класса замыслы или действия, казавшиеся ему преступными или опасными, тогда вече, преобразуясь в верховное судилище, получало не всенародный, а простонародный состав, становилось односторонним, представляло одну лишь Торговую, черную сторону во главе с боярами демократической партии»⁷.

Причудливая трансформация того же направления присуща известной работе Н. А. Рожкова о новгородских политических партиях⁸. Н. А. Рожков утверждал, что Торговая, а не Софийская сторона была оплотом боярства, а Софийская, напротив, оказывается демократической. Однако, по Н. А. Рожкову, боярами были равно и «аристократы» и «демократы», возглавлявшие каждую свою сторону.

М. Н. Покровский, бывший последним сторонником классово-территориального деления Новгорода, вновь оперировал распространенными со времен В. В. Пассека представлениями, населяя Торговую сторону купечеством, а Софийскую — боярами. Правда, в полном соответствии со своей «торговой теорией», М. Н. Покровский видел в политической борьбе иные закономерности и иные причины. По его мнению, боярство вообще не играло никакой роли в государственном управлении Новгорода: «Новгород дает нам полную картину той эволюции, первые этапы которой мы могли изучать в истории Киева. Патриархальную аристократию сменила не олигархия крупных собственников, а демократия «купцов» и «черных» людей — мелких торговцев и ремесленников, «плебеев»⁹. Поэтому городские восстания в Новгороде, по М. Н. Покровскому, принимали форму борьбы должников с кредиторами. Признавая классово-территориальный характер деления Новгорода, М. Н. Покровский не придавал ему сколько-нибудь существенного значения: мелкие купцы боролись с крупными купцами на своей Торговой стороне, где против купцов выступали также и ремесленники.

Критика теории М. Н. Покровского, предпринятая советскими историками, привела к правильному пониманию классовой сущности новгородской олигархии, связь которой с крупным землевладением была доказана многочисленными документальными данными¹⁰.

Широко распространенный в прошлом взгляд на классовый антагонизм сторон Новгорода полностью отвергнут исследованием фактов, говорящих о равномерном заселении Новгорода представителями всех

⁶ В. Пассек. Новгород сам в себе. ЧОИДР, 1869, кн. 4, стр. 144.

⁷ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 2. М., 1912, стр. 114 и сл.

⁸ Н. Рожков. Политические партии в Великом Новгороде XIII—XV вв. ЖМНП, 1901, март, стр. 241—286.

⁹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I. М., 1920, стр. 112.

¹⁰ См. А. В. Арциховский. К истории Новгорода. «Истор. зап.», 1938, № 2; С. А. Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1961.

общественных слоев. Немаловажную роль в борьбе с этими представлениями сыграли еще на рубеже XIX и XX вв. работы А. Г. Ильинского. В. В. Майкова и А. М. Гневушева¹¹, в которых впервые были изучены данные писцовых и разметных книг XVI в. Статистически обработанные, эти данные позволили предпринять подсчет населения различных районов Новгорода и отдельных улиц по социальным группам и обосновать бесспорный вывод о том, что «торгово-промышленное» население составляло основную массу и на Торговой, и на Софийской стороне, а остальные группы населения также равномерно заселяли обе стороны города.

Для более раннего времени, недостаточно освещенного письменными источниками, решающее слово было сказано археологическими исследованиями. Раскопки, произведенные в разных районах города, показали повсеместную распространенность ремесленных мастерских, а следовательно, и отсутствие каких-либо замкнутых районов, заселенных исключительно черным людом¹². О том же говорят и данные топонимики, отразившей в названиях концов и улиц существование ремесленного населения во всех районах Новгорода.

Эти материалы, изменившие самую основу представлений о размещении в Новгороде классовых сил, привели к созданию новых концепций, которые пользуются признанием до сегодняшнего дня и уже в силу этого нуждаются в более подробном рассмотрении. Господствующая сейчас концепция наиболее четко изложена в статьях А. А. Строкова. Смысл развиваемых А. А. Строковым положений сводится к следующему.

Поскольку классово-территориальное деление в Новгороде отсутствовало, летописным свидетельствам о борьбе сторон не следует доверять безоговорочно. Таких свидетельств очень мало; в большинстве случаев летопись рассказывает о движениях против князя, посадника, отдельных боярских семей, архиепископа, не связывая эту борьбу с делением города на Софийскую и Торговую стороны. В тех случаях, когда борьба сторон все же отмечена, она объясняется вполне конкретными причинами. На Софийской стороне находился Кремль — резиденция крупнейшего новгородского землевладельца — владыки, и бояре, почувствовав опасность, укрывались в Кремле, тогда как восставшие начинали свои действия с захвата Вечевой площади на Торговой стороне в силу того, что восстания вообще начинались на вече¹³.

Восстания в Новгороде носили исключительно классовый характер. В ходе их на одной стороне оказывался восставший народ, а на другой — все бояре. «Рассуждая формально, сражаются две «стороны», но по существу идет борьба не между сторонами, а между классами»¹⁴.

Между боярскими фамилиями, несомненно, имели место отдельные «распри», например из-за интересов в колониях, в пригородах, в Совете господ, при приглашении князей и т. д., но серьезных выводов из этого делать не следует. Сама внутрифеодальная борьба по своим масштабам и следствиям не идет ни в какое сравнение с классовой борьбой. Более того, подчеркивание внутрифеодальной борьбы является одним из

¹¹ А. Г. Ильинский. Городское население Новгородской области. «Историческое обозрение». 1897, т. XI; В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911; А. М. Гневушев. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. «Сб. Новгородского о-ва любителей древности», вып. XI, 1912.

¹² См. А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55. М., 1956, стр. 22 и далее.

¹³ См. А. Строков. Некоторые вопросы из истории Новгорода Великого. Новгород, 1939, стр. 14 и сл.; перепечатано в книге: А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Новгород, 1939, стр. 14 и сл.

¹⁴ Там же, стр. 15.

средств в арсенале дворянско-буржуазной историографии для принижения роли классовой борьбы, попыткой растворить борьбу классов в борьбе между «партиями» в среде господствующего класса¹⁵.

Нам кажется, однако, что изложенные построения А. А. Строкова так решительно противостоят построениям историков дворянско-буржуазной школы скорее по форме, чем по существу. Вопреки А. А. Строкову буржуазные историки настаивали именно на классовом характере политической борьбы в Новгороде, на главенствующей роли классовой борьбы. Такая роль органически вытекает из самого представления о классово-территориальном делении города. При всей принципиальной неверности их методологической схемы этим работам присуще стремление осмыслить имеющиеся в летописи многочисленные сообщения о территориальных столкновениях в Новгороде и понять действительно существовавшее дробление боярства по различным соперничавшим группировкам. Остроту этих двух вопросов А. А. Строков пытается свести до минимума, однако эти вопросы настойчиво возникают всякий раз, когда исследователь касается подробностей политической борьбы. Отказаться от рассмотрения этих проблем вовсе не значит сделать шаг вперед в методике исследования или в борьбе с буржуазной историографией.

Между тем можно ли вообще, занимаясь анализом общественных и политических отношений при феодализме, сбрасывать со счета несомненное существование противоречий внутри самого класса бояр. Наш взгляд, это такая же теоретическая несообразность, как если бы историк наших дней сбросил со счета противоречия внутри капиталистического лагеря и рассматривал весь ход исторического процесса только под углом зрения классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми. История русского феодализма XI—XV вв., будучи историей феодальной раздробленности, постоянно включает в себя элемент внутрifeодальной борьбы. Этот период окрашен в зловещие тона огнем пожаров княжеских и боярских «катор», и нет оснований выделять Новгород, ставя его вне общерусских закономерностей борьбы внутри самого класса феодалов.

В самом деле, как только дело касается внутрifeодальных отношений в Новгороде, А. А. Строков рисует идиллическую картину монолитности новгородского боярства, в среде которого могут возникать лишь отдельные распри по отдельным поводам, которое не расколото на группы, не борется постоянно за доходы, влияние и власть. Получается, что на протяжении всей истории классовой борьбы в Новгороде монолитному черному люду противостоит монолитное боярство, в ходе борьбы сталкиваются не только оружие антагонистических классов, но и два вполне оформившиеся классовые самосознания. Стихийности и неорганизованности классовых движений черного люда противостоит четкая государственная организация боярства, и только в этом, по-видимому, состоит причина неуспеха народных движений.

Рассуждая о неорганизованности народных движений, об их стихийности, А. А. Строков вовсе пренебрегает тем обстоятельством, что в конечном счете восстания, вспыхивавшие в Новгороде, почти всегда побеждали, поскольку их конкретные цели бывали выполнены. Однако эти цели и эти победы оказывались полезными не для народных масс, а в каждом случае для определенных кругов боярства. В подавляющем большинстве случаев новгородские восстания, направленные против того или иного посадника, тысяцкого, боярина, приводили к свержению,

¹⁵ См. А. Строков. Ук. соч., стр. 15; его же. Восстание Степанки в 1418 г. «Новгородский исторический сборник», вып. 3—4. Новгород, 1938, стр. 106.

а иногда казни или изгнанию посадника, тысяцкого или боярина, а на их месте появлялся новый посадник или тысяцкий. Во всех случаях это были представители тех же феодалов. Восставшие выступали против «плохого» посадника — за «хорошего». Само это деление бояр на «плохих» и «хороших», очевидно, предполагает существование в среде боярства заметных противоречий, а следовательно, и группировок. Более того, «плохой» боярин в иных случаях оказывается «хорошим», переместившись из одного района Новгорода в другой. Хорошо известен случай, когда посадник Есиф Захарьинич, вызвавший возмущение Софийской стороны, нашел защиту у жителей Плотницкого конца, когда тысяцкий Есиф укрылся на Плотницком конце от жителей Славна и т. д.

Нам кажется весьма значительным наблюдение В. Н. Бернадского о связи новгородских восстаний с вечевой законностью¹⁶. Действия восставших развиваются обычно как выполнение государственной воли. Восстания начинаются с принятия вечевого решения; иными словами, боярское государство само борется с находящимися у власти боярами, что свидетельствует о существовании борьбы за высшие государственные должности внутри самой правящей верхушки.

В отличие от А. А. Строкова мы не можем во всех случаях новгородских восстаний видеть возмущение всего черного люда против всех бояр. Напротив, знакомство с ходом событий всякий раз возвращает нас к признанному устаревшим положению об особой роли определенных территорий города в политической борьбе.

Если действительно в Новгороде происходила постоянная борьба феодальных группировок за власть, вопрос об ее территориальных оплотах вполне закономерен. Летописец достаточно четко проводит границы этих территориальных оплотов. Это не только Волхов, который делит город на Торговую и Софийскую стороны. Это и Рогатица, отделяющая Славенский конец от Плотницкого. Это и Загородье, отделяющее неревлян от пруссов. Иными словами, рубежи политической розни новгородского боярства проходили по границам концов. Один конец мог противостоять остальным, он мог блокироваться с другими концами против конца или такого же блока других концов, но во многих случаях конец в глазах летописца является не только административной, но и политической единицей. В самой кончанской организации заложена основа группового сплочения бояр-соседей. Поэтому мы достаточно реально представляем себе возможность существования феодальных группировок, связанных с определенными районами Новгорода.

В советской исторической литературе проблема кончанской организации Новгорода привлекала внимание исследователей¹⁷. А. В. Арциховский исследовал ее наиболее подробно и, касаясь вопроса об ее первоначальном характере, присоединился к основательному предположению Б. Д. Грекова о том, что кончанское деление могло быть не только исконным, но и догородским. Б. Д. Греков сопоставлял кончанское деление Новгорода с кончанским делением новгородских волостей, в системе которых концами обозначались совокупности деревень¹⁸. Если это сопоставление правильно, можно предполагать, что Новгород как город возник в результате сплочения нескольких до того замкнутых в своих тер-

¹⁶ См. В. Н. Бернадский, Ук. соч., стр. 190 и далее. Говоря о вече, мы так же, как и В. Н. Бернадский, имеем в виду вече, руководимое должностными лицами, а не самодеятельное народное собрание.

¹⁷ См. А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. «Истор. зап.», 1945, № 16; М. Г. Рабинович. Военная организация городских полков в Новгороде Великом в XII—XV вв. КС ИИМК, XXX, 1949.

¹⁸ См. Б. Д. Греков в. Новгородский дом святой Софии, ч. I. СПб., 1914, стр. 291.

риториальных границах поселков, причем в основе каждого из этих поселков лежала совокупность отдельных поселений. В дальнейшем эти поселки сохранили заметные элементы своей обособленности, культивируя их в поддержании кончанской административной системы на протяжении всей самостоятельной истории Новгорода.

Таким образом, сами кончанские границы являются, на наш взгляд, незатянувшимися швами, по которым в древности было шито городское тело Новгорода. Эти швы могли бы сгладиться только в том случае, если бы древнее кончанское деление проявило тенденцию к отмиранию, превратилось бы в пережиток и наконец уничтожилось. Однако оно существует не как пережиток, а как конструктивная основа государственного управления, государственного представительства и военной организации. Его могло поддерживать лишь соперничество концов, противопоставление каждого конца всем остальным. Поиски причин такого соперничества возвращают нас к вопросу о существовании в Новгороде территориальных боярских группировок, боровшихся за власть.

М. Н. Тихомиров сравнивает подобную борьбу в Новгороде с борьбой гвельфов и гибеллинов во Флоренции, по поводу которых К. Маркс в «Хронологических выписках» заметил, что их распри «в сущности только *соры враждебных друг другу родов, а не борьба политических партий*»¹⁹. Эта параллель достаточно убедительна. И во Флоренции, и в Ферраре, и в других итальянских средневековых городах борьба аристократических родов за власть составляла существенную часть политической жизни и также втягивала в свою орбиту массу городского населения, ремесленников и торговцев. Практически она смыкалась с классовой борьбой. Городской плебс, пытаясь удовлетворить свои чаяния, выступал против части господствующего класса в поддержку другой части того же класса. Однако его борьба, заключенная в рамки внутрифеодальных столкновений, не могла увенчаться серьезными успехами, так как цели борьбы каждый раз определялись самой аристократией.

Феодальная борьба в Новгороде постоянно включала в себя политический элемент. Она происходила не только в форме боярских схваток, но и на вече; она проявлялась в восстаниях, вовлекая широкие массы населения Новгорода. Что касается классовой борьбы, то одной из основных ее особенностей в Новгороде было постоянное смыкание с внутрифеодальной борьбой за власть. Более того, в ходе восстаний та часть боярства, которая находилась в оппозиции наличным властям, охотно становилась во главе восстания, направляя его в своих интересах. Отсюда и конечная ничтожность тех результатов, к которым приводили усилия восставших, и постоянный успех оппозиционного боярства, победа которого обеспечивалась союзом с восставшим народом.

Резюмируя все сказанное выше, мы должны признать, что само существование в Новгороде вечевого строя вело к возникновению чрезвычайно своеобразных форм классовых столкновений. Эксплуатируемое население Новгорода в тех случаях, когда оно восставало против существующих властей, выступало только против наличного правительства, а не против боярского государства, иногда под лозунгом защиты республики. Такие движения всегда должны были находить сочувствие у части боярства, оппозиционной к наличному правительству, которая не только становилась под защиту восставших, но и получала возможность усилиями восставших прийти к власти. В то же время постоянное соперничество бояр разных концов, поддерживая административно-

¹⁹ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси. XI—XIII вв. Госполитиздат, М., 1955, стр. 239. См. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 269.

политическое дробление Новгорода, разобщало и черный люд, который мог преодолеть территориальную рознь лишь в длительном процессе классовой борьбы и классовой консолидации. Смыкаясь с внутрифеодальной борьбой, новгородские социальные движения с самого начала оказывались противоречивыми, а результаты их — ущербными.

Таким образом, в исходном пункте исследования мы расходимся с А. А. Строковым, который, противопоставляя черный люд боярству, видел обе силы последовательно выступающими одна против другой. Не менее серьезны наши расхождения, например, с Н. А. Рожковым, который настолько преувеличивал успехи народных масс, что предполагал, будто их борьба раскалывала боярство и приводила часть его на сторону черного люда: Мы полагаем, что оба антагонистических класса развивались в процессе борьбы, и это развитие шло по пути консолидации каждого класса, по пути развития его классового самосознания. В начале этой борьбы эксплуатируемые массы разобщены не только организационно, но и идейно. Боярство располагает формами организации в виде государства, но его раздирают внутриклассовые противоречия. Здесь не только сила противостоит силе, но и слабость противостоит слабости. Если для черного люда преодоление разобщенности могло идти по путям осознания своей противоположности эксплуататорам, то для феодалов оно направлялось по пути преодоления собственной внутренней розни и совершенствования государственного аппарата.

Высказывая такие предположения об общем направлении классовой консолидации новгородского боярства, мы видим только одну возможность проверить и подтвердить их. Такая возможность заключается в подробном исследовании боярской государственности на разных этапах развития Новгородской республики.

Сосредоточивая внимание на посадничестве, мы в настоящем исследовании не ставим целью изучить эту государственность во всем ее многообразии. Многих важных вопросов мы не сможем коснуться вообще. Такие проблемы, как организация тысяцких, место в республиканских органах владычного управления, роль купеческих старост, состав Совета господ, роль организации черного духовенства и т. д., без решения которых невозможны окончательные суждения об устройстве Новгородской республики, могут быть изучены лишь как отдельные самостоятельные темы, нуждающиеся в детальном и пристальном исследовании. Однако посадничество на всем протяжении республиканского периода было наиболее заметным государственным органом, его судьбы стояли в центре внимания в ходе политической борьбы. В развитии посадничества отразились основные закономерности формирования новгородской государственности, и его изучение позволит в дальнейшем методически правильно исследовать другие важные стороны республиканского управления.

Единственное систематическое исследование истории новгородских посадников принадлежит перу историка начала XIX в. И. И. Григоровича и появилось в 1821 г.²⁰ Позднейшая работа Д. И. Прозоровского²¹, к сожалению, отличается исключительной путаницей в построениях, многочисленными неоправданными натяжками и злоупотреблением категорической формой утверждения при отсутствии элементарной аргу-

²⁰ И. И. Григорович. Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. М., 1821. (Далее — Опыт.) Труд И. И. Григоровича был издан анонимно и иногда, с легкой руки Д. И. Прозоровского, неосновательно приписывается автору дополнений к нему — К. Ф. Калайдовичу.

²¹ Д. И. Прозоровский. Новые разыскания о новгородских посадниках. «Вестник археологии и истории», вып. IX. СПб., 1892.

ментации. Особенно тягостное впечатление оставляют генеалогические экскурсии Д. И. Прозоровского. В своей бесспорной части его работа дает мало нового, сравнительно со старой книгой И. И. Григоровича, а основной целью последнего была систематизация источников проблемы.

К числу специальных небольших исследований о новгородских посадниках должны быть отнесены также упомянутая выше работа Н. А. Рожкова о политических партиях в Новгороде, которая наряду с попыткой разобраться в политической принадлежности посадников содержит ряд интересных хронологических наблюдений, и экскурс В. Н. Бернадского «Новгородские посадники середины XV в.»²², исследовавшего списки посадников указанного в названии экскурса времени.

Общие сведения о посадничестве содержатся также почти во всех исследованиях по истории Новгорода, однако самое элементарное их сравнение наглядно показывает, что проблема на протяжении длительного времени остается неразработанной. Читатель, заинтересовавшийся новейшими сведениями об организации новгородского посадничества, может найти их в работах И. Д. Беляева, А. И. Никитского и В. О. Ключевского²³, изданных еще в прошлом столетии, не опасаясь отстать в этом вопросе от современного уровня науки.

Исследователи чрезвычайно быстро и не вдаваясь в вопросы хронологии говорят о существовании в Новгороде степенного посадника, осуществлявшего главную роль во внутреннем управлении и внешней политике, и о «старых посадниках», которые когда-то были степенными, а затем вошли в состав Совета господ на правах его полномочных членов. Неясен вопрос о времени сложения этого порядка. Совсем непонятно, чем определялись переход посадников в «старые» и выборы нового степенного посадника. В ряде случаев признается, что выборы посадников осуществлялись на неопределенный срок. Это весьма противоречивое представление. В самом деле, если степенный посадник становился «старым» в результате неспособности или лишения степени под давлением оппозиции, Совет господ окажется собранием дискредитированных политических деятелей. Если он добровольно уходил со своего поста, уступая место новому посаднику, такая идиллическая картина нуждается в чрезвычайно веских обоснованиях, которых, по-видимому, не существует. К тому же, добровольные отречения никак не могут быть признаны характерной основой смены посадников. Предположение Н. И. Костомарова о том, что своим возникновением институт старых посадников обязан необходимости личного завершения бывшими степенными посадниками дел, начатых в момент их пребывания на степени²⁴, противоречиво по существу, так как возможность участия в управлении лишь до завершения этих дел должна была становиться главным стимулом к бесконечному их затягиванию. Мало проясняют вопрос и ссылки на известное сообщение де Ланнуа о ежегодном обновлении посадничества, поскольку периодически выбирались только степенные посадники. Теоретически количество старых посадников при всех предлагавшихся решениях вопроса остается неограниченным²⁵.

²² В. Н. Бернадский. Ук. соч., Приложение, стр. 357—362.

²³ Иван Беляев. Рассказы из русской истории. Кн. 2. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения, изд. 2. М., 1866; А. И. Никитский. Очерки из жизни Великого Новгорода. ЖМНП, 1869, № 10; В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 3. М., 1902.

²⁴ См. Н. И. Костомаров. Северо-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада, II. СПб., 1863, стр. 50.

²⁵ В. О. Ключевский, придерживаясь общепринятой точки зрения о том, что старыми посадниками были бывшие степенные, писал: «Трудно угадать побуждения, заставлявшие удерживать правительственный авторитет за бывшими высшими чиновни-

Перед нами встает, таким образом, как первоочередная проблема — вопрос об организации посадничества. Этот вопрос вовсе не частного значения. Если существовали феодальные группировки и если они боролись между собой за власть, организация власти не может возникнуть вне такой борьбы. Если само посадничество как наиболее существенная часть государственного аппарата было орудием классового принуждения, то это орудие не могло не совершенствоваться в ходе классовой борьбы. Поэтому, изучая организацию посадничества, мы должны исследовать ее и как результат действия социальных и политических причин, которые определили ее возникновение и развитие.

Основная группа сведений о посадниках содержится главным образом в летописях новгородского круга. Эти сведения снабжены указанием дат и описанием важнейших событий, связанных с деятельностью отдельных посадников. Однако для некоторых периодов ощущаются заметные пробелы. Такие пробелы особенно характерны для середины XIII в., середины XIV в. и XV в., кроме двух его первых десятилетий.

Другая группа сведений может быть извлечена из актов. Сравнительно с летописями, акты дают весьма фрагментарную картину, а в ряде случаев утрачивают датирующий характер, когда сами они могут быть датированы лишь по упоминанию в них посадничьего имени. Кроме того, акты освещают поздний период истории республики начиная с середины XIII в. В этом, впрочем, заключается и их относительное преимущество, поскольку ранний период деятельности посадников сравнительно подробно освещен в летописях.

К третьему виду источников относятся археологические предметы, несущие на себе посадничьи имена, прежде всего — печати. Хронологическое значение печатей для точных датировок в большинстве случаев невелико, когда они обнаружены отдельно от документов и сами нуждаются в датировке. Это, однако, не касается печатей, сохранившихся при грамотах. В таких случаях они для хронологических выводов могут иной раз играть не меньшую роль, нежели тексты самих актов. Печати имеют и еще одно важное свойство. Будучи реалиями государственных институтов, они в своем развитии отражают развитие этих институтов. Их тип воспринимает наиболее характерные изменения в состоянии тех государственных учреждений, которые пользуются правом юрисдикции. Поэтому мы полагаем, что конечной целью сфрагистики должно быть изучение булл как источника по истории государственных институтов.

Наконец, четвертым видом источников являются летописные списки посадников. Эти документы настолько значительны, что должны быть поставлены на первое место среди других. Мы называем их в конце лишь в силу их очевидной специфики, требующей особых приемов исследовательского анализа, который может быть выполнен только сравнением показаний списков с данными прочих источников. Списки посадников не содержат самостоятельных хронологических указаний. Знакомясь с ними впервые, мы не знаем, расположены ли в них имена посадников в хронологическом или каком-либо ином порядке. У нас не может быть ясного представления о степени полноты этих списков и времени их составления. Мы не знаем, являются ли они вполне самостоятельными документами или экстрактом из общедоступных летописных сведений.

Важность всех этих вопросов заставляет начать исследование истории новгородского посадничества с источниковедческой характеристики летописных списков посадников.

ками» («Боярская дума древней Руси», стр. 192). Отметим, однако, что В. О. Ключевским были высказаны весьма ценные предположения о какой-то связи института старых посадников с кончанской административной системой (там же, стр. 204 и сл.).

Глава 1

ЛЕТОПИСНЫЕ СПИСКИ НОВГОРОДСКИХ ПОСАДНИКОВ

Русские средневековые хронографы наряду с жанром летописного рассказа культивировали еще одну форму исторического повествования, которая в литературе еще не исследована в должной степени. Мы имеем в виду жанр лаконичного, сжатого до предела списка, перечисляющего основные факты перехода столов, кафедр и высших государственных должностей от одних лиц к другим. Иногда такие списки приобретают генеалогический характер, иногда их основой становится относительная хронология, исчисление продолжительности правления тех или иных лиц, чаще всего это сухое перечисление очередности правлений.

Существуют основания полагать, что этот жанр возникает в очень раннее время, еще до составления древнейших известных нам летописных сводов. «Возможно, — пишет Д. С. Лихачев, — что первые печерские летописцы знали лишь, что Игорь княжил 23 года, Святослав — 28 лет, Ярополк — 8 лет и т. д. Лишь Нестором была сделана попытка вычислить точные хронологические данные русских княжений на основании различных источников»¹.

В последующие столетия, когда летописный рассказ в том виде, как мы его понимаем сейчас, стал главной формой исторического повествования, краткие списки продолжали существовать как справочные таблицы, сжатое изложение главнейших сведений по истории и генеалогии правлений. Оба жанра развивались параллельно и, несмотря на взаимное проникновение, в известном смысле независимо, поскольку ставили перед собой несходные задачи. Летописный рассказ не задается целью сообщить все подробности смены князей, владык, посадников и тысяцких. Сообщив о приглашении того или иного князя, о выборе того или иного посадника, летописец во многих случаях не возвращается к ним, и мы читаем под следующим годом или под следующими годами о деятельности иного князя, иного посадника. Для ряда периодов вообще существуют пробелы, не заполненные княжением или посадничеством определенных лиц. Если бы мы попытались на основании летописного рассказа составить хронологические списки различных должностных лиц Новгорода, нас постигло бы большое разочарование, так как таблицы, полученные таким путем, отличались бы фрагментарностью и были бы испещрены многочисленными знаками вопроса.

¹ ПВЛ, ч. II. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 111.

Список, напротив, стремится к полноте отражения тех явлений, которые в нем обобщены². В руках составителей списков находились более полные материалы. Составители знали по именам большее число политических деятелей, им было известно о родственных связях должностных лиц больше, чем дает чтение тех летописных текстов, которые сохранились до настоящего времени. Современный исследователь, располагающий большим комплексом не только летописных, но и актов сведений не смог бы создать таких списков во всей их полноте.

И в то же время у нас нет оснований предполагать полную независимость списков от летописного рассказа. Напротив, летописный рассказ, несомненно, был одним из главных источников для составителей списков в ту эпоху, когда жанр обычного рассказа господствовал в летописании. Важно, что этот источник не был единственным. Другим источником для позднейших списков могли служить такие же, но более древние списки. С другой стороны, исключительная редкость памятников такого рода говорит о том, что составление списков носило эпизодический характер. Поэтому в составлении тех перечислений, которые дошли до нас, и тех, которые могли ложиться в их основу, большую роль должен был играть еще один чрезвычайно важный источник — личные знания составителей списков. Такие знания наиболее бесспорны в тех частях списков, которые отражают время, наиболее близкое к дате их составления. Вполне очевидно, что при источниковедческой критике списков следует обращать особое внимание на степень независимости от летописного рассказа не списка в целом, а отдельных мест перечисления, выделение которых может дать важные сведения о литературной истории нашего источника.

В соответствии с нашей задачей предметом рассмотрения в настоящей работе должны стать только списки новгородских посадников, которые существуют в двух вариантах, в двух изводах. Первый извод содержится в Комиссионном, Академическом и Толстовском списках Новгородской Первой летописи младшего извода. Второй извод — в той же рукописи Археографической комиссии, которая включает Комиссионный список Новгородской Первой летописи (в статьях, предшествующих своду), в Новороссийском списке Новгородской Четвертой летописи и в Ермолинском летописце.

ПЕРВЫЙ ИЗВОД СПИСКА ПОСАДНИКОВ (Список А и дополнения к нему)

Несмотря на то что первый извод списка новгородских посадников существует в трех рукописях, нам практически придется иметь дело лишь с двумя документами — Комиссионным и Академическим списками, сохранившимися в рукописях XV в. Толстовский список — копия середины XVIII в. с Академического списка и привлекается исследователями только потому, что начало Академической рукописи было утрачено после снятия с нее Толстовской копии. То место Толстовского списка, в котором помещено перечисление посадников, существует в Академическом оригинале.

Список посадников помещен в Новгородской Первой летописи младшего извода под 989 г. после перечисления киевских князей, новгородских князей, русских митрополитов, новгородских владык и исчисления

² Можно высказать предположение, что на формирование этого жанра оказали влияние библейские хронологические и генеалогические исчисления, тем более что в летописи были попытки сомкнуть библейские списки с русскими княжескими списками. См., например, ПВЛ под 852 г.

русских епископий. В нем содержатся имена 89 посадников, которые ниже для удобства дальнейших сопоставлений пронумерованы в той последовательности, в какой они изложены в самом списке. Курсивом выделены имена, вообще отсутствующие в летописном рассказе, разрядкой — имена, известные летописцу, но без связи их носителей с посадничеством. Текст цитируется по Комиссионному списку, варианты (в сносках) — по Академическому.

«А се посадницѣ³ новгородчскыи⁴: (1) прѣвыи⁵ Гостомысль, (2) Коснятинъ⁶, (3) Остромиръ, (4) *Завидъ*, (5) *Петрята*, (6) *Костянтинъ*⁶, (7) *Миронъ*⁷, (8) *Сава*, (9) *Улѣбъ*, (10) *Гюрята*, (11) *Микула*, (12) Добрыня, (13) Дмитръ, (14) Костянтинъ⁷, (15) Борисъ, (16) Завидъ, (17) Данило, (18) Петрята, (19) Иванко, (20) Мирославъ, (21) Костянтинъ⁸, (22) Якунь, (23) Судило, (24) Нъжатиць⁹, (25) Захариа¹⁰, (26) Якунь, (27) Жирославъ, (28) Иванко, (29) Завидъ, (30) Михалко, (31) Мирошка¹¹, (32) сынъ его Дмитръ, (33) Твердиславъ, (34) Дмитръ, (35) Гюрги¹², (36) Смень, (37) Иванко, (38) Внѣздъ Водовикъ, (39) Степанъ, (40) Сбыславъ¹³, (41) Онанья, (42) Михалко, (43) Михаилъ, (44) Павша, (45) Михаило, (46) Семеонъ, (47) Андрѣико, (48) Юрьи, (49) Семеонъ¹⁴, (50) Вальфромъ¹⁵, (51) Федоръ Ахмыль, (52) Захарья, (53) Матфѣи Коска¹⁶, (54) Федоръ, (55) Остафья, (56) брат его Александръ, (57) Онцифоръ¹⁷, (58) *Федоръ*, (59) Яковъ, (60) *Иванъ Муторица*¹⁸, (61) *брат его Александръ*, (62) Селивестръ, (63) *Иванъ Смятанка*, (64) Ондрѣянъ¹⁹, (65) Юрьи, (66) Михаило, (67) Григории, (68) Микита, (69) Василии²⁰ Федорович, (70) Василии, (71) Федоръ, (72) Еска²¹, (73) Богданъ, (74) Тимофѣи²², (75) Есифъ²³, (76) Юрьи, (77) Александръ²⁴, (78) Кюрилъ, (79) Иванъ, (80) *Фома*, (81) Юрьи Онцифоровиць²⁵, (82) Фома Есифовиць²⁶, (83) Григории Богдановиць²⁷, (84) Кюрила Дмитриевиць²⁸, (85) Иванъ Даниловичъ²⁹, (86) Андрѣи Иванович, (87) Иванъ Богданович, (88) Семеонъ Васильевич, (89) брат его Тимофѣи³⁰ Васильевич³¹»³².

В общей сложности двенадцать имен списка отсутствуют в летописных текстах. Кроме того, два имени в летописях указаны без обозначения посадничьей должности и в таких контекстах, которые вовсе не говорят об их принадлежности посадникам. Наконец, одного из посадников Александров (61) список называет братом другого посадника Ивана Муторицы. Ни это родство, ни сам Иван Муторица летописцу не известны вовсе. Следует обратить внимание на то, что избыточные сравнительно с летописью сведения концентрируются главным образом в двух местах списка: в его начале (№ 4—11) и в середине (№ 60—63).

Для выводов о времени создания окончательной редакции этого списка, казалось бы, немалую пользу должно принести его рассмотрение совместно со списками князей, митрополитов и новгородских владык, в сообществе которых он был включен в летописный свод. В своей совокупности все эти списки производят впечатление единовременно сведенных фактов, накопившихся к моменту создания той летописной редакции, которая позднее была использована при составлении Новгородской Первой летописи младшего извода. Если это так, все списки должны оказаться доведенными до одной и той же даты. Однако в действительности в конечных датах отдельных списков наблюдается замет-

³ посадники; ⁴ новнорочкии; ⁵ первыи; ⁶ Коснятинъ; ⁷ Коснятинъ; ⁸ Коснятинъ; ⁹ Нъжата; ¹⁰ Захарья; ¹¹ Мирошка; ¹² Гюрьи; ¹³ Сбыславъ; ¹⁴ Смень; ¹⁵ Вальфромъ; ¹⁶ Кошья; ¹⁷ Онцифоръ; ¹⁸ Муторица; ¹⁹ Ондрѣянъ; ²⁰ Василей; ²¹ Еска; ²² Тимофеи; ²³ Есифъ; ²⁴ Александръ; ²⁵ Онцифоровъ; ²⁶ Есифовиць; ²⁷ Богдановиць; ²⁸ Дмитриевъ; ²⁹ Даниловичъ; ³⁰ Тимофеи; ³¹ Васильевич. ³² НПЛ. М.—Л., 1950, стр. 164.

ный разноречивой. Если список новгородских князей³³ заканчивается именем Василия Васильевича (1425—1462 г.), а список русских митрополитов³⁴ — именем Герасима (1433—1434 г.), то в списке новгородских архиепископов³⁵ последним показан Евфимий Брадатый (1423—1429 г.). Это говорит о более значительной ценности рассматриваемых документов. При их сведении они не были заново отредактированы. Составитель свода воспроизвел их такими, какими они попали в его руки.

Уже при первом знакомстве с приведенным списком бросается в глаза некоторая его разноречивость, характерная для заключительной части. Монолитным по стилю кажется перечисление первых 80 посадников кончая Фомой. Здесь названы только имена, отчества отсутствуют. Единственное исключение, сделанное для Василия Федоровича (69), вполне понятно: в списке следуют один за другим два Василия, и необходимо было как-то различить их. Начиная с Юрия Онцифоровича (81) имена во всех случаях снабжены отчеством, что говорит об ином авторстве заключительной части.

Более того, заключительная часть была составлена в два приема и разными авторами, так как отчества посадников № 81—85 имеют характерное окончание на «иць», а отчества посадников № 86—89 оканчиваются на «ич». В дальнейшем мы будем называть основную часть списка (с именами № 1—80) — «Списком А», а оба дополнения к нему соответственно — «1-м дополнением к Списку А» (имена № 81—85) и «2-м дополнением к Списку А» (имена № 86—89).

Отчество Василия Федоровича (69) так же, как последние имена списка (86—89), оканчивается на «ич», что дает основание думать о включении его автором 2-го дополнения.

В разноречивости документа заключена возможность датировать этапы составления записи. Из названных последними в Списке А посадник Фома летописцам не известен вовсе; не знают его и акты. Что же касается предпоследних Кирилла (78) и Ивана (79), то под ними возможно понимать только Кирилла Андреяновича, впервые названного в летописи с титулом посадника под 1402 г.³⁶, и Ивана Александровича, в первый раз упомянутого в качестве посадника под 1411 г.³⁷. С другой стороны, посадник Фома Есифович, известный в этом звании уже в 1409 г.³⁸, оказывается не в основном тексте списка, а уже в дополнении к нему (82), после Юрия Онцифоровича, ставшего посадником до 1411 г., так как под указанной датой он уже носит этот титул³⁹. Григорий Богданович, помещенный в дополнении третьим, был посадником в 1410 г.⁴⁰. Внимательный просмотр всего Списка А не обнаруживает в нем ни одного посадничьего имени из числа появившихся после 1408 г. Позднее этой даты из названных в Списке А посадников были живы Александр Фоминич (77) и Федор Тимофеевич (71), умершие в 1421 г.⁴¹, однако первый из них был посадником уже в 1402 г.⁴², а второй — даже в 1384 г.⁴³. Что касается Ивана Александровича

³³ НПЛ, стр. 161—163.

³⁴ Там же, стр. 163.

³⁵ Там же.

³⁶ НПЛ, стр. 397; ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 105, 144.

³⁷ ГВНП. М.—Л., 1949, стр. 88, № 50.

³⁸ Там же, стр. 86 и сл., № 49.

³⁹ НПЛ, стр. 402.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ НПЛ, стр. 413; ПСРЛ, т. IV, стр. 120.

⁴² ПСРЛ, т. IV, стр. 107, 145.

⁴³ Там же, стр. 91.

вича (79), о деятельности которого до 1411 г. нам ничего не известно, то указанная дата почерпнута из акта и вовсе не дает оснований для вывода о том, что до 1411 г. он не мог быть посадником. В данном случае, когда мы не располагаем начальными датами каждого посадничества, более важны умолчания списка. На основании всех этих наблюдений мы решаемся датировать Список А временем до 1409 г., в пределах первых лет XV в., поскольку в нем фигурирует целый ряд посадников, появившихся на страницах летописи уже в XV в.

Дата 1-го дополнения к Списку А достаточно легко устанавливается при обращении к актовым и летописным свидетельствам. Если замыкающий 1-е дополнение Иван Данилович известен только по плохо датированным актам⁴⁴, то о его предшественнике по списку Кирилле Дмитриевиче (84) известно, что он умер в конце 1414 г.⁴⁵ Хронологический рубеж составления этой части списка может быть точно определен при рассмотрении первых имен 2-го дополнения. Андрей Иванович (86) назван посадником под 1415 г.⁴⁶, Иван Богданович (87) — под 1416 г.⁴⁷, Семен Васильевич (88) — в акте 1417 г.⁴⁸, Тимофей Васильевич (89) — под 1421 г.⁴⁹. Сочетание всех этих дат заставляет отнести составление 1-го дополнения ко времени не позднее 1414 г.

2-е дополнение, несмотря на то что в нем назван посадник, известный нам по летописному рассказу 1421 г., должно быть датировано несколько более ранним временем. В нем отсутствуют посадник 1418 г. Василий Есифович⁵⁰, посадник 1420 г. Василий Никитич⁵¹, посадник 1421 г. и предшественник Тимофея Васильевича (89) на степени Михаил Иванович⁵². Отсутствие всех этих имен датирует 2-е дополнение временем не позднее 1418 г.

Мы видим, что на протяжении первых двух десятилетий XV в. велась активная работа по совершенствованию списка посадников. Редакция списка, возникшая в начале XV в., дважды дополнялась именами посадников, вновь избранных в последующие годы. Это наблюдение, разумеется, не дает никаких оснований утверждать, что и в более раннее время формирование Списка А осуществлялось таким же способом. Напротив, монолитность Списка А как будто говорит о том, что он целиком был составлен в начале XV в. Вопрос о его источниках может быть поставлен только после внимательного его сопоставления с летописными и актовыми материалами. Отмеченная выше избыточность сведений в двух местах Списка А, сравнительно с летописными сведениями, только подводит исследователя к проблеме его происхождения. В какой мере летописный рассказ послужил источником Списка А и для каких его частей он мог быть единственным источником, этот вопрос возможно решать, только обнаруживая дублирование ошибок летописного рассказа в списке посадников. В ходе исследования нам придется неоднократно возвращаться к этой проблеме. Здесь же отметим лишь разный характер Списка А и двух дополнений к нему.

В Академическом списке перечисление посадников вполне идентично их перечислению в Комиссионном списке. Отличны лишь орфо-

⁴⁴ ГВНиП, стр. 184—187, № 127, 130.

⁴⁵ НПЛ, стр. 405.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, стр. 406.

⁴⁸ ГВНиП, стр. 93, № 55.

⁴⁹ НПЛ, стр. 414.

⁵⁰ Там же, стр. 408.

⁵¹ ГВНиП, стр. 96 и сл., № 59.

⁵² Там же, стр. 100, № 61. Михаил Иванович назван в акте, составленном в марте — апреле 1421 г., а Тимофей Васильевич 1 сентября того же года участвует в посылении владыки (НПЛ, стр. 414).

графические детали. В частности, разностильность заключительной части здесь полностью стерта. Следовательно, вариант Академического списка является копией с варианта Комиссионного списка. Однако Академический список содержит интереснейшие дополнения, написанные иными чернилами и иным почерком. Эти дополнения начинаются сразу же после имени Тимофея Васильевича, заполняют весь остаток листа, а конец их вынесен за недостатком места на поля рукописи.

В дополнения Академического списка включено еще 39 имен. Снова выделяем курсивом имена и сведения, отсутствующие в летописных текстах, и разрядкой — имена, упоминаемые летописью без связи с посадничеством.

«(90) *Онанья Семенович*, (91) *Олександръ Игнатьевич*, (92) *Борисъ Юрьевич*, (93) *Григорьи Юрьевич*, (94) *Григорей Кюрилович*, (95) *Григорей Данилович*, (96) *Самсонъ Иванович*, (97) *Федоръ Данилович*, (98) *Есифъ Григорьевич*, (99) *Есифъ Ондриянович*, (100) *Смене Пъздья*, (101) *Федоръ Яколич*, (102) *братъ его Есифъ*, (103) *Иванъ Васильевич*, (104) *Иванъ Иванович*, (105) *братъ его Яковъ Селезневич*, (106) *Микифоръ Борисович*, (107) *Иванъ Максимович*, (108) *Иванъ Лаврентьевич*, (109) *Исакъ Ондръевич*, (110) *Дритрии (так! — В. Я.) Васильевич*, (111) *Михаила Онаньинич*, (112) *Олександръ Кавъскыи*, (113) *Василей Степанович*, (114) *Михаил Туча Голыи*, (115) *Иванъ Офоновъ*, (116) *(Офоновъ Грузь*, (117) *Иванъ Лукинъ*, (118) *Василей Есифов*, (119) *братъ его Свекла Офон(ось)*, (120) *Василей Каримиръ (так! — В. Я.)*, (121) *Кирила Голыи*, (122) *Яко(въ)*, (123) *Захарья Григорьевъ Отвине*, (124) *Филатъ Скупои Порочка*, (125) *Кузма Семеновичъ*, (126) *Федоръ Глазоемечъ*, (127) *Михаила Чапинога*, (128) *(Бог)данъ Микитиничъ»*⁵³.

В дальнейшем мы это дополнение будем называть «3-м дополнением к Списку А». Независимость его от летописного рассказа достаточно очевидна. Из 39 содержащихся в нем имен 14 не встречаются в летописи вообще, 3 имени встречены в контекстах, не сообщающих о посадничестве их носителей, в двух случаях в нем указываются не зафиксированные летописцем родственные связи.

Датировать эту запись возможно при сопоставлении ее данных с летописными и актовыми сведениями. Снова следует оговориться, что в данном случае более важным является не включение посадников в запись, а отсутствие в ней тех или иных известных и хорошо датированных имен. Зная из документов дату посадничества какого-либо боярина, никогда нельзя быть уверенным в том, что именно эта дата является начальным годом его посадничества, тогда как отсутствие в списке отдельных имен должно указывать на то, что список составлен до начала посадничества носителей этих имен. Разумеется, относительная полнота списка играет при этом решающую роль.

Рассмотрим прежде всего те имена, которые включены в 3-е дополнение, группируя их по датам первого летописного или актового упоминания этих лиц на посадничестве.

Василий Есифович (118) известен как посадник уже в 1418 г.⁵⁴, Афанасий Есифович (119) — в 1420 г.⁵⁵; Александр Игнатьевич (91) — в начале 1420-х годов⁵⁶; Григорий Кириллович (94) — в 1428 г.⁵⁷; Сам-

⁵³ НПЛ, стр. 164—165, примечание.

⁵⁴ ПСРЛ, т. IV, стр. 117; НПЛ, стр. 410.

⁵⁵ ПСРЛ, т. IV, стр. 119.

⁵⁶ ГВНИП, стр. 96, № 58.

⁵⁷ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 94.

сон Иванович (96) — в 1434 г.⁵⁸; Иван Васильевич (103) — в 1435 г.⁵⁹; Борис Юрьевич (92) — в 1436 г.⁶⁰; Федор Данилович (97) — до 1439 г.⁶¹; Исаак Андреевич (109) — в 1439 г.⁶².

Федор Яковлевич (101) и Василий Степанович (113) были посадниками в 1447 г.⁶³; Есиф Григорьевич (98) — в 1448 г.⁶⁴; Есиф Андреянович (99), Дмитрий Васильевич (110), Офонос Груз (116) и Иван Лукинич (117) — в 1448 г.⁶⁵; Григорий Данилович (95) — в 1456 г.⁶⁶; Михаил Туча (114) — в 1456 г.⁶⁷; Иван Офонович (115) — в 1459 г.⁶⁸; Иван Лаврентьевич (108) — в 1461 г.⁶⁹.

Наконец, Василий Казимир (120) был посадником в 1471 г.⁷⁰, а Яков Селезнев (105), Захарья Григорьевич Отвин (123) и Федор Глазоѣмцев (126) — в 1475 г.⁷¹. Даты посадничества остальных не известны.

Наблюдения над датированными именами показывают, что в 3-м дополнении посадничьи имена как бы расслаиваются на отдельные хронологические группы, причем это расслоение почти не выражено в последовательности имен. Поздние посадники в нем могут предшествовать ранним. Очевидно также, что в списке имеются значительные пробелы. В нем почти нет посадников 1420-х годов, зато изобилуют посадники 1430-х годов; почти нет имен 1460-х годов, но встречаются имена 1470-х годов. Для датировки 3-го дополнения важны позднейшие имена списка.

Эти имена — их четыре — зафиксированы главным образом летописным рассказом о встрече Ивана III новгородцами в 1475 г. Однако летописный рассказ о событиях 1470-х годов и особенно та его часть, которая относится к изложению обстоятельств церемониальной встречи великого князя в 1475 г., весьма специфичны по своему характеру. В нем перечисляются все посадники этого времени, в числе которых, несомненно, было немало лиц, длительно занимавших эту должность. В частности, в 1475 г. еще был жив Офонос Груз, впервые ставший известным с посадничьим титулом еще в 1440-х годах. Нечего и говорить, что в числе посадников 1470-х годов встречались лица, избранные за 10—15 лет до их упоминания в рассказе о 1470-х годах⁷².

Для датировки записи нужно снова обратиться и к умолчаниям списка. Мы не встретим в нем большинства посадников 1470-х годов, таких, как известный под 1470 г. Дмитрий Исаакович Борецкий⁷³, известные под 1471 г. Феофилакт Захарьинич, Лука Федорович и Тимофей Остафьевич⁷⁴. Это обстоятельство отодвигает время составления документа на 1460-е годы. Датировать его концом 1450-х годов вряд ли

⁵⁸ ГВНИП, стр. 106 и сл., № 64.

⁵⁹ НПЛ, стр. 417; ПСРЛ, т. IV, стр. 121.

⁶⁰ ГВНИП, стр. 109, № 66.

⁶¹ Там же, стр. 114, № 69.

⁶² Там же, стр. 113, № 68.

⁶³ ПСРЛ, т. IV, стр. 126.

⁶⁴ ГВНИП, стр. 117 и сл., № 72.

⁶⁵ Там же, стр. 119 и сл., № 73.

⁶⁶ Там же, стр. 39, № 22—23.

⁶⁷ ПСРЛ, т. IV, стр. 216; т. V. СПб., 1851, стр. 31; т. VIII, стр. 146.

⁶⁸ ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889, стр. 198.

⁶⁹ Там же, стр. 204.

⁷⁰ ПСРЛ, т. IV, стр. 241; т. V, стр. 36; т. VIII, стр. 165.

⁷¹ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 200—204.

⁷² Отметим, что летописный рассказ о событиях 1460-х годов почти не содержит посадничьих имен.

⁷³ ГВНИП, стр. 129 и сл., № 77.

⁷⁴ Там же, стр. 44 и сл., № 25—27. Впрочем, Феофилакт Захарьинич может быть отождествлен с упомянутым в списке Филоном Скупым Порочкой (124).

возможно, поскольку включенный в список Василий Казимир (120) в 1459 г. был еще только тысяцким⁷⁵.

Более полная характеристика 3-го дополнения может быть сделана только после сравнения его показаний с показаниями второго извода новгородских посадничьих списков.

ВТОРОЙ ИЗВОД СПИСКА ПОСАДНИКОВ (Список Б и дополнение к нему)

Второй извод списка новгородских посадников содержится в статьях, предшествующих Комиссионному списку Новгородской Первой летописи младшего извода⁷⁶, в Новороссийском списке Новгородской Четвертой летописи⁷⁷ и в Уваровском списке Ермолинского летописца⁷⁸. Поскольку В. Н. Бернадским была высказана уверенность в самостоятельном происхождении ермолинского варианта⁷⁹, мы излагаем этот вариант параллельно с комиссионным. Текст приводится по Ермолинскому летописцу, разночтения (в сносках) — по Комиссионному списку: Имена, отсутствующие в летописях, выделены курсивом так же, как и генеалогические факты, не отмеченные в летописном рассказе. Имена, не связанные в летописи текстами с посадничеством, даются разрядкой.

«А се посадници новгородстии⁸⁰: (1) Гостомысль⁸¹, (2) Коснятинъ⁸², (3) Остромиръ, (4) *Завидъ*⁸³, (5) *сынъ его* Дмитръ, (6) *Петрята*, (7) *Коснятинъ*, (8) *Нинонигъ*⁸⁴, (9) *Сава*, (10) *Улебъ*⁸⁵, (11) *Гюрята*, (12) *сынъ его* Мирославъ, (13) *Микула*, (14) *сыны*⁸⁶ *его два*: Петръ, (15) Коснятинъ, (16) Добрыня [в Новороссийском нет]⁸⁷, (17) Коснятинъ [в Новороссийском нет] Мосеевич⁸⁸, (18) Борисъ, (19) *Завидъ*⁸⁹ Дмитрович⁹⁰, (20) Даниль⁹¹ ис Киева, (21) Иванко Павлович, (22) *сынъ его* Судило, (23) Якунь Мирославич⁹², (24) Нижата⁹³ Твердятичь, (25) Озариа *Фефилактовичъ*⁹⁴, (26) Захариа, (27) *сынъ его* Иванко, (28) Якунь, (29) *сынъ его* Дмитръ, (30) Жирославъ [в Новороссийском приписано позже], (31) *Завидъ* Невероничъ, (32) Михалко Степаничь⁹⁵, (33) два сына его: Твердиславъ, (34) *Ф е о д о р ъ*, (35) Миросшка Незнаничь, (36) сынъ его Дмитръ, (37) Юрьи Иванковичъ, (38) Семень Борисовичъ, (39) Иванко Дмитровичъ⁹⁶, (40) Внездъ⁹⁷ Водовикъ, (41) Степанъ Твердиславичъ⁹⁸, (42) сынъ его Михалко, (43) *С б ы с л а в ъ* Якунковиць⁹⁹, (44) Ананиа¹⁰⁰ Феofilатовичъ¹⁰¹, (45) Михаилъ Федоровичъ¹⁰², (46) сынъ его Семеонъ¹⁰³, (47) Павша¹⁰⁴ Ананьиничъ¹⁰⁵, (48) *Микита Григорьевичъ*¹⁰⁶, (49) Михаило Мишиничъ, (50) братъ его Георгии, (51) Андреико¹⁰⁷ Климовичъ, (52) братъ¹⁰⁸ его Семень, (53) Варфоломеи¹⁰⁹ Юрьевичъ¹¹⁰, (54) Федор¹¹¹ Ахмыль¹¹², (55) Михаило Павшиничъ, (56) сынъ его Захариа¹¹³, (57) Онцифоръ Лукиничъ, (58) сынъ его Юрьи, (59) Матфеи Валфромеевичъ¹¹⁴, (60) *сынъ его* Микита, (61) *Федоръ Юрьевичъ*¹¹⁵, (62) *сынъ его* Василии¹¹⁶, (63) Яковъ Хотовъ, (64) Еустафеи¹¹⁷ Дворяничъ¹¹⁸, (65) братъ¹¹⁹ его

⁷⁵ ПСРЛ, т. XVI, стр. 198.

⁷⁶ НПЛ, стр. 471—472.

⁷⁷ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 3. Л., 1929, стр. 626.

⁷⁸ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 165—166.

⁷⁹ В. Н. Бернадский. Ук. соч., стр. 357, примечание 2.

⁸⁰ новгородстии; ⁸¹ Гостомысль; ⁸² Коснятин; ⁸³ Завид; ⁸⁴ Нинонъгъ; ⁸⁵ Улебъ;

⁸⁶ сына; ⁸⁷ Добрыня; ⁸⁸ Моисеевич; ⁸⁹ Завид; ⁹⁰ Дмитриевич; ⁹¹ Данило; ⁹² Мирославич;

⁹³ Нъжата; ⁹⁴ Фефилактович; ⁹⁵ Степаничь; ⁹⁶ Дмитрович; ⁹⁷ Внездъ; ⁹⁸ Твердиславич;

⁹⁹ Якунковиць; ¹⁰⁰ Ананиа; ¹⁰¹ Фефилаговичъ; ¹⁰² Федорович; ¹⁰³ Семень; ¹⁰⁴ Павша;

¹⁰⁵ Ананьинич; ¹⁰⁶ Григорьевич; ¹⁰⁷ Андръико; ¹⁰⁸ брат; ¹⁰⁹ Валфромъи; ¹¹⁰ Юрьевич;

¹¹¹ Федор; ¹¹² Ахмыль; ¹¹³ Захарии; ¹¹⁴ Валфромъевич; ¹¹⁵ Юрьевич; ¹¹⁶ Василии;

¹¹⁷ Еустафии; ¹¹⁸ Дворяниничъ; ¹¹⁹ брат;

Александръ, (66) *Иоанъ*¹²⁰ *Семеновичъ*¹²¹, (67) *братъ*¹²² *его* Александръ, (68) *Иванъ*¹²³ *Федоровичъ*¹²⁴, (69) Федоръ Даниловичъ¹²⁵, (70) *братъ*¹²⁶ *его* Михаило, (71) Юрьи Ивановичъ¹²⁷, (72) *братъ*¹²⁸ *его* Василии¹²⁹, (73) Андреянъ¹³⁰ Захарьиничъ¹³¹, (74) *братъ* Есифъ¹³², (75) Селивестръ Леонтеевичъ¹³³, (76) Григорей¹³⁴ Якуновъ, (77) Федоръ [в Новороссийском нет] Тимофеевичъ [в Новороссийском нет]¹³⁵, (78) Богданъ [в Новороссийском нет] Обакуновъ [в Новороссийском нет]¹³⁶, (79) *сынъ* *его* Григорей¹³⁷, (80) Тимофей¹³⁸ Юрьевичъ¹³⁹, (81) *братанъ* *его* Александръ Фоминичъ, (82) Есифъ Фалелеевичъ¹⁴⁰, (83) Юрьи Дмитриевичъ¹⁴¹, (84) Иванъ¹⁴² Александровичъ, (85) *братанъ* [в Новороссийском — братъ] *его* Фома Ивановичъ¹⁴³, (86) Кюрилъ¹⁴⁴ Ондрияновичъ¹⁴⁵, (87) Фома¹⁴⁶ Есифовичъ, (88) Кюрилъ¹⁴⁷ Дмитриевичъ, (89) Иванъ¹⁴⁸ Даниловичъ¹⁴⁹, (90) Андрей¹⁵⁰ Ивановичъ¹⁵¹, (91) Иванъ¹⁵² Богдановичъ¹⁵³, (92) Борисъ Васильевичъ¹⁵⁴, (93) Семеонъ¹⁵⁵ Васильевичъ, (94) Василии¹⁵⁶ Есифовичъ¹⁵⁷, (95) Александръ Игнатъевичъ¹⁵⁸, (96) *Яковъ Федоровъ*¹⁵⁹, (97) *братъ*¹⁶⁰ *его* Иванъ¹⁶¹, (98) Афанасей¹⁶², (99) *Михаилъ*¹⁶³ *Мотуричнъ*, (100) *Василей*¹⁶⁴ *Микитинъ*¹⁶⁵, (101) Афанасей¹⁶⁶ Есифовъ¹⁶⁷, (102) Тимофеи Васильевъ¹⁶⁸, (103) *братъ* *его* *Василей*¹⁶⁹, (104) Иванъ Евличъ, (105) Кузьма¹⁷⁰ Терентеевичъ¹⁷¹, (106) *Федоръ*¹⁷² *Гавриловичъ*¹⁷³, (107) *Иванъ Даниловичъ*¹⁷⁴, (108) *Семеонъ*¹⁷⁵ *Васильевичъ*, (109) *Иванъ*¹⁷⁶ [в Новороссийском нет] *Васильевичъ*¹⁷⁷ [в Новороссийском нет], (110) *Иванъ Яковличъ*, (111) Аврамъ Стефановичъ¹⁷⁸, (112) *Михаилъ*¹⁷⁹ *Ананьиничъ*¹⁸⁰, (113) *Василей*¹⁸¹ *Фоминъ*¹⁸², (114) *Григорей*¹⁸³ *Даниловичъ*¹⁸⁴, (115) *Филиппъ*¹⁸⁵ *Фоминъ*¹⁸⁶, (116) *Артеми*¹⁸⁷ *Петровичъ*, (117) *Захариа*¹⁸⁸ *Кюриловичъ*¹⁸⁹.

Именем Захарии Кирилловича списки посадников в Комиссионной и Новороссийской рукописях заканчиваются, сохраняя при этом на всем своем протяжении полную идентичность как в составе, так и в очередности имен. В Ермолинском летописце это перечисление продолжено:

«(118) Григорей Кирилловичъ, (119) *Григорей Юрьевичъ*, (120) Самсонъ Ивановичъ, (121) *Ондрей Ивановичъ*, (122) *Федоръ Даниловичъ*, (123) *Борисъ Юрьевичъ*, (124) Иванъ Васильевичъ, (125) Федоръ Олисеичъ, (126) Онаниа Семеновичъ, (127) Дмитрей Васильевичъ, (128) Иванъ Лукиничъ, (129) Исакъ Андреевичъ, (130) Федоръ Яковличъ, (131) *Богданъ Микитиничъ*, (132) Есиф Ондрияновичъ, (133) Есифъ Григорьевичъ, (134) Есифъ Яковличъ, (135) Иванъ Максимовичъ, (136) Иванъ Лаврентьевичъ, (137) Богданъ Есифовичъ, (138) Захариа Григорьевичъ, (139) Василии Степановичъ, (140) *Михаило Ивановичъ*, (141) Офонасъ Остафьевичъ, (142) *Александръ Васильевичъ*, (143) Василии Александровичъ, (144) братъ *его* Яковъ Коробъ, (145) Иванъ *Немиръ*, (146) Василии Глазомочовъ, (147) Козма Григорьевичъ, (148) *Михаило Семеновъ*, (149) Александръ Самсоновъ, (150) Федоръ Самсоновъ».

Для правильной датировки этого извода нам представляется важным выяснить следующее обстоятельство. Сравнение списков в Ермо-

¹²⁰ Иоаннъ; ¹²¹ Семенович; ¹²² брат; ¹²³ Ионъ; ¹²⁴ Федорович; ¹²⁵ Данилович; ¹²⁶ брат; ¹²⁷ Иванович; ¹²⁸ брат; ¹²⁹ Василии; ¹³⁰ Андрианъ; ¹³¹ Захарьевич; ¹³² его Есифъ; ¹³³ Лентъевъ; ¹³⁴ Григорий; ¹³⁵ Тимофеевич; ¹³⁶ Обакунович; ¹³⁷ Григорий; ¹³⁸ Тимофий; ¹³⁹ Юрьевич; ¹⁴⁰ Фалелеевич; ¹⁴¹ Дмитриевич; ¹⁴² Иоаннъ; ¹⁴³ Иванович; ¹⁴⁴ Кюрило; ¹⁴⁵ Андрианович; ¹⁴⁶ Фома; ¹⁴⁷ Кирило; ¹⁴⁸ Иоанъ; ¹⁴⁹ Данилович; ¹⁵⁰ нет; ¹⁵¹ нет; ¹⁵² Иван; ¹⁵³ Богданович; ¹⁵⁴ Васильевич; ¹⁵⁵ Семень; ¹⁵⁶ Василии; ¹⁵⁷ Есифович; ¹⁵⁸ Игнатъевич; ¹⁵⁹ Федорович; ¹⁶⁰ брат; ¹⁶¹ Иоаннъ; ¹⁶² и Афанасий; ¹⁶³ Михаило; ¹⁶⁴ Василии; ¹⁶⁵ Микитиничъ; ¹⁶⁶ Афанасий; ¹⁶⁷ Есифович; ¹⁶⁸ Васильевич; ¹⁶⁹ Василии; ¹⁷⁰ Козма; ¹⁷¹ Терентьевич; ¹⁷² Федор; ¹⁷³ Гаврилович; ¹⁷⁴ Данилович; ¹⁷⁵ Семен; ¹⁷⁶ нет; ¹⁷⁷ нет; ¹⁷⁸ Степанович; ¹⁷⁹ Михаило; ¹⁸⁰ Онъиничъ; ¹⁸¹ Василии; ¹⁸² Фоминич; ¹⁸³ Григорий; ¹⁸⁴ Данилович; ¹⁸⁵ Филиппъ; ¹⁸⁶ Фоминич; ¹⁸⁷ Артеми; ¹⁸⁸ Захарии; ¹⁸⁹ Кюрилович.

линском летописце, с одной стороны, и в Комиссионной и Новороссийской рукописях — с другой, не подтверждает предположение В. Н. Бернадского о происхождении этих двух вариантов от разных источников. В той части всех трех списков, которая заканчивается именем Захарии Кирилловича (117), они идентичны. Текст Ермолинского летописца в этой части полнее на одно имя, в нем назван Иван Васильевич (109), отсутствующий в Комиссионном и Новороссийском списках. Однако текстуальные совпадения обоих вариантов настолько последовательны, что вряд ли возможно говорить об использовании в Ермолинском списке какого-то дополнительного источника. Оба варианта, несомненно, восходят к единому протографу, но ермолинский вариант более исправен.

Однако текст Ермолинского летописца содержит дополнительную часть; его завершают еще 38 имен, что и составляет главную его особенность. Вполне очевидно, что теоретически возможны два совершенно противоположных решения относительно общего протографа всех трех списков. Список первоначально мог существовать в ермолинском варианте, включая в свой состав все 150 имен, а в Комиссионной и Новороссийской рукописях он по каким-то причинам не был переписан полностью. Но первоначальным вариантом может оказаться и оканчивающийся именем Захарии Кирилловича более краткий список, неисправная копия которого была использована в Комиссионной и Новороссийской рукописях, а исправная — дополнена в позднее время и использована в Ермолинском летописце.

Для решения этого вопроса следует выяснить две детали. Важно установить, во-первых, до какого хронологического рубежа доведено перечисление посадничьих имен в полном списке Ермолинского летописца и, во-вторых, в каком хронологическом контексте находится список в Комиссионной рукописи. Ясно, что, если этот контекст относится ко времени более раннему, чем дата ермолинского варианта, вопрос о первоначальном виде списка решится в пользу комиссионного варианта, поскольку тем самым будет засвидетельствовано его существование в тот момент, когда завершающей части списка, известной по Ермолинскому летописцу, еще не могло существовать.

Завершающая часть Ермолинского списка была исследована В. Н. Бернадским, который предложил датировать ее временем около 1460 г.¹⁹⁰ Основанием для такой датировки, которая представляется нам очень убедительной, послужило отсутствие в списке посадников начала 1470-х годов и включение в него Василия Александровича (Казимира) (143), бывшего в 1459 г. еще только тысяцким.

Хронологический рубеж, ограничивающий ту часть списка, которая совпадает во всех трех рукописях, В. Н. Бернадский определял 1430-ми годами. Основанием такой даты послужил сам факт включения списка в Новгородские Первую и Четвертую летописи, восходящие к своду, составленному, как это признавал А. А. Шахматов, около 1432 г. Матвеем Михайловым («Софийский временник»)¹⁹¹. Это соображение подкреплено и ссылкой на посадничество Григория Кирилловича Посахно (118), именем которого открывается дополнение по Ермолинскому летописцу. Достоверное посадничество Григория Кирилловича, по В. Н. Бернадскому, зафиксировано летописным рассказом 1434, 1435 и 1436 гг.¹⁹² Однако Григорий Посахно был посадником и в 1428 г., во время осады Пор-

¹⁹⁰ В. Н. Бернадский. Ук. соч., стр. 360.

¹⁹¹ См. А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 366.

¹⁹² НПЛ, стр. 417—418; ПСРЛ, т. IV, стр. 121.

хова Витовтом¹⁹³. Толкуя это последнее сообщение, В. Н. Бернадский сомневался в том, что Григорий в 1428 г. был новгородским посадником, и полагал, что он тогда с большей вероятностью мог быть порховским посадником, поскольку оказался в осажденном Порхове.

В конечном счете вопрос о времени начала новгородского посадничества Григория Кирилловича вовсе не так важен, как казалось В. Н. Бернадскому, поскольку послужившее основанием для его постановки мнение исследователя о связи основной части списка с предполагаемым сводом 1432 г. не может быть признано решающим при датировке. Наличие списков единого происхождения в составе Новгородской Первой, Новгородской Четвертой и Ермолинской летописей действительно указывает на существование их оригинала в составе «Софийского временника». Однако сам «Софийский временник» в редакции Матвея Михайлова в числе своих источников использовал разнообразные материалы, в том числе новгородскую владычную летопись, редактировавшуюся неоднократно¹⁹⁴. Отметим, что во всех трех известных нам случаях посадничий список второго извода находится не в составе собственно сводов, а в составе особых сборников, приложенных к сводам. Посадничьи списки дошли до нас в окружении сходных по своему характеру списков, изложение которых во всех трех рукописях или предшествует летописному рассказу, или заключает его. Эта особенность делает неизбежным вывод о том, что и в «Софийском временнике» собрание таких списков составляло особую часть летописи и находилось вне погодного изложения. Однако нам неизвестно, был ли этот обзор составлен специально для «Софийского временника» или он имелся уже в числе источников этого свода.

Попытаемся решить вопрос о датировке посадничьего списка второго извода иначе. В. Н. Бернадский не сомневался в разновременном происхождении основной части списка и дополнений Ермолинского летописца. Этот вывод может быть подтвержден самим фактом включения совпадающей части списка в Комиссионную рукопись, все материалы которой датируются временем до 1447 г. В какое же время до 1447 г. была составлена эта часть списка? Обратимся к тому контексту, в котором список находится в Комиссионной рукописи.

Как уже отмечено, список посадников в этом сборнике составляет часть большого однородного обзора, предшествующего изложению собственно летописного рассказа. Этот обзор складывается из следующих рубрик: «Сице родословятся велицей князи Русьстии». «Родословие тех же князей», «Кто колико княжил», «А се князи Русьстии», «А се, по святем крещении, о княжении Киевьстемь», «А се князи Великого Новагорода», «А се посадници Новгородьстии», «А се тысяцьскыи Новгородскыи», «А се имена всем градом Рускым, далним и ближним»¹⁹⁵. Предполагая одновременное составление всего этого обзора и сопоставляя даты, до которых доведено изложение в каждой рубрике, попытаемся установить время этого капитального предприятия.

Раздел «Сице родословятся велицей князи Русьстии» доведен до Василия Васильевича. Формально мы должны были бы датировать эту запись временем не ранее 1425 г., когда началось московское княжение Василия II. Однако титуловаться великим князем он начал еще при жизни отца, с 1419—1420 гг. С этого времени начинается характерное для Москвы XV в. наименование великим князем не только правящего

¹⁹³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 94.

¹⁹⁴ См. А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 366; Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года. «Истор. зап.», 1948, № 25.

¹⁹⁵ ИПЛ, стр. 465—477.

князя, но и его наследника. Следующий раздел «Родословие тех же князей» завершается перечислением сыновей Василия Дмитриевича, младший из которых Василий родился в 1415 г. В разделе «Кто колико княжил» последним назван Дмитрий Иванович (ум. в 1389 г.). Исчисление лет княжения Василия Дмитриевича (1389—28 февраля 1425 гг.) отсутствует, что говорит о составлении раздела до 1425 г. В рубрике «А се князи Русьстии» позднейшим показано имя Василия Дмитриевича, что также свидетельствует о составлении раздела до 1425 г. В разделе о киевском княжении имеются только древние даты, и он для нас бесполезен. В разделе «А се князи Великого Новагорода» последним назван Василий Дмитриевич, что также дает дату до 1425 г. Хронология новгородских тысяцких (их список кончается именем Ивана Васильевича) не разработана, поэтому для наших выводов соответствующий раздел бесполезен так же, как и раздел о новгородских архимандритах (заканчивается именем Дионисия). Зато весьма важен раздел о новгородских владыках, перечисление которых завершается сведениями о смерти и погребении архиепископа Симеона (ум. 15 июня 1421 г.). Следующий за ним владыка Феодосий (1421—сентябрь 1423 гг.) не назван, следовательно, раздел составлен до сентября 1423 г.

Эту согласную картину нарушает только один раздел обзора «А се Русьстии митрополиты», в котором последним назван не Фотий (1410—1431 гг.), а Герасим (1433—1434 гг.). Однако это единственное противопоставление может быть отвергнуто следующим способом. В Новороссийском списке Новгородской Четвертой летописи, где объем списков посадников и тысяцких совпадает с их объемом в Комиссионном списке, перечисление митрополитов заканчивается именем Фотия, что позволяет ограничивать этим именем и список митрополитов в общем источнике этих двух летописей. Таким образом, для всех рубрик обзора может быть указана чрезвычайно точная дата составления—июнь 1421 г.—сентябрь 1423 г., которую дают год смерти архиепископа Симеона и год низложения Феодосия. Большему уточнению этой даты, по-видимому, способствует указание в статье «Кто колико княжил» на то, что от Турлаковы рати минуло 97 лет. Турлакова рать была в 1327 г., 97-й год после нее пошел в 1423 г.¹⁹⁶

Помня, что основной нашей целью должна быть датировка посадничьего, а не прочих списков, мы должны были бы проверить предположенную дату изучением летописных дат посадников, перечисленных в конце этого списка и в начале дополнений по Ермолинскому летописцу. Однако такая работа оказывается выполнимой только в процессе перекрестного изучения всех относящихся к делу фактов. Большинство посадничьих имен этого места списка в других источниках не встречается, а отдельные имена, отмеченные другими источниками, имеются лишь в исключительно плохо датированных документах. Поэтому мы вернемся к вопросу о датировке основной части списка в разделе работы, посвященном посадникам 1420-х и 1430-х годов.

В дальнейшем мы будем называть основную часть списка второго извода до имени Захарии Кирилловича включительно (117)—«Списком Б», а его заключительную часть, имеющуюся в Ермолинском летописце,—«дополнением к Списку Б».

¹⁹⁶ См. А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 171. Тот же хронологический момент может быть извлечен из указания статьи «А се князи Русьстии» о том, что с начала княжения Ивана Даниловича, которое составитель относит к 6824 г., прошло 108 лет. Восприятие этой статьи затруднено путаницей, допущенной составителем, который в одном месте поименовал Ивана Калиту Иваном Васильевичем.

Даже самое беглое сопоставление обоих изводов списка новгородских посадников обнаруживает существенные различия между ними. Для Списка А характерна исключительная лапидарность. Это сухой перечень имен без отчеств, напоминающий заурядный синодик. Лишь в дополнениях к нему появляются отчества посадников.

Список Б значительно пространнее. Большинство посадников в нем названо не только по имени, но и по отчеству. Составитель Списка Б вообще не чужд генеалогических интересов, обозначая принадлежность многих посадников к одной семье. В списке постоянно фигурируют сыновья, братья и даже братаны посадников, сами занимавшие эту должность. Однако нетрудно заметить, что все эти указания, за исключением тех, где говорится о братанах, сводятся лишь к иной форме изображения отчества. Вместо обычного написания отчества составитель указывает: «сын такого-то» или «брат такого-то, уже названного с отчеством». Его «генеалогические построения» не распространяются на внуков и правнуков посадников. Так, например, в Списке Б порознь стоят две пары посадников: Михалко Степанич и сын его Твердислав (32, 33), Степан Твердиславич и сын его Михалко (41, 42). Между тем известно, что Степан Твердиславич был сыном именно Твердислава Михалковича, а обе эти группы в действительности образуют одну посадничью династию, представители которой приходили к власти на протяжении четырех поколений. Другой пример: в прямом восходящем родстве находились Варфоломей Юрьевич (53) и Юрий Мишинич (50), даже похороненные в одном гробу, однако в Списке Б они обособлены один от другого, так как Юрий объединен в одну группу со своим братом Михаилом (49), при имени которого помещено и их общее отчество.

Потребностям обозначения отчества составитель Списка Б подчиняет и очередность изложения имен. Можно привести много примеров перестановки такого характера, в качестве иллюстрации воспользуемся одним. Известно, что Онцифор Лукич (57) был посадником середины XIV в., его сын Юрий (58) посадничал в начале XV в., а между ними было немало других посадников. Однако, несмотря на полувековой промежуток, Юрий Онцифорович помещен в Списке Б сразу же вслед за своим отцом.

Предпринимаемое ниже сравнение Списков А и Б и дополнений к ним преследует несколько целей. Оно должно дать представление о сравнительной полноте списков и установить, какая их редакция является наиболее достоверной. Оно также должно выяснить характер очередности имен и определить, нарушена ли их хронологическая последовательность в Списке Б только ради обозначения отчеств или же ее принципы более сложны. Такое сравнение может сообщить и новые данные для проверки и уточнения дат составления списков. Наконец, основная цель сводится к отысканию в обоих списках общей основы и решению вопроса об их взаимоотношении.

Мы подвергаем сравнению два ряда имен: приведенный в Списке А с тремя дополнениями к нему и изложенный в Списке Б с дополнением Ермолинского летописца. Поскольку нам заранее известно, что хронологическая очередность в Списке Б нарушена, за основу принят Список А. Имена Списка Б распределены по трем группам. В одну из них входят те посадники, чье место в Списке Б определено их отчеством, т. е. явные перестановки. В другую — имена, место которых в Списке Б без видимых причин не соответствует их месту в Списке А, т. е. перестановки, не оправданные потребностями обозначения отчества. Наконец, в третью

группу входят все прочие имена, порядок которых вполне совпадает с их порядком в Списке А. Курсивом обозначены имена и другие сведения, отсутствующие в летописях, разрядкой — имена, известные летописцу без связи с посадничеством (см. табл. 1 и стр. 33—35).

Сравнение основных посадничьих списков позволяет сделать несколько важных наблюдений. Прежде всего обращает на себя внимание принципиальное совпадение очередности имен в обоих списках. Порядок их изложения практически идентичен и нарушается в Списке Б только для указания отчеств. Исключив из Списка Б все случаи генеалогических перестановок, мы получим ту же очередность, какой подчинено изложение имен в Списке А.

Правда, существуют два нарушения, не оправданные генеалогическими интересами составителя Списка Б. Не на месте в нем оказался Кирилл Андреевич (86), стоящий в Списке Б после Ивана Александровича и Фомы Ивановича, тогда как в Списке А он предшествует Ивану и Фоме. Другое нарушение более существенно: резко отлична в обоих списках очередность посадников, осуществлявших свою деятельность между Матфеем Варфоломеевичем Коской (53 в Списке А, 59 в Списке Б) и Григорием Якуновичем (67 в Списке А, 76 в Списке Б).

Как ни важны эти расхождения, но их только два. В остальных частях очередность имен совпадает идеально. Второй важной особенностью, общей для обоих списков, является несомненное использование в них какого-то внелетописного источника. На этот источник указывает повторение в обоих списках целого ряда сведений, не известных летописцам. Так, списки в начальной части перечисляют имена Завида, Петряты, Костянтина, Миронегга, Саввы, Улеба, Гюраты, Микулы, не зафиксированные ни в одном списке летописей. К числу подобных явлений принадлежит включение в число посадников в обоих списках Сбыслава Якуновича, известного летописцам, но без какой-либо связи с посадничеством. Не известны летописцам имеющиеся в обоих списках имена посадников Ивана Семеновича Муторицы, Ивана Федоровича Смятанки и Фомы Ивановича.

Отмеченные совпадения Списков могут быть объяснены тремя способами. Во-первых, Списки А и Б могут иметь независимое друг от друга происхождение и восходить к разным источникам, которые содержали сведения более подробные, чем в дошедших до нас летописях. В таком случае, взаимоподтверждая друг друга, они отражают действительный состав и очередность посадников вплоть до начала XV в. Во-вторых, оба списка могут восходить к единому источнику — более раннему списку посадников, в котором содержались и хронологические, и генеалогические сведения. В этом случае Списки А и Б, являясь разными формами обработки такого списка, отражают лишь особенности своего общего источника. Наконец третье возможное объяснение исходит из того, что составитель Списка Б положил в основу своей работы Список А, использовав для его обработки дополнительные источники¹⁹⁷.

Для проверки этих предположений наиболее существенный материал дают те сведения, которые в Списке Б являются избыточными, сравнительно со Списком А, разумеется, в сопоставимой части. Список Б дошел до нас в более поздней редакции, чем Список А, и содержит ряд позднейших имен.

Такие избыточные сведения группируются в три категории. Во-первых, в Списке Б имеется несколько имен, отсутствующих в Списке А:

¹⁹⁷ Напротив, Список А не может восходить к протографу Списка Б, поскольку в нем не отразилась ни одна из генеалогических перестановок Списка Б.

СРАВНЕНИЕ СПИСКА А И ЕГО ДВУХ ДОПОЛНЕНИЙ СО СПИСКОМ Б

Список А	Список Б		
	Генеалогические пере- становки	Неоправданные пере- становки	Прочие имена
1. Гостомысл			1. Гостомысл
2. Коснятин			2. Коснятин
3. Остромир			3. Остромир
4. Завид			4. Завид
5. Петрята			6. Петрята
6. Костянтин			7. Коснятин
7. Миронег			8. Нинониг
8. Сава			9. Сава
9. Улеб			10. Улеб
10. Гюрята			11. Гюрята
11. Микула			13. Микула
12. Добрыня			16. Добрыня
13. Дмитр	5. Дмитр, сын 4		
14. Костянтин			17. Костянтин Моисеевич
15. Борис			18. Борис
16. Завид			19. Завид Дмитриевич
17. Данило			20. Данило из Киева
18. Петрята	14. Петр, сын 13		
19. Иванко			21. Иванко Павлович
20. Мирослав	12. Мирослав, сын 11		
21. Костянтин	15. Костянтин, сын 13		
22. Якун			23. Якун Мирославич
23. Судило	22. Судило, сын 21		
24. Нежата			24. Нежата Твердятич
			25. Озария Федориллак- тович
25. Захария			26. Захария
26. Якун			28. Якун
27. Жирослав			30. Жирослав
28. Иванко	27. Иванко, сын 26		
29. Завид			31. Завид Неверонич
30. Михалко			32. Михалко Степанич
31. Мирошка			35. Мирошка Незнанич
32. Сын его Дмитр			36. Сын его Дмитр
33. Твердислав	33. Твердислав, сын 32		
	34. Федор, сын 32		

Список А	Список Б		
	Генеалогические пере- становки	Неоправданные пере- становки	Прочие имена
34. Дмитр	29. Дмитр, сын 28		
35. Гюрги			37. Юрий Иванович
36. Семен			38. Семен Борисович
37. Иванко			39. Иванко Дмитрович
38. Внезд Водовик			40. Внезд Водовик
39. Степан			41. Степан Твердиславич
40. Сбыслав			43. Сбыслав Якунович
41. Онанья			44. Онанья Феофилактович
42. Михалко	42. Михалко, сын 41		
43. Михаил			45. Михаил Федорович
44. Павша			47. Павша Онаньич
			48. Никита Григорьевич
45. Михайло			49. Михайло Мишнич
46. Семен	46. Семен, сын 45		
47. Андрейко			51. Андрейко Климович
48. Юрий	50. Георгий, брат 49		
49. Семен			52. Семен, брат 51
50. Варфоломей			53. Варфоломей Юрьевич
51. Федор Ахмыл			51. Федор Ахмыл
			55. Михайло Павшинич
52. Захарья			56. Захарья, сын 55
53. Матвей Коска			59. Матфей Варфоломеевич
54. Федор		69. Федор Данилович	
55. Остафья			64. Евстафий Дворянине
56. Брат его Александр			65. Брат его Александр
57. Онцифор		57. Онцифор Лукич	
58. Федор		61. Федор Юрьевич	
59. Яков		63. Яков Хотов	
60. Иван Муторица			66. Иоанн Семенович
61. Брат его Александр			67. Брат его Александр
62. Селивестр		75. Селивестр Лентеев	
63. Иван Смятанка			68. Иван Федорович
64. Ондрейн			73. Ондрейн Захарьинич
65. Юрий		71. Юрий Иванович	
66. Михайло	70. Михайло, брат 69		
67. Григорий			76. Григорий Якунов

Список А	Список Б		
	Генеалогические пере- становки	Неоправданные пере- становки	Прочие имена
68. Никита	60. Никита, <i>сын 59</i>		
69. Василий Федорович	62. Василий, <i>сын 61</i>		
70. Василий	72. Василий, <i>брат 71</i>		
71. Федор			77. Федор Тимофеевич
72. Еска	74. Есиф, <i>брат 73</i>		
73. Богдан			78. Богдан Обакунович
74. Тимофей			80. Тимофей Юрьевич
75. Есиф			82. Есиф Фалелевич
76. Юрий			83. Юрий Дмитриевич
77. Александр	81. Александр Фоминич, <i>братан 80</i>		
78. Кирилл		86. Кирилл Андрея- нович	
79. Иван			81. Иван Александрович
80. Фома			85. <i>Фома Иванович, бра- тан 84</i>
1-е дополнение Списка А 81. Юрий Онцифорович	58. Юрий, <i>сын 57</i>		
82. Фома Есифович			87. Фома Есифович
83. Григорий Богданович	79. Григорий, <i>сын 78</i>		
84. Кирилл Дмитриевич			88. Кирилл Дмитриевич
85. Иван Данилович			89. Иоанн Данило- вич
2-е дополнение Списка А 86. Андрей Иванович			90. Андрей Иванович
87. Иван Богданович			91. Иван Богданович
			92. Борис Васильевич
			93. Семен Васильевич
88. Семен Васильевич			94. Василий Есифович
			95. Александр Иг- натъевич
			96. <i>Яков Федоров</i>
			97. <i>Брат его Иван</i>
			93. Афанасий, брат 96 и 97
			99. <i>Михаил Мотуричин</i>
			100. <i>Василий Микитин</i>
			101. Афанасий Есифов
			102. Тимофей Васильевич
89. Тимофей Васильевич			103. <i>Брат его Василий</i>
			104. Иван Иевляч
			105. Кузьма Терен- тъевич
			106. <i>Федор Гаврилович</i>
			107. <i>Иван Данилович</i>

Список А	Список Б		
	Генеалогические пере- становки	Неоправданные пере- становки	Прочие имена
			108. Семен Васильевич
			109. Иван Васильевич
			110. Иван Яковлевич
			111. Аврам Стефа- нович
			112. Михаил Ананьич
			113. Василий Фомин
			114. Григорий Данилович
			115. Филипп Фомин
			116. Астемий Петрович
			117. Захария Кириллович

Озария Феофилактович (25), брат Твердислава Михалковича — Федор (34), Никита Григорьевич (48), Михаил Павшинич (55). Во-вторых, в Списке Б почти все имена снабжены отчествами. Исключение составляют первые 16 посадников, а также Борис (18), Данило из Киева (20), Захария (26), Якун (28), Жирослав (30), Внесд Водовик (40), Федор Ахмыл (54), Евстафий Дворянинец (64). В-третьих, для значительного числа посадников указываются конкретные родственные связи, названо не только отчество, но в списке показано, чьим именно сыном является носитель этого отчества.

Попытаемся проследить источники этих избыточных сведений. Озария Феофилактович в Списке Б помещен между Нежатой Твердытчем и Захарией. В Новгородской Первой летописи старшего извода нет имени Озарии; напротив, там утверждается непосредственный переход посадничества от Нежаты к Захарии, который произошел в 6669 г.: «Тъгда же отяши посадничество у Нежате, а Захарии даша»¹⁹⁸. Имя Озарии появляется в Новгородской Первой летописи младшего извода и имеется во всех списках этого свода в приведенном контексте 6669 г. на месте Захарии, но как результат ошибки переписчика или редактора, поскольку в последующем летописном рассказе речь снова идет о Захарии. Включение в Список Б Федора Михалковича также объясняется недоразумением и связывается с невняtnостью летописного известия в том же своде. Федор Михалкович упоминается в Новгородской Первой летописи под 6727 и 6732 гг. в связи с постройкой церкви, которая была предпринята им вместе с братом Твердиславом¹⁹⁹. В промежутке между этими известиями летописец упоминает Федора посадника, но не новгородского, а русского (в Русе)²⁰⁰. В Новгороде в это время посадничали сначала Твердислав (до 6727 г.), потом Семен Борисович (6727 г.), снова Твердислав (6727—6728 гг.), наконец Иванко Дмитрович (6728—6737 гг.). Нет места для посадничества Федора Михалковича и в более позднее время.

Из летописного рассказа заимствовано и имя Михаила Павшинича, отсутствующее в Списке А. В данном случае ошибки нет, так как такой

¹⁹⁸ НПЛ, стр. 31.

¹⁹⁹ Там же, стр. 59, 63, 260, 267.

²⁰⁰ Там же, стр. 51, 264.

посадник действительно существовал в 6817—6819 гг. (убит в 6823 г.)²⁰¹, но его имя, имеющееся в Новгородской Первой летописи старшего извода, отсутствует в той же летописи младшего извода, и составитель Списка Б, зная о его существовании, помещает его не на место, а перед упоминанием его сына Захарии, посадничавшего в 6840 г., позднее названных перед ним Варфоломея Юрьевича и Федора Ахмыла.

Ни в летописях, ни в других источниках не встречается имени Никиты Григорьевича, однако вероятность его посадничества в высшей степени сомнительна, так как в Списке Б он упомянут в таком хронологическом контексте, какой не оставляет места для этого посадничества.

Эти наблюдения над первой группой избыточных сведений Списка Б указывают, что при его составлении в качестве дополнительного источника был использован один из летописных сводов. Этот свод, составленный до 1423 г., в дальнейшем был привлечен сводчиком на одном из этапов подготовки Новгородской Первой летописи младшего извода, в которой отразились отмеченные выше детали. Поэтому, проверяя остальные избыточные сведения Списка Б, следует сопоставлять их с показаниями именно этой летописи.

Ко второй группе избыточных сведений мы отнесли отчества посадников, отсутствующие в Списке А. Просматривая летопись, легко убедиться, что между ее показаниями и показаниями Списка Б относительно отчеств посадников существует полная гармония. Подавляющее большинство посадников в Новгородской Первой летописи названо с отчествами. Но есть и такие, отчества которых неизвестны. Перечислим их: Борис, Данила, Захария, Якун, Жирослав, Внезд Водовик, Онанья, Федор Ахмыл, Евстафий Дворянинец. Это те самые лица, которые и в Списке Б не обрели своих отчеств. Единственным исключением является Анания, который в Списке Б назван Феофилаатовичем, однако вряд ли можно сомневаться, что здесь мы наблюдаем результат свободного творчества составителя, который, возможно, зная о действительном существовании посадника с таким именем и отчеством и не найдя его в летописи, не может придумать, кому это отчество присвоить, и помещает его около имени летописного Анании и мифического Азарии²⁰². Трогательное использование летописных показаний наглядно видно в наименовании «Данил ис Киева» (ср.: «Прииде ис Киева Данила посадничать Новгороду»)²⁰³.

Наконец, третья группа избыточных сведений Списка Б — указание конкретных родственных связей для целого ряда посадников — внешне не может быть возведена к летописным показаниям. В летописном рассказе происхождение посадников описывается в редчайших случаях. Однако вряд ли будет правильным предполагать существование еще одного источника для этих сведений. Напротив, их появление в Списке Б могло быть результатом некоторых выводов составителя этого списка, сделанных при наблюдении над летописным рассказом. Зная о древности многих посадничьих династий в Новгороде, составитель Списка Б не мог не обратить внимание на многочисленные случаи совпадения отчеств посадников с именами других посадников, более ранних, но действовавших в пределах одного-двух поколений. Проводя между такими парами посадников линии родственных связей, он действует вполне последовательно и убежденно, но основывается на фактах формального

²⁰¹ НПЛ, стр. 92—94.

²⁰² Онания и Озария — имена библейских отроков, постоянно упоминаемые совместно.

²⁰³ НПЛ, стр. 22, 206.

соответствия. Если бы в его распоряжении находились дополнительные источники типа синодиков или, что менее вероятно, генеалогические росписи, линии родственных связей посадников не дробились бы на те пары, которые показаны в Списке Б, а были бы более продолжительными, что привело бы к иной группировке имен в списке.

С другой стороны, использование дополнительных внелетописных источников должно было бы заполнить отмеченные выше пробелы в отчествах некоторых посадников, известных летописцу только по именам.

Все это заставляет скептически относиться к показаниям, содержащимся в третьей группе избыточных сведений Списка Б. Будучи результатом собственных реконструкций составителя, они в отдельных случаях могут быть ошибочными, поскольку их достоверность не обеспечена использованием каких-либо дополнительных документов.

Изложенные наблюдения показывают, что все избыточные сведения Списка Б могут быть возведены к летописному тексту. Они заимствованы из летописи типа Новгородской Первой младшего извода и имелись в одном из источников, легших в основу этой летописи. Иными словами, Список Б представляет собой компиляцию из Списка А и летописного рассказа, составленную около 1423 г. В силу такого происхождения историческое содержание избыточных сведений в Списке Б в значительной степени обесценивается, теряя свою исключительность. Однако избыточные сведения Списка Б не теряют своей исключительной ценности в тех случаях, когда речь идет о посадниках, живших во времена, близкие дате составления документа. Здесь действительно использован дополнительный источник, и этим источником являются личные знания составителя. Отметим сведения о братанах-посадниках, которые не могли быть реконструированы чисто механическим путем.

Большую ценность имеет также заключительная часть Списка Б, содержащая сведения о посадниках, избранных после составления 2-го дополнения к Списку А. Здесь перечислено 24 новых посадничьих имени, которые принадлежали лицам, избранным не позднее 1423 г., но и не раньше 1418 г., т. е. буквально на глазах составителя Списка Б.

Переходя к сравнению заключительной части Списка Б и его дополнения по Ермолинскому списку с 3-м дополнением к Списку А, мы с полной уверенностью можем говорить о независимом друг от друга происхождении этих документов. При сравнении мы за основу принимаем Список Б с дополнением по Ермолинскому летописцу как документ, составленный и квалифицированно отредактированный летописцем-сводчиком. Напротив, 3-е дополнение к Списку А по существу является владельческой записью на полях книги, оно производит впечатление позднейшего дописка к Списку А, тем более, что дата этой приписки отстоит во времени от даты изготовления Комиссионной рукописи. Обратив внимание на заметную неполноту 2-го дополнения к Списку А сравнительно с сопоставимым местом в Списке Б (см. табл. 1), мы в предлагаемом ниже сравнении используем также и материалы 2-го дополнения к Списку А.

Заключительная часть Списка Б *3-е дополнение к Списку А*

... 90. Андрей Иванович	(86. Андрей Иванович) ²⁰⁴
91. Иван Богданович	(87. Иван Богданович)
92. Борис Васильевич	

²⁰⁴ В скобках даны имена из 2-го дополнения к Списку А.

93. Семен Васильевич
94. Василий Есифович
95. Александр Игнатъевич
96. Яков Федоров
97. Иван Федоров
98. Афанасий, брат 96 и 97
99. Михаил Мотуричин
100. Василий Микитин
101. Афанасий Есифов
102. Тимофей Васильевич
103. брат его Василий
104. Иван Иевлич
105. Кузьма Терентъевич
106. Федор Гаврилович
107. Иван Данилович
108. Семен Васильевич
109. Иван Васильевич
110. Иван Яковлевич
111. Аврам Стефанович
112. Михайла Ананъич
113. Василий Фомин
114. Григорий Данилович
115. Филипп Фомин
116. Артемий Петрович
117. Захария Кириллович

- (88. Семен Васильевич)
118. Василий Есифов
91. Александр Игнатъевич

119. Свекла Офнос, брат 118
- (89. Тимофей Васильевич)

100. Смене Пездья?

111. Михайла Ананъинич

95. Григорий Данилович

Дополнение к Списку Б

118. Григорий Кириллович
119. Григорий Юрьевич
120. Самсон Иванович
121. Андрей Иванович
122. Федор Данилович
123. Борис Юрьевич
124. Иван Васильевич
125. Федор Олисивич
126. Ананья Семенович
127. Дмитрий Васильевич
128. Иван Лукинич
129. Исаак Андреевич
130. Федор Яковлевич
131. Богдан Микитинич
132. Есиф Андреянович
133. Есиф Григорьевич
134. Есиф Яковлевич
135. Иван Максимович
136. Иван Лаврентъевич
137. Богдан Есифович
138. Захария Григорьевич
139. Василий Степанович
140. Михайло Иванович
141. Афанас Остафьевич
142. Александр Васильевич
143. Василий Александрович
144. брат его Яков Короб

94. Григорий Кириллович
93. Григорий Юрьевич
96. Самсон Иванович
97. Федор Данилович
92. Борис Юрьевич
103. Иван Васильевич

90. Ананья Семенович
110. Дмитрий Васильевич
117. Иван Лукин
109. Исаак Андреевич
101. Федор Яколич
128. Богдан Микитинич
99. Есиф Андреянович
98. Есиф Григорьевич
102. Есиф Яковлевич
107. Иван Максимович
108. Иван Лаврентъевич

123. Захарья Григорьев Отвине
113. Василий Степанович
114. Михаил Туча Голый
116. Офнос Груз
112. Александр Кавский
120. Василий Казимер
122. Яков

- 145. Иван Немир
- 146. Василий Глазоемцев
- 147. Кузьма Григорьевич
- 148. Михаил Семенов
- 149. Александр Самсонов
- 150. Федор Самсонов

- 115. Иван Офоносов
- 129. Михайла Чапинога?
- 104. Иван Иванович²⁰⁵
- 105. брат его Яков Селезневич
- 106. Микифор Борисович
- 121. Кирилла Голый
- 124. Филат Скупой Порочка
- 125. Кузьма Семенович
- 126. Федор Глазоемец²⁰⁶.

Последовательное сравнение этих двух списков достаточно полно характеризует состояние 3-го дополнения к Списку А. Оно изобилует многочисленными пробелами, особенно заметными в той части, которая перечисляет посадников конца 1410-х и начала 1420-х годов. 24 посадникам заключительной части списка Б, которая охватывает имена бояр, получивших посадничество между 1417 и 1423 гг., в 3-м дополнении к Списку А соответствует только 6 имен, причем тождественность одного из них сомнительна. Следовательно, по крайней мере в этой части возможно отметить не менее 18 пропусков. Напротив, между позднейшей частью 3-го дополнения к Списку А и дополнением к Списку Б соответствие имен почти полное, хотя очередность их совершенно отлична. В этой части в 3-м дополнении отсутствует лишь несколько имен, сравнительно с данными Ермолинского летописца, однако у нас не может быть полной уверенности в том, что они действительно пропущены, поскольку лист Академической рукописи, содержащий 3-е дополнение к Списку А, дефектен и ряд посадничьих имен на нем не сохранился. Более интересны избыточные имена 3-го дополнения, которые свидетельствуют о несколько более поздней дате этого текста. Выше мы отнесли дополнение Ермолинского летописца ко времени около 1460 г., а составление 3-го дополнения к Списку А — к 1460-м годам. Существование этой небольшой хронологической разницы подтвердилось.

Наблюдения над 3-м дополнением к Списку А позволяют прийти к выводу, что, в отличие от уже рассмотренных выше текстов, это дополнение не является систематическим. Это результат беспорядочного припоминания. Человек, владевший Академической рукописью в 1460-х годах, задался целью пополнить включенный в нее список посадников новыми именами и смог припомнить большинство посадников, избиравшихся в последние 30—35 лет, т. е. на протяжении его сознательной жизни. Однако имена посадников, существовавших в более раннее время, он знал плохо, что и отразилось в его записи. Поскольку эта запись случайна и бессистемна, она не может иметь для исследователя такого же значения, как систематические тексты.

Иной характер имеет дополнение к Списку Б, к которому следует относиться с полным доверием. Очень интересные наблюдения в этой связи были сделаны В. Н. Бернадским. Оказывается, что перечисление посадников в начальных формулах грамот и в летописных описаниях

²⁰⁵ Не может быть сопоставлен с Иваном Иевличем (№ 104 в Списке Б), так как брат Ивана Ивановича Яков Селезневич известен в очень позднее время — под 1476 г. (ПСРЛ, т. VI, стр. 201—202).

²⁰⁶ Не может быть отождествлен с Федором Олисиевичем (№ 125 в дополнении к Списку Б), так как Федора Глазоемца звали Окинфиевичем (ПСРЛ, т. VI, стр. 201).

новгородских посольств точно соответствует той их очередности, которой придерживается дополнение по Ермолинскому летописцу²⁰⁷. В. Н. Бернадский приводит следующие убедительные факты:

1. Состав посольства, утвердившего Наровский договор 1448 г.²⁰⁸:
 - Самсон Иванович — № 120;
 - Дмитрий Васильевич — № 127;
 - Иван Лукинич — № 128;
 - Есиф Андреевич — № 132;
 - Богдан Есифович — № 137.
2. Посольство к Шемяке в 1446 г.²⁰⁹:
 - Федор Яковлевич — № 130;
 - Василий Степанович — № 139.
3. Докончальная грамота Славенского конца²¹⁰:
 - Иван Васильевич — № 124;
 - Василий Степанович — № 139.
4. Яжелбицкий договор 1456 г.²¹¹:
 - Григорий Данилович — № 114;
 - Федор Яковлевич — № 130;
 - Василий Степанович — № 139.
5. Посольство в Москву владыки Ионы в 1463 г.²¹²:
 - Иван Лукинич — № 128;
 - Захарья Григорьевич — № 138;
 - Офонас Остафьевич — № 141.
6. Коростынский договор 1471 г.²¹³:
 - Иван Лукинич — № 128;
 - Яков Александрович — № 144.

Кроме возможности сделать значительный вывод о торжестве принципа «старшинства» в середине XV в., приведенные сопоставления дают право характеризовать дополнение к Списку Б как ценнейший документ, в котором достоверно излагается хронологическая очередность большой группы посадников.

ИСТОРИЯ ПОСАДНИЧЬИХ СПИСКОВ В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ ЛЕТОПИСАНИЯ

Наблюдения над посадничьими списками обнаруживают в них некоторые важные особенности, которые должны стать темой самостоятельного анализа. Мы могли заметить, что дополнение и обновление этих списков происходит не в результате их постоянного пополнения новыми именами, не после каждого избрания новых посадников, а sporadически. Оно находится в связи с общими задачами развития самого жанра списков и отражает этапы развития этого жанра.

С другой стороны, все известные нам посадничьи списки извлечены из летописных сборников, где они находились в составе особых специальных обзоров, вмонтированных в текст летописного рассказа или же вошедших в приложение к собственно летописному рассказу. Это постоянное соединение списков с летописью при сохранении заметной их обособленности делает возможным два существенных вывода. Во-первых, развитие жанра списка находилось в теснейшей связи с развитием летописания. Потребность в дополнении и редактировании спис-

²⁰⁷ В. Н. Бернадский. Ук. соч., стр. 358 и сл.

²⁰⁸ ГВНИП, стр. 119 и сл., № 73.

²⁰⁹ ПСРЛ, т. IV, стр. 443; т. XVI, стр. 189.

²¹⁰ ГВНИП, стр. 172, № 112.

²¹¹ Там же, стр. 39—44, № 22—24.

²¹² ПСРЛ, т. XVI, стр. 211.

²¹³ ГВНИП, стр. 44—51, № 25—27.

ков возникала особенно остро всякий раз, когда начиналась работа по составлению нового свода. Во-вторых, сама обособленность и своеобразие этого жанра, выталкивающие списки из общей канвы летописного рассказа, должны были приводить сведчиков к восприятию списков как самостоятельных документов. Иными словами, возникнув первоначально в составе того или иного свода, они в дальнейшем могли использоваться и вне прямой связи с этим сводом.

Эти особенности использования списков особенно наглядно можно проследить на примере Уваровской рукописи. Составленный в XVI в. Уваровский список летописи оканчивается изложением событий 1518 г. и включает в свой состав в виде приложения собрание списков, складывающееся из следующих рубрик: «А се имена градом Руским, и дальним' и ближним», «А се русий митрополиты» (листы с текстом этой рубрики не сохранились так же, как и листы следующей за ней рубрики «А се епископы Новгородстии»), «А се архиепископы» (оканчивается сообщением о кончине Давида — умер 5.II 1325 г.), «А се посадници новгородстии» (заканчивается именем Федора Самсонова), «А се тысяцкие Новгородстии» (заканчивается именем Константина Федоровича), «А се архимандриты Новгородстии» (последним названо имя Феодосия — упоминаемого в летописи под 1478 г.²¹⁴), «От летописца вкратце, князи Русий» (заканчивается именами сыновей Ивана Васильевича: Ивана, Василия — род. в 1479 г., Юрия — род. в 1480 г., Дмитрия — род. в 1482 г., Семена — род. в 1487 г., Андрея — род. в 1490 г. и сына Ивана Ивановича — Дмитрия — род. в 1484 г.), «От великого князя Всеволода Володимерского Ростовстии князи» (оканчивается именами сыновей князя Владимира Андреевича, продавшего в 1474 г. свою половину Ростова Москве), далее следуют рубрики о тверских князьях (заканчивается именем Михаила Борисовича, последнего тверского князя — 1461—1486 гг.), о белозерских князьях, смоленских князьях (здесь имеются только древние имена, однако исчерпывающие списки княжений). Следующая рубрика, перечисляющая ярославских князей, заканчивается именем Александра Федоровича, включая сообщение о продаже им Ярославля (умер в 1471 г.). Из остальных рубрик хронологическое значение имеет перечисление «Царей Ардинских», оканчивающееся именем Зеди-салтана, т. е. Джелал-аддина, занимавшего ханский престол с 1411 по 1412 г.

Этот пестрый состав обзора характеризует его как компиляцию из разновременных обзоров. Отметим несколько деталей и дат. Большинство составляющих обзор рубрик отражает успешное собрание Русской земли при Иване III и сохранилось в редакциях конца XV в., после 1490 г. Все эти рубрики имеют общерусский характер и восходят таким образом к какому-то обзору при общерусском, или, точнее, московском своде конца XV в. Наличие такого свода в числе источников Уваровского списка предположено А. А. Шахматовым²¹⁵. Однако наряду с этим обзором Уваровский список использует и некоторые другие. Как мы уже показали, перечисление новгородских посадников останавливается в нем на дате, близкой 1460 г. Перечисление золотоордынских ханов доведено только до 1411 г. Список новгородских владык обрывается на 1325 г. Здесь необходимо отбросить предположение о том, что этот список не дописан сведчиком: именем Давида оканчивается перечисление новгородских владык и в Новороссийском списке Новгородской Четвертой летописи.

²¹⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 201.

²¹⁵ А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 148.

Сосредоточивая свое внимание на списке новгородских посадников, мы должны остановиться на одной чрезвычайно важной детали. Анализируя состав Уваровского списка, А. А. Шахматов установил, что одним из его источников был ростовский владычный свод, составленный во времена архиепископа Трифона (1462—1467 гг.). Другие источники этого списка относятся к более позднему времени. На время Трифона указывает, в частности, помещенный в Уваровской рукописи список ростовских владык (под 1396 г.), который заканчивается этим именем. Трифоновскую редакцию А. А. Шахматов датировал временем не ранее 1464 г.²¹⁶ Принципиальное совпадение даты трифоновской редакции с датой посадничьего списка делает более чем вероятным предположение, что список посадников сводчиком Уваровской рукописи был извлечен из ростовского владычного свода 1460-х годов. Между тем использование трифоновского свода в Уваровской рукописи прослеживается только до 1417 г. Для более позднего времени основой этой рукописи стал один из московских сводов. Это особенно подчеркивает независимость использования сводчиком собственно летописного рассказа и приложенного к нему систематического обзора.

С другой стороны, мы не можем предполагать, что список посадников в трифоновской редакции был оригинальным. Он не имеет никакого отношения к Ростову, будучи по своему происхождению новгородским. Следовательно, и его дата должна несколько отставать от даты составления трифоновского свода, не выходя, однако, за пределы 1460-х годов. В этой связи следует отметить, что в 1461 г. в Новгороде была произведена обработка владычного свода. Несомненные следы такой работы прослеживаются в летописце епископа Павла, одним из источников которого был новгородский летописец, доведенный до 1461 г.²¹⁷ Мы предполагаем, что дополнение к Списку Б по Ермолинскому летописцу были составлены в связи с этой обработкой владычного свода около 1461 г.

Достаточно определенные выводы о причинах составления Списка Б также могут быть сделаны на основе наблюдений над отражением этого списка в летописных сводах. Список Б известен нам в связи с Новгородской Первой летописью младшего извода, с Новгородской Четвертой летописью и упомянутым выше «Летописцем 1461 г.» (в последнем случае ему сопутствуют позднейшие дополнения). Вполне очевидно, что во всех этих летописях Список Б заимствован из общего источника. А. А. Шахматов не сомневался в наличии такого общего источника для всех перечисленных здесь летописей. Он колебался только в определении этого источника, называя его первоначально «Новгородским сводом 1448 г.»²¹⁸, а затем «Новгородско-софийским сводом 1430-х годов»²¹⁹. В обоих случаях исследователь делил родственные рукописи на две семьи, к одной из которых он относил Новгородскую Первую летопись младшего извода, а к другой — все остальные.

Нашей задачей не может стать подробная критика построений А. А. Шахматова и реконструкции им новгородских сводов. Ограничиваясь наблюдениями над списками, мы должны обратить внимание на одно существенное обстоятельство. Сборник хронологических и генеалогических списков, использованный в Новгородской Первой летописи, восходя во всех своих рубриках к редакции 1423 г., несет на себе следы

²¹⁶ А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 148 и сл.

²¹⁷ Там же, стр. 308—310, 368.

²¹⁸ Там же, главы X—XVIII, XXIII; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 447—449.

²¹⁹ А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 366—368.

незначительной обработки, произведенной в 1433 или 1434 г. (включение имени Герасима в список митрополитов). Такой обработке вовсе не подвергся аналогичный обзор в Новороссийской рукописи Новгородской Четвертой летописи, где изложение во всех рубриках не переступает за рубеж 1423 г. Если отмеченная обработка связана с составлением «Новгородско-софийского свода», то общий источник для обеих семей летописей можно искать лишь в более ранних сводах, в источнике самого Новгородско-софийского свода.

В системе построений А. А. Шахматова с таким источником может быть отождествлен реконструированный им «Софийский временник 1432 г.», который с интересующей нас точки зрения представлял, таким образом, механическое соединение в одном сборнике летописного свода 1432 г. и собрания хронологических и генеалогических списков 1423 г. Однако так ли уж прочно установлена А. А. Шахматовым дата редактирования «Софийского временника» Матвеем Михайловым? Сравнивая между собой позднейшие своды, А. А. Шахматов неоднократно отмечал существование для многих новгородских летописей общего хронологического момента, совпадающего с началом 1420-х годов. На 1422 г. прекращается сходство летописного рассказа в Софийской Первой и Новгородской Четвертой летописях. Та же дата как граница использования разных источников названа А. А. Шахматовым и для Новгородской Первой летописи младшего извода. А. А. Шахматов не связывал указанную дату непосредственно с историей новгородского летописания, предполагая, что она выделяется в результате позднейшего соединения новгородских летописей с московским «Полихроном 1423 г.» на базе Полихрона. Однако мы не можем возводить к московскому своду ни посадничий Список Б, ни окружающие его списки новгородских князей, новгородских владык, тысяцких и архимандритов. Все эти списки, отредактированные в 1423 г., имеют новгородское происхождение. 1423 год оказывается этапной датой новгородского летописания, и исключительная связь этой даты с Новгородом особенно подчеркивается теми наблюдениями, которые были сделаны М. Д. Приселковым. М. Д. Приселков доказательно установил, что составление фотиевского «Полихрона» надлежит относить не к 1423, а к 1418 г.²²⁰ Если это так, рассматриваемые списки возникают вне связи с общерусским летописанием, что, в частности, подтверждается и их включением в своды, использовавшие в числе своих источников «Новгородско-софийский свод».

На наш взгляд, это обстоятельство заставляет вернуться к первоначальной точке зрения А. А. Шахматова, согласно которой «Софийский временник» Матвея Михайлова был составлен в начале 1420-х годов, а не в 1432 г.²²¹ Принятие этой точки зрения согласуется и с летописными показаниями о Матвее Михайлове: «домашние известия» Матвея Михайлова, имеющиеся в Новгородской Четвертой летописи, помещены под 1375 г. (рождение), 1382 г. (смерть отца), 1405 г. (смерть матери), 1406 г. (женитьба) и 1411 г. (рождение сына).

Мы уже установили, что Список Б возник в результате компиляции Списка А с данными летописного рассказа, совпадающего с повествованием Новгородской Первой летописи младшего извода. Поскольку

²²⁰ См. М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 113 и сл., 142—149; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 305 и сл.

²²¹ См. А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. ЖМНП, 1900, № 9, стр. 114; его же. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв., стр. 155 и сл.

главнейшим источником этой летописи был «Софийский временник» в редакции Матвея Михайлова, возможно думать, что Список Б был компиляцией Списка А именно с этой редакцией. Иными словами, сам факт компиляции может указывать на существование названной редакции «Софийского временника» в момент составления Списка Б, т. е. в 1423 г.

Переходя к истории Списка А, следует прежде всего отметить его возможную связь с задачами общерусского летописания. Рассмотрение заключительной части Списка А обнаружило, что он составлен около 1409 г. В истории новгородского летописания эта дата не выделяется совершенно, однако в истории московского летописания она известна как дата составления киприановского общерусского свода. До 1409 г. был доведен Троицкий список Московской летописи, сгоревший в 1812 г. и реконструированный М. Д. Приселковым²²². Киприановский свод использовал многочисленные местные летописцы, в том числе и новгородские. Можно предполагать, что составление Списка А было одной из форм новгородского участия в подготовке этого общерусского свода. Другую связанную с общерусским летописанием дату дает момент окончания 2-го дополнения к Списку А, хронологически совпадающий с моментом подготовки фотиевского свода 1418. Отметим, что М. Д. Приселков допускал возможность составления «Софийского временника» Матвея Михайлова в 1418 г. Для выбора наиболее предпочтительной даты из двух возможных (1423 и 1418) следует рассмотреть вопрос об источниках Списка А.

Важность рассмотрения этого вопроса очевидна. В силу того что Список А лег в основу позднейшей редакции посадничьего списка, от его характеристики зависит и наше отношение к содержанию основной части всех посадничьих списков. Степень его достоверности в конечном счете определяется характером его источников. Будучи составлен или отредактирован в начале XV в., он может отражать весьма спорные представления новгородца XV в. о посадниках, живших за 200—300 лет до него. Но он также может восходить к более ранним спискам, степень достоверности которых тем выше, чем ближе время их составления к времени содержащихся в них обозрений.

Для решения этого вопроса любопытные материалы дает сопоставление Списка А с показаниями новгородских летописей. К такому сопоставлению нам придется постоянно обращаться на протяжении всего исследования, однако главные выводы необходимо и уместно изложить здесь.

Сопоставление Списка А с летописными показаниями обнаруживает в нем наличие четырех частей различного происхождения. Первая, начальная, часть включает три имени, которыми открывается Список А. Эта часть имеет явное летописное происхождение, поскольку она отражает лишь те посадничьи имена, которые названы в летописи в весьма случайных контекстах.

Вторая часть занимает значительную часть Списка А от имени Завида (№ 4) до имени Семена (№ 49). Отличительной особенностью этой части являются ее полнота и точность. Посадники перечисляются здесь в строго хронологическом порядке, без каких-либо пробелов. Напротив, такие пробелы имеются в летописи, которая не знает, например, кто был посадником после смерти в 1243 г. Степана Твердиславича

²²² См. А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 38, 366; М. Д. Приселков. Ук. соч., стр. 128—142; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 296—305; М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950.

и до избрания Онаньи, фигурирующего в рассказе 1255 г. Список А помещает между Степаном и Онаньей Сбыслава (№ 40). Еще более интересны имена восьми посадников, стоящие во главе этой части списка: Завид, Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула, вообще не известные летописцу. Можно было бы предполагать, например, что эти имена искусственно реконструированы составителем списка на основании отчества следующих за ними достоверных посадников, среди которых, как это показывает обращение к летописному рассказу, имеются Дмитр Завидич, Мирослав Гюрятинич, Петрило и Костянтин Микульчичи. Однако такое предположение не выдерживает критики. Мы с его помощью не сможем объяснить наличие в списке имен Петряты, Костянтина, Миронег, Сава и Улеба. С другой стороны, в числе ранних достоверных посадников имеются Костянтин Моисеевич, Иванко Павлович, Нежата Твердятич, но ни Моисея, ни Павла, ни Твердяты нет в Списке А. Более правильным в этой связи является предположение, что в основе этой части списка А лежат вне-летописные источники, отличающиеся точностью и полнотой.

Мы ограничиваем вторую часть Списка А именем Семена, так как в следующей части начинаются существенные пробелы, вполне соответствующие пробелам летописного рассказа. Посадничество Семена (Климовича) впервые зафиксировано документами под 1292 г.²²³ Следующим в Списке А назван Варфоломей Юрьевич (№ 50), о посадничестве которого источники впервые говорят только под 1323 г.²²⁴. В списке отсутствует Михаил Павшинич, избранный посадником в 1310 г. и лишенный посадничества в 1312 г.²²⁵. Весьма интересно, что эти сведения имеются только в Новгородской Первой летописи старшего извода и отсутствуют во всех остальных летописях. Отсюда мы делаем вывод, что, работая над этой частью списка, его составитель пользовался не Синодальным списком, а новгородским владычным сводом, т. е. одной из редакций «Софийского временника», в которой это имя отсутствовало. Показательно, что имя Михаила Павшинича, которое затем появляется в Списке Б, опирающемся на еще более позднюю редакцию «Софийского временника», оказывается там не на месте, а около имени сына Михаила Павшинича — Захарии, т. е. явно реконструировано. Фрагментарность третьей части Списка А и его зависимость от летописного рассказа подтверждаются еще одним фактом. К 1327 г. относится не зафиксированное летописью посадничество Данилы²²⁶. Это имя отсутствует в списке, поскольку оно отсутствует и в летописи.

Наконец, эта зависимость обнаруживается путем простейшего сопоставления третьей части Списка А с датами первого упоминания посадников в соответствующей части летописного рассказа:

Варфоломей (50) — Варфоломей Юрьевич, 6839 г. НПЛ, стр. 344.

Федор Ахмыл (51) — Федор Ахмыл, 6840 г. НПЛ, стр. 344.

Захарья (52) — Захарья Михайлович, 6840 г. НПЛ, стр. 344.

Матфей Коска (53) — Матфей Коска, 6840 г. НПЛ, стр. 345.

Федор (54) — Федор Данилович, 6843 г. НПЛ, стр. 346.

Остафья (55) — Остафья Дворянинец, 6853 г. НПЛ, стр. 358.

²²³ Liv-Esth-und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Herausgegeben von Dr. Fridrich Georg von Bunge. Bd. I. Reval, 1855, S. 682—685, № DXLVI (далее—LUB).

²²⁴ ГВНИП, стр. 65, № 37.

²²⁵ НПЛ, стр. 92—93.

²²⁶ ГВНИП, стр. 27, № 14; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 301; А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XIV вв. «Проблемы источниковедения», V. М., 1956, стр. 313; ГВНИП, стр. 142, № 85.

На имени Остафы Дворянина это соответствие прекращается. Последняя часть Списка А (№ 56—80) содержит ряд имен, избыточных сравнительно с летописным рассказом, а очередность имен в этой части не совпадает с их очередностью в летописном рассказе, упоминающем посадников в случайных контекстах. Из этого следует, что четвертая часть Списка А так же, как и его вторая часть, имеет внелетописное происхождение.

Изложенные наблюдения показывают, что в распоряжении составителя Списка А в 1409 г. или около этой даты находились два отдельных посадничьих списка, один из которых начинался именем Завида и оканчивался именем Семена, охватывая период до конца XIII или начала XIV в., а другой содержал имена посадников от середины XIV до начала XV в. Оба эти списка имели независимое от летописного рассказа происхождение. Работа составителя Списка А свелась к компиляции обоих оригиналов с летописными данными, позволившими сделать весьма рыхлые в хронологическом отношении вставки в начало списка и в ту часть, которая оказалась промежуточной между двумя оригиналами.

Используя для вставок владычную летопись, составитель Списка А имел дело с повествованием, свободным от тех ошибок, которые позднее отразились в Списке Б (включение имени Озари). Следовательно, к 1409 г. еще не существовало той редакции «Софийского временника», в которой эти ошибки были допущены.

Связывая составление списка А с новгородским участием в подготовке киприановского свода 1409 г., мы, по-видимому, имеем основания приписывать авторство четвертой части списка самому составителю Списка А. Большинство перечисленных в ней посадников были современниками составителя Списка А, а остальные их непосредственными предшественниками, что придает показаниям этой части особую достоверность.

Что касается более древнего оригинала, доведившего исчисление посадников до рубежа XIII—XIV вв., его первоначальное редактирование, возможно, связывается с новгородским участием в подготовке общерусского свода 1305 г., который М. Д. Приселков связывал с великокняжеским летописанием. Сам факт новгородского участия в этом своде не подлежит сомнению²²⁷.

Возвращаясь к вопросу о предпочтительной дате редактирования «Софийского временника» Матвеем Михайловым, мы с большей уверенностью останавливаемся на 1423 г. Действительно, работа по составлению обоих главных посадничьих списков, как уже показано, шла по линии компиляции внелетописных списков с показаниями летописи. Составители Списка А и Списка Б обращаются за дополнительными данными к владычному своду. При этом выяснилось, что между 1409 и 1423 г. этот свод подвергается существенному редактированию, результаты которого были учтены в Списке Б, т. е. в 1423 г. Если связывать с этим редактированием окончательное формирование Списка А около 1418 г., вряд ли можно найти убедительное объяснение тому обстоятельству, что Список А полностью игнорирует поправки к летописному рассказу, сделанные редактором «Софийского временника». Напротив, само редактирование летописи должно было дать исходный толчок для редактирования всего хронологического и генеалогического обзора и появления в результате Списка Б.

²²⁷ См. А. А. Шахматов. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв., стр. 19—20, 365; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 113—128.

Особого внимания заслуживает вопрос об отношении этого обзора 1423 г. к «Новгородско-софийскому своду» 1430-х годов. Присутствие этого обзора в летописях, восходящих к «Новгородско-софийскому своду», как будто указывает на то, что свод 1430-х годов включал в свой состав списки князей, митрополитов, посадников и т. д. Однако это предположение опровергается целым рядом обстоятельств. Во-первых, Новороссийская рукопись доводит перечисление митрополитов до Фотия, а в списках Новгородской Первой летописи младшего извода имеется еще и Герасим. Во-вторых, Уваровская и Новороссийская рукописи при перечислении новгородских владык останавливаются на кончине Давида, тогда как в Новгородской Первой летописи это перечисление простирается до 1423 г. По-видимому, следует предположить, что включения обзоров в перечисленные летописи было сделано в результате сверки «Новгородско-софийского свода» с «Софийским временником», обращавшимся в разных копиях. Одна из этих копий, не дополненная изложением событий следующих за 1423 г. лет, была использована в Новгородской Четвертой летописи и в протографе летописца епископа Павла, другая, продолженная до 1432—1433 гг., отразилась в Новгородской Первой летописи младшего извода.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСАДНИЧЬИХ СПИСКОВ

Наблюдения над посадничьими списками, их сопоставление между собой и с летописными текстами, рассмотрение списков в связи с историей летописания характеризуют их как чрезвычайно сложный по своему составу, содержанию и значению исторический источник.

Отдельные части списков возникали в разное время. Одни из них имели внелетописное происхождение, другие целиком основывались на летописном рассказе, повторяя его упущения и ошибки. Оригинальные части списков в процессе редактирования компилировались с летописными известиями и собственными умозаключениями редакторов. Однако при всей сложности литературной истории посадничьих списков они могут и должны стать одним из важнейших источников нашей темы, поскольку содержащиеся в них сведения внелетописного характера нельзя реконструировать при помощи других документов.

Для ранних периодов новгородского посадничества наибольшее значение имеет Список А, как самый древний из имеющихся в нашем распоряжении списков. Однако первостепенное значение он сохраняет не на всем своем протяжении. Исторически значительны в нем две части, имеющие внелетописное происхождение. Первая часть с именами № 4—49 включает целый ряд посадников, не известных летописцу, и важна для реконструкции хронологии новгородских посадников до конца XIII в. Другая часть с именами № 56—80 составлена современником перечисленных в ней посадников. Здесь также имеется ряд избыточных сравнительно с летописью имен и не зависящая от случайных контекстов летописного рассказа очередность посадников.

Значение первостепенных источников имеют также первые два дополнения к Списку А, которые по своему содержанию являются обзорами только что происшедших изменений в посадничестве.

Что касается Списка Б, его достоинства несомненны только на первый взгляд. Будучи компиляцией из Списка А и летописных сообщений, он включает некоторые ошибочные сведения, а также отражает собственные представления его составителя относительно родственных связей посадников XII—XIII вв. С другой стороны, Список Б сохраняет значение для истории посадничества второй половины XIV — первой чет-

верти XV в., поскольку он содержит генеалогические сведения, находящиеся в поле зрения составителя как современника названных им в этой части списка посадников. Заключительная часть Списка Б, охватывающая период после 1409 г., имеет к тому же и большое значение для хронологии, будучи обзором самых последних изменений в посадничестве.

Несомненна также важность дополнения к Списку Б по Ермолинскому летописцу, систематический характер которого подтверждается наблюдениями над документами второй четверти и середины XV в. Наконец, 3-е дополнение к Списку А не может идти ни в какое сравнение с остальными списками, так как содержит беспорядочное припоминание посадничьих имен. Некоторый интерес в нем представляют лишь избыточные, сравнительно с дополнением к Списку Б, имена, включение которых в список датируется 1460-ми годами.

Глава 2

ПОСАДНИКИ ДРЕВНЕЙШЕЙ ПОРЫ И ВОССТАНИЕ 1136 года

В сложной истории преобразований новгородского посадничества одно из центральных мест занимает вопрос о времени превращения посадников в представителей республиканской власти. «Когда и как посадник из чиновника княжеского стал городовым?» — эта проблема, интересовавшая еще С. М. Соловьева¹, до сих пор остается не решенной в конкретностях потому, что и ее постановка и предлагаемые решения не выходят, как правило, за рамки общих сопоставлений. Предполагается, что это превращение осуществилось однажды в результате решительного акта борьбы новгородского боярства с князем; признается, что временем этого акта был 1126 г., когда летопись впервые дает возможность говорить о выборе посадника на вече; наконец, посадники второй половины 1130-х годов прямо противопоставляются посадникам первой половины того же или предшествующего десятилетия как носители иных политических и административных функций².

Тем самым ранняя история новгородского посадничества рубежом 1126 г. оказывается подразделенной на два этапа — княжеский и республиканский. Если республиканский этап объединяет в себе всю эволюцию новгородского государственного управления вплоть до падения республики, то княжеским этапом оказываются объединены все ранние посадники, отправлявшие свою должность до 1126 г. Вопрос о развитии этого института до 1126 г. как-то не находил исследователя, а само раннее посадничество на страницах исторических сочинений предстает чрезвычайно неподвижным явлением. Обычное представление сводится к тому, что посадники ранней поры — это наместники, заместители, помощники, советники князей. Такое состояние одинаково характерно и для времени Ярослава Мудрого, и для времени Мстислава Великого, и для первых лет княжения Всеволода Мстиславича.

Между тем источники не оставляют сомнений в том, что новгородское посадничество еще до 1126 г. претерпело существенные изменения, сам характер которых связан с последующими событиями княжения Всеволода Мстиславича. Только сравнение посадничества первой чет-

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, изд. 3, т. I—V. СПб., стр. 697.

² Ср., например, мнение Б. Д. Грекова: «Во второй половине 30-х годов XII в. Новгород пережил настоящую революцию, в результате которой явились новые формы политического строя (республика), уцелевшие, по крайней мере внешне, до самого конца самостоятельности Новгорода, и новое положение общественных классов, принимавших активное участие в этом движении» (Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII в. УЗ РАНИОН, т. IV. М., 1929, стр. 21).

верти XII в. и более ранней поры способствует правильному освещению роли событий 20-х и 30-х годов XII в. в развитии этого института.

НОВГОРОДСКОЕ ПОСАДНИЧЕСТВО ДО КОНЦА XI ВЕКА

Обращаясь к летописным свидетельствам о древнейшем периоде новгородской истории, мы имеем дело с разрозненными сообщениями, которые не дают сколько-нибудь цельной картины. Список А и вслед за ним Список Б называют первым новгородским посадником Гостомысла. В летописном рассказе это имя встречается в связи с легендой о первоначальном призвании князей, красочные подробности которой восходят к исключительно позднему документу — «Сказанию о князьях Владимирских»³. В летописных сводах XV в. краткое известие о Гостомысле («и посадиша старешину Гостомысла») оказывается позднейшей вставкой в рассказ «Повести временных лет» о расселении славян и основании Новгорода. Эта вставка имеется в большинстве летописей XV в., восходящих к «Новгородско-софийскому своду», заимствована последним из фотиевского «Полихрона» 1418 г. и наверняка отсутствовала в «Софийском временнике» 1423 г., поскольку не отразилась в Новгородской Первой летописи младшего извода, наиболее полно использовавшей «Софийский временник». Д. С. Лихачев связывает проникновение упоминания о Гостомысле в «Полихрон» 1418 г. с широким использованием этим сводом устной традиции⁴, допуская, впрочем, его проникновение в своды XV в. и из каких-то не дошедших до нас древних новгородских летописей⁵. Более вероятно предположение о том, что эта вставка была сделана в «Полихроне» на основании Списка А, а упоминание Гостомысла в Списке А основывалось на местной устной традиции.

Несмотря на легендарный характер событий, связывавшихся с именем Гостомысла, включение этого имени в список посадников само по себе является исторически значительным фактом. На наш взгляд, помещение его во главе Списка А сообщает важные сведения, характеризующие концепцию составителя списка. Связывая возникновение посадничества как важнейшего института государственной власти в Новгороде с именем Гостомысла, составитель списка тем самым возводит историю посадничества к древнейшей поре новгородской истории. Посадничество в глазах составителя старше княжеской власти. Оно является исконной формой новгородской государственности, возникшей в самый момент основания Новгорода.

Этот взгляд составляет лишь часть общей новгородской политической концепции, отразившейся в разных источниках. Летописец склонен возводить происхождение новгородской аристократии к Рюрику («и суть новгородстии людие до днешняго дня от рода варяжска») ⁶, освящая тем самым ее права на власть. Популярность в Новгороде легенды о призвании князей хорошо объясняется активным характером этой легенды, обосновывающей исконное право новгородцев «поискать князя там, где им любо». Та же легенда обнажает причину сохранения княжеской власти в Новгороде XV в., кроющуюся в остроте внутренних противоречий Новгорода.

³ См. Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 129.

⁴ См. Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 306.

⁵ ПВЛ, ч. II, стр. 214; ср. А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 233.

⁶ НПЛ, стр. 106.

Использование политической легенды составителем Списка А — это результат опрокинутых в прошлое раздумий о «веке нынешнем». Включение Гостомысла в список посадников выражает общую концепцию составителя, но оно основано исключительно на осмыслении легенды. Власть мифического «старейшины Гостомысла», разумеется, ничего общего не имеет с посадничеством, и легенда о ней должна изучаться в связи с историей древних родо-племенных институтов.

Деятельность следующего в списках за Гостомыслом посадника относится к периоду на полтора-два года более позднему. Этим посадником является Коснятин Добрынич, который в 1018 г. вместе с новгородцами рассек ладьи князя Ярослава Владимировича, чтобы предотвратить его побег за море после поражения от Болеслава и Святополка⁷. В тексте летописи Коснятин первый, чье имя соединено со званием посадника, и именно это обстоятельство особенно наглядно демонстрирует производность начальной части Списка А от летописного рассказа. В самом деле, обращение к летописному рассказу показывает, что между легендарным Гостомыслом и Коснятином существовали и другие посадники. В частности, их существование зафиксировано текстами 977 и 980 гг. В 977 г. Ярополк Святославич захватил киевский стол и «посадники своя посади в Новгороде». В 980 г. Владимир Святославич, водворившись в Новгороде, отправил Ярополковых посадников обратно в Киев вместе с объявлением своему брату войны⁸. Но летописец не знает этих посадников по именам, и их нет в списке.

Значительный интерес для понимания раннего посадничества в Новгороде представляет летописный текст 1014 г. об отказе Ярослава Владимировича платить дань в Киев. Сообщая об этом отказе, летописец говорит: «И тако даяху вси посадници новгородьстии, а Ярослав сего не даяше к Киеву, отцю своему»⁹. Этот текст практически ставит знак равенства между посадниками ранней поры и князьями, получившими власть над Новгородом из рук киевского князя. Между понятиями «новгородский князь» и «новгородский посадник» была незначительная разница, которая вызывалась разной емкостью понятий. Все новгородские князья раннего времени были посадниками, но не все новгородские посадники были князьями, так как термин «князь» определяет не только характер власти, но и принадлежность к потомству Рюрика.

Мы вправе предполагать, что первые носители такой формы посадничества появились в Новгороде уже в первой половине X в., хотя как-либо определенных сведений на этот счет летописец не сообщает. Ясно, однако, что при равенстве понятий «посадник» и «князь» возможность единовременного сосуществования в Новгороде «посадника» и «князя» исключена. Действительно, получив в 970 г. Новгород, Владимир Святославич отправляется туда с Добрыней, но Добрыня в этом случае не именуется посадником. Лишь уходя в 980 г. из Новгорода на киевский стол, Владимир «посади Добрыню в Новгороде, уя своего»¹⁰. Ярополковы посадники оказываются в Новгороде в тот момент, когда сам Ярополк сидит в Киеве. Однако наиболее подробно эта взаимоисключаемость прослеживается в рассказе о Коснятине Добрыниче¹¹.

⁷ ПВЛ, ч. I, стр. 97.

⁸ Там же, стр. 54.

⁹ Там же, стр. 89.

¹⁰ НПЛ, стр. 128.

¹¹ Летописный контекст связывает Коснятина с дядей Владимира Святославича Добрыней: «...посадник Коснятин, сын Добрынь» (ПСРЛ, т. I, Л., 1926—1928, стр. 62 и др.). Это было родство по женской линии. Ярослав приходился Коснятину двоюродным племянником. См. Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 103—107.

Под 1019 г. некоторые поздние летописи (Софийская Первая, Московский свод конца XV в. и др.) помещают известие о том, что Коснятина был заточен Ярославом Владимировичем в Ростове, а на третье лето убит в Муроме по приказанию Ярослава¹². В списках князей, помещенных в Новгородской Первой летописи младшего извода, это событие изложено с интересными хронологическими подробностями и с видимым указанием причин опалы Коснятина: «(Ярослав), идя к Киеву, и посади в Новегороде Коснятина Добрыница. И родился у Ярослава сын Илья, и посади в Новегороде, и умре. И потом разгневался Ярослав на Коснятина, и заточи и; а сына своего Владимира посади в Новегороде»¹³. Очевидно, что сама необходимость в посаднике была вызвана отсутствием князя. Уходя из Новгорода, Ярослав оставляет там своего наместника, заместителя, и этот заместитель именуется посадником. Ярослав ушел к Киеву воевать против Святополка в 1016 г. и занял киевский стол в 1017 г. Следовательно, и посадничество Коснятина началось в 1016 г. Как мы уже видели, это посадничество продолжалось и в 1018 г. Однако вряд ли его окончание возможно относить к 1019 г. Список князей связывает воедино два события: опалу Коснятина и вокняжение в Новгороде Владимира Ярославича. Поскольку князь Владимир утвердился в Новгороде в 1034 или 1036 г., относя опалу Коснятина к 1019 г., мы должны были бы предполагать существование длительного периода, вообще не заполненного посадничеством, что кажется невозможным.

Недостоверность даты 1019 г. уже отмечалась исследователями¹⁴. Источником летописного сообщения об опале Коснятина является список новгородских князей. Используя этот источник, летописцы XV в. по-разному датируют изложенное в нем событие, что приводит к дублированию под 1016, 1019 и 1035 гг., в частности, такого важного сообщения, как рассказ о даровании Ярославом «грамоты и устава» новгородцам. В первоисточнике все эти события привязаны к моменту вокняжения Владимира Ярославича, т. е. к 1034—1036 гг. Показательно, что, перенося рассказ об опале Коснятина или о даровании «грамоты» на 1016 или 1019 гг., летописцы исключают из него упоминание об Илье и ставят, таким образом, эти события в непосредственную связь с участием новгородцев в борьбе Ярослава за киевский стол в 1016—1019 гг.

Возможны некоторые предположения относительно времени вокняжения Ильи и окончания посадничества Коснятина. Различные летописные тексты согласны в том, что следующий сын Ярослава — Владимир — родился в 1020 г.¹⁵ Существует, однако, и противоречивое сообщение о том, что в Новгороде Владимир был посажен в 1030 г., когда ему было 14 лет (!)¹⁶. Это противоречие может быть объяснено тем, что летописец в указанном случае знал о вокняжении в Новгороде в 1030 г. какого-то сына Ярослава, но, не будучи осведомлен о существовании Ильи, которого знает лишь список новгородских князей, связал с этой датой вокняжение Владимира, действительно занявшего новгородский стол в 14 лет. Таким образом, посадничество Коснятина возможно отно-

¹² ПСРЛ, т. V, стр. 134; т. VII. СПб., 1856, стр. 328; т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 374.

¹³ НПЛ, стр. 161, 470.

¹⁴ См. М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 35—40.

¹⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 63; т. II. СПб., 1843, стр. 264; т. V, стр. 134; т. VII, стр. 328; НПЛ, стр. 15, 180.

¹⁶ ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 210.

силь к 1016—1030 гг., а княжение Ильи — к 1030—1034 гг.¹⁷. Характерно, что, сообщая о переходе власти над Новгородом от Ярослава к Коснятину, от Коснятина к Илье, а затем к Владимиру, составитель списка князей во всех случаях пользуется одним и тем же термином «посади», хотя этот термин прилагается к лицам и княжеского, и не княжеского происхождения. Сведения о Коснятине запечатлелись не только в списке посадников, но и в списке новгородских князей, отражая отмеченную тождественность форм посаднической и княжеской власти в X — первой половине XI в.

Следующий деятель новгородской истории, известный летописцу со званием посадника и включенный в посадничьи списки, упоминается только под 1054 г. Это Остромир, посаженный в указанном году в Новгороде великим князем Изяславом Ярославичем. В том же году, согласно летописному рассказу, Остромир потерпел поражение в походе на чужь и был убит¹⁸. Сообщение летописи в своей хронологической части не может быть признано достоверным, так как ему противоречит свидетельство известного «Остромирова Евангелия». Евангелие было переписано для посадника Остромира, носившего христианское имя Иосиф, дьяконом Григорием спустя три года после летописной смерти Остромира, в 6565 (1056—1057) г.¹⁹

Деятельность Остромира относится к периоду новгородской истории, чрезвычайно скупо освещенному источниками. Однако, несмотря на фрагментарность сведений, можно уверенно говорить о том, что Остромир как наместник в Новгороде киевского князя не был непосредственным преемником Владимира Ярославича.

Новгородский князь Владимир умер в 1052 г. Летописец так изображает дальнейшую судьбу новгородского стола: «По преставлении Володимере в Новегороде Изяслав посади сына своего Мстислава, и победиша на Черехи, бежа Киеву, и по взятии града преста рать. И посади Святослав сына своего Глеба, и выгнаша из града, и бежа за Волок, и убиша и чужь»²⁰. В этом небольшом сообщении немало противоречий. Прежде всего Изяслав Ярославич не мог посадить в Новгороде своего сына сразу же после смерти Владимира, в 1052 г. Тогда он еще не был великим князем и, следовательно, забота о новгородском столе оставалась вне его компетенции. Получив в 1054 г. киевский стол, Изяслав в том же году посылает в Новгород не своего сына Мстислава, а Остромира²¹. Мстислав мог стать новгородским князем не ранее 1057 г. Между 1052 и 1054 гг. судьба новгородского стола остается неясной.

В дальнейшем, однако, перерывов в новгородском княжении не наблюдается. Конец княжения Мстислава датируется 1067 г. Д. С. Лихачев связывает битву на Черехе, положившую конец новгородскому княжению Мстислава Изяславича, с походом полоцкого князя Всеслава на

¹⁷ Заметим, что рассказ об опале Коснятина Добрынича содержит важные материалы для выводов о дате основания Ярославля. «Сказание о построении града Ярославля», сохранившееся в записи XVIII в. (см. Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. «Краеведческие записки», вып. IV. Ярославль, 1960), связывает основание Ярославля с пребыванием Ярослава в Ростове и построением им церкви св. Ильи как первого городского храма. Обе эти детали связываются с событиями 1034 г.: смерть Ильи и заточение Коснятина в Ростов.

¹⁸ ПСРЛ, т. V, стр. 139; т. VII, стр. 333.

¹⁹ «Остромирово Евангелие 1056—1057 гг.». СПб., 1883.

²⁰ НПЛ, стр. 161, 470.

²¹ Ср. с наиболее достоверным показанием современника в «Остромирове Евангелии»: «Изяславу же князю тогда предржящу обе власти: и отца своего Ярослава и брата своего Володимера. Сам же Изяслав князь, правляше стол отца своего Ярослава в Киеве. А брата своего стол поручи правити близоку своему Остромиру Новегороде».

Новгород в 1067 г.²² В следующем году Мстислав был уже на юге, а вскоре умер. Его преемник Глеб Святославич, напротив, зимой 1067/68 г., как это явствует из надписи на Тмутараканском камне, княжил в Тмутаракани, но под следующим 1069 г. летописец уже называет его новгородским князем²³. По-видимому, он действительно получил новгородский стол от Святослава, хотя Святослав в 1068 г. и не был киевским князем. Это могло произойти во время семимесячного киевского княжения Всеслава, когда великий князь Изяслав Ярославич вынужден был бежать в Польшу.

В 1078 г. Глеб Святославич был убит за Волоком, а новгородский стол перешел к Святополку Изяславичу²⁴. Далее составитель списка новгородских князей продолжает свой рассказ следующим образом: «А Святополк седе на столе сын Изяславль, иде Киеву. И присла Всеволод внука своего Мстислава, сына Володимеря; и княжиз 5 лет, иде Ростову; а Давыд приде Новгороду княжить и по двою лету выгнаша и. И приде Мстислав опять, и седе в Новегороде 20 лет»²⁵.

Этот рассказ в сочетании с другими известиями позволяет достаточно четко провести рубежи княжений. Святополк Изяславич, посаженный на новгородский стол в 1078 г., в 1088 г. ушел из Новгорода на юг, правда, не на киевский стол, как сказано в цитированном тексте, а на туровский²⁶; великокняжеский стол он получил в 1093 г. Князь Давид Святославич получил новгородский стол от Святополка в 1095 г., о чем согласно сообщают все летописи, но новгородцы «не взлюби его», и под тем же годом в источниках сообщается об его изгнании и возвращении в Смоленск²⁷. После ухода Давида начинается многолетнее второе княжение в Новгороде Мстислава Владимировича, закончившееся в 1117 г. его уходом на южные столы.

Рассмотрим некоторые противоречия в приведенных сообщениях. Главное из них — бросающееся в глаза несоответствие двухлетнего срока новгородского княжения Давида, показанного в княжеском списке, летописному сообщению, связывающему княжение Давида только с одним годом. В этой связи очень важно, что древнейшие летописные своды не объединяют известий о новгородском вокняжении Давида и его изгнании в связном изложении. Рассказ о вокняжении Давида под 6603 г. помещен в новгородских летописях, тогда как о его изгнании в 6603 г. сообщает «Повесть временных лет». Изгнание Давида в «Повести временных лет» датировано «летом исходящим» 6603, т. е. началом 1096 г., что совпадает с датой избиения Итларевой чади, о котором рассказано здесь же. Итларева чадь была избита 24 февраля в неделю сыропустную, что соответствует 24 февраля 1096 г. В Федорову субботу 1096 г., т. е. 1 марта, новгородским князем был уже Мстислав Владимирович, вместе с новгородцами разбивший Олега на Колокше²⁸. Новгородская летопись относит избиение Илькиной чади и победу на Колок-

²² ПВЛ, ч. II, стр. 396 и сл.

²³ НПЛ, стр. 17.

²⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 85; т. II, стр. 275; т. V, стр. 148; т. VII, стр. 2.

²⁵ НПЛ, стр. 161, 470.

²⁶ ПСРЛ, т. I, стр. 89; т. II, стр. 276 и сл.; т. VII, стр. 4.

²⁷ НПЛ, стр. 19, 202; ПСРЛ, т. I, стр. 97 и сл.; т. II, стр. 250; т. V, стр. 150; т. VII, стр. 8.

²⁸ ПВЛ, ч. I, стр. 148—151, 169—170; НПЛ, стр. 19, 202. Победа над Олегом произошла в Федорову субботу «исходящу лету 6604, индикта 4 на полы», т. е. когда заканчивалась первая половина четвертого индикта, что соответствует началу 1096 г. (ПВЛ, ч. I, стр. 170). Новгородская Первая летопись говорит о том, что эта победа была достигнута Мстиславом «с новгородци».

ше к 6605 г., а начало княжения Давида к 6603 г., объединяя это известие с рассказом о приходе «прузов» на Русь 28 августа. Между тем в «Повести временных лет» о приходе «прузов» рассказывается дважды, под 28 августа 6603 г. и под 26 августа 6602 г.²⁹. Сочетание всех этих известий определяет начальную дату княжения Давида в Новгороде 1094 г., а его конец — началом 1096 г., что подтверждает общий расчет составителя списка новгородских князей, указавшего пятилетний срок первого княжения Мстислава (конец 1088—начало 1094 г.) и двухлетний срок княжения Давида (начало 1094—начало 1096 гг.).

Другое противоречие обнаруживается в исчислении второго княжения Мстислава Владимировича. Это княжение окончилось 17 марта 1117 г.³⁰, и, поскольку оно началось не позднее февраля 1096 г., занимает период в 21 год, тогда как составитель списка князей называет его двадцатилетним. Противоречие, по-видимому, объясняется тем, что в 1102 г. Мстислав в силу договоренности с великим князем уехал из Новгорода в Киев, уступив стол сыну Святополка Изяславича, и оставался в Киеве, пока конфликт между Святополком и новгородцами не был решен в его пользу. Если составитель списка не округлил своей цифры, разницу можно объяснить только вычитанием этого года.

Обобщая сведения о переходе в XI в. высшей власти над Новгородом из одних рук в другие, мы должны еще раз подтвердить вывод о тождестве посадника и князя в это время. Посадники занимают место в общей системе перехода новгородского стола. Коснятин и Остромир в общей цепи перемен на новгородском столе являются такими же звеньями, какими были Ярослав, Илья, Владимир, Мстислав Изяславич, Глеб, Святополк, Мстислав Владимирович и Давид. И те и другие были наместниками великого князя, несущими одни и те же функции. Великий князь мог посадить на вакантный стол подвластного ему княжества своего сына или другого ближайшего родственника, но он мог доверить это княжество и лицу не княжеского происхождения. Летописец, рассказывая о посылке в тот или иной город наместника великого князя, пользуется одним и тем же термином «посади», применяя его и к князю, и к боярину. В прямой связи с этим термином, на наш взгляд, находится и происхождение самого термина «посадник», без всяких на то оснований связанного Д. И. Прозоровским с понятием «посад»³¹.

Новгородские посадники X—XI вв. по своему характеру не отличались от посадников других русских городов, бывших центрами крупных областей; такие посадники неоднократно упоминаются в летописи. В 1079 г. Всеволод Ярославич посылает своего боярина Ратибора посадничать в Тмутаракань³², где так же, как и в Новгороде, существовал особый княжеский стол. В 1116 г. Владимир Мономах отправляет воеводу Ивана Воитишича сажать великокняжеских посадников в дунайские города³³. Эта система организуется не только киевскими князьями, но и подвластными им князьями — посадниками отдельных земель. В «Почучении Мономаха» рассказывается о том, как Олег Святославич «перевсю землю Муромску и Ростовську, и посажа посадники по городам, и дани поча брати»³⁴, а летописец продолжает его рассказ сообщением о захвате Олегова посадника в Муроме, когда туда пришел Изяслав Владимирович³⁵. В 1097 г. князь Давид Игоревич выгнал из Владимира-

²⁹ ПВЛ, ч. I, стр. 148, 150.

³⁰ НПЛ, стр. 20, 204.

³¹ См. Д. И. Прозоровский, Ук. соч., стр. 99.

³² ПВЛ, ч. I, стр. 135.

³³ Там же, стр. 201.

³⁴ Там же, стр. 168 и сл.

³⁵ Там же, стр. 150.

Волинского посадника князя Василька³⁶. Под 1114 г. рядом с новгородским князем Мстиславом, приехавшим в Ладогу, оказывается ладожский посадник Павел³⁷. В 1121 г. в Червене был киевский посадник Фома Ратиборич³⁸. Под 1127 г. летопись рассказывает о посадниках князя Ярополка на Сейме и князя Изяслава Мстиславича в Курске³⁹. В 1146 г. Изяслав Мстиславич заковывает Жирослава, который был посадником князя Вячеслава в Турове⁴⁰. Под 1147 г. упоминаются посадники князей Владимира и Изяслава в Вятичах, Брянске, Мценске и в Облове⁴¹. В 1148 г. князь Глеб Юрьевич сажает своих посадников в Курске и по Сейму⁴², а князь Ростислав по пути в Городец сажает своих посадников «по городам»⁴³. Под 1161 г. в летописи упоминается Вышко, посадник князя Мстислава в Торческе⁴⁴. Князь Святослав Всеволодович в 1164 г. рассылает своих посадников по городам⁴⁵. Под 1170 г. известен посадник князя Владимира Андреевича в Шумске по имени Пук⁴⁶. В 1175 г., после убийства Андрея Боголюбского, «в власти его» избивают посадников убитого князя⁴⁷. В ходе последовавших затем событий владимирцы боятся, что ростовцы посадят у них своих посадников⁴⁸. Наконец в 1196 г. великий князь Всеволод дает Торческ зятю своему Ростиславу Рюриковичу, «а в прочии грады посла посадники свое»⁴⁹. В позднейших текстах понятие «посадник» заменяется равнозначным ему понятием «наместник»⁵⁰.

По своему существу система посадничества, отраженная в перечисленных выше фактах, является системой организации административного централизма. Это тот механизм, работой которого обеспечивалось подчинение центральной власти многочисленных местных центров. Понятие «посадник» включает в себя идею подчиненности носителя этого титула тому, кто его «посадил». В этой связи любопытны два текста из «Повести временных лет». Рассказывая о посылке Ярополком посадников в Новгород в 977 г., летописец заканчивает свое сообщение словами: «И бе володея един в Руси»⁵¹. Владимир Мономах в своем «Поуче-

³⁶ ПВЛ, ч. I, стр. 180.

³⁷ Там же, стр. 197.

³⁸ ПСРЛ, т. II, стр. 8; т. VII, стр. 25; т. XXV, стр. 28.

³⁹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 30.

⁴⁰ Там же, стр. 38.

⁴¹ Там же, стр. 40.

⁴² Там же, стр. 43.

⁴³ Там же, стр. 44.

⁴⁴ Там же, стр. 71.

⁴⁵ Там же, стр. 72.

⁴⁶ Там же, стр. 82.

⁴⁷ Там же, стр. 84.

⁴⁸ Там же, стр. 85.

⁴⁹ Там же, стр. 96.

⁵⁰ Ср., например, тексты 1206 г. (Всеволод Святославич «вниде в Киев... и розола наместники своя по всем градом Киевьским». ПСРЛ, т. XXV, стр. 105), 1215 г. (Мстислав Мстиславич в Новгороде «изнима наместника Ярослава Хота Григорьевича». Там же, стр. 111) и многие другие. Подмена терминов может быть отмечена и для ранних сообщений. Так, иногда Ратибор называется не посадником, а наместником Тмутараканским (ПСРЛ, т. XXV, стр. 12). Наместниками называются и посадники Олега в Муромской и Ростовской землях под 1096 г. (Там же, стр. 18).

Употребление термина «посадник» в понятии «наместник» сохраняется и в позднейшем Новгороде, на что, в частности, указывает один из пунктов Ореховецкого соглашения Новгорода с Псковом в 1347 г.: «... посадником Новгородским в Пскове не седети» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 177). Тот же характер, по-видимому, имели и новгородские посадники в Торжке, Ладоге и Русе, которые избирались не на месте своей деятельности, а в Новгороде, т. е. были фактически назначаемы новгородским вечем.

⁵¹ ПВЛ, ч. I, стр. 54.

нии» также отмечает: «На посадники не глядя, ни на биричи, сам творил, что было надобе»⁵².

Будучи системой организации Киевского государства, посадничество в его формах X—XI вв. должно было отмереть с утратой Киевом своей главенствующей роли. Во второй половине XI в. посадничеству как системе противостоит идея княжеских отчин, идея независимости столов в княжеских отчинах от воли киевского князя. Закрепившись на наследственных столах, князья перестают быть посадниками, сохраняя низшие ступени института посадничества для управления более мелкими членениями своих отчин. Но этот процесс во второй половине XI в. не затрагивает Новгород, поскольку Новгород и в этот период продолжал оставаться частью отчины киевского князя. Перемены в новгородском княжении определяются только вмешательством Киева. Поэтому характер посадничества в Новгороде сохраняется неизменным, посадничество продолжает совпадать с княжением и оставаться высшей формой местной власти. Вероятно именно поэтому термин «посадник» сделался обозначением высшей государственной должности в Новгороде XII в.

Говоря о связи новгородского посадничества XI в. с системой киевского управления, мы должны особенно подчеркнуть неновгородское происхождение посадников этого периода. Посадников присылают из Киева, и это касается не только членов княжеской семьи. Уже известный нам посадник Остромир является ярким представителем системы великокняжеского управления Новгородом. Летописец не говорит, был ли Остромир новгородцем или он прислан из Киева, однако наблюдения над деятельностью его потомков показывают, что его род связан с южной Русью. Сыном Остромира был известный воевода Вышата («Вышата, сын Остромир, воеводы новгородского»⁵³). Внуком Остромира был не менее известный Ян Вышатич: воевода Вышата назван в летописи «отцом Яневым»⁵⁴. Деятельность Вышаты целиком связана с южно-русскими областями. В 1043 г., т. е. еще до назначения Остромира посадником в Новгород, Вышата возглавляет поход на Царьград. В 1064 г. он бежит с Ростиславом Владимировичем в Тмутаракань. Ян Вышатич в 1071 г. собирает дани в Заволочье, посланный туда Святославом, т. е. киевским князем. Здесь снова, как и в случае с Остромиром, летопись явно смешает события, так как в 1071 г. великим князем был Изяслав. В 1089 г. Ян был киевским тысяцким. Под 1091 г. в «Повести временных лет» рассказывается о посещениях его дома киевским игуменом Феодосием. В 1093 г. он участвует в походе на Стугну⁵⁵. В 1106 г. Ян умер в Киеве и был погребен в Печерском монастыре. Летописец отмечает, что он дожил до 90 лет⁵⁶.

Неновгородское происхождение имеют также и посадничавшие в более раннее время Добрыня и Костянтин. А. А. Шахматов подробно исследовал генеалогию Добрыни и доказал, что дедом Костянтина был древлянский князь Мстиша-Лют Свенельдич, а прадедом — знаменитый

⁵² ПВЛ, ч. I, стр. 163.

⁵³ Там же, стр. 110.

⁵⁴ Там же, стр. 103.

⁵⁵ Там же, стр. 103, 110, 117 и сл., 137, 139, 144.

⁵⁶ Там же, стр. 186. Сообщение о столь преклонном возрасте Яна казалось сомнительным еще М. Д. Приселкову (ук. соч., стр. 18). Если к 1106 г. Яну было 90 лет, то он должен был родиться в 1016 г., а к 1054 г., когда Остромир получил посадничество в Новгороде, его внуку было 38 лет. Из этого можно заключить, что самому Остромиру к 1054 г. не могло быть меньше, по крайней мере, 80 лет. В 1093 г. Яну оказывается 77 лет, а он в это время участвует в военном походе. Д. С. Лихачев предполагает, что число 90 лет употреблено здесь в качестве энического определения возраста, и подтверждает это предположение аналогиями (Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 102 и сл.).

воевода русских летописей Свенельд⁵⁷. И Свенельд, и Мстиша, и сам Добрыня в своей деятельности связаны с главными предприятиями киевских князей, не имеющими прямого отношения к Новгороду.

Все эти имена от Свенельда до Яна Вышатича связаны Д. С. Лихачевым в единую цепь, основанием чему послужило предположение Д. И. Прозоровского о происхождении Остромира от Костянтина Добрынича. Это предположение основывается на указании «Остромирова Евангелия», называющего Остромира «близоком», т. е. дальним родственником Изяслава Ярославича, сопоставленном с указанием летописи о родстве Добрыни и Владимира Святославича. Оно подкрепляется несомненным существованием единой устной легенды, отразившейся в «Повести временных лет» и включающей в число своих героев всех упомянутых выше лиц⁵⁸. Авторство этой легенды Д. С. Лихачев приписывает Вышате и его сыну Яну и полагает, что в своем содержании легенда отразила претензии Яна и Вышаты на особую роль при дворе киевских князей, обоснованную их родством с княжеским домом. Следует отметить некоторую слабость этой концепции в ее среднем звене: родство Остромира и Коснятина устанавливается косвенным путем на основании очень неконкретного указания «Остромирова Евангелия»; в «Повести временных лет» связь Свенельда — Коснятина, с одной стороны, и Остромира — Яна, — с другой, совершенно не ощущается, что, однако, может быть объяснено желанием обойти не совсем ясную роль Коснятина в событиях 1034 г. «Повесть временных лет» вовсе не упоминает ни о смерти Ильи, но об опале Коснятина.

Даже в том случае, если происхождение Яна Вышатича восходит к Добрыне и Свенельду, мы не можем представлять себе новгородских посадников не княжеского происхождения — Добрыню, Коснятина, Остромира — представителями некоей посадничьей династии, сама принадлежность к которой предопределяла их место в новгородском управлении. Указание «Остромирова Евангелия» позволяет говорить о том, что Остромир стал новгородским посадником не потому, что он был сыном Коснятина и внуком Добрыни, а потому, что он был родственником киевского князя Изяслава, лицом близким к нему, способным выполнить ту роль, которую обычно доверяли детям или ближайшим родственникам киевских князей. Он принадлежит к той же категории ближайших к киевскому князю лиц, к какой принадлежал, например, Ратибор, посланный в 1079 г. посадничать в Тмутаракань, которая, как и Новгород, составляла часть киевской отчины и управлялась обычно посадниками княжеского происхождения.

ВРЕМЯ МСТИСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА И ПЕРВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В НОВГОРОДСКОМ ПОСАДНИЧЕСТВЕ

Список А вслед за Остромиром называет восемь имен, вовсе не встречающихся в других источниках: Завид, Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула. Лишь следующий за ними посадник Добрыня известен летописцу, который сообщает о его смерти под 1117 г.⁵⁹ Наличие в списке этих имен вызывает к жизни целый ряд про-

⁵⁷ См. А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, гл. XIV.

⁵⁸ См. Д. С. Лихачев. «Устные летописи» в составе Повести временных лет. «Истор. зап.», 1945, № 17; его же. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 100—114.

⁵⁹ НПЛ, стр. 20, 204.

блем, среди которых первое место занимает проблема достоверности самого сообщения.

Мы уже отмечали, что эти имена не могут быть реконструированы на основании отчеств следующих за ними посадников. Лишь имена Завида, Гюраты и Микуды соотносятся с отчествами некоторых их преемников, остальные имена вполне независимы. В Списке А нам удалось проследить компиляцию из более древнего списка и летописных сообщений. Граница использования летописных данных и древнего оригинала в Списке А проходит между именами Остромира и Завида. Если включение Остромира могло быть подсказано чтением летописи, то уже имя Завида не может восходить к этому источнику. Вопрос о достоверности или фиктивности рассматриваемой части внелетописного оригинала Списка А должен решаться, на наш взгляд, поисками побудительных причин возможной мистификации. Таких причин, по-видимому, не существует. Древний оригинал Списка А начинается перечислением имен абсолютно не известных лиц, существование которых не отражено ни летописями, ни эпосом. Их включение в список не преследует каких-либо политических задач и не связано с общей концепцией летописца, как это было в случае с Гостомыслом. Это имена, принадлежавшие лицам, самое воспоминание о деятельности которых полностью стерлось к моменту составления древнего списка, отразившего лишь их принадлежность к посадничеству. Вряд ли можно отрицать их достоверность только на том основании, что показания списка в этой его части не дублируются другими источниками.

Другая важная проблема касается хронологического места перечисленных имен. Поскольку эти имена помещены в промежутке от Остромира до Добрыни, хронологические рамки деятельности их носителей замыкаются между 1057 г., когда в Новгороде еще посадничал Остромир, и 1117 г. — временем посадничества Добрыни. Это весьма длительный промежуток времени, в котором с успехом могли бы разместиться все восемь указанных посадников, но для того, чтобы они смогли разместиться в нем, необходимо одно условие, которого, однако, не существует. Нужно, чтобы в этот период существовали заметные отрезки времени, когда новгородский стол оставался вакантным. Действительно, мы уже видели, что на протяжении XI в., когда Новгород составляет часть киевской отчины, понятия «посадник» и «князь» тождественны. Коснятин и Остромир, которых составитель Списка А отличает от князей, посадничали не вместе с князьями, а тогда, когда князя на новгородском столе не было. Периоды их деятельности соответствуют лакунам в хронологической таблице новгородских княжений. Между тем на протяжении 1057—1117 гг. существовала только одна такая лакуна, причем ее наличие вызывает серьезные сомнения. Мы имеем в виду промежуток от 1057 до 1067 г. В 1057 г. еще был жив Остромир, а в 1067 г. окончилось новгородское княжение Мстислава Изяславича. Нам неизвестны ни год смерти Остромира, ни начальная дата княжения Мстислава. Однако список князей новгородских, ошибочно относя начало княжения Мстислава ко времени, непосредственно следующему за кончиной Владимира Ярославича (1052 г.)⁶⁰, тем самым отражает известную продолжительность княжения Мстислава Изяславича. Во всяком случае, если между Остромиром и Мстиславом и существовал какой-то промежуток, он, несомненно, был меньше десяти лет.

В более позднее время даже таких сомнительных промежутков нет. Князья следуют один за другим без перерыва. Это обстоятельство не

⁶⁰ НПЛ, стр. 161, 470.

оставляет возможности для датировки восьми загадочных посадников XI веком. Мы не можем поместить их всех в кратковременный промежуток, теоретически возможный на грани 50-х и 60-х годов XI в., а помещая в этот промежуток какую-то часть посадников из этого числа⁶¹, не получим принципиального решения проблемы для остальных посадников из этой части списка.

Однако именно эти противоречия подсказывают иное решение вопроса. До сих пор мы подходили к датировке рассматриваемых имен исходя из общей характеристики новгородского посадничества в XI в. Эта характеристика предусматривала тождество функций «князя» и «посадника» и отрицала возможность сосуществования новгородского князя и какого-то лица при нем, которому мог бы принадлежать посадничий титул. Если мы теперь обратимся к порядкам более позднего времени, то увидим, что уже Добрыня, посадник 1117 г., следующий в Списке А непосредственно за нашими восемью загадочными посадниками, осуществляет свою деятельность в иных условиях. Он, видимо, так же, как и его преемники, сосуществует с князем, что свидетельствует об изменении к этому времени самой сущности новгородского посадничества, о приобретении им тех особенностей, которые составляют неотъемлемую часть общей характеристики новгородского посадничества XII—XV вв. как явления, не известного в русских княжествах.

Это наблюдение позволяет понять, почему древний оригинал Списка А не включал в свой состав имен Добрыни, Коснятина или Остромира, а открывался именем Завида. Составитель этого оригинала описывал однородные факты. История новгородского посадничества для него начиналась с момента возникновения этого института, к которому не имели отношения ни Остромир, ни его предшественники. Отличительной особенностью этого института, как можно судить на основании всех последующих фактов, была противоположность князя и посадника, тогда как и Добрыня, и Коснятин, и Остромир воплощали идею тождества посадника и князя. Историческая значительность этого рубежа очевидна, но очевидно также, что посадничество Завида и его преемников не могло иметь корней в раннем посадничестве Остромира и его предшественников. Раннее посадничество X—XI вв. в дальнейшем развивается в институт княжеской власти в Новгороде, тогда как собственно новгородское посадничество, противостоящее князю, могло родиться только в процессе борьбы с князем, т. е. с ранним посадничеством.

В этой связи мы не можем согласиться с М. Н. Тихомировым, который, основываясь на столкновении в 1019 г. Ярослава и Коснятина, полагает, что «уже в XI столетии новгородские князья вступают в конфликт с посадниками»⁶². Столкновение Коснятина и Ярослава в лучшем случае возможно трактовать как усобицу, но не как борьбу города и князя. Несомненно, начало борьбы Новгорода за городские вольности восходит к глубокой древности, однако нужно соблюдать большую осторожность, характеризуя ранние успехи этой борьбы.

⁶¹ К этому периоду было отнесено посадничество Завида покойным О. В. Кудрявцевым: «Посадничество первого Завида должно падать на время между 1057 и 1117 гг. и при этом ближе к началу этого периода» (О. В. Кудрявцев. Сколько было новгородских посадников с именем «Завид»? «Исследования по истории Балкано-Дунайских областей и статьи по общим проблемам древней истории». М., 1957, стр. 142).

⁶² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Госполитиздат, М., 1956, стр. 204. О противоположности в первой половине и середине XI в. новгородских посадников и князей писали также Д. С. Лихачев и Б. А. Рыбаков. См., например, Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 103; Б. А. Рыбаков. Остромирова летопись. «Вопросы истории», 1956, № 10.

В этой связи необходимо затронуть в высшей степени дискуссионный вопрос о так называемых «грамотах Ярослава», которым посвящена значительная литература⁶³. Новгородские летописи XV в. внесли в летописный текст 1016 и 1035 гг. сообщения о «грамотах» или «правде и уставе», данных Ярославом Владимировичем новгородцам. Это сообщение сопровождается включением в летописный текст одного из вариантов Русской Правды в качестве «правды и устава», полученных новгородцами от Ярослава Владимировича. Работами русских историков — главным образом М. Н. Тихомирова — обоснован вывод о синхронности древнейшей редакции Русской Правды показанному в летописи времени и наличию в ней целого ряда элементов, действительно говорящих о новгородском характере этого документа. В советской исторической литературе выработана и политическая характеристика Древнейшей Правды, рассматриваемой как акт, в котором гарантируется юридическая защита «новгородских мужей» от произвола княжеской дружины. Совершение этого акта исследователи справедливо связывают с обострением классовой и политической борьбы в Новгороде в момент, политически сложный для самого Ярослава.

Однако составной частью той же проблемы является и до сих пор не решенный вопрос о степени полноты дошедших до нас «пожалованных» Ярослава. Внесение в летопись сведений о «грамотах» Ярослава отражает тенденцию летописца возводить древность позднейших новгородских порядков к самым отдаленным временам. Эта тенденция существовала и была хорошо известна на Руси еще в XII в., что следует из рассуждений владими́ро-суздальского летописца, записанных им под 1169 г.: «Не глаголем же: прави суть новгородци, яко издавна суть свободжени новгородци прадеды князь наших; но аще бы тако было, то велели ли им предние князи крест преступати, или внуки, или правнуки соромляти»⁶⁴. Уже А. А. Шахматов предполагал существование какого-то акта, данного Ярославом, и не сохранившегося в составе позднейших сводов⁶⁵. Наиболее четко представление об этой несохранившейся грамоте формулирует Б. А. Рыбаков: «Быть может, одной «Правдой» не ограничивались «конституционные» трофеи новгородцев: ведь упомянут еще и «Устав», который мог определять нормы взаимоотношений Новгорода и Киева»⁶⁶.

Несомненно, что вопрос о том, существовала или нет эта предполагаемая грамота, можно решать только путем сравнения взаимоотношений Новгорода и Киева до 1016—1035 гг. и после этой даты. Если предполагаемая грамота существовала и действительно имела тот характер, который ей приписывается, мы должны ко временам Ярослава относить первоначальное формирование «новгородских свобод», о которых говорится в Лаврентьевской летописи. Между тем никаких признаков изме-

⁶³ См. Н. И. Костомаров. Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Исторические монографии и исследования, кн. III. СПб., 1904, стр. 37 и сл.; С. М. Соловьев. История России, кн. I, т. III, стр. 698 и сл.; А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 507 и сл.; М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 36—39; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 245 и сл., В. Т. Пашуто и А. А. Зимин. Рецензия на книгу Л. В. Черепнина. «Вопросы истории», 1949, № 9, стр. 119 и сл.

⁶⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 362.

⁶⁵ См. А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 215 и сл., 507 и сл.

⁶⁶ Б. А. Рыбаков. Остромирова летопись, стр. 56.

нения первоначальной схемы взаимоотношений Новгорода и Киева в этот период не наблюдается. Новгород во всей полноте сохраняет свое подчиненное Киеву положение и управляется посадниками, назначение и смена которых зависят только от воли киевского князя, рассматривающего Новгородскую землю как часть своих основных владений. Льготы, данные новгородцам, адекватны Древнейшей Правде, которая уже в XI в. приобрела общерусский характер и потеряла свою новгородскую исключительность. Но само воспоминание об этих льготах в дальнейшем вполне могло стать одной из основ новгородской политической концепции происхождения «новгородских свобод».

Первые политические успехи борьбы новгородцев за городские вольности прослеживаются на рубеже XI—XII вв. и отражены в беспрецедентном факте изгнания князя Давыда Святославича в 1096 г. Летописец не определил непосредственных причин изгнания Давыда, отметив только, что новгородцы «не взлюби его»⁶⁷. Однако эти причины становятся очевидными при рассмотрении событий 1102 г. В указанном году между Владимиром Мономахом и великим князем Святополком Изяславичем было достигнуто соглашение, по которому новгородский стол должен был занять сын Святополка (по-видимому, Изяслав), а Мстиславу предназначался Владимир-Волынский. Этот ряд встретил возвращения новгородцев, заявивших: «Не хотим Святополка, ни сына его. Аще ли две главы имеет сын твои, то пошли и; а сего ны дал Всеволод, а вскормили есмы себе князь; а ты еси шел от нас»⁶⁸. После продолжительных прений новгородцы настояли на возвращении Мстислава.

Оба отмеченных события по своему характеру вполне аналогичны. И в 1096 г., и в 1102 г. новгородцы выступают против вмешательства великого князя Святополка в устройство своего стола, защищая право на этот стол князя Мстислава Владимировича. Правовой принцип, положенный ими в основу защиты Мстислава, сводится к тому, что великий князь в своих действиях, касающихся Новгорода, не может игнорировать распоряжений своего предшественника. Новгородское княжение, таким образом, рассматривается вне зависимости от династических судеб киевского стола. Нетрудно заметить, что этим принципом формулируется идея независимости Новгорода, но сама эта идея еще не обрела завершающей полноты. Это как бы начальный шаг в ее формировании.

С другой стороны, защита новгородцами Мстислава не носит личного характера. Новгородцы выступают не только против Святополка Изяславича, но и против отца Мстислава — Владимира Мономаха — с его идеей последовательного, «лестничного» старшинства. Владимир Мономах признает Новгород вотчиной великого князя, считает, что великий князь так же волен в новгородском княжении, как и в киевском. Владимир Мономах осуществляет целый ряд мероприятий, прямо направленных против новгородских притязаний на независимость. Он дает согласие на замену своего сына Давыдом Святославичем в 1094 г. Он заключает со Святополком договор 1102 г., антиновгородская сущность которого очевидна, поскольку этот договор породил описанный выше конфликт. Такой же характер имеют и его действия 1117 и 1120 гг., о которых речь впереди. Политика Мономаха в отношении к Новгороду не отличима от политики Святополка. Он готов жертвовать своим личным влиянием в Новгороде, осуществлявшимся, пока там княжил его сын Мстислав, во имя торжества оспариваемой новгородцами идеи.

⁶⁷ ПВЛ, ч. I, стр. 150; ПСРЛ, т. II, стр. 250; т. V, стр. 150; т. VII, стр. 8.

⁶⁸ ПВЛ, ч. I стр. 182.

Сама острота столкновения 1102 г. свидетельствует о том, что, отстаивая Мстислава, новгородцы защищают вполне определенные формы новых взаимоотношений с Киевом, складывание которых имеет непосредственное отношение к личности Мстислава. Рассматривая уже цитированный текст 1102 г., мы находим в нем массу подтверждений высказанным предположениям.

Прежде всего обращает на себя внимание тот пункт возражений Святополку, в котором последний попрекается уходом от новгородцев. Имеется в виду переход Святополка Изяславича на туровский стол в 1088 г. Однако этот переход совершился еще во времена великого князя Всеволода Ярославича и по своему характеру не отличается от многочисленных перемен на новгородском столе в более раннее время, когда тезис о пожизненности новгородского княжения еще не мог возникнуть. Следовательно, противопоставление Святополку Мстислава должно свидетельствовать о том, что передача новгородского стола Мстиславу в конце 1080-х годов сопровождалась заключением между новгородцами и Всеволодом Ярославичем условий, которыми обеспечивалось преимущественное право внука этого великого князя на Новгород.

Это наблюдение подтверждается и прямым заявлением новгородцев: «въскормили есмы собе князь». В указанной связи необходимо отметить следующее обстоятельство. Мстислав Владимирович родился в 1076 г.⁶⁹ Следовательно, в момент первого получения им новгородского стола ему было 12 лет. Такой возраст несовместим с представлениями о том, что Мстислав мог быть самостоятельным представителем великого князя с самого начала своего новгородского княжения. Организация власти в Новгороде могла быть обеспечена в этот период только путем разделения функций представительства, осуществляемых самим Мстиславом, и функций контроля, осуществляемых каким-то другим лицом или другими лицами. Иными словами, княжение Мстислава в Новгороде на первых порах должно было только подтверждать незыблемость великокняжеского суверенитета над Новгородом, тогда как в практическом управлении Новгородом князь был неспособен играть самостоятельную роль. Мы видим, что, с одной стороны, новгородцы подчеркивают свое участие в «въскормлении себе князя», а с другой стороны, Список А прямо относит возникновение посадничества нового типа к рассматриваемому периоду. Признавая достоверность восьми загадочных имен Списка А, мы не можем указать более подходящую дату возникновения посадничества нового типа, чем конец 1080-х годов.

По-видимому, условия, заключенные между Новгородом и Всеволодом Ярославичем в 1088 г., существование которых мы выше предположили, предусматривали, во-первых, поддержку Мстислава новгородцами, обеспечивающую в дальнейшем закрепление Новгорода за потомством Всеволода; во-вторых, участие самих новгородцев в государственном управлении, создание в Новгороде рядом с киевским посадничеством Мстислава новгородского посадничества Завида и его преемников. Если наши наблюдения правильны, заявление 1102 г. обретает особую конкретность в той его части, которая говорит о «двух головах» сына Святополка. Замена Мстислава сыном Святополка для новгородцев была равнозначна ликвидации их завоеваний, связанных с «въскормлением» Мстислава, отсечению новгородской головы в управлении, сосредоточению всей власти в руках киевского наместника.

Отметим, что именно ко времени Всеволода Ярославича относится время «прадедов князей наших» для автора цитированной статьи 1169 г.,

⁶⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 85; т. II, стр. 274.

поскольку современный летописцу князь Андрей Боголюбский приходился правнуком Всеволоду Ярославичу. Впрочем, это указание может быть и не конкретным, лишь возводящим «новгородские свободы» к туманным временам «прадедов».

Обосновывая предположение о том, что новая форма взаимоотношений Новгорода и Киева, важнейшей составной частью которых было возникновение посадничества нового типа, устанавливается с началом первого новгородского княжения Мстислава Владимировича (1088—1094 гг.), мы располагаем существенными доказательствами, которые дает анализ сфрагистического материала эпохи.

Русские вислые печати в XI — начале XII в. были регалией самой высшей государственной и церковной власти. Круг их владельцев резко ограничен. В церковной области он включает только митрополитов и епископов, а в области светской власти — великих князей киевских, князей, сидевших на самостоятельных столах, а также посадников, управлявших от имени киевского князя крупнейшими членениями Киевского государства. К последней группе владельцев вислых печатей в равной степени относятся и лица, носившие княжеский титул, и лица не княжеского происхождения. В частности, в сфрагистике второй половины XI — начала XII в. хорошо известны буллы Ратибора, бывшего посадником Всеволода Ярославича в Тмутаракани⁷⁰.

Эта принципиальная характеристика вислых печатей XI в. подтверждается каждой очередной находкой; новые экземпляры оставляют неизменным очерченный выше круг возможных владельцев булл. Однако в древнейшей русской сфрагистике имеется одна группа печатей, до сих пор не получившая даже самой общей атрибуции. Мы имеем в виду печати протопроедра Евстафия, известные уже в количестве десяти экземпляров исключительно из новгородских находок. На одной стороне эти печати несут изображение св. Феодора, на другой — пятистрочную греческую надпись: «Воззри на мя, протопроедра Евстафия»⁷¹ (рис. 1).

Греческий титул «протопроедр» встречается иногда на древнейших русских печатях и означает советника, помощника князя. В южной Руси такими советниками великих князей бывали митрополиты. Так, например, известна булла митрополита Ефрема, на которой владелец именуется протопроедром великого князя Святополка Изяславича⁷². Печати Евстафия самим местом находки связываются с Новгородом и несут на себе признаки такого же сложного характера административных функций их владельца. Соединение на этих печатях двух христианских имен, которые не могли принадлежать одному и тому же лицу, показывает, что Евстафий пользовался правом утверждения документов как советник или представитель какого-то Федора, входившего в число тех немногочисленных деятелей, каким в Новгороде рассматриваемого времени принадлежало право высшей юрисдикции. Такими деятелями в XI в. могли быть только князь и епископ. Среди епископов Новгорода XI—XII вв. мы знаем только одного Феодора (хиротонисан в 1069 г., умер в 1077 г.), однако печати Евстафия не могут быть связаны с ним, так как епископы сами были протопроедрами князей. Среди новгород-

⁷⁰ См. Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2. Л., 1930; В. Л. Янин. О печатях Ратибора. СА, 1960, № 2.

⁷¹ См. Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., 1928, стр. 158 и сл., 175; вып. 2, стр. 230; В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни XII в. СА, 1957, № 1, стр. 124 и сл.

⁷² См. В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни XII в., стр. 126.

ских князей XI — начала XII в. имеется также только один Феодор — Мстислав Владимирович, христианское имя которого названо в «Мстиславовом Евангелии»⁷³. Связывая печати Евстафия с периодом княжения Мстислава Владимировича, мы не можем искать их владельца среди новгородских епископов этого периода: кафедру в Новгороде при Мстиславе последовательно занимали Герман (1078—1095 гг.), Никита (1096—1108 гг.), Иоанн (1110—1130 гг.). Следовательно, само соединение на булле имен Феодора и Евстафия должно свидетельствовать о существовании в Новгороде конца XI — начала XII в. еще одного института власти, пользовавшегося правом утверждения документов.

Сопоставляя этот факт с уже изложенными наблюдениями, мы должны искать владельца рассматриваемых печатей среди тех загадочных посадников начальной части Списка А, деятельность которых мы относим ко времени Мстислава Владимировича. Обратимся к именам этих посадников. Печати Евстафия не могут принадлежать ни Петряте, ни Костянтину, ни Саве, ни Гюряте, ни Микуде. Имена всех этих посадников христианские, хотя и выраженные в народной форме. На печатях этих лиц изображение св. Феодора должно было бы сочетаться с именем Петр, или Константин, или Савва, или Георгий, или Николай. Возможными владельцами этих булл могут быть или Завид, или Миронег, или Улеб, христианские имена которых нам не известны.

С другой стороны, нам необходимо учитывать два весьма важных обстоятельства. Во-первых, печати Евстафия принадлежат одному лицу и не имеют аналогий в других группах сфрагистических памятников. Следовательно, связывая их с начальной историей посадничества нового типа, мы должны предполагать известную кратковременность употребления буллы этим институтом в начальный период его существования. Во-вторых, в сфрагистике Мстислава Владимировича известны и личные печати этого князя, которые, однако, не могут быть связаны с его первым новгородским княжением. Первый тип таких печатей (с надписью «Дньѣслово») датируется временем великого княжения Святополка Изяславича (1093—1113 гг.), второй тип (с надписью «Господи, помози рабу своему Феодору») — временем великого княжения Владимира Мономаха (с 1113 г.)⁷⁴. Таким образом, печати Евстафия и личные печати Мстислава Владимировича не синхронны. Буллы Евстафия могут быть отнесены к периоду первого княжения Мстислава (1088—1094 гг.). Эта датировка подтверждается и особенностями их типа. Бытование печатей греко-русского типа, к которому принадлежат и буллы Евстафия, в киевско-новгородской сфрагистике прекращается с утверждением на киевском столе Святополка Изяславича. Этот тип характерен для времени Всеволода Ярославича, с которым совпадает и первое новгородское княжение Мстислава Владимировича.

Эти наблюдения отвечают нашему главному выводу. Если посадничество нового типа возникло в тот период, когда княжение Мстислава не могло иметь самостоятельного характера, в этот период оно и должно было играть наиболее активную роль. Напротив, с возмужанием Мстислава эта роль уменьшается, приводя к перераспределению функций управления между князем и посадником.

Очевидно, что печати Евстафия следует связывать с теми посадниками, которыми открывается список восьми загадочных имен, отдавая

⁷³ «Мстиславово евангелие начала XII века в археологическом и палеографическом отношении». СПб., 1904; см. также «Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в.». СПб., 1864, стр. 162 и сл.

⁷⁴ См. В. Л. Янин. Печати с надписью «Дньѣслово». СА, 1962, № 2, стр. 167 и сл.

предпочтение Завиду, поскольку во времена следующих за ним Петряты и Костянтина печать протопроедра уже прекращает свое существование. В истории раннего новгородского посадничества времени Мстислава Владимировича, таким образом, возможно различать два этапа. На первом этапе (Завид—Евстафий) новый государственный институт осуществляет наиболее активную деятельность, по существу возглавляя систему управления Новгородом. Этот период охватывает первое княжение Мстислава. На втором этапе (остальные семь посадников) князь укрепляет свое положение в Новгороде (время Давыда Святославича, второе княжение Мстислава), но не имеет сил ликвидировать возникшую там систему двоевластия. Вмешательство Киева в новгородское управление в 1094 и 1102 гг. имеет целью ликвидацию института посадничества и восстановление старой системы взаимоотношений с Новгородом.

В этой связи следует отметить весьма интересное наблюдение И. М. Троицкого, который также относил возникновение посадничества нового типа к рубежу XI—XII вв. Им была предложена следующая гипотеза: «Посадники появились в Новгороде тогда, когда князь перестал жить на территории города и тем самым лишился возможности творить суд и расправу»⁷⁵. Не имея возможности признать справедливой заключительную часть приведенной цитаты, мы особо подчеркиваем отмеченный И. М. Троицкий факт превращения Городища в княжескую резиденцию не в 1136 г., как это обычно признается, а в более раннее время: еще в 1103 г. Мстислав Владимирович поставил на Городище церковь Благовещения⁷⁶. Если даже и не делать из этого факта далеко идущего вывода о переселении князя на Городище к началу XII в., известное противопоставление Городища Новгороду остается несомненным. Мысль И. М. Троицкого кажется нам более правильной в такой редакции: Городище приобретает особый характер в системе управления Новгородом тогда, когда в Новгороде возникло посадничество нового типа.

ПОСАДНИКИ ВРЕМЕНИ ВСЕВОЛОДА И ВОССТАНИЕ 1136 года

Время новгородского княжения Всеволода Мстиславича (1117—1136 гг.) характеризуется дальнейшим развитием тех процессов, первые результаты которых сказались в конце XI в. Это время насыщено событиями, определившими дальнейший ход новгородской истории. Новгородская политическая инициатива нашла свое главное выражение в восстании 1136 г., но это восстание подвело итог не только росту тенденции к самостоятельности, но и ряду других явлений, порожденных той же тенденцией.

Восстанию 1136 г. в литературе уделяется достаточно много внимания. Тем не менее и в его общей оценке, и в оценке связанных с восстанием явлений, на наш взгляд, до сих пор имеется немало неточностей. Весьма популярно представление о том, что в ходе восстания сформировались окончательно те развитые формы новгородской государственности, которые известны, например, для Новгорода XIII в. По-видимому, не существует ни одного литературного изложения событий 1136 г., в котором не устанавливалась бы непосредственная связь с этим восстанием таких институтов, как выборность республиканских властей, «вольность в князьях», низведение княжеской власти на роль второстепенного орга-

⁷⁵ И. М. Троицкий. Возникновение Новгородской республики. «Известия АН СССР», VII сер., Отд. обществ. наук. Л., 1932, № 5, стр. 363.

⁷⁶ НПЛ, стр. 19, 203. Основание Благовещенской церкви, по-видимому, должно быть связано с рождением сына Мстислава — Всеволода-Гавриила, дата которого летописцем не сообщена.

на государственной власти и т. п. Большинство исследователей, правда, убеждено в том, что посадники стали выборными еще в 1126 г., но и этот факт настолько объединяется с самим восстанием 1136 г., что создает впечатление необычайной стремительности формирования органов республиканского управления в Новгороде. Корни событий 1136 г. в этих изложениях не простираются вглубь далее 1126 и 1132 гг. Само восстание поэтому представляется в виде некоей революции, приступив к которой, новгородцы не располагали никакими формами участия в государственном управлении, а добившись победы, сразу создали у себя феодальную республику. Весьма характерно, что исследование Б. Д. Грекова, посвященное событиям 1136 г., было им озаглавлено «Революция в Новгороде Великом в XII в.».

Между тем в детальном изучении нуждаются все обстоятельства княжения Всеволода Мстиславича. Рассматривая их, мы сможем обнаружить немало явлений, противоречащих такой оценке восстания.

Первая группа важных событий относится к 1117—1118 гг. и непосредственно связана с вокняжением Всеволода Мстиславича в Новгороде. Мы уже видели, что задолго до вокняжения Всеволода, еще в 1102 г., новгородцы настаивают на своем праве не отпускать своего князя по требованию великого князя. Однако, когда в 1117 г. Мстислав был отозван Владимиром Мономахом на белгородское княжение, его уход не вызвал видимого противодействия новгородцев. Желание Мстислава быть ближе к великокняжескому столу, на который он имел право после смерти Владимира, совпало с желанием новгородцев получить себе в князя Всеволода Мстиславича, хотя спустя пятнадцать лет подобное желание, высказанное Всеволодом, привело к его изгнанию из Новгорода. Чем может быть объяснено это странное на первый взгляд изменение новгородской политики в 1117 г.?

Ответ на этот вопрос содержится в некоторых обстоятельствах событий 1132 г. В указанном году Всеволод после смерти своего отца и освобождения киевского стола был признан наследником нового великого князя Ярополка Владимировича и впервые устремился к югу. В том же году он был изгнан с юга другим претендентом на киевский стол Юрием Долгоруким и вернулся в Новгород. Однако новгородцы отказали ему в княжении, ссылаясь на нарушение им клятвы «хощю у вас умерети»⁷⁷. Следовательно, вокняжение Всеволода в 1117 г. уже сопровождалось заключением ряда между князем и городом о пожизненном княжении на новгородском столе. Такого ряда не заключал Мстислав и был волен в своих действиях, что и проявилось, например, в 1117 г. Но и Мстислав вынужден был пойти на компромисс с новгородцами, согласившись ради киевского стола на ограничение власти своего сына и преемника в Новгороде. Заключение ряда 1117 г. является порождением тенденций, проявившихся еще в 1088, 1096 и 1102 гг., и явным завоеванием новгородцев. Уже с 1117, а не с 1136 г. новгородцы стали «вольны в князьях» и в случае нарушения князем договора имели возможность прогнать его вне зависимости от воли Киева. Как увидим, этим правом Новгород воспользовался даже ранее 1132 г.

Летописный рассказ содержит некоторые существенные указания на действительное изменение положения новгородского князя с момента вокняжения Всеволода Мстиславича. Мстислав передал стол своему сыну и ушел из Новгорода в Киев 17 марта 1117 г.⁷⁸ 6 декабря того же года умер новгородский посадник Добрыня⁷⁹. О смерти следующего

⁷⁷ НПЛ, стр. 207.

⁷⁸ Там же, стр. 20, 204.

⁷⁹ Там же.

посадника Дмитра Завидича в 1118 г. летопись говорит в следующих выражениях: «Преставися Дмитр Завидович, посадник новгородчкыи, иуна в 9, посаднищав 7 месяць одину»⁸⁰. Действительно, между 6 декабря 1117 г. и 9 июня 1118 г. — ровно семь месяцев. Однако что должно означать выражение «посаднищав одину»? Эти слова дали Д. И. Прозоровскому повод утверждать, что начало посадничества Дмитра относится по крайней мере еще к тому времени, когда был жив Добрыня, а следовательно, в Новгороде первой четверти XII в. было два одновременно действующих посадника⁸¹. Н. А. Рожков, развивая эту мысль, говорил о двух линиях посадничества: посадники республиканские и посадники княжеские; последние с течением времени превратились в наместников⁸². На основании приведенного допущения Н. А. Рожков даже исключал так называемых «княжеских» посадников (Бориса, Данилу) из общего хронологического ряда новгородских посадников. Однако в действительности существуют единые списки и единый последовательно хронологический ряд новгородских посадников. Исключив отдельных посадников из этого ряда, Н. А. Рожков смог заменить их только вопросительными знаками. Наместники князя — явление более позднее и не уходящее корнями в какие-либо другие древние институты Новгорода, кроме самого института княжеской власти. Они закономерно появляются с того момента, когда перестает существовать особый новгородский князь — эпизодически в XIII в. и постоянно с первой половины XIV в.⁸³

Как же все-таки объясняется странное сообщение о посадничестве Дмитра «одину»? Вряд ли следует сомневаться в том, что оно связано со следующей фразой летописного рассказа о событиях того же 1118 г.: «Того же лета приведе Володимирь с Мьстиславом вся бояре новгородчкыя к Киеву, и заводи я к честному кресту, и пусти их домов, а иныя у себе остави; и разгневался на ты, оже грабиле Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Ставра, и заточи и вся»⁸⁴. В связи с этим рассказом, сообщающим об очень серьезном конфликте, в ходе которого произошло столкновение новгородских бояр с княжескими боярами, мы полагаем, что Дмитр Завидич все семь месяцев своего посадничества правил в Новгороде один, без князя, т. е. понимаем летописное сообщение буквально⁸⁵. Конфликт новгородцев с Всеволодом перерос в открытое столкновение с Киевом сразу же после вокняжения Всеволода, что является закономерным после заключения ряда, который ограничил степень вмешательства киевского князя в новгородские дела.

Однако недошедший до нас договор 1117 г. не сводился к вопросу об ограничении права новгородского князя искать себе другие столы.

⁸⁰ НПЛ, стр. 21, 204; ПСРЛ, т. IV, стр. 2.

⁸¹ См. Д. И. Прозоровский. Ук соч., стр. 101.

⁸² См. Н. Рожков. Ук соч., стр. 244 и сл.

⁸³ Между прочим, смерть Дмитра Завидича датирована 9 июня только в Новгородской Первой летописи младшего извода. Остальные тексты относят ее к 9 июля 1118 г., сохраняя в то же время и сообщение о семимесячном посадничестве «одину». Если бы мы могли быть твердо уверенными в правильности более поздней даты, предположения Д. И. Прозоровского вообще оказались бы беспочвенными, так как эта дата позволила бы утверждать, что посадничество Дмитра «одину» началось только спустя месяц после смерти посадника Добрыни. К сожалению, отдать предпочтение какой-либо из двух названных дат затруднительно.

⁸⁴ НПЛ, стр. 21, 204; ПСРЛ, т. IV, стр. 2.

⁸⁵ Выражение «сидети одину» в отмеченном значении употребляется летописцем и позднее. Под 1197 г., в частности, сообщается: «Прииде от Чернигова к Новгороду князь Ярополк Ярославичь... и севеши ему одину 6 месяць, и выгнаша его из Новгорода» (НПЛ, стр. 43, 236). Здесь говорится о шестимесячном правлении князя без посадника: Ярополк был призван новгородцами в тот период, когда посадник Мирошка находился в заточении у Всеволода Юрьевича.

Вторым его важным условием был вопрос о посаднике. Сопоставление некоторых фактов, относящихся ко времени Всеволода Мстиславича, позволяет утверждать, что договор не только конституировал двоевластие посадника и князя, но и определял посадничество как представительный орган местного новгородского боярства, что было не менее существенным ограничением прав великого князя.

Прежде чем перейти к рассмотрению этих фактов, нужно отметить, что именно с вокняжением Всеволода Мстиславича просыпается активный интерес летописца к посадникам. Если ни один из посадников времени Мстислава в летописи не назван вообще, то стоило только сесть на новгородском столе Всеволоду, как сведения о посадниках приобретают систематический характер.

В самом деле, Мстислав ушел из Новгорода 17 марта 1117 г., а уже под тем же годом мы читаем в летописи о смерти 6 декабря посадника Добрыни⁸⁶. 9 июня или 9 июля 1118 г. умер посадник Дмитр Завидич⁸⁷. В 1119 г. умирает посадник Костянтин Мосеевич, а под следующим годом летописец сообщает, что в Новгород пришел из Киева посадничать Борис. О дальнейшей деятельности Бориса нет сведений. Следующее сообщение относится к 1126 г., когда посадничество получил Мирослав Гюрятинич. Под 1128 г. содержится известие о предоставлении посадничества Завиду Дмитровичу, скончавшемуся в том же году, а после него Даниле, пришедшему из Киева в 1129 г.⁸⁸ В начале 1131 г. новгородское посадничество получил Петрила Микульчич⁸⁹, оставшийся у власти до осени 1134 г., когда во время неудачного похода на Суздаль посадничество было у него отобрано и передано Иванке Павловичу. 26 января 1135 г. и Иванко и Петрила погибают в битве у Ждановой горы, и в феврале 1135 г. посадничество снова переходит к Мирославу Гюрятиничу⁹⁰. 28 января 1136 г. Мирослав умер, и на посадничестве оказался Костянтин Микульчич⁹¹.

⁸⁶ Это его, по-видимому, вспоминает летописец под 1184 г., когда, рассказывая о построении «немецкой ропаты» на месте перенесенной церкви Иоанна Предтечи, говорит, что «о том бысть чюдо о посадники Добрыни» (ПСРЛ, т. III, стр. 216). И. И. Григорович (Опыт, стр. 70 и сл.) сближает посадника Добрыню с воеводой Мстислава Владимировича — Добрыней Рагуиловичем, бывшим «в стороже» во время похода на Олега Святославича в 1096 г. (ПСРЛ, т. I, стр. 108; т. VII, стр. 11). Однако такое сопоставление может быть только очень предположительным, так как оба свидетельства разделены двадцатилетним промежутком.

⁸⁷ НПЛ, стр. 21, 204; ПСРЛ, т. IV, стр. 2. В 1122 г. на дочери Дмитра Завидича женился великий князь Мстислав Владимирович после смерти своей первой жены Христины. НПЛ, стр. 21, 205; ПСРЛ, т. II, стр. 9; т. IV, стр. 2; т. V, стр. 156; т. VII, стр. 25.

⁸⁸ НПЛ, стр. 21, 22, 205, 206; ПСРЛ, т. IV, стр. 2, 3, 4.

⁸⁹ НПЛ, стр. 22, 207; ПСРЛ, т. IV, стр. 4. С Петрилой Микульчичем связывают известный новгородский кратир работы Братилы, на котором помещена надпись: «Съ съсудъ Петриловъ и жены его Варвары» (Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд-во АН СССР, М., 1948, стр. 298 и сл.). Доказать это предположение невозможно, так как нам не известно имя жены Петрилы. Другой парный сосуд работы Косты иногда приписывают дочери Петрилы — Марье, так как на нем помещена надпись: «Съ съсуд Петровъ и жены его Марье». Летописец сообщает о женитьбе в 1136 г. князя Святослава Ольговича на какой-то вдове в Новгороде. Татищеву было известно, что эту вдову звали Марией, а Щербатову — что она была дочерью посадника Петрилы.

⁹⁰ НПЛ, стр. 23, 208; ПСРЛ, т. IV, стр. 4; т. V, стр. 157; т. VII, стр. 30. Иванко Павлович известен также по надписи на Стерженском кресте — 1133 г., поставленном в верховьях Волги за год до получения Иванкой посадничества: «В лето 6641 месяца июля 14 день почаш рыти реку сю яз Иванко Павловичъ и крест съ поставх». См. А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 24, № 15.

⁹¹ НПЛ, стр. 23—24, 208—209; ПСРЛ, т. IV, стр. 4. И. И. Григорович (Опыт, стр. 79) говорит о смерти в 1135 г. посадника Мирослава Микульчича, явно объединяя сведения о смерти Петрилы Микульчича и Мирослава Гюрятинича. Неправильным оказывается и включение И. И. Григоровичем (Опыт, стр. 79) в число посадников Якуна Михайловича, убитого в 1135 г.

Несмотря на некоторые пробелы, не позволяющие в отдельных случаях точно датировать смену посадников, мы имеем право говорить о том, что интерес летописца к посадникам стал действительно постоянным, а изложение судеб посадничества регулярным. В этом изложении нет ни пропусков, ни нарушения очередности, в чем легко убедиться, сравнивая летописные сведения с показаниями. Списка А:

<i>Летопись</i>	<i>Список А</i>
—1117 гг. Добрыня	(12) Добрыня
1117—1118 гг. Дмитр Завидич	(13) Дмитр
—1119 гг. Костянтин Мосеевич	(14) Костянтин
1120— гг. Борис	(15) Борис
1126— гг. Мирослав Гюрятинич	
1128 г. Завид Дмитрович	(16) Завид
1129— гг. Данила	(17) Данило
1131—1134 гг. Петрила Микульчич	(18) Петрята
1134—1135 гг. Иванко Павлович	(19) Иванко
1135—1136 гг. Мирослав Гюрятинич	(20) Мирослав
1136—1137 гг. Костянтин Микульчич	(21) Костянтин

Нам неизвестно, почему Мирослав в очередности посадников помещен в Списке А там, где он посадничал второй раз. Но это нарушение не принадлежит к числу бессмысленных ошибок и оказывается важным свидетельством независимости этой части списка от летописного текста. На наш взгляд, вполне возможна недостоверность летописного сообщения о посадничестве в 1126—1128 гг. Мирослава Гюрятинича. Как увидим далее, при повторных посадничествах одних и тех же лиц место таких посадников в Списке А определяется первым посадничеством, а не последующими избраниями. Поэтому возможно, что в 1126 г. был избран не Мирослав, а один из посадников, уже избравшийся в более раннее время, например Гюрята, имя которого могло быть передано в форме «Гюрятин», что должно было ввести в заблуждение позднейших сводчиков⁹². На независимость рассматриваемой части Списка А от летописного рассказа указывает, между прочим, наименование восемнадцатого посадника Петрятой, тогда как летописцу он известен под именем Петрила. Точность в полноте имен и их очередности позволяет думать, что и в той части списка, где речь шла о посадниках времени Мстислава Владимировича, соблюдена такая же аккуратность.

Итак, с вокняжением Всеволода Мстиславича судьбы посадников прочно входят в круг основных интересов летописца. Этого, конечно, мало для того, чтобы говорить о существовании особого условия, касающегося посадников, в договоре 1117 г., тем более что среди посадников времени Всеволода мы видим двух, присланных из Киева великим князем. Однако обратимся к некоторым обстоятельствам, связанным с посадничеством в Новгороде киевлян, уделяя особое внимание самому факту двукратного вмешательства киевских князей в новгородские порядки именно при Всеволоде Мстиславиче.

Первый из этих посадников — Борис — прибыл в Новгород в 1120 г., будучи прислан Владимиром Мономахом. Мономах, таким образом, настаивает на праве своего вмешательства в новгородское управление, на полной подчиненности Новгорода великим князьям вопреки установившимся ограничениям княжеской власти. Борис, по-видимому, остается

⁹² Ср., например, употребление форм «Нежата» и «Нежатин», примененных летописцем к одному лицу.

посадником до смерти Владимира Мономаха, а самое его утверждение в Новгороде может быть объяснено тем, что в памяти новгородских бояр еще свежи были воспоминания о расправе и крестоцеловании 1118 г. Однако стоило только Владимиру Всеволодовичу умереть, как в Новгороде происходят события, связь которых с посадничеством Бориса для нас несомненна. Под 1125 г., вслед за рассказом о смерти Мономаха, переходе киевского княжения к Мстиславу Владимировичу, о «великой буре с градом» и «исписании» церкви в Антоновом монастыре летописец неожиданно сообщает: «В то же лето посадиша на столе Всеволода новгородци»⁹³. Следовательно, перед тем Всеволод был лишен стола. С какими же причинами может быть связано это событие?

Обратимся к деятельности Всеволода Мстиславича, начавшейся сразу же после возвращения ему новгородского княжения. В самом начале 1126 г. он отправляется в Киев к Мстиславу, приходит оттуда в Новгород 28 февраля, и сразу же «вдаша посадничество Мирославу Гюрятиницю»⁹⁴. Очевидно, что временное изгнание князя и последовавшая за ним поездка в Киев связаны как-то с вопросом о посадничестве.

В 1129—1130 гг. события повторяются в той же последовательности и с тем же результатом, но в менее острых формах. Вслед за приходом на посадничество Данилы из Киева, присланного великим князем Мстиславом Владимировичем, Всеволод в 1130 г. снова отправляется в Киев, а сразу же по его возвращении посадничество получает Петрила⁹⁵.

В обоих случаях назначение посадника из Киева порождает конфликт между новгородцами и княжеской властью, грозящий Всеволоду потерей новгородского стола. События 1129—1130 гг. объясняют ту легкость, с которой в 1117 г. новгородцы расстались с Мстиславом. С тех пор как на киевском столе утвердился Владимир Мономах, Мстислав — сторонник удержания Новгорода в орбите киевского политического влияния, тогда как в 1102 г. он не мог быть действительным сторонником такой политики: Киев тогда находился в руках Святополка Изяславича. Сам сделавшись великим князем, Мстислав продолжает политику своего отца и не признает завоеваний новгородцев, ставя в затруднительное положение и своего сына Всеволода, которому, чтобы не потерять новгородский стол, приходится ездить в Киев и добиваться отмены великокняжеских распоряжений. Между Всеволодом и Новгородом, таким образом, существует принудительный союз. Всеволод Мстиславич вынужден подчиняться новгородцам в вопросе о посадничестве, и только эти поездки в Киев, по-видимому, помешали в дальнейшем включить в список его преступлений против Новгорода нарушения договора о посадниках.

Смысл соглашения 1117 г. о посадничестве ясно определяется изложенными фактами. Усвоение термина «посадник» для обозначения новых форм государственной власти свидетельствует о том, что новгородское посадничество было представительством. Однако оно не было представительством от киевского князя, поскольку присвоение Киевом права назначать посадников ведет к острым конфликтам с новгородцами. Оно не было представительством и от новгородского князя, так как противостоит княжеской власти. Мы увидим далее, что свержение и изгнание князя не мешает посаднику продолжать свою деятельность. Следовательно, в системе государственного управления времени Всеволода посадники могли осуществлять представительство только от самого Новгорода, будучи органом республиканской власти.

⁹³ НПЛ, стр. 205.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

Возводя первые практические шаги в формировании этого органа к концу XI в., мы должны отметить, что процесс образования боярского землевладения, являющийся главной основой антикняжеской борьбы новгородского боярства, зашел сравнительно далеко уже к этому времени. Формирование посадничества нового типа, успешная борьба с киевскими князьями в 1096, 1102, 1126 и 1130 гг. отражают не только становление боярского самосознания, но и являются первыми политическими результатами образования в Новгороде класса местных бояр-землевладельцев. На протяжении длительного периода Новгород и его область не привлекали к себе серьезного внимания киевских князей и их дружинников. Князья видят в новгородском столе только один из этапов на пути к киевскому княжению. Их дружинники также не оседают в Новгороде, примером чему может служить потомство Остромира. Поэтому в Новгороде не образуется сколько-нибудь значительный княжеский домен, а общинная земельная собственность постепенно экспроприруется не князем и не пришлой дружиной, а местной родо-племенной знатью. В нашу задачу не входит специальное исследование этого процесса, который не раз обсуждался в советской исторической литературе. Мы обращаем внимание лишь на некоторые политические результаты формирования в Новгороде класса местных феодалов, сказавшиеся на развитии государственности.

В связи с республиканской сущностью новгородского посадничества нам не кажется сколько-нибудь доказанным популярный в литературе вывод о том, что выборными посадники становятся только с 1126 г. Этот вывод основывается на том, что именно под 1126 г. летописец, говоря о предоставлении посадничества Мирославу, впервые употребляет термин «въдаша», подразумевающий подлежащее «новгородцы»⁹⁶. Однако нам неизвестна терминология предоставления посадничества в более раннее время. Предполагая, что до 1126 г. посадники не избирались на вече, а назначались князем, следовало бы проверить это предположение поисками таких аргументов, которые могли бы подтвердить существование указанной разницы между Добрыней, Дмитрием Завидичем и Костянтином Мосеевичем, с одной стороны, и Завидом Дмитриевичем, Петрилой Микульчичем, Иванкой Павловичем, Мирославом Гюрятиничем и Костянтином Микульчичем — с другой. К такому сравнению мы обратимся при анализе сфрагистических памятников этих посадников, здесь же, предвосхищая его результаты, отметим, что существующие материалы не обнаруживают принципиальной разницы между посадниками 1117—1119 гг. и посадниками более позднего времени.

Борьба новгородских бояр вокруг посадничества не сводится только к противодействию великому князю в его стремлении удержать Новгород во власти Киева. Посадничество теряют не только киевляне Борис и Данило, оно является объектом борьбы и внутри самого новгородского боярства. Если чаще всего конец посадничества вызывается смертью посадника (Добрыни в 1117 г., Дмитра в 1118 г., Костянтина в 1119 г., Завида в 1128 г., Иванки в 1135 г., Мирослава в 1136 г.), то посадничество Петрилы Микульчича прервалось иначе, когда после четырехлетнего пребывания у власти он был заменен Иванкой Павловичем.

Эта замена произошла во время особенно резкого обострения внутренней обстановки в Новгороде. В начале года Всеволод Мстиславич начинает готовиться к походу на Суздаль, где он намеревался посадить князем своего брата Изяслава. Отношение новгородцев к этому походу

⁹⁶ См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 205.

не было единодушным. Летописец сообщает: «Почаша молвите о сужальстеи воине новгородци и убиша муж свои и вергоша с мосту в субботу пянтикосьтнюю» (канун Троицы, 2 июня 1134 г.). Эта борьба продолжалась и во время похода, «и на том же пути отьяша посадничество у Петриле и даша Иванкове Павловичю», что заставило Всеволода вернуться с полдороги в Новгород⁹⁷. Вполне очевидно, что переворот в посадничестве был не в пользу князя Всеволода. С другой стороны, обстоятельства переворота показывают, что внутри новгородского боярства не существовало единства в политической оценке взаимоотношений Новгорода с князем. Общоновгородская антикняжеская борьба сочеталась с борьбой между активными противниками князя Всеволода и более умеренной частью боярства, на которую Всеволод мог опираться внутри Новгорода. Существование таких внутренних противоречий в событиях времени Всеволода прослеживается неоднократно. Внутриваршавская борьба достигает наибольшей остроты в 1132 и 1136 гг.

Восстание 1132 г. было вызвано попыткой Всеволода нарушить ряд с новгородцами и утвердиться в Переяславле Русском, поближе к великокняжескому столу. Потерпев поражение от Юрия Долгорукого, Всеволод вернулся в Новгород, но новгородцы не пожелали принять его. «Бысть встань велика в людех, — сообщает летописец, — и приидоша плесковичи и ладожане Новугороду, и выгнаша князя Всеволода из города». Однако этот решительный акт не был доведен до конца. Решение об изгнании князя послужило предметом ожесточенной борьбы на вече, закончившейся возвращением Всеволода на стол⁹⁸.

Последний исследователь этих событий М. Н. Тихомиров склонен рассматривать их конечный результат как победу новгородцев. «Результатом восстания, — пишет М. Н. Тихомиров, — было изгнание Всеволода из Новгорода и смена посадников. Посадник Мирослав был отослан посадничать в Псков, возможно, по соглашению с псковичами. Всеволод почти тотчас же после своего изгнания возвратился на новгородский стол, но волнения в Новгороде не утихли»⁹⁹. Между тем летописец излагает события в несколько иной последовательности: «И паки, сдумавше, въспятиша и (Всеволода. — В. Я.) опять Устьях; а Мирославу даша посадничать в Плескове, а Рагуилове в Ладозе»¹⁰⁰. Все три названных в цитированном рассказе действия являются результатом второго вечевого обсуждения, благоприятного для Всеволода. В действительности никакой смены посадников в Новгороде в 1132 г. не происходит. На новгородском посадничестве находился сторонник Всеволода Петрила Микульчич, избранный еще в 1131 г. и остававшийся у власти до 1134 г. В этой связи особое значение приобретает вопрос о политической характеристике нового псковского посадника 1132 г. Мирослава Гюрятинича.

Исследователи по-разному оценивают деятельность Мирослава. Если Д. А. Введенский склонен видеть в Мирославе лицо, находившееся в решительной оппозиции к Всеволоду¹⁰¹, то М. Н. Тихомиров решительно признает его деятелем, принадлежавшим к числу сторонников Всеволода. Однако эти противоположные взгляды слабо аргументиро-

⁹⁷ НПЛ, стр. 23, 208; ПСРЛ, т. IV, стр. 4; т. V, стр. 157; т. VII, стр. 30.

⁹⁸ НПЛ, стр. 207.

⁹⁹ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси, стр. 189 и сл.

¹⁰⁰ НПЛ, стр. 207. И. И. Григорович (Опыт, стр. 76) ошибочно включает Рагуила в число посадников Новгорода.

¹⁰¹ См. Д. А. Введенский. К истории образования Новгородской республики. «Уч. зап. Харьковск. гос. ун-та», № 15. Труды истор. ф-та, № 1. Харьков, 1939.

ваны. Д. А. Введенский исходит из самого факта избрания Мирослава на вече, т. е. обстоятельства, не имеющего отношения к политической характеристике посадника. М. Н. Тихомиров отождествляет Мирослава с биричем Мирошкой, упомянутым в «Уставе Всеволода», и вводит его, таким образом, в состав ближайшего окружения князя¹⁰².

Политическая характеристика Мирослава, на наш взгляд, должна исходить из того обстоятельства, что его возвышение в 1132 г. стало возможным в результате компромисса между крайними силами антикняжеской борьбы. И дальнейшая его политическая карьера определяется столкновением внутренних новгородских сил и компромиссом между ними. Мирослав Гюрятинич избран на новгородское посадничество в начале 1135 г. в весьма сложной обстановке. Только что закончился неудачный поход под Жданову Гору. В дальнейшем новгородцы вспомнят этот поход, предъявляя обвинения Всеволоду. Однако на первых порах неудача похода, как это ни парадоксально, должна была несколько укрепить позиции князя. В самом деле, подготовка похода и сам поход происходили в обстановке нового усиления антикняжеской борьбы. Новгородцы лишили посадничества сторонника Всеволода — Петрилу Микульчича — и вопреки желанию князя избрали Иванку Павловича. Руководство военными действиями было осложнено соединением у власти наиболее решительно противостоящих друг другу сил. Поражение при Ждановой Горе неизбежно должно было вести и к некоторому ослаблению основных группировок антикняжеской борьбы, к выдвиганию на первый план идей компромисса между князем и городом. Одновременная гибель Петрилы Микульчича и Иванки Павловича как бы символизирует то кратковременное политическое равновесие, которое установилось в начале 1135 г. Компромиссный характер посадничества Мирослава продемонстрирован и его действиями в 1135 г., когда он ходил мирить киевлян с черниговцами, «не успев ничто же» и так и не решившись присоединиться ни к одной из борющихся сторон¹⁰³. Напомним, что колебания князя Всеволода в этой борьбе в дальнейшем были включены в предъявленные ему обвинительные пункты.

Борьба внутри новгородского общества отражена и событиями 1136 г. 28 мая 1136 г., после того как новгородцы снова призвали псковичей и ладожан, Всеволод был схвачен вместе с детьми и тещей и посажен под стражу на владычном дворе, где его стерегли в течение месяца «30 муж с оружием». Князю было предъявлено четыре обвинения: «неблюдение смердов», нарушение клятвы пожизненно княжить в Новгороде, совершенное им в 1132 г. («чему еси хотел сести в Переяславли»), трусость и плохое руководство войском в 1134—1135 гг. («ехал еси с полку преде всех») и поддержка им великого князя в 1135—1136 гг. («велев ны ко Всеволодку приступити, а паки отступити велит») ¹⁰⁴. Всеволод был изгнан из Новгорода 15 июля, а уже 19 июля на новгородский стол был приглашен брат черниговского князя — главного противника киевского князя — Святослав Ольгович. В течение четырех дней до прихода Святослава на новгородском столе сидел младенец, сын изгнанного Всеволода Владимир. Эти четыре дня свидетельствуют все о том же отсутствии единодушия в среде новгородского боярства, часть которого продолжает поддерживать изгнанного князя уже в лице его наследника.

¹⁰² Ниже мы постараемся показать, что «Устав Всеволода» вообще не может быть привлечен в число источников рассматриваемой темы.

¹⁰³ НПЛ, стр. 23, 208.

¹⁰⁴ Там же, стр. 24, 209.

Летопись прямо сообщает о существовании такой провсеволодовской группировки, к которой принадлежал и избранный после смерти Мирослава Гюрятинича в начале 1136 г. посадник Костянтин Микульчич. Удержавшись на посадничестве во время восстания, Костянтин уже 7 марта 1137 г. перебежал к Всеволоду, а на его место был избран Якун Мирославич¹⁰⁵. Внутренняя борьба в Новгороде не затихает вплоть до смерти Всеволода Мстиславича 11 февраля 1138 г. В начале 1137 г. «милостьнице Всеволожи» покушаются на жизнь нового князя Святослава. Особой остроты эта борьба достигает в 1137 г., когда Всеволод Мстиславич появился в Пскове и вновь предъявил претензии на новгородский стол. В Новгороде снова «мятеж бысть велик», отдельные бояре из числа приверженцев изгнанного князя потянулись в Псков, были разграблены дома Костянтина, Нежаты «и еще же ищуще то, кто Всеволоду приятель бояр, ть имаша на них не с полуторы тысяце гривен, и даша купцем крутиться на воину»¹⁰⁶.

Подробности событий 1136—1137 гг. показывают тесную связь политических столкновений с классовой борьбой в новгородском обществе. Борьба против Всеволода опирается на классовое недовольство новгородских социальных низов, о чем свидетельствует и включение в обвинительные пункты упрека в «неблюдении смердов», и особая роль купечества в организации отпора Всеволоду в 1137 г. Классовый характер антикняжеского движения в значительной степени объясняет и то внутрибоярское размежевание, которого мы только что коснулись. Будучи самым непосредственным образом заинтересовано в расширении собственного участия в государственном управлении, боярство в антикняжеской борьбе в целом занимает противоречивую и двусмысленную позицию. Оно переживает закономерный политический конфликт с князем, испытывая в то же время необходимость в нем как в классовом союзнике. В этих условиях существуют, по-видимому, три возможных аспекта взаимоотношений боярства и князя: борьба за ликвидацию остатков великокняжеского суверенитета и торжество принципа «вольности в князьях», позволяющая поставить княжеское управление под полный контроль республиканских органов, борьба за поддержание существующей системы взаимоотношений и, наконец, укрепление боярских позиций путем поддержки князя и в обмен на эту поддержку.

Легко заметить, что все три линии находят воплощение в политике определенных лиц из числа посадников времени Всеволода. Тенденция «вольности в князьях» победила в ходе восстания 1136 г., но она едва не восторжествовала еще в 1132 г., а в 1134 г. ее носителем, по-видимому, был Иванко Павлович. Отметим, что деятельность этого посадника близко смыкается с интересами купечества, поскольку с его именем связана забота о совершенствовании новгородских путей сообщения. Всеволода активно поддерживают посадники Петрила Микульчич и Костянтин Микульчич, против которых выступают широкие слои новгородцев в 1134 и 1136 гг. Наконец, деятельность Мирослава Гюрятинича, будучи порождена компромиссом в борьбе между двумя этими крайними группами, может быть сведена к поддержанию уже существовавших форм взаимоотношений с князем.

Противоречивость боярской позиции особенно подчеркивается тем обстоятельством, что в момент наивысших успехов антикняжеского дви-

¹⁰⁵ НПЛ, стр. 24, 209. И. И. Григорович (Опыты, стр. 81), ссылаясь на Татищева, говорит об уходе из Новгорода в 1137 г. «посадника Федора Дашкова», но сам признает это сообщение ошибочным.

¹⁰⁶ Там же, стр. 24—25, 210.

жения в 1132 и 1136 гг. посадничество как орган боярской власти оканчивается в конечном счете на стороне Всеволода Мстиславича.

Подводя итоги тем результатам, к которым привели события княжения Всеволода, мы на первом месте должны назвать торжество принципа «вольности в князьях». В 1136 г. новгородцы впервые получили князя не из Киева, а по своей инициативе, избрав противника Мономаховичей. Однако нельзя говорить, что этот принцип родился только в ходе восстания. Он сложился за много лет до 1136 г. и уже с конца XI в. существовал в несколько иной форме — в виде требования новгородцев постоянно удерживать князя на своем столе. Этот принцип был оформлен в договоре 1117 г., осуществлен в 1125 и 1132 гг., но окончательно восторжествовал только в 1136 г.

Восстание 1136 г. вовсе не порождает тех норм республиканской жизни, возникновение которых обычно связывается с ним. Их сложение начинается в более раннее время. Посадничество нового типа, этот главный орган республиканской власти, впервые возникает еще в конце XI в. и, по-видимому, с самого начала является выборным. Что касается выборности князей, вопрос о принадлежности новгородского стола решается на вече еще в 1125 и 1132 гг. Наконец, невозможно говорить и о том, что выборность прочих новгородских властей была непосредственным порождением восстания 1136 г. Первые выборы епископа относятся к 1156 г., когда владыкой избрали Аркадия. Первым тысяцким был Миронег — деятель конца XII в. Это весьма отдаленные результаты событий бурного княжения Всеволода Мстиславича.

В то же время восстание 1136 г. является главным и итоговым результатом длительной борьбы, наполнявшей политическую жизнь Новгорода на протяжении всего княжения Мстислава и всего княжения Всеволода, а не стремительной вспышкой внезапно пробудившегося политического самосознания новгородцев. Начало формирования органов республиканского управления Новгорода датируется временем княжения Мстислава Владимировича, а окончательное их сложение происходит долгое время спустя после восстания 1136 г.

Однако в развитии новгородской государственности, и в частности в развитии посадничества, княжение Всеволода и восстание 1136 г. занимают особое место, которое может быть определено изучением сфрагистических памятников эпохи.

ПЕЧАТИ НОВГОРОДСКИХ ПОСАДНИКОВ ВРЕМЕНИ ВСЕВОЛОДА

Называя новые формы новгородского посадничества ограничением княжеской власти, мы вовсе не касались вопроса о сущности этого ограничения. Любое ограничение власти есть в то же время и ее разграничение, если только функции власти не дублируются, когда возникает двоевластие. С чем же мы имеем дело в Новгороде времени Мстислава и Всеволода? Было ли посадничество государственным органом, осуществлявшим функции частичной власти, изъятой из компетенции князя? Или это был орган боярского контроля над деятельностью князя, вторгавшийся во все княжеские мероприятия? Или же, наконец, это был орган, существовавший рядом с княжеской властью и осуществлявший те же самые функции? Вполне очевидно, что речь идет о распределении юрисдикции между князем и посадником в это раннее время.

По-видимому, существует лишь одна возможность исследовать эту проблему — возможность сфрагистическая. Действительно, любое важное государственное решение немислимо без надлежащим образом оформленного документа. Если такие документы не сохранились в архи-

вах, то земля сохранила их следы в виде многочисленных вислых печатей, которые в своей совокупности отражают всю историю развития средневековых государственных учреждений Новгорода.

Таким образом, первостепенную важность приобретает вопрос о времени возникновения посадничьей печати и ее месте среди других новгородских булл. Мы не придаем в этой связи существенного значения печатям с именем Евстафия, который выше был нами отождествлен с первым посадником нового типа — Завидом. Печати Евстафия хронологически изолированы от всех позднейших посадничьих булл, и самое их существование, нужно думать, было вызвано сосредоточением в руках Завида всех государственных функций в период малолетства князя Мстислава Владимировича. Отсутствие аналогичных печатей с именами более поздних посадников времени Мстислава — Саввы, Георгия (Гюряты), Николая — говорит о том, что постоянный институт посадничьей печати во времена Мстислава Владимировича еще не сложился.

К решению вопроса о времени появления таких печатей могут быть привлечены многочисленные найденные в Новгороде печати с русской надписью «Господи, помози рабу своему...». Печати этого типа были анализированы в работе Н. П. Лихачева и в наших статьях¹⁰⁷, где признавалась их княжеская принадлежность. Накопление новых материалов позволяет теперь признать, что этот вывод не только не аргументирован в должной степени, но и противоречив.

Признание княжеской принадлежности всех новгородских печатей с формулой «Господи, помози» заставляет датировать эти печати только в пределах чрезвычайно длительного периода. Если одни печати с такой формулой датируются началом XII в., то другие приходится относить к первой четверти XIII в., чему противоречит исключительная компактность этой сфрагистической группы. Близкое родство основных признаков этого типа, техническое и стилистическое сходство заставляют настаивать на том, что все такие печати относятся к одному периоду, ограниченному весьма узкими хронологическими рамками. Признавая их княжескую принадлежность, мы останавливаемся перед целой серией недоуменных вопросов. Во-первых, хорошо известно, что княжеская сфрагистика XII—XIII вв. обильно представлена буллами совершенно иного типа, обозначающего христианские имя и отчество князя патрональными изображениями его самого и его отца. В конце концов это противоречие в какой-то степени могло бы быть устранено предположением об особом функциональном назначении печатей с формулой «Господи, помози». Однако такое предположение ставит перед исследователем второй недоуменный вопрос. Нам хорошо известны христианские имена некоторых князей, подолгу правивших в Новгороде. Назовем Всеволода-Гавриила Мстиславича (1117—1136 гг.), Святослава-Николая Ольговича (1136—1138, 1139—1140 гг.), Юрия-Георгия Андреевича (1172—1175 гг.). Тем не менее не существует печатей с благожелательной формулой и именами Гавриил, Николай, Георгий. Имеющиеся на печатях имена в редких случаях могут быть сопоставлены с возможными христианскими именами некоторых князей, правления которых значительно отстоят одно от другого. Большинство же печатей так и остается загадкой, заставляющей предполагать какое угодно решение.

Между тем признание печатей с надписью «Господи, помози» типом, существовавшим непродолжительное время, позволяет дать им атрибу-

¹⁰⁷ См. Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, раздел «Печати с формулой „Господи, помози“», стр. 103—134; В. Л. Янин. Печати из новгородских раскопок 1951 г. СА, XVIII, 1953, стр. 376—379; его же. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, 1956, № 55, стр. 153 и сл.

цию, лишенную противоречий. Прежде всего следует отметить, что предполагавшаяся ранее их княжеская принадлежность основывалась лишь на сравнении русской благопожелательной формулы с греческой благопожелательной формулой печатей XI в. Считалось, что, поскольку печати XII в. с русской надписью «Господи, помози» прямо продолжают линию развития булл XI в. с греческой надписью «ΚΥΡΙΕ ΒΟΝΘΕΙ», зафиксированной на различных княжеских печатях, они и в своем русском варианте должны обязательно связываться с княжеской сфрагистикой. Однако благопожелательная формула в XI в. присуща не только княжеским печатям, но и целому ряду владычных булл¹⁰⁸. Как мы уже видели, она имеется и на печатях Евстафия.

С другой стороны, само понятие типа в русской сфрагистике вислых печатей в позднейшее время, несомненно, связано с принадлежностью булл. Знакомство с наиболее разработанными разделами русской сфрагистики второй половины XII—XIII вв. и более позднего времени позволяет утверждать, что сосуществование печатей разных должностных лиц предполагает обязательные различия в оформлении их типа. Печати князей оформлены иначе, чем печати митрополитов и епископов, посадников или тысяцких. Этой особенности еще не знала сфрагистика XI в. Следовательно, правильность общего истолкования печатей с надписью «Господи, помози» во многом зависит от их хронологического определения. Они могут относиться к тому периоду, когда тип уже стал признаком принадлежности к институту государственной власти; в этом случае вся группа однотипных печатей должна быть единой по своей принадлежности. Но они могут относиться и к более раннему периоду и принадлежать разным институтам.

Таким образом, атрибуция этих печатей не может быть построена на отвлеченных представлениях. Она должна основываться на четком решении хронологической проблемы. В этом отношении наиболее существенным обстоятельством является несомненная преемственность печатей с надписью «Господи, помози» от печатей с надписью «ΚΥΡΙΕ ΒΟΝΘΕΙ», которая прослеживается не только в смысловом тождестве их легенд, но и в приемах оформления печатей (в частности, на буллах с русской надписью преобладают поясные изображения святых, что характерно для сфрагистики XI—первой трети XII вв.).

Греко-русский тип булл, сохраняющийся во владычной сфрагистике на протяжении всего XII в., в светской сфрагистике отмирает на рубеже XI—XII вв. Последние княжеские печати, несущие на себе греческую благопожелательную надпись, датируются временем Всеволода Ярославича (1078—1093 гг.)¹⁰⁹, Святополка Изяславича (новгородское княжение, 1078—1088 гг.)¹¹⁰, Давыда Игоревича (1081—1112 гг.)¹¹¹, Владимира Всеволодовича (докиевский период его княжения, до 1113 г.)¹¹². В киевско-новгородской сфрагистике этот тип с вокняжени-

¹⁰⁸ Печати митрополита Георгия (1060-е гг. — 1073 г.) (Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Комплект фототипических таблиц и рукописный текст, хранящиеся в Архиве ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 2, № 444, XLV, 5, 6), неизданная печать митрополита Иоанна II (1080—1089 гг.), хранящаяся в собрании Киевского государственного исторического музея.

¹⁰⁹ См. Н. П. Лихачев. Материалы, вып. I, стр. 146—154. Здесь Н. П. Лихачев перечисляет 10 экземпляров печати Всеволода. Добавим еще один неизданный экземпляр, найденный в 1956 г. в с. Вигуровщина Броварского р-на, Киевской области (хранится в Киевском государственном историческом музее).

¹¹⁰ Найден в Старой Ладоге, хранится в Археологическом отделе Эрмитажа; не издан.

¹¹¹ См. Z. Wartalska. Gród czerwieński; Sutijsk na pograniczu polskoruskim. Warszawa, 1958, стр. 31, рис. 14 (5 экз.).

¹¹² Неизданные экземпляры из Старой Ладоги (Археологический отдел Эрмитажа) и Новгорода (находка 1960 г., Новгородский музей).

ем Святополка Изяславича (1093—1113 гг.) сменяется типом печатей с надписью «Дньѣслово», который, однако, прекращает свое существование в 1113 г., не оказав никакого влияния на русскую сфрагистику за пределами киевской отчины¹¹³. Эти ранние типы уже не употребляются во времена великого княжения Владимира Всеволодовича Мономаха (1113—1125 гг.). Выясняя состав русской сфрагистики времени этого княжения, мы должны учитывать, что в ранний период своей деятельности Мономах употреблял буллы с греческой благопожелательной надписью и что еще в начале XII в. тип печати не определял ее принадлежности к определенному институту государственной власти: печати «Дньѣслово» принадлежали и князьям, и митрополитам, и епископам.

В этой связи весьма важно то обстоятельство, что некоторым из následующих греко-русскому типу печатям с надписью «Господи, помози» свойствен чрезвычайно широкий ареал распространения, тогда как другие местом своей находки связываются исключительно с Новгородом.

Наиболее многочисленна и территориально распространена группа печатей с надписью «Господи, помози рабу своему Василию». Из 19 зафиксированных к настоящему времени печатей этого типа 6 найдены в Киеве и его окрестностях¹¹⁴, 1 — в Звенигороде Галиции¹¹⁵, 1 — в Вышгороде¹¹⁶, 7 — в Новгороде¹¹⁷, 1 — в Ростове-Ярославском¹¹⁸, 1 — в Смоленске¹¹⁹, 2 — неизвестного происхождения¹²⁰. Для определения принадлежности этой группы чрезвычайно важна киевская находка 1909 г., на которой имеется более распространенная легенда: «Господи, помози рабу своему Василию, князю русскому»¹²¹. Эта легенда так же, как и исключительная распространенность данного типа, заставляет отнести его к великому князю Владимиру-Василию Мономаху.

Определение печатей Василия способствует правильному пониманию еще двух групп булл с надписью «Господи, помози». В сфрагистике новгородского князя Мстислава-Феодора Владимировича до 1113 г. бытовала печать с изображением св. Феодора и надписью «Дньѣслово», употребление которой отражает существование киевского суверенитета над Новгородом при Святополке Изяславиче. Однако смена типа великокняжеской печати с вокняжением Владимира Мономаха не остается без последствий и в Новгороде. С последним периодом новгородского княжения Мстислава возможно связывать буллы, несущие изображение св. Феодора и надпись «Господи, помози рабу своему Феодору» или «Спаси, господи, раба своего Феодора», известные к настоящему времени в шести экземплярах, 5 из которых найдены в Новгороде¹²², а 1 — в южнорусских областях¹²³. С княжеской сфрагстикой связывается и печать с надписью «Господи, помози рабу своему Кириллу», най-

¹¹³ См. В. Л. Янин. Печати с надписью «Дньѣслово». СА, 1962, № 2.

¹¹⁴ См. Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, стр. 107—109, рис. 53, 55, 56; его же. Сфрагистический альбом, V, 3; XXX, 4; XXXI, 13.

¹¹⁵ См. Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, стр. 107, рис. 54.

¹¹⁶ См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, V, 2.

¹¹⁷ Там же, V, 4, 5; XXIV 4; XXIX, 4; XLIX, 8: неизданные экземпляры Новгородского музея; инв. № 4085, 4134.

¹¹⁸ Неизданная находка 1958 г. (Краеведческий музей в Ростове-Ярославском. Сведения сообщены И. Н. Морозовым).

¹¹⁹ Неизданный экземпляр из раскопок Д. А. Авдусина в Смоленске в 1954 г. (Музей при кафедре археологии МГУ).

¹²⁰ См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XXVI, 5; неизданный экземпляр из коллекции Н. В. Гудкова-Белякова (отдел нумизматики ГИМ).

¹²¹ Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, стр. 108—109, рис. 56.

¹²² См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, X, 15; XL, 2; его же. Материалы, вып. 1, стр. 115—116, рис. 61; неизданные экземпляры Новгородского музея (инв. № 4088) и Новгородской экспедиции (раскопки 1958 г.)

¹²³ См. Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, стр. 115, рис. 60.

денная в Киеве¹²⁴. Кириллом звали Всеволода Ольговича, княжившего в Чернигове в 1126—1139 гг. и в Киеве — в 1139—1146 гг.¹²⁵.

Однако этими тремя группами печатей полностью исчерпывается та часть рассматриваемого материала, которая может быть связана с княжеской сфрагистикой. В Новгороде преемниками Мстислава-Феодора Владимировича были Всеволод-Гавриил Мстиславич и затем Святослав-Николай Ольгович. Среди булл с надписью «Господи, помози» нет печатей с именами Гавриил и Николай, хотя княжение Всеволода и Святослава охватывает длительный период в четверть века. Этим князьям могли принадлежать многочисленные печати с изображениями княжеских знаков и в святых Гавриила¹²⁶ и Николая¹²⁷. Сходная картина наблюдается и в княжеской сфрагистике Киева, где преемником Всеволода-Кирилла Ольговича был Изяслав-Пантелеймон Мстиславич (1146—1154 гг.); печатей с надписью «Господи, помози рабу своему Пантелеймону» не существует.

Рассмотрим теперь группу печатей с надписью «Господи, помози», не укладываемых в рамки княжеской принадлежности (рис. 2).

1. Печати с изображением св. Иакова

Л. с.: Изображение св. Иакова в святительских ризах, в полный

рост; по сторонам колончатые надписи:

о а Г о	Н А К О В о
------------------	----------------------------

О. с.: Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

Г Н П О М О З И П О М О З И П О М О З И П О М О З И
--

2 экземпляра.

1—1. Д. — 17—18 мм. М. н. — Новгород, 1915 г. Хр. — Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд. — ЛСА, XLIX, 13.

1—2. Д. — 19—21 мм. М. н. — Новгород, 1922 г., Хр. — Новгородский музей, инв. № 4086. Изд. — Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, стр. 111, рис. 57 (увеличенное изображение).

2. Печать с изображением св. Константина

Л. с.: Погрудное изображение св. Константина в царской короне.

¹²⁴ Неизданный экземпляр Киевского гос. истор. музея.

¹²⁵ См. Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, стр. 83.

¹²⁶ Известна в девяти экземплярах исключительно новгородского происхождения: Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, VII, 10, 11; XL, 3; XLIX, 5; его же. Материалы, вып. 2, стр. 201, рис. 175 а и б; В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, № 55, стр. 152, № 30; неизданные экземпляры Новгородского музея, инв. № 4081, 4083.

¹²⁷ Известна в четырех экземплярах: Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XL, 4; его же. Материалы, вып. 2, стр. 202, рис. 177 а и б; неизданный экземпляр из коллекции Н. В. Гудкова-Белякова. Отдел нумизматики ГИМ. Первые три — из Новгорода.

О. с.: Надпись в четыре строки:
 Вокруг точечный ободок.

ГНПОМ
 ЗНРДБХ
 ВОЕМЪ

Д. — 22 мм. М. н. — Новгород, 1950 г. Хр. — Новгородский музей,
 инв. № 4087. Не издана.

3. Печать с изображением св. Даниила

Л. с.: Изображение пророка Даниила «во рву львином».

О. с.: Надпись в пять строк:

ГНПО
 МОЗНРА
 ОУСВОЕМ
 УДАННА
 ВНАМН

Д. — 17—20 мм. М. н. — Новгород, 1928 г. Хр. — не разыскана; известна по фотографии в архиве Н. П. Лихачева. Архив АН СССР (Ленинград), ф. 246, оп. 1, ед. № 123, рис. 116 с. Не издана.

4. Печать с изображением св. Петра

Л. с.: Изображение св. Петра в полный рост; в левой руке — ключи. Вокруг ободок.

О. с.: Надпись в пять строк:
 Вокруг ободок.

ГНПО
 МОЗН
 БОУСВО
 МОПЕ
 ТРОУ

Д. — 18—20 мм. М. н. — Старая Ладога, 1912 г. Хр. — Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд. — ЛСА, XLVIII, 3.

5. Печать с изображением св. Иоанна Предтечи

Л. с.: Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост; по сторо-

нам колончатые надписи:

О
 Д
 Г
 О
 О
 П
 О

О. с.: Надпись в пять строк:
 Вокруг точечный ободок.

ГНПО
 МОЗНР
 АБУСВВ
 КМУНЕ
 ВАМУ

Д. — 16—17 мм. М. н. — Новгород, 1958 г. Хр. — Новгородский музей, инв. № 12411. Не издана.

9. Печать с изображением святых Феодора и Димитрия

Л. с.: Изображение двух святых воинов в полный рост; правый с копьем и щитом, левый с мечом. Остатки надписей мало разборчивы; определение святых предложено Н. П. Лихачевым.

О. с.: Надпись в пять строк:

ГНПО
МОЗИР
БУСВО
МУӨСА

Д. — 19—26 мм. М. н. — Новгород. Хр. — Лих., ЛОИИ. Изд. — ЛСА, LV, I.

Существует еще одна печать (рис. 2, а) с русской благопожелательной формулой, найденная в Новгороде¹²⁸. Однако ее сохранность настолько плоха, что не позволяет не только разобрать и реконструировать изображение и надпись, но и сопоставить ее с одним из уже описанных вариантов.

Таким образом, по определении печатей с именами Василия, Феодора и Кирилла как княжеских первой трети XII в. у нас остается целая группа булл с именами Якова, Константина, Даниила, Петра, Ивана, Димитрия, Михаила, Бориса и Феодора, княжеская принадлежность которых не подтверждается. О них мы уже знаем несколько весьма важных вещей. Во-первых, все эти буллы местом находки связываются с Новгородом. Во-вторых, дата рассматриваемых памятников не выходит за пределы первой половины XII в., так как все существующие аналогии датируются первой третью XII в. В-третьих, они должны принадлежать представителям высшей государственной администрации, поскольку и в XII в. число возможных владельцев булл резко ограничено.

Последовательно используя эти наблюдения, мы неизбежно приходим к предположениям о посадничьей принадлежности тех печатей с русской благопожелательной формулой, которые не уместаются в рамках княжеской сфрагистики. Попытаемся проверить этот вывод, сопоставляя имена на печатях с именами новгородских посадников времени Всеволода Мстиславича:

<i>Посадники</i>	<i>Печати</i>
—1117 Добрыня	
1117—1118 Дмитр Завидич	Дмитрий
1118—1119 Костянтин Мосеевич	Константин
1120—1125 Борис	Борис
1126—1128 Мирослав Гюрятинич (?)	
1128 Завид Дмитриевич	
1129— Данила	Даниил
1131—1134 Петрила Микульчич	Петр
1134—1135 Иванко Павлович	Иван
1135—1136 Мирослав Гюрятинич	
1136—1137 Костянтин Микульчич	
	Яков
	Михаил
	Федор (с Дмитрием)

¹²⁸ См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XXIII, 3.

Следует отметить, что ко времени посадничества Костянтина Микульчича, по-видимому, относится посадничья печать иного типа, с изображением креста, найденная при раскопках в Новгороде в 1955 г.¹²⁹

Мы видим, что загадочные имена рассмотренной выше группы печатей находят соответствие в именах посадников времени Всеволода. В правой колонке нашей таблички соответственно именам летописных посадников разместились все загадочные печати, за исключением булл с именами Якова, Михаила и Феодора (в сочетании с Дмитрием). С другой стороны, в левой колонке имеются как раз три посадника — Добрыня, Мирослав и Завид, для которых в печатях и не могло найтись явного соответствия, поскольку эти посадники известны нам не под христианскими, а под мирскими именами. Каждый из них мог называться Яковом, Михаилом или Феодором. Мы можем, правда в очень предположительной форме, приписать им определенные разновидности печатей, определив тем самым их христианские имена. Печать с надписью, призывающей благословение на имя Феодора, несет изображение двух святых — Феодора и Димитрия. Это единственный в русской сфрагистике случай, когда названные святые совмещены на одной стороне буллы. То, что один из этих святых оказался Феодором, указывает на патрональный характер всего изображения и позволяет предполагать, что владельца печати звали Феодором Димитриевичем. Между тем отчество Дмитрович носил посадник Завид, которому мы и относим эту печать. На печати Михаила формула благопожелания составлена не при помощи глагола «помози», а при помощи глагола «спаси», что особенно сближает эту печать с буллами Мстислава-Феодора Владимировича и позволяет предположительно относить ее ко времени Добрыни, современника Мстислава. На долю Мирослава, таким образом, остаются две печати с именем и изображением св. Якова.

Так, с наш взгляд, решается вопрос о принадлежности печатей с формулой «Господи, помози». Посадничья печать в Новгороде возникает как устойчивый сфрагистический тип в первый год княжения Всеволода Мстиславича, т. е. непосредственно после заключения им ряда с новгородцами в 1117 г. Возникновение посадничьей печати в это время указывает на существенное преобразование посадничества и подтверждает нашу мысль о том, что в договоре 1117 г. действительно имелись особые условия, касающиеся взаимоотношений княжеской власти и посадничества. В самом деле, до 1117 г. посадничеству нового типа еще не принадлежит право утверждения документов. Ранняя печать Евстафия-Завида имела временный характер и сама необходимость в ней определялась обстоятельствами, имевшими временный характер. Однако печать Евстафия-Завида сообщает немаловажные сведения относительно схемы взаимоотношения посадника и князя при Мстиславе. Евстафий-Завид, представляя перед князем интересы Новгорода, титуловался протопродром, советником князя Мстислава, что позволяет говорить о посадничестве рубежа XI—XII вв. как о совещательном органе. Напротив, все печати посадников времени Всеволода не содержат каких-либо признаков подчиненности посадничества княжескому управлению. Тип посадничьей печати резко отличен от типа современной ей новгородской княжеской буллы. Само по себе возникновение постоянного института посадничьей печати говорит об отвоевании республиканским органом заметной части государственной юрисдикции, безраздельно сосредоточенной до тех пор в руках княжеского управления.

¹²⁹ См. В. Л. Янин. Печати из новгородских раскопок 1955 г. МИА, 1959, № 65, стр. 303 и сл., № 52.

Рассмотренный тип посадничьей печати существует на протяжении всего княжения Всеволода Мстиславича. Весьма интересны некоторые цифры. Выше мы насчитали 11 или 12 посадничьих булл 1117—1136 гг., тогда как от того же периода сохранилось только 9 княжеских печатей Всеволода, что даже при относительной малочисленности памятников свидетельствует о сравнительной интенсивности посадничества в осуществлении им государственной юрисдикции. Однако с изгнанием Всеволода в 1136 г. прекращает существование и описанный сфрагистический тип, причем на смену ему, как увидим далее, не приходит практически какого-либо нового типа посадничьей печати. Если в 1117—1136 гг. в новгородской сфрагистике княжеская печать сосуществует с посадничьей, то длительный последующий период является временем безраздельного господства в сфрагистике Новгорода княжеской печати. С другой стороны, именно к этому времени княжеская печать деградирует на территории остальных русских областей, и расцвет княжеской сфрагистики в XII в. является чисто новгородским явлением. Нам уже приходилось касаться этого явления, объясняя его тем, что после деградации буллы в начале XII в. печать перестала быть регалией автократической власти и в Новгороде в результате событий 1136 г. превратилась в средство контроля за княжеской деятельностью со стороны республиканских органов¹³⁰. Добавим к этому, что исчезновение посадничьей печати после 1136 г. свидетельствует о новом существенном разграничении юрисдикции между посадником и князем.

В руках князя сосредоточивается вся полнота исполнительной власти. Поскольку основой государственной деятельности теперь признается вечевое решение, посадничество, преобразованное в 1136 г., может быть охарактеризовано как высший республиканский орган контроля за княжеской деятельностью. Если это разграничение власти было предпринято в 1136 г., то сосуществование княжеской и посадничьей печатей во времена Всеволода является признаком того, что взаимоотношения князя и посадника не были тогда упорядочены и имели характер двоевластия.

В заключение нашего сфрагистического экскурса мы обращаем внимание на одну печать, которая весьма красноречиво отражает новую роль посадника в государственном управлении между 1117 и 1136 гг. Замечательной особенностью новгородского экземпляра печати с надписью «Господи, помози рабу своему Дмитрию», которую мы отнесли ко времени посадничества Дмитра Завидича (1117—1118 гг.), является ее использование на другой более ранней печати. Остатки этой предшествующей печати хорошо видны на тех местах кружка, которые оказались не затронутыми новыми матрицами, поскольку эта более ранняя печать использовала заготовку, которая была массивнее заготовок, применявшихся в Новгороде при Всеволоде. Вторичное использование буллы возможно лишь при условии, что матрицам печати Дмитрия был переутвержден акт с уже привешенной к нему более ранней печатью. Печать, оторванная от акта, уже не может быть использована вторично, поскольку канал для продевания шнура в ней уничтожается при первом сдавливании.

В этой связи большой интерес представляет определение принадлежности первоначальной печати. Н. П. Лихачев отметил, что она принадлежит также к типу булл с русской благопожелательной надписью¹³¹.

¹³⁰ См. В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, № 55, стр. 163.

¹³¹ См. Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, стр. 113.

Это правильное наблюдение может быть значительно уточнено, так как остатки старого штемпеля вполне передают своеобразие размещения надписи по строкам, очертания букв и форму ободка. Теми же матрицами, что и уничтоженной при вторичном использовании кружка печать, оттиснуты еще две буллы, несущие на себе изображение св. Василия Кесарийского и надпись «Господи, помози рабу своему Василию»¹³². Такие буллы мы датируем временем Владимира-Василия Мономаха. Иными словами, печатью посадника Дмитра Завидича переутвержден документ, снабженный до того печатью великого князя Владимира Мономаха. Если мы учтем, что во время посадничества Дмитра Завидича документу с печатью великого князя Владимира Всеволодовича могло быть не более четырех-пяти лет и что был жив сам великий князь, смысл переутверждения приобретает в известной степени символический и политический характер.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ «УСТАВОВ ВСЕВОЛОДА»

Важнейшими памятниками новгородской истории, мимо которых не может пройти ни один исследователь политического строя Новгорода, являются две грамоты, авторство которых большинством исследователей в той или иной степени приписывается князю Всеволоду Мстиславичу. Речь идет о так называемой Уставной грамоте князя Всеволода Мстиславича церкви Ивана Предтечи на Опоках, которую в дальнейшем мы будем для краткости называть «Рукописанием Всеволода», и «Церковном уставе князя Всеволода».

Обоим документам, древнейшие сохранившиеся списки которых относятся к XV в., присущи бросающиеся в глаза анахронизмы, препятствующие прямому их использованию как целостных памятников эпохи. Вопрос об их составе и датировке до сегодняшнего дня остается дискуссионным. Крайние точки зрения противостоят друг другу следующим образом. А. А. Зимин, предпринявший специальное источниковедческое исследование «Рукописания», признает этот документ, а вместе с ним и «Церковный устав Всеволода», целиком фальсифицированным в конце XIV в. «Весь памятник настолько пронизан чертами исторической действительности XIV—начала XV в., — пишет А. А. Зимин, — что говорить о подлинной грамоте кн. Всеволода, положенной в его основу, не приходится»¹³³. М. Н. Тихомиров, соглашаясь с А. А. Зиминым в том, что «Рукописание» дошло до нас не в первоначальном виде, считает, что переделки не существенны для понимания первоначальной версии подлинного «Устава Всеволода» и широко привлекает оба документа для характеристики обстановки 1130-х годов¹³⁴.

Рассмотрим обе точки зрения, сосредоточив внимание в первую очередь на «Рукописании Всеволода». Классифицируя списки «Рукописания», А. А. Зимин отмечает существование двух редакций памятника, одна из которых представлена единственным текстом в Троицком списке Новгородской Первой летописи¹³⁵, а другая тремя изводами (Житийным, Псковским и Археографическим), почти не отличающимися между собой и восходящими к Археографическому изводу, который со-

¹³² См. Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, стр. 108, рис. 55; неизданная находка 1958 г. (Краеведческий музей в Ростове-Ярославском).

¹³³ А. А. Зимин. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». Сб. ст. Изд-во АН СССР, М., 1952, стр. 130.

¹³⁴ См. М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси, стр. 181—188; его же. Древнерусские города, стр. 114—117.

¹³⁵ НПЛ, стр. 558—560.

хранился в Комиссионном списке Новгородской Первой летописи¹³⁶. Сравнение текста обеих редакций позволило А. А. Зимину говорить о несомненном предшествовании Троицкой редакции¹³⁷. Далее, исследуя «Рукописание» в связи с общим составом тех юридических сборников, в которых сохранились Троицкая и Археографическая редакции «Рукописания», А. А. Зимин фиксирует бытование Троицкой, более ранней, редакции в 30-х годах XV в., поскольку следующий за ней список князей в Троицкой летописи заканчивается именем Юрия Дмитриевича (1433—1434 гг.), а возникновение Археографической редакции, хотя она и сохранилась в составе юридического сборника, составленного в начале 1420-х годов, и в отдельных частях поновленного в 1430-х годах, относится к более позднему времени, связывая ее с протографом Археографического списка Новгородской Первой летописи¹³⁸.

Изложенное построение нельзя признать безупречным. Оно вполне допускает иное решение вопроса о времени происхождения второй редакции «Рукописания». Нахождение ее в составе сборника, который практически не редактировался после 1423 г., говорит скорее о том, что вторая редакция уже существовала к концу первой четверти XV в. и бытовала в дальнейшем в Новгороде рядом с более ранним Троицким вариантом. Связывая составление второй редакции «Рукописания» с потребностями изменившейся обстановки, следовало бы охарактеризовать различия обеих редакций с точки зрения этой предполагаемой связи.

Сравнение Троицкой и Археографической редакций «Рукописания» показывает, что текст в обоих случаях совпадает детально, различаясь лишь незначительными отменами орфографического и стилистического характера. Только два места при составлении Археографической редакции подверглись более существенной редакторской правке:

Троицкая редакция

...И язъ князь великий Всеволодъ поставилъ есми святому Ивану три старосты от житыхъ людей, и от черныхъ тысяцкого, а от купцевъ два старо(с)ты, управливати имъ всякие дела Иванская, и торговая, и гостиная, и суд торговый...

...А праздникъ Рожество святого великого Ивана почеть створити и празновати старостамъ купецкимъ и купцамъ. А имати старостамъ купецкимъ и купцемъ из весу из вошаного на, полътретьяцать гривень серебра, на всякий праздникъ святого Ивана и в векъ, а старостамъ купецкимъ святого великого Ивана ставити на праздникъ святого Ивана семьдесятъ свечъ и темьянъ и ладанъ. А пети в праздникъ владыце. А старостамъ купецкимъ и купцамъ дати владыце гривна серебра да сукно ипское. А на

Археографическая редакция

...И язъ князь великий Всеволодъ поставилъ есмь святому Ивану 3 старосты от житыхъ людий и от черныхъ тысяцкого, а от купцевъ 2 старосте, управливати имъ всякаа дела торговаа Иваньскаа и гостинаа...

...А праздникъ рожество святого великого Ивана почеть творить и празновати старостамъ иваньскимъ купцамъ; а петь въ праздникъ обедняа владыце, а на завѣтрее архимандриту святого Георгия, а на 3 день игумену святей богородици изъ Онтонова монастыря. А взяти владыце дару рубль; а князя великого наместникомъ дару по сукну ипскому, а дати имъ 20 пудовъ меду на подсласту чистого пошлины по старине; а тиуну дару сукно тумаское, а дати ему 5 пудовъ меду на подсласту чистого пошли-

¹³⁶ НПЛ, стр. 508—509.

¹³⁷ См. А. А. Зимин. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича, стр. 127.

¹³⁸ Там же, стр. 125—128.

завтрее пяти анхимандриту святого Егоргиа, а взятъ ему польгривне серебра; а на третей день пяти игумену святеи богородици из Онътонова монастыря, взятъ ему польгривне серебра.

И язъ, князь великии Всеволодъ, даль есми пошлины попомъ святого великого Ивана Петрятино дворище с купецъ в Руси, на память княземъ великимъ дедомъ моимъ и прадедомъ имати с купецъ тая старина и в веки: съ тверского гостя, и с новгородцкого, и с бежицкого, и з деревьского, и съ всего Помостья. А буевище Петрятино дворище...

Сопоставление редакций позволяет отметить несколько существенных отличий. Во-первых, Археографическая редакция не упоминает торгового суда. А. А. Зимин, ссылаясь на М. Н. Тихомирова, признает это обстоятельство показателем позднейшего происхождения этой редакции¹³⁹. Однако М. Н. Тихомиров отмеченную особенность второй редакции объяснял ее исключительно поздним происхождением, датируя ее временем, когда торговый суд был ликвидирован с потерей новгородской самостоятельности. Невозможность такого решения была разъяснена самим А. А. Зиминим, отметившим, что Археографический список относится еще ко времени независимости¹⁴⁰. Следовательно, пропуск упоминания о торговом суде в Археографической редакции случаен и не может лечь в основу хронологических наблюдений.

Во-вторых, в Археографической редакции упоминаются некоторые термины, не употребляемые в первой редакции. Мы имеем в виду упоминание рубля и княжеских наместников. Оба этих термина действительно отражают сравнительно поздние явления, но не могут быть использованы для каких-либо узких датировок в рамках XV в. Рубль становится основой новгородского денежного счета уже в первой половине XIV в. Тогда же окончательно складывается и институт княжеских наместников. Отметим, что употребление во второй редакции термина «рубль» не вызвано намерением редактора обновить денежную терминологию документа: в остальных его частях она остается неизменной.

Третьей важной особенностью Археографической редакции является фиксирование иного, нежели в первой редакции, порядка участия в расходах по организации престольного праздника в Ивановском соборе. Если, согласно Троицкой редакции, первоначально все расходы ложились на купеческую организацию («старосты купецкие и купцы»), то теперь в них принимают обязательное участие княжеские наместники и тиуны. Мы не можем согласиться с М. Н. Тихомировым, который полагает, что дары назначаются наместникам, а не получают с них, и использует это предположение как аргумент в пользу позднейшего происхождения второй редакции, после потери Новгородом самостоятельности¹⁴¹. Документ последовательно оперирует терминами «взяти» и «дати» и включает в число берущих владыку, юрьевского архимандрита и антоновского игумена, а в число дающих — княжеских наместников

¹³⁹ См. А. А. Зимин. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича, стр. 127.

¹⁴⁰ Там же, стр. 127, примечание 32.

¹⁴¹ См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 114.

и тиуна. Рассмотренная особенность позволяет утверждать, что вторая редакция возникла в результате существенных успехов антикняжеской борьбы в Новгороде, но и это обстоятельство не дает точного хронологического указания. О подобных успехах можно говорить и в связи с событиями XV в., и в связи с событиями XIV в.

Наконец, четвертая существенная особенность Археографической редакции заключается в отмене того места первой редакции, в котором говорится о доходах с тверского, новгородского, бежецкого, деревского гостя и с Помостья. Как нам кажется, эта отмена не имеет принципиального характера, поскольку в указанном месте фактически повторяется уже изложенное в рукописании условие о доходах с низовского и новгородского гостя.

Таким образом, признавая Археографическую редакцию позднейшей сравнительно с Троицкой, мы можем датировать ее только в весьма широких хронологических пределах XIV — первой четверти XV в.

Более важен для нас вопрос о времени составления первоначальной Троицкой редакции. Как уже отмечено, А. А. Зимин датирует ее концом XIV в., ставя ее возникновение в связь с антимосковской реформой суда в Новгороде в 1385 г. Рассмотрим его аргументы в пользу этой даты. Всеволод Мстиславич в «Рукописании» называется великим князем, хотя он никогда в жизни не занимал великого стола. Этот анахронизм А. А. Зимин убедительно объясняет тем, что «на титуле в данном случае сказалось позднейшее представление о том, что новгородским князем должен быть великий князь»¹⁴². Вполне очевидно, что этот аргумент может быть привлечен только для самых общих наблюдений, поскольку указанный порядок замещения новгородского стола складывается еще в XIII в. «Рукописание» далее упоминает Спасский собор в Торжке, который, по мнению А. А. Зимина, воздвигнут только в 1364 г.¹⁴³, что отодвигает дату первой редакции в последнюю треть XIV в.¹⁴⁴ Возражая А. А. Зимину, М. Н. Тихомиров отмечал, что под 1364 г. летопись говорит о первой каменной постройке Спасского собора, который в одном из летописных отрывков упомянут еще под 1329 г.¹⁴⁵ Добавим, что Спас в Торжке известен и в более раннее время. О нем говорится в договорных грамотах Новгорода с Михаилом Ярославичем, заключенных в 1304—1305 гг. и в 1318—1319 гг.¹⁴⁶

Признаком возникновения «Рукописания» в конце XIV в. А. А. Зимин считает упоминание в «Рукописании» житейх людей, отмечая, что житей впервые названы в актах в 1372 г., а в Новгородской Первой летописи — 1398 г.¹⁴⁷ Внешне это очень сильный аргумент. Однако необходимо учитывать, что в Новгородской Первой летописи житей люди упоминаются только два раза — под 1398 и под 1441 гг., причем характер их упоминания в обоих случаях связан с представительством в критические периоды дипломатической истории Новгорода: в первый раз они названы в связи с выступлением Новгорода против Москвы, во второй — в связи с заключением Демонского мира. В актах этого периода они упоминаются также редко, в случаях когда характер акта требует дифференцированного представительства от всех слоев новгородского населения. Они упомянуты в Наказе послам к тверскому князю Михаилу

¹⁴² А. А. Зимин. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича, стр. 128.

¹⁴³ «В лето 6872. Поставиша в Торжку церковь камену в имя святого и боголепного Преображения господа бога спаса нашего Иисуса Христа, замышлением богобоязливых купець човгородчких...» (НПЛ, стр. 368 и сл.).

¹⁴⁴ См. А. А. Зимин. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича, стр. 128.

¹⁴⁵ См. М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания, стр. 182.

¹⁴⁶ ГВНИП, стр. 13, № 7; стр. 25, № 13. «А кто живеть в Торжку на Новотързькой земли, а к святому Спасу не тягнетъ к Торжку...»

¹⁴⁷ ГВНИП, № 17; НПЛ, стр. 391.

об условиях мира 1372 г., а затем только в середине XV в. в грамоте о предоставлении «черного бора» великому князю Василию Темному¹⁴⁸. Обычно новгородские акты исходили «от всего Новгорода» или «от всех старейших и всех меньших и от всего Новгорода», причем в последней формулировке, употребляемой уже в 60-х годах XIII в., «меньшим» соответствует совокупность житейх и черных людей в более дифференцированном представительстве. Таким образом, редкость упоминания житейх объясняется отсутствием постоянного представительства от этой социальной группы и не позволяет основывать на единичных упоминаниях термина каких-либо точных хронологических выводов.

Упоминание в «Рукописании» ипского сукна, которое для XII в., по-видимому, действительно было анахронизмом, не может быть привлечено для обоснования датировки концом XIV в., так как в документах, связанных с новгородской торговлей, ипские сукна упоминаются и в более раннее время, в частности в донесении немецкого двора от 1327 г.¹⁴⁹ Их широкое проникновение на новгородский рынок, видимо, возможно отнести к XIII в.¹⁵⁰.

А. А. Зимин отмечает, что анахронизмами для XII в. являются упоминания тверского гостя и юрьевского архимандрита, поскольку Тверь в источниках упоминается только с начала XIII в., а архимандриты в Юрьевом монастыре появляются между 1297 и 1324 гг.¹⁵¹. Однако очевидно, что эти анахронизмы не содержат указания на конец XIV в., допуская для «Рукописания» и более раннюю дату.

Наконец, для обоснования датировки «Рукописания» концом XIV в. А. А. Зимин привлекает еще один аргумент, который им использован для окончательного уточнения предложенной им даты. Имеется в виду мордка, выступающая в «Рукописании» в качестве денежной единицы. А. А. Зимин отмечает, что мордки впервые упоминаются в источниках под 1396 г.¹⁵², а конец их обращению в Новгороде был положен реформой 1410 г.¹⁵³. Это хронологическое ограничение, однако, не может быть признано правильным. Мордка, или «морд куний», известна в источниках в гораздо более раннее время. Она фигурирует в немецком проекте договора 1269 г. под латинским наименованием *capita martagogum*, которое является дословным переводом понятия «морд куний»¹⁵⁴.

Отвергая аргументы в пользу датировки первой редакции «Рукописания Всеволода» концом XIV в., мы располагаем данными, которые не позволяют датировать эту редакцию временем позднее рубежа XIII—XIV вв. Эти данные содержатся в денежной терминологии «Рукописания», пользующегося на всем своем протяжении термином «гривна серебра». В истории новгородской денежной системы хорошо прослеживается непосредственная преемственность позднейшего рубля от более

¹⁴⁸ ГВНиП, стр. 38, № 21.

¹⁴⁹ См. А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1892, стр. 160, примечание 3.

¹⁵⁰ См. А. Л. Хорошкевич. Торговля иностранными тканями в Новгороде в XIV—XV вв. «Истор. зап.», 1958, № 63, стр. 218 и сл.

¹⁵¹ Появление юрьевских архимандритов может быть датировано с большей точностью. Если под 1297 г. юрьевский настоятель Кирилл еще называется игуменом (НПЛ, стр. 328), то архимандритом летописец именует его уже под 1299 и 1310 гг. (НПЛ, стр. 90, 93, 330, 333).

¹⁵² «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV и XVII вков». Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950, № 15.

¹⁵³ ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 236; Л. В. Черепнин. Русская метрология. Изд-во ГАУ НКВД СССР, М., 1944, стр. 49—51.

¹⁵⁴ См. «Памятники истории Великого Новгорода», под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909, стр. 65—68; Н. П. Бауер. Денежный счет в духовной новгородца Климента и денежное обращение в северо-западной Руси в XIII в. «Проблемы источниковедения», сб. 3. М.—Л., 1940, стр. 197 и сл.

ранней гривны серебра. В датированных памятниках гривна серебра упоминается неоднократно, причем бытование этого термина заключено в весьма определенные хронологические рамки. В новгородских документах она впервые названа в конце XII в.¹⁵⁵, но ее возникновение относится к более раннему времени, возможно еще к XI в.¹⁵⁶. В дальнейшем употребление термина в Новгороде отмечено под 1230 г.¹⁵⁷, в середине XIII в.¹⁵⁸, в начале 1260-х годов¹⁵⁹, в 1269 г.¹⁶⁰, не позднее 1270 г.¹⁶¹, в самом конце XIII в.¹⁶² и, наконец, под 1316 г.¹⁶³.

Сменивший гривну серебра рубль впервые становится известным в самом конце XIII в.¹⁶⁴. Вместе со своей фракцией полтиной он назван затем в грамоте, относящейся к первому десятилетию XIV в.¹⁶⁵. В 1318—1319 гг. его впервые упоминает договорный акт¹⁶⁶. С этого момента, когда гривна серебра перестает упоминаться совершенно, рубль безраздельно господствует в новгородской системе. На протяжении XIV в. он много раз назван в летописи: под 1333, 1340, 1343, 1386, 1398, 1399 гг.¹⁶⁷. Акты упоминают его в 1337—1339, 1359, 1393, 1397 гг.¹⁶⁸. Он семь раз фигурирует в берестяных грамотах XIV в.¹⁶⁹. По меньшей мере странным может казаться составление в конце XIV в. такого документа, в котором употреблена терминология, оставленная сто лет тому назад.

С другой стороны, подавляющее большинство отмеченных А. А. Зиминим анахронизмов решительно противоречит датировке документа XII веком. В самом деле, в подлинном документе XII в. Всеволод Мстиславич не мог называться великим князем¹⁷⁰. Титулование великим кня-

¹⁵⁵ ГВНИП, стр. 55, № 28.

¹⁵⁶ ПСРЛ, т. I, стр. 312 (под 1144 г.); В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. Изд-во МГУ, М., 1956, стр. 46.

¹⁵⁷ НПЛ, стр. 71.

¹⁵⁸ См. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). Изд-во АН СССР, М., 1954, № 61 (дендрохронологическая дата: 1238—1268 гг.).

¹⁵⁹ ГВНИП, стр. 57, № 29.

¹⁶⁰ Там же, стр. 59, 61, № 31 (marc silveres; рублю в позднейших документах соответствовал термин stūke silvers).

¹⁶¹ Там же, стр. 162, № 105.

¹⁶² См. А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). Изд-во АН СССР, М., 1958, № 148 (дендрохронологическая дата; 1281—1299 гг.).

¹⁶³ НПЛ, стр. 336.

¹⁶⁴ См. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), № 65 (дендрохронологическая дата: 1281—1299 гг.).

¹⁶⁵ См. А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), № 138 (дендрохронологическая дата: 1299—1312 гг.).

¹⁶⁶ ГВНИП, стр. 26, № 13.

¹⁶⁷ НПЛ, стр. 345, 353, 357, 380, 392, 393, 395.

¹⁶⁸ ГВНИП, № 86, 106, 110, 88.

¹⁶⁹ Грамоты № 45 и 144 с дендрохронологической датой: 1312—1340 гг.; № 4 и 133 с дендрохронологической датой: 1340—1369 гг.; № 30 и 366 с дендрохронологической датой: 1369—1381 гг.; № 42 с дендрохронологической датой: 1381—1396 гг. См. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). Изд-во АН СССР, М., 1953, стр. 29; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), стр. 31, 42, 46; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 71; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), стр. 23; А. В. Арциховский. Новые новгородские грамоты. СА, 1960, № 1, стр. 241.

¹⁷⁰ М. Н. Тихомиров в словах «Рукописания»: «А по моему животе, великого князя Всеволода, стояти за дом святого великого Ивана брату моему великому князю всея Руси...» — усматривает указание на Изяслава Мстиславича (М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания, стр. 186 и сл.). Такое толкование в случае его достоверности порождало бы еще один анахронизм, так как Изяслав стал великим князем в 1146 г., т. е. через восемь лет после смерти Всеволода. На наш взгляд, ссылка на братство с великим князем является лишь терминологическим обозначением союзничества и не отражает какой-либо конкретности.

зем, как это правильно объяснено А. А. Зиминым, отражает позднейшие представления о тождестве понятий «великий князь» и «новгородский князь». Несовместимыми с реалиями XII в. являются упоминания житейных людей, ипских сукои, тверского гостя, юрьевского архимандрита, мордки, пронизывающие документ такими терминами, которые отражают явления XIII—XIV вв. Следует отметить еще два важных анахронизма, не рассмотренные А. А. Зиминым.

В «Рукописании» одним из распорядителей торгового суда и торгового управления назван тысяцкий, который представляет интересы житейных и черных людей. Между тем тысяцкие появляются в Новгороде не ранее конца XII в. Первым тысяцким и в летописи, и в списке тысяцких назван Миронег, или Милонег, действующий под 1185—1191 гг.¹⁷¹. Другой анахронизм — именованная церковь Ивана на Петрятином дворе — собором («зборная великая церковь»). Церковь Ивана Предтечи на Опоках действительно входила в число семи новгородских соборов позднейшего времени¹⁷², однако она не названа собором в рассказе об ее строительстве Всеволодом Мстиславичем. Превращение ее в собор связывается с постройкой, предпринятой архиепископом Иоанном-Илией в 1184 г.¹⁷³.

¹⁷¹ НПЛ, стр. 38—39, 228, 230, 472.

¹⁷² См. Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. I. М., 1860, стр. 34 и сл.; А. Никольский. Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. в С.-Петербургской библиотеке св. Синода. «Вестник археологии и истории», вып. X. СПб., 1898, стр. 79—81.

¹⁷³ ПСРЛ, т. III, стр. 216. Ср. НПЛ, стр. 37, 228. В истории церкви Ивана на Опоках существует немало неясностей, которые неоднократно обсуждались в литературе. Новгородская Третья летопись называет постройку 1184 г. церковью во имя Собора св. Иоанна Предтечи, говорит о ней как о деревянной и сообщает о перенесении ее на новое место и о построении на ее старом месте немецкой ропаты в 1192 г., «о том бысть чудо при посаднике Добрыне». Новгородская Первая летопись говорит о каменном храме, не именуя его собором и не приводя легенды о строительстве немецкой ропаты. Содержание использованной Новгородской Третьей летописью легенды сводится к следующему. Немцы, облюбовав для своей ропаты место церкви Ивана Предтечи, подкупили посадника Добрыню, который добился вечего решения о переносе церкви, но, возвращаясь с веча, утонул в Волхове. Существуют заметные признаки достоверности этой легенды. В частности, сам факт переноса церкви на новое место засвидетельствован в «Рукописании Всеволода»: «А буюище Петрятино двореице от прежих двореи святого великого Ивана...». Время посадника Добрыни (умер в 1117 г.) близко ко времени Всеволодовой постройки (1127 г.). Поэтому противоречивое наименование церкви 1184 г. деревянной может быть объяснено желанием летописца связать известную ему легенду с достоверным событием: рассказ о перенесении каменной церкви не мог бы стать убедительным. Исследователи постоянно отличают постройку 1184 г. от церкви Ивана Предтечи на Опоках. Макарий (Ук. соч., стр. 283) отождествлял церковь 1184 г. с церковью Ивана Ишкова на Торговище у Немского двора, которая официально называлась церковью Усекновения главы Иоанна Предтечи (А. Никольский. Ук. соч.). Однако церковь Ивана Ишкова была построена после пожара в 1181 г. из дерева («срубиша» — НПЛ, стр. 37, 227), оставалась деревянной в 1299 и 1311 гг. Ее первая каменная постройка относится к 1359 г. (НПЛ, стр. 364 и сл.). В. С. Передольский («Новгородские древности». Новгород, 1898, стр. 125—128) признавал постройку 1184 г. особым храмом, сооруженным во имя Собора Иоанна Предтечи, поскольку церковь Ивана на Опоках была посвящена празднику рождества Предтечи, а у Немского двора — усекновению главы. Между тем ни описание семи соборов, ни «Роспись 1615 г.» (Евгений. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, стр. 81—87) не знают в Новгороде ни одного алтаря во имя Собора Предтечи, хотя при ликвидации каких-либо церквей их престолы сохранялись в приделах к другим церквам. Это обстоятельство позволяет утверждать, что в сообщении 1184 г. имеется в виду не особый храм во имя Собора Предтечи, а соборный храм Предтечи, т. е. церковь Ивана на Опоках. Наша мысль подтверждается существованием на внешней восточной стене церкви Ивана на Опоках древней фрески, имеющей характер ктисторского изображения: Иван Предтеча и новгородские святители Никита и Иоанн (Макарий. Ук. соч., стр. 298). Сопоставляя все эти факты, мы можем представлять себе раннюю историю церкви Ивана на Опоках следующим образом. Первоначальная деревянная церковь построена при епископе Никите (1096—1107 гг.). В 1110-х годах

Учитывая все эти анахронизмы, мы можем относить время составления «Рукописания Всеволода» к XIII в., причем характер денежной терминологии, с одной стороны, и упоминание юрьевского архимандрита — с другой, позволяют связывать дату документа с концом XIII в. или самым началом XIV в. Этой датировкой еще не решается вопрос о степени достоверности тех отсылок «Рукописания», которыми привилегии церкви Ивана на Петрятином двориче связаны с именем и инициативой Всеволода Мстиславича. Документ мог быть полностью фальсифицирован его составителем, знавшим из летописного рассказа о том, что церковь Ивана на Петрятином двориче была построена Всеволодом и что посадником около этого времени был Мирослав; составитель вполне мог не сделать ошибки и в христианском имени Всеволода, которое к концу XIII в. уже сделалось достоянием агиографии¹⁷⁴. Однако составитель документа мог исходить и из действительной древности привилегий церкви Ивана Предтечи, зная об их изначальной связи с инициативой князя Всеволода.

В этом плане чрезвычайно важен вопрос о датировке и составе другого памятника, авторство которого приписывается князю Всеволоду, — «Церковного устава Всеволода». «Церковный устав» был подробно исследован С. В. Юшковым, который пришел к выводу о том, что этот документ представляет позднейшую компиляцию, составленную из разнообразных источников, причем одним из этих источников является «Устав Владимира» в так называемой III редакции, сложившейся примерно в третьей четверти XIII в.¹⁷⁵. А. А. Зимин и эту «грамоту» склонен датировать концом XIV в., основываясь на упоминании в ней церкви Бориса и Глеба, которую он отождествляет с одноименной церковью на Торговой стороне, горевшей в 1311 и 1340 гг. и выстроеной в камне в 1377 г.¹⁷⁶. Вряд ли можно принять этот аргумент. Церковь Бориса и Глеба в «Церковном уставе» упоминается в следующей связи: «...а попу Иваньскому рускаа пись с Борисоглебьским напол, а сторожю Иваньскому руской порочици пятно да десять копохов соли»¹⁷⁷. В цитированном месте речь идет о доходах со Старой Русы, знаменитой своими соляными варницами¹⁷⁸, и о церкви Бориса и Глеба в Русе, а не в Новгороде. Связь этого храма с купеческими объединениями подчеркнута летописным рассказом 1403 г.: «Поставиша купце новгородския праселе в Русе церковь камену святыи Борис и Глеб»¹⁷⁹. Поскольку год первоначальной постройки этой церкви неизвестен, ее упоминание в «Церковном уставе» ничего не дает для датировки.

Относя компиляцию источников «Устава» ко времени не ранее последней четверти XIII в., С. В. Юшков, однако, признает, что в числе

она перенесена на новое место. В 1127—1130 гг. выстроена в камне при Всеволоде Мстиславиче. В 1184 г. превращена в собор, что неизбежно потребовало создания новой постройки в соответствии с новым характером храма.

¹⁷⁴ См. Филарет, епископ черниговский. Русские святые, чтимые всею церковью или местно, т. I. СПб., 1882, стр. 214.

¹⁷⁵ См. С. В. Юшков. Устав князя Всеволода. «Юбилейный збірник на пошану акад. Д. И. Багалая». Киев, 1927, стр. 408—417; его же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. Госюриздат, М., 1949, стр. 216—221.

¹⁷⁶ См. А. А. Зимин. Уставная грамота Всеволода Мстиславича, стр. 124.

¹⁷⁷ НПЛ, стр. 486.

¹⁷⁸ Об интенсивной добыче соли и о солеварении в Русе см.: А. А. Строков. Земельные владения и соляные варницы новгородского Юрьева монастыря в Старой Русе. «Новгородский исторический сборник», вып. 8. Новгород, 1940.

¹⁷⁹ НПЛ, стр. 397. Разделение доходов между новгородской и русской церквами аналогично разделению доходов между новгородской и новоторжской церквами в «Рукописании Всеволода».

этих источников имелся и подлинный документ времени Всеволода Мстиславича. Если «Рукописание» представляется цельным документом, не содержащим в своем тексте внутренних противоречий, то в «Церковном уставе» сталкиваются противоречивые источники, одним из которых является «Устав Владимира» в его поздней редакции, трактующий об общецерковных постановлениях, а другим — собственно «Устав Всеволода», устанавливающий пожалования новгородской церкви, смысл которых заметно отличен от общецерковных пожалований. И в этой части документа заметен налет позднейшего времени, порядков конца XIII в. (упоминание княжеских и владычных наместников, рублевой гривенки, титулование Всеволода великим князем), однако отмеченные анахронизмы легко объясняются редактированием источника в момент его компиляции с «Уставом Владимира».

Подлинность использованного в «Церковном уставе Всеволода» древнего документа подчеркивается несколькими его особенностями, которые не могут быть реконструированы на основе летописного рассказа. Так, участниками совещания при князе Всеволоде названы староста Болеслав, бирич Мирошка и иванский староста Васята, имена которых в летописи не встречаются. Этот документ предусматривает передачу торгового суда и контроля над мерами от князя городу¹⁸⁰. Поскольку и «Рукописание Всеволода» трактует об организации торгового суда, оба памятника могут быть сопоставлены. Такое сравнение обнаруживает большую древность «Устава Всеволода» сравнительно с «Рукописанием». Если в «Уставе» носителями юрисдикции в торговом суде названы новгородский владыка, иванский староста и «весь Новгород», то в «Рукописании» отражена более законченная организация торгового суда, который возглавляют три старосты: тысяцкий от житых и черных людей и двое купеческих старост. Последние хорошо известны в актах XIV—XV вв.¹⁸¹. Это заставляет относить к более раннему времени ту систему торгового суда, которая устанавливается в «Уставе Всеволода».

Отмеченная разница в содержании обоих документов не отменяет того несомненного обстоятельства, что в Новгороде в позднейшее время существовала традиция, возводящая первоначальную организацию торгового суда ко времени князя Всеволода, которого называют своим автором и «Рукописание», и «Устав». Тожество князя Всеволода в «Рукописании» и «Уставе» очевидно и не нуждается в особых обоснованиях.

Однако изобилие в обоих памятниках деталей, анахронистических для XII в., ставит перед нами новую проблему. Имеются ли скольнибудь достаточные основания для того, чтобы связывать действительное или фиктивное авторство этих документов именно с Всеволодом Мстиславичем XII в., а не с каким-либо другим одноименным князем?

Имя Всеволода Мстиславича полностью названо в «Рукописании»: «Се аз князь великий Гавриль, нареченый Всеволод, самодръжець Мъстиславичъ внук Володимир...»¹⁸². Это имя не вызывает сомнений: Всеволод назван Мстиславичем, он действительно был внуком Владимира Мономаха и в крещении назывался Гавриилом. Посмотрим теперь, как обозначено это имя в «Уставе Всеволода», достоверность использования в котором древнего подлинного документа уже отмечена. Имя автора документа изображено здесь следующим образом: «Се аз князь великий Всеволод, нареченный в святем крещении Игошь, правнук

¹⁸⁰ НПЛ, стр. 486 и сл.

¹⁸¹ ГВНиП, стр. 73, № 41; стр. 74, № 42; стр. 76, № 43; стр. 87, № 49; стр. 107, № 64; стр. 110, № 67; стр. 113, № 68; стр. 120, № 73; стр. 152, № 74; стр. 127—129, № 76.

¹⁸² НПЛ, стр. 508, 558.

Игорев и блаженная прабабы Ольги, нареченныя в святем крещении Елена, и матери Володимировы, нареченнаго в святем крещении Василие...»¹⁸³. Здесь нет отчества князя, его христианское имя обозначено криптограммой, а указание прадедов не содержит хронологического момента, так как правнуки Игоря и Ольги жили в XI в.

Единственный возможный путь определения авторства «Устава» заключается в чтении криптограммы, которое, как это ни странно, никогда не предпринималось. Написание криптограммы в различных списках «Устава» несколько варьируется. Она изображена в форме «Игѣшь» в Археографическом списке Новгородской Первой летописи¹⁸⁴ и в летописи Авраамки¹⁸⁵. В макариевских списках «Устава» оно передано в форме «Игафшь»¹⁸⁶. Наконец, в позднейшем Соловецком списке оно заменено произвольной дешифровкой «Василий»¹⁸⁷.

Самым ранним списком «Устава Всеволода» является Археографический, сохранившийся в рукописи середины XV в., поэтому за основу дешифровки мы принимаем имеющуюся в нем форму «Игѣшь». Еще до дешифровки можно утверждать, что предположение Макария, видевшего здесь зашифрованное имя «Гаврииль», не верно. Криптограмма содержит только пять букв, тогда как имя Гавриил в зависимости от варианта написания (Гаврииль, Гавриил, Гавриль, Гаврил) насчитывает от восьми до шести букв. Тем самым предполагаемое первоначальное авторство Всеволода-Гавриила Мстиславича оказывается сомнительным.

Поскольку мы имеем дело с криптограммой из пяти букв, ей должно соответствовать какое-то пятибуквенное христианское имя. Количество таких имен возможно резко ограничить, так как в число княжеских крестильных имен входили далеко не все имена, имеющиеся в православных святцах. Например, такие имена, как Авидь, Амось, Наумь, Фотий и т. п., никогда не давались князьям. Список возможных княжеских пятибуквенных имен устанавливается при обращении к княжеским печатям, на которых христианские княжеские имена выражены при помощи патрональных изображений. Просмотр всех относящихся к делу сфрагистических материалов позволяет составить следующий список таких имен: Глебь, Ивань¹⁸⁸, Козма, Лаврь, Петрь, Флорь, Яковь.

Совершенно очевидно, что мы имеем дело с одним из вариантов литорей, а не цифровой системы шифра, так как «ь» не имеет цифрового значения. Также очевидно, что здесь применен один из видов мудрой литорей, т. е. такой системы буквенной взаимозамены, в которой участвуют все буквы алфавита, а не только согласные. При всем многообразии систем литорей, применявшихся в древней Руси, всем им присущи закономерности, исключающие самую возможность беспорядочной, хаотической взаимозамены букв. Между тем сравнение криптограммы с допустимыми вариантами ее дешифровки всякий раз обнаруживает отсутствие таких закономерностей. Это позволяет предполагать, что уже в Археографическом списке криптограмма сохранилась в искаженном виде, что допустимо при переписывании тарабарских надписей.

Наблюдения над палеографией Археографической рукописи (полустав середины XV в.) показывают, что в ней близкое начертание имеют

¹⁸³ НПЛ, стр. 485.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ ПСРЛ, т. XVI, стр. 272.

¹⁸⁶ См. Макарий. История русской церкви, т. 2. СПб., 1868, примечание 467.

¹⁸⁷ «Православный собеседник», 1861, октябрь; «Памятники русского права», вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси, XII—XV вв. Госюриздат, М., 1953, стр. 160—173.

¹⁸⁸ Возможна форма «Евань», но более вероятно «Иоаннь».

буквы И и Н, а также буквы Ш и Т (рис. 3). Поэтому возможно допустить, что в оригинале Археографического списка криптограмма была изображена в форме «Нгеть». Если это предположение правильно — а ниже мы постараемся его подтвердить, — криптограмма вступает в весьма закономерное соотношение с дешифровкой «Петръ». Ниже мы показываем это соотношение, обозначая расстояние между буквами в дешифровке и в криптограмме:

П	Е	Т	Р	Ъ
—2	—2	+2	+2	+2
Н	Г	Ө	Т	Ь

Иными словами, слово «Петръ» зашифровано здесь таким образом, что буквы заменяются через одну, но для первой половины алфавита при взаимозамене используются буквы, стоящие ранее шифруемой, а для второй половины алфавита — буквы, стоящие позднее шифруемой. Ключ выглядит следующим образом:

шифровка:

дешифровка:

<table style="border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 0 5px;">А</td><td style="padding: 0 5px;">В</td><td style="padding: 0 5px;">Д</td><td style="padding: 0 5px;">Ж</td><td style="padding: 0 5px;">З</td><td style="padding: 0 5px;">І</td><td style="padding: 0 5px;">Л</td><td style="padding: 0 5px;">Н</td><td style="padding: 0 5px;">П</td> </tr> <tr> <td style="padding: 0 5px;">Б</td><td style="padding: 0 5px;">Г</td><td style="padding: 0 5px;">Е</td><td style="padding: 0 5px;">С</td><td style="padding: 0 5px;">И</td><td style="padding: 0 5px;">К</td><td style="padding: 0 5px;">М</td><td style="padding: 0 5px;">О</td><td></td> </tr> </table>	А	В	Д	Ж	З	І	Л	Н	П	Б	Г	Е	С	И	К	М	О			<table style="border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 0 5px;">С</td><td style="padding: 0 5px;">У</td><td style="padding: 0 5px;">Х</td><td style="padding: 0 5px;">Ц</td><td style="padding: 0 5px;">Ш</td><td style="padding: 0 5px;">Ъ</td><td style="padding: 0 5px;">Ь</td><td style="padding: 0 5px;">Ю</td> </tr> <tr> <td style="padding: 0 5px;">Р</td><td style="padding: 0 5px;">Т</td><td style="padding: 0 5px;">Ө</td><td style="padding: 0 5px;">Ѡ</td><td style="padding: 0 5px;">Ч</td><td style="padding: 0 5px;">Щ</td><td style="padding: 0 5px;">Ы</td><td style="padding: 0 5px;">Ъ</td><td style="padding: 0 5px;">Я</td> </tr> </table>	С	У	Х	Ц	Ш	Ъ	Ь	Ю	Р	Т	Ө	Ѡ	Ч	Щ	Ы	Ъ	Я
А	В	Д	Ж	З	І	Л	Н	П																													
Б	Г	Е	С	И	К	М	О																														
С	У	Х	Ц	Ш	Ъ	Ь	Ю																														
Р	Т	Ө	Ѡ	Ч	Щ	Ы	Ъ	Я																													

В каждой строке буквы заменяются соседними в том порядке, как это показано стрелками, причем, по-видимому, крайние буквы шифруются так: буква «а» при шифровке заменялась буквой «п», буква «б» — буквой «о», буква «ю» — буквой «с», а буква «я» — буквой «р».

Предложенная дешифровка показывает, что князь Всеволод, выступающий как автор «Устава», не имеет отношения к Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу. Это какой-то одноименный князь, которого в крещении звали Петром. Среди новгородских князей на протяжении XI—XV вв. было только три князя с именем Всеволод: Всеволод Мстиславич (1117—1136 гг.), которого звали Гавриилом, Всеволод Юрьевич (1222, 1223—1224 гг.), которого в крещении звали Димитрием¹⁸⁹, и Всеволод Мстиславич-Борисович (1219—1221 гг.), христианское имя которого неизвестно.

Для установления христианского имени Всеволода Мстиславича-Борисовича существенно то, что мы уже знаем христианское имя его отца. Нам заранее известно, что на его печатях изображение отыскиваемого нами святого патрона Всеволода должно сочетаться с изображением св. Бориса. Вопрос об атрибуции новгородских княжеских печатей с изображением Бориса и Глеба до сих пор в литературе не обсуждался в полном объеме, поэтому мы рассмотрим его здесь. Среди новгородских князей XII—XIII вв. имеются следующие лица, на буллах которых должно быть изображение Бориса или Глеба: 1) Давид Ростиславич, в крещении Глеб Михайлович (в Новгороде — 1154 г., в Новом Торге — 1158—1160 гг.); 2) его брат Роман Ростиславич, в крещении Борис Михайлович (1179 г.); 3) Роман Мстиславич, в крещении Борис, христианское имя отца неизвестно (1168—1170 гг.); 4) Мстислав-Борис Романович (1178 г.); 5) Мстислав-Феодор Давидович-Глебович (1184—1187 гг.); 6) Святослав Мстиславич-Борисович (1218—1219 гг.); 7) Всеволод Мстиславич-Борисович (1219—1221 гг.).

¹⁸⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 438.

С другой стороны, новгородская княжеская сфрагистика знает шесть типов булл с рассматриваемым изображением: 1) печать с изображением св. Бориса и архангела¹⁹⁰, которую следует относить Роману Ростиславичу; 2) с изображением Бориса и Глеба и архангела¹⁹¹, которая может быть отнесена Давиду Ростиславичу; 3) печати с изображением св. Феодора и св. Глеба-Давида¹⁹², относимые Мстиславу-Феодору Давидовичу; 4) печати с изображением св. Бориса и Глеба и св. Феодора¹⁹³, которые в силу их многочисленности и безусловной принадлежности к XII в. должны быть датированы временем Романа Мстиславича, которого таким образом звали Феодоровичем; 5) печать с изображением св. Симеона Богоприимца и св. Бориса и Глеба¹⁹⁴; 6) печать с изображением св. Петра и Павла и св. Бориса и Глеба¹⁹⁵. Последние две печати (рис. 4, а, б) исключительно близки между собой и должны быть датированы в рамках одного и того же небольшого периода, что связывает их со временем Святослава и Всеволода Мстиславичей-Борисовичей (1218—1221 гг.). Таким образом, выясняется, что Всеволод Мстиславич-Борисович должен был называться в крещении или Симеоном, или Петром, или Павлом. Совпадение имени, дешифрованного в «Уставе Всеволода», с одним из этих трех имен позволяет признать, что Всеволод Мстиславич носил христианское имя Петр Борисович¹⁹⁶.

Из этих наблюдений следует, что источник, лежащий в основе «Церковного устава Всеволода», не имеет никакого отношения ко времени Всеволода-Гавриила. Конституирование торгового суда было предпринято впервые в конце первой четверти XIII в. при князе Всеволоде-Петре Мстиславиче. Признанием этого факта устраняется значительное число анахронизмов, неизбежных при датировке этой реформы XII в. Дальнейшая история рассмотренных выше документов представляется нам следующим образом. В конце XIII в. в Новгороде была предпринята компиляция первоначального «Устава Всеволода Мстиславича-Борисовича» с «Уставом Владимира». Около этого времени тот же устав послужил основой для составления «Рукописания Всеволода», в котором первоначальная идея об организации торгового суда была приведена в соответствие с действительным устройством этого института на рубеже XIII—XIV вв. Тождество имен автора первоначального устава и знаменитого Всеволода, известного по летописи в качестве строителя церкви Ивана на Петрятином двориче, дало возможность составителю «Рукописания» придать своему произведению большую импозантность. Впрочем, подменяя одного Всеволода другим, он мог быть и вполне искренним в своей фальсификации: тарабарская форма имени Всеволода в подлинном «Уставе» давала простор для такого осмысления.

¹⁹⁰ См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, II, 16.

¹⁹¹ См. В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, № 55, печать № 31.

¹⁹² 8 экземпляров: Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, I, 13, 27; III, 16; LIV, 12; XLIX, 18; его же. Материалы, вып. 1, рис. 32; неизданные экземпляры Новгородского музея, инв. № 4046, 4078.

¹⁹³ 8 экземпляров: Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, I, 23; XLIX, 1; LV, 3; неизданные экземпляры ЛОИИ (2 экз.); Новгородского музея (инв. № 4076, 4077), Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа.

¹⁹⁴ См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XLVI, 2.

¹⁹⁵ Неизданный экземпляр Новгородского музея, инв. № 4079, находка 1951 г.

¹⁹⁶ В связи с этим нуждается в уточнении датировка «экземпляра К Смоленской правды», который приписывают тому же князю. (П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895; Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1; «Памятники русского права», вып. 2, стр. 87). При «экземпляре К» сохранилась печать с изображением Бориса и Глеба, т. е. принадлежащая не Всеволоду Мстиславичу, а какому-то другому князю.

Глава 3

ВНУТРИБОЯРСКАЯ БОРЬБА ЗА ПОСАДНИЧЕСТВО В XII — НАЧАЛЕ XIII ВЕКА (1136—1207 гг.)

Политическая разобщенность новгородского боярства явственно наблюдается во времена Всеволода Мстиславича, когда отношение к князю и к вопросу о мере ограничения его власти является главным рубежом, разделяющим боярские группы. Условия, которые возникли после изгнания Всеволода в 1136 г., в сильнейшей степени способствовали углублению политических противоречий внутри новгородского боярства. Теперь, когда «вольность в князьях» стала главным знаменем политической борьбы, эта борьба внешне разворачивается вокруг вопроса о приглашении князей, о союзе с различными княжескими группировками. Новгородские бояре в борьбе между собой ищут союзников в различных группировках князей, также враждующих друг с другом. В борьбе за власть в Новгороде группы бояр находят себе опору не в разных социальных слоях самого Новгорода, а в одной и той же феодальной среде вне Новгорода.

В 30-х годах XII в. на Руси складываются три основные группы враждующих князей: старшие Мономаховичи (Мстиславичи), связанные главным образом со Смоленском, младшие Мономаховичи (Юрьевичи) суздальской линии и черниговские князья из потомства Олега Святославича. Изгнание Всеволода и призвание в Новгород в 1136 г. Святослава Ольговича означали разрыв победившей части боярства со старшими Мономаховичами и союз с черниговскими князьями. Первым результатом этого союза, сказавшимся на посадничестве, было бегство 7 марта 1137 г. сторонника Всеволода Мстиславича — посадника Константина Микульчича — и избрание на его место Якуна Мирославича¹.

Прежде чем перейти к подробному изложению истории новгородских посадников с этого момента, нам следует остановиться на одном важном вопросе, без рассмотрения которого вряд ли возможно правильное понимание характера политической борьбы вокруг посадничества. Восстание 1136 г. не могло не наложить существенного отпечатка на отношение всех групп новгородского боярства к князю. Изгнание Всеволода и торжество принципа «вольности в князьях» значительно выдвинули фигуру посадника. Князь из верховного главы государства превратился в должностное лицо, судьба которого была поставлена в зависимость от вечевого решения. С этого момента борьба между боярством в целом и князем, прокладывая свое главное русло, постоянно исходит из тех особенностей обстановки, которые сложились в 1136 г.: князь

¹ НПЛ, стр. 24, 209.

стремятся к восстановлению монархии, боярство отстаивает свои завоевания, стремясь к новому расширению своей власти.

Однако в том же 1136 г. возникает и другая форма отношений между боярством и князем. Внутрибоярская борьба за власть, смыкаясь с борьбой русских княжеских группировок, превращала князя в союзника той или иной боярской группировки. Если приглашение князя определялось победой одних боярских группировок над другими, то сама эта победа в значительной степени бывала обеспечена поддержкой князя, претендующего на новгородский стол. Поэтому каждый государственный переворот в Новгороде содержит элементы внутренней противоречивости, известного компромисса, дававшего князю некоторые преимущества. Внутрибоярская борьба и укрепление боярского господства — это процессы, развивающиеся в противоположных направлениях. Усиление внутрибоярской борьбы не могло не вести к укреплению княжеских позиций.

Основываясь на этой мысли, мы должны были бы наблюдать неуклонную реставрацию княжеского суверенитета в Новгороде на протяжении XII — первой трети XIII в., когда внутренняя борьба боярства достигает сильнейшего накала. В действительности такой реставрации не наблюдается. Антикняжеская борьба в Новгороде вовсе не была только формой внутриклассового столкновения между боярством и князем. Сохраняя княжеский стол, бояре сохраняли союзника в борьбе против широких народных масс, антикняжеские настроения которых были основой успеха восстания 1136 г. На наш взгляд, именно усиление классовой борьбы в Новгороде XII в. было главнейшим препятствием к реставрации монархических порядков.

Следует заранее оговориться, что, характеризуя политическую деятельность того или иного посадника, мы вовсе не будем вступать в полемику с Н. А. Рожковым как автором исследования на ту же тему², хотя в большинстве оценок наше мнение противоположно мнению этого исследователя. Н. А. Рожков, разделяя посадников на представителей «демократической» и «аристократической» партий, тем самым реконструировал некие группы, члены которых едины по своим политическим симпатиям и устремлениям. Если отвлечься от его концепции о партийности этих групп, казалось бы, его формальные реконструкции могли бы дать основу и для наших наблюдений. Однако исследованию Н. А. Рожкова в целом присущ серьезный методический порок, который заключается в том, что исследователь исходил главным образом не из конкретного анализа политической деятельности каждого посадника, а из самого факта сосуществования посадника с князем из суздальской или черниговской линии. По Н. А. Рожкову получалось, что не только бояре в Новгороде, но и князья делились на «аристократов» (Юрьевичи) и «демократов» (Ольговичи). Даже Мирошка, которого Всеволод Юрьевич два года продержал в плену, у Н. А. Рожкова превратился в ярого приверженца суздальских князей-аристократов. Между тем, как увидим далее, иногда бывали случаи, когда враждующие князь и посадник как бы уравнивали друг друга.

ОТ ВОССТАНИЯ 1136 ГОДА ДО СМЕРТИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО (1174 г.)

Вернемся, однако, к Якуну Мирославичу, избранному на посадничество весной 1137 г. Получивший власть после падения князя Всеволода и бегства посадника Костянтина Микульчича, Якун был представителем той части новгородского боярства, которая вступила в союз с чернигов-

² См. Н. Рожков, Ук. соч.

скими князьями. Якун остается посадником не только на протяжении всего правления Святослава Ольговича, но в дальнейшем разделяет его судьбу. В 1141 г., когда Всеволод Ольгович позвал своего брата Святослава в Киев, Святослав, связанный клятвой о пожизненном княжении в Новгороде, «бежа, отаи, ночью, и Якун с ним бежа». Якуна вместе с его братом Прокопием новгородцы изловили, избили «мало не до смерти», «обнаживше, яко мати родила» и сбросили с моста, но «бог избави, и прибреде к берегу». Потом у Якуна взяли 1000, а у его братья 100 гривен и «заточиша Якуна в Чудь с братом, оковавше руце к шии». Впоследствии Юрий Долгорукий держал его у себя из милости³.

Весь период посадничества Якуна Мирославича протекает в обстановке ожесточенной политической борьбы между сторонниками изгнанного Всеволода и нового князя Святослава. Уже в сентябре 1136 г. новгородцы расправляются с каким-то Георгием Жирославичем, а в самом начале 1137 г. «милостьници Всеволожи» совершают покушение на Святослава Ольговича. В марте 1137 г. к Всеволоду перебегают посадник Костянтин и «инех добрых мужь неколико» и снова зовут его на новгородский стол, что вызвало в Новгороде «мятеж велик». Новгородцы грабят дома приверженцев Всеволода, облагают их штрафами, которые были использованы для подготовки сопротивления Всеволоду. Новгородское войско выступает на Псков, где обосновался изгнанный новгородский князь, но возвращается с половины пути. После этого в Новгороде происходит ряд событий, характер которых на первый взгляд кажется не совсем последовательным. 17 апреля 1138 г. новгородцы изгоняют князя Святослава Ольговича и приглашают на его место сына Юрия Долгорукого — Ростислава Юрьевича. Казалось бы, что этот переворот должен свидетельствовать о победе провсеволодовской группировки, поскольку Юрий Долгорукий в указанное время поддерживал тесный античерниговский союз с Мстиславичами. Однако оказывается, что и после переворота Мстиславичи не получают в Новгороде решительной поддержки. Уже 23 апреля 1138 г. новгородцы демонстрируют свою решимость не пускать Мстиславичей в Новгород, а летом 1139 г. отказываются помочь Юрию Долгорукому в его борьбе против Чернигова. 1 сентября 1139 г. Ростислав Юрьевич бежал из Новгорода, куда после нового мятежа был снова приглашен Святослав Ольгович⁴.

Эта непоследовательность находит объяснение в позиции народных масс Новгорода. Выступление против Мстиславичей и поддержка черниговских князей поставили Новгород перед лицом чрезвычайно сложной общерусской политической ситуации. «И не бе мира с ними (псковичами. — В. Я.), ни с суждальци, ни с смолняны, ни с полоцяны, ни с кияны, — сообщает летописец. — И стоя все лето осмьнька великая по 7 резан»⁵. Новгород переживает голодную блокаду, резко ухудшившую положение простого населения. Отметим, что именно с этим ухудшившимся положением смердов М. Н. Тихомиров связывает появление в 1137 г. известного устава князя Святослава Ольговича о регулировании доходов новгородской епископии⁶. Проблема снабжения Новгорода могла быть решена главным образом союзом с Суздалем, значение хлебного производства которого в критические для Новгорода годы хорошо известно. В этой связи понятно и активное участие в событиях

³ НПЛ, стр. 26, 211 и сл.; ПСРЛ, т. IV, стр. 7; т. V, стр. 159.

⁴ НПЛ, стр. 24 и сл., 209—211.

⁵ Там же, стр. 25, 210.

⁶ См. М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. Госкультпросветиздат, М., 1952, стр. 21; М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания, стр. 196.

1136—1138 гг. новгородского купечества, заинтересованного в расширении новгородско-суздальской торговли. С политической точки зрения союз с Суздалем означает компромисс между сторонниками Чернигова и сторонниками Мстиславичей. Отражением этого компромисса, между прочим, являются сохранение посадничества за Якуном Мирославичем в период изгнания Святослава Ольговича, а также уже отмеченная политическая непоследовательность в этот период.

Победа Всеволода Ольговича и занятие им великокняжеского стола в 1139 г. ведет к ликвидации указанного компромисса. 25 декабря 1139 г. на новгородский стол садится снова Святослав Ольгович, а в Новгороде начинаются гонения на бояр античерниговской ориентации. Константин Микуличича и еще шесть мужей новгородцы выдают Всеволоду Ольговичу, Судила, Нежата и Страшко бегут в Суздаль «Святослава деля и Якуна»⁷.

Вместе с тем в Новгороде создается весьма двусмысленная ситуация. Спустя каких-нибудь три года после восстания 1136 г. практически возрождается старая схема взаимоотношений с великокняжеской властью: новгородский князь Святослав — родной брат киевского князя и его ближайший союзник. Эта ситуация создает условия для активного вмешательства великого князя в новгородские дела, но она также ведет и к обострению антикняжеской борьбы. Оба указанных следствия хорошо видны в событиях 1141 г., когда Всеволод Ольгович отзывает Святослава из Новгорода и пытается вместо него навязать своего сына. Святослав бежит из Новгорода, а новгородцы жестоко расправляются с его сторонником посадником Якуном Мирославичем. Руководящее положение в Новгороде захватывает античерниговская группа, которая, включая в свой состав суздальских сторонников и сторонников Мстиславичей, была весьма пестрой. По-видимому, именно это обстоятельство послужило главной причиной затяжных споров о преемнике Святослава Ольговича на новгородском столе: «Седеша новгородци бес князя 9 месяц; и призваша из Суздаля Судилу, Нежату, Страшка, оже бяху бежале из Новгорода, Святослава деля и Якуна, и даша посадничество Судиле в Новгороде»⁸.

Наиболее желательным претендентом на новгородский стол, иными словами, претендентом, пользовавшимся наиболее сильной поддержкой в Новгороде, был родной брат изгнанного в 1136 г. Всеволода Святослав Мстиславич, преимуществом которого было его изгойство. В случае его избрания на новгородский стол он мог бы стать князем, независимым от Киева и сильного Суздаля. Однако эта кандидатура вызвала сильнейшее противодействие киевского князя, и в Новгород был приглашен сын Юрия Долгорукого Ростислав. Лаврентьевская летопись дает представление об экономических причинах этого выбора: «Новгородци не стерпяче безо князя седити, ни жито к ним не идише ни откуду же»⁹. Новый князь, уже хорошо знакомый новгородцам, прибыл на стол 26 ноября 1141 г. Эта дата позволяет уточнить время расправы над Якуном. Она произошла за девять месяцев до прибытия Ростислава, т. е. в феврале 1141 г., что согласуется с показаниями списка новгородских князей о том, что княжение Святослава Ольговича, начавшись 25 декабря 1139 г., продолжалось около года¹⁰.

Рассказ о событиях 1141 г. весьма знаменателен для характеристики нового положения посадника. Судила был первым посадником,

⁷ НПЛ, стр. 26, 211—212; ПСРЛ, т. IV, стр. 7.

⁸ НПЛ, стр. 26, 212.

⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 309.

¹⁰ НПЛ, стр. 161, 470.

избранным в отсутствие князя. До приглашения князя ему принадлежали обе власти — посадничья и княжеская.

Ко времени посадничества Судилы относятся резкие перемены в политической картине княжеских взаимоотношений. Если до 1142 г. Юрий Долгорукий выступал против черниговских князей и был союзником Мстиславичей, то теперь он, «не уладившись» с Изяславом Мстиславичем, заключает договор со Святославом Ольговичем против Изяслава. Новгородская античерниговская группировка бояр в этот период ведет себя достаточно самостоятельно. В марте 1142 г. новгородцы взяли под стражу князя Ростислава Юрьевича, а 19 апреля того же года его сменил главный ставленник этой группировки Святополк Мстиславич. Очевидно, что Судило был сторонником или инициатором этого политического курса, так как перемены на новгородском столе его не коснулись и он остался посадником до 1144 г., когда его сменил Нежата Твердятич¹¹. Это, несомненно, тот самый Нежата, который в 1137 г. был разграблен за поддержку Всеволода, а в 1139 г. бежал в Суздаль.

Святополк Мстиславич оставался на новгородском столе до 1150 г., когда великий князь Изяслав позвал его в Киев¹². Во времена Святополка посадники в Новгороде сменились несколько раз. После Нежаты в 1146 г. был избран Костянтин Микульчич, бежавший некогда из Новгорода после изгнания Всеволода Мстиславича: «Даша посадничество Костянтину Микульцию, а у Нежате отымаша»¹³. В следующем году, когда Костянтин умер, посадничество вернулось к Судиле Иванковичу¹⁴. Причины перемен в посадничестве не ясны, так как посадничество всякий раз переходит к кандидатам одной и той же античерниговской группировки. Вполне вероятно, что перечисленные посадники в действительности и не составляли единой группировки, а лишь внешне были объединены совместной борьбой против сторонников черниговской ориентации. Существование временной античерниговской коалиции разнородных боярских групп как бы отражено в судьбе Нежаты Твердятича. В его пользу отнято посадничество у Судилы, но сам он теряет власть в пользу Костянтина Микульчича. Между тем на протяжении своей политической карьеры он дважды подвергался расправе со стороны новгородцев — в 1137 г. вместе с Костянтином и в 1139 г. вместе с Судилой. Наличие известных нюансов в отношении всех этих посадников к правящему князю подчеркивается обновлением посадничества в 1146 г., когда был избран Костянтин Микульчич, политическое лицо которого наиболее ясно. Он вторично приходит к власти в тот момент, когда на великокняжеском столе оказался Изяслав Мстиславич, брат новгородского князя, т. е. во время главного триумфа Мстиславичей. Вполне очевидно, что в рассматриваемый период Мстиславичи поддержаны представителями нескольких групп новгородского боярства, исключая группу, выдвинувшую в свое время Якуна Мирославича, однако это объединение не было настолько тесным, чтобы ликвидировать внутренние противоречия образовавшегося союза.

¹¹ НПЛ, стр. 27, 213; ПСРЛ, т. IV, стр. 7. И. И. Григорович (Опыт, стр. 80, 82) называет двух Якунов — Мирославича под 1137 г. и Иванкова под 1140 г. Однако это разделение не согласуется с показаниями списков посадников и не обосновано документально. Судилу Иванковича И. И. Григорович (там же, стр. 83) называет «Судилой Иванковичем или Нежатицем». Последнее недоразумение вызвано неясностью показаний списка посадников в Комиссионной рукописи, где Нежата назван «Нежатиным», а так как это имя следует за именем Судилы, то вместо «Судила, Нежата» там читается «Судила Нежати».

¹² НПЛ, стр. 28, 214; ПСРЛ, т. IV, стр. 8; т. V, стр. 159; т. VII, стр. 45.

¹³ НПЛ, стр. 27, 213.

¹⁴ Там же, стр. 27, 214.

Мстиславичи остаются на новгородском столе до 1155 г. После ухода из Новгорода Святополка в 1148 г. его место занял Ярослав Изяславич, сын великого князя и племянник Святополка Мстиславича, водворение которого в Новгороде не сопровождалось политической борьбой, а осуществилось по договоренности с великим князем¹⁵. В 1154 г. Ярослав был изгнан, но на его место новгородцы приняли Ростислава Мстиславича, брата Святополка. Ростислав пришел в Новгород 26 марта 1154 г., а в ноябре того же года, узнав о смерти великого князя Изяслава, покинул Новгород и оставил вместо себя своего сына Давыда¹⁶.

Весь период правления Мстиславичей производит впечатление реставрации старых порядков, конец которой был положен восстанием 1136 г. Князья уходят из Новгорода по своему желанию или по желанию великого князя. Договор с Новгородом как будто не имеет для них значения. Поддерживающие Мстиславичей круги новгородского боярства, таким образом, борются за власть не с помощью постоянного контроля над князем и поддержания ряда, а с помощью услужливого союза с князем, прощая ему нарушения договора. Напомним, однако, что и Якун Мирославич, представлявший интересы той группы, которая выражала иные симпатии, проводил такую же политику и даже сам вынужден был бежать, поддерживая князя в его намерении нарушить ряд с Новгородом.

Стремление новгородского боярства к власти должно было во всех боярских группировках порождать антикняжеские тенденции, однако эти тенденции не могли заслонить внутренних противоречий боярства в его борьбе за власть. Знакомясь с историей посадничества и стола в Новгороде середины XII в., мы снова возвращаемся к уже изложенному тезису. Стремясь к господству, ни одна из боярских группировок не была в силах удержать власть без союза с князем, а этот союз находился в противоречии с завоеваниями 1117—1136 гг. Отсюда в значительной степени прорастает та двойственность форм государственной жизни, которая присуща Новгороду на протяжении длительного периода. В XII—XIII вв. Новгород не был аристократической республикой в полном смысле слова, однако он не был и монархией. С течением времени последняя постепенно теряла позиции, но до конца XIII в. она всегда могла находить опору в любой части боярства. Развитие республиканских органов нельзя представлять себе в виде постоянно и неуклонно прогрессирующего процесса. Напротив, сама расстановка политических сил в Новгороде XII в. превращала этот процесс в колебательный, приводя подчас к временным усилениям княжеской власти.

С другой стороны, двусмысленная политика, которой следуют все группировки новгородского боярства, неизбежно ведет к дискредитации тех политических лозунгов, которыми боярство обеспечивало себе народную поддержку в антикняжеской борьбе. Принципы «свобод» и «вольности в князьях» подменяются принципом союза с князем для обеспечения победы во внутрибоярской борьбе за власть. Несомненно, эта подмена должна была сыграть не последнюю роль в развитии классовой борьбы внутри новгородского общества. Можно думать, что изгнание князя Ярослава Изяславича в 1154 г., а до того замена Ярославом Святополка Мстиславича в 1148 г. произошли в результате классового давления народных масс, поскольку эти перевороты не сопровождаются борьбой боярских групп. Показательно, что Святополк Мстиславич был выведен из Новгорода «злости ради его»¹⁷.

¹⁵ НПЛ, стр. 28, 214; ПСРЛ, т. IV, стр. 8; т. V, стр. 159; т. VII, стр. 45.

¹⁶ НПЛ, стр. 29, 215; ПСРЛ, т. I, стр. 147; т. II, стр. 77; т. IV, стр. 8; т. V, стр. 160; т. VII, стр. 62.

¹⁷ НПЛ, стр. 28, 214.

События 1154—1155 гг., отдавшие великокняжеский стол в руки Юрия Долгорукого, привели к падению Мстиславичей и поддерживавших их боярских групп в Новгороде. 30 января 1155 г. был изгнан Давыд, а на его место приглашен сын Юрия Долгорукого Мстислав, оставшийся в Новгороде до 1157 г.¹⁸ Вскоре после вокняжения Мстислава «согнаша новгородци Судила с посадничества, и по изгнании 5 день умре; и потом даша посадничество Якуну Мирославичу»¹⁹.

На первый взгляд, это весьма неожиданное сочетание: сын Юрия Долгорукого оказывается в союзе с врагом Юрия — Якуном, подвергшимся за 15 лет до того публичному позору, избитым, закованным в цепи и жившим из милости на дворе суздальских князей. Однако мы уже видели, что за прошедшее с тех пор время политические привязанности враждующих боярских группировок заметно изменились. Судила, в 1141 г. выступавший на стороне суздальского князя, уже в 1142 г. поддерживает Мстиславичей, когда их союз с Суздалем прекратил существование. Такую же эволюцию пережил и Нежата, вместе с Судилой стоявший на стороне Юрия Долгорукого, когда тот выступал против черниговских князей, и порвавший с ним, когда Юрий стал поддерживать черниговцев. Коль скоро обстоятельства привели к падению в Новгороде Мстиславичей, вместе с ними должны были утратить власть и все группы боярства, выступавшие в их поддержку, а к власти должен был прийти тот круг, с которым связан Якун Мирославич.

В то же время приход Якуна к власти может быть результатом и более глубоких причин. Его выдвижением посадничеству придавался тот закономерный характер, который лежит в основе этого института, — характер боярской власти, противостоящей власти князя.

Отсутствие непосредственной приверженности Якуна Мирославича к Юрию Долгорукому наглядно показывают последующие события. В 1157 г., когда Юрий Долгорукий умер, на великокняжеском столе оказался черниговский князь Изяслав Давыдович, которому была оказана поддержка Мстиславичами. Еще до смерти Юрия этот новый союз определился достаточно четко. Его задачей была война с Юрием, не состоявшаяся только из-за смерти последнего. Хорошо известны слова Изяслава Давыдовича, произнесенные им в момент получения известия о кончине Юрия: «Благословен еси господь, оже мя розсудил с ним смертию, а не кровопролитием»²⁰. Все эти события происходят в одно время с очередным новгородским переворотом, возглавленным Якуном Мирославичем. В Новгороде начинается «катора зла в людех, и всташа на князя Мстислава на Юрьевича, и начаша изгонити из Новгорода, торговли же послаша в оружьи по нем; и свадиша брата, и мост перемаша на Волхове, и сташа сторожи у городских ворот, а друзии на оном полу, мало же крови не пролиаша межи собою»²¹. Столкновение закончилось вступлением в город сначала Святослава и Давыда, а затем и их отца Ростислава Мстиславича. Мстислав Юрьевич ночью бежал из Новгорода. При расколе Новгорода в ходе столкновения посадник и князь оказываются в противоположных лагерях, так как посадничество Якуна Мирославича продолжается до 1160 г.

Политика союзов боярских групп с разными князьями в конечном счете враждует внешне вокруг отношения к черниговским князьям, и

¹⁸ НПЛ, стр. 30, 217; ПСРЛ, т. I, стр. 149; т. II, стр. 82, 305; т. IV, стр. 10; т. VII, стр. 66.

¹⁹ Там же.

²⁰ ПСРЛ, т. II, стр. 81, 304; т. VII, стр. 66.

²¹ НПЛ, стр. 30, 217; ПСРЛ, т. I, стр. 149; т. II, стр. 82; т. IV, стр. 10; т. VII, стр. 66.

ее начало, таким образом, восходит к борьбе 1136 г. В ходе столкновений 1136—1157 гг. четко определяются две основные группы новгородского боярства. Одна, которую представляет Якун Мирославич, стремится к союзу с черниговскими князьями, заключающая для поддержания этого союза соглашения с Суздаlem и Мстиславичами. Другая — с Судилой, Нежатой и Костянтином Микульчичем — является античерниговской группировкой и также последовательно вступает в соглашения с Суздаlem и Мстиславичами. Между собой обе группы непримиримы, и в действительности противоречия между ними определяют выбор союзов с определенными князьями. Однако вторая группировка не кажется целостной, внутри нее самой идет борьба за посадничество.

В цитированном сообщении 1157 г. обращает на себя внимание одно весьма важное обстоятельство. Сторонниками Якуна Мирославича в Новгороде оказываются жители Софийской стороны. Это первое указание на территориальную принадлежность боярских группировок.

В 1159 г. приходит конец союзу смоленских Мономаховичей с Черниговом. Ростислав Мстиславич занимает великокняжеский стол, и на Руси практически остаются лишь две старые княжеские группировки, имевшие силу и выступавшие в разных лагерях: смоленские Ростиславичи и суздальские князья.

Новгородский посадник Якун Мирославич остается на стороне Ростиславичей. Эта связь становится особенно наглядной в 1160 г., когда в Новгороде победила враждебная Якуну боярская группа во главе с Нежатой. Святослав Ростиславич был выслан в Ладогу, его княгиня «впущена» в монастырь, а дружина «всажена» в погреб. 21 июня 1160 г. на новгородский стол пришел внук Юрия Долгорукого и сын изгнанного в 1142 г. Ростислава — Мстислав. Но еще до этого, «той же зиме», посадничество было отобрано у Якуна Мирославича и передано Нежате. Продолжительная карьера Нежаты закончилась в следующем 1161 г., когда в Новгороде, по договоренности великого князя Ростислава Мстиславича с Андреем Боголюбским, вновь водворился Святослав Ростиславич, а Мстислав был выведен: «отъяша посадничество у Нежате, а Захарии даша»²².

Выступление 1160 г. содержит очевидный протест против возрождения антиреспубликанской схемы взаимоотношения Новгорода и князя. Будучи сыном великого князя, Святослав Ростиславич своим княжением воплощал старую идею зависимости Новгорода от Киева. Весьма показательно, что в выступлении против него наиболее активную силу составляют городские низы Новгорода, оставшиеся наиболее последовательными в антикняжеской борьбе в период сложного лавирования боярства между различными группировками князей. В. Н. Татищев, рассказывая о ходе переговоров между Новгородом и Ростиславом Мстиславичем в 1161 г., когда Нежата потерпел поражение, сообщает, что новгородское посольство было отправлено в Киев «просить прощения о учиненном сыну его Святославу бещестии и разорении, полагая вину ту на смердь»²³.

Избранный в 1161 г. посадник Захария в приведенном выше контексте упоминается в Новгородской Первой летописи старшего извода, тогда как в списках младшего извода он именуется Озарией. Мы уже отмечали, что эта путаница является следствием недоразумения, основанного на близости имен, и нашла отражение также и в Списке Б. Ко времени посадничества Захарии относится любопытное сообщение

²² НПЛ, стр. 30—31, 218; ПСРЛ, т. IV, стр. 11; т. V, стр. 162; т. VII, стр. 75.

²³ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. III. М., 1774, стр. 135.

о судьбе Нежаты. В 1164 г. он оказывается ладожским посадником²⁴, т. е. сидит именно там, куда новгородцами по его инициативе в 1160 г. был выслан теперешний новгородский князь Святослав Ростиславич.

Захария, избранный на вече в связи с победой Святослава, остается его единомышленником до конца своего посадничества. Княжение Святослава оканчивается в 1167 г. гибелью посадника, павшего жертвой политических привязанностей своей группы. В 1164 г. Захария вместе с князем руководит ратью, отбившей нападение шведов на Ладогу. В 1165 г. вместе с князем он встречает вновь поставленного архиепископа Илию²⁵. В 1167 г. Святослав, рассорившись с новгородцами, ушел в Луки и оттуда заявил Новгороду: «Не хочу у вас княжити, не люблю ми есть». Пожелание князя вопреки его расчетам встретило полное сочувствие у новгородцев, которые ответили: «Не хотим его». Началась война, в ходе которой Святослав Ростиславич ушел из Лук в Торопец, а затем на Волгу, где получил помощь от Андрея Боголюбского. Новгородцы, выступая против этого союза, делают ставку на нового великого князя Мстислава Изяславича. Война приобретает широкий характер. Были сожжены Новый Торг и Луки. На помощь Святославу приходят смоляне и полочане, перерезавшие пути от Новгорода к Киеву. В этой обстановке были убиты посадник Захария, Неревин и бирич Несда, державшие перевет к Святославу, а посадничество получил Якун²⁶.

Сама политическая обстановка, при которой посадником мог быть избран только противник Ростиславичей, не позволяет отождествить этого Якуна с действовавшим до 1160 г. Якуном Мирославичем. Здесь мы имеем дело с простым совпадением весьма распространенного в Новгороде имени. Действительно, Список А в соответствующем месте называет не одного, а двух Якунов: «Костянтин, Якун, Судило, Нежата, Захария, Якун»²⁷. Если посадник Захария по своим политическим симпатиям может быть отнесен к той части новгородского боярства, к какой принадлежал Якун Мирославич, то второго Якуна следует связывать с группировками Судилы, Нежаты и Костянтина Микульчича.

Избрание Якуна произошло в 1167 г. при обстоятельствах, подобных тем, какие мы уже наблюдали при избрании Судилы в 1141 г. Якун стал посадником в тот момент, когда место князя пустовало: «Даша посадничество Якуну; и седеша новгородци без князя от Сменя дня до Велика дня о Якуне, ожидающе от Мстислава сына». Семенов день бывает 1 сентября, а новый князь Роман Мстиславич пришел в Новгород на пасху 14 апреля 1168 г.²⁸ Следовательно, единовластие посадника продолжалось не менее семи месяцев. Посадник Якун в дальнейшем упоминается вместе с князем Романом под 1169 г. в рассказе об известной битве суздальцев с новгородцами и о чуде иконы «Знамение»²⁹. Это последнее сообщение о нем. Под 1171 г. рассказывается уже о том, как князь Рюрик Ростиславич отнял посадничество у Жирослава³⁰.

Ставя перед собой цель установить связи различных борющихся между собой боярских группировок с определенными территориями Новгорода, мы хорошо представляем себе те опасности, к которым может

²⁴ НПЛ, стр. 31, 218.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ И. И. Григорович (Опыт, стр. 88) называет этого Якуна — Андреевичем. М. Щербатов («История Российская от древнейших времен», т. II. СПб., 1774, стр. 308) именует его Станиславичем. Ни то, ни другое положение не подкреплены документально.

²⁸ НПЛ, стр. 32, 220; ПСРЛ, т. IV, стр. 12.

²⁹ НПЛ, стр. 33, 321; ПСРЛ, т. IV, стр. 12, 177; т. V, стр. 164.

³⁰ НПЛ, стр. 34, 222; ПСРЛ, т. IV, стр. 13.

привести увлечение некоторыми косвенными показаниями источников. К таким показаниям мы относим аналогии в политических привязанностях и указание родственных связей. Вполне очевидно, что политические привязанности отдельных боярских групп могли резко меняться. Что касается родственных связей, то в результате браков сыновья посадников в иных случаях могли оказаться не в тех концах, в которых жили их отцы. Следует учитывать и существование политических противоречий внутри боярства одних и тех же территорий. В частности, отнеся Захарию к группировкам, связанным в прошлом с Якуном Мирославичем, а Якуна — к группировкам Судилы, Нежаты и Костянтина Микульича, мы еще не имеем права утверждать, что Захария, подобно Якуну Мирославичу, был связан с Софийской стороной, а второй Якун — с Торговой. Необходимы независимые от приведенных выше сообщений показания источников, чтобы иметь возможность говорить об их территориальной принадлежности.

На наш взгляд, такие показания существуют, хотя они и не носят категорического характера. Захария в 1167 г. оказывается в сообществе с Неревиным и Несдой. Прозвище одного из этих бояр — Неревина, как это подметил В. Н. Бернадский, связывается скорее всего с районом его жительства и указывает на принадлежность к Неревскому концу³¹. Это показание не говорит прямо о принадлежности Захарии, но должно быть принято во внимание вместе с показанием о принадлежности к Софийской стороне единомышленника Захарии — посадника Якуна Мирославича. Что касается второго Якуна, то его принадлежность к Торговой стороне как будто прослеживается при анализе существующих реалий легенды о битве суздальцев с новгородцами. Двусторонняя икона «Знамение», несущая на оборотной стороне патрональное изображение святых Петра и Наталии, своим происхождением может быть связана только с боярским заказом и притом с заказом какого-то славянского боярина, поскольку уже в XII в., ко времени событий 1169 г., она была вкладом в Спасскую церковь на Ильине улице. Само превращение ее в палладиум может объясняться инициативой боярства Славянского конца. Между тем из трех организаторов «чуда» к славянскому боярству мог относиться только посадник Якун, но никак не владыка Илия, который в миру жил на Софийской стороне и священствовал при церкви св. Власия на Волосовской улице³², и не князь Роман Мстиславич.

В летописи отсутствует указание на хронологический рубеж между посадничествами Якуна и Жирослава. По-видимому, этот рубеж вообще невозможно установить даже обращением к анализу политических событий 1169—1171 гг. Существует одна формальная возможность назвать подходящую дату, но при ближайшем рассмотрении использование этой возможности оказывается неверным. В 1170 г. новгородцы «сдумавше» показали путь Роману и обратились к Андрею Боголюбскому, прося у него мира «на всей воли нашей и даи же нам князь»³³. Происходит резкий поворот в политических связях, в силу которого между Ростиславичами, союзными Андрею Боголюбскому, и Новгородом восстанавливается мир. 4 октября 1170 г. на новгородский стол садится Рюрик Ростиславич, и, казалось бы, смену посадников следует связывать именно с этой датой. Однако первые же действия нового князя опровергают такое предположение. В 1171 г. «отъяше князь Рюрик посадничество

³¹ См. В. Н. Бернадский. Новгородский посадник Степан Твердиславич (Опыт политической характеристики). «Уч. зап. ЛГУ», № 95, сер. истор. наук, вып. 15. Л., 1948, стр. 31.

³² ПСРЛ, т. III, стр. 125, 215.

³³ НПЛ, стр. 33, 221; ПСРЛ, т. IV, стр. 12, 177; т. V, стр. 164.

у Жирослава и выгнаша его из Новгорода, и он поидяше к Суздаю к князю Андрею, и даша тогда посадничество Иванкови Захарьиницу»³⁴. По-видимому, политический переворот 1170 г. произошел в Новгороде вопреки Жирославу, а сам Жирослав пришел на посадничество в 1169 или в 1170 г. в порядке простой преемственности, после смерти Якуна, бесследно исчезнувшего из летописного рассказа.

Особо отметим, что после смерти Мирослава Гюрятинича в 1136 г. это второй случай, когда переход посадничества осуществляется не насильственным путем (первый — смерть Костянтина Микульчича в 1147 г.). На протяжении 1136—1171 гг., за какие-нибудь 35 лет, в истории новгородского посадничества было не менее 10 переворотов, что говорит о сильнейшем накале внутривоеводской розни в борьбе за власть.

Несколько месяцев Жирослав сосуществует с князем Рюриком Ростиславичем, пока Рюрик еще поддерживает видимость союза с Андреем Боголюбским. Однако окончательный разрыв Рюрика с Андреем в начале 1171 г. настолько изменил политическую ситуацию, что фигура Жирослава на месте посадника оказалась совершенно неприемлемой для победившей вместе с Рюриком Ростиславичем группы бояр. Зимой того же 1171 г. Рюрик Ростиславич оставил новгородский стол, и новгородцы вновь послали «к Андрееви по сын». Это событие вернуло посадничество Жирославу: «И присла Жирослава посадничати с мужи своими»³⁵. Жирослав во второй раз водворяется в Новгороде еще до решения судьбы княжеского стола: сообщение о прибытии князя Юрия Андреевича относится уже к следующему, 1172 г. В течение нескольких месяцев Жирослав правил единолично.

Вскоре после начала княжения Юрия Андреевича между ним и новгородцами возникает конфликт, серьезность которого подчеркивает летописный рассказ. В развитие этого конфликта «ходи архиепископ новгородский Илья ко Андрееви в Володимир, ходил бяше на всю правду», а посадничество «тогда же» было возвращено стороннику Ростиславичей и противнику Суздаля Иванке Захарьиничу³⁶.

Собственно с этого момента в политической истории новгородского боярства начинается новый период, характеристика которого будет дана в следующем разделе исследования. Здесь же пора подвести некоторые итоги уже изложенным наблюдениям.

Весь рассмотренный период с 1136 г. до середины 1170-х годов наполнен постоянной и незатихающей борьбой различных групп новгородского боярства за власть. Рассматривая ход и обстоятельства этой борьбы, можно говорить о существовании нескольких группировок, каждая из которых не обладает решительными преимуществами в борьбе. Эти группировки блокируются друг с другом и с разными князьями так, что главными противниками оказываются, с одной стороны, группа, которую представляют Якун Мирославич, Захария и Иванко Захарьинич, а с другой — группа с посадниками Судилой, Нежатой, Костянтином Микульчичем, Якуном и Жирославом.

Первая группа в своей политике связана первоначально с черниговскими князьями Святославом Ольговичем и Изяславом Давыдови-

³⁴ НПЛ, стр. 34, 222; ПСРЛ, т. IV, стр. 13. И. И. Григорович (Опыт, стр. 91) относит к числу новгородских посадников Ваську Буслаева, скончавшегося в 1171 г. Это предположение достаточно противоречиво и не подтверждается источниками. Его недоверенность уже отмечалась в литературе. См. С. Шамбинаго. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914, стр. 147 и сл.

³⁵ НПЛ, стр. 34, 222; ПСРЛ, т. IV, стр. 13.

³⁶ Там же.

чем, а затем с Ростиславом Мстиславичем и Ростиславичами. Политические связи второй группы характеризуются полной противоположностью связям первой группы: союз с Суздалем, когда Суздаль выступает против черниговских князей, и борьба против Суздаля, когда черниговцы выступают вместе с суздальцами; союз с Суздалем, когда Суздаль выступает против Ростиславичей, и война с Суздалем, когда Суздаль находится в союзе с Ростиславичами.

Союз с князьями в этот период становится важнейшим элементом внутрибоярской борьбы. Поэтому антикняжеская борьба боярства отодвигается на второй план. Более того, она практически неосуществима, так как в собственном соперничестве, в стремлении к власти боярство может идти только по пути уступок князьям. В то время как вопрос о личности князя оказывается в зависимости от успеха или неуспеха союзных ему группировок внутри Новгорода, сама княжеская власть как государственный институт приобретает более независимый характер. Князья отказываются от княжения по собственной инициативе. Иногда вопрос о князе решается не в Новгороде, а за его пределами. Так, в 1148 г. отозван в Киев Святополк Мстиславич и заменен по воле великого князя Ярославом Изяславичем. Так, в 1154 г. из Новгорода уходит Ростислав Мстиславич, оставляя вместо себя своего сына Давыда. Так, в 1161 г. вторичное водворение в Новгороде Святослава Ростиславича основывается на договоре великого князя и Андрея Боголюбского. Можно отметить также тенденцию к восстановлению старой схемы взаимоотношения Новгорода с великими князьями: новгородский князь — союзник и фактический ставленник Киева.

Усиление княжеской власти прослеживается и при наблюдениях над отношениями князя и посадника. В 1171 г. посадничество у Жирослава снимает не Новгород, а князь Рюрик, даже изгоняющий неугодного ему посадника из Новгорода. Тот же Жирослав получает вторичное посадничество по желанию Андрея Боголюбского, который присылает его посадничать «с мужи своими». Взаимная поддержка князя и союзной ему группы боярства, стоявшей у власти, приобретает постоянный характер, удобный для обоих союзников.

Таким образом, внутрифеодальная борьба в Новгороде постоянно включала в себя элемент предательства интересов боярской республики. Дальнейшее развитие республиканских органов могло быть обеспечено только сплочением новгородского боярства против князя. Но колья скоро борьба боярских группировок продолжалась и расширялась, новая государственность оставалась в шатком положении.

Несомненно, однако, что антикняжеская борьба боярства могла стать успешной только в союзе с народными массами, выступления которых против князя, имея классовый характер, отличались наибольшей последовательностью. Именно таким союзом в свое время была обеспечена решительная победа над Всеволодом Мстиславичем. Однако двусмысленная политическая игра боярства дробила инициативу народных масс. Классовая вражда черного люда всякий раз направлялась против части боярства, обеспечивая успех тем группировкам, которые стремились к власти. Если раньше народу противостояли князь, который «не блюдет смердов», и боярство, обещавшее «блюсти смердов», то теперь ожесточенная борьба внутри самого боярства каждый раз давала повод боярским группировкам обмануть народ надеждами на лучшую участь. Очевидно, что такая политика не могла быть долговечной.

Пора также подвести и хронологические итоги. Очередность посадников, прослеженная по сообщениям летописи, продолжает последовательно совпадать с показаниями Списка А:

1137—1141 Якун Мирославич	(22) Якун
1141—1144 Судила Иванкович	(23) Судило
1144—1146 Нежата Твердятич	(24) Нежата
1146—1147 Костянтин Микульчич (2-й раз)	
1147—1156 Судило Иванкович (2-й раз)	
1156—1160 Якун Мирославич (2-й раз)	
1160—1161 Нежата Твердятич (2-й раз)	
1161—1167 Захария	(25) Захария
1167— Якун	(26) Якун
—1171 Жирослав	(27) Жирослав
1171 Иванко Захарьинич	(28) Иванко
1171—1172 Жирослав (2-й раз)	
1172—1175 Иванко Захарьинич (2-й раз)	

Мы еще раз убеждаемся в хорошей осведомленности Списка А, не допускающего ни пропусков, ни нарушения очередности имен. Независимость этой части списка от летописных источников, в частности, подтверждается наличием в ней двух Якунов, действовавших в близкое время, вопреки неясности летописного рассказа, лаконичность которого могла бы дать основание для их ошибочного отождествления.

Пытаясь связать основные боярские группировки с определенными территориями Новгорода, мы отметили некоторые показания источников, которые позволяют предположительно относить Якуна Мирославича, Захарию и Иванку Захарьинича к Софийской стороне Новгорода, а остальных посадников — к Торговой.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ АНТИКНЯЖЕСКОЙ БОРЬБЫ БОЯРСТВА В КОНЦЕ XII ВЕКА

На период второго посадничества Иванки Захарьинича, продолжавшегося до его смерти в 1175 г.³⁷, падает новая резкая перемена политической ситуации на Руси. В 1174 г. был убит Андрей Боголюбский, и началась борьба за его наследство. Отражение этой борьбы в Новгороде в 1175 г. наблюдается и в судьбах княжеского стола, и в судьбах посадничества. Сначала новгородцы прогоняют князя Юрия Андреевича, не имевшего шансов на победу, и сажают у себя малолетнего Святослава Мстиславича, правнука Юрия Долгорукого и сына одного из сильнейших претендентов на суздальское наследство. Затем на новгородском столе появляется сам этот претендент Мстислав Ростиславич, потерпевший поражение от своего дяди Михалки, утвердившегося во Владимире.

В начале года умер посадник Иванко Захарьинич и посадничество вернулось к Жирославу. Однако очень скоро, в том же 1175 г., Жиро-

³⁷ И. И. Григорович (Опыт, стр. 93) говорит о посадничестве в 1174 г. Бориса Жидиславича. Однако Борис, судя по всем летописным сообщениям о нем, был княжеским воеводой. В 1169 г. он послан Андреем Боголюбским в поход на киевского князя Мстислава Изяславича (ПСРЛ, т. II, стр. 99, 310; т. VII, стр. 84); в 1173 г. отправлен Андреем к Новгороду на Романа Мстиславича (ПСРЛ, т. II, стр. 105, 312); в том же году участвует в походе Мстислава Андреевича на Булгар (ПСРЛ, т. I, стр. 155; т. II, стр. 106; т. VII, стр. 88); в 1174 г. послан Андреем на Ростиславичей (ПСРЛ, т. I, стр. 155—156; т. II, стр. 109, 315; т. IV стр. 13; т. V, стр. 164); в 1177 г. взят в плен Всеволодом III на Колокше (ПСРЛ, т. I, стр. 162; т. IV, стр. 14; т. V, стр. 167; т. VII, стр. 94). Это даже не новгородский, а суздальский боярин.

слав вновь потерял власть, которая была дана Завиду Невероницу³⁸. Падение Жирослава станет понятным, если обратиться к фактам, последовавшим за избранием Завида Неверонича. Весной 1176 г. князь Мстислав Ростиславич женится в Новгороде на дочери бывшего посадника Якуна Мирославича, заключив тем самым союз с иной боярской группировкой, враждебной Жирославу. Эта группа, к которой принадлежит и Завид Неверонич, становится на сторону Мстислава и с ним выступает сначала против Михалки, а затем против Всеволода Юрьевича.

Принадлежность Завида Неверонича к группе Якуна Мирославича, Захарии и Иванки Захарыича в какой-то степени может быть обоснована не только наблюдениями над общим ходом событий 1175—1176 гг. «Невероничем» Завида называют только Новгородская Первая летопись младшего извода и вслед за ней Список Б, тогда как во всех остальных многочисленных текстах он именуется «Неревиничем», что позволяет предполагать в нем сына боярина Неревина, убитого вместе с Захарией в 1167 г.

Дальнейшие события складываются неблагоприятно для нового посадника Завида. В 1176 г. умер Михалко, и Мстислав Ростиславич после неудачной попытки овладеть владимирским столом вынужден был уступить его Всеволоду. После этого поражения новгородцы показали путь и Мстиславу и его сыну Святославу. В Новгород был приглашен князь Ярослав Мстиславич, присланный Всеволодом³⁹.

В 1177 г., однако, положение меняется. Мстислав Ростиславич, изгнанный из Новгорода, и его брат Ярополк пускаются в политическую спекуляцию, объявив, что Всеволод лишил их зрения. В очень скором времени оба брата чудесно «прозрели» в церкви Бориса и Глеба на Смядыни и снискали себе всеобщие симпатии своим «мученичеством». Показательно, что новоявленных «Бориса и Глеба» поддерживают и смоленские Ростиславичи, на которых долгое время опиралась та группа новгородского боярства, к которой принадлежал Завид Неревинич. Зимой 1177 г. оба брата приходят в Новгород, и Мстислав возвращается утраченный было стол. После его смерти в 1178 г. новгородское княжение переходит к другому участнику «чуда» — Ярополку. В ответ на действия новгородцев Всеволод Юрьевич начинает против них войну. Примирению не способствовало даже изгнание из Новгорода Ярополка, и новгородцы заключают союз со смоленскими Ростиславичами, пригласив на стол сначала Бориса Романовича (1178 г.), затем его отца Романа Ростиславича (1179 г.) и, наконец, Мстислава Ростиславича Храброго (1179 г.). 14 июня 1180 г. Мстислав Храбрый умер, а 17 августа на новгородском столе появляется сын киевского великого князя из черниговской линии Владимир Святославич, деятельность которого до этого времени протекала в явном контакте с Всеволодом III. Это изменение ориентации вызывает перемену в посадничестве: «Тогда же отъяша посадничество у Завида и вдаша Михалку Степановичу»⁴⁰.

Основываясь на летописном рассказе, мы должны были бы датировать посадничество Завида Неревинича 1175—1180 гг. Однако непрерывности его правления противоречит княжение Ярослава Мстиславича, приходящееся на 1176—1177 гг. Если в 1175—1176 и в 1177—1180 гг. Завид осуществлял свою деятельность в такой ситуации, которая первоначально способствовала его избранию, т. е. с князьями анти-всеволодовской коалиции, то в 1176—1177 гг. создались условия, несов-

³⁸ НПЛ, стр. 35, 224; ПСРЛ, т. IV, стр. 13.

³⁹ НПЛ, стр. 35, 224; ПСРЛ, т. I, стр. 162; т. IV, стр. 14; т. V, стр. 166—167; т. VII, стр. 93.

⁴⁰ НПЛ, стр. 36, 226.

местимые с его посадничеством. Изгнание Мстислава в 1176 г. произошло в результате временной победы боярской группировки, враждебной Завиду, и трудно представить себе, что, расправившись с князем, она остановилась на половине дороги к власти. Летопись в текстах, относящихся к этому времени, ничего не говорит об изменении в посадничестве, однако обращает на себя внимание одно как будто незначительное сообщение о сооружении зимой 1176/77 г. новой церкви св. Михаила Михалкой Степановичем⁴¹. Это тот самый Михалко, который сменил Завида в 1180 г. при новом изменении политической ситуации. Мы можем высказать предположение о том, что в 1175—1180 гг. в действительности было не одно посадничество Завида Неревинича, а два — в 1175—1176 и в 1177—1180 гг. — и что промежуток между ними заполнен деятельностью Михалки.

Политическое лицо Михалки Степановича проявляется в его посадничьей деятельности. Летописец не указывает причин его падения. Мы не узнаем из летописи даты окончания его посадничества, начавшегося в 1180 г., но под 1186 г. неожиданно читаем: «Иде Завид к Давыду к Смоленску, и вдаша посадничество Михалкови Степаницю»⁴². Следовательно, между 1180 и 1186 гг. Михалко снова вынужден был уступить свое место Завиду. Рассмотрим события этих лет.

В течение некоторого времени новгородский стол остается за черниговскими князьями Владимиром (1180 г.), его отцом Святославом (1180—1181 гг.), снова Владимиром (1181 г.). Эти князья прекращают союз с Всеволодом Юрьевичем и на всем протяжении своей новгородской деятельности воюют с ним. Зимой 1181/82 г. новгородцы показали путь Владимиру Святославичу и «послашася ко Всеволоду, и власть им свояка своего» Ярослава Владимировича. В 1184 г. «прислав Всеволод, выведе свояка своего из Новгорода Ярослава Владимировича: негодовахуть бо ему новгородцы, зане много творяще пакости волости новгородской. И послаша к Смоленску к Давидови по сын; и вда им Мстислава, и vedoша и к Новгороду и посадиша и на столе»⁴³.

Мы видели, что Завид Неревинич был связан со смоленскими Ростиславичами, и имеем основание полагать, что именно с приглашением Мстислава в 1184 г. было связано новое возвышение Завида.

Борьба Завида Неревинича и Михалки Степановича снова возвращает нас к вопросу о территориальных оплотах боярских группировок. Территориальная принадлежность Михалки Степановича легко устанавливается прямым летописным показанием. В 1176—1177 гг. Михалко строит церковь Михаила архангела, которая до последнего дня в варианте 1852 г. стояла на Прусской улице Новгорода, т. е. на границе древних Людина конца и Загородья Софийской стороны. Между тем косвенные указания источников позволили выше связать группировку Завида Неревинича также с Софийской стороной. Если наблюдения над отчеством Завида верны, то борьба вокруг посадничества в 1170-х и 1180-х годах может говорить о столкновении боярства Прусской улицы и Неревского конца. Мы высказываем это мнение в самой предположительной форме, чтобы в дальнейшем проверить его.

В 1186 г. политическая борьба в Новгороде достигает значительной остроты. Посадник Завид был вынужден уйти в Смоленск к князю Да-

⁴¹ НПЛ, стр. 35, 224; ПСРЛ, т. IV, стр. 13.

⁴² НПЛ, стр. 38, 228.

⁴³ НПЛ, стр. 37, 228; ПСРЛ, т. IV, стр. 16; т. V, стр. 168; т. VII, стр. 97.

выду, а посадничество снова оказалось в руках Михалки Степановича⁴⁴. Эта перемена была следствием вооруженного столкновения. Зимой 1186 г. новгородцы убили Гаврилу Неревинича и Вача Свиновича, сбросив их с моста. То, что Гаврила был родным братом посадника, кажется несомненным, поскольку убийство Гаврилы и побег Завида происходят в процессе развития одних и тех же событий.

Совмещение у власти Михалки Степановича и его политического противника князя Мстислава Давыдовича было временным. В 1187 г. «выгнаша новгородцы князя Мстислава Давыдовица, и послаша ко Всеволоду в Володимир по Ярослава по Володимирица, и вниде в Новгород, и седе на столе ноября в 20»⁴⁵. Тем самым восстановилось положение 1182—1184 гг. с Ярославом на столе и Михалкой на посадничестве.

Второе княжение Ярослава Владимировича продолжалось до 26 ноября 1196 г., и этот период характеризуется возобновлением всех тех противоречий, которые существовали в его первое княжение. Первая вспышка политической борьбы относится к 1189 г. и приводит к падению Михалки Степановича и его группы, поддерживавшей суздальского ставленника. Посадничество переходит к Мирошке Нездиничу⁴⁶, отчество которого как будто указывает на его связь с группировкой Завида Неревинича: напомним, что среди бояр, убитых в 1167 г. вместе с посадником Захарией, были Неревин и Несда. Сосуществование Мирошки и Ярослава Владимировича является ярким примером политического двоевластия в Новгороде. Ярослав с устранением Михалки лишился своей главной поддержки внутри Новгорода. Мирошка принадлежит к группировке, враждебной Ярославу, но, по-видимому, не имеющей сил заменить его своим ставленником.

Если до 1189 г. основной политической чертой новгородского посадничества был активный союз с князем, взаимная поддержка князя и посадника, в силу чего княжение получало преимущество перед боярской властью, теперь посадничество противостоит князю, возвращает себе характер антикняжеской организации. Формирование республиканской государственности Новгорода вступает в новую фазу. Следует отметить, что начало активной борьбы боярства с князем относится не к 1189 г. Успехи княжеской власти, ее расширение за счет новгородских «свобод» порождают противодействие уже в начале 1170-х годов. В 1172 г. архиепископ Илия ходил во Владимир к Андрею Боголюбскому «на всю правду», когда на новгородском столе сидел сын Андрея Юрий. В 1184 г. Всеволод III был вынужден вывести из Новгорода своего свояка Ярослава Владимировича, «творившего много пакости волости новгородской». Заметим, что оба этих случая связаны с инициативой той группировки, к которой мы отнесли Мирошку Нездинича. Поездка Илии «на всю правду» в 1172 г. совпала с переворотом в посадничестве, вернувшим власть Иванке Захарьиничу, а в ходе конфликта 1184 г. посадничество получил Завид Неревинич.

Переход Мирошки Нездинича к активной антикняжеской борьбе открывал перед ним возможности широкой консолидации антикняжеских сил. Ставя перед собой цели укрепить боярскую власть за счет княжеской, Мирошка получал возможность привлечь на свою сторону

⁴⁴ НПЛ, стр. 38, 228; ПСРЛ, т. IV, стр. 17. И. И. Григорович (Опыт, стр. 97) сообщает о построении в 1185 г. церкви Вознесения на Прусской улице «посадником» Милонегом, или Миронегом. Однако летописи в этом сообщении не титулуют Миронегга, а спустя шесть лет в рассказе об освящении этой церкви он называется тысяцким (НПЛ, стр. 39, 230). Кроме того, отсутствующий в списках посадников Миронег назван в списке тысяцких (НПЛ, стр. 472).

⁴⁵ НПЛ, стр. 39, 229; ПСРЛ, т. IV, стр. 17; т. V, стр. 169.

⁴⁶ Там же.

значительные круги боярства, в том числе и из традиционно враждебных ему группировок. Сами лозунги борьбы с княжеской властью и возвращения новгородских «свобод» были способны привлечь на сторону посадника народные массы, для выхода классового антагонизма которых теперь ставилась более определенная цель. В этой связи мы считаем одним из главных событий посадничества Мирошки Нездича дальнейшее укрепление республики созданием нового института республиканского управления — института тысяцких.

Первым новгородским тысяцким летописный список тысяцких называет Миронег, или Милонег⁴⁷. В летописном рассказе Милонег фигурирует дважды как строитель церкви Вознесения. В 1185 г. на его средства закладывается эта церковь, причем под этой датой он еще не был тысяцким, так как в текстах указанного года Милонег не титулуется вовсе. В 1191 г. церковь была окончена и освящена, при этом Милонег впервые поименован тысяцким⁴⁸.

Чтобы оценить важность государственного нововведения Мирошки, нам следует остановиться на достаточно сложном вопросе о содержании власти тысяцкого в первый период существования нового института, а этот вопрос не может быть решен до тех пор, пока не будет определено общее содержание княжеской власти в XII в. Обращаясь к литературным оценкам этих институтов, мы, к сожалению, не можем отметить сколько-нибудь аргументированных характеристик, хотя сами эти характеристики весьма распространены и повторяются постоянно.

Современные представления о роли князя в Новгороде наиболее сжато сформулированы в «Очерках истории СССР», откуда мы заимствуем следующую оценку: «Новгородцы не устранили князя. Князь приглашался в республику, но его роль была сведена к роли военачальника, вооруженные силы которого использовались боярством для внутренних и внешнеполитических задач. Князь был ограничен в суде и управлении, не имел права приобретать земли в новгородских владениях»⁴⁹. Приведенная оценка страдает существенным недостатком. Коль скоро речь в ней идет о явлениях XII в., роль республиканских органов в ней преувеличена, а роль князя преуменьшена. Продолжим цитирование, чтобы уяснить, какой представляется современным историкам вся система государственного управления в Новгороде XII в.

«Среди выборных должностных лиц Новгорода первое место занял новгородский епископ. Он был хранителем новгородской государственной казны и владельцем обширных государственных земель, основной фонд которых составил из конфискованных владений князя, переданных Софийскому собору. Ему принадлежало право церковного суда и наблюдения над торговыми мерами. Вместе с боярской знатью он ведал внешней политикой республики, при его дворе велась новгородская летопись. Новгородский епископ («владыка»), получивший в 1165 г. сан архиепископа, председательствовал в «Совете господ» — правительственном органе боярской олигархии. Политическая роль архиепископа определялась прежде всего тем, что он был крупнейшим из новгородских феодалов.

Посадник и тысяцкий являлись представителями исполнительной власти веча. Им были вверены важнейшие дела внутреннего управления и внешней политики Новгорода. В руках посадника находились верховный суд республики, право назначения и смещения должностных

⁴⁷ НПЛ, стр. 472.

⁴⁸ Там же, стр. 38—39, 228, 230; ПСРЛ, т. IV, стр. 16.

⁴⁹ «Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—V вв.», ч. 1. Изд-во АН СССР, М., 1953, стр. 351.

лиц, контроль за деятельностью князя. Вместе с князем посадник выступал в походах во главе новгородского войска. Тысяцкий был первым помощником посадника. Он предводительствовал городским ополчением. В качестве одного из купеческих старост он имел право торгового суда»⁵⁰. В свете всех этих характеристик роль князя в государственном управлении представляется мизерной, а успехи республики настолько последовательными и решительными, что, оценивая в дальнейшем новгородскую государственность XIV—XV вв., авторы «Очерков» не смогли сказать ничего существенного о результатах ее развития за двести лет, отделяющие середину XII в. от середины XIV в.⁵¹

Рассмотрим основные тезисы этих характеристик. Даже в позднейший период существования Новгородской республики функции княжеского аппарата вовсе не сводятся к руководству войсками. Как это показывает Новгородская Судная грамота XV в., княжеская власть, наравне с посадничеством в последний период новгородской независимости была одним из важных государственных органов, носителем юрисдикции, в применении которой в XV в. существует принцип равенства и взаимозависимости княжеского суда и суда посадника. Существование таких же функций княжеской власти в XII в. может быть прекрасно обосновано показаниями нескольких сот княжеских печатей этого времени, каждая из которых является остатком акта. У нас есть все основания предполагать, что и во второй половине XII в. власть в Новгороде была сосредоточена в руках князя, поскольку, в отличие от княжеских печатей, посадничьи буллы этого времени исключительно редки.

Нам, к сожалению, ничего не известно о конфискациях княжеских земель в пользу епископа в ходе борьбы Новгорода с Всеволодом Мстиславичем или в какое-либо более позднее время. Оставляем этот вывод на совести авторов цитированного очерка, которые, вероятно, были введены в заблуждение фиксированными в договорах требованиями Новгорода о запрещении князю приобретать земли в «новгородской волости». Однако вопрос о земельной собственности князя в Новгородских областях, сам по себе чрезвычайно важный для понимания положения князя, решается несколько иначе.

Основой успехов новгородского боярства в борьбе с князем, как уже отмечалось выше, была экспроприация основной массы новгородских общинных земель боярством. В Новгородской земле не сложился значительный княжеский домен, однако это не значит, что он не сложился вообще, а тем более что он когда-либо был конфискован. Начало формирования княжеской земельной собственности в Новгороде относится еще ко временам Ольги, которая в 947 г. уставляла по Мсте «повосты и дани» и по Луге «оброки и дани»⁵². В дальнейшем княжеские земли концентрируются главным образом на Ловати, о чем говорят данные грамоты Мстислава и Всеволода на село Буице и Всеволода Мстиславича на Терпужский погост и Ляховичи⁵³. Отметим, что княжеская собственность в этом районе сохраняется и после 1136 г., даже в XIII в., на что указывает существование «княжьей сотни» в «Уставе Ярослава о мостех», которую Б. А. Рыбаков локализовал в южном Приильменьи, между Ловатью и Шелонью⁵⁴.

Более того, сама формула позднейших новгородских запрещений князю приобретать земли в «новгородской волости» предполагает су-

⁵⁰ «Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв.», ч. 1, стр. 350 и сл.

⁵¹ Там же, ч. 2, стр. 177—179.

⁵² ПСРЛ, т. I, стр. 25; т. IV, стр. 174; т. V, стр. 104; т. VII, стр. 285.

⁵³ ГВНИП, стр. 139—141, № 79, 80, 81.

⁵⁴ См. Б. А. Рыбаков. Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке. «Истор. зап.», 1938, № 2, стр. 142—144, карта на стр. 139.

ществование княжеской земельной собственности в Новгородской земле. В самом деле, в докончальных грамотах эта формула имеет следующий вид: «Что волости новгородских, тех волости, княже, не държати ти своими мужи, държати мужи новгородскими; а дар, княже, тебе емате от тех волости ... А в Бежичах тебе, княже, не твоеи княгыни, ни твоим бояром, ни твоим слугам сел не държати, ни купити, ни даром приимати, и по всеи волости Новгородской. А се, княже, волости новгородския: Волок с всеми волостями, Тържък, Бежеце, Городьць Палиць, Мелеча, Шипино, Егна, Заволочие, Тьре, Пърмь, Печера, Югра, Вольгда»⁵⁵. Сам смысл перечисления «новгородских волостей» подразумевает, что в Новгородской земле существовали и такие волости, на которые ограничения, фиксированные в договорах, не распространялись, где князь имел земельную собственность и мог ее приумножать. Именно в этой связи может быть понята формула: «А позже, что твое и твоих муж пошло, то твое и твоих муж; а новгородское Новгороду»⁵⁶.

Если нанести на карту перечисленные в докончаниях «новгородские волости», они вовсе не составят всей Новгородской земли. Это окраинные территории, контроль Новгорода над которыми был особенно затруднен и проникновение в которые княжеской собственности вообще ставило под угрозу их новгородскую принадлежность. Напротив, приращение княжеских земель в пятинах, не включенных в перечисляемые «новгородские волости», при частой смене князей не составляло сколько-нибудь серьезной опасности для положения республиканской власти.

Невозможно, на наш взгляд, придавать слишком серьезное и даже исключительное значение военной роли князя. Мы уже видели, что в XII в. на новгородский стол мог быть принят младенец. Целая серия младенцев окажется в числе новгородских князей и в XIII в. Требования князю водить войска не было решающим. Сущность его деятельности состояла в обладании государственной властью.

В оценке республиканских органов Новгорода XII в. авторами цитированного очерка мы видим не только идеализацию успехов антикняжеской борьбы, но и идеализацию самой республиканской организации, представленной в приведенных характеристиках как политически цельный организм, существование которого для XII в. совершенно не может быть доказано. Проскользнувшая в этой характеристике фраза о Совете господ — правительственном органе боярской олигархии, общее представление об особой роли архиепископа в структуре республиканской организации свидетельствуют о том, что в XII в. попросту перенесены представления о боярской республике XIV—XV вв. Цельной республиканской организации в условиях ожесточенной внутрибоярской борьбы, постоянного союза посадника с князем и относительной слабости классовых движений в это время и не могло возникнуть.

Какое же место в государственном управлении конца XII в. занимал тысяцкий? Обращение к летописным текстам и грамотам показывает, что ответ на этот вопрос следует искать в сопоставлении должности тысяцкого с должностью сотских. Интересующему нас вопросу посвящены специальные исследования М. Ф. Владимирского-Буданова, А. Е. Преснякова и С. В. Юшкова⁵⁷. В работе последнего изложены

⁵⁵ Мы цитируем эту стереотипную формулу по грамоте 1304—1305 гг. (ГВНиП, стр. 15, № 6). Она содержится также в договорах 1264, 1266, 1270, 1307—1308, 1326—1327, 1371 гг., в договоре с Василием II, в Яжелбицком договоре 1456 г., в договоре 1471 г., в договоре с Казимиром IV.

⁵⁶ ГВНиП, стр. 15, № 6.

⁵⁷ М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 7. Пг.—Киев, 1915; А. Е. Пресняков. Княжеское право в древней Руси. СПб., 1909; С. В. Юшков. Ук. соч., стр. 104—108, 364—368.

достаточно серьезные аргументы в пользу исконной связи сотенной и десятичной системы управления с организацией княжеской власти.

В Новгороде организация сотских, упоминаемых еще с 1118 г., является аппаратом административного управления, связанного с делением самого Новгорода и Новгородской земли на сотни, отраженным в «Уставе Ярослава о мостех». В подтверждение выводов С. В. Юшкова следует отметить искусственность в Новгороде сотенного деления. Здесь ясно прослеживается существование двух административно-территориальных систем, одна из которых — деление города на концы и улицы — уходит корнями в историческую топографию Новгорода, а другая — сотенная — совпадает с обычной организацией княжеского управления в других городах. Если порождением первой системы была должность старост, то вторая привела к одновременному существованию сотских.

Предполагая исконную связь десятичной системы с княжеским управлением, мы должны в учреждении должности тысяцкого видеть новый шаг в развитии республиканских органов, организацию местного управления, подчиненного не князю, а непосредственно вечу. Можно думать, что это не захват Новгородом существующей системы управления, а создание новой системы, которая некоторое время существует параллельно с княжеской. На это обстоятельство указывает упоминание княжеских тысяцких еще в начале XIII в.⁵⁸

Свидетельства позднейших уставов Всеволода, с одной стороны, и согласные показания памятников XIII—XV вв. — с другой, связывают деятельность тысяцких с представительством от житевых и черных людей. В XIII в. в функции тысяцкого входят торговый суд и организация наблюдения над торговыми мерами. Тысяцкий является непременным участником торговых договоров Новгорода. Если содержание деятельности ранних сотских и позднейших тысяцких совпадает в основных чертах, то политический характер этого института со времени Мирошки Нездичина принципиально меняется. До конца XII в. аппарат сотенной системы подчинен князю и является в его руках орудием антибоярской борьбы. Тысяцкий Миронег сам принадлежит к числу крупнейших новгородских землевладельцев и осуществляет республиканский контроль над купцами, ремесленниками и землевладельцами, не принадлежавшими к боярству.

Республиканская реформа местного управления, предпринятая в конце XII в., укрепляет позиции боярства, которое теперь располагает органами непосредственного контроля не только над деятельностью князя, но и над всеми слоями новгородского общества. Если принять во внимание, что всякая административная система существует в интересах фиска, можно говорить, что под республиканский контроль была поставлена налоговая система Новгорода. Учреждение должности тысяцкого вело и к некоторой консолидации между собой территориальных группировок в Новгороде. В самом деле, Мирошка получил посадничество в результате успешной борьбы с представителем боярства Прусской улицы Михалкой Степановичем. Между тем тысяцкий Миронег принадлежит к тем же кругам, что и Михалко, на что указывает его церковное строительство. Выстроенная им церковь Вознесения находилась на Прусской улице⁵⁹. Таким образом, в республиканском управле-

⁵⁸ «Князь же Святослав присла свои тысяцкыи на вече» (НПЛ, стр. 59, 260).

⁵⁹ В прошлом веке еще сохранялся и был издан Макарием синодик церкви Вознесения на Прусской улице, составленный в конце XVII — первой четверти XVIII в. Мы приводим здесь полностью этот памятник, который содержит весьма интересные подробности: «В лето 6693 (1185) года месяца мая в 1 день, на память святого пророка Еремия, в четверток 6-я недели по пасхе в самый праздник Вознесения господня на вечерне против пятка, бысть знамение в солнце и в звездах. И того ради страшило

нии времени Мирошки представлены обе главные враждующие группировки конца XII в. Одной из них принадлежит посадничество, другой — тысяцкое. Основной целью сплочения группировок оказывается борьба с князем, которая с 1195 г. особенно обостряется.

В указанном году Мирошка возглавляет новгородское посольство к Всеволоду III с жалобой на Ярослава Владимировича и просьбой заменить его на новгородском столе: «Послаша новгородцы к нему Мирошку посадника и Бориса Жиросланица и Микифора соцкаго, просяще сына, а Ярослава негодующе»⁶⁰. Далее летопись называет в составе посольства также Иванку и Фому.

Формально оценивая цели этого посольства, мы могли бы предполагать в нем дружественный Всеволоду акт: новгородцы хотя и видят на своем столе сына Всеволода, а не его дальнего родственника. Однако реакция Всеволода опровергает такое предположение. Всеволод был заинтересован именно в княжении Ярослава Владимировича⁶¹, и новгородцы хорошо знали это. Посольство было задержано Всеволодом на долгий срок. В конце лета 1196 г. «сосылахуся новгородцы к Всеволоду, посадника деля Мирошки и Иванка и Фоме, пустил бо бяше Бориса и иней мужи с ним», но эта просьба успеха не возымела. Всеволод, от-

видения заложиша тысяцкие В. Новаграда и создаша церковь каменную во имя Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, по образу святяга Троицы, троеглавы близ стены градской. И в той святяги церкви устроиша два предела на полатях от южных убо страны предел архиерея Христова Николая чудотворца; и освятиша и подписаша настенным подписанием греческими изуграфы пречюдно велими, елико очи зрящих удивлятися могут, и божественными иконами и всякою церковною утварью украсиша, якоже лепо бе, и села со многим именем даша на подтверждение той святяги церкви, иже бы непоколебимо пребывати во веки, также и на пропитание служителям той святяги церкви. Создатели святяги церкви суть вси: Михаил, Терентий, Михаил, Симеон, Иоанн иже прозванием Морозовых, такожде инья: Михаил, Феодор, Василий, Игнатий и иние многи; еще же и жены: Ульяния, Ксения, Агриппина, иже преставишася койждо в свое время, и погребены быша при той созданной церкви на южной и северной стенах в настенных гробех. И образы подобие их и одежды, яковы носяху, написаны суть и внутрь на церковной стране постаране южных церковных дверей в написании том 17 лиц. Бяху бо сии создатели града владетели быша по древнему градскому обычаю убо тысяцкие, во иных летописцах посадники именованых. Пришествие же их в В. Новгород бяше от Прусския земли во время княжения в. князя Александра Ярославича, нарицаемого Невскаго» (Макарый. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. I, М., 1860, стр. 187). С. Н. Азбелев, основываясь на показаниях этого синодика, полагает, что действительный строитель церкви Миронег скрывается в его тексте под своим христианским именем, и отождествляет Миронег с названным первым строителем Михаилом (С. Н. Азбелев. Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. «Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛ», 1958, т. XV, стр. 261, примечание 67). Однако в действительности в синодик включен родословец Морозовых, возводящих свой род к сподвижнику Александра Невского и герою Невской битвы Мише: «Князь великий Александр Невский побил Немец и на том бою у него было 6 мужей храбрых, и от тех ото шти мужей храбрых один был именем Михайло, а прозвище Миша, из Прусския земли, а лежит в Новгороде у Михаила Святого, на Прусской улице. А у Михайла сын Терентий, а у Терентия сын Михайло-ж, а у Михайлы сын Семен, а у Семена сын Иван Мороз; у которого было 7 сынов» (Временник ОИДР, кн. 10. М., 1851, стр. 180). Синодик вообще относит построение церкви Михайла к XIII в., а указанная в его начале дата искусственно трансформирована на основании летописного рассказа. В 6693 (1185) г. пасха была 21 апреля, а вознесение, следовательно, не 1 мая, а 30 мая. Напротив, 1 мая вознесение было в 1231 г. и, как это показывает расчет по таблицам, именно в этот день наблюдалось полное солнечное затмение. На этом основании мы устанавливаем, что в 1231 г. Мишей была предпринята не отмеченная летописями перестройка церкви св. Михаила и именно эта перестройка отражена в синодике как первоначальная дата строительства церкви.

⁶⁰ НПЛ, стр. 42, 234—235; ПСРЛ, т. IV, стр. 18; т. V, стр. 170; т. VII, стр. 102; т. II, стр. 150, 326.

⁶¹ У Всеволода Юрьевича в 1195 г. было четыре сына: старшему Константину было 9 лет (род. в 1186 г.), Юрию — 8 лет (род. в 1187 г.), Ярославу — 5 лет (род. в 1190 г.), Владимиру — 3 года (род. в 1192 г.). Расчет новгородцев достаточно ясен.

правившись в поход на Чернигов, везет с собой всю плененную новгородскую делегацию. В дальнейшем дело едва не доходит до войны, причем новгородцы настаивают на своем праве «вольности в князьях»: «Выложиша вси князю в свободу: кде им любо, ту собе князя поймают». Всеволод отпустил в Новгород Фому, но остальных бояр продолжал держать у себя, и новгородцы, «сдумавше», выгнали князя Ярослава из Новгорода. На его место был приглашен политический противник Всеволода черниговский князь Ярополк Ярославич, сидевший в Новгороде с конца марта 1197 г. до конца сентября того же года⁶², но его княжение не облегчило судьбу Мирошки. Новгородцы прогоняют Ярополка и снова берут у Всеволода Ярослава Владимировича «со всею правдою и честью». Только тогда посольство было отпущено Всеволодом. Ярослав возвращается в Новгород зимой 1197 г., за неделю до Крещения, и привозит с собой Мирошку: «И Мирошку посадника приведе; сидевша 2 лета за Новгород; и вси приидоша здрави, неврежени ничимже; и рада быша вси от мала и до велика»⁶³.

В этом рассказе мы достаточно хорошо ощущаем, как антикняжеская борьба ведет к действительному сближению боярских группировок Новгорода. В глазах летописца, Мирошка пленен в течение двух лет «за Новгород». Его возвращению радуются все «от мала и до велика». В составе посольства к Всеволоду мы видим рядом с посадником Мирошкой и представителем тысяцкого — сотским Никифором также и Бориса Жирславича, отец которого посадник Жирслав, в отличие от Мирошки и тысяцкого Миронегга, принадлежал к боярству Торговой стороны. Более того, новгородцы во время переговоров с Всеволодом пользуются Борисом как козырем, выдвигая его на первое место в посольстве («пустил бо быше Бориса и иinei мужи с ним») вопреки очевидной логике вещей. Причиной устойчивого положения Мирошки и его популярности был несомненный союз всего боярства против князя, опиравшийся на широкую поддержку других слоев Новгорода.

Л. В. Черепнин в своем исследовании о возникновении формуляра докончальных грамот Новгорода с князьями XIII—XV вв. приходит к выводу о том, что именно во времена Ярослава Владимировича оформляются те взаимоотношения Новгорода и князя, к которым в позднейшее время возводятся «старина и пошлина» княжеских докончаний, и что под «Уставами Ярославла», на соблюдении которых настаивают новгородцы в XIII в., следует понимать какие-то недошедшие до нас «Уставы» времени Ярослава Владимировича (1182—1199 гг.), склоняясь к их датировке 1197 г.⁶⁴ Такой вывод мог бы существенно подтвердить изложенные выше общие наблюдения над успехами антикняжеской борьбы в конце XII в. Однако вряд ли возможно переоценивать эти успехи. В посадничество Мирошки, когда боярская консолидация сделала толь-

⁶² Ярополк пришел в Новгород на Вербницу 1197 г., а пасха в этом году была 6 апреля; стол он занимал шесть месяцев. НПЛ, стр. 43, 236; ПСРЛ, т. IV, стр. 18; т. V, стр. 170; т. VII, стр. 106.

⁶³ НПЛ, стр. 42—43, 235—237; ПСРЛ, т. IV, стр. 18; т. V, стр. 170; т. VII, стр. 102. И. И. Григорович (Опыт, стр. 103) включает в число новгородских посадников Константина Кровляковича и его брата Дмитрия, которых он относит к 1196 г., т. е. к тому времени, когда Мирошка был задержан Всеволодом. Вопреки этому утверждению летопись не называет Константина и Дмитрия посадниками, а их небывалое отчество является плодом недоразумения. Летописный рассказ сообщает следующее: «Заложиста церковь камену святого Кирила в монастыре в Нелезене Костянтин и Дмитр, братеника, а мастер быше Коров Якович с Лубяней улице» и т. д. В Комиссионном списке НПЛ слова «а мастер быше» пропущены, и И. И. Григорович превратил имя мастера в отчество братьев, придав ему более звучную форму.

⁶⁴ См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 239—254.

ко первые шаги, могут создаться лишь предпосылки к борьбе за новую схему взаимоотношений Новгорода и князя. Схема взаимоотношений республиканской и княжеской власти в конце XII в. пока остается неизменной сравнительно с серединой XII в. и подчиняется формуляру, выработанному в период борьбы с Всеволодом Мстиславичем. На существование договоров или условий, формулирующих новгородские «свободы» в XII в., летопись указывает неоднократно. К числу таких указаний, на наш взгляд, относятся упоминания «всей правды» под 1172 и 1197 гг. Что касается «грамот Ярослава», то уже во второй половине XII в. традиция возводила новгородские «свободы» ко временам прадедов.

Летом 1199 г. Всеволод вывел Ярослава Владимировича из Новгорода и позвал владыку вместе с посадником и «вьячими мужи» «по сын». На новгородском столе сел Святослав Всеволодович, которому было 3 года. Княжение Святослава продолжалось до 1205 г. В 1204 г. умер Мирошка, приняв схиму, и был погребен с почетом в Георгиевском соборе Юрьева монастыря после пятнадцати лет непрерывного посадничества. Освободившееся место снова перешло к Михалке Степановичу. Мирный переход посадничества к другой группировке кажется нам следствием той же политики сплочения.

Однако уже в марте 1205 г. Михалко лишился власти, когда Всеволод заменил Святослава девятнадцатилетним Константином⁶⁵. Поводом для замены было малолетство Святослава и желание Всеволода видеть на новгородском столе более независимого от новгородцев ставленника⁶⁶. Смена посадников — явный защитительный акт новгородцев, так как на место старого союзника Всеволода — Михалки Степановича — избирается сын популярного своей антивсеволодовской политикой Мирошки — Дмитр Мирошкинич. Снова в Новгороде устанавливается политическое двоевластие князя и посадника, приведшее к событиям 1207 г., которые занимают в истории Новгорода значительное место⁶⁷.

ВОССТАНИЕ 1207 ГОДА

Восстание 1207 г. неоднократно привлекало внимание исследователей, давая яркий материал для представлений об остроте классовых противоречий в Новгороде начала XIII в. Однако не все важные аспекты изучения этого восстания нашли должное развитие. Политические противоречия новгородского боярства, сыгравшие немаловажную роль в разрешении событий, как правило, выпадают из общего анализа причин

⁶⁵ НПЛ, стр. 50, 246. Константин пришел в Новгород 20 марта в конце 6713 г. В НПЛ рассказом об этом годе начинается значительная часть с ультрамартовским счислением дат и некоторой хронологической путаницей. Лаврентьевская летопись называет 20 марта в рассказе о приходе Константина в Новгород «днем недельным», что соответствует 1205 г.

⁶⁶ НПЛ, стр. 49—50, 246; ПСРЛ, т. IV, стр. 19.

⁶⁷ 18 мая 1205 г. Михалко умер, приняв схиму и имя Митрофан, и был погребен в Аркаже (НПЛ, стр. 50, 246; ПСРЛ, т. IV, стр. 19). И. И. Григорович (Опыт, стр. 96, 103) превратил Михалку Степановича в двух посадников. Первого он называет Михаилом Степановичем, посадничавшим в 1180—1189 гг., второго — просто Михаилом, посадничавшим в 1199—1205 гг. Это противоречит всем контекстам летописи и показаниям Списка А. Под 1199 г. действительно упомянут Михалко, но не как посадник, а в следующем рассказе: «Идоша мужи с посадником и с Михалком ко Всеволоду» (НПЛ, стр. 44, 238), а под 1204 г. Михалко прямо назван Михалкой Степановичем. Под 1207 г. И. И. Григорович (Опыт, стр. 104 и сл.) называет еще двух «посадников»: Юрия Мирославича и Федора Пиминова Титинича. В первом случае речь идет о Дмитре Мирошкиниче, который в Никоновской летописи ошибочно назван Юрием, во втором — о Федоре Пинецнице, которого летописи и списки посадником не называют. «Посадник Андрей» (Опыт, стр. 109), раненный под Пронском в 1208 г., также может быть отождествлен с Дмитрием.

и хода восстания. Так же мало внимания уделяется роли князя в развитии событий, а как мы уже видели, отношения между князем и посадником в начале XIII в. складываются неблагоприятно для князя.

Приход к власти Дмитра Мирошкинича совершился в условиях укрепления всего боярского лагеря в его борьбе с князем. Популярность Мирошки, усиление авторитета посадничьей власти с началом посадничества Дмитра Мирошкинича привели к фактическому возникновению семейной олигархии. Дмитр Мирошкинич на первых порах получил в Новгороде настолько сильную поддержку, что в своей дальнейшей деятельности он не останавливается перед применением деспотических приемов. Во время своего посадничества Дмитр проводит ряд финансовых мероприятий, легших тяжелым бременем на плечи всего населения Новгорода и обогативших семью Мирошкиничей. В 1207 г. брат Дмитра Борис приказал убить на вече Олексу Сбыславича, «и убиша без вины в субботу, марта в 17»⁶⁸. Вполне понятно, что этот произвол не только обостряет классовый антагонизм, но и укрепляет позиции враждебных Дмитру боярских группировок. Дмитр стремится к неограниченной автократии, опираясь при этом не на действительную расстановку классовых и политических сил, а на иллюзорный авторитет своей должности. Успехи консолидации поэтому ведут при Дмитре к разрушению консолидации.

Если до начала его посадничества существовало относительное сплочение бояр различных группировок, то теперь летописец снова фиксирует внимание на боярской розни, не оставляя в стороне и территориальные основы этой розни. Мы имеем в виду летописный рассказ о том, как после убийства Олексы Сбыславича «плака святая богородица у святого Якова в Неревском конце»⁶⁹. На наш взгляд, Н. А. Рожков был не прав, когда на основании этого рассказа относил к Неревскому концу убитого Олексу⁷⁰. «Чудо» в Неревском конце должно с большой вероятностью говорить о принадлежности к Неревскому концу не убитого, а его убийц. В самом деле, выше мы уже предполагали связь всей группы бояр, включавшей Мирошку, Завида Неревинича и Иванку Захарьинича, именно с Неревским концом.

Если Мирошка Нездинич с его политикой сплочения боярства против князя был выразителем классовых интересов боярства в целом, то живущий на проценты с авторитета своего отца Дмитр Мирошкинич был выразителем интересов только своего семейства. Придя к власти, он восстанавливает против себя и бояр противоположных группировок, и народные массы Новгорода. Эта ограниченная политика приводит в конечном счете к значительному разрушению созданного Мирошкой союза Новгорода против князя.

В 1207 г. новгородцы вместе с Дмитрием идут в поход на Рязань в помощь Всеволоду III, и это их участие в походе было использовано владимирским князем для подготовки расправы над Дмитрием Мирошкиничем. Опираясь на недовольство Дмитрием в широких слоях Новгорода, Всеволод фактически подстрекает новгородцев на расправу с посадником: «А новгородцев пусти с Коломна к Новгороду, одаривши бещисла, и вда им волю свою и уставы старых князей его же хотеху новгородцы, и рече им: «кто вы добр, того любите, злых казните»⁷¹. Эти слова обычно объясняются лишь как уступка Всеволода новгород-

⁶⁸ НПЛ, стр. 50, 247; ПСРЛ, т. I, стр. 210; т. IV, стр. 19; т. V, стр. 172. 6716 ультрамартовский год: суббота 17 марта соответствует 1207 г.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ См. Н. Рожков. Ук. соч., стр. 260.

⁷¹ НПЛ, стр. 50, 247; ПСРЛ, т. I, стр. 210; т. IV, стр. 19; т. V, стр. 172; т. VII, стр. 115.

цам, отказавшегося наконец оспаривать их право быть вольными в князьях. Однако Всеволод вовсе не отказывается от Новгорода, и прямой смысл рассказа не сводится к этому «пожалованию», хотя оно и подтверждает наш вывод об усилении княжеской власти на протяжении XII в. за счет новгородских «свобод». Фраза Всеволода, приведенная здесь, имеет самое непосредственное отношение к последующим событиям и прямо касается Дмитра Мирошкинича, обнажая заинтересованность Всеволода в устранении этого посадника. Всеволод не только санкционирует расправу над ним, но и провоцирует, и покупает ее, одаривая новгородцев и подстрекая их к казни «злых». Отметим, что связь восстания со всем комплексом взаимоотношений Новгорода и князя подчеркивается и тем обстоятельством, что убийство Олексы перед восстанием произошло в какой-то связи с прибытием в Новгород из Владимира «Всеволожа мужа» Лазаря.

Сразу же по возвращении из похода новгородцы собрали вече «на посадника Дмитра и на братью его, яко те повелеша на новгородцех серебро имати, а по волости куны брати, по купцем веру дикую, и повозы возити, и иное все зло; и поидоша на дворы их грабежом, а Мирошин двор Дмитров зажгоша, а житье их поимаша, а сел их распродаша и челядь, а избыток разделиша по зубу, по 3 гривны по всему граду и на щит; а что кто похватил, а того един бог весть, и от того мнозе разбогатеша; а что на досках, а то князю оставиша»⁷². Перечисление преступлений Мирошкиничей указывает на глубокий социальный смысл восстания. Однако тот же отрывок ясно говорит и о связи инициаторов восстания с князем. Используя социальное недовольство, Всеволод и поддерживавшая его в Новгороде боярская группа избавились от неудобного и враждебного им посадника, на место которого был избран Твердислав Михалкович, сын хорошо известного нам сторонника Всеволода — Михалки Степановича.

Социальное недовольство было умело направлено Твердиславом. Народное восстание не вылилось в борьбу против всех бояр. Оно имело цель лишь в свержении Дмитра и его семьи. В ходе восстания группировка Твердислава широко пользуется и подкупом за счет противников, вознаграждая своих сторонников имуществом Мирошкиничей.

Сам Дмитр не подвергся казни. Он был смертельно ранен под Пронском и умер во Владимире. Однако восставшие новгородцы попытались посмертно казнить его: «того же лета привезоша Дмитра мертвого Мирошкинича из Володимеря и погребоша и у святого Георгия в монастыре, подле отца; а новгородцы хотяху с моста сверечи, но возбрани им архиепископ Митрофан»⁷³.

В феврале 1208 г.⁷⁴ в Новгород пришел новый князь, уже знакомый новгородцам Святослав Всеволодович, которому теперь было 13 лет. Ему были вручены дмитровы доски, «а бе на них писано бещисла»⁷⁵.

⁷² НПЛ, стр. 50, 247.

⁷³ НПЛ, стр. 51, 248; ПСРЛ, т. I, стр. 210; т. IV, стр. 19; т. V, стр. 172; т. VII, стр. 115.

⁷⁴ Святослав пришел в Новгород в «неделю мясопустную» 6717 ультрамартовского года, что должно было бы соответствовать 1209 г. (НПЛ, стр. 51, 248). Однако Лаврентьевская летопись в том же рассказе сообщает о лунном затмении 3 февраля, которое было в 1208 г. Отсюда приход Святослава должен быть датирован 4—10 февраля 1208 г. (мясопустная неделя). Это показание важно для общей датировки восстания, которое из-за путаницы летосчисления иногда неверно относят к 1209 г.

⁷⁵ Мы не можем согласиться с распространенным мнением о том, что «доски» были связаны с ростовщическими операциями Мирошкиничей. Если бы это было так, то они скорее были бы уничтожены, чем переданы князю для взыскания долгов с должников Дмитра. Скорее всего это были записи взыскания серебра, кун и дикой виры, т. е. документ, подтверждающий широкие финансовые злоупотребления Мирошкиничей.

Ему же были переданы для заточения у Всеволода все родственники Дмитра. Примечательна следующая деталь. Новгородцы целуют Всеволоду крест в том, что они не хотят держать у себя детей Дмитра и прочих его родственников. Крестоцелование указывает еще раз на Всеволода как на одного из главных инициаторов свержения Дмитра Мирошкинича. Всеволод отводит от себя обвинения в этой инициативе, которые могут возникнуть в будущем.

Еще одно указание на эту связь содержится в событиях следующего 1209 г. Зимой этого года Мстислав, сын Мстислава Храброго, т. е. князь из линии Ростиславичей, захватил Торжок и обратился к новгородцам со следующей декларацией: «Пришел есмь к вам, слышав насилие от князь, и жаль ми своя отцины»⁷⁶. По-видимому, это не просто демагогическое заявление, как полагает М. Н. Тихомиров⁷⁷, а основанное на хорошем знакомстве с обстановкой в Новгороде хорошо рассчитанное обращение Мстислава к приверженцам Мирошкиничей. Это заступничество лишний раз подтверждает высказанное предположение о том, что Мирошка и его сын Дмитр принадлежали к той же группировке, что и посадники Якун Мирославич, Захария, Иванко Захарьинич и Завид Черевинич, постоянно опиравшиеся на Ростиславичей. Разумеется, не сторонники Твердислава в ответ на обращение Мстислава Удалого «послаша по него с великою честью: «пойди, княже, на стол», а Святослава посади на владычном дворе и с мужи его, дондеже будет управление с отцом». По существу события 1209 г. — это для Всеволода III ликвидация политических результатов восстания 1207 г. Мстислав задержал Святослава в Новгороде и отпустил только в обмен на признание Всеволодом прав Мстислава, полученное в том же году⁷⁸.

Восстание 1207 г. мы рассматривали исключительно под углом зрения отношений новгородского боярства и князя, стремясь показать инициативу Всеволода в подготовке и проведении новгородских событий. Однако восстание сразу же вырвалось из намеченных Всеволодом рамок. Оно направилось прежде всего против антинародных мероприятий Дмитра Мирошкинича, что проявилось в классовой окраске предъявленных ему обвинений. Классовый антагонизм до восстания 1207 г. еще ни разу не проявлялся с такой силой.

Говоря о расстановке сил восстания, следует различать задачу Всеволода, действовавшего по методу «разделяй и властвуй» и стремившегося укрепить позиции княжеской власти поддержкой враждебных Дмитру боярских группировок, задачу Твердислава и его группировки, стремившейся к власти, задачу приверженцев Дмитра, пытавшихся удержать власть, и задачу народных масс, выступавших против Мирошкиничей в защиту своих прав. Это было первое в Новгороде городское движение, в котором восставший народ добился удовлетворения своих социальных требований (отмены произвольных поборов). Год спустя выяснилось, что народный успех оказался и единственным серьезным результатом этого восстания. Это обстоятельство необходимо учитывать при анализе дальнейшего поведения боярства.

⁷⁶ НПЛ, стр. 51, 248; ПСРЛ, т. IV, стр. 19.

⁷⁷ См. М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания, стр. 248.

⁷⁸ НПЛ, стр. 52, 249; ПСРЛ, т. IV, стр. 19. И. И. Григорович (Опыт, стр. 118 и сл.), ссылаясь на В. Н. Татищева, утверждает, что приглашение Мстислава было осуществлено по инициативе Ждана Иванковича, которого он тут же называет посадником. В том же году над Жданом была учинена расправа сторонниками Святослава Всеволодовича. За исключением утверждения о посадничестве Ждана, все остальное кажется вполне возможным. Нельзя ли в Ждане Иванковиче видеть сына посадника Иванки Захарьинича, также опиравшегося на Ростиславичей?

Хронологические итоги изучения этого периода истории новгородского посадничества и сравнение их с показаниями Списка А изложены в следующей таблице:

<i>Летопись</i>	<i>Список А</i>
1175 Жирослав (3-й раз)	
1175—1176 Завид Неревинич	(29) Завид
1176—1177 Михалко Степанович	(30) Михалко
1177—1180 Завид Неревинич (2-й раз)	
1180—1184 Михалко Степанович (2-й раз)	
1184—1186 Завид Неревинич (3-й раз)	
1186—1189 Михалко Степанович (3-й раз)	
1189—1204 Мирошка Нездинич	(31) Мирошка
1204—1205 Михалко Степанович (4-й раз)	
1205—1207 Дмитр Мирошкинич	(32) сын его Дмитр
1207— Твердислав Михалкович	(33) Твердислав

В этой части Список А продолжает оставаться полным, а перечисление в нем имен лишено каких-либо нарушений хронологической очередности.

ВОПРОС О ПОСАДНИЧЬИХ ПЕЧАТЯХ СЕРЕДИНЫ XII — НАЧАЛА XIII ВЕКА

Трудности выделения новгородских посадничьих печатей рассматриваемого времени станут особенно очевидными, если обратиться к списку посадничьих имен: Костянтин, Якун, Судило, Нежата, Захария, Якун, Жирослав, Иванко, Завид, Михалко, Мирошка, Дмитр, Твердислав. Большинство этих имен — не христианские, а языческие, мирские. Поэтому принадлежность каких-либо печатей таким посадникам не могла быть выражена на них с очевидностью. Нам неизвестны патрональные святые обоих Якунов, Судилы, Нежаты, Жирослава, Завида и Мирошки⁷⁹. На печатях этих лиц могут оказаться какие угодно изображения, которые не позволят установить их конкретную принадлежность.

Мы можем направить исследование только по одному пути. Опираясь на христианские имена части посадников — Константина, Захарии, Иванки, Михалки и Дмитра, — искать особый тип печатей с изображениями соответствующих святых и, установив такой тип, относить к посадничьей сфрагистике все однородные буллы.

Однако прежде всего следует решительно отказаться от возможных предположений об отсутствии вообще специального типа посадничьих печатей. В сфрагистике Новгорода XII—начала XIII в. резко преобладают печати с патрональными изображениями на обеих сторонах. Эти печати исследователями правильно связываются с княжеским кругом, однако до тех пор, пока весь однородный материал не будет исследован монографически, возможны самые разнообразные сомнения. В частности, вполне естественно предположение о том, что какое-то количество булл с изображением двух святых могло принадлежать не князьям, а каким-то другим новгородским должностным лицам. Однако

⁷⁹ Имя Мирошка является наиболее вероятным уменьшительным от Мирослав, а не от Мирон.

помимо того, что подобные предположения вообще способны привести к отрицанию значения классификации как основы исследования принадлежности булл, в данном случае они совершенно не подтверждают-ся. Если часть булл с изображением двух святых относилась к посадничьему кругу, мы должны были бы обнаружить среди них печати с изображениями святых Иоанна и Захарии (Иванко Захарьинич), святых Михаила и Стефана (Михалко Степанович), св. Захарии в сочетании с каким-то другим святым (Захария, отчество которого неизвестно). Между тем, как ни обильно представлен тип печатей с двумя святыми, как ни разнообразны сюжеты этих печатей, как ни продолжительны посадничества Захарии, Иванки Захарьинича и Михалки Степановича — в совокупности они обнимают не менее 20 лет, — перечисленные сочетания в новгородской сфрагистике не встречены ни разу.

Существует, однако, особый и достаточно своеобразный тип, который может быть связан с посадничьей сфрагистикой. Мы имеем в виду печати, несущие на одной стороне изображение святого, а на другой — креста (рис. 4) ⁸⁰.

1. Печать с изображением св. Константина

Л. с.: Изображение св. Константина в царской короне, сидящего на престоле; в правой руке копье; по сторонам колончатые

	N	KO
надписи:	H	
	N	CTA

О. с.: Шестиконечный крест на подножии.

Д. — 24 мм. *М. н.* — Новгород, 1955 г., раскопки на Неревском конце в слое конца XIII в. *Хр.* — Новгородская экспедиция ИА АН СССР. *Изд.* — МИА, 1959, № 65, стр. 303 и сл., № 52.

2. Печати с изображением св. Захарии

Известны в трех экземплярах, происходящих от двух пар матриц. Различия матриц крайне незначительны и касаются лишь мелких деталей и общих пропорций изображений.

Л. с.: Изображение св. Захарии в полный рост; по сторонам колон-

	Ⓐ	
чатые надписи:	LTO	Σ
	(OTIT)	Δ
		X
		Δ

О. с.: Шестиконечный крест.

2—1 (1-я пара матриц). *Д.* — 20—22 мм. *М. н.* — Новгород. *Хр.* — Лих., ОНГЭ, *Изд.* — ЛСА, I, 8.

2—2 (2-я пара матриц). *Д.* — 20 мм. *М. н.* — Новгород. *Хр.* — Лих., ОНГЭ. *Изд.* — ЛСА, I, 9.

2—3 (2-я пара матриц). *Д.* — 18 мм. *М. н.* — Новгород, 1956 г., раскопки на Неревском конце в слое последней четверти XII в. *Хр.* — Новгородская экспедиция ИА АН СССР. Упоминается без воспроизведения: СА, 1958, № 2, стр. 92.

⁸⁰ Не следует путать с некоторыми категориями дрогичинских пломб, которые при тождестве типа отличаются величиной и технической небрежностью исполнения.

3. Печать с изображением св. Прокопия

Л. с.: Изображение св. Прокопия в полный рост, с копьем и щитом;

по сторонам колончатые надписи: Гр
ко
пи
†

О. с.: Прорцветший шестиконечный крест сложной формы; по сторонам: IC—XC.

Д. — 21 мм. М. н. — Новгород. Хр. — Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд. — ЛСА, XLII, 7.

4—5. Печати с изображениями неизвестных святых

Л. с.: Поясное изображение святого со щитом в левой руке; по сторонам колончатые надписи.

О. с.: Шестиконечный крест на подножии.

4. Д. — 19—22 м. М. н. — Новгород. Хр. — Лих., ЛОИИ. Изд. — ЛСА, XLVIII, 1.

Л. с.: Поясное изображение святого; по сторонам остатки надписей.

О. с.: Прорцветший шестиконечный крест; по сторонам: IC—XC.

5—1. Д. — 21—27 мм. М. н. — Новгород, 1957 г. Хр. — Новгородский музей, инв. № 11209. Не издана.

Л. с.: Поясное изображение святого; по сторонам остатки надписей.

О. с.: Прорцветший шестиконечный крест.

5—2. Д. — 24—25 мм. М. н. — Новгород. Хр. — Лих., ЛОИИ. Изд. — ЛСА, XLVIII, 2.

6. Печати с изображением бородатого святого (Симеона?)

Известно не менее 13 экземпляров, чрезвычайно близких по оформлению, но принадлежащих разным матрицам. На некоторых экземплярах как будто читается «Симеонъ», но без должной уверенности⁸¹.

Л. с.: Погрудное изображение бородатого святого; по сторонам в некоторых случаях остатки колончатых надписей.

О. с.: Шестиконечный крест на подножии, иногда по краю точечный ободок.

Д. — 16—22 мм. Все печати, за двумя исключениями, происходят из новгородских находок, одна куплена в Москве⁸², одна найдена в Дрогичине⁸³.

Для печатей последней группы имеется хорошая стратиграфическая дата. Пять таких булл были найдены в Новгороде при раскопках на Неревском конце, в слое 19 яруса, который первоначально датировался началом XII в.⁸⁴, а теперь, на основании дендрохронологических исследований, — 1134—1161 гг. Отметим, что сам описанный тип существовал еще в XI в. и представлен находками в Новгороде и Киеве, отличительной особенностью которых является бросающийся в глаза архаизм стиля⁸⁵.

⁸¹ См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XLII, 14; XLVII, 4; LIV, 14—16; его же. Материалы, вып. 1, стр. 98—99, рис. 50; В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, № 55, стр. 156, № 36—40; Неизданные экземпляры Новгородского музея, инв. № 8423, 11127.

⁸² См. Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, стр. 98—99.

⁸³ См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XLVII, 4.

⁸⁴ МИА, 1956, № 55, стр. 156.

⁸⁵ Мы имеем в виду найденные в Новгороде печати с изображением св. Феодора (ЛСА, XL, 1; XLIX, 3) и неизвестного святого (там же, XLVI, 10), найденные в Киеве печати с изображением неизвестных святых (там же, XXVI, 3, 4; XXX, 6) и св. Глеба (Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, рис. 49).

Рассмотренная группа печатей содержит буллы с изображением Константина, Захарии, Прокопия и нескольких плохо определяемых святых. Два имени совпадают с именами посадников середины XII в. Костянтина (1136—1137, 1146—1147 гг.) и Захарии (1161—1167 гг.). Можно предполагать, что остальные имена соответствуют христианским именам посадников, известных нам только под их мирскими именами. Если эти сопоставления верны, неизбежен вывод о резком сокращении числа посадничьих печатей сравнительно со временем Всеволода Мстиславича. Дело даже не в том, что от двадцатилетнего княжения Всеволода Мстиславича сохранилось не менее 11 посадничьих печатей, а к последующему семидесятилетнему промежутку времени относится лишь около двух десятков предполагаемых посадничьих булл. Гораздо важнее, что в 1117—1136 гг. 11 посадничьих печатей противостоят лишь девяти современным им княжеским буллам, тогда как двум десяткам позднейших посадничьих печатей противостоит не менее 250 синхронных им княжеских булл. Если же наши сопоставления неверны и описанные печати не являются посадничьими, то придется признать, что посадничьей буллы после 1136 г. не существует вообще, что еще более усугубит предложенный вывод. В любом случае возникает необходимость говорить о деградации в середине XII в. посадничьей печати.

Этот процесс может и должен быть сопоставлен с другим процессом, развивавшимся одновременно и хорошо видным в материале древнерусской сфрагистики. В середине XII в. употребление княжеской печати полностью прекращается во всех русских землях, кроме Новгорода, и, напротив, в Новгороде княжеская сфрагистика вступает в полосу расцвета, захватившего впоследствии всю вторую половину XII и весь XIII век. Княжеская печать перестает быть атрибутом власти в княжествах и становится ее необходимой принадлежностью там, где княжеская власть ограничена. Следовательно, печать перестала быть признаком и регалией высшей государственной власти, а превратилась в средство контроля над деятельностью князя. Весьма показательно, что те князья, которые, уходя из Новгорода, занимают столы в других областях и становятся там бесконтрольными властителями, уже не пользуются больше печатью, оставляя ее матрицы в Новгороде.

С другой стороны, княжеская печать середины XII—XIII вв. занимает в новгородском сфрагистическом материале настолько исключительное место, что мы получаем возможность утверждать о сосредоточении в руках князя в это время преимущественного права утверждать акты. Если первые успехи антикняжеской борьбы боярства привели при Всеволоде Мстиславиче к возникновению неупорядоченных отношений между князем и посадником, теперь остающаяся многообразной княжеская деятельность осуществляется под республиканским контролем.

Таким образом, изложенные наблюдения позволяют прийти к выводу о том, что после 1136 г. соотношение республиканской и княжеской власти приобретает более четкие и законченные формы. Княжеская власть превращается в своего рода главный исполнительный орган. Республиканское управление принимает на себя функции контрольного органа, формально стоящего между князем и вечем.

Глава 4

ПОСАДНИЧЕСТВО В XIII ВЕКЕ

Приход к власти Твердислава Михалковича в 1207 г. совершился в сложной политической обстановке. Его возвышению предшествовал длительный период активной борьбы новгородского боярства с князем, в ходе которой боярство добилось некоторых успехов. Однако само возвышение Твердислава было результатом нового внутрибоярского столкновения, возрождения борьбы боярских группировок, поддержки со стороны Всеволода, недовольного успехами боярства. Оно было также результатом классового столкновения, продемонстрировавшего силу и возможности народных масс.

Заняв центральное место в политической борьбе, Твердислав был, таким образом, поставлен перед необходимостью четко определить свою политическую линию. Он мог продолжать борьбу с князем и стремиться к укреплению боярской государственности, которая была также и средством подавления трудящихся масс. Но он мог также вступить в активный союз с князем, жертвуя боярскими достижениями предшествующего периода и противопоставляя свою группировку другим боярским группировкам Новгорода. Вполне очевидно, что второй путь должен был вести к активизации внутрибоярской борьбы, немислимой без широкого участия городского плебса. Следовательно, второй путь должен был вести также к постоянному возрождению опасной для боярства классовой ситуации 1207 г.

Для характеристики состояния посадничества в первой четверти XIII в. вопрос о политической линии Твердислава имеет первостепенное значение.

ПОСАДНИЧЕСТВО ПРИ ТВЕРДИСЛАВЕ И ПОПЫТКИ ЕГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Вопреки изменению политической ситуации Твердислав Михалкович остается посадником и при Мстиславе Удалом. Однако в 1211 г. он лишился посадничества по причине, до того в Новгороде неслыханной: «Прииде Дмитр Якуниц из Русе, и соспустия Твердислав с посадничества по своей воли стареишу себе: тогда же даша посадничество Дмитру Якуницу»¹.

¹ НПЛ, стр. 52, 249; ПСРЛ, т. IV, стр. 19. 6719 мартовский год. Поскольку в предшествующем разделе летописного рассказа применено ультрамартовское счисление, отметим, что в конце 6719 г. говорится об избрании архиепископом Антония (НПЛ, стр. 52, 250), который занимал кафедру 8 лет (НПЛ, стр. 473—474) и был изгнан в начале 1220 г. (НПЛ, стр. 60, §261). Расчет показывает, что избрание Антония состоялось в конце 6719 мартовского года, соответствующего 1211—1212 гг.

Что значит «старейшу себе»? По-видимому, это выражение прежде всего свидетельствует о возникновении нового порядка перехода посадничества от одного лица к другому, основанного на каком-то старшинстве. Такой порядок по существу мог быть только компромиссом между группировками, договорившимися о правилах очередности в замещении посадничества. Нужно думать, что только в силу этого порядка Твердислав смог удержать власть в 1209 г., когда князем стал Мстислав Мстиславич. В силу того же порядка и Дмитр Якунич поспешил прийти из Руси (или из Руси?) в Новгород, где его ожидало посадничество, принадлежавшее ему теперь по праву.

Возникновение нового порядка является несомненным свидетельством нового сплочения боярства. Вопрос о посаднике этим порядком поставлен вне зависимости от княжеского произвола и поворотов внутренней борьбы. Очередность перехода посадничества ставится в зависимость от уже сложившихся закономерностей «старшинства».

Однако это сплочение, на наш взгляд, было не только результатом борьбы и победы Твердислава над Мирошкинцами, активизировавшими внутрифеодальную борьбу. Если бы все дело сводилось только к победе Твердислава над противоположной группировкой, поворот событий в 1209 г. просто вернул бы власть сторонникам Мирошкинцев. По-видимому, новое сплочение боярства было порождено страхом перед целеустремленностью народного движения 1207 г. и охватило всю верхушку новгородского общества. Осмыслить действительные причины этого явления возможно только наблюдая применение нового принципа в практике посадничества.

Переход власти от Твердислава к Дмитру в 1211 г. не носил характера политической борьбы между разными группировками бояр, хотя принадлежность Твердислава и Дмитра к разным группировкам вполне вероятна. Список Б называет Дмитра сыном Якуна, посадника 1167—1170 гг., которого выше мы связали со славенским боярством. Отец Твердислава Михалко и, как увидим далее, сам Твердислав принадлежали к прусскому боярству. Использование в Списке Б косвенных летописных указаний обесценивает отмеченное свидетельство. Однако несомненно, что старшинство в посадничестве определялось генеалогическими связями посадников с их предшественниками на посадничестве. Теоретически Дмитр мог быть или сыном уже упомянутого посадника Якуна, или же сыном другого посадника — Якуна Мирославича. От последнего предположения все же следует отказаться, так как Якун Мирославич впервые был на посадничестве еще в 1130-х годах, и разница в возрасте между ним и Дмитром Якуничем достигала, по меньшей мере, восьмидесяти лет.

В родстве Дмитра с посадником Якуном и заключается то старшинство, которое было предусмотрено новым порядком. Отец Дмитра был посадником раньше, нежели отец Твердислава — Михалко, впервые получивший посадничество в 1176 г. Новый принцип свидетельствует о сложении в Новгороде посадничьих династий и о принадлежности этих династий к различным, соперничавшим боярским группировкам.

Упоминания посадников в летописи не встречаются затем вплоть до июня 1214 г., когда в рассказе о походе Мстислава Удалого на Киев к новгородцам обращается с речью посадник Твердислав². Поскольку имя Дмитра Якунича в летописи больше не появляется, мы вправе предположить, что Дмитр умер между 1211 и 1214 гг., снова освободив место посадника для Твердислава Михалковича.

² НПЛ, стр. 53, 251—252; ПСРЛ, т. IV, стр. 20.

Под 1215 г. в летописи упоминается уже другой посадник — Юрий Иванкович. Об обстоятельствах его избрания на место Твердислава источники умалчивают, однако и в данном случае, вероятно, сыграло роль старшинство. Предшественником отца Твердислава на посадничестве был Иванко Захарьинич, в котором мы с достаточным основанием можем теперь предполагать отца нового посадника Юрия. В пользу родства Юрия Иванковича с Иванкой Захарьиничем говорит и политическая направленность обоих посадников. Иванко принадлежал к боярской группировке, опиравшейся на Ростиславичей, а Юрий в своей деятельности проявляет себя настолько последовательным сторонником Ростиславича Мстислава Удалого, что даже покидает Новгород и уходит в Киев, когда в 1217 г. туда ушел князь Мстислав³.

В 1215 г. Мстислав, в первый раз «поиде по своей воли Киеву», предоставив новгородцам полную свободу решать вопрос о своем преемнике⁴. Проблема приглашения нового князя встала перед новгородцами в самый разгар борьбы за наследство Всеволода III, умершего в 1212 г. Вече, которым руководил Юрий Иванкович, «много гадавшее», останавливается на кандидатуре князя Ярослава Всеволодовича. Однако этим выбором посадник Юрий подготовил собственное падение.

Утвердившись в Новгороде, князь Ярослав следует старой суздальской политике и стремится вбить клин между боярскими группировками, активизируя внутреннюю борьбу боярства. Летом 1215 г. он производит расправу над Якуном Зуболомичем, новоторжским посадником Фомой Доброшичем, тысяцким Якуном Намнежичем. У последнего по приказу князя разграблен двор и схвачена семья. Одновременно «прусе» убивают Острата⁵ и его сына Луготу, «князь же о том пожале на новгородци». Отметим, что в ходе этого конфликта посадник Юрий и Твердислав Михалкович оказываются в разных лагерях. Посадник пытается, правда неудачно, защитить тысяцкого Якуна. Твердислав же называется в числе «прусов», поддержанных Ярославом: «Того же лета поиде князь Ярослав на Торжок, понявши с собою Твердислава Михалковича, Микифора, Полюда, Сбыслава, Семеона, Олексу и много боляр и, одарив, присла в Новъгород»⁶.

Из Торжка Ярослав Всеволодович начинает длительные переговоры, а затем войну с Новгородом, на помощь которому снова пришел Мстислав Мстиславич. В Новгороде начинаются сильнейший голод и эпидемия. Отвергая все предложения новгородцев, Ярослав тем самым сам содействует новому сплочению боярства. На это, в частности, указывает состав арестованного им в Торжке новгородского посольства: посадник Юрий Иванкович, Степан Твердиславич, Семен Борисович, Вячеслав Климятич, Зубец Якун, Мануил Яголчевич⁷. Среди членов посольства — рядом с Юрием Иванковичем, в котором возможно предполагать неревского боярина, оказывается сын прусского боярина Твердислава, а также Семен Борисович, принадлежность которого к славенскому боярству четко обозначена его строительной деятельностью. Семен Борисович в 1224 г. поставил церкви во имя св. Павла, св. Симеона Богоприимца и святых Константина и Елены⁸. Все три церкви находились на Славен-

³ НПЛ, стр. 57, 257.

⁴ Там же, стр. 53, 252.

⁵ По-видимому, может быть отождествлен с Овьстратом Домажировичем, который в 1208 г. был выдан Всеволоду III вместе с Мирошкинцами. НПЛ, стр. 51, 249.

⁶ НПЛ, стр. 54, 253; ПСРЛ, т. IV, стр. 20.

⁷ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 185—186.

⁸ НПЛ, стр. 63, 267.

ском конце, между Павловой и Варяжской улицами в Павловом женском монастыре⁹.

Наконец, в Липицкой битве 1216 г. Ярослав терпит поражение в борьбе за Владимир, а на новгородском столе к этому времени снова оказывается Мстислав Удалой. Юрий Иванович после Липицкой битвы окончательно потерял посадничество, вернувшееся к Твердиславу. Процесс возвращения Твердислава к власти был результатом весьма тонкого политического расчета. Юрий Иванович остался сторонником Мстислава, но править вместе с Мстиславом ему уже больше не пришлось, поскольку он был скомпрометирован предпринятым по его инициативе временным союзом с Ярославом Всеволодовичем. В то же время видимый разрыв Твердислава с Ярославом укрепил позиции посадника даже в этой сложной для него обстановке.

Говоря о возникновении во время борьбы с Ярославом Всеволодовичем боярского союза всех группировок, мы имеем прямое свидетельство того, что это сплочение было вполне официальным и даже сопровождалось крестоцелованием. Летописный рассказ 1216 г. начат изложением следующего сюжета: «Месяца марта в 1 день, на память святых Марьи Египтяныне, вторник по чистой недели, поиде князь Мстислав на зять свои, на Ярослава с новгородци, а в четверток побегоша к Ярославу преступници кресту: целовали бяху крест честныи ко Мьстиславу со всеми новгородци, всем одинако быти»¹⁰.

Вся предшествующая политика Твердислава и приход его к власти в результате нового сплочения бояр указывают на него как на главного инициатора такого сплочения. Памятуя, что первопричиной этой политики был классовый страх боярства перед социальными результатами восстания 1207 г., мы должны придавать боярской консолидации большое значение, но не переоценивать ее успехов. Противоречия внутри боярства, противоположность группировок остаются и при новом порядке. Более того, как увидим далее, новый порядок поддерживается в значительной степени авторитетом его инициатора Твердислава. Однако любое сплочение боярства должно было привести к одному неизбежному результату — ослаблению позиций княжеской власти.

Утеря князем значительной доли влияния наблюдается и в деятельности Ярослава Всеволодовича, и в деятельности Мстислава Удалого. Эти князья резко отличны в их отношении к Новгороду. Ярослав является идейным наследником своего отца с его политикой «разделяй и властвуй». Пытаясь восстановить положение княжеской власти, он стремится активизировать борьбу между боярскими группировками, с тем чтобы опереться на поддержку части боярства, но после ряда просчетов терпит неудачу и наталкивается на союз боярства против князя. Мстислав умеет ладить с представителями разных боярских групп, мирясь с обстановкой в Новгороде и, не имея сил решительно противопоставлять свою власть республиканской власти, не цепляется за новгородский стол и оставляет Новгород, как только для него возникает более заманчивая перспектива неограниченной власти вне Новгорода.

В 1218 г. Мстислав Мстиславич окончательно уходит из Новгорода и на его место садится приглашенный из Смоленска князь Святослав Мстиславич. Последующие события характеризуют Твердислава все с

⁹ См. А. Никольский. Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. «Вестник археологии и истории», вып. X. СПб., 1898, стр. 81; Евгений. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, стр. 87.

¹⁰ НПЛ, стр. 55, 254—255; ПСРЛ, т. I, стр. 211; т. IV, стр. 21; т. V, стр. 172; т. VII, стр. 120.

той же стороны и бросают свет на его прежнее поведение. Твердислав с самого начала своей деятельности старается проводить видимо объективную политику, пытается смягчить борьбу группировок компромиссами. Неоднократное оставление им посадничества для поддержания принципа старшинства, само формулирование этого принципа являются выражением такой политики. Другим ее выражением может быть признано длительное сосуществование Твердислава с князьями противоположных устремлений. Стремясь к сплочению боярства, Твердислав, по-видимому, хорошо различал двух главных противников боярской власти — трудящееся население Новгорода, грозное в момент восстаний, и княжескую власть, стремившуюся укрепить позиции монархии. Несомненно, Твердислав Михалкович был выдающимся идеологом своего класса. В особо острых случаях он держится независимо, и его политическим противникам приходится прибегать к изощренным приемам в попытках подорвать его влияние. В излагаемых ниже событиях мы ясно чувствуем не только конфликт внутри новгородского общества, но и конфликт между Новгородом и князем.

Зимой 1219 г. из Новгорода бежал житель Торговой стороны Матвей Душиловец, связавший перед побегом «Моисеица, бирица ябегницъ». Он был изловлен и выдан князю на Городище. В этой выдаче был клеветнически обвинен Твердислав. На Торговой стороне и в Неревском конце собрались вече, началось восстание. Наутро князь отпустил Матвея, боясь дальнейших осложнений. Однако события продолжают разворачиваться. За Твердислава вступились Людин конец и Прусская улица, а загородцы остались в стороне. Восставшие вышли в бронях. Схватка у городских ворот закончилась поражением восставших, которое было довершено уже на Торговой стороне, куда победители переплыли в ладьях. С 27 января в течение целой недели в Новгороде бушевало вече, которое в конце концов встало за Твердислава.

Восстание 1219 г. имело ярко выраженный антикняжеский характер, начавшись из-за предпологаемого сговора Твердислава с князем. Действительная позиция посадника, однако, не совпадает с позицией князя. Святослав Мстиславич прислал на вече своего тысяцкого с заявлением: «Не могу быти с Твердиславом, отымаю посадничество у него». Новгородцы же ркоша: «есть ли вина его». Он же рече: «без вины». Рече же Твердислав: «тому есмь рад, яко вины моя нету; а вы, братье, в посадничестве и во князех вольне есть». Новгородцы же ответ даша князю: «аще вины его нету, и ты к нам крест целовал без вины мужа не лишати; тобе ся кланяем, а се есть наш посадник, и в то ся не вдадим»¹¹. Твердислав, таким образом, не только не стоит на стороне князя, но подчеркивает значение посадника, противопоставляет себя князю, весьма откровенно предлагая новгородцам выбрать между ним и князем.

В том же 1219 г. против Твердислава было выдвинуто новое обвинение, на этот раз более продуманное и решительное. Новгородский воевода Семен Емин с 400 новгородцами отправился в поход на Таймокары, но Юрий и Ярослав Всеволодовичи не пропустили его через свои владения. Вернувшись, Семен объявил, что вина в этом лежит на Твердиславе, который якобы вступил в тайные сношения с суздальскими князьями. Посадничество, отобранное у Твердислава, получил теперь Семен Борисович¹².

Ставить посадничество Семена в связь с его возможным старшинством нельзя, так как среди посадников предшествующей поры нет ни

¹¹ НПЛ, стр. 59, 260; ПСРЛ, т. IV, стр. 26.

¹² Там же.

одного Бориса. Его возвышение — прямой результат столкновения внутри боярства и победы той группировки, которая была связана с Торговой стороной. Напомним, что Семен Борисович принадлежит к славенскому боярству: именно в Славенском конце он строит церкви.

Избрали Семена Борисовича группировки Торговой стороны и Неревского конца добились победы. Однако эта победа оказалась весьма непрочной. В конце 1219 г. Твердислав Михалкович снова получает посадничество¹³. Избранный в четвертый раз, он продолжает придерживаться своей независимой линии. В 1220 г. эта политика снова приводит к открытому столкновению посадника с князем Всеволодом Мстиславичем, занявшим за год до того место своего брата Святослава.

«Вложи диавол князю грех в сердце, гнев до Твердислава без вины, — пишет летописец, — и прииде в Новгород и возвади весь город, хотя убити Твердислава; а Твердислав бяше болен». Всеволод пришел с Городища со всем своим двором «в броне, аки на бои» на Ярославово дворище, где вокруг него собрались новгородцы в том же составе, что и при столкновении 1219 г., т. е. Торговая сторона и Неревский конец. Больного Твердислава привезли на санях к церкви Бориса и Глеба, где его окружили сторонники с Прусской улицы, с Людина конца и загородцы. Видя, что вооруженное столкновение неизбежно, князь отправил к Твердиславу архиепископа Митрофана, добившегося примирения. Твердислав отказался от посадничества, «немошен бо бяше», и постригся в монастырь, а посадником избрали Иванку Дмитриевича¹⁴.

Рассказ о восстаниях 1219 и 1220 гг. очень четко изображает территориальное разделение Новгорода на приверженцев различных группировок. Твердислав и все его окружение прочно связаны с Прусской улицей. Они опираются на Людин конец и загородцев, которые в одном случае предпочли собласть нейтралитет. Принадлежность Твердислава Михалковича к боярству Прусской улицы прослеживается и другими способами. В 1219 г. Твердислав вместе со своим братом Федором закладывает, а в 1224 г. заканчивает церковь св. Михаила и другую — во имя Трех святых отроков¹⁵. Относительно церкви Михаила в литературе существует некоторый разнобой мнений. В частности, И. П. Дорнин, составивший указатели к последнему изданию Новгородской Первой летописи, полагает, что это церковь св. Михаила на Михайловой улице и в Витковом переулке, т. е. на Торговой стороне Новгорода¹⁶. Однако и на Прусской улице существует церковь Михаила архангела, известная летописцу уже в XII в., возобновленная после пожара в 1176 г. отцом Твердислава Михалкой Степановичем¹⁷ и сохранившаяся в варианте XIX в. до сегодняшнего дня. По-видимому, Твердиславу и Федору принадлежит первая каменная постройка этой церкви. Что касается другой постройки братьев Михалковичей — церкви во имя Трех отроков, то под этим названием в позднейшем Новгороде известен только придел к церкви св. Михаила на Прусской улице. Время превращения особой церкви в придел неизвестно, однако известно, что новые приделы соорудились обычно при ликвидации близлежащих церквей.

¹³ НПЛ, стр. 60, 261; ПСРЛ, т. IV, стр. 26.

¹⁴ НПЛ, стр. 60, 262; ПСРЛ, т. IV, стр. 27.

¹⁵ НПЛ, стр. 59, 63, 260, 267.

¹⁶ Там же, стр. 621.

¹⁷ Относительно постройки Михалки Степановича существует противоречивое показание Новгородской Третьей летописи, согласно которому церковь св. Михаила в 1176 г. была будто бы построена на Михайловой улице. Однако это строительство стоит в непосредственной связи с пожаром 1175 г., начавшимся у Деигуниц и уничтожившим церковь св. Михаила, Вознесения и св. Якова. Все три церкви находятся в одном районе: первые две — на Прусской улице, последняя — на Добрыне; возобновлены они соответственно в 1176, 1185 и 1181 гг. (НПЛ, стр. 34—35, 37—38, 223—224, 227—228).

Враждебные Твердиславу группировки территориально связаны с Торговой стороной и Неревским концом. Принадлежность к Торговой стороне Семена Борисовича уже рассмотрена выше. Что касается Неревского конца, то его активная борьба с прусским боярством прослеживается еще во времена Михалки Степановича. Вообще корни того территориального разграничения, при котором в одном лагере оказывается Прусская улица с прилегающими территориями, а в другом — Торговая сторона и Неревский конец, явственным образом уходят в историю политической борьбы боярства в предшествующий период. Еще в середине XII в. летописец противопоставляет Софийскую и Торговую стороны, а в конце XII в. линия политического разграничения пересекает и Софийскую сторону, отделяя неревское боярство от прусского.

Пытаясь локализовать основные боярские группировки на карте Новгорода, мы отнюдь не намереваемся настаивать на том, что уже в рассматриваемый период они полностью совпадали с теми основными административными членениями Новгорода, которые хорошо известны в позднейшее время. Если летописец и называет неревлян как единую в политическом смысле территорию, то на Торговой стороне он вовсе не проводит каких-либо территориально-политических границ, хотя выше мы смогли подметить отсутствие единства внутри боярства Торговой стороны еще в середине XII в. У нас есть также весьма существенные основания говорить о том, что административные членения Новгорода в XII—XIII вв. несколько отличались от членений XIV—XV вв. В частности, Загородье даже в начале XIII в. нигде в летописи не именуется концом, чему соответствует самый смысл названия этой территории. Некоторые подтверждения позднейшего превращения Загородья в особый конец будут изложены ниже. Вне кончанского деления находится и оплот «прусского» боярства — Прусская улица, на что указывают некоторые особенности фразеологии летописного рассказа о событиях 1219 г. Летописец говорит, что «поиде (Твердислав) с прусы и с Людиным концом»; исчисляя убитых во время восстания, он также противопоставляет Прусскую улицу Людину концу: «И убиша прус муж един, а концан други, а онех половиць Иоанна Душильцева, брата Матвеева, а в Неревъском конци Костянтина Прокшиница, а иных 6 муж, а раненых много обоих». Мы увидим далее, как позднейшая административная система формируется вместе с развитием боярского государства.

С другой стороны, говоря о боярских группировках, мы должны иметь в виду их значительную территориальную разобщенность в это раннее время. В XII—XIII вв. Новгород представлял собой систему изолированных поселков, на что указывают особенности его исторической топографии. Между древними Людиным и Неревским концами лежала в основном территория пустопорожнего Загородья; ее лишь оконтуривают Прусская и Чудинцева улицы, а пространство между ними лишено уличного деления. Подобным образом в древности были разделены также Славенский и Плотницкий концы Торговой стороны. Находившаяся на их стыке обширная территория Рогатицы и Лубяницы даже в начале XV в. находилась вне кончанского деления, на что указывает, например, описание пожара 1403 г.: «Погоре Плотничьскый конець до Славкове улицы, а Рогатица до Еупатия святого, а Лубяница до святого Луки, а Славенскый весь конець»¹⁸.

Политические итоги периода, связанного с именем Твердислава, можно формулировать в следующих положениях. После восстания 1207 г. посадничество снова укрепляет свою независимость от князя по-

¹⁸ НПЛ, стр. 397.

пыткой воплотить в жизнь новый принцип избрания посадников, основанный на старшинстве и предусматривающий смягчение внутривфеодальной борьбы в Новгороде. Принцип старшинства связан с инициативой Твердислава Михалковича, а его создание является прямым следствием классовых результатов восстания 1207 г. Однако политика Твердислава не устраняет противоречий боярских группировок в их борьбе за власть. Выступая единым фронтом против князя, группировки продолжают бороться между собой, стремясь овладеть посадничеством. Боярство в этой борьбе снова использует классовое недовольство народных масс, направляя его в своих целях и опираясь на антикняжеские настроения народа.

Говоря о политических итогах развития Новгородской республики в начале XIII в., нельзя пройти мимо некоторых оценок, предложенных В. Н. Бернадским. По мнению В. Н. Бернадского, политическая линия старших Михалковичей «характеризуется прежде всего отстаиванием новгородской самостоятельности и прав новгородского веча от всяких покушений на них со стороны князей»¹⁹. В связи с этим тезисом В. Н. Бернадский сочувственно цитирует статью о Твердиславе Михалковиче в «Русском биографическом словаре», находя, что она написана «не без оснований»: «Едва ли кто-нибудь из бывших до и после него посадников отличался такой преданностью к себе низших слоев новгородского населения и едва ли кого-либо последние защищали так, как Т. М., когда весы бурной и изменчивой политической истории Великого Новгорода склонялись не в его пользу»²⁰. Изложенная оценка не только не имеет оснований, она является примером идеализации Новгородской республики. Новгородская республиканская государственность была государственностью боярской. Она так же мало защищала интересы эксплуатируемых масс, как и княжеская власть. Представлять Твердислава и других посадников в виде благодетелей и друзей народа — значит растворять классовый характер этой государственности в бесформенном представлении о никогда не существовавшем демократизме республиканского управления. Смысл взаимоотношений республики и веча прекрасно сформулирован Б. Д. Грековым: «Феодальная знать, захватившая в свои руки власть и ограничившая в своих интересах власть князей, не была в силах уничтожить народного собрания, но была достаточно сильна, чтобы превратить его в орудие своих интересов»²¹.

Вече, фактически подчиненное боярскому управлению, было существенной частью боярской республики. Сама идея защиты народных интересов, лежащая в основе его возникновения, в Новгородской республике была извращена и преобразована в идею защиты боярской государственности. Именно такое вече бояре защищали от покушений со стороны князя. Поэтому следует говорить, что политическая линия и Мирошки, и Твердислава характеризуется прежде всего отстаиванием новгородской боярской государственности от всяких покушений на нее со стороны князя и использованием антикняжеской борьбы для организации боярства против народных масс.

Борясь за власть в Новгороде, боярство использовало народные антикняжеские настроения для победы над своими политическими противниками. Вне всякого сомнения, вовлечение трудящихся масс Новгорода во внутривфеодальную борьбу в сильнейшей степени тормозило процесс становления классового самосознания непривилегированных слоев Новгорода, которые постоянно и произвольно противопоставля-

¹⁹ В. Н. Бернадский, Новгородский посадник Степан Твердиславич, стр. 31.

²⁰ РБС, т. XVII, 1912, стр. 377.

²¹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, стр. 364.

лись друг другу в ходе территориальных столкновений. Эти слои, от построения которых зависело направление борьбы между князем и республикой, использовались и княжеской властью, стремившейся противопоставить их боярству. Мы уже видели пример такого использования в 1207 г. Еще одна такая попытка относится ко времени около 1220 г.

Выше мы попытались связать один из источников «Устава Всеволода» с именем и княжением Всеволода Мстиславича, занимавшего новгородский стол в конце первой четверти XIII в. Княжение Всеволода Мстиславича началось весной 1219 г. и окончилось в 1221 г. Важнейшим событием его недолгого правления была успешная для князя борьба с посадником Твердиславом, закончившаяся в самом конце 1220 г.²² Связывая возникновение первоначального «Устава» с указанным временем, мы получаем возможность рассматривать его и как результат столкновения между князем и посадником. Попытаемся выяснить теперь, имеются ли у нас основания для такого вывода.

Признавая, что сохранившийся до настоящего времени «Устав Всеволода» является компиляцией «Устава Владимира» с подлинным новгородским документом, мы, вслед за С. В. Юшковым, относим к этому документу три фрагмента «Устава Всеволода», остающиеся в нем за вычетом материала, заимствованного из «Устава Владимира»²³.

Отличительной особенностью всех трех фрагментов является их явная независимость от остального текста «Устава Всеволода». Если в материалах, заимствованных из «Устава Владимира», говорится об организации и границах юрисдикции церковного суда, то все три независимых фрагмента, лишь однажды коснувшись проблематики церковных судов, трактуют главным образом о порядке наблюдения над мерилами, торговыми конфликтами, распределением доходов с торгового суда и т. п. применительно к новгородской действительности. Позднейшая компиляция, таким образом, объединяет документы не только разного времени, но и весьма отличные по своему характеру.

Политическое содержание сохранившегося в трех фрагментах «Торгового устава Всеволода» сводится к одному главному положению. Контроль над торговыми делами и торговым судом, бывший до тех пор в распоряжении князя, переходит в руки епископа, иваньского старосты и «всего Новгорода»; под последним понимается организация сотских²⁴. Обращает на себя внимание несомненная антибоярская направленность «Устава», в котором не только особо отмечается независимость торгового суда от боярского управления, но и прямо говорится: «А о всех, что преди писано, дръжах за своими боляры, аже они обидять гостей, а где живуть, тым нарывать, а княжю душу топать»²⁵. Не случайным, по-видимому, является и отсутствие посадника в перечислении авторов «Устава», участвовавших в подготовившем его совещании.

В этой связи мы склонны связывать возникновение новгородского документа, лежащего в основе «Устава Всеволода», с попыткой князя Всеволода Мстиславича привлечь на свою сторону владыку и новгород-

²² Твердислав постригся 8 февраля 1221 г., проboleв после отречения 7 недель (НПЛ, стр. 60, 262).

²³ См. С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 218.

²⁴ «Дал есмь суд и мерила, иже на торгу, святей Богородици в Киеве и митрополиту; а в Новгороде святей Софии и епископу и старосте Иваньскому и всему Новугороду мерила торговаа, скалвы вощаныи, пуд медовыи и гривенку рублевою, и локоть Еваньский, и свои оброк» (НПЛ, стр. 486); «...а скривится, а кому приказано, а того казнити олизко смерти, а живот его на трое: треть живота святей Софии, а другаа треть святому Ивану, а третьяа треть сочьским и Новугороду» (НПЛ, стр. 487).

²⁵ НПЛ, стр. 487.

ское купечество и противопоставить их боярскому управлению. Новая организация торгового управления отражает не только успехи новгородского общества в антикняжеской борьбе, но и существование противоречий между боярством и непривилегированными слоями Новгорода, на которые князь пытается опереться в борьбе с боярством.

Датируя возникновение «Торгового устава Всеволода» временем около 1220 г., мы признаем наличие в сохранившихся его фрагментах позднейшей правки, в результате которой возникли такие анахронизмы, как «гривенка рублевая», «княжеские и владычные наместники». Однако, на наш взгляд, к числу анахронизмов, которые могли бы быть использованы для более ранней датировки документа, не могут относиться упоминания епископа. Исследователи подразделяют историю новгородской кафедры на два этапа: до 28 марта 1165 г., когда в Новгороде была епископия, и после этой даты, когда новгородские владыки стали называться архиепископами. Это подразделение, прослеживаемое при чтении летописного текста, как-будто подтверждается и списком новгородских владык, подразделенным на две рубрики «А се новгородский епископы» и «А се архиепископы», рубеж между которыми падает на 1165 г.²⁶ Однако в действительности употребление владычных титулов в рассматриваемое время не было выдержанным и не может служить основанием для хронологических наблюдений. В летописных текстах архиепископами постоянно именуется и владыки XI — первой половины XII в., что неправильно было бы объяснять позднейшим редактированием текста, поскольку, например, Нифонт назван архиепископом и в современном ему памятнике — в надписи известного антимина 1148 г.²⁷ С другой стороны, — и это для нас более важно, — титулование новгородских владык епископами сохраняется в официальных документах и долгое время после 1165 г. даже для тех лиц, о поставлении которых в архиепископы нам хорошо известно. Мы имеем в виду сфрагистические свидетельства. Епископом называется Илия (1165—1186 гг.) на изданной печати из коллекции Н. В. Гудкова-Белякова²⁸, хотя именно с ним связывают учреждение в Новгороде архиепископии в 1165 г., т. е. в год его избрания. Епископом на печатях называется и Мартирий (1193—1199 гг.)²⁹, поставленный в архиепископа также в год избрания. Очевидно, что титулованию владыки в рассматриваемое время не придавалось того значения, которое можно было бы предполагать теперь.

ВНУТРИБОЯРСКАЯ И АНТИКНЯЖЕСКАЯ БОРЬБА

в 1220-х и начале 1230-х годов

Переход посадничества от Твердислава Михалковича к Иванке Дмитровичу осуществился в результате новой вспышки внутрибоярской борьбы, которая вновь разгорается в последние годы деятельности Твердислава.

Обстоятельства переворота в посадничестве в 1220 г. таковы, что как будто дают возможность говорить о возвращении победившей части боярства к старой политике активного союза с князем. Свержение Твердислава происходит по инициативе князя силами боярского союза Торговой стороны и Неревского конца. Однако рассмотрение последую-

²⁶ НПЛ, стр. 473.

²⁷ См. А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. Изд-во АН СССР, М., 1952, стр. 25, № 16.

²⁸ Хранится в Отделе нумизматики ГИМ.

²⁹ См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XI, 1; Л, 5.

щих событий показывает, что в действительности боярская политика 1220-х годов продолжает политику Твердислава. Общее укрепление республиканской власти оказывается сильнее внутривоеводского соперничества, и существование сколько-нибудь сильного князя на новгородском столе так же мало желательно для противников Твердислава, как и для самого Твердислава.

Первые шаги нового посадника Иванки Дмитровича весьма напоминают тактические приемы Мирошки Нездинича. В 1221 г. новгородцы прогоняют своего бывшего союзника князя Всеволода Мстиславича и на его место приглашают сына владимирского князя— Всеволода Юрьевича: «Послаша владыку Митрофана и посадника Иванка и старейшии мужи в Володимир к Юрию ко Всеволодищу, и дасть им сына своего Всеволода по всеи воли новгородчкои. И по сих прииде князь Всеволод в Новъгород, и владыка и вси мужи одарены бещисла; и ради быша новгородци, и бысть мирно»³⁰. Это «бысть мирно» кажется достаточно многозначительным, так как все предшествующие и последующие события говорят о сильнейшем напряжении антикняжеской борьбы.

Общий смысл перемен в княжении станет очевидным, если обратиться к возрасту нового князя: Всеволоду Юрьевичу в момент приглашения на новгородский стол было всего семь лет. После нескольких месяцев княжения семилетний князь бежал из Новгорода тайно, ночью, со всем своим двором. Новгородцы снова отправились во Владимир и получили там в князья на этот раз брата владимирского князя, уже знакомого им по княжению 1215 г., Ярослава Всеволодовича. Новому князю было уже за тридцать, но он оставался в Новгороде не дольше своего племянника. В 1223 г. он ушел в Переяславль. На его место снова приглашен Всеволод Юрьевич. И снова, в 1224 г. «поиде князь Всеволод другое из Новагорода ночью, утаився, со всем двором своим»³¹.

Следует отметить несколько важных обстоятельств. Прежде всего постоянные отказы князей от новгородского стола совершаются не в результате прямых конфликтов между республиканской и княжеской властью. Напротив, летописец постоянно подчеркивает удовлетворенность новгородцев своими князьями. В 1222 г. новгородцы «ради быша» приходу Всеволода Юрьевича и «печални быша» после его побега. Сам побег Всеволода связывается с инициативой великого князя: «Аще ти есть не угодно держати Новаграда сыном, и ты, княже, даи нам брата». В 1223 г. перед уходом из Новгорода Ярослава новгородцы «кланяхутся ему: «не ходи, княже; он же поиде по своеи воле». В 1224 г. после второго побега Всеволода новгородцы просят его отца отправить князя обратно в Новгород. Иными словами, в Новгороде складывается такая обстановка, которой не удовлетворены сами князья, вынужденные опираться не на какие-то боярские группы внутри Новгорода, а главным образом на поддержку великого князя. Эта обстановка заключается в новом сплочении боярства, которое засвидетельствовано и длительным посадничеством Иванки Дмитровича.

Этот посадник упоминается еще под 1222, 1224, 1226, 1228 и 1229 гг. Под последней датой рассказывается о свержении Иванки Дмитровича³². Список Б в близкое время называет еще одного посадника — брата Твердислава Федора Михалковича. Однако, как мы уже отмечали, это имя помещено вопреки показаниям Списка А и в результате явного недоразумения, вызванного неясностями использованного в

³⁰ НПЛ, стр. 60, 262.

³¹ Там же, стр. 63—64, 267.

³² Там же, стр. 60—68, 262—274.

списке Б летописного рассказа. Посадничество Иванки Дмитровича продолжалось непрерывно на протяжении девяти лет.

Продолжавшееся сплочение боярства продемонстрировано с особой силой событиями 1224 г. После вторичного побега из Новгорода князь Всеволод Юрьевич останавливается в Торжке, где его окружают пришедшие к нему на помощь с полками князь Юрий Всеволодович, Ярослав Всеволодович, Василько Константинович, Михаил Всеволодович. Обязательным условием возвращения Всеволода на стол Юрий Всеволодович поставил перед новгородцами требование выдать ему целую группу бояр: Якима Иванковича, Микифора Тудоровича, Иванку Тимошничу, Судилу Савинича, Вячка, Иваца, Рядка, пригрозив: «Не выдадите ли, тожы паки поил есмь конь Тферью, а еще к тому хошу Волховом напоити». В ответ новгородцы выражают желание «умрети за святую Софею о посадники Иоанке о Дмитровицы», а «братьи своеи не выдадим». Конфликт заканчивается тем, что новгородцы, отделившись от владимирского князя крупным выкупом, приняли на стол черниговского князя Михаила Всеволодовича. Это приглашение осуществилось по рекомендации самого Юрия, и его смысл, нужно думать, сводился к взаимным уступкам враждующих сторон³³.

Открытое столкновение новгородцев с владимирским князем и последовавший за ним компромисс не привели к принципиальному изменению новгородской политики. Князь Михаил Всеволодович оставался в Новгороде всего лишь несколько месяцев, после чего заявил: «Не хошу у вас княжити, иду к Чернигову; а вы ко мне гость пускаите, а яко замля моя, якоже земля ваша, а ваша земля, якоже земля моя». В связи с уходом Михаила летописец снова рисует картину единодушия новгородцев в их расположении к князю и недовольства князя своим положением в Новгороде. После ухода Михаила новгородцы снова обращаются к Ярославу Всеволодовичу с приглашением на стол³⁴.

Рассматривая подробности взаимоотношений Новгорода и князя в 20-х годах XIII в., мы решаемся высказать общие соображения о принципах, лежащих в основе боярской политики этого времени. На наш взгляд, именно в 1220-х годах впервые отчетливо возникает та форма ограничения княжеской власти, которая сыграла решающую роль в развитии позднейшей республиканской государственности Новгорода. Такой формой является признание суверенитета над Новгородом суздальской княжеской династии, возникновение таких союзнических отношений, при которых существование особого новгородского князя перестает быть обязательным условием государственного устройства. Могло ли иметь другое значение, кроме чисто символического, княжение в Новгороде семилетнего Всеволода Юрьевича в 1221 г. или того же князя в 1223 г., когда ему исполнилось восемь лет? Успехи антикняжеской борьбы приводят к резкому умалению авторитета новгородского князя, и сам новгородский стол перестает быть приманкой в глазах князей. Отсюда, как мы полагаем, и проистекает та бросающаяся в глаза противоречивость в отношении князей к Новгороду. С одной стороны, владимирские великие князья стремятся удержать Новгород в сфере своего политического влияния, заявляя права на новгородский стол. С другой стороны, очутившись на новгородском столе, ставленники владимирских князей стремятся вырваться из Новгорода.

Новая основа отношений Новгорода с князем весьма заметна уже в середине 1220-х годов. Приглашенный на новгородский стол Ярослав Всеволодович не порывает со своей отчиной. Став князем в Новгороде,

³³ НПЛ, стр. 64, 268.

³⁴ Там же.

он остается князем и в Переяславле, посещая Новгород лишь в связи с военными операциями. В 1225 г. он воюет с Литвой под Торжком, в 1226 г. приходит в Новгород и в следующем году идет с новгородцами на Емь. В 1228 г. новгородцы организуют вместе с Ярославом новый поход на Емь, после которого Ярослав возвращается в Переяславль, оставив на новгородском столе своих сыновей Федора и Александра. Старшему из них Федору в 1228 г. было 9 лет, что позволяет видеть в обоих княжичах не самостоятельных деятелей, а лишь материализованную идею суверенитета Ярослава над Новгородом.

Вполне понятно, что создание новой схемы взаимоотношений Новгорода и князя требует новой формы союзного договора. Л. В. Черепнин, исследовавший историю формуляра докончальных грамот Новгорода с князьями, пришел к весьма интересному выводу, который согласуется и с нашими наблюдениями. Он обратил внимание на то, что отсылки договоров второй половины XIII в. на прецедентные крестоцелования при заключении докончаний с князьями не распространяются на время ранее княжения Ярослава Всеволодовича. Если для позднейших договоров Ярослава Ярославича характерна схематизированная формула «Целуй крест к всему Новугороду, на цемь то целовали деди (и отци) и отец твой Ярослав», то аналогичное место самого раннего договора Новгорода с Ярославом Ярославичем сформулировано несколько иначе: «...на цемь то целовал хрест отец твой Ярослав». «Эта ссылка, — пишет Л. В. Черепнин, — говорит об интересе, проявленном в Новгороде в первой половине XIII в. в княжение именно Ярослава Всеволодовича, к договорному формуляру, который в основном сложился в конце XII в., при Ярославе Владимировиче. Действительно, раз наиболее ранняя из дошедших до нас новгородских грамот времени великого князя Ярослава Ярославича отмечает, что изложенные в ней условия были закреплены крестоцелованием отца Ярослава — великого князя Ярослава Всеволодовича, но не называется, как это стали делать позднейшие грамоты. княжеских «дедов», значит до Ярослава Всеволодовича договорный формуляр еще не отличался устойчивостью и в первой половине XIII в. еще разрабатывался. Поэтому как раз в княжение Ярослава Всеволодовича и появляются на сцене «грамоты Ярослава» (Владимировича, конца XII в.) как основа договорных взаимоотношений Новгорода с князьями, текст которых требовал развития и уточнения»³⁵.

Возражая против предложенной Л. В. Черепниным трактовки «грамот Ярослава» и датировки одного из этапов развития формуляра концом XII в., мы должны признать, что возобновление интереса к формуляру докончаний в 1220-х годах оказывается вполне закономерным. Создание нового формуляра, как увидим далее, возможно отнести к 1230 г., когда летописец рассказывает о крестоцеловании Ярослава Всеволодовича. Однако обстановка, вызвавшая интерес к договорному формуляру, существует уже в середине 1220-х годов.

По существу Новгород в конце первой четверти XIII в. стоит перед видимой перспективой полной ликвидации княжеской власти, поскольку проблема новгородского стола превращается главным образом в проблему государственного союза Новгорода с соседними русскими областями. В союзнических отношениях Новгород мог признавать суверенитет князей, но он мог также настаивать и на полном равенстве отношений. Необходимо, однако, вспомнить международную обстановку первой половины XIII в., чтобы понять ограниченность устремлений боярства в его антикняжеской борьбе.

³⁵ Л. В. Черепнин. Ук. соч., ч. I, стр. 253 и сл.

С самого конца XII в. на западных рубежах Новгородской земли возникает постоянная опасность немецкого нападения. Захват крестоносцами земель ливов, латгалов и эстов уже к 1209 г. привел Новгород в непосредственное военное столкновение с немцами. Походы новгородцев в Прибалтику с этого времени возобновляются почти ежегодно. В 1223 г. начинается татаро-монгольское нашествие на русские земли. В сложнейшей обстановке двойной военной опасности перед Новгородом было только два пути — путь разрыва традиционных связей с русскими княжествами и изоляции, грозившей смертельной опасностью, и путь укрепления союза с княжествами, организации совместной защиты русских земель от нападения извне. Вполне очевидно, что союзнические отношения в этой сложной обстановке требовали взаимных уступок. Новгород был заинтересован в военной поддержке со стороны княжеских полков в меньшей степени, нежели князья в поддержке новгородскими военными силами. Самая идея княжеского суверенитета над Новгородом при одновременном резком ограничении княжеской власти внутри Новгорода находится в прямой зависимости от общей политической и военной ситуации на Руси первой половины XIII в.

Следует, однако, отметить, что внутри новгородского боярства в рассматриваемое время еще не возникло единства в выборе наиболее действенного союза. Часть боярства стремится к разрыву с владимирскими князьями. Вспышка активной борьбы вокруг вопроса о князе и посаднике начинается в 1228 г., когда во время похода на Емь новгородцы «створиша вече и хотеша убити Судимира, и скры князь в носале у себя». В следующем году начинается одно из сильнейших народных восстаний, в ходе которого был лишен кафедры Арсений, обвиненный в незаконном избрании и сговоре с князем, а также были разграблены дворы тысяцкого Вячеслава, его брата Богуслава, владычного стольника Андрейца, Давыдка «Софейского» и липинского старосты Душильца. Последний, которого восставшие хотели повесить, нашел защиту у князя. Тогда же был избран новый тысяцкий Борис Негочевич.

Восстание 1229 г. своим острием было направлено против той части новгородского боярства, на которую опирался князь Ярослав. Действия восставших определяются в первую очередь классовой ненавистью к предержавшим власть угнетателям. Эти действия подготовлены затянувшейся дороговизной на торгу, причину которой новгородцы видят в размещении по Новгороду переяславских полков князя, неурожаем 1228 г., когда «великий дождь» не прекращался днем и ночью от Госпожина до Николина дня, общим оскудением по волостям, отмеченным в их требованиях к князю: «Поиде к нам, забожничье отложи, а судии ти по волости не слати; и на всеи воли нашей и на всех грамотах Ярославлих ть ты наш князь; или того не хоцешь, ты себе, а мы себе»³⁶. Летописец особо отмечает действия «простой чади» против архиепископа. Главную причину зла восставшие видят в союзных с князем боярах, говоря «ти князя на зло подводят», «мы братью свою есмя казнили, а князю есмя зла не створиле». Восстание завершается побегом из Новгорода обоих княжичей вместе с приставленными к ним боярами и приглашением из Чернигова на стол Михаила Всеволодовича.

Будучи вызвано главным образом классовыми причинами, восстание 1229 г. приводит к победе ту часть боярства, которая находилась в оппозиции владимирским князьям. С приходом в Новгород князя Михаила посадничество передается Внесду Водовику. Прежний посадник Иванко Дмитрович получает Торжок, но новоторжцы не приняли

³⁶ НПЛ, стр. 67, 273.

его и он укрывается у Ярослава Всеволодовича. Вокняжение Михаила Всеволодовича сопровождается актом, завершающим восстание: «И целова крест на всех грамотах Ярославлих; и вдасть свободу смердом на 5 лет дани не платити, кто сбежал на чюжою землю, а сим повеле, хто zde живеть, како уставиле преднии князи, тако платите дань». «А на Ярославлих любовницех, — добавляет летописец, — поимаша новгородци кун много и на городишанах, дворов их не грабяще, а даша то на Великыи мост»³⁷.

Сравнивая классовые и политические результаты восстания 1229 г., мы должны их резко различить и противопоставить. Народ, поднявшийся на борьбу за улучшение условий своего существования, добился успеха, и в этом, несомненно, заключается важнейший исторический результат восстания. Однако другим его результатом был разрыв военного союза с Владимиром, разрушение наиболее действенных сил, способных возглавить борьбу с экспансией извне. Союз Новгорода с Черниговом в обстановке того времени не мог стать даже слабой тенью союза Новгорода с Владимиром. Между тем союзное Чернигову боярство с Внесдом Водовиком во главе строит свои отношения с князем по той же схеме княжеского суверенитета над Новгородом.

Михаил Всеволодович, приняв новгородский стол, остается черниговским вотчинником. Он возвращается в Чернигов в том же 1229 г., оставив в Новгороде своего несовершеннолетнего сына, и из Чернигова руководит новгородской политикой. В 1230 г. Михаил ненадолго появляется в Новгороде, чтобы совершить постриги своему сыну Ростиславу и официально провозгласить его новгородским князем, и снова возвращается в Чернигов. Эта ситуация в значительной степени способствует возобновлению борьбы в Новгороде.

Снова, как и в 1229 г., боярская борьба совмещается с классовой борьбой народных масс, положение которых еще больше ухудшилось в результате нового неурожая и голодного мора. Инициатором борьбы с посадником Внесдом Водовиком теперь выступает сын бывшего посадника Твердислава — Степан, к которому присоединился с самого начала Иванко Тимошинич. После того как они «распрелись» с посадником, Иванко был избит «посадничьими паробцами» и на другой день созвал вече на Водовика. Последний в союзе с бывшим посадником Семеном Борисовичем сумел одержать верх. По его приказу тут же на вече был убит один из его противников Волос Блудкинич, обвиненный в покушении на поджог посадничьего дома. Вскоре был убит и брошен в Волхов Иванко Тимошинич, а один из заговорщиков Яким убежал к князю Ярославу Всеволодовичу, что раскрывает политические связи Степана Твердиславича и его единомышленников.

Борьба с Водовиком продолжалась в конце 1230 г. и на этот раз увенчалась успехом. 9 декабря, после того как Водовик уехал с молодым князем в Торжок, новгородцы убивают Семена Борисовича, грабят двор и села Внесда Водовика и его сторонников и дают посадничество Степану Твердиславичу, «а добыток Сменов и Водовиков разделиша по стом»³⁸. Избрание Степана Твердиславича сопровождается приглашением на новгородский стол Ярослава Всеволодовича, созвавшего вече на Ярославовом дворище и целовавшего крест «на всех грамотах Ярославлих и на всеи воли новгородчкои». Под 1231 г. летопись содержит сообщение о смерти Внесда Водовика в Чернигове³⁹.

Весьма показательны обвинения, которые были предъявлены кня-

³⁷ НПЛ, стр. 68, 274.

³⁸ НПЛ, стр. 69—70, 276—277; ПСРЛ, т. IV, стр. 29.

³⁹ НПЛ, стр. 71, 280; ПСРЛ, т. IV, стр. 29.

жичу Ростиславу при его изгнании из Новгорода перед приходом Ярослава Всеволодовича: «Какое отец твой рекл был всести на конь на воину с Въздвжениа и крест целовал, а се уже Микулинь день, с нас крепьное целования; а ты поиди прочь, а мы собе князя промыслим»⁴⁰. Если раньше молодость князя признавалась особым преимуществом, теперь интересы военного союза выступают на первый план.

Политическое лицо сторонников черниговской ориентации наглядно проявляется в событиях последующих лет. Вместе с Водовиком в Чернигов бежали многие бояре из числа его родственников и сторонников: тысяцкий Борис Негочевич, сын Водовика Петр, брат Семена Борисовича Глеб, Михаил с братом, Миша. Все эти бояре, которых летописец именует «Борисова чадь», в 1232 г. приходят к Новгороду и приводят с собой своего ставленника на новгородский стол трубчевского князя Святослава. Еще не дойдя до Новгорода, Святослав убедился, что никаких видов на княжение у него быть не может, «уразумев, яко сии солгаша», и вернулся в Трубчевск, а заговорщики утвердились в Пскове, захватили и избили там бывшего новгородского тысяцкого и Ярослава сторонника Вячеслава, передав его в Новгород только в обмен на своих жен, которых они побросали во время бегства в 1230 г. Вызвав противодействие псковичей, все эти бояре удалились в Медвежью голову, а результаты широко задуманного ими предприятия свелись к семейному празднику. Их действия можно было бы признать лишь недалекой авантюрой, если бы, находясь в Медвежьей голове, они не заключили союза с немцами против Изборска и Пскова⁴¹.

Таким образом, выступая первоначально против союза Новгорода с Владимиром, направленного к защите новгородских рубежей, сторонники Водовика в конечном счете оказываются в числе наиболее активных врагов Новгорода.

Переходя к вопросу о принадлежности группировок Степана Твердиславича и Внезда Водовика, мы очень легко могли бы быть увлечены на путь их территориального противопоставления. Действительно, Степан Твердиславич легко связывается с боярством Прусской улицы, где жили его отец, дядя и дед. Один из сторонников Водовика Семен Борисович уже известен нам как славенский боярин. Однако наблюдения над другими именами говорят, что вывод, который мог бы быть сделан на основании указанного сопоставления, неправилен. Если к славенскому боярству и принадлежал Семен Борисович, то та же принадлежность может быть указана и для сторонника Ярослава Владимировича — Судимира, которого летопись называет «Судимиром в Славне»⁴². Если в 1224 г. Иванко Тимошинич был в числе бояр, выдачи которых домогается владимирский князь, то в 1230 г. тот же Иванко Тимошинич погибает как сторонник Ярослава Всеволодовича. Проблема военного и политического союза Новгорода в сложной обстановке первой половины XIII в. перерастает проблемы территориального соперничества боярских группировок, и линии политического размежевания в 1220-х и 1230-х годах прошли не по границам традиционных сообществ, а по частотам усадеб одной и той же улицы. Показательно, что в своем рассказе о событиях рассмотренного периода летописец не дает никаких территориальных примет. Их и не могло быть, поскольку политические корни этой борьбы необычны и глубоки, хотя они и не уходят в освященную традициями борьбу старых боярских группировок. Тем решительнее должна была оказаться победа Степана Твердиславича.

⁴⁰ НПЛ, стр. 70, 274.

⁴¹ Там же, стр. 71—72, 280—281.

⁴² Там же, стр. 74, 285.

ПОСАДНИЧЕСТВО В СЕРЕДИНЕ XIII ВЕКА

Победа Степана Твердиславича оказалась столь решительной, что за все время его правления существовала лишь единственная попытка возродить внутривоеводскую борьбу — авантюра «Борисовой чади» в 1232 г. Посадничество Степана Твердиславича было первым продолжительным и прерванным только смертью посадника правлением со времени Мирошки. Заняв эту должность в декабре 1230 г., Степан остается посадником до смерти 16 августа 1243 г. Летописец точно исчисляет время его правления: «Посадничество держав 13 лет без 3 месяц». Местом погребения Степана Твердиславича стал Софийский собор, где его похоронили с почетом рядом с архиепископами Аркадием и Мартирием⁴³.

Длительность посадничества Степана Твердиславича и его почетное погребение — несомненные знаки торжества той новой боярской политики, возникновение которой мы пытались проследить, рассматривая обстоятельства посадничества Иванки Дмитровича. С вокняжением Ярослава Всеволодовича число свидетельств новой формы союзнических отношений Новгорода с владимирскими князьями множится.

Приняв новгородский стол в 1230 г., Ярослав всего лишь две недели спустя в середине января 1231 г. возвращается в Переяславль и оставляет в Новгороде своих сыновей Федора и Александра. Описывая этот акт, летописец сообщает: «(Ярослав) два сына своя посади в Новгороде»⁴⁴. Это, однако, не означает перемены в княжении. И в 1231 г. Ярослав Всеволодович остается новгородским князем, а пребывание в Новгороде его сыновей лишь выражает идею его суверенитета. В 1232 г. Ярослав идет в поход на Чернигов «с новгородци и с всею властью своею»⁴⁵, а под 1233 г., сообщая о нападении немцев на Новгородские земли, летописец отмечает: «Князю же Ярославу не сущу в Новеграде, нь в Переяславле бе»⁴⁶. Тогда же и Псков впервые строит свои отношения с князем по новой новгородской схеме. Рассказывая о переговорах псковичей с Ярославом Всеволодовичем в 1232 г., летописец изображает классическую форму суверенитета князя над городом: «Приидоша плесковици, и поклонишася князю и ркоша: «ты нашъ князь»; и испросиша у Ярослава сына Федора; и не дасть им сына, и рече им: «се даю вы шюрин свои Юрья, и то вашъ князь»⁴⁷.

Сравнивая внешние признаки отношений Новгорода и великого князя в XI в. и отношений Новгорода и Ярослава Всеволодовича во второй четверти XIII в., мы как будто обнаруживаем сходные положения. Если в XI в. на Новгород распространялся суверенитет киевского великого князя, из рук которого новгородцы получали своих князей, то теперь новгородцы признают над собой суверенитет Ярослава Всеволодовича, который сам решает, кого из своих, родственников отправить в Новгород. Если учесть при этом, что «вольность в князьях» была главным лозунгом антикняжеской борьбы на протяжении XII в., то можно было бы говорить о том, что круг антикняжеской борьбы замкнулся возвращением обеих сторон на исходные рубежи.

Однако это лишь чисто внешнее сходство. В XI в. великий князь был полным хозяином Новгорода, составлявшего лишь часть его отчины. Теперь Ярослав — лишь один из участников государственного уп-

⁴³ НПЛ, стр. 79, 297—298; ПСРЛ, т. IV, стр. 37.

⁴⁴ Там же, стр. 70, 278.

⁴⁵ Там же, стр. 71, 280.

⁴⁶ Там же, стр. 72, 282.

⁴⁷ Там же, стр. 72, 281.

равления, его власть в Новгороде решительно ограничена, а суверенитет оказывается лишь формой союза, не затрагивающей внутренних порядков республики. Более того, сама форма отношений Новгорода с Ярославом Всеволодовичем принципиально отлична от формы отношений Новгорода с киевскими князьями XI в. Ярослав Всеволодович занимал новгородский стол по избранию. Он приносил присягу «на всей правде новгородской», т. е. гарантировал свое невмешательство в республиканские порядки. Новгородцы были «вольны» в этом избрании. Что же касается княжичей, которым Ярослав поручил новгородский стол, то их положение не имеет ничего общего с положением князей-наместников XI в. Они являются личными представителями Ярослава и по своей природе близки княжеским наместникам в Новгороде XIV—XV вв. Показательно, что составитель летописного списка «А се князи Великого Новгорода» не включает княжичей Федора и Александра в число новгородских князей. В его изложении история новгородского стола в рассматриваемый период выглядит так: «...и опять Михаило Всеволодович; и посадиша сына своего Ростислава на столе, а сам Чернигову; и опять Ярослав Всеволодич; и по нем сын его Александр Храбры; и по нем брат его Андреи; и опять Александр...»⁴⁸. Можно было бы думать о случайном пропуске имени Федора, но такому предположению противоречит последующее перечисление князей.

Начало действительного княжения Александра относится не к 1230 г., когда он был оставлен в Новгороде отцом, а к 1236 г., когда Ярослав Всеволодович стал киевским князем и союз Новгорода с ним утратил первоначальный смысл. Действенная защита Новгородской земли от нападений с запада могла быть обеспечена только союзом Новгорода с соседними княжествами Северо-Восточной Руси и личным участием князей с их полками в обороне новгородских границ. Поэтому Ярославом и новгородцами княжение в Новгороде передано Александру Ярославичу (Федор умер еще в 1233 г.): «Поиде князь Ярослав из Новграда к Киеву на стол, понявши с собою новгородцов болших муж: Судимира в Славне, Якима Влунковица, Костя Вячеслалица, а новоторжець 100 муж; а в Новеграде посади сына своего Александра; и пришедши, седе в Киеве на столе; и держав новгородцов и новоторжан одну неделю и, одарив, отпусти прочь, и приидоша вси здрави»⁴⁹.

Начало княжения Александра Ярославича в Новгороде совпало с особенным усилением военной опасности. В 1237 г. в Прибалтике объединяются Ливонский и Тевтонский ордены, а в Ригу прибывают многочисленные немецкие пополнения. Активизирует свою агрессию против русских земель объединяющаяся Литва, от которой в 1237 г. сильнейшее поражение потерпел Псков, со своими союзниками. В 1238 г. Русской земле нанесен страшный удар вторым нашествием татаро-монголов, полчища которых вторглись и в Новгородскую землю, сожгли и разграбили Торжок и остановились в ста верстах от Новгорода.

В этой обстановке значение союза Новгорода с князем должно было возрасти неизмеримо. В летописном рассказе о событиях этих лет фигура князя Александра занимает центральное место. Летописец рассказывает о мерах по укреплению Новгородской земли (постройка города на Шелони), женитьбе Александра на дочери полоцкого князя, укрепившей военный союз территорий, находившихся в наиболее угро-

⁴⁸ НПЛ, стр. 471.

⁴⁹ Там же, стр. 74, 285.

жаемом положении. В 1240 г. Александр возглавляет поход новгородцев на Неву и прославляет свое имя в победоносной Невской битве.

Можно предпологать, что усиление роли князя сопровождалось уже в это время и более активным вмешательством в новгородские республиканские порядки. Во всяком случае летопись, не объясняя причин ссоры, рассказывает, что сразу же после Невской битвы Александр «роспревся с новгородци» и ушел со своим двором в Переяславль⁵⁰.

Разрыв новгородцев с Александром не повлиял, однако, на союзнические отношения Новгорода с Ярославом и Ярославичами. Нового князя новгородцы просят в Переяславле у Ярослава Всеволодовича и получают Андрея Ярославича, военные способности которого, по-видимому, не удовлетворили новгородцев, оказавшихся под угрозой нового натиска немцев. В том же году они примиряются с Александром, который в 1241 г. снова садится в Новгороде и начинает серию походов на немцев, добившись в 1242 г. решительной победы на льду Чудского озера.

Летописец ничего не сообщает о деятельности посадника Степана Твердиславича, умершего в следующем году. Личность Александра Невского целиком заслонила другие менее значительные фигуры новгородской истории того времени. Однако, несомненно, его деятельность сыграла заметную роль в общем направлении новгородской политики.

Перед посадником 1230-х годов стояла серьезнейшая политическая задача сплочения всех сил для защиты Новгорода от иноземной агрессии. Эта задача требовала выдающихся дипломатических талантов. Необходимо было преодолеть соперничество боярских группировок и повысить авторитет посадничества в глазах самого боярства. Нужно было поддерживать военный союз с князем, защищая в то же время завоевания боярской государственности. Наконец, посадничество Степана Твердиславича началось в сложной обстановке усиления классовой борьбы в Новгороде после двух сильнейших антикняжеских и антибоярских восстаний и трех неурожайных лет, приведших к голодному морю в 1231 г. Успех политики Степана Твердиславича свидетельствует о серьезном сплочении боярства перед лицом военной опасности и возросшего классового антагонизма низших слоев новгородского общества.

После смерти Степана летописец не упоминает посадников в течение 12 лет, что можно объяснить все той же определенностью политической обстановки внутри Новгорода. Посадник для летописца перестает быть выразителем основных противоречий в политической борьбе, и летописец утратил интерес к нему. Это тем более показательно, что оба летописных списка посадников называют преемником Степана Твердиславича Сбыслава Якуновича, о посадничестве которого летописи умалчивают, хотя он и был одним из главных героев Невской битвы⁵¹.

Впервые после долгого перерыва посадник упомянут в летописном рассказе о событиях 1255 г. Сами эти события весьма значительны и позволяют поставить вопрос о новых изменениях в отношениях боярства и князя. Весь промежуток от 1243 до 1255 г. заполнен в Новгороде княжением Александра Ярославича, место которого в русской княжеской иерархии постепенно изменяется.

В 1243 г. Батый, приступив к фискальной организации русских территорий, впервые официально провозглашает свой суверенитет над

⁵⁰ НПЛ, стр. 78, 294—295.

⁵¹ И. И. Григорович (Опыт, стр. 136 и сл.) говорит об убийстве татарами в Торжке в 1237 г. новгородского посадника Иванки. В действительности летопись сообщает об убийстве в 1238 г. новоторжского посадника Иванки, который, возможно, отождествляется с бывшим новгородским посадником Иванкой Дмитриевичем. Неправоммерно и утверждение И. И. Григоровича (Опыт, стр. 131 и сл.) о посадничестве в 1228 г. Судимира, или Станимира, которого источники не титулуют.

Русью и присваивает себе право утверждать великого князя. Ярлык на право старшинства над русскими князьями был им вручен Ярославу Всеволодовичу. К этому моменту Ярослав был великим князем владимирским, которым он стал со смертью Юрия в 1238 г. Несомненно, обладание владимирским столом в первой половине XIII в. уже стало синонимом наиболее сильной на Руси княжеской власти. Однако целиком утративший свое влияние Киев в это время еще оставался юридическим, номинальным центром Русской земли. В нем сохранялись митрополия и великое «русское» княжение. Поэтому право старшинства над русскими князьями для Ярослава было подтверждено передачей ему Киева, куда был отправлен воевода Ярослава Дмитрий Ейкович⁵².

30 сентября 1246 г. Ярослав Всеволодович был отравлен татарами, и в этом же году его сыновья Александр и Андрей были отправлены Батыем в Монголию, где удерживались великим кааном до 1249 г. Каан Гуюк предпринял политический шаг, которому нельзя отказать в дальновидности. Он вручил Александру Киев и «всю Русскую землю», а Андрею — Владимир. Тем самым великое «русское» княжение, которое при Ярославе сочетало в себе и фактическую и юридическую власть, теперь было разделено. Александр Ярославич стал старейшим среди русских князей, но реальная сила фактической власти оказалась в руках его брата. В 1252 г., после смерти Батыея, Александр предпринимает решительные шаги к ликвидации этого двусмысленного положения. Силами «Неврюевой рати» он вынуждает Андрея Ярославича бежать за пределы русских земель и садится на владимирское княжение.

С этого момента юридический центр «русского княжения» навсегда переносится в Северо-Восточную Русь. Деятельность Александра по объединению обеих властей несла в себе патриотическую идею единства Русской земли в эпоху ее величайших испытаний. Что касается Новгорода, то там эта деятельность приводит к закреплению новых форм отношения республиканской и княжеской власти.

Со времени возникновения союзнических отношений Новгорода и Ярослава суверенитет князя над Новгородом носил личный характер. В основе этих отношений лежал традиционный принцип «вольности в князьях». Приглашение князя не связывалось с его положением в княжеской иерархии. Ярослав в 1225 г., когда новгородцы позвали его на стол, был переяславским князем так же, как и в 1230 г., когда он сменил на новгородском столе Ростислава Михайловича. Напротив, когда Ярослав в 1236 г. занял киевский стол и тем самым приобрел номинальные права великого князя «русского», новгородское княжение переходит к его сыну, который в этот момент вообще не владел каким-либо уделом.

Иерархическая эволюция Александра Ярославича меняет схему взаимоотношений коренным образом. С 1252 г. на Новгород распространяется не только личный суверенитет Александра как участника союзнического договора с Новгородом, но и суверенитет Александра как великого князя, официального главы русских князей. Вопрос о принадлежности новгородского стола встал в связь с вопросом о принадлежности великого княжения. Мы увидим далее, как последовательно осуществляется в Новгороде принцип поддержания суверенитета великого князя.

Однако немаловажное значение имеет и другое обстоятельство. Возникновение суверенитета великого князя над Новгородом произошло в ходе событий, не имеющих прямого отношения к новгородской политике. Оно было связано с личной карьерой Александра, получившего новгородский стол в тот момент, когда он был лишь безземельным князем. Проблема признания или неприятия великокняжеского сувере-

⁵² ПСРЛ, т. II, стр. 340.

нитета поэтому могла возникнуть только в 1252 г., когда перед новгородским боярством четко обозначились два возможных пути развития его государственности: путь признания суверенитета великого князя, преимуществва которого для боярства заключались в общей слабости, практической номинальности великокняжеской власти в эпоху еще не начавшегося собирания русских земель и удаленности Новгорода от великого князя⁵³, и сепаратистский путь неприятия этого суверенитета, «вскармливания» и поддержки собственного князя, который был бы обязан своим положением новгородскому боярству.

Поскольку эта проблема не только возникла, но и породила в Новгороде внутреннюю борьбу, можно полагать, что сама острота ситуации вызвана тем, что великокняжеская власть и новгородское княжение совместились именно в руках Александра, личный авторитет которого особенно усиливал позиции княжеской власти в Новгороде.

Сделавшись в 1252 г. великим князем, Александр оставляет на новгородском столе своего сына Василия, с которым в 1253 г. новгородцы совершают поход к Торонцу на Литву⁵⁴. Список новгородских князей не упоминает Василия Александровича, который был только наместником Александра; ряд Александра с новгородцами сохраняет свою силу и после 1252 г.

В 1255 г. новгородцы изгоняют Василия и приглашают на его место из Пскова брата Александра Невского и союзника изгнанного Андрея — Ярослава Ярославича. Эти перемены вызвали поход Александра на Новгород и события, в изложении которых летописец впервые достаточно определенно противопоставляет «менших» и «вятших» людей. Вполне очевидно, что изгнание Василия в действительности было разрывом с Александром, выступлением против суверенитета великого князя над Новгородом и выбором сепаратистского пути.

В ответ на требование Александра выдать ему виновников изгнания его сына «меньшие» собрались на вече у св. Николы, т. е. на Ярославовом дворище, и дали клятву «како встати всем, любо живот, любо смерть за правду новгородскую, за свою отчину». У «вятших» «бысть совет зол, како победити меншии, а князя ввести по своей воле». Внук Твердислава Михалко Степанович, который был назначен «вятшими» в посадники, попытался напасть на «менших», что едва не привело к компромиссу между «вятшими» и посадником Онанией, стоявшим на стороне «менших». Онания — сторонник Ярослава Ярославича и один из вдохновителей борьбы с Александром, поскольку великий князь в обмен на прощение требует от новгородцев только лишения его посадничества и избрания посадником Михалки Степановича. Новгородский стол он оставляет за собой и, уходя из Новгорода, не сажает на нем наместника⁵⁵.

Противопоставление «менших» «вятшим», совпадающее с политическим размежеванием новгородцев, часть которых сплотилась вокруг Александра Невского и идеи суверенитета великого князя, а другая часть — вокруг Ярослава и сепаратистской идеи независимого новгородского княжения, нуждается в социальной характеристике. Носило ли это противопоставление классовый характер? С какими слоями новгородского общества отождествляются «меньшие» и «вятшие»? М. Н. Ти-

⁵³ Вспомним слова А. С. Пушкина: «Новгород на краю России и соседний ему Псков были истинные республики, а не общины (communes), удаленные от Великокняжества и обязанные своим бытием сперва хитрой своей покорности, а потом слабости враждующих князей». А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах, изд. 2, т. VII. М., 1958, стр. 621.

⁵⁴ НПЛ, стр. 80, 307.

⁵⁵ НПЛ, стр. 80—81, 307—308; ПСРЛ, т. IV, стр. 38; т. V, стр. 188; т. VII, стр. 160.

хомиров, подробно исследовавший восстание 1255 г., приходит к безоговорочному отождествлению «менших» и «черных» людей и характеризует восстание как классовое столкновение черного люда с боярством, в котором классы последовательно противостоят один другому. «Историк классово́й борьбы в древней Руси, — пишет М. Н. Тихомиров, — в первую очередь должен отметить необыкновенно четкое деление Новгорода на две враждующие стороны: с одной стороны — «меньшие», с другой — «вятские» люди, замышляющие против «менших» «совет зол», враждебный заговор. В этом делении нет и намека на борьбу концов или сторон Торговой и Софийской, это деление чисто классовое: «меньшие» и «вятские». При этом летопись отождествляет «меньших людей» с «черными людьми», следовательно, с основной массой трудящегося новгородского люда»⁵⁶.

Этот вывод, однако, содержит некоторые противоречия. Во-первых, летописец достаточно ясно изображает территориальное противопоставление сторон в ходе борьбы. «Меньшие» связаны с Торговой стороной Новгорода. Здесь они собираются на вече; с защитой Торговой стороны связана и система обороны «менших», которые выставляют полк у церкви Рождества на Поле и у церкви св. Ильи против Городища; наконец, летописец прямо говорит о том, что Михалко Степанович со своим полком собрался от Юрьева монастыря напасть на «нашу сторону». Это территориальное разграничение «менших» и «вятских» еще откровеннее будет изображено в рассказе о событиях 1259 г. Далее, возглавивший «совет зол» «вятских людей» Михалко Степанович связан с боярством Прусской улицы, которое в посадничестве представляли уже три поколения его предков. Если роль территорий в ходе столкновения 1255 г. несомненна, то у нас нет никаких оснований предполагать, что на Торговой стороне во время восстания сконцентрировался только черный люд, а на Софийской — все боярство. Напротив, на стороне восставших остаются посадник и, как можно догадываться, та часть боярства, которая выступала против Александра Невского. Летописец вовсе не отождествляет «менших» и «черных» людей. Напротив, активное вмешательство черных людей вызывает колебания посадника Онании, который предупреждает Михалку и оказывается вынужденным защищать жизнь своего посла Якуна от черных людей. Все это заставляет давать иное истолкование социальной сущности «менших».

Прямое отношение к этой проблеме имеют некоторые статьи новгородских княжеских докончаний, в которых отражено аналогичное разделение новгородского общества на «старейших» и «менших». Это разделение присуще начальным формулам большинства докончаний второй половины XIII и XIV вв.: «Благословение от владыце, поклон от посадника, и от тысяцкого, и от всех старейших, и от всех меньших, и от всего Новагорода господину князю...»⁵⁷. Поскольку в других случаях та же формула выражена в сокращенном варианте: «Благословение от владыкы, поклон от посадника, и от тысяцкого и от всего Новагорода князю...»⁵⁸, можно с уверенностью говорить, что деление на «старейших» и «менших» отражает основное юридическое членение новгородского общества, которое состояло только из «старейших» и «менших». Иными словами, теоретически допустимы два возможных решения проблемы. Если «старейшие», или «вятские», отождествляются с боярами, то понятие «меньшие» должно охватывать все остальные категории населения

⁵⁶ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания, стр. 268.

⁵⁷ ГВНИП, стр. 19, № 9; ср. № 2, 3, 6, 7, 10, 15.

⁵⁸ Там же, стр. 18, № 8; ср. № 4, 5, 11—14, 16, 18.

Новгорода, включая не только черных, но также житых и купечество. Если же «меншие» является синонимом черных людей, то под «старейшими», или «вятшими», следует понимать не только бояр, но и житых. Правильность такого подхода подтверждается тем обстоятельством, что в начальных формулах позднейших договоров выражению «от всех старейших и от всех меньших» соответствует более подробное перечисление: «от бояр, и от житых людей, и от купцов, и от черных людей»⁵⁹.

Указания для правильного решения поставленной проблемы, на наш взгляд, содержатся в принципиальном тождестве ранних формул: «от всех старейших и всех меньших и от всего Новгорода» и «от посадника и от тысяцкого и от всего Новгорода». В последнем случае упоминанием посадника и тысяцкого обозначено представительство от тех же «старейших» и «меньших». Характер представительства этих двух должностных лиц для рассматриваемого времени достаточно ясен. Если посадник возглавлял боярское управление, то место тысяцкого четко обозначено в «Рукописании Всеволода»: тысяцкий был представителем житых и черных людей. Следовательно, связывая «старейших», или «вятших», с боярством, мы в «меньших» должны видеть всю совокупность остальных слоев Новгорода, не пользовавшихся правом участия в высшем государственном органе.

Следует обратить особое внимание на несомненное существование кастовости новгородского боярства в XIII в. Наблюдения над списками посадников и тысяцких этого времени показывают, что эти списки не пересекаются. Имена посадников постоянно соединяются между собой линиями генеалогических связей, но все имена тысяцких стоят вне системы этих связей. Кастовая изолированность боярства еще более углубляет рубеж, отделяющий его от «меньших».

Принадлежность житых к «меньшим» подтверждается также сравнением двух документов, которые относятся к более позднему времени, но, отражая динамику развития социальных терминов в Новгороде, могут быть использованы и в данной связи. Мы имеем в виду «Устав Ярослава о судах святительских», сохранившийся в редакциях не ранее рубежа XIV—XV вв., и Новгородскую судную грамоту XV в.

В «Уставе Ярослава» проведено четкое деление между «великими боярами» и «меньшими боярами». Ставки штрафов за оскорбление жен и дочерей «великих» бояр в пять раз превосходят ставки штрафов за аналогичные оскорбления жен и дочерей «меньших» бояр⁶⁰. Ниже «меньших» бояр в том же уставе стоят «нарочитые люди» и «простая чадь». Принято считать, что терминология документа является целиком заимствованной из болгарского права⁶¹. Однако даже при таком заимствовании терминология, чтобы не стать бессмысленной, должна соответствовать реальным социальным градациям русского общества. Это соответствие прослеживается и в Новгородской судной грамоте, где установлено следующее взыскание за наводку: «На виноватом на боярине 50 рублев, а на житьем двадцать рублев, а на молодшем десять рублев»⁶². По смыслу законодательства цитированная статья охватывает лишь категории феодалов и не включает в перечисление категории со-

⁵⁹ В самой ранней формуле такого типа упоминание купцов отсутствует — 1372 г. (ГВНиП, № 17, 21).

⁶⁰ НПЛ, стр. 481, 483. «Аще кто умчит девку или понасилит, аще боярская дщи будеть, за сором ей 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота. Аще будеть меньших бояр, ей гривна золота, а митрополиту гривна золота...» и другие аналогичные статьи.

⁶¹ См. С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 214.

⁶² «Памятники истории Великого Новгорода», под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909, стр. 58.

циально зависимых людей. И здесь штрафы «молодших» в пять раз меньше штрафов бояр. Жить в Судной грамоте занимают промежуточное положение между боярами и молодшими («меншими»), однако соответствующая им градация в «Уставе Ярослава» отсутствует вообще. Принадлежность этой категории к социальным новообразованиям XIV в. уже отмечалась в литературе⁶³.

Сравнивая все эти показания, мы склоняемся к выводу о том, что под «меншими» XIII в. следует понимать ту часть феодалов-вечников, которые были лишены права участия в высшем республиканском управлении и противопоставлялись «вятшим», или «великим», боярам, а в дальнейшем своем развитии выделили из себя категорию житых. Повидимому, «простая чадь», или «черный люд», уже в XIII в. отличался от «менших», занимая низшую сравнительно с ними ступень социальной лестницы. Нам еще предстоит вернуться к этой проблеме.

Предложенная социальная характеристика «менших» и «вятших» людей не противоречит и сведениям о территориальном делении «менших» и «вятших» в ходе восстания 1255 г. Если обособление «вятших» связано в первую очередь с преимущественным участием верхушки класса землевладельцев в государственном управлении, особая связь «вятших» с Софийской стороной в середине XIII в. закономерна, так как республиканское управление в первой половине XIII в. находилось главным образом в руках боярства Прусской улицы.

В связи с этим большое значение имеет вопрос о сущности летописного термина «совет зол». Исследователи вкладывают в этот термин эмоциональную окраску, видя в нем выражение сочувствия летописца «меншим» людям. М. Н. Тихомиров переводит его как «враждебный заговор». В самом деле, в той части летописи, которая повествует об Онаньи, сочувствие летописца явно на стороне «менших» людей. Сам летописец связан с Торговой стороной, которую он называет «нашей стороной». Это сочувствие остается неизменным и в той части рассказа, которая излагает события 1256—1257 гг.

В 1256 г. новгородцы посылают за Александром, который во главе новгородского войска совершает поход на Емь, после чего оставляет на новгородском столе наместником Василия Александровича. В 1257 г. в Новгород приходит весть о намерении татар взять на новгородцах тамгу и десятину, «и смутишася людие чрес все лето». В начале сентября умер бывший посадник Онанья, а зимой был убит посадник Михалко Степанович, по поводу чего летописец замечает: «Аще бы кто добру другу чинил, то добро бы было; аще кто под другом яму копает, сам ся в ню впадет». По приходе татарских послов князь Василий Александрович бежал в Псков, а новгородцы отказались платить тамгу и десятину, вручив посламу только подарки хану. Александр Невский выгоняет Василия из Пскова и отправляет в Низовские земли, расправившись также с неким Александром и его дружиной, сопровождавшими татарских послов в Новгород и не добившимися там успеха. По этому поводу летописец снова замечает: «Всяк бо зло дея, зле да погибнет». Посадничество получает Михаил Федорович, приведенный из Ладоги⁶⁴.

Однако весь следующий кусок летописи принадлежит иному летописцу, который живет на Софийской стороне и сочувствует «вятшим» людям. Под 1259 г. рассказывается о том, что татарские баскаки вновь появляются в Новгороде, теперь уже в сопровождении самого Александра Невского. В Новгороде начинается «мятежь велик», «тогда из-

⁶³ См. В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в., стр. 166.

⁶⁴ НПЛ, стр. 82, 309; ПСРЛ, т. IV, стр. 38.

двоишася людие: кто добрых, ть по святой Софеи и по правои вере; и створиша супор, вятший велят ся няти меньшим по числу». Снова выступает на сцену «совет зол»: «И умыслиша свет зол, како ударити на Новгород на ону сторону, а друзии озером на сю страну», однако теперь «совет зол» оказывается на одной стороне с летописцем. Вооруженного столкновения между сторонами не произошло: «И убоявъшися, почаша ся возити на одну страну к святеи Софеи, ркуще: «положим главы своя у святеи Софеи». Князь и баскаки съезжают с Городища, угрожая Новгороду войной, и тогда новгородцы соглашаются на перепись «злых советом». Летописец находится здесь в трудном положении, он не может сочувственно относиться к татарам и поддержавшему их князю Александру, он записывает речи «менших». «Творяху бо себе бояре легко, а меншим зло». Однако он стремится выгородить и бояр: «И почаша ездити окаанныи по улицам, пишуще домы крестьяньския: зане навел бог за грехы наша ис пустыня звери дивия ясти силных плоти и пити кровь боярскую»⁶⁵. Трудно представить себе, что, придерживаясь сочувственной боярам версии, летописец и здесь приравнивает «совет зол» — «совету злых».

Мы убеждены в том, что термин «совет зол» не является способом выражения симпатий и антипатий летописца. И. И. Срезневский в своем «Словаре» для слова «зъло=зло» указывает несколько значений, в одном из которых это слово является лишь другим написанием слова «зъло». Чрезвычайно близки по написанию и слова «зълыи» (злой) и «зълыи» (сильный, превосходящий)⁶⁶. Последнее по существу является синонимом понятию «вятший». Применение термина «совет зол» в столь разнородных по своей эмоциональной окраске текстах позволяет думать, что в действительности речь в них идет о совете «зелых», т. е. тех же «вятших» бояр, что не было понято позднейшим редактором свода.

Политика «вятших» бояр в период великого княжения Александра Ярославича определяется достаточно четко. Боярская верхушка, сосредоточившая в своих руках высшую государственную власть, избирает путь поддержки великого князя и признания его суверенитета над Новгородом. Если в первые годы после занятия Александром великокняжеского стола внутри правящего боярства еще имеются колебания, которые приводят к конфликту между посадником Онаньей и советом «вятших» бояр, теперь идея суверенитета великого князя разделяется представителями разных групп боярства. «Вятшие» бояре безоговорочно поддерживают Александра Ярославича в 1259 г., хотя посадничество в это время принадлежит человеку, который пришел к власти в тот момент, когда Новгород вступил в конфликт с Александром и разделался с его ставленником Михалкой Степановичем.

Устремления этой политики могут быть оценены с разных точек зрения. Признание суверенитета великого князя над Новгородом вело к консолидации наиболее действенных сил, способных организовать оборону Северо-Западной Руси от иноземного вторжения, и таким образом выполняло одну из важнейших государственных задач. Оно практически ликвидировало отдельное новгородское княжение и укрепило позиции боярства во внутреннем управлении Новгорода. Если при этом мы учтем, что признание суверенитета Александра над Новгородом явилось в то же время и союзом крупнейших феодалов с наиболее реальной военной силой вне Новгорода и что заключение этого союза совпало с усилением внутренней классовой и политической борьбы в Нов-

⁶⁵ НПЛ, стр. 82—83, 310—311.

⁶⁶ См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 1000—1014.

городе, когда «вятшее» боярство столкнулось не только с «простой чадью», но и с «меншим» боярством, то мы должны будем признать, что политика «вятших» целиком отвечала их классово-задаче.

Очевидно, что взаимоотношения республиканской и княжеской власти в этот период становятся весьма сложными и противоречивыми. Добившись практического ослабления княжеской власти в Новгороде, боярство в то же время вынуждено использовать помощь князя в своей внутренней политической и социальной борьбе и идти на уступки князю. Обратившись к некоторым позднейшим документам, мы обнаружим в них прямые указания на то, что такие неизбежные уступки были сделаны. Во всех договорах Новгорода с преемником Александра — Ярославом Ярославичем — имеется пункт о злоупотреблениях Александра: «А что был отъял брат твой Александр позже, а то ти, княже, не надобе. А что, княже, брат твой Александр деял насилие на Новгороде, а того ся, княже, отступити»⁶⁷.

ПОСАДНИКИ 1260—1280-х годов

После завершения татарской переписи в 1259 г. Александр Ярославич уходит из Новгорода во Владимир и оставляет на новгородском столе своего сына Дмитрия. Дмитрий Александрович, подобно своему предшественнику Василию, не был самостоятельным князем и участником ряда с новгородцами. До смерти Александра 14 ноября 1263 г. он лишь представляет своего отца, на что, в частности, указывает начальная формула договора Новгорода с немцами, заключенного после похода на Юрьев в 1262 г.: «Се аз князь Олександр и сын мой Дмитрии с посадником Михаилом, и с тысяцьким Жирославом, и с всеми новгородци и т. д.»⁶⁸. Имя Дмитрия Александровича отсутствует и в соответствующей части списка новгородских князей.

Однако особый ряд Дмитрия с Новгородом не был заключен и после смерти Александра Невского. Новгородцы, по-видимому, выжидают, как будет решен в Орде вопрос о великом княжении. В начале 1264 г. этот вопрос решается в пользу Ярослава Ярославича. Новгородская реакция на это решение говорит о торжестве принципа великокняжеского суверенитета над Новгородом⁶⁹.

Начало новгородского княжения Ярослава Ярославича принято датировать 27 января 1265 г.⁷⁰. Однако мы не можем согласиться с правильностью этой датировки. В Новгородской Первой летописи сообщение о смерти Александра записано под 6771 г., что соответствует мартовскому счислению. Сообщение об изгнании Дмитрия помещено там под 6772 г., а о вручении Ярославу новгородского стола — 27 января под 6773 г. Рассказ 6776 г. придерживается ультрамартовского цикла, поскольку сообщение о Раковорской битве 18 февраля 1268 г. приходится здесь на конец 6776 г. В дальнейшем ультрамартовского счисления летописный рассказ придерживается вплоть до 6782 или 6783 г.⁷¹.

⁶⁷ ГВНИП, стр. 10—12, № 1—3.

⁶⁸ Там же, стр. 56, № 29.

⁶⁹ НПЛ, стр. 84, 313.

⁷⁰ См. А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. «Проблемы источниковедения», V. М., 1956, стр. 302.

⁷¹ Под 6779 г. говорится о солнечном затмении «в неделю 5 недели поста» (НПЛ, стр. 89, 321), что соответствует 31 марта 1270 г. Под 6782 г. имеется сообщение о смерти архиепископа Далмата 21 октября в субботу (НПЛ, стр. 322); суббота 21 октября была в 1273 г. Но уже в рассказе 6784 г. употреблен снова мартовский стиль, так как здесь говорится о приходе архиепископа Климента в Новгород с поставления 2 августа «в неделю», а воскресенье 2 августа соответствует 1276 г.

Следовательно, стык мартовского и ультрамартовского кусков падает на одну из дат между 6771 и 6776 г. А. А. Зимин, обратив внимание на то обстоятельство, что, в отличие от Новгородской летописи, Московский свод конца XV в. относит вокняжение Ярослава к 6772 г., полагает, что Московский свод употребляет мартовское, а Новгородский — ультрамартовское счисление, что соответствует 1265 г. Однако последовательное сравнение обоих сводов показывает, что в рассматриваемой части они придерживаются одного и того же счисления, только в Московском своде фраза о вокняжении Ярослава перенесена из начала 6773 г. в конец 6772 г., как анахронистическая, поскольку январское событие, описанное ранее всех остальных событий года, может относиться только к предшествующему году.

С другой стороны, псковские летописи, пользуясь мартовским счислением, относят начало княжения Довмонта к 6773 г.⁷², тогда как в Новгородской Первой летописи и в Московском своде это событие датировано 6774 г.⁷³, что указывает на употребление в обоих сводах ультрамартовского счисления в 6774 г. Таким образом, получается, что 6774 г. в Новгородской Первой летописи соответствует 1265—1266 гг., 6773 г. — 1264—1265 гг., начинаясь с изложения январского события 1264 г., а на долю 6772 г. остается промежуток от смерти Александра в ноябре 1263 г. до приглашения Ярослава в январе 1264 г., т. е. часть событий, относящихся к предшествующему 6771 мартовскому году. Такое наложение неизбежно при сведении разных летописных кусков, использующих различные годовые циклы.

Предложенный расчет подтверждается и обращением к акту, содержание которого имеет прямое отношение к событиям первой половины 1260-х годов. Мы имеем в виду договорную грамоту Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле, которая была заключена после победоносного похода новгородцев на Юрьев осенью 1262 г. от имени Александра, Дмитрия, посадника Михаила и тысяцкого Жирослава⁷⁴. Эта грамота отличается двумя бросающимися в глаза особенностями ее утверждения. Во-первых, она скреплена двумя идентичными сериями печатей князя, архиепископа и «всего Новгорода», причем одна серия оттиснута на свинцовых, а другая на серебряных позолоченных кружках. Во-вторых, ее княжеские печати принадлежат Ярославу Ярославичу и противоречат авторству документа.

В литературе имелись попытки объяснить это несоответствие особой ролью Ярослава Ярославича в походе под Юрьев. Ярослав, будучи старейшим из участников похода, скрепил договор своими печатями, так как самого Александра, отправившегося в это время в Орду, не было налицо⁷⁵. Это объяснение до некоторой степени подкрепляется версией древнейшей редакции жития Александра Невского⁷⁶. Однако оно противоречит и показаниям Новгородской летописи, в которой предво-

⁷² «Псковские летописи», вып. I. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 13; вып. II. М., 1955, стр. 16.

⁷³ НПЛ, стр. 314; ПСРЛ, т. XXV, стр. 146.

⁷⁴ ГВНИП, стр. 56, № 29.

⁷⁵ См. Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, стр. 40; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1, стр. 259.

⁷⁶ «Великий жъ князь Александр Ярославичъ поиде к цареви, дабы отмолил люди от беды, а брата своего меньшаго Ярослава и сына своего Дмитрея посла с Новгородцы на Западныя страны и вся полки своя с ними отпусти. Поиде жъ Ярослав с сыновцем своим в силе велице и плениша град Юрьев Немецкый и возвратишася во свояси со многым полоном и с великою честью». См. С. Бугославский. К вопросу о первоначальном тексте жития великого князя Александра Невского. «Известия ОРЯС», т. XIX, 1914, стр. 288.

дителем новгородцев назван Дмитрий Александрович, а Ярослав выступает лишь в роли военачальника «своих мужей», и самому существу взаимоотношений Новгорода и князя. Остается непонятным, почему вопреки существованию собственно новгородского княжеского управления акт утвержден лицом, юридически посторонним этому управлению.

По-видимому, отмеченные противоречия объясняются проще. Ратификация акта могла быть отложена до возвращения из Орды Александра Невского, а затем до решения судьбы великокняжеского и новгородского столов. Грамота была утверждена в тот момент, когда все эти проблемы были решены, т. е. с вокняжением Ярослава в Новгороде. Думается, что и необычное дублирование печатей при одном акте применено как средство дополнительного подтверждения по существу анахронистического документа. Вместе с тем нельзя не признать, что, допуская самую возможность длительного княжения Дмитрия с ноября 1263 г. по конец 1264 г., мы остановимся перед недоуменным вопросом о статусе Дмитрия, который уже не мог представлять умершего новгородского князя и сам не стал князем. Напротив, этот вопрос снимается признанием кратковременного промежутка между княжениями Александра и Ярослава (ноябрь 1263—январь 1264 гг.).

В промежуток между великими княжениями Александра и Ярослава новгородцы предпринимают некоторые шаги к отмене злоупотреблений Александра (в частности, бежичане и обонещы на три года освобождаются от суда), раздаются некоторые волости, однако на несамостоятельное положение Дмитрия в Новгороде указывает уже тот факт, что, отмечая указанные мероприятия, новгородцы не титулуют его⁷⁷.

Существует возможность предположительно определить территориальную принадлежность посадника Михаила Федоровича. Избранный во время конфликта новгородцев с Александром Невским после убийства прусского боярина Михалки Степановича и ставший затем инициатором приглашения Ярослава Ярославича и поддержания великокняжеского суверенитета по отношению к Новгороду после смерти Александра, он в своей политике близок посаднику Онанье, который был связан с Торговой стороной. Разумеется, приведенная параллель вовсе не позволяет приходить к сколько-нибудь категорическим выводам. Однако имеется еще одно косвенное указание.

В исторической литературе хорошо известен так называемый «Устав Ярослава князя о мостех», который различными исследователями связывался буквально со всеми новгородскими князьями, носившими это имя. Из пяти претендентов на авторство: Ярослава Мудрого, Ярослава Мстиславича (1176—1177 гг.), Ярослава Владимировича (1182—1184, 1186—1196, 1197—1199 гг.), Ярослава Всеволодовича (1215—1216, 1222—1223, 1224—1229, 1230—1236 гг.) и Ярослава Ярославича (1264—1271 гг.), первые два безусловно отпадают, поскольку их авторству противоречат такие хронологические приметы «Устава», как упоминание церкви Бориса и Глеба, построенной в XII в., упоминание тысяцкого. Что касается трех последних претендентов, то Б. А. Рыбаков склоняется к датировке «Устава» временем Ярослава Всеволодовича⁷⁸, М. Н. Тихомиров относит к тому же времени интерполяцию с перечислением новгородских сотен, а самый «Устав» относит ко времени Ярослава Владимировича⁷⁹, А. А. Зимин датирует ту же интерполяцию и

⁷⁷ ГВНиП, стр. 9—13, № 1—3.

⁷⁸ См. Б. А. Рыбаков. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. «Истор. зап.», № 2, стр. 144 и далее.

⁷⁹ См. М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 145 и сл.

вместе с тем существующую редакцию «Устава» временем не позднее 1268 г., т. е. княжением Ярослава Ярославича⁸⁰. Рассмотрим основания этих датировок, начав с интерполяции, датирующие возможности которой наиболее очевидны.

В ней перечисляются новгородские сотни, поименованные именами сотских. Десять городских сотен названы следующим образом: «1-я Давыжа ста, 2-я Слепчева ста, 3-я Бовыкова ста, 4-я Олексина ста, 5-я Ратиборова ста, 6-я Кондратова ста, 7-я Романова ста, 8-я Сидорова ста, 9-я Гаврилова ста, 10-я Княжа ста»⁸¹.

Б. А. Рыбаков в своей датировке прибегает к способу, на наш взгляд, весьма спорному и методически неточному. Он пытается отождествить сотских с различными деятелями, упомянутыми в летописи по любым поводам, хотя большинство названных здесь имен принадлежит к числу самых распространенных в Новгороде. Проследим за его аргументацией. Давид сопоставлен исследователем со стольником новгородского владыки, упомянутым под 1228 г.; Олекса — с Олексой Путиловичем (1215 г.), Олексой Прокопиничем (1200 г.), Олексой Сбыславичем (1207 г.); Ратибор — с тысяцким Ратибором (1269—1270 гг.); Кондрат — с тысяцким Кондратом (1265—1268 гг.); Роман — с боярином Романом Михайловичем (1252 г.) и Романом Болдыживичем (1270 г.); Сидор — с хутынским игуменом (1243 г.); Гавриил — с Гаврилой Олексиничем (1240 г.), Гаврилой с Лубяницы (1228 г.), Гаврилой Игоревичем и Гаврилой Милятиничем (1216 г.). Имена Бовыка и Слепца в летописи не отыскиваются. Сопоставляя эти имена и принимая во внимание, что Кондрат и Ратибор при Ярославе Ярославиче были уже тысяцкими, Б. А. Рыбаков приходит к выводу, что связующим элементом для них является время князя Ярослава Всеволодовича.

Мы видим, что датировка документа, таким образом, поставлена в зависимость только от степени полноты летописного рассказа, а аргументация не дает никакой уверенности в действительном тождестве имен. Далее Б. А. Рыбаков предпринимает попытку еще более уточнить дату документа и связывает его возникновение с постройкой Великой моста около 1230 г., когда в короткое княжение Михаила Черниговского средства на постройку моста были отобраны у сторонников Ярослава, в силу чего перед сменившим Михаила Ярославом встала необходимость компенсировать потери своих сторонников и разверстать сбор средств по сотням. Между тем, связывая сотских с периодом княжения Ярослава Всеволодовича, сам исследователь показывает, что те бояре, которых он отождествляет с сотскими, как раз и были в своем большинстве сторонниками Ярослава или лицами, ему обязанными.

Подвергая сомнению общую методическую правильность сопоставления имен, мы должны заметить, что Б. А. Рыбаковым для сопоставлений были привлечены не все имена. Назовем, в частности, Гаврилу Кыяниновича (1270 г.), Олексу Морткинича (1270 г.), деятельность которых относится ко времени Ярослава Ярославича. Вместе с Ратибором, Кондратом, Романом Болдыживичем они составляют группу, тяготеющую к более поздней дате.

Однако в основу датировки «Устава о мостех», по нашему мнению, должен лечь иной принцип. Наличие среди имен сотских двух имен, принадлежавших позднее тысяцким, указывает на весьма важное и логически закономерное обстоятельство. Кандидатами на должность тысяцкого в Новгороде были сотские. Обе должности принадлежат к одной

⁸⁰ «Памятники русского права», вып. I, стр. 213 и сл.

⁸¹ НПЛ, стр. 507.

и той же системе управления, являясь двумя ступенями административной иерархии. Поэтому наиболее поздней возможной датой интерполяции может быть только год избрания Кондрата или Ратибора на должность тысяцкого, иными словами, год, в который Кондрат или Ратибор перестали быть сотскими.

В списке новгородских тысяцких интересующие нас имена изложены в таком порядке: «...Вячеслав, Борис Негочевич, Микита Петрилович, Клим, Жирохне, Кондрат, Ратибор Клукович...»⁸². Вячеслав был лишен тысяцкого в 1228 г., когда на его место избрали Бориса Негочевича⁸³. В 1230 г. тысяцкое во время переворота в пользу Ярослава перешло к Миките Петриловичу⁸⁴. Под 1234 г. упоминается о гибели тысяцкого Феда Якуновича⁸⁵, пропущенного в списке. Тысяцкий Клим фигурирует в рассказе 1255 г.⁸⁶ Жирохне, или Жирослав, был избран в 1257 г.⁸⁷, его тысяцкое продолжается и в 1262 г., поскольку Жирослав является одним из авторов договора этого года⁸⁸. О тысяцком Кондрате летопись сообщает только в связи с Раковорской битвой 18 февраля 1268 г., в которой он пропал без вести⁸⁹; от его имени заключены также два окончания Новгорода с Ярославом Ярославичем (после 27 января 1264 г.)⁹⁰. Наконец, Ратибор Клукович избран в 1268 г. на место Кондрата⁹¹.

Прилагая эти сведения к «Уставу о мостех» и его датировке, предложенной Б. А. Рыбаковым, мы должны удивляться не столько тому, что в числе сотских, относящихся, по мнению Б. А. Рыбакова, к началу 1230-х годов, оказываются лица, которые стали тысяцкими лишь спустя 30—40 лет, сколько отсутствию в числе сотских таких лиц, которые стали тысяцкими гораздо раньше и были сотскими в тот момент, к которому Б. А. Рыбаков относит составление «Устава». Имеем в виду Феда Якуновича и Клина.

Следуя по указанному пути, мы приходим к неизбежному выводу, что «Устав» был составлен в тот момент, когда тысяцким был Жирослав: его имени уже нет в наименованиях сотен, но его непосредственные преемники Кондрат и Ратибор еще были сотскими. Переход тысяцкого от Жирослава к Кондрату приходится на самое начало княжения Ярослава Ярославича, этим временем и датируется вставка в «Уставе о мостех». Однако у нас нет, по-видимому, особых оснований отрывать время составления собственно «Устава» от времени исчисления сотен. Это исчисление, имевшее практическое значение и отразившееся во всех существующих списках «Устава о мостех», могло быть сделано на полях оригинального документа. М. Н. Тихомиров усматривал большую древность собственно «Устава» на том основании, что в нем упоминается княжеский участок, совпадающий с местоположением Ярослава дворища, однако тем же исследователем приведены материалы, которые свидетельствуют о существовании такого участка и во второй половине XIII в.⁹² Сосуществование князя Ярослава и сотского Кондрата заставляет относить самый ранний договор Новгорода с Ярославом Ярослави-

⁸² НПЛ, стр. 472.

⁸³ Там же, стр. 67, 273.

⁸⁴ Там же, стр. 70, 273.

⁸⁵ Там же, стр. 73, 284.

⁸⁶ Там же, стр. 81, 308.

⁸⁷ Там же, стр. 82, 309.

⁸⁸ ГВНИП, стр. 56, № 29.

⁸⁹ НПЛ, стр. 86—87, 317—318.

⁹⁰ ГВНИП, стр. 9—10, № 1—2.

⁹¹ НПЛ, стр. 88, 319.

⁹² См. М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 145.

чем⁹³ не к моменту его вокняжения, а к несколько более позднему времени, так как в нем Кондрат называется уже тысяцким⁹⁴.

Признавая «Устав о мостех» документом, составленным около 1264 г., мы тем самым должны отождествить упомянутого в нем, но не названного по имени посадника с Михаилом Федоровичем, который посадничал с 1257 по 1268 г. «Устав» возлагает на этого посадника обязанность по мощению улиц между «вошниками», т. е. церковью Ивана на Опоках, и Великим рядом, — местности, расположенной именно в Славенском конце Торговой стороны. В дальнейшем мы подтвердим эту принадлежность Михаила Федоровича позднейшими материалами.

В посадничество Михаила Федоровича правящая боярская верхушка предпринимает меры к упрочению своего положения. В самом начале княжения Ярослава идет работа по составлению нового формуляра докончальной грамоты с князем, в котором предусмотрена не только новгородская «старина и пошлина», но и гарантия от повторений княжеского насилия. Степень участия князя в новгородском внутреннем управлении строго регламентируется.

Одним из важнейших направлений, по которому развивается в это время антикняжеская борьба боярства, является стремление к независимости от князя новгородского войска и военной политики. В 1265 г. новгородцы отказываются участвовать в походе Ярослава на Псков и заставляют его вернуть свои полки в Тверь. В 1266 г. новгородский поход на Литву возглавлен не князем Ярославом и не его наместником в Новгороде князем Юрием Андреевичем, а новгородским боярином Елферием Сбыславичем. Наконец, в 1267 г. это стремление проявляется особенно наглядно, когда предположенный княжеским наместником поход на Литву заменяется по воле новгородцев походом на немцев, завершившимся известной Раковорской битвой. Новгородские полки в этой битве возглавляет не наместник Ярослава Юрий Андреевич и не специально присланный великим князем воевода князь Святослав Ярославич, а призванный новгородцами, «сдумавшими» вместе с посадником, князь Дмитрий Александрович. Во время этого похода новгородцы понесли большие потери. В числе убитых был и посадник Михаил Федорович, которого привезли в Новгород и с почетом погребли в Софийском соборе⁹⁵. На место Михаила посадником тогда же был избран Павша Онаньич, который вопреки редкому отчеству не является сыном посадника Онаньи, что, по-видимому, было известно составителю Списка Б, не связавшему их родством.

В связи с результатами Раковорской битвы летопись излагает один сюжет, который позволяет сделать существенный вывод о новых формах организации посадничества в середине XIII в. В начале июня 1268 г.⁹⁶ в Новгород пришел великий князь Ярослав Ярославич, который предъявил новгородцам обвинение в необдуманных действиях, приведших к войне с немцами и потере множества «мужей и братья» Ярослава. Это обвинение уже не могло быть адресовано Михаилу Федоровичу, погиб-

⁹³ ГВНиП, стр. 9, № 1.

⁹⁴ Но не позднее зимы с 1265 на 1266 г., когда Ярослав уехал из Новгорода, вернувшись снова только в 1268 г. после Раковорской битвы, А. А. Зимин относит отъезд Ярослава к зиме с 1266 на 1267 г. (А. А. З и м и н. Хронология договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв., стр. 302), но, как уже отмечено выше, ультрамартовский счет присущ всему летописному отрывку с 6772 до 6782 или 6783 г., а об отъезде Ярослава сообщается под 6774 г.

⁹⁵ НПЛ, стр. 86—87, 317—318.

⁹⁶ Ярослав появился в Новгороде вскоре после недели всех святых, которая в 1268 г. была 6 июня.

шему в битве, и Ярослав называет троих новгородских бояр, повинных, по его мнению, в государственной ошибке: Жирослава Давыдовича, Мишаила Мишинича и Елферья Сбыславича, «хотя лишити их волости»⁹⁷. Вполне очевидно, что, если эти бояре делили «волость» с посадником и если они в какой-то мере ответственны за определение военной политики Новгорода, следует предполагать, что в своей совокупности они образуют какой-то совет при посаднике, заставляющий припомнить «совет зол», который сыграл значительную роль в ходе событий 1255—1259 гг.

В поддержку этого предположения может быть указано, что один из названных выше бояр — Михаил Мишинич — впоследствии стал посадником. Если участие в предполагаемом совете давало преимущественные права для избрания в посадники, то в число бояр, державших «волость» над Новгородом перед Раковорской битвой, следует также отнести, кроме погибшего посадника Михаила Федоровича, и вновь избранного посадника Павшу Онаньинича. Выясняя принцип организации боярской «волости», мы можем говорить только о территориальном представительстве от разных боярских группировок. Действительно, о вероятной славянской принадлежности Михаила Федоровича выше уже говорилось. Павша Онаньинич был основателем весьма долговечной посадничьей династии, представители которой Михайло Павшинич, Захария Михайлович, Андреян и Есиф Захарьиничи постоянно связаны с Плотничьим концом. Хорошо известна и территориальная принадлежность Михаила Мишинича, брат которого Юрий был основателем посадничьей династии, давшей Варфоломея Юрьевича, Онцифора Лукича и Юрия Онцифоровича, всецело связанных с Неревским концом. У нас нет данных о принадлежности Жирослава Давыдовича и Елферья Сбыславича, однако и установленных обстоятельств достаточно, чтобы говорить о наличии внутри правящей верхушки представителей разных территориальных групп боярства и предполагать принадлежность Елферья и Жирослава к Людину концу и Загородью⁹⁸.

⁹⁷ НПЛ, стр. 88—89 (здесь Елферий Сбыславич ошибочно назван Юрием), 318—319.

⁹⁸ В связи с вопросом о территориальном представительстве новгородского боярства в правящем органе возникает одна частная проблема, касающаяся территориальной принадлежности основателя посадничьей династии Мишиничей-Онцифоровичей. А. В. Арциховский отождествляет предка Онцифоровичей, постоянно связанных с Неревским концом, с Мишей — героем Невской битвы (А. В. Арциховский. К истории Новгорода. «Истор. зап.», 1938, № 2, стр. 110). Однако, если признать правильность этого мнения, необходимо будет согласиться с принадлежностью Михаила Мишинича к боярству Прусской улицы, поскольку деятельность всех достоверных потомков Миши Невской битвы связана с этим районом Новгорода. На принадлежность Миши к боярству Прусской улицы прямо указывает позднейший родословец Морозовых XVI—XVII вв.: «Князь великий Александр Невский побил немцев, и на том бою у него было 6 мужей храбрых, и ото тех шти мужей храбрых один был именем Михайло, а прозвище Миша, из Прусския земли, а лежит в Новгороде у Михаила Святаго, на Прусской улице» («Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова», ч. I. Изд. Костромской уч. арх. комиссии. СПб., 1901, стр. 121, 135, 343). Еще И. В. Аничков обратил внимание на то; что выезжее «пруское» происхождение многих позднейших дворянских фамилий оказывается вполне достоверным при условии, что «Прусская земля» лежит в пределах Прусской улицы Новгорода (И. В. Аничков. Историческое значение названия Прусской улицы для Великого Новгорода. Новгород, 1916). Согласно версии родословца, Миша не только происходит из «Прусской земли», но и похоронен на Прусской улице, в церкви, выстроенной Твердиславом.

Потомство Миши — Терентий, Михайло, Семен, Иван Мороз — перечислено в родословце, а также в синодике церкви Вознесения на Прусской улице в числе строителей и вкладчиков этой церкви (Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. I. М., 1860, стр. 187). Как мы уже пытались показать выше (на стр. 114), синодик самое основание церкви Вознесения связывает с деятельностью Миши и относит к 1231 г. С Прусской улицы связан и потомок Миши Иван Мороз, который в 1413 г. поставил церковь Зачатия Иоанна Предтечи на Десяти-

Образование при посадничестве территориально-представительного органа кажется нам несомненным и закономерным следствием того сплочения «вятших» бояр, которое возникло в процессе борьбы против черного люда и «менших» и укрепления идеи великокняжеского суверенитета над Новгородом, поддержанной всем «вятшим» боярством.

Прямые летописные данные указывают, что посадничество Павши Онаньинича, начавшись в феврале 1268 г., закончилось в 1272 г., когда его сменил уже известный нам Михаил Мишинич⁹⁹. Однако Список Б помещает между посадничествами Павши и Михаила посадничество вовсе не упомянутого в летописи Никиты Григорьевича. Поэтому нам следует особенно внимательно познакомиться с событиями 1268—1272 гг.

В 1269 г. Новгород переживает новую вспышку антикняжеской борьбы, вызванную целой серией «насилий» Ярослава Ярославича над Новгородом. В Новгороде начинается «мятежь велик», в ходе которого были разграблены дворы сторонников Ярослава, а князю предъявлены многочисленные обвинения: «К князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его: „Чему отъял еси Волхово гогольными ловци, и поле отъял еси заящими ловци; чему взял еси Олексин двор Мърткинич; чему поимал еси серебро на Микифоре Манушиници, и на Романе Болдыживици, и на Валфромен; а иное, чему выводилъ от нас иноземца, который у нас живут“, а того много вины его; „а ныне, княже, не можемъ тръпети твоего насилья; поиди от нас, а мы собе князя промыслим“»¹⁰⁰. Ряд других обид перечислен в грамоте конца 1269 г.: Ярослав «посудил» грамоты своего отца и брата, т. е. Ярослава Всеволодовича и Александра Невского, и «подаял» вместо них свои грамоты, отнял у Кирилла Хотунича дани с новгородского погоста, держал закладников в Торжке, вторгался в землевладение св. Софии и т. д.¹⁰¹.

Антикняжеская борьба в 1269 г., таким образом, с самого начала направлена к отрицанию идеи великокняжеского суверенитета над Новгородом, поскольку восстание начинается с изгнания князя, а не с попыток ограничить княжескую власть в рамках традиционных взаимоотношений. Возрождение и перевес сепаратистских сил, возглавивших это восстание, вполне очевидны. Ярослав сразу же по получении обвинительных пунктов присылает на вече своих послов с заявлением: «Того всего лишюся, а крест целую на всеи воли вашей». Однако новгородцы продолжают настаивать: «Княже, поеди прочь, не хотим тебе; или не идешь, сице идем весь Новгород прогонить тебе» — и посылают звать на свой стол переяславского князя Дмитрия Александровича, не захотевшего, однако, взять стола «перед стрьем своим». Выбор, который пал на князя, предводительствовавшего новгородскими полками в Раковорской битве, указывает на одну из важных причин конфликта с великокняжеской властью. На протяжении всего княжения Ярослава Ярославича новгородцы не только самостоятельно осуществляют свою военную политику, но и проводят ее вопреки князю. Военная основа союза с великим кня-

не, т. е. в Людином конце и в непосредственной близости от Прусской улицы (НПЛ, стр. 404).

Разница в территориальной принадлежности достоверных потомков Миши 1240 г. и Мишиничей-Онцифоровичей позволяет утверждать, что обе группы принадлежали к разным боярским родам и не связывать их родством.

⁹⁹ НПЛ, стр. 322. 6781 ультрамартовский год; под следующим 6782 г. сообщается о смерти Далмата 21 октября в субботу, что соответствует 1273 г.

¹⁰⁰ НПЛ, стр. 88, 319. 6778 ультрамартовский год; под следующим 6779 г. сообщается о солнечном затмении в неделю 5 недели поста, что соответствует 31 марта 1270 г.

¹⁰¹ ГВНиП, стр. 12—13, № 3. Издатели грамоты в ГВНиП и А. А. Зимин датируют этот документ 1270 г., ссылаясь на сообщение НПЛ под 6778 г. Однако, как уже отмечено выше, в указанном рассказе применен ультрамартовский счет.

зем, послужившая в свое время одной из главных причин возникновения суверенитета великого князя над Новгородом, теперь теряет значение, и против Ярослава консолидируются не только сторонники независимого стола, но и многочисленные антинемецкие силы Новгорода.

В этой обстановке Ярослав обращается за помощью к татарам, клеветнически обвинив Новгород в отказе платить дань Золотой Орде. Только вмешательство костромского князя Василия Ярославича предотвратило поход на Новгород войск Менгу-Тимура. Ярослав Ярославич продолжает настаивать на своем полном согласии с требованиями новгородцев, которые в ответ формулируют главный принцип тех взаимоотношений с князем, к которому они стремятся: «Княже, сдумал еси на святую Софею; и ты поиди, дажь изомрем честно за святую Софею; у нас князя нету, нь бог и правда и святая Софея, а тебе не хощем»¹⁰².

В поддержку новгородской «воли» в Новгороде собираются все силы Новгородской земли: псковичи, ладожане, карелы, ижора и вожане, пока поручительство митрополита не возвращает новгородский стол Ярославу, который целует крест «на всеи воли новгородстеи».

Мы видели, что в тот момент, когда борьба с Ярославом достигла наибольшей остроты, новгородцы выражают намерение вообще ликвидировать у себя княжеский стол. Существуют основания полагать, что в осуществление этой идеи были предприняты и практические шаги. Мы имеем в виду сообщение В. Н. Татищева о том, что по совету Василия Ярославича у Ярослава были отобраны суд, черная и печерская дани¹⁰³, т. е. он был лишен исполнительной власти и доходов с Новгорода. Поскольку эти меры уже не отражены в докончании конца 1269 г., попытку ликвидировать княжескую власть следует относить к тому периоду, когда новгородцы отвергали многочисленные обещания Ярослава.

Таким образом, на протяжении 1269 г. отношения Новгорода с князем, прежде чем вернуться в исходное состояние, прошли такую фазу, на которой отрицался не только великокняжеский суверенитет над Новгородом, но и самая необходимость в Новгороде княжеской власти. Возможно ли с этой фазой связывать сомнительное посадничество Никиты Григорьевича, т. е. допустить, что в ходе борьбы Новгорода с Ярославом Павша был лишен посадничества, а затем снова получил его? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Достаточно подробный летописный рассказ неоднократно подчеркивает полное единодушие новгородцев в их отношении к Ярославу на всех этапах борьбы с ним в 1269 г. Противопоставляя «умеренного» Павшу сомнительному Никите Григорьевичу, который в этих условиях должен представлять наиболее последовательные антикняжеские круги, мы вынуждены были бы допустить, что мимо внимания летописца прошло в этом случае сложное сочетание антикняжеской борьбы с ожесточенной внутренней борьбой, а это кажется мало вероятным. Отметим, что, несмотря на умеренность докончания 1269 г., принцип «у нас князя нету» сохраняется и после возвращения на стол Ярослава в своеобразной, но значительной форме: возвращаясь во Владимир и отправляясь затем в Орду, Ярослав впервые оставляет в Новгороде своим наместником не лицо княжеского происхождения, а боярина Андрея Воротиславича¹⁰⁴.

Что касается Павши, то, избранный в феврале 1268 г., он затем принимает участие в заключении докончания с Ярославом в конце 1269 г.,

¹⁰² НПЛ, стр. 89, 320—321.

¹⁰³ См. В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. IV. М., 1784, стр. 45.

¹⁰⁴ НПЛ, стр. 89, 321.

упоминается в рассказе 1271 и 1272 гг.¹⁰⁵. Существенно, что Никита Григорьевич не отмечен в Списке А, оригинал соответствующей части которого составлен около рубежа XIII—XIV вв., т. е. спустя каких-нибудь 30 лет после описанных событий, а появляется лишь в Списке Б в начале XV в.

В 1271 г. Ярослав Ярославич умер в Орде¹⁰⁶, и в Новгород пришли послы от двух князей — Дмитрия Александровича и Василия Ярославича. Новгородцы с посадником Павшей предпочли Дмитрия, который сел на столе 9 октября 1272 г. Василий в союзе с тверским князем Святославом Ярославичем начинает войну против Новгорода, сажает своих тиунов в Торжке. Во время похода новгородцев на Тверь в Торжке «възмятошася люди и восхотеша Василья», после чего «съступися Дмитрий стола волею и поиде прочь с любовью»¹⁰⁷.

Внешний ход событий 1272 г. как будто возвращает нас в те времена, когда не существовало признания великокняжеского суверенитета, а приглашение князя осуществлялось по принципу «вольности в князьях». Однако в действительности борьба 1272 г. полностью основывается на приятии великокняжеского суверенитета как основы новгородского княжения. И Дмитрий, и Василий были законными наследниками власти умершего Ярослава. Еще в 1269—1270 гг. они оба с Ярославом совершают поездку в Орду, где вопрос о преемника Ярослава был решен в духе старой политики Гуюка: Василий Ярославич наследовал великое княжение, оставаясь только костромским князем; Дмитрий Александрович получал Владимир, но не великое княжение. Проблема княжеского суверенитета над Новгородом после смерти Ярослава Ярославича была осложнена, за Новгородом оставалось право выбора между суверенитетом Владимира, которым владели и Александр Невский, и Ярослав Ярославич, и суверенитетом номинальной великокняжеской власти. По существу выбор князя в данном случае зависел главным образом от исхода той усобицы, которую вели в это время оба наследника Ярослава.

Победа Василия дает ему новгородский стол и приводит к перемене в посадничестве, которое было отнято у Павши Онаньинича и дано Михаилу Мишиничу. Павша бежал к Дмитрию, но затем отправился в Кострому на поклон к Василию Ярославичу. В этой смене посадников не было, по-видимому, особой политической остроты. Павша был сторонником приглашения Дмитрия, инициатива которого не оказалась достаточно решительной. Михаил — инициатор союза с Василием. Показательно, что по приглашении Василия Ярославича новгородцы целуют в Торжке «образ господень, яко всем одинаком быти с посадником Михаилом», по-видимому, опасавшимся противодействия сторонников Павши по возвращении в Новгород, но это не мешает им вернуть в том же году посадничество Павше, помирившемуся с князем Василием.

В 1273 г., когда Павша Онаньинич умер, посадничество снова возвращается к Михаилу Мишиничу¹⁰⁸, остававшемуся на посадничестве

¹⁰⁵ ГВНиП, стр. 12, № 3; НПЛ, стр. 90, 321—322.

¹⁰⁶ НПЛ, стр. 89, 321. 6780 ультрамартовский год; под предыдущим 6779 г. рассказывается о солнечном затмении в неделю 5 недели поста, что соответствует 1270 г.; ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 150, где рассказ о солнечном затмении помещен в конце 6779 ультрамартовского года и где исчисляется, что великое княжение Ярослава продолжалось 7 лет (т. е. с зимы 1263/64 г. до зимы 1270/71 г.).

¹⁰⁷ НПЛ, стр. 89—90, 321—322.

¹⁰⁸ Там же, стр. 322. 6782 ультрамартовский год. И. И. Григорович (Опыт, стр. 150) говорит о смерти в 1274 г. также посадника Павла Семеновича. Это недоразумение основано на ошибке Никоновской летописи, которая, сообщая о смерти Павши Онаньинича, называет его Семеновичем.

на протяжении всего княжения Василия Ярославича. Последний умер в 1276 г., освободив великокняжеский стол для Дмитрия Александровича, которого тогда же признали своим князем и новгородцы.

В дальнейшем принцип великокняжеского суверенитета поддерживается вооруженной силой. В 1280 г. брат Дмитрия Андрей добывается ярлыка на великое княжение, и между обоими претендентами начинается борьба. Оставаясь на первых порах новгородским князем, Дмитрий принимает меры к тому, чтобы обеспечить поддержку Новгорода в начавшемся столкновении. В 1280 г. «отъяша посадничество князь Дмитрий с новгородци у Михаила у Мишинича и даша Смену Михайлову, вывед из Ладogi. И по трех месяцев преставися Михаил Мишиниць, месяца ноября в 9, на память святого Павла Исповедника»¹⁰⁹. Памятуя, что Михаил Мишинич еще в 1272 г. был инициатором поддержания принципа безусловного великокняжеского суверенитета, мы поймем, почему его посадничество стало нежелательным для Дмитрия в тот момент, когда ярлык на великое княжение оказался в руках другого князя. Очевидно, однако, что отстранение посадника, проводившего политику основной части «вятшего» боярства, не так уж сильно укрепляло позиции князя. В следующем 1281 г. происходит разрыв Новгорода с Дмитрием. Дмитрий Александрович уходит из Новгорода, чтобы затем вернуться с ратью и «сотворить много пакости» волости новгородской. После заключения перемирия на Шелони Дмитрий был разбит Андреем и бежал в только что выстроенный им городок Копорье на землях, испрошенных в 1279 г. у Новгорода. Однако новгородцы вынуждают его уйти из Копорья. Тогда же на новгородском столе утверждается новый великий князь Андрей Александрович. Посадник Семен Михайлович, избранный в свое время по воле Дмитрия, теперь сам организует в Торжке засаду против Дмитриевых наместников. В 1283 г. новгородцы участвуют в походе князей на Дмитрия Александровича и подтверждают свой разрыв с ним, взяв мир «на всеи воле новгородчкои».

В том же году политическая ситуация резко меняется, когда Дмитрий вновь получает у Ногай ярлык на великое княжение. Андрей Александрович спешит в Торжок, куда им вызван посадник Семен Михайлович «со всеми старейшими», и здесь заключается крестоцелование, «какo Андрею не стьупитися Новогорода, а новгородом не искати иного князя; живот ли, смерть ли, новгородом с Андреем». Однако сразу же после крестоцелования Андрей уступает Дмитрию великое княжение и даже оказывает ему вооруженную помощь при вдоворении в Новгороде¹¹⁰.

Посадник Семен Михайлович остается у власти до 1286 г. Он был избран по инициативе Дмитрия, выступал против Дмитрия, когда тот потерял великокняжеский стол, снова делил власть с Дмитрием, когда великое княжение вернулось к этому князю.

Политика посадничества в этот период руководствуется идеей поддержания великокняжеского суверенитета над Новгородом. Однако было бы неверно предвставлять новгородскую правящую верхушку той поры неким смотрителем за правильностью работы механизма, автоматически сменяющего новгородских князей по мере утраты ими великокняжеского ярлыка. Напротив, мы видели, что всякий раз возникает готовность боярства пойти на сделку с князем. В 1280—1281 гг. новгородцы некоторое время поддерживают Дмитрия, уже потерявшего великое княжение. В 1283 г. они даже целуют крест Андрею сохранить ему верность при любом повороте событий. Эта готовность идти на сделку с

¹⁰⁹ НПЛ, стр. 323—324; ПСРЛ, т. IV, стр. 43.

¹¹⁰ НПЛ, стр. 325.

князем в тот момент, когда князь особенно нуждается в новгородской поддержке, весьма знаменательна и говорит о существовании у новгородского боярства особых целей, которые связываются с намерением иметь на столе князя, обязанного своим положением Новгороду.

По-видимому, в связи с тем же намерением новгородская верхушка предоставляет князьям Дмитрию и Андрею некоторые личные преимущества. Так, в 1279 г. Дмитрий испрашивает, а новгородцы жалуют ему город Копорье, который укрепляется князем в присутствии посадника и «болших мужей», а в дальнейшем рассматривается князем как личная собственность и во избежание возможных недоразумений скрыт новгородцами¹¹¹. Дмитрий и Андрей получают в новгородских волостях в пожизненное кормление села, вопрос о которых в XIV в. постоянно поднимается в докончальных грамотах с князьями: «А что сел и свобод Дьмитриевых, то дале есме быле Андрею до живота Андреева в хрестное целование, а потом Новугороду то все; а тебе, княже, в то не вступитися»¹¹². Эта формула повторяется в докончаниях вплоть до 1371 г.¹¹³.

Результаты этой сложной политики будут рассмотрены в следующей главе. Здесь же отметим, что она привела к новому ограничению княжеской власти и упрочению республиканских органов. В княжение Андрея Александровича была создана новая схема взаимоотношений республики и князя, характерная для всей последующей истории республиканского Новгорода. На возникновение новых отношений указывают, в частности, особенности формуляра докончаний позднейшего времени, возводящих «старину» и «пошлину» в отношениях с князьями, именно ко времени Андрея Александровича. Имеем в виду характерную для договоров с Василием Темным и Иваном III отсылку: «Как целова князь великии Андреи, князь великийи Иван, и дед твои князь великийи Дмитрии, и отец твои князь великийи Василеи, целуй, господине князь великийи, по тому же крест к всему Великому Новугороду»¹¹⁴.

Хронологические итоги изложения и сравнение их с показаниями списков посадников видны в следующей таблице:

<i>Летопись</i>		<i>Список А</i>	
1207—1211	Твердислав Михалкович	(33)	Твердислав
1211—	Дмитр Якунович	(34)	Дмитр
—1215	Твердислав Михалкович (2-й раз)		
1215—1216	Юрий Иванкович	(35)	Гюрги
1216—1219	Твердислав Михалкович (3-й раз)		
1219	Семен Борисович	(36)	Семен
1219—1220	Твердислав Михалкович (4-й раз)		
1220—1229	Иванко Дмитриевич	(37)	Иванко
		(37а ¹¹⁵)	Федор Михалкович
1229—1230	Внезд Водовик	(38)	Внезд Водовик
1230—1243	Степан Твердиславич	(39)	Степан
1243—		(40)	Сбыслав (Якунович)
—1255	Онанья	(41)	Онанья (Феофилактович)

¹¹¹ НПЛ, стр. 323—324.

¹¹² ГВНиП, стр. 17, № 7.

¹¹³ Там же, стр. 19, № 9; стр. 21, № 10; стр. 29, № 15.

¹¹⁴ Там же, стр. 35, № 19; стр. 40, № 22; стр. 45, № 26.

¹¹⁵ Список Б, № 34.

1255—1256	Михалко Степанович	(42)	Михалко
1256—1268	Михаил Федорович	(43)	Михаил
1268—1272	Павша Онаньинич	(44)	Павша
		(44а ¹¹⁶)	Никита Григорьевич
1272	Михаил Мишинич	(45)	Михайло
1272—1273	Павша Онаньинич (2-й раз)		
1273—1280	Михаил Мишинич (2-й раз)		
1280—1286	Семен Михайлович	(46)	Семен

Список А в своем изложении продолжает сохранять правильность хронологической очередности имен посадников. Что же касается его полноты, то в одном случае (40. Сбыслав) он дополняет летопись, сообщая неизвестное летописцу посадничье имя. В Списке Б имеются еще два избыточных имени (37а. Федор Михалкович; 44а. Никита Григорьевич), но правильность их включения источники не подтверждают.

ВОПРОС О РЕСПУБЛИКАНСКИХ ПЕЧАТЯХ XIII ВЕКА

В XIII в. создается новая схема суверенитета князя над Новгородом, основанная на признании новгородским князем очередного великого князя. Этот новый порядок практически ликвидирует необходимость и значение особого новгородского стола, однако содержание деятельности аппарата княжеской власти остается в общем таким, каким оно было в начале XIII в. Формуляр докончальной грамоты, определяющий взаимоотношения князя и города, восходит в этот период к докончаниям Ярослава Всеволодовича, но в своей принципиальной части базируется на докончаниях XII в. Антикняжеская борьба при Александре и его ближайших преемниках направлена главным образом к поддержанию уровня тех ограничений княжеской власти, которые стали традиционными, и усиление этой борьбы всякий раз связано с теми или иными княжескими «насилиями», нарушениями ряда, злоупотреблениями властью и вторжениями князя в республиканское управление.

Князь продолжает владеть судопроизводством, еще в XII в. поставленным под контроль посадника. Докончальные грамоты постоянно отражают эту часть деятельности князя. «А бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волости раздавати, ни грамот ти даяти»; «А без вины ти, княже, мужа без вины не лишати волости»; «А грамот ти не посужати»; «А на Низу, княже, новгородца не судити»; «А судьи слати на Петров день». Все эти традиционные формулы в равной степени говорят и о характере княжеской власти, и о характере ее ограничения.

В республиканской и княжеской сфрагистике Новгорода XIII в. существует определенная преемственность от сфрагистики второй половины и конца XII в. Если, как и в предшествующий период, исполнительная власть продолжала оставаться в руках княжеского управления, а республиканские органы в основном продолжали контролировать деятельность князя, то в сфрагистике это распределение государственной юрисдикции должно быть отмечено резкой диспропорцией княжеских и республиканских печатей. Прохождение громадного числа актов через аппарат княжеского управления должно оставить след в заметном преобладании княжеских печатей в массе государственных булл XIII в., тогда как республиканские печати не могут в это время занять сколько-

¹¹⁶ Список Б, № 48.

нибудь заметное место в количественном отношении. В отличие от печати князя, потерявшей значение регалии высшей государственной власти, они такое значение сохраняли и поэтому должны были употребляться главным образом при важнейших государственных документах, т. е. неизмеримо реже, нежели княжеская печать.

В самом деле, количественная диспропорция княжеских и республиканских печатей XIII в. более чем очевидна. Приведем некоторые цифры. К настоящему времени зарегистрировано не менее 34 экземпляров печати Александра Невского (в крещении Александра Федоровича), происходящих без исключений из новгородских находок¹¹⁷. Известно также не менее 13 печатей Ярослава Ярославича (в крещении — Афанасия Федоровича)¹¹⁸ и 17 печатей Дмитрия Александровича¹¹⁹. Не задаваясь целью подсчитать общее количество сохранившихся новгородских княжеских печатей XIII в., мы даже на приведенных примерах можем обосновать вывод о значительном распространении таких булл.

Между тем этому обилию княжеских булл может быть противопоставлено лишь 7 экземпляров печатей, достоверно связываемых с республиканским управлением, что в сравнении с общим количеством княжеских печатей не может не казаться весьма мизерным.

К известным сейчас республиканским печатям XIII в. относятся следующие экземпляры (рис. 5):

1. Печати Степана (Твердиславича?)

Л. с.: Надпись в три строки:

СТЕ
ПАН
ОВА

О. с.: Рука, рядом с ней остатки надписи.

Печать известна в трех экземплярах.

1—1. Д. — 26 мм. М. н. — Новгород. Хр. — Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд. — ЛСА, XLVII, 8.

1—2. Д. — 29 мм. М. н. — Новгород. Хр. — Новгородский музей, инв. № 4010. Не издана.

1—3. Д. — 27—29 мм. М. н. — не известно. Хр. — не разыскана; изве-

¹¹⁷ Два варианта типа с изображением святых воинов Александра и Феодора, стоящих в полный рост (1-й вариант — 3 экз.: ЛСА, XVI, 1; LI, 10; Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, рис. 46; 2-й вариант — 4 экз.: ЛСА, X, 14; неизданные в ОНГЭ, 2 экз. и в Новгородском музее, инв. № 10336). Четыре варианта типа с конным изображением св. Александра на одной стороне и св. Феодора в композиции «чудо о змии» (1-й вариант — 1 экз.; Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, рис. 45; 2-й вариант — 8 экз.: ЛСА, VI, 6; XL, 11, 12; LI, 5; неизданные экземпляры в ОНГЭ, Новгородском музее, инв. № 12514, ГИМ — находка 1948 г. из раскопок в Новгороде на Ярославском двореце; фото несохранившегося экземпляра в фотоархиве ЛОИА; 3-й вариант — 7 экз.: ЛСА, VI, 3; XXIX, 2; LI, 6, 7, 9; 2 неизданных экземпляра в Новгородском музее, инв. № 4013, 4015; 4-й вариант — 11 экз.: ЛСА, VI, 2, 4, 5; XXIX, 3; LI, 8; LIV, 13; Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, рис. 42—43; МИА, 1959, № 65, стр. 300, рис. 7; 3 неизданных экземпляра в Новгородском музее, инв. № 4014, 8425, 12513).

¹¹⁸ С изображением святых Афанасия и Феодора, 3 варианта (1-й вариант — 2 экз.: Орешников. II, 10; ЛСА, XXXV, 10; 2-й вариант — 4 экз.: ЛСА, I, 18; LI, 11; Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, рис. 14; неизданный в Новгородском музее, инв. № 11134; 3-й вариант — 7 экз.: ЛСА, IX, 8, 9; XLVIII, 12; неизданные в Новгородском музее, инв. № 4022, 4023, 11208; неизданный из раскопок в Торопце в 1960 г.).

¹¹⁹ С изображением святых Дмитрия и Александра, 1 вариант (1 экз.: ЛСА, I, 20). С изображением вседержителя и св. Дмитрия на коне, 4 варианта (1-й вариант — 4 экз.: ЛСА, V, 17; XL, 10; неизданные экземпляры в ОНГЭ и Новгородском музее, инв. № 10341; 2-й вариант — 1 экз.: ЛСА, VI, 13, 15; 3-й вариант — 8 экз.: ЛСА, VI, 8, 9, 14; XL, 7; Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, рис. 26, 27, стр. 68, примеч. 2; неизданный в Новгородском музее, инв. № 4018; 4-й вариант — 3 экз.: ЛСА, VI, 10; XL, 8, 9).

стна по фотографии в Фотоархиве ЛОИА (фонд Н. П. Лихачева). Не издана.

Технические особенности печати (размер, припухлые края) заставляют датировать ее XIII в. и связывать с посадником Степаном Твердиславичем. Против иной атрибуции говорит исключительная редкость печатей XIII в., которые могли принадлежать только лицам, возглавлявшим республиканское управление.

2. Печати (тысяцкого?) Кондрата

Л. с.: Надпись в четыре строки:

КОИ
АРАТО
ВАПЄ
НАТ

О. с.: Рука, вокруг двойной точечный ободок.

Печать известна в двух экземплярах.

2—1. Д. — 29—31 мм. М. н. — Новгород, 1955 г., раскопки на Неревском конце в слое с дендрохронологической датой 1313—1340 гг. Хр. — Новгородская экспедиция ИА АН СССР. Изд. — МИА, № 65, стр. 302.

2—2. Д. — 26—28 мм. М. н. — Новгород, 1957 г. Хр. — Новгородский музей, инв. № 11126. Не издана.

Исключительная близость печатей Кондрата и Степана позволяет датировать их близким временем и относить буллы Кондрата ко времени одноименного тысяцкого, погибшего под Раковором.

3. Печати «Всего Новгорода»

Л. с.: Надпись в четыре строки:

+ ПЄ Ч
А Т Ъ В СЄ
ГО Н О В Я Г
О Р О А

О. с.: Изображение вседержителя на престоле; по сторонам под титлами: ІС—ХС.

Печать известна в двух экземплярах.

3—1. Д. — 33 мм. Сохранилась при договорной грамоте Новгорода с Готским берегом и немецкими городами, утверждение которой выше мы отнесли ко времени около 1264 г., ГВНиП, стр. 56 и сл., № 29. Хр. — Рижский государственный городской архив. Изд. — ЛСА, XIII, 2.

3—2. Д. — 31 мм, серебряная, позолоченная. Сохранилась при той же грамоте, что и предыдущая. Изд. — ЛСА, XIII, 1.

Весьма немногочисленный материал республиканской сфрагистики XIII в. позволяет, однако, сделать существенные наблюдения. Во-первых, при несомненном преобладании княжеской буллы и сохранении принципиальной схемы соотношения республиканской и княжеской власти в Новгороде второй четверти и середины XIII в. предпринимаются попытки оформить тип собственно республиканской печати. Во-вторых, этот тип, возникший первоначально как личный, содержащий имя владельца, в дальнейшем сменяется обобщенным типом, на котором выражена его принадлежность городу, а не какому-то конкретному лицу. Такое направление развития буллы подтверждает наш вывод о постепенном созревании новых форм республиканской организации, о начавшемся переходе от автократического посадничества к созданию терри-

ториально-представительного посадничества, в котором определенную роль играл совет представителей разных боярских группировок. Создание обобщенной печати «Всего Новгорода», на наш взгляд, отражает успехи боярской консолидации в политической и классовой борьбе.

Небезынтересно и то обстоятельство, что новгородская владычная печать именно в середине XIII в. переживает новый и весьма существенный этап в своем существовании. Общее направление в развитии владычного управления Новгорода к одному из важнейших государственных институтов республиканского управления хорошо известно. Однако этапы этого развития, хронологические ступени, поднимаясь по которым князья церкви превращались постепенно в авторитетных руководителей общегосударственной политики, детально не установлены. В этой связи, на наш взгляд, существенных показаний можно ожидать от статистики новгородских владычных булл:

Нифонт (1130—1156 гг.)	— 4 экз. ¹²⁰
Аркадий (1156—1163 гг.)	—
Илия (1165—1186 гг.)	— 2 экз. ¹²¹
Григорий-Гавриил (1186—1193 гг.)	—
Мартирий (1193—1199 гг.)	— 2 экз. ¹²²
Митрофан (1199—1211, 1219—1223 гг.)	— 1 экз. ¹²³
Антоний (1211—1219, 1225—1228 гг.)	— 1 экз. ¹²⁴
Арсений (1223—1225 гг., не был хиротонисан)	—
Спиридон (1229—1249 гг.)	—
Далмат (1251—1273 гг.)	— 5 экз. ¹²⁵
Климент (1273—1299 гг.)	— 5 экз. ¹²⁶
Феоктист (1299—1308 гг.)	— 5 экз. ¹²⁷
Давид (1309—1325 гг.)	— 7 экз. ¹²⁸

Если до середины XIII в. владычные буллы исключительно редки и для некоторых архиепископов, подолгу занимавших кафедру, даже не известны вообще, то со времени Далмата они встречаются систематически и в заметном количестве. Отметим также, что из четырех печатей Нифонта две происходят из константинопольских находок, что подчеркивает преимущественно церковный характер тех грамот, к которым они когда-то были привешены, тогда как уже среди печатей Далмата две скрепляют светский договорный акт Новгорода с немецкими городами.

¹²⁰ ЛСА, XXVIII, 10; XLIII, 8; LIII, 2; Н. Г. Порфиридов. Именные владычные печати Новгорода. СА, 1958, № 3, стр. 222, рис. 1, 1.

¹²¹ ЛСА, XXXVIII, 13; неизданный экземпляр из коллекции Н. В. Гудкова-Белякова (Отдел нумизматики ГИМ).

¹²² ЛСА, XI, 1; L, 5.

¹²³ См. Н. Г. Порфиридов. Ук. соч., стр. 223, рис. 1, 2.

¹²⁴ Там же, 223 и сл., рис. 1, 3.

¹²⁵ ЛСА, XI, 2, 3; LVI, 3; неизданные экземпляры в ОНГЭ и в Новгородском музее, инв. № 3991.

¹²⁶ ЛСА, XI, 4, 5; XXXVIII, 12; неизданный экземпляр Новгородского музея, инв. № 12541; фото неизданного экземпляра в Фотоархиве ЛОИА (фонд Н. П. Лихачева).

¹²⁷ ЛСА, XI, 6—9; Н. Г. Порфиридов. Ук. соч., стр. 224, рис. 2.

¹²⁸ ЛСА, XI, 10, 11, 14; XXVI, 12; XXXVIII, 10; XLII, 3; L, 7.

Глава 5

КОРЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНЦЕ XIII ВЕКА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОНЧАНСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ПОСАДНИЧЕСТВЕ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОДИЧНОГО СРОКА ПОСАДНИЧЕСТВА

Мы уже обратили внимание на важную особенность отсылок позднейших докончаний с князьями, которые возводят «старину и пошлину» в отношениях между Новгородом и князем ко времени Андрея Александровича. Эти отсылки заставляют предполагать возникновение в конце XIII в. новой схемы отношений князя и города. Однако хронологические указания, содержащиеся в формулах позднейших докончаний, могут быть истолкованы разными способами. Поскольку речь в них идет о крестоцеловании великого князя при заключении докончаний на новых условиях, мы должны допускать два варианта возможной даты возникновения новых взаимоотношений.

Эта дата может находиться внутри хронологических рамок второго княжения Андрея Александровича (1294—1304 гг.), а само изменение схемы отношений князя и города окажется результатом борьбы Новгорода с Андреем. Эта дата, однако, может и предшествовать вторичному вокняжению Андрея, а новые отношения могли сложиться еще при Дмитрии Александровиче. В первом случае мы должны предполагать существование двух докончаний Новгорода с Андреем: одного — составленного по старой схеме в 1294 г. и другого — составленного по новой схеме в более позднее время. Во втором случае речь пойдет только об одном докончании 1294 г., в котором уже отражена новая схема.

Принципиальный ответ на этот вопрос дает анализ летописного рассказа о событиях конца XIII в. Во время второго княжения Андрея Александровича летописец не отмечает ни одного городского движения в Новгороде. Пожалуй, это один из самых спокойных периодов городской жизни, которая кажется вовсе лишенной политической остроты. За все время второго княжения князь Андрей был в Новгороде только два раза: в 1294 г. в связи с вокняжением и в 1301 г. в связи с походом новгородцев на только что построенный шведами Венец. Его приглашение в Новгород в 1294 г. произошло после получения ярлыка на великое княжение, в Новгороде от его имени правит его сын и наместник Борис Андреевич, упомянутый в летописи под 1299 г.

Напротив, весь конец княжения предшественника Андрея князя Дмитрия Александровича наполнен ожесточенной борьбой, которая прямо касается республиканской организации. В 1286 г. «на зиму отъяша

посадничество у Смена и даша Андрею Климовичу, а тысячкое отъаша у Ивана и даша Андреюну Олферьевичу». На следующий год «бысть мятежь велик в Новгороде на Смена Михайловича: вьста на него всь Новьгород без исправы, поидоша на него изо всех концов, яко силная рать, всякыи в оружии, силою великою; жалостно видение. И тако поидоша на двор его, взяша всь дом его с шумом. Симеон прибежа к владыце, и владыка провади его в святую Софею, и тако ублюде бог, и заутра снидошася в любовь. Симеон же по мале дни разболеся болезнью; лежав неколико дний, преставися месяца июля в 16, на память святого Тихона в понедельник»¹.

О принадлежности Семена Михайловича к славенскому боярству мы уже писали; что касается Андрея Климовича, то существуют основания связывать его с прусским боярством. Его брат Семен в 1305 г. поставил «церковь камену на градных воротех от Прусской улицы»². Внешне конфликт 1286 г. может рассматриваться как внутрибоярское столкновение, в ходе которого прусская группировка одержала победу над славенской. Однако события 1287 г. подчеркивают более серьезные основания конфликта: Против Семена Михайловича сплотились все концы Новгорода.

Новая вспышка борьбы отмечена в начале 1291 г. В конце февраля или начале марта³ «отъаша новгородци посадничество у Андрея Климовича и даша Юрию Мишиничу»⁴. 3 апреля⁵ на Владычном дворе был убит Самуил Ратшинич. «Новгородци же съзвониша вече у святей Софеи и у святого Николы, снидошася в доспесе, взяша улицу Прусскую и дома их разграбиша, пожгоша улицу всю; и церковь святых Богородица горе»⁶. Снова как будто всего лишь внутрибоярское столкновение, на этот раз увенчавшееся победой неревского боярства над прусским. Однако знакомство с последующей сменой посадников позволяет увидеть в событиях княжения Дмитрия иной смысл и связывать их с созданием новых форм государственной организации, которые для времени Андрея Александровича стали вполне устойчивыми.

Прежде всего обращает на себя внимание точная дата перехода посадничества от Андрея Климовича к Юрию Мишиничу. Эта дата падает на самый конец мартовского 6798 г. Вече, давшее посадничество Юрию Мишиничу, отдает также ладожское посадничество сыну Семена Михайловича Матвею (Семен также был ладожским посадником, о чем сообщалось под 1280 г.). Деятельность вече направлена к организации власти.

Та же дата вновь появляется спустя три года, в рассказе о событиях 1294 г., и снова она связана с изменениями на посадничестве. В начале 1294 г. во время конфликта Андрея Александровича, получившего ярлык на великое княжение, с князем Дмитрием, не желавшим уступать ему великокняжеский стол, новгородцы «с Семеном Климовичем» посылают за князем Андреем, который сел на новгородском столе «в неделю сыропустную». Поскольку пасха в 1294 г. приходилась на 18 апреля, сыропустная неделя в этом году была 22—28 февраля. Следовательно, в конце мартовского 6801 г. посадником в Новгороде был Семен Климович. Однако далее летописец сообщает: «Того же говенья князь Андреи

¹ НПЛ, стр. 326.

² Там же, стр. 92, 332. В действительности Семен Михайлович умер 16 июня, которому соответствует день св. Тихона и понедельник в 1287 г.

³ «Великое говение, исходящу лету 8-му».

⁴ НПЛ, стр. 326.

⁵ «Того же говения, на похвалной недели вторник». Пасха в 1291 г. была 22 апреля, а вторник похвальной недели приходился на 3 апреля.

⁶ НПЛ, стр. 326.

с посадником Андреем и с вятшими мужи иде в Торжок Дмитриа переимать»⁷. Отсюда следует, что смена посадничества осуществилась или в самом конце мартовского 6801 г., или в самом начале мартовского 6802 г.

В данном случае не может быть и речи о смене посадников в результате борьбы, поскольку Семена Климовича заменил его родной брат Андрей. Это обновление должности, получившее регулярный характер, связанное с истечением срока посадничества и вечевым решением. Сделанное здесь наблюдение вступает в связь с сообщением на столетие более поздним, но вполне отвечающим порядку, проявившемуся в рассмотренных обстоятельствах. Мы имеем в виду сообщение Гильбера де Ланнуа о новгородской администрации начала XV в.: «Они имеют двух начальников, тысяцкого и посадника, которые и управляют сказанным городом. Эти правители возобновляются из года в год»⁸.

На регулярный переход должности посадника от одного боярина к другому в 90-х годах XIII в. указывает и еще одно обстоятельство. Как мы уже видели, в 1291 г. посадничество получил Юрий Мишинич. Между тем в 1293—1294 гг. оно снова принадлежало представителю прусского боярства Семену Климовичу. Более того, Семен стал посадником уже в 1292 г., как это следует из донесения ганзейских послов о результате их посольства в Новгород 26 марта 1292 г.: переговоры, подробно описанные в донесении, ведутся между немцами и «Сименом, олдерменом новгородским»⁹. Можно было бы предполагать, что приход Семена к власти осуществился в результате борьбы и насильственного устранения Юрия, однако и во время посадничества Семена Климовича Юрий Мишинич принимает деятельное участие в государственных делах, возглавляя вместе с тысяцким Андреем Олферьевичем поход на шведов весной 1294 г.¹⁰.

Продолжим, однако, рассмотрение данных о принадлежности посадничества в последующие годы. Избранный на посадничество в начале 1294 г. Андрей Климович остается посадником в течение всего 1294 г. После поездки в Торжок он возвращается в Новгород¹¹. Под тем же годом посадник Андрей Климович упомянут в надписи на известной Липинской иконе: «В лето 6802, при князи Андреи Александровиче и при архиепископе Клименте и при посаднице Андреи Климовичи написана бысть икона сия, повелением и стяжанием раба божия Николы Васильевичь...»¹². Еще раз этот посадник назван в летописи под 1299 г. в рассказе о погребении архиепископа Климента и избрании Феоктиста¹³. Судьба его в ближайшие последующие годы не освещена, однако под 1303 г. летописец сообщает: «Отъяша посадничество у Семена Климовича и даша брату его Андрею»¹⁴. Некоторую ясность в освещение этих фрагментарных сведений вносят акты рубежа XIII—XIV вв.

К 1301 г. относится договорная грамота Новгорода с Любеком, Готским берегом и Ригой¹⁵, одним из авторов которой является посадник Семен. В следующем по времени документе — грамоте Новгорода советникам датского короля, составленной в 1302 г.¹⁶, посадником назван

⁷ НПЛ, стр. 328.

⁸ «Памятники истории Великого Новгорода и Пскова». Л., 1938, стр. 69.

⁹ LUB. I, № DXLVI, стр. 682—685.

¹⁰ НПЛ, стр. 328.

¹¹ Там же.

¹² Новгородский музей, инв. № 7578.

¹³ НПЛ, стр. 90, 330.

¹⁴ Там же, стр. 91.

¹⁵ ГВНИП, стр. 63, № 34.

¹⁶ Там же, стр. 64, № 35.

снова Андрей. Еще одно важное уточнение дают грамоты Новгорода тверскому и великому князю Михаилу Ярославичу, датированные А. А. Зиминим временем с 27 июля 1304 г. по 28 февраля 1305 г.¹⁷ В них посадником назван Георгий, под которым можно понимать только Юрия Мишинича, поскольку никаких других Юриев списки посадников в соответствующих местах их текстов не знают.

Соединение всех этих данных с высказанным выше предположением о регулярной смене посадников в конце февраля каждого года дает следующую таблицу:

	— февраль 1291 г.	— Андрей Климович
февраль 1291	— февраль 1292 гг.	— Юрий Мишинич
февраль 1292	— февраль 1293 гг.	— Семен Климович
февраль 1293	— февраль 1294 гг.	— Семен Климович
февраль 1294	— февраль 1295 гг.	— Андрей Климович
февраль 1295	— февраль 1296 гг.	
февраль 1296	— февраль 1297 гг.	
февраль 1297	— февраль 1298 гг.	
февраль 1298	— февраль 1299 гг.	
февраль 1299	— февраль 1300 гг.	— Андрей Климович ¹⁸
февраль 1300	— февраль 1301 гг.	— Семен Климович
февраль 1301	— февраль 1302 гг.	— Андрей Климович
февраль 1302	— февраль 1303 гг.	— Семен Климович
февраль 1303	— февраль 1304 гг.	— Андрей Климович
февраль 1304	— февраль 1305 гг.	— Юрий Мишинич

Несмотря на фрагментарность, эта таблица подтверждает высказанное предположение о начавшемся около 1291 г. регулярном обновлении посадничества. В неслучайности такого обновления особенно убеждает переход посадничества в 1299—1304 гг. от Андрея Климовича к Семену Климовичу и обратно. Такая частая смена посадников, если бы она не была следствием определенного преобразования этого органа, должна была бы свидетельствовать о крайне ожесточенной борьбе претендентов, которые к тому же являются родными братьями. Между тем источники не содержат даже намека на подобную борьбу.

Таблица позволяет сделать еще один весьма важный вывод. Мы видим, что, несмотря на ежегодное обновление, посадничество в течение всего рассматриваемого периода вращается в тесном кругу нескольких лиц. Два брата Климовича и Юрий Мишинич составляют как бы некую группу бояр, владевших правом быть избранными в посадники. Процесс ежегодного обновления должности не подчинен какой-либо регулярной очередности; одни бояре избираются сравнительно редко, другие чаще, однако всякий раз речь идет все о тех же лицах — двух братьях Климовичах и Юрии Мишиниче. Мы, к сожалению, не знаем, кому принадлежало посадничество в 1295—1299 гг., что в общей сложности составляет четыре годичных срока. Однако, обратившись к спискам посадников, мы в соответствующих местах текста прочтем имена только этих трех бояр. Цитируем по Списку А: «(47) Андреико, (48) Юрий, (49) Семен». Вслед

¹⁷ ГВНИП, стр. 15—16, № 6, 7; А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. «Проблемы источниковедения», V, стр. 308 и сл.

¹⁸ Андрей Климович упоминают в летописи как посадник под 1299 г. в связи со смертью Климента и избранием Феоктиста. Климент умер 22 мая 1299 г., следовательно, посадничеству Андрея принадлежал именно тот срок, который начинается в феврале 1299 г., а не предыдущий срок, конец которого падает также на 1299 г.

за ними в Списке А назван посадником Варфоломей, становящийся известным другим источникам начиная лишь с 1323 г. Правда, ниже нам придется отметить некоторую неполноту Списка А в рассматриваемом месте; но и Список Б полнее лишь на одно имя, он называет еще Михаила Павшинича. Этот последний получил посадничество в начале 1310 г., а в начале 1312 г. его сменил Семен Климович¹⁹. Отметим, что и в том и в другом случае смена посадников происходит в традиционный срок, приходящийся на конец мартовского года. Содержащая сведения о начале и конце посадничества Михаила Павшинича Новгородская Первая летопись старшего извода, которая в соответствующей части придерживается мартовского цикла, помещает оба сообщения среди событий, завершающих рассказы 6817 и 6819 гг. Точно так же и сообщение об избрании посадником Семена Климовича в 1316 г. помещено в конце рассказа о событиях мартовского 6823 г., после рассказа о битве 10 февраля 1316 г.²⁰

На этой битве нам придется остановиться особо, поскольку в ней погибли трое из известных нам бояр, бывших посадниками на рубеже XIII—XIV вв.: Андрей Климович, Юрий Мишинич и Михаил Павшинич. Контекст рассказа 6823 г. заставляет предположить существование еще одного — пятого боярина, входящего в группу лиц, имевших право быть избранными в посадники. Дело в том, что ни один из трех убитых под Торжком 10 февраля 1316 г. известных нам бояр в момент смерти не был посадником. Летопись пишет о них как о боярах, не облеченных высшей государственной должностью: «Избиша много добрых муж и бояр новгородских: ту убиша Андрея Климовича, Юрья Мишинича, Михаила Павшинича, Силвана, Тимофея Андреевича сына тысяцкого, Онанью Мелуева, Офонаса Романовича и купец добрых много, а иных новгородцев и новоторжьцев бог весть». Будь один из убитых посадником, вряд ли он потерялся бы в бессистемном перечислении прочих бояр и «добрых муж». С другой стороны, четвертый боярин, входивший в элиту, — Семен Климович, получил посадничество только в конце февраля, уже после битвы под Торжком. Следовательно, и он не был посадником в 1315 — начале 1316 г. Отсюда вполне возможное предположение о принадлежности посадничества в указанное время какому-то пятому боярину, не известному нам по имени.

Это предположение в известной степени подтвердится, когда мы поставим вопрос о составе той боярской верхушки, из числа которой на рубеже XIII—XIV вв. избирались посадники. Юрий Мишинич хорошо известен нам как неревский боярин. Помимо прослеживаемой разными способами принадлежности к Неревскому концу его потомков, на тесную связь его с этим концом указывает и место погребения Юрия Мишинича, похороненного в церкви Сорока мучеников на Щеркове улице²¹, которая известна, между прочим, как место вечевых собраний жителей Неревского конца²². Ясна принадлежность и братьев Климовичей, один из которых — Семен — построил в 1305 г. церковь на воротах Кремля, ведущих к Прусской улице. Прусскую улицу, таким образом, представляют два боярина, что кажется в достаточной степени закономерным, поскольку Прусская улица была стержнем, к которому примыкали два конца — древний Людин, или Гончарский, и Загородский. Последний представляется нам в высшей степени искусственным новообразованием.

¹⁹ НПЛ, стр. 92—93.

²⁰ Там же, стр. 95, 337.

²¹ Там же, стр. 355.

²² Там же, стр. 58, 259. «...и възвониша у святого Николы ониполовици церес ночь, а Неревский коньчъ у Святых 40...»; под 6726 г.

В отношении территории и населения Загородский конец, как уже отмечалось, является по существу фикцией. В его границы входит обширное пустопорожнее место, занятое на планах XVIII в. огородами и оконтуренное с одной стороны Прусской, а с другой — Чудинцевой улицей, частично входившей в Неревский конец²³. Выделение Загородья в особый конец фактически тождественно выделению в особый конец Прусской улицы, а такое выделение могло понадобиться прусскому боярству не раньше, чем возник вопрос о представительстве в государственной элите. Сосуществование двух братьев среди кандидатов на посадничество говорит о том, что прусское боярство действительно опиралось на два конца Софийской стороны. Что касается Михаила Павшинича, то деятельностью и принадлежностью его потомков, среди которых было несколько посадников, он прочно связывается с Плотницким концом. Предполагая существование еще одного — пятого боярина, мы имеем возможность связывать его с представительством от Славенского конца, единственного конца, представитель которого в данной ситуации нам еще неизвестен.

В этой связи особенно важно то обстоятельство, что на протяжении деятельности Юрия Мишинича (1291—1316 гг.) не существует какого-либо другого посадника, который мог бы быть связан с Неревским концом; на протяжении деятельности братьев Климовичей (1286—1316 гг.) не существует какого-либо третьего посадника, которого можно было бы связать с представительством от Прусской улицы, т. е. от Людина и Загородского концов. Нам также неизвестен в рассматриваемое время какой-либо другой посадник, кроме Михаила Павшинича, которого можно было бы связать с представительством от Плотницкого конца. Это дает уверенность, что предположенная организация правящей элиты, связанная с представительством от концов, предусматривала создание для некоторых лиц пожизненных преимущественных прав быть избранными на должность посадника. Если ранее пожизненным было посадничество, то теперь, когда посадничество стало срочным, пожизненным становится представительство от конца, утверждавшееся решением кончанского веча.

Связывая этот вывод с изложенными выше наблюдениями о существовании уже в середине XIII в. особого государственного органа, состоящего из «державших волость» бояр, мы тем самым предполагаем существование в Новгороде конца XIII в. особого государственного совета пяти представителей городских концов, из числа которых — и только из их числа — ежегодно на общегородском вече избирался новый посадник. Отметим, что именно в это время западные источники начинают упоминать новгородский Совет господ (*den herren rad*), самое раннее свидетельство о котором относится к 1292 г.²⁴ Обновление посадничества в этот период не было связано с регулярной очередностью, в силу которой высшая государственная должность переходила бы от представителя одного конца к представителю другого конца в определенном порядке. Что касается принципа пожизненного представительства, подтвердить его возможно наблюдениями над датами появления новых посадничьих имен. Если такой принцип действительно существовал, новые

²³ Ранняя принадлежность Чудинцевой улицы к Неревскому концу ясна из описаний пожаров. В 1177 г. «погоре Неревский конец от Иваньковее» (НПЛ, стр. 35, 225). Так называлась иногда Чудинцева улица по церкви Иоанна Предтечи, построенной на ней в 1176 г. В 1340 г. «погоре Неревский конец даже и до святого Якова, а семо и до Чюдинцеве улицы» (НПЛ, стр. 351). Мнение о позднем происхождении Загородского конца еще в середине XIX в. было высказано И. Красовым (И. Красов. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851, стр. 22, 27—29).

²⁴ LUB, I, стр. 682.

члены элиты могли появляться лишь после смерти своих предшественников, а их количество не могло превосходить обязательной нормы представительства.

Одновременное существование в таком представительстве двух братьев Климовичей, защищавших интересы Прусской улицы, является первым достоверным свидетельством организации Загородского конца как самостоятельной административной единицы, вызванной к жизни самим преобразованием правящего органа республики, которое существующими свидетельствами может быть датировано временем около 1291 г.

Если все эти наблюдения верны, то становится достаточно ясной причина тех политических столкновений, которыми наполнены 1280-е годы. Вступив в решительную фазу борьбы с князем за укрепление республиканских органов, боярство Новгорода приходит к серьезному сплочению и создает представительный государственный орган, в котором организованы условия защиты интересов разных боярских группировок. С другой стороны, сама форма этого органа могла быть выработана только в ходе внутрибоярской политической борьбы вокруг вопроса о характере и нормах представительства. Отсутствие обязательной очередности представителей концов в посадничестве само по себе чревато неизбежными столкновениями в будущем. Само посадничество всякий раз отражает общую расстановку сил во внутрифеодальной борьбе. Поэтому схема организации посадничества в том виде, как она сложилась на рубеже XIII—XIV вв., на наш взгляд, не может отражать полной классовой консолидации боярства. В частности, несомненные преимущества боярства Софийской стороны, представители которой на протяжении 1291—1305 г. владели по крайней мере 10 годичными сроками из 15, по-видимому, являются результатом организованной Прусской улицей в 1286—1287 гг. решительной победы над славенским посадником Семеном Михайловичем и победы неревского боярства над прусским в 1291 г., которая, как это показывает дальнейшая судьба посадничества, завершилась компромиссом между двумя группировками Софийской стороны за счет Торговой стороны.

ОБЩИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ XIII в.

Проследив важные новшества в организации посадничества, мы, разумеется, не можем сводить к ним ту «старину и пошлину», которая докончаниями XV в. связывается с крестоцелованием Андрея Александровича. Организация представительного и срочного посадничества могла быть только частью коренных преобразований государственной власти, предпринятых в рассматриваемое время.

Существуют весьма серьезные основания ставить и решать вопрос о характере этих преобразований. Вполне несомненным должен быть вывод о том, что они касаются прежде всего отношений князя и республики, поскольку самое их существование зафиксировано окончательными грамотами. Между тем новая организация посадничества сама по себе не затрагивает существа этих отношений. К концу XIII в. посадничество как республиканский орган существует уже около двух столетий и его организация подлежит только республиканской юрисдикции.

Подходя к поставленной проблеме с точки зрения отношений князя и города, мы должны согласиться также и с выводом о том, что преобразования конца XIII в. не затронули общей схемы великокняжеского суверенитета над Новгородом. Эта схема, хорошо известная в XIV—XV вв., складывается еще в середине XIII в. Следовательно, пре-

образования отношений с князем могли касаться только объема княжеской власти внутри Новгорода, вопроса о размерах и характере княжеской юрисдикции и доходов.

Попытки решать поставленную проблему именно в такой плоскости тем более закономерны, что наши источники неизбежно заставляют противопоставлять объем княжеской власти эпохи расцвета республики в XIV—XV вв. объему княжеской власти во второй половине XII—XIII в. Действительно, для княжеской власти XIII в. характерно обладание органами исполнительной власти. Находясь под постоянным контролем республиканских органов, князь, однако, остается главным лицом в суде. Отмеченное выше безраздельное преобладание княжеских печатей в новгородском сфрагистическом материале второй половины XII—XIII вв. представляет княжескую власть верховным исполнительным органом, в компетенцию которого входило утверждение всех актов, а к числу последних относятся не только судебные приговоры, но и имущественные и поземельные сделки, документы, регулирующие торговые конфликты, и т. д. С другой стороны, источники XV в. иначе изображают объем княжеской исполнительной власти. Они фиксируют распределение юрисдикции между тремя судами, одним из которых был смесной суд посадника и князя или княжеского наместника, другим — суд тысяцкого, третьим — суд владыки. Мы не называем здесь монастырских судов, которые, являясь признаком иммунитета монастырей, не принадлежали к верховным судебным органам государства. Распределение юрисдикции между тремя указанными судами наиболее четко отражено в договоре Новгорода с Казимиром IV (1471 г.): «А наместнику твоему судити с посадником во владычнем дворе, на пошлом месте, как боярина, так и житего, так и молодшего, так и селянина. А судити ему в правду, по крестному целованью, всех равно. А пересуд ему имати по новгородской грамоте по крестной, противу посадника; а опричь пересуда посула ему не взяти. А во владычень суд и в тысяцкого, а в то ся не вступати, ни в манастырские суды, по старине»²⁵.

В существующей литературе вопрос о времени возникновения этой схемы распределения юрисдикции, характерной для эпохи развитой республики, не ставился, хотя его важность для общих выводов, касающихся периодизации новгородской истории, несомненна.

Принципы распределения юрисдикции между тремя государственными судами в XIV—XV вв. в общем ясны. Характер суда тысяцкого определяется целым рядом документов, важнейшим из которых является «Рукописание князя Всеволода», возникновение которого мы отнесли именно к рубежу XIII—XIV вв. В существующей редакции «Рукописание» характер юрисдикции тысяцкого определен следующим образом: «А яз князь великий Всеволод поставил есмь святому Ивану 3 старосты: от житых и от черных тысяцкого, а от купцев 2 старосты, управливати им всякаа дела торговаа Иваньскаа и гостинаа; а Мирославу посаднику в то не вступатися, ни иным посадником в Иваньское ни в чтоже, ни бояром новгородским»²⁶.

Нам уже довелось несколько лет тому назад заниматься изучением некоторых реалей этого суда. Мы имеем в виду многочисленные вислые печати «новгородских тиунов», которые были истолкованы как печати купеческих старост²⁷. В новгородских актах XIV—XV вв. печати купеческих старост упоминаются неоднократно, между тем в обильном сфра-

²⁵ ГВНИП, стр. 130, № 77.

²⁶ НПЛ, стр. 508.

²⁷ См. В. Л. Янин. Печати новгородских тиунов как исторический источник. КС ИИМК, 1953, вып. 52.

гистическом материале Новгорода отсутствуют какие-либо буллы с соответствующими надписями. С другой стороны, среди новгородских печатей XIV—XV вв. имеется значительная группа булл с надписью «Печать новгородского тиуна», т. е. с обозначением государственной должности, неизвестной по другим источникам. В момент публикации указанной статьи нам было известно около 50 печатей этого разряда. К настоящему времени зафиксировано уже 80 тиунских печатей.

Печати тысяцких XIV—XV вв. сравнительно с печатями «новгородских тиунов» редки. Их известно только 18 экземпляров. Это обстоятельство кажется нам вполне закономерным: печать тысяцкого прикладывалась к наиболее важным документам, тогда как рядовые акты скреплялись тиунскими печатями.

Сфрагистические материалы позволяют дать общую характеристику и владычного суда. Вне всякого сомнения, в его компетенцию входили все дела, касавшиеся церкви, религии и преступлений против морали, перечисленных в «Уставе Ярослава о судех святительских» и в «Митрополичьем правосудии». Однако наблюдения над буллами, сохранившимися при частных актах, включают в сферу деятельности владычного суда и все гражданское судопроизводство в той его части, которая касается имущественных отношений. Печатами владычных наместников скреплены все акты такого рода — двинские, важские и обонежские. Наличие владычной печати постоянно фиксируется и в списках с таких документов, где описание: «у грамоты печать свинчатая, а на ней воплощение пречистые богородицы, а назади крест» — обычно.

Печатей владык и владычных наместников XIV—XV вв. дошло до нашего времени громадное количество. Приведем цифры. Именных владычных печатей указанного времени известно 24, анонимных владычных печатей (с изображением креста и богородицы) — 80, печатей новоторжских наместников архиепископа — 19, печатей ладожских наместников — 3, печатей порховских (?) наместников — 1, печатей псковских наместников — 8, двинских печатей — 48; еще 4 печати объединяются с двинскими тождеством типа. Всего, таким образом, с владычной сфрагистикой XIV—XV вв. связывается 187 памятников против 20 булл XII—XIII вв. Резкое преобладание наместничьих и анонимных владычных печатей над именными, по-видимому, аналогично преобладанию тиунских печатей над буллами тысяцких.

Что касается посадничьих печатей, то в XIV—XV вв. они остаются немногочисленными. Нам известен всего лишь 21 экземпляр именной посадничьей буллы этого времени. Оставляем пока в стороне многочисленные печати «Великого Новгорода», которые датируются временем не ранее 1410-х годов.

Вспомнив, что от времени Александра Невского известно 34 печати, от времени Ярослава Ярославича — 13 печатей, от времени Дмитрия Александровича — 17, сравним эти цифры с позднейшими. Памятники княжеской сфрагистики XIV в., обнаруженные в Новгороде, распределяются по княжениям следующим образом:

Андрей Александрович (1281—1283, 1294—1304 гг.)	— 9
Михаил Ярославич (1304—1318 гг.)	— 12
Юрий Данилович (1318—1322 гг.)	— 11
Дмитрий Михайлович (1322—1325 гг.)	— 1
Александр Михайлович (1326—1327 гг.)	— 2
Иван Данилович (1328—1341 гг.)	— 9
Семен Иванович (1341—1353 гг.)	— 7
Иван Иванович (1353—1359 гг.)	— 5

Дмитрий Константинович (1359—1362 гг.)	—
Дмитрий Иванович (1362—1389 гг.)	— 8
Василий Дмитриевич (1389—1425 гг.)	— 8
Всего	— 72 печати

Мы видим, что актовая сфрагистика XIV—XV вв. существенно отличается от сфрагистики XIII в. Если в XIII в. безраздельно господствовала княжеская булла, теперь она занимает весьма скромное место среди других памятников. Возникают новые сфрагистические разряды — печати тиунов, владычных наместников, причем характер сфрагистических подразделений соответствует характеру распределения юрисдикции между княжеским и посадничьим судом, с одной стороны, судом владыки и судом тысяцкого, с другой. Возникновение новых сфрагистических разрядов является важнейшим свидетельством перераспределения юрисдикции между князем и республикой и нового, самого существенного за все время развития республики, ограничения княжеской власти. Из ведения князя изъяты в пользу республиканского судопроизводства важнейшие вопросы, связанные с земельной и другой собственностью новгородцев и с новгородской торговлей.

С момента такого ограничения княжеской власти Новгородское государство впервые приобретает фактическое республиканское устройство на место той шаткой системы двоевластия, которая сложилась в нем в XII в. Вполне понятно, что создание республиканской государственности в том виде, который стал характерен для периода расцвета республики в XIV в., сопровождается организацией новых форм государственной власти, образованием новых органов и целой разветвленной системы государственного аппарата, в которой нашли место и купеческие старосты, и многочисленные наместники архиепископа и в которой князь, оставаясь носителем суверенитета над Новгородом, в делах внутреннего управления жестко ограничен.

Занимаясь сравнением общего количества печатей различных административных разрядов, мы пока не ставили вопрос о точной дате появления этих разрядов. Между тем очевидно, что путь сфрагистической хронологии является в то же время и путем открытия даты тех государственных преобразований, о которых здесь идет речь. Вполне понятно, что момент появления тиунских печатей является в то же время датой возникновения суда тысяцкого, а момент появления печатей владычных наместников — датой возникновения владычного суда в его новом значении. Указанные даты могут быть установлены, хотя подавляющее большинство известных нам печатей не сохранилось при грамотах, а найдено в земле при случайных обстоятельствах.

Большинство новгородских тиунских печатей датируется XIV в., на который указывают: технические особенности кружков, утративших характерный для XIII в. острый гурт, присущее буллам XIV в. отсутствие изображений, палеографическое сходство надписей с надписями именных владычных и посадничьих печатей и т. д. Все тиунские печати происходят из находок в земле, однако обстоятельства находки двух печатей, которые к тому же несут явные архаические признаки, сообщают нужную дату. Мы имеем в виду находку печатей тиуна Каллиста, обнаруженных в 1952 г. при раскопках на Неревском конце. Одна из этих печатей, к сожалению, обнаружена в слоях, прилежавших к мостовой в том месте, где в древности проходила линия частокола; поэтому дата ее попадания в землю может быть только суммарной (вторая половина XIII в.). Зато другая найдена в слое с четкой дендрохронологической датой — 1281—1299 гг.

Что касается печатей владычных наместников, то здесь материалов для датировки древнейших экземпляров гораздо больше. Очень важны для этой цели печати ладожских и новоторжских наместников. Древнейшая новоторжская печать, стоящая в начале непрерывного хронологического ряда таких булл, датируется изображением на ней св. Давида, патрона архиепископа Давида (1308—1324 гг.)²⁸. Древнейшая ладожская печать датируется по изображению на ней св. Климента, патрона архиепископа Климента (1273—1299 гг.)²⁹. Самые архаичные из анонимных владычных печатей несут изображение богоматери, наиболее близкое изображениям на именных буллах Климента и Феоктиста.

Мы наблюдаем, таким образом, совпадение целого ряда дат, определяющих время возникновения явлений, родственных по своему характеру. Позднейшие акты ссылаются на dokonчание Андрея Александровича, заключенное в 1294 г., как на первый документ, в котором закреплены новые формы отношений между князем и Новгородом. В начале 1290-х годов посадничество преобразуется в обновляемый ежегодно представительный орган. Ко времени архиепископа Климента, умершего в 1299 г., относятся первые свидетельства возникновения особой организации владычных наместников, которые, судя по более поздним материалам, связаны с гражданским судом владыки. К концу XIII в. относится древнейшая тиунская печать, принадлежавшая организации торгового суда. Наконец, в тот же период в Новгороде проявляется особый интерес к конституированию торгового суда, который проявился в возникновении компиляции «Устав Всеволода» и фальсификата «Рукописание Всеволода». Эти совпадения ведут к неизбежному выводу о коренном преобразовании республиканских органов и решительном ограничении княжеской власти в конце XIII в. 90-е годы XIII в. оказываются важнейшим историческим рубежом, который отделяет развитую республиканскую организацию Новгорода от длительного предшествующего периода двоевластия республики и князя. По существу эти преобразования знаменуют окончательную победу новгородского боярства над княжеской властью. Самой существенной особенностью развития новгородской государственности в последующий период является безусловная номинальность княжеской власти, безраздельное господство боярства во внешней и внутренней политике.

Следует особо отметить, что преобразование республиканских органов в конце XIII в. произошло после того, как на протяжении всего XIII в. в Новгороде осуществлялась именно та тенденция, которая легла в основу этих преобразований. Оформлению представительного посадничества предшествовали менее определенные формы государственной организации «вятшего» боярства, также основанные на кончанском представительстве. Какие-то формы независимости торгового суда от княжеского управления были декларированы еще в первой четверти XIII в. при князе Всеволоде Мстиславиче. Повышение роли владыки в республиканских органах прослеживается при наблюдениях над сфрагистическими памятниками в середине XIII в. Государственные реформы конца XIII в. являются поэтому результатом длительных процессов, наполнявших политическую жизнь Новгорода на протяжении многих десятилетий.

²⁸ См. В. Л. Янин. Печати наместников новоторжских. СА, XIX, 1954.

²⁹ См. В. Л. Янин. Печати ладожских наместников. КС ИИМК, 1953, вып. 52.

Глава 6

ПОСАДНИКИ XIV — НАЧАЛА XV ВЕКА И ОФОРМЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ПОСАДНИЧЕСТВА

Сделанные выше наблюдения заставляют различать две стороны новгородского посадничества начала XIV в. Посадничество как таковое в этот период сохраняет древнюю форму единоправия. Его срок ограничен и регламентирован, однако организация республиканской власти еще не связана с существованием степенного посадника и старых посадников. С другой стороны, эта организация уже содержит в себе прообраз будущих классических республиканских порядков, поскольку посадник является представителем не только своей собственной боярской группы, но и общегородского боярского совета, образовавшегося из представителей всех концов Новгорода. Выборы посадника на определенный непродолжительный срок являются лишь дополнением к другим выборам, в ходе которых представители концов получали пожизненные полномочия и права преимущественного избрания в посадники. Посадничество вращается в замкнутом кругу кончанских представителей, и проникновение внутрь этого круга новых лиц обусловлено в каждом случае физической или политической смертью одного из членов правящей элиты.

По существу этот порядок уже содержит в себе противопоставление степенного посадника старым посадникам, но пока степенный посадник называется просто посадником, а старые посадники не носят никакого титула. Во всяком случае мы должны строго различать посадничество и кончанское представительство в посадничестве. Иной боярин, став членом элиты после смерти своего предшественника, мог сделаться посадником лишь спустя несколько лет после того, как он получал преимущественное право быть избранным на высшую должность, поскольку, как мы уже заметили, регулярной очередности представителей концов в получении посадничества не существовало. Теоретически вполне возможен случай, когда какой-либо кончанский представитель так и не становился посадником. Вполне понятно, что при исключительной фрагментарности известий о посадниках XIV в. нам не удастся изобразить переход посадничества от одного деятеля к другому в виде обычной хронологической таблицы. Мы должны воспользоваться синхронистическими таблицами, на которых найдут отражение и редкие сведения о посадниках, и хронологические рамки сосуществования кончанских представителей в посадничестве (см. табл. 2). Имена кончанских представителей мы показываем обычным шрифтом; те же имена показаны курси-

вом под датами, которые известны как годы посадничества их носителей; эти имена выделены полужирным шрифтом под датами смерти кончанских представителей. В таблице обобщены сведения по 1316 г.

ПОСАДНИКИ 1316 — 1342 годов

Свидетельства документов, бывшие достаточно отрывочными для начала XIV в., после 1316 г. становятся еще менее удовлетворительными. Новое посадничье имя сообщает впервые только договор Новгорода с Ливонским орденом, составленный в 1323 г.¹ В этом документе посадником назван Олфромеи, т. е. Варфоломей.

Нам представляется весьма странной точная дата этого акта, которой, вслед за Ф. Г. Бунге, придерживаются последние издатели грамоты. Они относят ее к 28 января 1323 г., хотя эта дата противоречит прямому показанию документа: «дана в год господа нашего 1323-й, в последнюю пятницу перед днем Святого креста»². В христианском календаре существует три праздника, которые возможно связывать с наименованием «дня Святого креста»: крестопоклонную неделю, которая приходится на третье воскресенье великого поста, праздник Происхождения креста (1 августа) и праздник Воздвиженья (14 сентября). Две последние даты решительно отпадают, так как договор 1323 г. предусматривает союз Новгорода с немцами, а уже в мае 1323 г. в исполнение этого договора новгородцы отказывают псковичам в помощи против немцев³. Что касается крестопоклонной недели, то, поскольку пасха в 1323 г. была 27 марта, третье воскресенье великого поста приходилось на 27 февраля. Следовательно, грамота датируется 25 февраля.

Имя посадника Варфоломея названо также в известном Ореховецком договоре Новгорода со Швецией, датированном 12 августа 1323 г.⁴, и в договоре Новгорода с Норвегией 3 июня 1326 г.⁵ Летописные данные дополняют наши сведения об этом посаднике. Он упомянут под 1331 г., когда летописец повествует о встрече в Новгороде архиепископа Василия в день св. Потопия (8 декабря) после его поставления: «И рада быша новгородци своему владыце, а при князе Иване, при посаднике Валфромеи, при тысяцком Остафьи»⁶. Под той же датой о посадничестве Варфоломея, названного в немецком тексте Олферием, сообщается в донесении Немецкого двора Рижскому магистрату о ссоре новгородцев с немецкими гостями 10 ноября 1331 г.⁷ Скончался Варфоломей в 1342 г., и летописный рассказ о его смерти сообщает происхождение этого посадника: «Месяца октября преставися раб божий Валфромеи, посадник новгородчкыи, сын Юрия Мишинича, на память святых мученик Маркияна и Мантурия, в 25; и положиша тело его у Святых 40 в огне гробе владыка Василии с игумены и с попы»⁸. Отчество Варфоломея Юрьевича указано также в летописи под 1334 г.⁹ и в Списке Б.

Происхождение Варфоломея от Юрия Мишинича позволяет установить те хронологические рамки, в которых осуществлялась активная политическая деятельность Варфоломея. Юрий Мишинич был убит

¹ ГВНиП, стр. 65, № 37.

² «...des lesten vridages vor des heiligen Kerstes dage» (там же, стр. 67).

³ «Псковские летописи», вып. I, стр. 16; вып. II, стр. 23, 90. Праздник Происхождения креста отпадает и потому, что в 1323 г. он приходился на пятницу. В пользу крестопоклонной недели говорит также сложная, «великопостная» фразеология даты в документе.

⁴ ГВНиП, стр. 67, № 38.

⁵ Там же, стр. 69, № 39.

⁶ НПЛ, стр. 344; ПСРЛ, т. IV, стр. 52; т. V, стр. 219.

⁷ ЦОИДР, 1893, кн. I, отд. V, стр. 1—8; «Памятники истории Великого Новгорода», под ред. С. В. Бахрушина, стр. 78.

⁸ НПЛ, стр. 355; ПСРЛ, т. IV, стр. 57.

⁹ НПЛ, стр. 346.

в 1316 г., когда в новгородской элите таким образом открылась вакансия на место представителя Неревского конца в посадничестве. Упоминание сына Юрия Мишинича как посадника уже через несколько лет после смерти Юрия, по-видимому, указывает, что Юрий в этом представительстве был сменен Варфоломеем. Рассказ о погребении Варфоломея приобретает в этом смысле символический характер: преемник Юрия похоронен в одном с ним гробу в церкви 40 мучеников, бывшей местом вечевых собраний граждан Неревского конца. В Списке А Варфоломей помещен непосредственно за посадником 1316 г. Семеном (Климовичем), однако это показание для нас, к сожалению, бесполезно, так как соответствующая часть списка реконструирована составителем на основе летописного рассказа.

Варфоломей Юрьевич представлял в посадничестве Неревский конец с 1316 по 1342 г. Это, однако, вовсе не означает, что посадником он стал уже в 1316 г. Напротив, мы хорошо знаем посадника 1316 г., избранного сразу же после битвы при Торжке, — представителя Прусской улицы Семена Климовича. Между 1316 и 1342 гг. Варфоломей Юрьевич становился посадником всякий раз, когда посадничество переходило в руки боярства Неревского конца. Эти даты мы поставили в заголовок настоящего раздела, так как рассмотрение других посадничьих имен оказывается наиболее удобным, когда даты их упоминаний возможно проецировать на достаточно продолжительную хронологическую ось.

В 1316 г. в правящей элите открылась вакансия не только для Варфоломея Юрьевича. Смерть Андрея и Михаила Павшинича, погибших 10 февраля вместе с Юрием Мишиничем, должна была повести к появлению новых представителей от Плотницкого конца и от Прусской улицы. По-видимому, около той же даты наметилась и вторая вакансия Прусской улицы, так как ее представитель Семен Климович, активная деятельность которого, начавшись в 1292 г., продолжалась уже четверть века, был далеко не молодым человеком. Во всяком случае в конце 1310-х и начале 1320-х годов состав кончанских представителей, несомненно, коренным образом обновляется. Список А после посадников, погибших в 1316 г., называет следующих лиц: «(50) Варфоломей, (51) Федор Ахмыл, (52) Захарья, (53) Матфей Коска, (54) Федор, (55) Остафья». Однако мы уже обнаружили зависимость этой части списка от летописного рассказа и не можем основывать на ней каких-либо независимых выводов. Поэтому нам следует обратиться к летописным и актовым свидетельствам, чтобы познакомиться с современниками Варфоломея, чередовавшимися с ним на посадничестве.

Имя одного из них дают только акты; он не упоминается в летописи и потому не отражен в соответствующей части посадничьего списка. Это посадник Данила, от лица которого составлена договорная грамота Новгорода с великим князем Александром Михайловичем¹⁰. Датировка грамоты, предложенная ее последними издателями, основывается на датах великого княжения Александра (1326—1327 гг.) и на словах самого документа, из которых следует, что он был составлен около «Великого дня». Л. В. Черепнин и А. А. Зимин уточнили датировку dokonчания, признав его составленным между 12 апреля и 15 августа 1327 г.¹¹ Следовательно, посадник Данила был непосредственным преемником Варфоломея, бывшего на посадничестве в июне 1326 г. Очевидно, что Даниле принадлежал следующий срок с февраля 1327 по февраль 1328 г.

¹⁰ ГВНиП, стр. 27, № 14.

¹¹ См. Л. В. Черепнин. Ук. соч., ч. I, стр. 301; А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв., стр. 313.

То же посадничье имя упоминается в грамоте на Двину, датированной 1328—1341 гг., поскольку одним из названных в ней лиц является великий князь Иван¹². Последняя датировка может быть значительно уточнена, так как вместе с посадником Данилой в грамоте назван тысяцкий Аврам. На протяжении 20-х и 30-х годов XIV в. новгородское тысяцкое поочередно занимали лишь два лица — Аврам и Евстафий Дворянинец. Тысяцкое Аврама зафиксировано договорами 1323, 1327 гг., надписью на Васильевских вратах 1335—1336 гг. и летописными показаниями 1328, 1329, 1340, 1348 гг. Тысяцкое Евстафия — договором 1326 г. и летописными показаниями 1331 и 1335 гг. В первый раз Евстафий потерял тысяцкое в самом начале мартовского 6835 г., т. е. весной 1327 г., в результате восстания; во второй раз — около 1335 г., когда он получил более почетную должность посадника. Таким образом, посадник Данила мог сосуществовать с тысяцким Аврамом и Иваном Калитой или в 1327—1331 гг., или же около 1335—1341 гг. Однако второй вариант отпадает, так как уже в 1335 г. в Новгороде посадничает сын Данилы — Федор, свидетельствуя тем самым, что к 1335 г. посадник Данила уже скончался. Грамота Данилы, Аврама и Ивана Калиты на Двину может быть датирована лишь временем с 1327 по 1331 г. Однако мы знаем, что внутри этого срока достоверное посадничество Данилы датируется 1327—февралем 1328 гг. Поэтому предпочтительнее датировать документ августом 1327 г. (признание новгородцами Ивана Даниловича) — февралем 1328 г. (окончание регулярного срока посадничества Данилы).

Другой посадник — Федор — назван впервые псковской летописью в рассказе о посольстве Новгорода в Псков к князю Александру в 1329 г.¹³ Еще раз посадник Федор, теперь уже с прозвищем, назван в рассказе новгородской летописи о событиях 1332 г.: «Восташа крамолнице в Новгороде, и отъяша посадничество у Федора у Ахмыла и даша Захарьи Михайловичю... В том же лете отъяша посадничество у Захарьи и даша Матфею Коске»¹⁴. Смысл этих важных событий станет нам ясен после того, как мы разберемся в принадлежности упомянутых посадников к определенным концам.

Под 1335 г. в летописи упоминается посадник Федор Данилович, который вместе с владыкой Василием и тысяцким Евстафием заложил каменный острог на Торговой стороне, от св. Ильи к св. Павлу¹⁵. Повидимому, тот же посадник, но не названный по имени, едет в 1335 г. с владыкой, тысяцким и «вятшими» боярами в Москву по приглашению великого князя¹⁶. К тому же году относятся Васильевские врата, в надписи которых назван посадник Федор Данилович: «В лето 6844 индикт лет 4 исписаны двери сия повелением боголюбивого архиепископа новгородскаго Василья при князи благоверном Иване Даниловиче, при посадничестве Федорове Даниловича, при тысяцком Авраме»¹⁷. Этот памятник привычно датируют 1336 г., однако указание индикта, которое свидетельствует о применении сентябрьского цикла, заставляет помещать дату исполнения врат между сентябрем 1335 г. и августом 1336 г. Если при этом учесть, что достоверный срок посадничества Федора Даниловича в 1335—1336 гг. ограничивается февралем 1335—февралем 1336 гг., дату врат можно еще более ограничить сентябрем 1335—февра-

¹² ГВНИП, стр. 142, № 85.

¹³ «Псковские летописи», вып. I, стр. 16; вып. II, стр. 91. Рассказ записан под 1327 г., под которым освещены все события 1327—1329 гг. (с оговоркой «на третнее лето»). Ср. с новгородскими летописями под 1329 г.

¹⁴ НПЛ, стр. 99, 344—345.

¹⁵ Там же, стр. 346.

¹⁶ Там же, стр. 347.

¹⁷ См. В. Н. Лазарев. Васильевские врата 1336 г. СА, XVIII, 1953, стр. 396 и сл.

лем 1336 г. Посадником Федор назван также под 1338 г., когда он возглавляет поход новгородцев под Орехов¹⁸, и в 1342 г. в рассказе о столкновении с Онцифором Лукичем¹⁹. В последний раз он упомянут с посадничьим титулом под 1350 г.²⁰. Отметим, что посадники Федор Ахмыл и Федор Данилович не могут быть отождествлены. Оба посадничьих списка их четко различают (в Списке А—(51) Федор Ахмыл, (54) Федор):

Еще два одновременных Варфоломею Юрьевичу посадника упомянуты в цитированном рассказе о событиях 1332 г. — Захария Михайлович и Матфей Коска. Захария Михайлович — сын Михаила Павшинича; прямое родство его с последним указано в Списке Б, показанию которого в данном случае мы можем довериться, так как оно внесено вскоре после смерти внука Михаила Павшинича — Есифа Захарьинича, когда близкие родственные связи посадников еще были памяты. Что касается Матфея Коски, то его происхождение нам неизвестно. Списки посадников называют его Матфеем Варфоломеевичем, но из этого вовсе не следует, что он был сыном посадника Варфоломея Юрьевича. Во-первых, его деятельность в посадничестве относится еще к тому времени, когда Варфоломей был жив. Во-вторых, существуют такие летописные контексты, в которых родство его с Варфоломеем Юрьевичем было бы неизбежно отмечено, если бы оно в действительности существовало. Мы имеем в виду прежде всего рассказ о событиях 1342 г., вызванных гибелью сына посадника Варфоломея — Луки. Матфей Коска тогда выступает против посадника Федора Даниловича совместно с сыном погибшего Луки — Онцифором, однако если бы он сам был сыном Варфоломея Юрьевича, то приходился бы Луке родным братом — обстоятельство, достаточно важное для морализирующего рассказчика. Тем не менее рассказ самим умолчанием дает понять, что он не был родственником Онцифора. В последний раз Матфей упоминается как посадник под 1345 г.²¹

Наконец, косвенное указание на существование еще одного современника Варфоломея в посадничестве может быть извлечено из сравнения летописных текстов 1331 и 1340 гг. Под 1331 г. среди бояр, сопровождавших владыку Василия на поставление в Волынскую землю, назван «Вальфромей Остафьев сын тысяцкого»²², т. е. сын Евстафия Дворянина, который в 1331 г. действительно был тысяцким²³. Однако под 1340 г. тот же Варфоломей называется уже «посадничим сыном Остафьевым»²⁴. Следовательно, между 1331 и 1340 гг. его отец Евстафий был избран в посадники, а в 1340 г. отправлял эту должность. Можно высказать также аргументированное предположение о точной дате получения Евстафием места в правящей элите. Еще в 1335 г. он был тысяцким и в этом звании участвовал в постройке каменного острога на Торговой стороне. Однако в том же году или в начале 1336 г. тысяцким стал Аврам, имя которого помещено на Васильевских вратах. Отказ Евстафия от должности тысяцкого может быть объяснен появлением вакансии в правящей элите и замещением ее Евстафием. Последний раз он назван с посадничьим титулом под 1346 г., когда был убит²⁵.

Таким образом, поставив перед собой задачу составить список новгородских деятелей, приходивших на посадничество между 1316 и 1342 гг., мы установили следующих лиц:

¹⁸ НПЛ, стр. 348; ПСРЛ, т. V, стр. 21.

¹⁹ НПЛ, стр. 355—356; ПСРЛ, т. IV, стр. 55.

²⁰ НПЛ, стр. 362; ПСРЛ, т. IV, стр. 60.

²¹ НПЛ, стр. 358.

²² Там же, стр. 343; ПСРЛ, т. IV, стр. 52; т. V, стр. 219; т. VII, стр. 202.

²³ НПЛ, стр. 344.

²⁴ Там же, стр. 352; ПСРЛ, т. IV, стр. 54; т. V, стр. 222; т. VII, стр. 206.

²⁵ НПЛ, стр. 358—359; ПСРЛ, т. IV, стр. 58; т. V, стр. 225; т. VII, стр. 10.

1. Варфоломей Юрьевич (№ 50 по Списку А); был постоянным кандидатом на посадничество в 1316—1342 гг.;

2. Федор Ахмыл (№ 51 по Списку А); постоянный кандидат в посадники в 1329—1332 гг.;

3. Захарья Михайлович (№ 52 по Списку А); упомянут как посадник под 1332 г.

4. Матфей Варфоломеевич Коска (№ 53 по Списку А); постоянный кандидат в посадники между 1332 и 1345 гг.;

5. Федор Данилович (№ 54 по Списку А); постоянный кандидат в посадники между 1335 и 1350 гг.;

6. Евстафий Дворянинец (№ 55 по Списку А); постоянный кандидат в посадники между 1335 и 1346 гг.;

7. Данила (не отмечен в списках); посадник 1327—1328 гг.

Будучи синхронными Варфоломею Юрьевичу, не все эти посадники, как это показывает сравнение дат, синхронны друг другу. Если ограничиться 1335—1342 гг., то в этих рамках сосуществуют Варфоломей Юрьевич, Матфей Коска, Федор Данилович и Евстафий Дворянинец. Были ли к этому времени живы Федор Ахмыл, Захарья Михайлович и Данила, нам пока неизвестно. Однако, принимая тезис о кончанском представительстве, мы должны допускать, что между некоторыми из перечисленных лиц имела место преемственность, а не сосуществование.

Нам уже известна территориальная принадлежность некоторых названных здесь посадников. Варфоломей Юрьевич был представителем Неревского конца, Захария Михайлович — представителем Плотницкого конца. Принадлежность других посадников к определенным территориальным боярским группировкам может быть в значительной степени выяснена наблюдениями над летописным рассказом 1342 г.

Около того времени, когда умер Варфоломей Юрьевич, во всяком случае до зимы 1342/43 г., на Двине был убит сын покойного посадника Лука Варфоломеевич. Эта смерть вызвала восстание новгородских черных людей, которые обвинили посадника Федора Даниловича и какого-то Андрея. Дома Федора и Андрея были разграблены, а сами они бежали в Копорье, где просидели всю зиму до великого поста. В это время с Ваги вернулся сын убитого Луки Онцифор и бил челом Новгороду на Федора и Андрея. За ними в Копорье был отправлен архимандрит Есиф. По возвращении его с обвиненными было созвано два веча: одно — Онцифором и Матфеем Коской у Софийского собора, а другое — Федором Даниловичем и Андреем — на Ярославовом дворе. Произошло столкновение сторон, в результате которого Матфея Коску с сыном заперли в церкви, а Онцифор вынужден был бежать. На другой день мир был восстановлен, и Федор Данилович остался посадником²⁶.

Самый смысл этого летописного рассказа заставляет сделать весьма важные наблюдения. Посадник Федор Данилович безоговорочно связан летописцем с Торговой стороной, а это значит, что и его вероятный отец посадник Данила был одним из представителей Торговой стороны. Однако ни Данила, ни Федор не могли представлять Плотницкий конец, так как достоверный представитель плотницкого боярства Захария Михайлович был современником Данилы. Эти сопоставления заставляют связывать Данилу и Федора Даниловича с боярством Славенского конца.

Матфей Коска тем же рассказом связан с Софийской стороной. На Софийской стороне он не мог быть представителем Неревского конца, так как его посадничество зафиксировано летописцем еще под 1332 г.,

²⁶ НПЛ, стр. 355—356.

когда был жив достоверный представитель Неревского конца Варфоломей Юрьевич. Следовательно, его можно связывать лишь с Прусской улицей, считая представителем Людина или Загородского конца.

Наиболее трудным кажется нам определение территориальной принадлежности двух остальных посадников — Федора Ахмыла и Евстафия Дворянинца. Вполне очевидно, что ни один из них не мог представлять Неревский конец, так как оба они сосуществуют с представителем этого конца Варфоломеем Юрьевичем. Евстафий Дворянинец не может быть также представителем Славенского конца, от которого посадничал его современник Федор Данилович. Не мог он также представлять Прусскую улицу, на что указывает летописный рассказ 1345 г.: «Тогда отъяша посадничество от Остафья Дворянинца и даша посадничество Матфею Вальфромеевичю: божиюе благодатью не бысть между ими лиха»²⁷. Поскольку Матфей Варфоломеевич Коска был представителем Прусской улицы, для Евстафия остается только одна вакансия — представителя Плотницкого конца. В самом деле, достоверный представитель этого конца Захария Михайлович в последний раз упоминается под 1332 г., а Евстафий перестает быть тысяцким в 1335 г. Мы уже предположили, что сложение им тысяцкого было связано со смертью его предшественника в посадничестве и заполнением им открывшейся вакансии.

Что касается Федора Ахмыла, для него невозможно представительство ни от Неревского конца, ни от Славенского конца, где существуют синхронные ему достоверные посадники, ни от Плотницкого конца, поскольку в 1332 г. посадничество было отнято у него в пользу плотницкого представителя Захарии Михайловича. Следовательно, он может быть связан только с Прусской улицей.

Сравнивая даты посадничества представителей Прусской улицы Федора Ахмыла (1329, 1332 гг.) и Матфея Коски (между 1332 и 1345 гг.), мы видим, что эти представители не сосуществуют, а сменяют один другого. Это обстоятельство заставляет предполагать, что вскоре после 1316 г. (со смертью Семена Климовича), а может быть в 1316 г. (со смертью Андрея Климовича), представительство от Загородского конца было ликвидировано. Мы убедимся в дальнейшем, что возрождение двойного представительства повлечет серьезные изменения всей системы организации новгородского посадничества.

В приводимой таблице (см. табл. 3) отражены факты, связанные с посадничеством между 1316 и 1342 гг., но в ней также учтены и некоторые более поздние материалы, использованные в изложенном разделе.

Сравнение достоверных дат посадничества показывает, что к 1342 г. порядок регулярной очередности представителей концов в посадничестве не сложился. Если бы такой порядок существовал, то представитель каждого конца должен был бы приходиться на посадничество каждый четвертый срок. Между тем Федор Данилович был посадником в 1335—1336, 1338—1339, 1342—1343 гг. В первом случае между его достоверными посадничествами прошло два года, во втором — три. Варфоломей Юрьевич был посадником в 1323—1324, 1326—1327, 1331—1332 гг. В первом случае между его посадничествами прошло два года, во втором — четыре. Отражением той же бессистемности является отсутствие регулярности в чередовании на посадничестве представителей концов. В одном случае (1327 г.) на смену неревскому боярину Варфоломею приходит славенский боярин Данила, в другом (1332 г.) — на смену тому же Варфоломею приходит прусский боярин Федор Ахмыл. Правда, Федор был тут же свергнут, но не ради славенского, а ради плотницкого боярина.

²⁷ НПЛ, стр. 358.

ПОСАДНИЧЕСТВО В 1316—1342 гг.

	Прусская улица	Неревский конец	Плотницкий конец	Славенский конец
1316	<i>Семен Каимович</i>	Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович	?
1317	?	Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович	?
1318	?	Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович	?
1319	?	Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович	?
1320	?	Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович	?
1321	?	Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович	?
1322	?	Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович	?
1323	? ?	Варфоломей Юрьевич <i>Варфоломей Юрьевич</i>	Захария Михайлович Захария Михайлович	? ?
1324	? ?	<i>Варфоломей Юрьевич</i> Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович Захария Михайлович	? ?
1325	?	Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович	?
1326	? ?	Варфоломей Юрьевич <i>Варфоломей Юрьевич</i>	Захария Михайлович Захария Михайлович	? ?
1327	? ?	<i>Варфоломей Юрьевич</i> Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович Захария Михайлович	? <i>Данила</i>
1328	? ?	Варфоломей Юрьевич Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович Захария Михайлович	<i>Данила</i> ?
1329	? <i>Федор Ахмыл</i>	Варфоломей Юрьевич Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович Захария Михайлович	? ?
1330	<i>Федор Ахмыл</i> Федор Ахмыл	Варфоломей Юрьевич Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович Захария Михайлович	? ?
1331	Федор Ахмыл Федор Ахмыл	Варфоломей Юрьевич <i>Варфоломей Юрьевич</i>	Захария Михайлович Захария Михайлович	? ?
1332	Федор Ахмыл <i>Федор Ахмыл</i> ? <i>Матфей Коска</i>	<i>Варфоломей Юрьевич</i> Варфоломей Юрьевич Варфоломей Юрьевич Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович Захария Михайлович <i>Захария Михайлович</i> Захария Михайлович	? ? ? ?
1333	<i>Матфей Коска</i> Матфей Коска	Варфоломей Юрьевич Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович Захария Михайлович	? ?
1334	Матфей Коска	Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович	?
1335	Матфей Коска Матфей Коска	Варфоломей Юрьевич Варфоломей Юрьевич	Захария Михайлович Евстафий Дворянинец	? <i>Федор Данилович</i>
1336	Матфей Коска Матфей Коска	Варфоломей Юрьевич Варфоломей Юрьевич	Евстафий Дворянинец Евстафий Дворянинец	<i>Федор Данилович</i> Федор Данилович
1337	Матфей Коска	Варфоломей Юрьевич	Евстафий Дворянинец	Федор Данилович
1338	Матфей Коска Матфей Коска	Варфоломей Юрьевич Варфоломей Юрьевич	Евстафий Дворянинец Евстафий Дворянинец	Федор Данилович <i>Федор Данилович</i>

	Прусская улица	Неревский конец	Плотницкий конец	Славенский конец
1339	Матфей Коска Матфей Коска	Варфоломей Юрьевич Варфоломей Юрьевич	Евстафий Дворянинец Евстафий Дворянинец	<i>Федор Данилович</i> Федор Данилович
1340	Матфей Коска Матфей Коска	Варфоломей Юрьевич Варфоломей Юрьевич	Евстафий Дворянинец <i>Евстафий Дворянинец</i>	Федор Данилович Федор Данилович
1341	Матфей Коска Матфей Коска	Варфоломей Юрьевич Варфоломей Юрьевич	<i>Евстафий Дворянинец</i> Евстафий Дворянинец	Федор Данилович Федор Данилович
1342	Матфей Коска Матфей Коска	Варфоломей Юрьевич	Евстафий Дворянинец Евстафий Дворянинец	Федор Данилович <i>Федор Данилович</i>
1343	Матфей Коска Матфей Коска		Евстафий Дворянинец Евстафий Дворянинец	<i>Федор Данилович</i> Федор Данилович
1344	Матфей Коска		Евстафий Дворянинец	Федор Данилович
1345	Матфей Коска		Евстафий Дворянинец	Федор Данилович
1346			Евстафий Дворянинец	Федор Данилович
1347				Федор Данилович
1348				Федор Данилович
1349				Федор Данилович
1350				Федор Данилович

Как и раньше, вопрос о принадлежности высшей государственной власти решался каждый раз конкретным соотношением сил, успехами отдельных боярских групп в их борьбе между собой, политической ловкостью и хитросплетением обстоятельств. Если на первых порах создание новой организации власти было отражением внутрибоярского сплочения в борьбе с князем, завершившегося решительной победой боярства, то в дальнейшем эта организация продолжает отражать прежде всего внутрибоярские противоречия. Порядок ежегодного обновления посадничества, не дополненный регламентированным порядком очередности в замещении посадничьей должности членами правительственной элиты, по существу узаконивал в Новгороде состояние непрерывной политической лихорадки и подчинял развитие государственности превратностям внутрибоярской борьбы. На протяжении всей республиканской истории Новгорода боярство делало успехи в своей классовой консолидации под воздействием двух факторов — антинародной, классовой и антикняжеской борьбы. К началу XIV в. после победы над князем на первое место выдвигается фактор классовой борьбы. Относительная слабость классовых движений должна была консервировать внутрибоярскую рознь, их усиление влекло за собой попытки преодолеть слабость боярского государства и подчинить его дальнейшее развитие задачам боярской консолидации.

ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСА И РЕФОРМА ОНЦИФОРА ЛУКИЧА

В отличие от первой четверти XIV в. вся вторая четверть этого столетия наполнена в Новгороде острой политической борьбой, постоянно затрагивавшей организацию власти.

В 1327 г. происходит восстание против Евстафия Дворянина, бывшего тогда тысяцким. Восставшие грабят и сжигают двор Евстафия²⁸. В 1332 г. «крамолнице» отнимают посадничество у прусского боярина Федора Ахмыла и передают власть плотницкому представителю Захарии Михайловичу. В том же году Захария теряет посадничество, которое возвращается к прусскому боярину, на этот раз к Матфею Коске²⁹. В 1342 г. происходят уже описанные выше события, вызванные гибелью на Двине Луки Варфоломеевича. Восстание 1342 г. направлено против посадника. В 1345 г. посадничества лишен плотницкий боярин Евстафий Дворянинец в пользу прусского боярина Матфея Коски. «Божиею благодатью не бысть между ими лиха», — отмечает летописец³⁰. «Лихо» случилось в следующем 1346 г. К Шелони, на устье Пшаги, пришел Ольгерд «со всею Литовскою землей» и обратился к новгородцам: «Хочю с вами видеться; лалял ми посадник ваш Остафеи Дворяниц, назвал ми псом». Ольгерд захватил Шелону и Лугу и взял окуп с Порхова и Опоки, что вызвало возмущение новгородцев против Евстафия, «и убиша Дворянинца посадника на вече», говоря, что из-за него взяты новгородские волости³¹.

Отыскивая причины заметной активизации внутренней борьбы в Новгороде, можно отметить несколько обстоятельств. Несомненно общее усиление классовой борьбы в это время. Летописец несколько раз сообщает, что «простая чадь» особенно активна в городских движениях. Рассказывая о восстании 1327 г., он пишет: «Наважением диаволим сташа простая чадь на анхимандрита Есифа, и створиша вече, запроша Есифа в церкви святого Николы; и седоша около церкви ночь и день коромолници, стерегуще его»³². Во время восстания 1342 г. еще до появления Онцифора в Новгороде инициативу захватывают в свои руки «чорный люди»³³. Классовая борьба в этот период с небывалой силой разгорается в деревне. Под 1344 г. летописец отмечает сильнейший антибоярский мятеж чуди: «Бысть мятежь велик: избиха Чюдь своих бояр земьских, и в Кольваньской земли, и в Ругодивьской волости, 300 их»³⁴.

Однако несомненно, что городские движения в Новгороде второй четверти XIV в., имеющие классовый характер, направлены в большинстве случаев к замене одного посадника другим и развиваются в духе традиционной внутрибоярской борьбы, в которой на стороне «своих» бояр принимает участие простой люд, произвольно разобщенный рубежами боярского территориального соперничества. Показательно, что борьба вокруг посадничества всякий раз принимает формы борьбы Торговой и Софийской сторон. Противоположность сторон прослеживается в 1332 г., когда прусский посадник сначала уступает плотницкому, а затем плотницкий — прусскому. Она в живых подробностях встает со страниц рассказа 1342 г., когда в ходе борьбы созываются два вече — на Софийской и Торговой сторонах. Она снова делается очевидной в 1345 г., когда на место свергнутого плотницкого посадника избирается прусский боярин.

Эта одновременная и бросающаяся в глаза активизация классовой и внутрибоярской борьбы является, на наш взгляд, основной особенностью второй четверти XIV в. в Новгороде. Нельзя не отметить и еще

²⁸ НПЛ, стр. 98, 341.

²⁹ Там же, стр. 99, 344—345.

³⁰ Там же, стр. 358.

³¹ Там же, стр. 358—359; ПСРЛ, т. IV, стр. 58; т. V, стр. 225; т. VII, стр. 10.

³² НПЛ, стр. 347.

³³ Там же, стр. 356.

³⁴ Там же, стр. 357.

одного обстоятельства, сыгравшего немаловажную роль в развитии внутрибоярской борьбы. Если к началу XIV в. боярство добилось победы над князем, то на всем протяжении первой четверти XIV в. победа не кажется завершённой. Новгород активно участвует в княжеской борьбе между Москвой и Тверью. Великие князья еще не свыклись с мыслью, что прежний Новгород потерян для них безвозвратно. Более того, они иногда добиваются, по-видимому, некоторого расширения великокняжеских прав в Новгороде. В частности, dokonчания Михаила Ярославича и Александра Михайловича возводят «старину и пошлину» ко времени Ярослава Ярославича, а не ко времени Андрея Александровича. Последним великим князем, активно подвизавшимся в Новгороде и водившим новгородские полки, был Юрий Данилович, убитый в Орде в 1327 г. С появлением на великом княжении Ивана Калиты, отношения между князем и Новгородом складываются в окончательных формах автоматического признания суверенитета великого князя над Новгородом и практического невмешательства великого князя во внутренние новгородские дела. Именно с началом второй четверти XIV в. антикняжеская борьба новгородского боярства утрачивает остроту.

Отмеченную выше особенность новгородской политической жизни во второй четверти XIV в. можно формулировать следующим образом. Боярская государственность этой поры переживает серьезный кризис. Незавершенность организации государственной власти способствует постоянному возрождению внутрифеодальной борьбы, способной в условиях несомненного роста классового антагонизма вести к еще большему обострению этого кризиса. Выходом из кризиса могла быть только реорганизация государственной власти, превращение посадничества в орган боярской консолидации. Боярство нуждалось в идеологе и талантливом организаторе.

40-е годы XIV в. не дают какой-либо развязки. Несмотря на исключительную фрагментарность сведений о посадниках этого времени, все же можно сделать некоторые наблюдения. Перечислим прежде всего все прямые свидетельства летописи. В 1345 г. посадничество принадлежало Евстафию Дворянину, при котором было поновлено покрытие церкви св. Георгия³⁵. В том же году он был лишен посадничества в пользу Матфея Коски, а в 1346 г. убит. В 1348 г. посадником был Федор Данилович, водивший в указанном году новгородцев в поход на шведов³⁶.

Более важные, хотя и косвенные указания могут быть получены при анализе списков посадников. Однако этот анализ осложнен двумя обстоятельствами. Во-первых, в той части Списка А, которая перечисляет посадников первой половины XIV в., как уже отмечено, единственным источником были летописные показания. Во-вторых, как раз в интересующих нас местах списков начинаются весьма существенные разночтения между Списками А и Б. Поэтому, прежде чем пользоваться их показаниями, следует критически оценить эти разночтения, определить и отделить достоверный материал и установить, какой из двух списков отражает действительные факты.

Мы уже отмечали, что расхождения между Списками А и Б в определении очередности посадников незначительны, поскольку Список А является одним из главных источников Списка Б. Противоречивыми оказываются лишь части этих списков, содержащие имена посадников середины XIV в.; в остальных частях текста они практически идентичны. Рассмотрим эти расхождения, сопоставляя оба противоречивых текста.

³⁵ НПЛ, стр. 100.

³⁶ Там же, стр. 360; ПСРЛ, т. V, стр. 226; т. VII, стр. 211.

Для удобства сопоставления Список Б разгружен от явно позднейших имен, внесенных в него составителем для указания родства. Мы изъяли из него имена сына Онцифора Лукича посадника начала XV в. Юрия Онцифоровича (№ 58), сына Матфея Коски посадника конца XIV в. Никиты Матфеевича (№ 60), сына Федора Юрьевича посадника конца XIV в. Василия Федоровича (№ 62), брата Федора Даниловича посадника последней четверти XIV в. Михаила Даниловича (№ 70), брата Юрия Ивановича посадника рубежа XIV—XV вв. Василия Ивановича (№ 72), брата Андреяна Захарьинича посадника рубежа XIV—XV вв. Есифа Захарьинича (№ 74). Оставшиеся имена по своему количеству и составу детальнейшим образом совпадают с именами соответствующей части Списка А, но в обоих списках они изложены с разной очередностью (см. табл. 4). В таблице соединительными линиями пока-

Таблица 4

<i>Список А</i>		<i>Список Б</i>	
Матфей Коска	53	57	Онцифор Лукич
Федор		59	Матфей Варфоломеевич
Остафья	54	61	Федор Юрьевич
брат его Александр	55	63	Яков Хотов
Онцифор	56	64	Евстафий Дворянинец
Федор	57	65	брат его Александр
Яков	58	66	Иван Семенович
Иван Муторица	59	67	брат его Александр
брат его Александр	60	68	Иван Федорович
Сильвестр	61	69	Федор Данилович
Иван Смятанка	62	71	Юрий Иванович
Ондрейн	63	73	Андрейн Захарьинич
Юрий	64	75	Сильвестр Лентеев
	65		

зано соответствие имен, демонстрирующее принципиальное совпадение обоих списков и отсутствие расхождений между ними в составе имен.

Уже изученные выше материалы о посадниках второй четверти XIV в. и о взаимоотношении списков с самого начала позволяют отдать предпочтение Списку А как более достоверному, нежели Список Б. В самом деле, нам известно о посадничестве Матфея Коски уже в 1332 г.; мы знаем также, что Федор Данилович стал посадником позднее Матфея, о его деятельности сообщается под 1335 г.: Евстафий Дворянинец вошел в правящую элиту почти в одно время с Федором Даниловичем и был посадником уже в 1340 г. В Списке А Матфей Коска, Федор и Остафья следуют один за другим и раньше, чем все остальные посадники рассматриваемого места списков, до сих пор не встречавшиеся нам в источниках, освещающих события второй четверти XIV в. и более раннего времени.

В то же время Список Б излагает безусловно извращенную картину очередности. Спорное место в нем открывается именем Онцифора Лукича, самое раннее сведение о посадничестве которого, как увидим далее, относится лишь к 1350 г. Будучи неревским боярином (его усадьба: вскрыта раскопками на Неревском конце), он даже теоретически не мог стать членом правящей элиты до 1342 г., когда были еще живы его дед посадник Варфоломей Юрьевич и его отец Лука Варфоломеевич. Вслед за ним в Списке Б назван Матфей Варфоломеевич (Коска), бывший посадником уже в 1332 г. Имя Федора Даниловича, пришедшего на посадничество спустя три года после Матфея Коски, отделено от последне-

го семью другими именами, что теоретически невозможно, так как на протяжении трех лет не могло смениться девять посадников. Наконец, имя Евстафия помещено ранее имени Федора Даниловича и отделено от имени Матфея двумя хронологически инородными именами.

Этих наблюдений могло бы оказаться достаточно для того, чтобы попросту отвергнуть спорное место Списка Б как недостоверное и способное лишь вводить исследователя в заблуждение. Однако в данном случае этот простой и необременительный путь ведет мимо цели. Гораздо более важным оказывается разобраться в ошибках составителя Списка Б и попытаться установить их причины.

Одной из главных ошибок в Списке Б является смешение двух посадников Федоров. Вслед за Матфеем Варфоломеевичем здесь помещен Федор Юрьевич, хотя это место должно принадлежать Федору Даниловичу, — ошибка, объяснимая лишь в том случае, если в основе Списка Б лежал Список А, в котором отчества посадников не обозначены. Подстановка Федора Юрьевича на место Федора Даниловича повлекла за собой и помещение на следующем месте Списка Б Якова Хотова, который в Списке А действительно следует за Федором Юрьевичем. Эта цепь ошибок становится особенно очевидной, если учесть, что пара Федор — Яков в Списке А следует за именем Онцифора, которое только что было ошибочно использовано составителем Списка Б. Однако из этого следует, что в исходном варианте Списка Б имя Федора Даниловича следовало за именем Матфея Варфоломеевича, а имена Федора Юрьевича и Якова Хотова — за именем Онцифора Лукича. Если это так, то первые половины спорных мест в Списке А и в исходном варианте Списка Б совпадают полностью, подтверждая восхождение Списка Б к Списку А (см. табл. 5).

Таблица 5

<i>Список А</i>		<i>Первый вариант Списка Б</i>	
Матфей Коска	53	59	Матфей
Федор	54	69	Федор
Остафья	55	64	Евстафий Дворянинец
брат его Александр	56	65	брат его Александр
Онцифор	57	57	Онцифор
Федор	58	61	Федор
Яков	59	63	Яков Хотов
Иван Муторица	60	66	Иван
брат его Александр	61	67	брат его Александр
Сильвестр	62	68	Иван
Иван Смятанка	63	71	Юрий
Ондрейн	64	73	Андрейн
Юрий	65	75	Сильвестр

Разночтения, характерные для заключительной части обеих колонок, мы пока оставляем в стороне и вернемся к ним позднее. Здесь же отметим, что истолкование ошибок в начальной части колонки Списка Б позволяет настаивать на достоверности перечисления имен в Списке А, который должен быть положен в основу наблюдений над посадниками соответствующего периода. Признав, что имена посадников второй четверти XIV в. заимствованы в Списке А из летописи, мы теперь должны продолжить его сопоставление с летописными показаниями, чтобы уста-

новить, соответствует ли дальнейшая очередность посадников в Списке А датам их первого упоминания в летописи.

- Матфей Коска (53) — Матфей Коска, 6840 г. НПЛ, стр. 345.
Федор (54) — Федор Данилович, 6843 г. НПЛ, стр. 346.
Остафья (55) — Остафья Дворянинец, 6853 г. НПЛ, стр. 358.
брат его Александр (56) — Александр Дворянинцев, 6862 г. НПЛ, стр. 364.
Онцифор (57) — Онцифор Лукич, 6858 г. НПЛ, стр. 362.
Федор (58) — в летописи нет.
Яков (59) — Яков Хотов, уп. под 6856 и 6858 гг., но не как посадник.
Иван Муторица (60) — в летописи нет.
брат его Александр (61) — Александр, 6868 г. НПЛ, стр. 366.
Селивестр (62) — Селивестр Лентеев, 6867 г. НПЛ, стр. 366.
Иван Смятанка (63) — в летописи нет.
Ондреян (64) — Ондреян Захарьинич, 6867 г. НПЛ, стр. 366.
Юрий (65) — Юрий Иванович, 6879 г. НПЛ, стр. 371.

Мы видим, что зависимость Списка А от летописного рассказа прекращается на имени Евстафия Дворянинца. В дальнейшем очередность посадников в списке не обнаруживает соответствия со случайными показаниями летописца. Здесь имеется свой, независимый от летописи порядок. Вполне независимое происхождение Списка А в рассматриваемой части подтверждается и наличием в ней имен, вовсе не отмеченных летописцем.

Подтвердив таким образом важность Списка А, мы должны теперь вернуться к нашей синхронистической таблице кончанских представителей в посадничестве, которая в своей законченной части доведена до 1342 г. Таблица показывает, что между 1342 и 1350 гг. в новгородской правящей элите в разное время открываются три вакансии. В 1342 г. кончина Варфоломея Юрьевича должна была вызвать появление нового неревского представителя; в 1346 г. смерть Евстафия Дворянинца должна была повлечь появление нового плотницкого представителя; наконец, исчезновение со страниц летописи после 1345 г. Матфея Коски открывает возможность для предположений о новом представителе Прусской улицы.

В Списке А вслед за именем уже известного нам посадника Евстафия Дворянинца поставлены следующие три имени: брат его (Евстафия) Александр, Онцифор, Федор. Сопоставление со Списком Б показывает, что в двух последних случаях речь идет об Онцифоре Лукиче и Федоре Юрьевиче. Если гипотеза о кончанском представительстве верна, один из этих посадников должен быть связан с Неревским, другой — с Плотницким концом, третий — с Прусской улицей.

Принадлежность Онцифора Лукича более чем очевидна. Его дед Варфоломей Юрьевич и прадед Юрий Мишинич были посадниками, связанными с Неревским концом; его сын Юрий, также впоследствии ставший посадником, строил церкви в Неревском конце. Родовая усадьба самого Онцифора и его потомков была обнаружена раскопками на углу древних Великой и Козмодемьянской улиц Неревского конца, где был также найден ряд берестяных грамот, адресованных Онцифору Лукичу, Юрию Онцифоровичу, сыну и внукам Юрия.

Принадлежность Александра Дворянинцева к Плотницкому концу может быть обоснована его преемственностью в посадничестве, от брата

Евстафия, который, согласно с нашими выводами, был плотницким представителем.

Наконец, существуют материалы и для установления территориальной принадлежности посадника Федора Юрьевича, вовсе не знакомого летописцу. Составитель Списка Б называет сыном Федора Юрьевича — Василия Федоровича, также ставшего впоследствии посадником. Между тем известно, что Василий Федорович, принявший перед смертью в 1392 г. схиму, был погребен в монастыре св. Николая на Поле, т. е. в Загородском конце³⁷.

Таким образом, принадлежность первых трех посадников независимой от летописи части Списка А полностью совпадает с принадлежностью вакансий 1340-х годов. Мы получаем возможность продолжить нашу синхронистическую таблицу следующим образом (см. табл. 6).

Следует пояснить, почему появление Федора Юрьевича на посадничестве мы отнесли только к 1349 г., а не к какой-либо более ранней дате. В Списке А новые посадники расположены таким образом, что Александр Дворянинцев предшествует Онцифору Лукичу, хотя активная деятельность Онцифора началась сразу же после смерти Варфоломея и Луки в 1342 г., т. е. раньше, чем началась активная деятельность Александра Дворянинцева. В этом нет противоречия. Онцифор вошел в число кончанских представителей раньше Александра, но это не значит, что и посадником он должен был стать раньше. Напротив, начало его деятельности связано с неудачами в борьбе против Федора Даниловича и вынужденным бегством из Новгорода. С другой стороны, Александр Дворянинцев не мог стать посадником раньше 1346 г., поскольку до начала 1346 г. продолжалось посадничество Матфея Коски, избранного на место Евстафия в 1345 г. Если датировать посадничество Александра 1346—1347 гг., то первое посадничество Онцифора возможно отнести только к 1347—1348 гг. В этом случае его преемником и посадником 1348—1349 гг. оказывается Федор Данилович, посадничество которого зафиксировано летописным рассказом 1348 г. Под этой датой он как посадник отвечал Магнушу, когда тот предложил спор о вере, затем возглавлял посольство к великому князю Семену Ивановичу с просьбой о помощи против шведского короля и принимал участие в конфликте, датированном летописцем «Спасовым днем»³⁸. Речь здесь идет о празднике Преображения (6 августа). Следовательно, в 1348 г. Федору Даниловичу принадлежало не посадничество 1347—1348 гг., закончившееся в феврале 1348 г., а посадничество 1348—1349 гг., начинавшееся в феврале 1348 г. Федор Данилович получил посадничество и в феврале 1350 г., поскольку 16 июня этого года оно было у него отнято в пользу Онцифора Лукича³⁹. Следовательно, наиболее ранним из возможных сроков посадничества Федора Юрьевича является промежуток между февралем 1349 и февралем 1350 гг. Датировке начала его посадничества более поздним временем противоречат некоторые обстоятельства, которых мы коснемся ниже.

Придерживаясь такой схемы рассуждений, мы, как это должно быть ясно читателю, признаем, что внелетописный источник, лежащий в основе той части Списка А, которая открывается именем Александра (Дворянинцева), перечисляет имена посадников в строгой хронологической последовательности в соответствии с очередностью их избрания на посадничество. Подтвердить существование такого принципа в построе-

³⁷ НПЛ, стр. 385; ПСРЛ, т. IV, стр. 99, 140.

³⁸ НПЛ, стр. 360.

³⁹ Там же, стр. 362.

Посадничество в 1342—1350 гг.

	Прусская улица	Неревский конец	Плотницкий конец	Славенский конец
1342	Матфей Коска	Варфоломей Юрьевич	Евстафий Дворянинец	Федор Данилович
	Матфей Коска	Варфоломей Юрьевич	Евстафий Дворянинец	<i>Федор Данилович</i>
1343	Матфей Коска	Онцифор Лукич	Евстафий Дворянинец	<i>Федор Данилович</i>
	Матфей Коска	Онцифор Лукич	Евстафий Дворянинец	Федор Данилович
1344	Матфей Коска	Онцифор Лукич	Евстафий Дворянинец	Федор Данилович
	Матфей Коска	Онцифор Лукич	Евстафий Дворянинец	Федор Данилович
1345	Матфей Коска	Онцифор Лукич	Евстафий Дворянинец	Федор Данилович
	<i>Матфей Коска</i>	Онцифор Лукич	<i>Евстафий Дворянинец</i>	Федор Данилович
1446	<i>Матфей Коска</i>	Онцифор Лукич	Евстафий Дворянинец	Федор Данилович
	?	Онцифор Лукич	Александр Дворянинцев	Федор Данилович
1347	?	Онцифор Лукич	Александр Дворянинцев	Федор Данилович
	?	Онцифор Лукич		Федор Данилович
1348	?	Онцифор Лукич		Федор Данилович
	?	Онцифор Лукич		<i>Федор Данилович</i>
1349	?	Онцифор Лукич		<i>Федор Данилович</i>
	<i>Федор Юрьевич</i>	Онцифор Лукич		Федор Данилович
1350	<i>Федор Юрьевич</i>	Онцифор Лукич		Федор Данилович
		<i>Онцифор Лукич</i>		<i>Федор Данилович</i>

нии этой части Списка А призваны все дальнейшие наблюдения над ней. Однако даже сейчас, впервые приступив к использованию ее данных, мы должны отметить несколько достойных внимания обстоятельств. Во-первых, во всей предшествующей части Списка А хронологический принцип последовательно выдержан. Во-вторых, заключительная часть Списка А (начиная с имени Александра) с этой точки зрения должна быть наиболее достоверной, поскольку она охватывает период, практически обозримый составителем списка, жившим во времена сыновей тех посадников, о которых сейчас идет речь. В-третьих, уже знакомство с первыми тремя именами рассматриваемой части показывает, что эти имена в Списке А находятся в безупречном хронологическом контексте, именно там, где они и должны стоять. Отметим, что и Список Б в той его части, которая охватывает имена посадников второй половины XIV—начала XV в., заслуживает максимального доверия, поскольку указания родства сделаны в нем современником значительной части этих посадников или — в других случаях — современником их сыновей.

Начало существенных изменений в организации новгородского посадничества относится к 1350 г. и связано с именем крупнейшего, на наш взгляд, деятеля новгородской истории Онцифора Лукича. 16 июня 1350 г. в Новгороде происходит государственный переворот, организованный возвратившимися из-под Юрьева полками. Этим походом был завершён затянувшийся на несколько лет конфликт со шведами. Новгородцы разменяли взятых под Ореховом в плен шведов на членов своего посольства к Магнусу, задержанных шведским королем. «И приихаша в Новгород вси здрави, милостью божиею, силоу креста честнаго, на нь же уповаша, — сообщает летописец, — а приихаша месяца июня в 9 день, на память святого мученика Александра. Сего же месяца в 16 день отьяша посадничество у Федора Даниловича и даша Онцифору Лукину»⁴⁰. В отличие от многочисленных более ранних переворотов восставшие в 1350 г. не ограничиваются передачей власти Онцифору и их действия растягиваются на долгий срок. После сообщения об избрании Онцифора летописец переходит к обычному спокойному повествованию, рассказывая о построении каменной палаты в Кремле владыкой Василием и отрывая таким образом от рассказа о действиях 16 июня следующее сообщение: «Того же лета выгониша новгородци из Новагорода Федора посадника и брата его Михаилу и Юрья и Ондреяна, а дома их разграбиша, и Прусскую улицу всю пограбиша; а Федор и Михаило и Юрьи и Ондреян побегоша в Псков, мало побывши, поихаша в Копорью»⁴¹.

Действия восставших не направлены против только что избранного посадника и, нужно полагать, поддержаны им, тем более что жертва восстания Федор Данилович был давним противником Онцифора. Особенностью восстания 1350 г. является и то необычное обстоятельство, что нападению восставших подвергаются не только усадьбы славянских бояр Даниловичей, но и боярство Прусской улицы; восстание направлено по существу против обеих боярских группировок, бывших главными участниками внутрибоярской борьбы. Если до сих пор смысл политической борьбы внутри боярства сводился к соперничеству группировок, к стремлению сохранить посадничество в руках той или иной территориальной кучки бояр, теперь главный удар восставших направлен против самого существования внутрибоярской борьбы, приведшей республиканскую государственность к затяжному кризису.

⁴⁰ НПЛ, стр. 362.

⁴¹ Там же.

Перемены в организации власти подготавливаются Онцифором Лукичем исподволь и при несомненной поддержке архиепископа Моисея. С этой точки зрения заслуживает особого внимания летописный рассказ 6861 (1353—1354) г.: «Преставися князь великии Семеон Иванович всея Руси, и два сына его. Того же лета послаша послы свои архиепископ новгородчкыи Моиси в Цесарьгород к цесарю и к патриарху, прося от них благословения и исправления о неподобных вещех, приходящих с насилием от митрополита. Того же лета послаша новгородци свои посол Смена Судокова ко цесарю в Орду, прося великого княжения Костянтину князю Суздальскому; и не послуша их цесарь и дашеть Ивану князю Ивановичю великое княжение. И пребыша без мира новгородци с великим князем полтора года, нь зла не бысть никакого же»⁴². Эти два посольства сами по себе являются знаменем широко задуманных перемен, поскольку при любых переменах реформаторам бывает важно заручиться поддержкой и благословением сильных союзников. В 1353 г. новгородцы выступают против обоих лиц, которые были способны опротестовать задуманные изменения и вмешаться в их осуществление. Они хотят видеть на великокняжеском столе князя, который был бы обязан своим возвышением Новгороду, и противопоставляют возможному противодействию митрополита благословение константинопольского патриарха, главы православной церкви⁴³.

Самое осуществление реформы относится к 1354 г. Летописец сообщает об этом событии с предельной лаконичностью: «Отступися посадничества Онцифор Лукич по своей воли и даша посадничество Олександру, Дворянинцеву брату. Того же лета приидоша послове архиепископа новгородчкого Моисиа из Цесаряграда, и привезоша ему ризы крестъцаты, и грамоте с великим пожалованием от цесаря и от патриарха, и златую печать. Бе же тогда цесарь гричкыи Иван Кантакузин, а патриарх Филофеи преже бывши ираклииским митрополитом»⁴⁴.

В этом чрезвычайно важном рассказе одно место оказывается сомнительным, причем сомнения впервые появились уже у одного из владельцев Комиссионного списка Новгородской Первой летописи младшего извода. Владелец списка заподозрил невозможность перехода посадничества от Онцифора к Александру Дворянинцеву и исправил соответствующее место текста следующим образом: «Отступися посадничества Онцифор Лукин по своей воле, и даша посадничество Обакуну Твердиславичу, а тысячкое Олександру, Дворянинцеву брату»⁴⁵. Вставка владельца Комиссионного списка неверна, так как никакого Обакуна Твердиславича источники не знают вовсе, нет такого имени и в списках новгородских посадников. Однако сами сомнения, вызвавшие эту вставку, как мы убедимся далее, не были беспочвенными.

Обратимся прежде всего к показаниям списков. Список А вслед за уже известным нам Федором (Юрьевичем) называет следующих посадников: Яков (Хотов), Иван (Семенович) Муторица, брат его Александр, Селивестр (Лентеев), Иван (Федорович) Смятанка, Ондреян (Захарьинич), Юрий (Иванович). В списке Б те же имена изложены

⁴² НПЛ, стр. 363.

⁴³ Не может ли сообщение об «исправлении о неподобных вещех» быть сопоставлено с рассказом, сохраненным В. Н. Татищевым, о приезде в 1346 г. в Новгород великого князя Семена Гордого, который «много власть у посадника отъя; а смердь вся его любляше». В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. IV, стр. 159.

⁴⁴ НПЛ, стр. 363—364.

⁴⁵ Там же.

иначе: Яков Хотов, Иван Семенович, брат его Александр, Иван Федорович, Юрий Иванович, Андреян Захарьинич, Селивестр Лентеев.

Разночтения списков значительны и, по-видимому, не могут быть объяснены простой небрежностью переписчиков. Оба списка единодушны в одном весьма важном показании. В Списке Б спорное место замыкается именами Андреяна и Селивестра. Между тем прямое свидетельство летописи датирует посадничества и Андреяна и Селивестра уже 1359 г.⁴⁶ Отсюда следует, что все посадники, занимающие в Списке Б промежуточное положение между Федором Юрьевичем и Андреяном, стали посадниками в 1350-х годах, до 1359 г., а таких посадников пять. С тем же показанием мы встретимся и в Списке А, где посаднику 1359 г. Андреяну также предшествует пять имен различных бояр, пришедших на посадничество после Федора Юрьевича, только имена этих бояр изложены в другом порядке. Не имея никакой возможности истолковать разночтения невнимательностью переписчиков, мы предлагаем объяснение, которое, на наш взгляд, является наиболее вероятным.

Коль скоро в какой-то пока не установленный момент в истории посаднической организации произошли важнейшие конструктивные изменения, следствием которых был переход от единоличного посадничества к коллективному, в списках посадников этот момент неизбежно должен отразиться появлением целой группы посадников, которые получили титул одновременно. В самом деле, первые свидетельства о существовании в Новгороде нескольких посадников в один и тот же момент содержатся в источниках второй половины XIV в. Значит, в своем последовательном хронологическом изложении мы уже максимально приблизились к возможной дате этого серьезного преобразования власти.

Однако, если какая-то группа бояр одновременно пришла на посадничество, порядок перечисления имен внутри этой группы безразличен. В различных вариантах списков они могут быть изложены в разной очередности, что не составит ошибки. Датируя, таким образом, возникновение коллективного посадничества 1354 г., поскольку сумма других свидетельств характеризует эту дату как год существенных реформ государственного управления, мы, однако, не решаем вопрос о том, сколько именно бояр получило посадничество в один и тот же момент. В самом деле, разночтения списков в интересующем нас месте выглядят следующим образом (см. табл. 7).

Таблица 7

<i>Список А</i>		<i>Первый вариант Списка Б</i>	
Яков	59	63	Яков Хотов
Иван Муторица	60	66	Иван (Семенович)
брат его Александр	61	67	брат его Александр
Сильвестр	62	68	Иван (Федорович)
Иван Смятанка	63	71	Юрий (Иванович)
Андреян	64	73	Андреян (Захарьинич)
Юрий	65	75	Сильвестр (Лентеев)

Эти разночтения дают возможность утверждать, что одновременно стали посадниками Сильвестр Лентеев, Иван Федорович Смятанка, Андреян Захарьинич и Юрий Иванович. Однако нам вовсе не известно, получили ли посадничество Яков Хотов, Иван Семенович Муторица и его:

⁴⁶ НПЛ, стр. 366; ПСРЛ, т. IV, стр. 63.

брат Александр тогда же или в какое-то более раннее время. Нам, следовательно, надлежит выяснить, каким было общее число посадников после реформы 1354 г., было ли это число ограничено, и если оно действительно было ограничено, то на основе каких принципов.

В поисках ответа на эти вопросы мы вынуждены обратиться к документу сравнительно позднего, учитывая при этом два обстоятельства. Во-первых, привлекаемый к анализу документ относится еще к тому времени, когда были живы почти все интересующие нас посадники 1350-х годов. Во-вторых, традиции организации власти по самой своей природе подобны хорошо заведенному механизму. Раз сложившись, они долгое время существуют уже в силу известной инерции. Ход этого механизма может нарушаться в деталях, но изменение принципиальной схемы произойдет только в результате резкого вторжения и ломки. Поскольку на протяжении целого ряда десятилетий второй половины XIV в. в Новгороде проблема организации власти не возникает с такой остротой, как в середине XIV в., для каких-либо принципиальных изменений, сравнительно с реформой 1354 г., в это время нет места.

Документом, способствующим решению нашей задачи, является известный Наказ послам Юрию и Якиму, отправленным к тверскому великому князю Михаилу Александровичу в 1372 г. для заключения мирного договора⁴⁷. Особую ценность грамоте 1372 г. придают сохранившиеся при ней печати. Наказ исходит от посадника Михаила, которым может быть только брат Федора Даниловича. Имя Михаила Даниловича в Списке А помещено сразу же вслед за именем Юрия Ивановича. Посаднику Михаилу принадлежит первая из 11 печатей, сохранившихся при документе. Она содержит надпись: «Новгородская печать и посаднича». Вторая печать принадлежит тысяцкому Матфею, также поименованному в акте, и несет надпись: «Печать Матфея Фалеевича, тысяцкого новгородского». Третья — некоему Селивестру; на ней изображение святого и надпись: «Печать Селивестрова». Четвертая — тысяцкому Филиппу; она несет изображение св. Филиппа с соответствующей надписью и особую надпись: «Филипа тысяцкого печать». Пятая — посаднику Якову; на ней изображение св. всадника и надпись: «Яковля печать, посадника новгородского». Шестая — посаднику Андреяну; на ней изображение вседержителя и надпись: «Печать Андреева, посадника новгородского». Седьмая — посаднику Юрию Ивановичу; на этой печати имеются только надписи: «Юрьева печать Иванова, посадника новгородского». Восьмая — тысяцкому Олисею Ананьичу; она несет надпись: «Печать Олисиева, тысяцкого новгородского». Девятая — некоему Ивану Еремьиничу; на ней изображение воина и надпись: «Печать Ивана Еремьинича». Десятая — некоему Семену Андреевичу; на ней только надпись: «Семенова печать Андреевича». Одиннадцатая — какому-то Степану; она несет изображение архангела и надпись: «Степанова печать». Наконец, была еще и двенадцатая печать, но она не сохранилась. О ее былом существовании можно судить лишь по разрезу пергамента, отверстию для утраченного шнура буллы⁴⁸.

Попробуем разобраться в этой редкостной пестроте печатей, сохранившихся при одном документе. Еще до такого анализа мы имеем основание уверенно говорить о действительно одновременном существовании

⁴⁷ ГВНИП, стр. 32, № 17.

⁴⁸ Изображения печатей Наказа 1372 г. см. в следующих изданиях: СГГид, т. I, № 13; М. И. Полянский. Новгородские вислые печати княжьи, владычные, посадничьи, наместничьи, воевод и тысяцких. Новгородская памятка для туристов. Новгород, 1908, стр. 16—18, таблица № 8—16 (графич. воспроизв.); Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XIV (фототипич. воспроизв.).

целой группы посадников там, где раньше был только один посадник и совет нетитулованных представителей концов. Более того, заключительная формула Наказа 1372 г. прямо указывает, что ставшие теперь многочисленными посадники, подобно своим нетитулованным предшественникам, осуществляли в посадничестве кончанское представительство. В этой заключительной формуле документа говорится: «А повелеша печати приложити изо всих пяти кончев к сеи грамоте»⁴⁹. В самом деле, если исключить первые две печати, принадлежащие представителям «Всего Новгорода» — посаднику Михаилу и тысяцкому Матфею, остается десять печатей, по две на каждый конец, для посадника и для тысяцкого. Противопоставление посадника Михаила, бывшего представителем всего Новгорода, всем остальным одновременным с ним посадникам вполне совпадает с позднейшим противопоставлением степенного посадника — старым.

Целый ряд указаний для принципиальной классификации печатей Наказа 1372 г. по должностной принадлежности содержится на самих буллах:

<i>Посадники:</i>	<i>Тысяцкие:</i>	<i>Без обозначения должности:</i>
1. Михаил	2. Матфей Фалелеевич	3. Селивестр
5. Яков	4. Филипп	9. Иван Еремьинич
6. Андреян	8. Олисей	10. Семен Андреевич
7. Юрий Иванович		11. Степан
		12. ?

Если представительство от концов, как это показывают печати с обозначением должности, осуществлялось посадниками и тысяцкими, то нужно думать, что и печати, лишенные обозначения должности, также принадлежали посадникам и тысяцким. Само отсутствие обозначения должности вовсе не говорит об отсутствии высокого титула у владельца буллы. В качестве примера назовем печать посадника Семена Климовича при грамоте 1301 г. с лаконичной надписью: «Сменова печать Климовича»⁵⁰, печати посадника Ивана Александровича и тысяцкого Василия Есифовича с аналогичными надписями при грамоте 1411 г.⁵¹ Имена трех владельцев печатей без обозначения должности при Наказе 1372 г. — Ивана Еремьинича, Семена Андреевича и Степана — отсутствуют в списках посадников. Поэтому мы предполагаем принадлежность этих троих бояр к институту тысяцких. Их имена, правда, не включены и в список новгородских тысяцких, но это обстоятельство не является решающим. В отличие от посадничества тысяцкое в Новгороде в течение длительного периода не было ежегодно возобновляемым, как мы уже видели на примере Евстафия Дворянина и Аврама. Поэтому многие тысяцкие до конца жизни не становились степенными, а только последние включены в упомянутый список. О Семене Андреевиче можно заметить, что он был представителем Плотнического конца, так как летопись сообщает о закладе им вместе с «боголюбивой матерью своею» в 1360 г. знаменитой церкви Федора Стратилата на Ручье⁵².

Если действительно три из пяти печатей, не несущих обозначения должности, принадлежат тысяцким, то вместе с достоверными буллами

⁴⁹ ГВНИП, стр. 33, № 17.

⁵⁰ Там же, стр. 63, № 34.

⁵¹ Там же, стр. 88, № 50.

⁵² НПЛ, стр. 367.

тысяцких Матфея Фалелеевича, Филиппа и Олисея они составляют как раз половину всех печатей Наказа. А это значит, что оставшиеся две печати теоретически могут принадлежать только посадникам. Из них одна сохранилась и несет на себе имя Селивестра, легко отождествляемого с посадником Селивестром Лентеевым, который был современником Михаила Даниловича, Якова Хотова, Андреяна Захарьинича и Юрия Ивановича. Что касается последней печати — несохранившейся, — то о ее принадлежности можно высказать вполне аргументированное предположение. Один из документов 1370-х годов называет новгородским посадником Ивана, а печать при этом документе сообщает и его отчество: «Иванова печать Семеновича»⁵³. Однако посадник Иван Семенович Муторица входит как раз в ту группу посадников, которая возникла в 1350-х годах, и, следовательно, существовал в этой должности и в момент составления Наказа 1372 г. С ним, скорее всего, и может связываться утраченная печать.

Подводя итоги изложенным наблюдениям, мы можем констатировать, что документы начала 1370-х годов и особенно Наказ 1372 г. засвидетельствовали одновременное существование шести посадников: Михаила, Якова, Андреяна, Юрия Ивановича, Селивестра, Ивана Семеновича. Сопоставление этих имен со Списком А дает следующие результаты:

Список А

Наказ 1372 г.

(59) Яков (Хотов)	Яков
(60) Иван (Семенович) Муторица	(Иван Семенович)
(61) брат его Александр	
(62) Селивестр (Лентеев)	Селивестр
(63) Иван (Федорович) Смятанка	
(64) Ондреян (Захарьинич)	Андреян
(65) Юрий (Иванович)	Юрий Иванович
(66) Михаил (Данилович)	Михаил

Ответ на вопрос о принципах образования этой группы содержится в самом факте представительства посадников от концов Новгорода. Но концов в Новгороде было пять, а посадников — шесть. Чем объясняется эта несообразность? Рассмотрим материалы, касающиеся принадлежности шести посадников 1372 г. к городским концам.

Очень легко определяется территориальная принадлежность Юрия Ивановича. Летопись сообщает, что в 1375 г. Юрий ставит церкви Козмы и Демьяна на Холопьеу улице и Иоанна Златоуста в Околотке⁵⁴. Холопья улица расположена в Неревском конце. Что касается Иоанна Златоуста, то эта церковь расположена на воротах Околотка от Людогщей улицы Неревского конца.

Не вызывает сомнений и территориальная принадлежность посадника Михаила Даниловича. Список Б называет его братом посадника Федора Даниловича. Такое же родство его с Федором Даниловичем отмечено и летописным текстом 1350 г., сообщающим об изгнании из Новгорода посадника Федора вместе с его братом Михаилом. Братья Даниловичи были детьми посадника Данилы, а о принадлежности Данилы и Федора Даниловича к Славенскому концу мы уже писали.

Так же ясна и принадлежность Андреяна Захарьинича, отец которого Захарья Михайлович и дед Михаил Павшинич представляли в по-

⁵³ ГВНИП, стр. 79, № 44.

⁵⁴ ПСРЛ, т. III, стр. 231.

садничестве Плотницкий конец. Летописное свидетельство о строительстве Андреем Захарьиничем в 1358 г. церкви 12 апостолов на Софийской стороне в Загородском конце⁵⁵ в данном случае не порождает противоречий. Мы увидим далее, что семья Захарьиничей владела усадьбами и в Плотницком конце, и на Прусской улице.

Наиболее важный для нас факт может быть извлечен при наблюдениях над принадлежностью посадника Селивестра Лентеева. Под 1360 г. новгородские летописи излагают следующий сюжет: «Тои же весны, богу попустившю грех ради наших, а диаволу действующу, и по совету лихых людий и бысть мятежь силен в Новгороде; отьяша посадничество у Вондреяна Захарьинича не весь город, токмо Славеньскыи конець, и даша посадничество Селивестру Лентиеву, и створися проторжь не мала на Ярославле дворе, и сеча бысть, занеже славяне в доспесе подселяху, и разгониша заричан, а они без доспеха были, и бояр многих побиле и полупили»⁵⁶. Вполне очевидно, что, если Славенский конец в ходе этих событий оказывается не только противником плотницкого посадника, но и софийского боярства, ставленник славлян Селивестр Лентеев сам должен быть славенским боярином.

Это наблюдение сталкивает нас, казалось бы, с совершенно неожиданным результатом. Славенский конец в посадничестве представлен не одним, а двумя посадниками: Михаилом Даниловичем и Селивестром Лентеевым. Тем не менее такой результат беспорен и находит себе не только логическое, но и историческое основание.

Зная из заключительной формулы Наказа 1372 г. об утверждении акта представителями концов, которых, по свидетельству того же Наказа, к 1372 г. было пять, мы простейшим методом исключения установим, что посадники Яков Хотов и Иван Муторица, для определения территориальной принадлежности которых у нас нет других данных, должны быть представителями Людина и Загородского концов. Иными словами, во второй половине XIV в. Прусская улица в посадничестве снова располагается двумя местами — представительством от древнего Людина конца и представительством от недавно образованного Загородского конца. Существование такого двойного представительства, возникновение его в тот момент, когда посадничество преобразуется в целях укрепления боярской консолидации, возможно лишь при одном условии: двойное представительство Прусской улицы должно быть уравновешено таким же двойным представительством одного из концов Торговой стороны. Вполне понятно, что носителем такого равновесия на Торговой стороне оказался Славенский конец, который был не только крупнейшей частью Новгорода, но и традиционным противником Прусской улицы в борьбе боярских группировок Новгорода. Напомним, что позднее, в XV в., Славенский конец носит пышное наименование «Великого Славенского конца», которое, таким образом, отражает и более значительную роль Славна в государственном управлении.

Но если во второй половине XIV в. существует шесть посадников и это число ограничено принятыми нормами представительства от концов, то мы имеем основание связывать возникновение такого порядка с реформой 1354 г. и предполагать, что после сложения посадничьей должности Онцифором Лукичем посадничество приобрело тот вид, который оно имело в начале 1370-х годов — с шестью посадниками, два из которых представляли Славенский конец, два — Прусскую улицу (фор-

⁵⁵ ПСРЛ, стр. 228; т. IV, стр. 63. Впрочем, НПЛ не связывает постройку этой церкви с именем Андреена Захарьинича.

⁵⁶ НПЛ, стр. 365—366.

мально — Людин и Загородский концы) и по одному — Неревский и Плотницкий концы. Проверим это предположение.

Спорная часть Списков А и Б завершается одними и теми же шестью именами: Иван Семенович Муторица, брат его Александр, Селивестр Лентеев, Иван Федорович Смятанка, Андреян Захарьинич, Юрий Иванович. Соответствуют ли эти имена выясненным выше нормам представительства от концов? Ведь именно эти шесть посадников, если наши предположения верны, пришли одновременно на смену Онцифору Лукичу в 1354 г. Четыре посадника из перечисленных здесь шести живы еще в 1372 г., и их принадлежность к концам уже выяснена. Селивестр Лентеев был славенским боярином, Иван Муторица принадлежал к боярству Прусской улицы, Юрий Иванович — неревский боярин, Андреян Захарьинич — представитель Плотницкого конца. Остающиеся неопределенными Александр Муторицын и Иван Смятанка к 1372 г. умерли и были заменены прусским боярином Яковом Хотовым и славенским боярином Михаилом Даниловичем. Следовательно, один из умерших должен быть пруссом, а другой — славянином. В самом деле, Александр оказывается братом достоверного прусского боярина Ивана Муторицы. Для Ивана Федоровича остается место второго представителя Славна.

Эти сопоставления, однако, позволяют установить и еще один немаловажный факт. Показаниями обоих посадничьих списков Яков Хотов, с которым мы познакомились только в 1372 г., охарактеризован как посадник, пришедший к власти раньше шести остальных посадников, т. е. еще до 1354 г. Летописные показания подтверждают наличие активной государственной деятельности Якова в середине XIV в. В 1348 г. Яков Хотов руководил ратью, отбившей нападение на Ижору; тогда же, по взятии Орехова у шведов, он был посажен воеводой в этот город; в 1350 г. Яков Хотов возглавлял победоносный поход новгородцев под Выбор⁵⁷. Отыскивая возможную дату первого посадничества Якова Хотова, мы должны остановиться на промежутке от февраля 1351 г. до февраля 1353 г. В самом деле, в 1349—1350 гг. посадничество должно было принадлежать Федору Юрьевичу, в 1350 г. оно с февраля по июнь принадлежало Федору Даниловичу, с июня 1350 г. по февраль 1351 г. — Онцифору Лукичу; наконец, в 1353—1354 гг. — снова Онцифору, после ухода которого возникает коллективное посадничество шести бояр, среди которых уже нет Якова Хотова.

Если ход наших рассуждений правилен, то уход Онцифора Лукича с должности посадника в 1354 г. не был простым отказом одного боярина от политической деятельности. Одновременно с установлением новой формы посадничества и введением новых норм кончанского представительства полностью обновляется вся правящая верхушка Новгорода. Членами государственной элиты перестают быть и Онцифор Лукич, и Яков Хотов. Особо отметим, что изгнание Федора Даниловича в 1350 г. не повлекло его замещения другим представителем Славенского конца. Оба преемника Федора Даниловича — Селивестр Лентеев и Иван Федорович — приходят к власти только в 1354 г. То, что славенская вакансия оставалась незамещенной в течение четырех лет, само по себе является свидетельством постепенной подготовки реформы. В свете этих наблюдений становятся понятными и сомнения владельца Комиссионного спи-

⁵⁷ НПЛ, стр. 360—362; ПСРЛ, т. IV, стр. 58—59; т. V, стр. 225—226; т. VII, стр. 211—212. Нельзя ли отождествить Якова Хотова с «Яковом Симоном», который упоминается в донесении Немецкого двора о событиях 10 ноября 1331 г. (ЧОИДР, 1893, кн. I, отд. V, стр. 1—8)? Этот «Яков Симон», или Яков Семенович, назван в донесении сыном посадника и должен быть сыном Семена Климовича, поскольку других посадников Семенов в близкое время нет. Напомним, что Семен Климович был представителем Прусской улицы.

ска: по имевшемуся в его распоряжении показанию Онцифор Лукич передал посадничество Александру Дворянинецу брату. Это безусловно противоречиво свидетельство, поскольку Александр Дворянинцев принадлежал к числу дореформенных посадников, отошедших от власти в 1354 г. Руководствуясь своими сомнениями, владелец Комиссионного списка превратил Александра Дворянинцева в тысяцкого, а в качестве посадника вписал небывалого боярина Обакуна Твердиславича. Можно предположить, что имя Александра Дворянинцева брата в оригинале Новгородской Первой летописи было трансформировано из имени Александра Муторицына брата. В этом предположении нас особенно укрепляет то обстоятельство, что имя Ивана Муторицы вовсе не известно летописцу; оно встречается лишь в Списке А.

Полное обновление состава правящей группы, предпринятое Онцифором Лукичем, наглядно демонстрирует его государственный талант. Преобразованием посадничества как бы начинается новая эпоха в развитии боярской республики. Новая форма государственной организации вводится на специально расчищенном для нее месте; ее корни, уходящие в тучную почву вековой борьбы боярских группировок за власть, обрублены. Заведен новый государственный механизм, собранный из еще не бывших в работе деталей. Только будущее выявит его достоинства и недостатки. Все эти наблюдения позволяют нам реконструировать схему сосуществования посадников третьей четверти XIV в. в виде следующей синхронистической таблицы (см. табл. 8).

Реформа 1354 г. не устранила всех организационных противоречий боярской государственности. Само собой очевидно, что полный ее успех мог быть обеспечен только четкой организацией очередности в занятии степенного посадничества посадниками — представителями концов. Эта четкость в конечном счете сводилась бы к принятию такой очередности, при которой все шесть посадников находились бы в равных условиях. В частности, при одинаковом представительстве от Прусской улицы и Славенского конца прусские и славенские ставленники должны были бы приходиться на степень через одинаковые промежутки времени.

Между тем это условие оказалось невыполненным. Славно испытывает явную неудовлетворенность новой формой управления. Вернемся к летописному рассказу 1360 г., настолько значительному, что он заслуживает здесь полного воспроизведения: «Тои же весны, богу попустившю грех ради наших, а диаволу действующю; и по совету лихих людий и бысть мятежь сиден в Новогороде; отьяша посадничество у Вондреяна Захарыиница не весь город, токмо Славеньский конецъ, и даша посадничество Селивестру Лентиеву, и створися проторжь не мала на Ярославле дворе, и сеча бысть: занеже славяне в доспесе подселе бяху, и розгониша заричан, а они без доспеха были, и бояр многих побиле и полупили, а Ивана Борисова Лихинина до смерти убили. И доспеша тогда обе стороне противу себе: Софеиская сторона хоти мьстити бещестие братьи своеи, а Славеньская от живота и от голов; и стояша три дни межю себе, уже бо славяне и мост переметаша. И съиха владыка Моисей из монастыря и Олексея, пойма с собою анхимандрита и игумены, благослови я, рек: «дети, не доспеите поганым похвалы, а вгьтым церквам и месту сему пустоты; не съступитесь битса». И прияша слово его, и разидошася; и взяша села Селивестровы на щит, а иных сел славеньских много взяша; много же и невиноватых людий погибло тогда; и даша посадничество Миките Матфеевичю, и тако смиришася: не попусти бог до конца диаволу порадоватися, нь възвеличано крестиянство в род и род»⁵⁸.

⁵⁸ НПЛ, стр. 365—366.

Смысл загадочной фразы о мщении Славенской стороны «от живота и от голов» кажется нам теперь достаточно ясным. Славенское боярство при выборах нового степенного посадника настаивает на своем особом праве, вытекающем из двойного представительства «Великого Славенского конца». События 1360 г. свидетельствуют не о том, что существовала какая-то система очередности концов в замещении степеней, в которой права Славенского конца были ущемлены, а именно об отсутствии какой-либо системы. На протяжении короткого промежутка времени судьба степени дважды решается простым соотношением сил боярских группировок. На первом этапе посадничество отнято у плотницкого боярина в пользу Славна. Если бы речь шла о нарушении существующей схемы очередности, развернувшаяся вслед за избранием Селивестра Лентеева борьба должна была бы иметь своей целью возвращение посадничества Андреяну Захарьичу. Между тем эта борьба переходит в столкновение Славна с Прусской улицей и завершается избранием на степень прусского боярина. О принадлежности Никиты Матфеевича к Прусской улице говорит Список Б, называющий Никиту сыном посадника Матфея Коски, прусская принадлежность которого нам известна. Существенную роль в развитии событий 1360 г. сыграло, по-видимому, и то обстоятельство, что Андрей Захарьич был связан не только с Плотниками, но и с Прусской улицей.

Незавершенность реформы, отказ от создания жесткой очередности посадников на степени, возведение тем самым внутрифеодальной борьбы в одну из норм городской жизни вызваны, нужно думать, поддержанием традиционного феодально-демократического лозунга «вольности в посадниках».

Касаясь частных рассказов 1360 г., мы вынуждены подозревать неправильность летописного сообщения об избрании Никиты Матфеевича. В Списке А имя Никиты помещено после имени Григория Якуновича, который пришел на посадничество не ранее 1373 г. Вероятнее, что прусским посадником, избранным в начале 1360 г., мог быть или Иван Семенович Муторица, или же его брат Александр. И в самом деле, уже следующая фраза летописного рассказа вносит соответствующую поправку: «Поиха Олексеи на поставление владычества в Володимирь, позван послы от митрополита; а с ним бояре новгородчкыи: Олександр посадник, Юрьи Еванов»⁵⁹. Поскольку посадником в это время был и Юрий Иванович, особое титулование Александра может свидетельствовать только о том, что ему в 1360 г. принадлежала степень.

На протяжении 1360-х годов летописный рассказ не содержит никаких сведений о посадниках и посадничестве. Зато с начала 1370-х годов число таких сведений возрастает, главным образом за счет актовых сообщений. Под 1371 г. новгородским посадником назван Юрий Иванович, возглавлявший новгородское посольство на съезде с немцами⁶⁰. Он же был степенным в 1376 г., когда 9 марта вместе с тысяцким Олисеем возвел на кафедру Алексея после его временного отречения⁶¹.

К первой половине 1370-х годов относятся также восемь актов⁶², вопрос о хронологическом взаимоотношении которых не может быть решен без анализа упомянутых в них имен посадников и тысяцких. Сама

⁵⁹ НПЛ, стр. 366.

⁶⁰ Там же, стр. 371.

⁶¹ Там же, стр. 373. 9 марта в конце 6883 мартовского года. Рассказу предшествует сообщение о солнечном затмении в воскресенье 29 июля, что соответствует 1375 г., ниже говорится о приезде владыки в пятницу 17 октября, что соответствует 1376 г.

⁶² ГВНИП, стр. 28—34, № 15—18; стр. 74—80, № 42—45.

Посадничество в 1350—1372 гг.

	Людин и Загородский концы		Неревский конец	Плотницкий конец	Славенский конец	
1350	<i>Федор Юрьевич</i>		Онцифор Лукич	?	Федор Данилович	
	?		<i>Онцифор Лукич</i>	?	Федор Данилович	
1351	?		<i>Онцифор Лукич</i>	?		
	?		Онцифор Лукич	?		
1352	?		Онцифор Лукич	?		
	Яков Хотов		Онцифор Лукич	?		
1353	Яков Хотов		Онцифор Лукич	?		
	Яков Хотов		<i>Онцифор Лукич</i>	?		
1354	Яков Хотов		<i>Онцифор Лукич</i>	?		
	Иван Семенович	<i>Александр Семенович</i>	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	Иван Федорович
1355	Иван Семенович	<i>Александр Семенович</i>	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
	Иван Семенович	Александр Семенович	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1356	Иван Семенович	Александр Семенович	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1357	Иван Семенович	Александр Семенович	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1358	Иван Семенович	Александр Семенович	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1359	Иван Семенович	Александр Семенович	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?

	Людин и Загородский_концы		Неревский конец	Плотницкий конец	Славенский конец	
1360	Иван Семенович	Александр Семенович	Юрий Иванович	<i>Андреян Захарьинич</i>	Сильвестр Лентеев	Иван Федорович
	Иван Семенович	Александр Семенович	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	<i>Сильвестр Лентеев</i>	?
	Иван Семенович	<i>Александр Семенович</i>	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1361	Иван Семенович	?	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1362	Иван Семенович	?	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1363	Иван Семенович	?	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1364	Иван Семенович	?	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1365	Иван Семенович	?	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1366	Иван Семенович	?	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1367	Иван Семенович	?	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1368	Иван Семенович	?	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1369	Иван Семенович	?	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1370	Иван Семенович	?	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
	Иван Семенович	?	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1371	Иван Семенович	?	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
	Иван Семенович	?	<i>Юрий Иванович</i>	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
1372	Иван Семенович	Яков Хотов	<i>Юрий Иванович</i>	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	Михаил Данилович
	Иван Семенович	Яков Хотов	Юрий Иванович	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	<i>Михаил Данилович</i>

эта проблема нуждается в специальном обсуждении, так как фигурирующие в литературе даты большинства этих актов спорны.

К числу актов с безусловно достоверными датами относятся лишь два документа. Проект договора Новгорода с Любеком, Готским берегом и заморским купечеством, сохранившийся в списке в письме Дерпта Ревелю от 22 августа 1371 г. и датируемый временем несколько ранее этой даты, составлен от имени владыки Алексея, княжеского наместника Андрея, посадника Юрия, тысяцкого Матвея и купеческих старост Сидора и Еремея⁶³. В договорной грамоте Новгорода с немецким купечеством о перемирии на два года дата, соответствующая 20 июля 1372 г., указана в самом тексте («Дано и совершено в год господень 1372, в третий день перед праздником Марии Магдалины»). Этот документ составлен от имени владыки Алексея, княжеского наместника Александра, посадника Михаила, тысяцкого Матвея, купеческих старост Якима и Федора⁶⁴.

Сравнение этих двух документов между собой и с летописным показанием 1371 г. позволяет сделать вывод, что между февралем 1371 г. и февралем 1372 г. посадничьей степенью владел Юрий Иванович, а следующий годичный срок принадлежал Михаилу Даниловичу. Оба годичных срока степенным тысяцким оставался Матфей Фалелеевич. Последнее обстоятельство следует отметить особо, так как в рассказе 1371 г. среди членов посольства на съезде с немцами упомянут тысяцкий Олисей, что могло бы дать повод к неверному предположению о принадлежности ему степенного тысяцкого в это время.

Принадлежность в 1372 г. посадничьей степени Михаилу Даниловичу и степени тысяцкого Матфею Фалелеевичу подтверждается и наблюдениями над уже цитированным выше Наказом послам Юрию и Якиму⁶⁵, который исследователи единодушно датируют 1372 г.⁶⁶ Михаил и Матфей в этом документе осуществляют представительство от всего Новгорода, в отличие от многочисленных других посадников и тысяцких, представлявших концы.

Бесспорные даты этих трех документов, однако, вступают в противоречие с литературными датировками некоторых других актов, в первую очередь с датировками договорной грамоты Новгорода с Дмитрием Донским⁶⁷. Этот документ, составленный от имени владыки Алексея, посадника Юрия и тысяцкого Олисея, чаще всего относят к 1371—1372 гг.⁶⁸ Предложенная Л. В. Черепниным датировка его 1375 г. была оспорена А. А. Зиминим, который заключает возможную дату составления акта между 12 июля 1372 г. и началом марта 1373 г., склоняясь к предпочтительной датировке началом марта 1373 г.⁶⁹ Не останавливаясь пока на других аргументах А. А. Зимина, отметим, что подтверждение своего вывода он видит в анализе состава посадников и тысяцких, участвовавших в составлении договора с Дмитрием Донским (кроме степен-

⁶³ ГВНиП, стр. 74—76, № 42.

⁶⁴ Там же, стр. 76—79, № 43.

⁶⁵ Там же, стр. 32—33, № 17.

⁶⁶ См. Г. Е. Кочин. О договорах Новгорода с князьями. «Уч. зап. ЛГПИ», 1939, т. XIX, стр. 216; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. I, стр. 315; А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями, стр. 316; ГВНиП, стр. 32.

⁶⁷ ГВНиП, стр. 31, № 16.

⁶⁸ См. С. Соловьев. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846, стр. 121; А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. М., 1918, стр. 300; ГВНиП, стр. 31.

⁶⁹ См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. I, стр. 355; А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями, стр. 317 и сл.

ного посадника Юрия там упоминается, но уже в качестве посла посадник Иван) и фигурирующих в других актах, «составленных в 1373 г.». К 1373 г. последние издатели новгородских грамот относят два акта⁷⁰, в которых действительно упоминаются посадники Юрий и Иван и тысяцкий Олисей. Однако нам хорошо известно, что эти лица сосуществовали на протяжении достаточно продолжительного времени; поэтому аргументация А. А. Зимина в этой части кажется нам методически неточной. Посмотрим, к каким противоречиям приводит столкновение этих трех документов при единой их датировке 1373 г.

Вполне очевидно, что в пределах 1371—1373 гг. договор Новгорода с Дмитрием Донским не может быть датирован временем ранее февраля—марта 1373 г., поскольку в 1372 г. посадничал не Юрий, а Михаил; в 1371 г., когда Юрий действительно был на степени, степенным тысяцким был не Олисей, а Матфей. Предположив, что при обновлении степени в начале 1373 г. степенное посадничество получил Юрий Иванович, а степенное тысяцкое — Олисей, мы вправе ожидать, что это распределение степеней должно быть присуще и другим актам 1373 г. Однако в договорной грамоте Новгорода с Любеком и Готским берегом, которую датируют временем около 29 сентября 1373 г., степенным посадником назван Юрий, а степенным тысяцким — Матфей⁷¹. Что касается другого акта, датированного 1373 г., не позднее сентября — грамоты Новгорода Любеку с требованием возврата пограбленных морскими разбойниками товаров, то в ней степенным посадником оказывается Иван, а степенным тысяцким — Олисей⁷². Таким образом, привязывая все три документа к одной дате, мы наталкиваемся на невероятный вывод о том, что на протяжении 1373 г. степень в Новгороде обновлялась трижды (Михаил и Матфей; Юрий и Олисей; Иван и Олисей; Юрий и Матфей). Очевидно, что в действительности все эти документы разновременные.

Обратимся теперь к другим основаниям датировки этих актов. Относя договорную грамоту Новгорода с Дмитрием Донским к началу марта 1373 г., А. А. Зимин придает решающее значение тем пунктам договора, из которых следует, что замещать великого князя в Новгороде будет Владимир Андреевич Серпуховской⁷³. Отмеченный летописцем приезд в Новгород князя Андрея в начале марта 1373 г.⁷⁴ А. А. Зимин признает непосредственным результатом рассматриваемого договора. Однако вряд ли этому обстоятельству следует отдавать решающую роль в датировке документа. Порядок соправления в Новгороде князей Дмитрия и Владимира возникает еще до конфликта с Михаилом Александровичем, поскольку об одном из приездов в Новгород Владимира Андреевича летопись сообщает еще под 1368 г.⁷⁵ Следовательно, в договорной грамоте речь идет о подтверждении раннего докончания Новгорода с Дмитрием, а такое подтверждение могло состояться и после 1373 г. в момент окончательного урегулирования взаимоотношений с Москвой и Тверью. Напомним, что отказ Михаила Александровича от великокняжеского титула относится только к зиме с 1373 на 1374 г. и состоялся в результате соглашения между тверским и московским князьями⁷⁶.

Более обоснована на наш взгляд, датировка 1373 г. договора между Новгородом, Любеком и Готским берегом о пограбленном разбойника-

⁷⁰ ГВНиП, стр. 79—80, № 44, 45.

⁷¹ Там же, стр. 80, № 45.

⁷² Там же, стр. 79, № 44.

⁷³ Там же, стр. 31, № 16.

⁷⁴ НПЛ, стр. 372. Владимир приехал в Новгород «по сборе за неделю» и оставался там до Петрова дня (29 июня). Соборное воскресенье в 1373 г. было 6 марта.

⁷⁵ Там же, стр. 370.

⁷⁶ ПСРЛ, т. XV, ч. I. Пг., 1922, стр. 105.

ми товаре⁷⁷. Новгород в этом договоре представлен владыкой Алексеем, посадником Юрием и тысяцким Матфеем, Любек — послами Яковом и Иваном, Готланд — послами Григорием и Иваном. В нем ликвидируется тяжба, возникшая после того, как у новгородских купцов «перед Невою» были отняты разбойниками товары и спрятаны в Любеке, на Готланде и в Стокгольме. Последние издатели грамоты, ссылаясь на К. Э. Напьерского, датируют ее временем около 29 сентября 1373 г.

Аргументация К. Э. Напьерского основана на сопоставлении рассматриваемой грамоты с документом Ревельского архива, повествующим о поездке в Новгород в 1373 г. около Михайлова дня любекских послов Якова Плескова (Jacob Pleskowe) и Иоганна Люнеборга (Johann Luneborg) и готландских послов Герда Веддердена (Gerd von Wedderden) и Бодде Волте (Bode Volte), которые были направлены туда по решению ганзейского съезда в Любеке, состоявшегося «в день св. Филиппа и св. Якова» и рассматривавшего жалобу Новгорода на Любек и Готланд. К. Э. Напьерский подчеркнул совпадение имен любекских послов в новгородской грамоте и ревельском документе, а также высказал предположение, что расхождения в именах готландских послов объясняются вероятным искажением и переосмыслением в новгородском акте; в именах Григорий и Герд он усматривал созвучие, а наименование Бодде Волте Иваном объяснял отсутствием имени Бодде Волте в православных святцах⁷⁸. Построению К. Э. Напьерского нельзя отказать в логике, тем более что смысловое содержание новгородского и ревельского документов идентично. Единственной фактической ошибкой в этом построении является приурочение «дня святых Филиппа и Якова» к 1 мая. В действительности в христианских святцах эти святые поминаются в разные дни: Филипп — 11 октября, а Яков — 23 октября, что говорит о продолжительности заседаний любекского съезда 1373 г. Однако вопреки ссылке на К. Э. Напьерского последние издатели грамоты относят ее к совершенно неаргументированной дате. День святого Михаила праздновался 8 ноября, а не 29 сентября⁷⁹.

Признавая принципиальную правильность сопоставлений К. Э. Напьерского, мы устанавливаем, что 8 ноября 1373 г., в момент создания рассмотренного договора, степенным посадником в Новгороде был Юрий Иванович, а степенным тысяцким — Матфей Фалелеевич, которые таким образом оказываются непосредственными преемниками Михаила, занимавшего посадничью степень в 1372 — начале 1373 г. Распределение степеней в рассматриваемые годы выглядит следующим образом:

	<i>Степенный посадник</i>	<i>Степенный тысяцкий</i>
II. 1371—II. 1372	Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич
II. 1372—II. 1373	Михаил Данилович	Матфей Фалелеевич
II. 1373—II. 1374	Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич

В этих хронологических пределах нет возможностей для возникновения договорной грамоты с Дмитрием Донским, составленной от имени

⁷⁷ ГВНИП, стр. 80, № 45.

⁷⁸ «Русско-ливонские акты, собраны К. Э. Напьерским». СПб., 1868, стр. 77 и сл., № ХCVI.

⁷⁹ Выбор неправильной даты может быть объяснен следующим образом. Последние издатели грамоты могли отождествить Михайлов день не с празднованием Собора архангела Михаила (8 ноября), а с празднованием св. Михаила Черниговского (20 сентября), учтя при этом разницу календарных стилей (теоретически, 9 дней для XIV в.). Однако этот путь сопряжен с тремя ошибками. Во-первых, Михаил Черниговский не был официально канонизован; во-вторых, как русский святой он не мог быть упомянут в немецком документе; в-третьих, разница стилей была установлена только в 1582 г.

Юрия и Олисея. Нет таких возможностей и для датировки 1373 г. грамоты Новгорода Любеку с требованием возврата товаров, составленной от имени посадника Ивана и тысяцкого Олисея⁸⁰. В основу существующей датировки этого акта положено то несомненное обстоятельство, что он предшествует договорной грамоте 8 ноября 1373 г., представляя собой именно ту жалобу, которая обсуждалась на Любекском съезде. В ней сообщается о гибели от разбойников 12 новгородцев и сокрытии их товара в Любеке, на Готланде и в Стокгольме. Авторство Ивана и Олисея заставляет отодвигать дату этого документа ко времени до февраля 1371 г. В самом деле, существуют прямые указания на то, что убийство и ограбление новгородцев морскими разбойниками произошли не позднее 1371 г. О них упоминает проект договора 1371 г.: «А учинилось зло на Неве или в Стокгольме новгородскому гостю, на земле или на воде, где ни учинилось, немецкому купцу дела до того нет, где бы ни было»⁸¹. О них как о причине затяжного международного конфликта говорится и в договоре 20 июля 1372 г.: «Так как немецкий купец долгое время не приезжал торговать в Новгород из-за того, что новгородского гостя убили на море и взяли товар у новгородцев, то Новгород продлил перемирие, после срока, о котором договорились Иоганн Нибур и Иоганн Сварте»⁸². Можно предполагать, что степень посадника и тысяцкого Иван и Олисей занимали с февраля 1370 по февраль 1371 г.

Существует указание и на то, что Олисей действительно занимал степень тысяцкого до 1372 г., хотя в списке тысяцких он и назван позднее Матфея: «...Фалелеи Андреанович, сын его Матфеи, Елисеи Онаньич...»⁸³. В этом тексте Матфей поставлен во взаимосвязь со своим отцом, и, следовательно, место его в списке определяется по генеалогическому, а не по хронологическому признаку. На печати при Наказе 1372 г. Олисей называется «тысяцким новгородским», подобно занимавшему степень в момент составления Наказа Матфею Фалелеевичу и в отличие, например, от Филиппа, который на степени не был и титулуется просто «тысяцким». Вероятно, оформление булл с титулом «тысяцкого новгородского» сопряжено с получением их владельцами степени, поскольку этот титул связан с представительством от всего Новгорода.

Установив главным образом на основании международных актов Новгорода принадлежность степени в 1370—1373 гг., мы можем теперь перейти к вопросу о датировке договорных грамот Новгорода с великими князьями 1370-х годов. Докончание Новгорода с Михаилом Александровичем датируют обычно 1371—1372 гг.⁸⁴. Как уже указывал А. А. Зимин, возможности более точной датировки этого документа содержит в его заключительной формуле, которая ставит вопрос об окончательном утверждении договора в связь с результатами ордынского решения о великокняжеском ярлыке. Из этого следует, что договор составлен летом 1371 г., когда Дмитрий Донской ездил в Орду. Имена посадника и тысяцкого в грамоте не названы, однако при документе сохранились печати: «Новгородская печать и посаднича», идентичная печати Наказа 1372 г., и печать тысяцкого Матфея Фалелеевича. Присутствие печати Матфея не противоречит датировке акта 1371 г., а отсутствие личной печати Юрия и отсутствие его имени в документе вполне

⁸⁰ ГВНиП, стр. 79, № 44.

⁸¹ Там же, стр. 75, № 42.

⁸² Там же, стр. 77, № 43.

⁸³ НПЛ, стр. 472.

⁸⁴ ГВНиП, стр. 28—30, № 15; Г. Е. Кочин. Ук. соч., стр. 210; А. Е. Пресняков. Ук. соч., стр. 302—303; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. I, стр. 308—309; А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями, стр. 315.

подкрепляют предложенную А. А. Зиминым дату, если докончание составлено в тот момент, когда Юрия Ивановича, возглавлявшего посольство на съезде с немцами, в Новгороде не было.

Договорная грамота Новгорода с Михаилом Александровичем о мире всеми исследователями, за исключением Л. В. Черепнина, датируется 1375 г., точнее около 1 сентября 1375 г., по сообщению Новгородской летописи о заключении мира под Тверью⁸⁵. Эта датировка представляется нам весьма сомнительной, поскольку рассматриваемый договор составлен не в Твери⁸⁶, а в Новгороде, о чем прямо говорится в нем: «Се доконча князь великий Михаило Олександрович тферьский, прислав своего посла в Новгород Михаила Костянтиновича...»⁸⁷. В грамоте упоминаются в качестве степенных посадник Юрий и тысяцкий Матфей, т. е. лица, сосуществовавшие на ступени в 1371—1372 и в 1373—1374 гг. Поскольку в договоре уже упоминается новоторжское разорение 1372 г., мы должны внимательно остановиться на второй дате, отметив, что Л. В. Черепнин вопреки другим исследователям склонен относить документ ко второй половине 1373 г. или к 1374 г.⁸⁸ В самом деле, сравнение мирного договора с Наказом 1372 г. обнаруживает глубокое смысловое сходство между ними⁸⁹. Мирный договор составлен в соответствии с Наказом 1372 г. А. А. Зимин, возражая против даты Л. В. Черепнина, отмечает, что Михаил Александрович назван в этом акте не просто великим князем, а великим князем тверским, что, по-видимому, должно означать, что мирный договор составлен после официального сложения Михаилом великокняжеского титула зимой 1373/74 г.⁹⁰ Между тем Михаил не титулуется великим князем и в Наказе 1372 г., что вполне закономерно, поскольку ликвидация его суверенитета над Новгородом, предусмотренная в договоре 1371 г., была предпринята до новоторжского разорения, бывшего следствием союза Новгорода с Дмитрием Донским.

Что касается договора Новгорода с Дмитрием Донским, то он не может быть датирован временем ранее весны 1374 г., так как в предшествующий период степень занимали не упомянутые в нем Юрий Иванович и Олисей, а другие лица. Достоверное посадничество Юрия и тысяцкое Олисея зафиксировано летописью 9 марта 1376 г. Эта дата находится на стыке мартовских 6883 и 6884 гг., поэтому трудно сказать, принадлежал ли им срок с февраля 1375 г. по февраль (или начало марта) 1376 г. или следующий срок 1376—1377 гг. Допустимо, что занятие степени в этот период для Юрия и Олисея было повторным и что они управляли свои должности и в 1374—1375 гг. Во всяком случае, нам кажется, вполне правильно относить документ, регулирующий отношения между Новгородом и Москвой, к тому периоду, когда после соглашения Дмитрия и Михаила зимой 1373/74 г. наконец установилась определенная ясность в дальнейшей судьбе великокняжеского стола.

Итоги наблюдений над переходом степени посадника и тысяцкого в 1370—1374 гг. могут быть изложены в следующей таблице:

⁸⁵ ГВНИП, стр. 33—34, № 18; НПЛ, стр. 373; ПСРЛ, т. XV, ч. I, стр. 111—112.

⁸⁶ О мире 1375 г. летопись сообщает: «А новгородци стояша под Тферью 4 дни, и докончаша мир на всей воли князя великаго и на новгородчкою». НПЛ, стр. 373.

⁸⁷ ГВНИП, стр. 33, № 18.

⁸⁸ См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. I, стр. 315.

⁸⁹ В Наказе, между прочим, предусмотрен и приезд тверских послов в Новгород для заключения мира: «Аже князь Михаила почнет послове свои слати в Новьгород, Новьгород повеле Юрию и Якиму послове Михайлове поняти в Новьгород». ГВНИП, стр. 33, № 17.

⁹⁰ См. А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями, стр. 317.

II. 1370—II. 1371	Иван Семенович	Олисей Онаньинич	ГВНиП, № 44
II. 1371—II. 1372	Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич	ГВНиП, № 42, 15
II. 1372—II. 1373	Михаил Данило- вич	Матфей Фалелеевич	ГВНиП, № 43, 17
II. 1373—II. 1374	Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич	ГВНиП, № 45, 18
после II. 1374	Юрий Иванович	Олисей Онаньинич	ГВНиП, № 16

Интересные материалы для подтверждения правильности предложенных датировок дает сравнение актовых булл. Печать посадника Юрия Ивановича известна в двух вариантах, различающихся между собой мелкими деталями матриц. Поскольку эти различия не принципиальны, они не могут свидетельствовать о функциональной разнице в применении булл. Между вариантами могут существовать только хронологические различия, возникновение более позднего варианта вызвано потерей или порчей матриц более раннего варианта. Первый вариант буллы Юрия Ивановича сохранился при Наказе 1372 г.⁹¹, второй — при грамотах № 18 и 45⁹², отнесенных нами к 1373 г. Также в двух вариантах с незначительными отличиями матриц известна печать тысяцкого Матфея Фалелеевича. Первый вариант этой буллы сохранился при грамоте № 15⁹³, отнесенной к 1371 г., второй — при грамотах № 17 и 45⁹⁴, отнесенных соответственно к 1372 и 1373 гг. В обоих случаях нет хронологического смещения взаимоисключающих вариантов.

ПОСАДНИКИ 1380-х годов

Материалы, относящиеся к следующему периоду новгородской истории, обильны и в своей совокупности позволяют сделать ряд решительных выводов, подтвердив и те предположения относительно новых форм организации посадничества, которые были высказаны ранее.

Рассмотрим этот период по десятилетним этапам. В 1380 г. последний раз в летописи упоминается Юрий Иванович⁹⁵. Это не значит, что он умер в указанном году, однако отсутствие каких-либо позднейших сведений позволяет предполагать, что конец его посадничества относится к 1380-м годам. Более определена судьба одного из славенских посадников — Михаила Даниловича, умершего в 1392 г.⁹⁶. Бывший посадником еще в 1372 г., он, следовательно, продолжает свою деятельность на всем протяжении 70-х и 80-х годов XIV в. Остальные посадники 1372 г. в летописи и актах больше не встречаются. Нам не известны годы смерти Якова Хотова, Ивана Семеновича, Селивестра Лентеева и Андреяна Захарьинича. На смену им в 1370-х и 1380-х годах приходят новые посадники.

К 1385 г. относится сообщение летописи о том, что в посадничество Федора Тимофеевича новгородцы постановили отнять у митрополита суд в Новгороде⁹⁷. Под 1386 г. упоминается посадник Василий Федорович, которого новгородцы отправляют в Ямны для передачи Дмитрию Донскому выкупа за пограбленных на Волоке московских купцов. Вме-

⁹¹ См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XIV, 7 (...ИВАНОВИЧА...).

⁹² Там же, XIV, 12; XV, 6 (...ИВАНОВИЧА...).

⁹³ Там же, XV, 3 (ПЕЧАТЬ...).

⁹⁴ Там же, XIV, 2; XV, 5 (ПЕЧАТЕ...).

⁹⁵ НПЛ, стр. 376; ПСРЛ, т. IV, стр. 75; т. V, стр. 238.

⁹⁶ НПЛ, стр. 385; ПСРЛ, т. IV, стр. 99, 140.

⁹⁷ ПСРЛ, т. IV, стр. 91.

сте с ним везет выкуп новгородский посадник Григорий Якунович⁹⁸. Под тем же годом снова назван посадник Федор Тимофеевич в связи с его поездкой на Волок за данью⁹⁹.

Летописный рассказ 1388 г. сообщает еще два имени. В октябре этого года в Новгороде начинается восстание против посадника Есифа Захарьинича, на которого ополчилась вся Софийская сторона: «Всташа 3 конца Софеиское стороне». Восставшие взяли его дом и «хоромы разверзоша». Есиф бежал в Плотницкий конец, где за него встала вся Торговая сторона. Борьба продолжалась две недели, затем мир был восстановлен и посадничество получил Василий Иванович¹⁰⁰. В конце 1388 г. вместе с владыкой Иоанном, отправившимся на поставление в Москву, едет посадник Василий Федорович¹⁰¹. В 1389 г. упоминается посадник Григорий Якунович, поставивший каменную церковь Покрова¹⁰².

Единственный раз и только в Краткой редакции Новгородской Третьей летописи под 1383 г. назван посадник Филипп; он строит церковь на Нутной улице¹⁰³. Однако существование такого посадника сомнительно, и это свидетельство следует отнести к числу недостоверных. В Краткой редакции НЗЛ, возникшей на рубеже XVII—XVIII вв., говорится о построении церкви св. Филиппа на Нутной улице «посадниками» Родославом, Устином и Филиппом в 1383 г. Но Родослав, который действительно был строителем этой церкви, жил не в XIV в., а в конце XII в. В летописи рассказывается о построении той же самой церкви боярином Родославом Даниловичем еще в 1194 г.¹⁰⁴ Посадником Родослав не был. Списки не знают также посадников Устина и Филиппа. С. Н. Азбелев, специально исследовавший это спорное сообщение, убедительно доказывает, что основой спорного места послужило использование составителем Краткой редакции НЗЛ синодика церкви св. Филиппа времени Алексея Михайловича¹⁰⁵. В синодике содержится аналогичное известие о строительстве церкви «посадниками» Родославом, Устином и Филиппом под 1383 г., не подтвержденное другими текстами¹⁰⁶.

Таким образом, для 1380-х годов мы располагаем следующими новыми посадничьими именами: Федор Тимофеевич, Василий Федорович, Григорий Якунович, Есиф Захарьинич, Василий Иванович. По своему составу эти имена совпадают с тем местом Списка А, которое следует за именем посадника Михаила Даниловича, в чем легко убедиться, сопоставляя список с изложенными летописными показаниями:

Список А

Летописи

Григорий (Якунович)
Никита (Матфеевич)
Василий (Федорович)
Василий (Иванович)
Федор (Тимофеевич)
Еска (Есиф Захарьинич)

Григорий Якунович, 1386, 1389 гг.
(Никита Матфеевич, 1360 г.)
Василий Федорович, 1386, 1388 гг.
Василий Иванович, 1388 г.
Федор Тимофеевич, 1385, 1386 гг.
Есиф Захарьинич, 1388 г.

⁹⁸ ПСРЛ, т. V, стр. 240.

⁹⁹ НПЛ, стр. 380—381.

¹⁰⁰ Там же, стр. 382.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же, стр. 383.

¹⁰³ «Новгородские летописи». СПб. 1879, стр. 244; ПСРЛ, т. III, стр. 232.

¹⁰⁴ НПЛ, стр. 234.

¹⁰⁵ См. С. Н. Азбелев. Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. ТОДРЛ, XV, 1958, стр. 129—262; его же. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960, стр. 99—104.

¹⁰⁶ См. Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. I, стр. 377—381; С. Н. Азбелев. Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в., стр. 260; его же. Новгородские летописи XVII в., стр. 100—101.

Очередность посадников в Списке А независима от летописных сообщений. Нам уже неоднократно доводилось убеждаться, что в ее основе лежит хронологическая последовательность избрания бояр на посадничество. Поэтому, сопоставляя показания Списка А с летописными сообщениями, мы получаем возможность принять для начала посадничества некоторых из названных здесь бояр более ранние даты, нежели указанные летописью в случайных контекстах. В частности, посадничества Григория Якуновича, Василия Федоровича и Василия Ивановича начались ранее 1386 г., поскольку следующий в списке за ними Федор Тимофеевич был посадником уже в 1385 г. Что касается Никиты Матфеевича, в отнесении которого летописцем к 1360 г. мы выше заподозрили ошибку, он впервые пришел на посадничество позднее Григория и ранее Василия Федоровича, но также до 1386 г.

Здесь же следует проследить и конечные даты посадничества перечисленных бояр. Общее укрепление республиканской организации в конце XIV и начале XV в. привлекает к посадникам особое внимание летописца, который в этот период пунктуально отмечает известия о кончинах посадников, что в значительной мере облегчает и нашу работу. Нам неизвестны только даты смерти Никиты Матфеевича и Григория Якуновича. Василий Федорович и Михаил Данилович скончались в 1392 г.¹⁰⁷, Василий Иванович — в 1405 г.¹⁰⁸, Есиф Захарьинич — в 1409 г.¹⁰⁹. Наиболее долговечным оказался Федор Тимофеевич, умерший в 1421 г.¹¹⁰.

Территориальная принадлежность новых посадников вполне поддается определению. Василий Иванович, согласно показаниям Списка Б, был братом Юрия Ивановича и, следовательно, в посадничестве представлял Неревский конец. Принадлежность Григория Якуновича четко определяется его строительной деятельностью. Построенная им церковь Покрова «на воротех» хорошо известна в Новгороде. Это поставленная впервые еще Семеном Климовичем в 1305 г. каменная церковь «на воротех от Прусской улицы», сохранившаяся до сих пор при Покровской башне Кремля. Следовательно, в посадничестве Григорий Якунович представлял прусское боярство. Ясна территориальная принадлежность и посадника Василия Федоровича. Как уже отмечалось, он был сыном посадника Федора Юрьевича и похоронен в монастыре св. Николая в Загородском конце; это — представитель Прусской улицы. К боярству Прусской улицы относится и Никита Матфеевич, который, согласно показаниям Списка Б, был сыном прусского посадника Матфея Варфоломеевича Коски.

Летописец дает исключительно четкие материалы для определения территориальной принадлежности Есифа Захарьинича. Его опорой в восстании 1388 г. является Плотницкий конец. Более того, согласно Списку Б, он был братом Андреяна Захарьинича, долгие годы представлявшего Плотницкий конец. Однако в рассматриваемый период Захарьиничи значительно укрепляют и свои связи с Прусской улицей. Андрейан Захарьинич еще в 1358 г. был строителем церкви 12 апостолов в Загородском конце¹¹¹, а хоромы Есифа Захарьинича были разграблены восставшими жителями Софийской стороны еще до того, как он бежал в Плотницкий конец. Очевидно, что Захарьиничи, осуществляя в посадничестве представительство от Плотницкого конца, имели владения и, по-видимому, родственные связи и на Софийской стороне. Мы

¹⁰⁷ НПЛ, стр. 385; ПСРЛ, т. IV, стр. 99, 140.

¹⁰⁸ НПЛ, стр. 398; ПСРЛ, т. IV, стр. 108, 145.

¹⁰⁹ НПЛ, стр. 401; ПСРЛ, т. IV, стр. 111.

¹¹⁰ НПЛ, стр. 413; ПСРЛ, т. IV, стр. 120.

¹¹¹ ПСРЛ, т. III, стр. 228; т. IV, стр. 63.

увидим далее, что их потомки еще прочнее свяжутся с Софийской стороной. Отметим здесь еще одно существенное обстоятельство. Есиф Захарьинич в 1384 г. еще не был посадником, под указанной датой летопись знает его как тысяцкого¹¹². Значит, в 1384 г. предшественник Есифа в представительстве от плотничан Андреян Захарьинич был еще жив.

Что касается территориальной принадлежности Федора Тимофеевича, то она точно определена грамотой Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю: «Покончаша промежу себя посадники великого конца Славенского и т. д. ...Что дали посадники Фёдор Тимофеевич и Иван Александрович и старшие посадники и тысяцкий землю кончанскую Саве старцу, а обод тое земли по сей грамоте...»¹¹³. Эта грамота относится к началу XV в. и будет подробно рассмотрена при изложении современных ей фактов. Здесь же отметим, что помимо прямого указания на принадлежность посадника Федора Тимофеевича к Славенскому концу грамота подтверждает сделанный ранее вывод об одновременном существовании двух славенских посадников. «Старшие посадники», по смыслу грамоты, — прежде бывшие посадники.

Сопоставление всех сведений о территориальной принадлежности посадников 1380-х годов обнаруживает в организации посадничества ту же схему, которую мы наблюдали при анализе Наказа 1372 г. и событий 1354 г. Мы обнаружили двух одновременных посадников Славенского конца (Михаила Даниловича и Федора Тимофеевича), одного неревского посадника (Василия Ивановича), одного плотницкого посадника (Есифа Захарьинича) и двух несомненно одновременных посадников от Прусской улицы (Василия Федоровича и Григория Якуновича). Наличие третьего прусского посадника Никиты Матфеевича не нарушает схемы. О нем мы знаем, что он получил посадничество после Григория Якуновича, но до Василия Федоровича. Из этого следует, что он неизбежно сосуществовал с Григорием Якуновичем, а Василий Федорович мог быть его непосредственным преемником. Результаты всех этих наблюдений изложены в синхронистической таблице (см. табл. 9).

Таблица нуждается в нескольких пояснениях. Мы довели посадничество Селивестра Лентеева до 1380 г., хотя последнее упоминание о нем в источниках относится к 1372 г. (печать при Наказе). Основанием нам послужили следующие соображения. Преемник Селивестра Лентеева — Федор Тимофеевич — был посадником уже в 1385 г. Однако показаниями Списка А начало его посадничества отнесено ко времени более позднему, нежели начало посадничества Василия Ивановича. Между тем Василий Иванович, бывший представителем Неревского конца, не мог стать посадником ранее 1380 г., так как в указанном году был еще жив его предшественник Юрий Иванович. Отсюда следует, что и Федор Тимофеевич не был еще посадником в 1380 г., а значит, и его предшественник Селивестр Лентеев тогда был еще жив.

Мы не включили в таблицу посадничество Никиты Матфеевича, поскольку у нас нет ни одной точной даты, связанной с ним. Так как Никита назван в Списке А вслед за Григорием Якуновичем, он должен быть предшественником Василия Федоровича и преемником Якова Хотова. Однако мы не знаем ни даты смерти Якова, ни даты начала посадничества Василия Федоровича, ни даты начала посадничества Григория Якуновича. Ясно во всяком случае, что посадничество Григория могло начаться задолго до 1384 г., возможно вскоре после 1372 г., а в этих пределах достаточно места для посадничества Никиты Матфеевича.

¹¹² ПСРЛ, т. XXIII, стр. 340.

¹¹³ ГВНИГ, стр. 148, № 91.

	Людин и Загородский концы	Неревский конец	
1372	Яков Хотов	Иван Семенович	Юрий Иванович
1373	?	?	Юрий Иванович
1374	?	?	Юрий Иванович
1375	?	?	Юрий Иванович
1376	?	?	Юрий Иванович
1377	?	?	Юрий Иванович
1378	?	?	Юрий Иванович
1379	?	?	Юрий Иванович
1380	?	?	Юрий Иванович
1381	?	?	?
1382	?	?	?
1383	?	Григорий Якунович	?
1384	Василий Федорович	Григорий Якунович	Василий Иванович
1385	Василий Федорович	Григорий Якунович	Василий Иванович
1386	Василий Федорович	Григорий Якунович	Василий Иванович
1387	Василий Федорович	Григорий Якунович	Василий Иванович
1388	Василий Федорович	Григорий Якунович	Василий Иванович
1389	Василий Федорович	Григорий Якунович	Василий Иванович
1390	Василий Федорович		Василий Иванович
1391	Василий Федорович		Василий Иванович
1392	Василий Федорович		Василий Иванович

до 1405 г.

ПОСАДНИКИ 1390-х годов

Даты кончин новгородских посадников, появляющиеся в летописях с 1390-х годов, на некоторый период становятся в круг постоянного внимания летописца и позволяют очень полно проследить переход посадничества от одних бояр к другим внутри определенных концов. Новая возможность подтвердить правильность вывода о кончанском представительстве в посадничестве появляется в связи с анализом летописных и актовых сообщений рубежа 1380-х и 1390-х годов.

В промежутке от 1389 до 1392 г. в источниках, согласно со всеми предшествующими наблюдениями, могло и должно было появиться только одно новое посадничье имя. В этот период теоретически возникает лишь одна вакансия в посадничестве, освобожденная Григорием Якуновичем, сведения о котором прекращаются на 1389 г. Остальные пять

— 1380-х годов

Славенский конец		Плотницкий конец
Сильвестр Лентеев	Михаил Данилович	Андреян Захарьинич
Сильвестр Лентеев	Михаил Данилович	Андреян Захарьинич
Сильвестр Лентеев	Михаил ² Данилович	Андреян Захарьинич
Сильвестр Лентеев	Михаил Данилович	Андреян Захарьинич
Сильвестр Лентеев	Михаил Данилович	Андреян Захарьинич
Сильвестр Лентеев	Михаил Данилович	Андреян Захарьинич
Сильвестр Лентеев	Михаил Данилович	Андреян Захарьинич
Сильвестр Лентеев	Михаил Данилович	Андреян Захарьинич
Сильвестр Лентеев	Михаил Данилович	Андреян ¹ Захарьинич
?	Михаил Данилович	Андреян Захарьинич
?	Михаил Данилович	Андреян Захарьинич
?	Михаил Данилович	Андреян Захарьинич
?	Михаил Данилович	Андреян Захарьинич
Федор Тимофеевич	Михаил ² Данилович	?
Федор Тимофеевич	Михаил Данилович	?
Федор Тимофеевич	Михаил Данилович	?
Федор Тимофеевич	Михаил Данилович	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Михаил Данилович	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Михаил Данилович	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Михаил Данилович	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Михаил Данилович	Есиф Захарьинич

до 1421 г.

до 1409 г.

посадников в этот короткий период живы, и новые вакансии появятся лишь в 1392 г. со смертью Василия Федоровича и Михаила Даниловича.

Григорий Якунович был представителем Прусской улицы. Значит, и новый посадник, если он действительно появится в этот отрезок времени, должен принадлежать к боярству Людина или Загородского конца. Под 1391 г. в летописи записан следующий рассказ: «Послаша новгородцы на съезд с немцы в Ызборско: посадника Василия Федоровича, посадника Богдан Обакунович, посадника Федора Тимофеевича, тысяцкого Есифа Фалелеевича, Василья Борисовича и купцов»¹¹⁴. Василия Федоровича и Федора Тимофеевича мы знаем как посадников с середины 1380-х годов. Богдан Обакунович появляется впервые.

Принадлежность Богдана Обакуновича к кругам прусского бояр-

¹¹⁴ НПЛ, стр. 384; ПСРЛ, т. IV, стр. 98, 140.

ства более чем очевидна, так как в следующем 1392 г. он «со своей братью и уличаны» строит каменную церковь св. Симеона на Чудинцевой улице¹¹⁵, входившей в Загородский конец. Под 1394 г. летопись сообщает о предоставлении Богдану посадничества¹¹⁶. Разумеется, речь здесь идет о степенном посадничестве, поскольку посадничий титул он носил еще в 1391 г. Последние сведения о нем относятся к 1397 г., когда Богдан вместе с владыкой Иоанном едет посольством в Москву¹¹⁷.

С другой стороны, само появление нового посадника в 1391 г. на единственно возможной вакансии Прусской улицы свидетельствует о том, что предшественник Богдана — Григорий Якунович — к 1391 г. скончался или сложил с себя посадничество. Это наблюдение дает возможность значительно уточнить даты двух интересных новгородских актов, упоминающих посадника Григория. Мы имеем в виду данные спинских сябров, датированные в последнем их издании 1389—1415 гг.¹¹⁸.

В этих грамотах посадник Григорий с товарищами передает Спаскому Верендовскому монастырю значительные земельные участки между реками Верендою и Видогошью. Среди товарищей Григория названы посадничий сын Кирилл Андреевич, Захарья Яковлевич с братьею, Юрий Дмитриевич и Кирилл Семенов. Кирилл Андреевич может быть сыном только Андреяна Захарьинича, так как никаких других посадников с именем Андрей или Андреян в близкое время до 1415 г. не было. Одна из грамот называется также известного нам боярина: «А что Есифа посадника земля, и лес, и пожни его, а в то ся чернцам не вступатца»¹¹⁹.

Крайние даты документов, принятые при их издании, основаны на упоминании в них архиепископа Иоанна (1389—1415 гг.). Однако само упоминание в них посадника Григория позволяет ограничить эти даты 1389—1391 гг. В эти годы, кроме того, не только был посадником упомянутый в одной из грамот Есиф, но и Кирилл Андреевич действительно был еще только посадничьим сыном, тогда как уже в начале XV в. он сам стал посадником. В близкое время, в 1410 г., существовал еще один посадник Григорий — Григорий Богданович, однако он, как увидим далее, сделался посадником уже после смерти Кирилл Андреевича, поэтому данные спинских сябров возможно связывать лишь с Григорием Якуновичем и датировать их 1389—1391 гг.

В этих документах совместно названы как товарищи прусский посадник Григорий и сын плотницкого посадника Кирилл. В них же упоминается плотницкий посадник Есиф. Боярское «товарищество» в данном случае оказывается товариществом территориальным или кончанским, поскольку Захарьиничи, к которым принадлежали Кирилл и Есиф, были связаны не только с Плотницким концом, но и с Прусской улицей.

Отмечая появление единственного нового посадничьего имени между 1389 и 1392 гг. на единственной возможной посадничьей вакансии, мы совершенно игнорируем показания так называемой «Ободной грамоты 1391 г.», называющей посадников Юрия Онцифоровича и Мирона Ивановича¹²⁰. Подложность этой грамоты слишком очевидна, а ее фабрикация относится к XVI в.¹²¹.

После того как около 1391 г. состав посадников был пополнен Богданом Обакуновичем и вновь доведен до шести, в следующем 1392 г.

¹¹⁵ НПЛ, стр. 385; ПСРЛ, т. IV, стр. 99, 140.

¹¹⁶ НПЛ, стр. 386; ПСРЛ, т. IV, стр. 140.

¹¹⁷ НПЛ, стр. 390; ПСРЛ, т. IV, стр. 102, 141; т. V, стр. 250; т. VIII, стр. 70.

¹¹⁸ ГВНИП, стр. 164—166, № 107, 109.

¹¹⁹ Там же, стр. 164, № 107.

¹²⁰ Там же, стр. 286, № 285.

¹²¹ Там же.

открылись две новые вакансии. Смерть Василия Федоровича и Михаила Даниловича освободила места представителей Прусской улицы и Славенского конца. Эти места немедленно должны были заполниться. Еще одна очередная вакансия могла открыться только в 1397 г., когда прекращаются сведения о Богдане Обакуновиче, а остальные посадники еще живы. Таким образом, между 1392 и 1397 гг. следует ждать появления двух — и только двух — новых посадничьих имен, причем один из их носителей должен принадлежать к прусскому, а другой к славенскому боярству.

И в самом деле, в указанный промежуток времени появляются только два новых посадничьих имени. В известном договоре с ганзейскими городами 1392 г., так называемом Нибурове мире, посадником, занимавшим степень в момент заключения мира, назван Тимофей Юрьевич, имя которого в более ранних текстах нам еще не встречалось: «Се приеха Иван Нибур из Люпка посольством... к посаднику Тимофею Юрьевичу и тысяцкому Миките Федоровицю, ко всему Великому Новгороду»¹²². На протяжении 1390-х годов Тимофей Юрьевич назван еще раз как степенный посадник под 1397 г.: «И посадник Тимофеи Юрьевич и тысячки Микита Федорович и вси посадники и тысячки и бояре и весь великий Новъград благословение своего господина отца владыце Ивана приняле...»¹²³. Умер посадник Тимофей Юрьевич в 1409 г.¹²⁴.

Под 1397 г. в летописи сообщается о смерти посадника Есифа Фалелеевича¹²⁵. Это второй новый посадник, пришедший на должность между 1392 и 1397 гг. Напомним, что в 1391 г. он был еще тысяцким¹²⁶.

У нас нет прямых данных для определения принадлежности двух новых посадников к определенным концам города. Оба они пришли на посадничество в одном и том же году, но был ли Тимофей Юрьевич преемником Василия Федоровича или Михаила Даниловича, источники молчат. В таком же положении оказывается и Есиф Фалелеевич.

Существует, однако, способ решить этот вопрос. Если мы примем во внимание, что на протяжении 1397—1404 гг. остаются в живых представитель Неревского конца Василий Иванович, представитель Плотницкого конца Есиф Захарьинич, один из представителей Славенского конца Федор Тимофеевич и загадочный по своей принадлежности Тимофей Юрьевич и что в 1397 г. из числа посадников выбывают умерший Есиф Фалелеевич и не упоминаемый более в источниках Богдан Обакунович, бывший прусским представителем, то должны прийти к следующему выводу. Все новые посадники, которые появятся между 1397 и 1404 гг., могут принадлежать или к славенскому, или к прусскому боярству. Установление каких-либо связей этих новых посадников с Тимофеем Юрьевичем или Есифом Фалелеевичем способно пролить свет и на принадлежность этих двух более ранних посадников.

Среди посадников, начавших свою деятельность между 1397 и 1404 гг., существует посадник Александр Фоминич, впервые упомянутый летописью с этим титулом под 1403 г.¹²⁷. Из летописного сообщения известно также, что умер Александр Фоминич в 1421 г.¹²⁸. Эти данные связывают посадника Александра с представительством от Прусской

¹²² ГВНиП, стр. 81, № 46.

¹²³ НПЛ, стр. 390; ПСРЛ, т. IV, стр. 102, 141, 195.

¹²⁴ НПЛ, стр. 401; ПСРЛ, т. IV, стр. 111.

¹²⁵ НПЛ, стр. 389; ПСРЛ, т. IV, стр. 102, 141.

¹²⁶ НПЛ, стр. 384; ПСРЛ, т. IV, стр. 98, 140.

¹²⁷ ПСРЛ, т. IV, стр. 107, 145.

¹²⁸ НПЛ, стр. 413; ПСРЛ, т. IV, стр. 120; т. XVI, стр. 176. В летописи Авраамки (ПСРЛ, т. XVI, стр. 176) Александр Фоминич назван с прозвищем Царько.

	Людин и Загородский концы	Неревский конец	
1389	Василий Федорович	Григорий Якунович	Василий Иванович
1390	Василий Федорович	?	Василий Иванович
1391	Василий Федорович	Богдан Обакунович	Василий Иванович
1392	Василий Федорович	Богдан Обакунович	Василий Иванович
	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	Василий Иванович
1393	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	Василий Иванович
1394	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	Василий Иванович
1395	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	Василий Иванович
1396	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	Василий Иванович
1397	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	Василий Иванович
	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	Василий Иванович
1398	Тимофей Юрьевич		Василий Иванович
1399	Тимофей Юрьевич		Василий Иванович
1400	Тимофей Юрьевич		Василий Иванович

до 1409 г.

до 1405 г.

улицы. В самом деле, теоретически он может быть только прусским или славенским посадником, однако нам известно, что до 1421 г. продолжается деятельность одного из славенских посадников Федора Тимофеевича, а свидетельствами актов и летописи 1411—1417 гг. датируется деятельность посадника Ивана Александровича¹²⁹, который прямым показанием грамоты Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю связан с представительством от Славна. Если бы Александр Фоминич представлял не Прусскую улицу, а Славенский конец, он оказался бы третьим славенским посадником 1411—1417 гг., что исключено.

Между тем в Списке Б Александр Фоминич назван братаном Тимофея Юрьевича, одного из наших посадников 1392 г., чья принадлежность была неопределенной. Близкое родство этих посадников заставляет предполагать также единство их принадлежности и связывать Тимофея Юрьевича с представительством от Прусской улицы. Есиф Фалеевич в силу этого должен быть отнесен к славенскому боярству.

Под 1398 г. в летописи назван еще один новый посадник — Юрий Дмитриевич, который вместе с посадником Федором Тимофеевичем организует поход на Двину против великого князя Василия Дмитриевича¹³⁰. Упоминание Юрия Дмитриевича под этой датой позволяет сделать вывод о территориальной принадлежности нового посадника. Он мог

¹²⁹ Иван Александрович назван посадником в грамоте Великого Новгорода Колывани с предложением сохранить дружественные отношения во время войны со шведами, начавшейся весной 1411 г. (ГВНИП, стр. 88, № 50). Умер он в 1417 г. (НПЛ, стр. 408; ПСРЛ, т. IV, стр. 115).

¹³⁰ НПЛ, стр. 391.

1390-х годов

Славенский конец		Плотницкий конец
Федор Тимофеевич	Михаил Данилович	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Михаил Данилович	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Михаил Данилович	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Михаил Данилович	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Есиф Фалелеевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Есиф Фалелеевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Есиф Фалелеевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Есиф Фалелеевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Есиф Фалелеевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Есиф Фалелеевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич

до 1421 г.

до 1410 г.

до 1409 г.

быть преемником или славенского представителя Есифа Фалелеевича, умершего в 1397 г., или прусского посадника Богдана Обакуновича, который после 1397 г. в источниках не упоминается. Однако предположение о прусской принадлежности Юрия Дмитриевича отпадает, поскольку он умер в 1410 г.¹³¹, а между 1397 и 1409 гг. одним прусским посадником был Тимофей Юрьевич, а вторым — между 1403 и 1421 гг. — Александр Фоминич. Таким образом Юрий Дмитриевич связывается с представительством от Славенского конца¹³². На принадлежность Юрия Дмитриевича к Славенскому концу указывает также свидетельство духовной Остафии Ананьинича Своеземцева, который назначает своими душеприказчиками посадников Федора Тимофеевича и Юрия Дмитриевича¹³³. Усадьба Своеземцевых в Новгороде находилась на Нутной улице Славенского конца, как это явствует из показания духовной сына Остафии — Федора Своеземцева¹³⁴.

¹³¹ НПЛ, стр. 401.

¹³² Летопись сообщает о строительстве Юрия Дмитриевича в 1407 г. в Аркаже (там же, стр. 400), т. е. в местности, расположенной ближе всего к Людину концу. Однако свидетельствами о строительстве в загородных монастырях не следует руководствоваться так же прямолинейно, как свидетельствами о строительстве на территории концов.

¹³³ ГВНиП, стр. 168, № 110. Грамота была датирована 1393 г. в XVIII в. шенкурским протопопом Иваном Розовым и с тех пор условно сохраняет эту дату на основании помет Розова; она не может относиться ко времени ранее 1397 г., когда Юрий Дмитриевич стал посадником.

¹³⁴ Там же, стр. 171, № 111.

Результат наблюдений над сосуществованием посадников 1390-х годов изложен в синхронистической таблице (см. табл. 10).

При сопоставлении этой таблицы со Списком А, показаниями которого мы сознательно не пользовались, рассматривая вопрос о посадниках 1390-х годов, мы можем теперь проверить правильность очередности посадников в Списке А при помощи независимых от него данных:

Список А

Богдан Обакунович, 1391 г.	(73) Богдан (Обакунович)
Тимофей Юрьевич, 1392 г.	(74) Тимофей (Юрьевич)
Есиф Фалелеевич, 1392 г.	(75) Есиф (Фалелеевич)
Юрий Дмитриевич, 1397 г.	(76) Юрий (Дмитриевич)

Как это видно из сопоставления, Список А продолжает оставаться исчерпывающим, а правильная очередность посадников в нем подтверждается совокупностью других источников.

ПОСАДНИКИ НАЧАЛА XV ВЕКА

Большинство посадников первого десятилетия XV в. нам уже хорошо известно. Неревский конец до 1405 г. представлял Василий Иванович, Плотницкий до 1409 г. — Есиф Захарьинич, Славенский конец до 1410 г. представляли Федор Тимофеевич и Юрий Дмитриевич. Знаем мы и одного из представителей Прусской улицы — Тимофея Юрьевича, бывшего посадником до 1409 г. Если мы не будем пока выводить изложение за рубеж 1409 г., нам останется неизвестной лишь принадлежность второго представительства от Прусской улицы после того, как на 1397 г. прекратились сведения о посаднике Богдане Обакуновиче, и принадлежность представительства от Неревского конца после смерти в 1405 г. Василия Ивановича.

Список А в интересующей нас части вслед за именем Юрия (Дмитриевича), пришедшего на посадничество в 1397 г., называет следующие имена: (77) Александр (Фоминич), (78) Кирилл (Андреянович), (79) Иван (Александрович), (80) Фома (Иванович). Именем Фомы заканчивается основная часть Списка А, далее следуют позднейшие дополнения.

Мы уже неоднократно отмечали свидетельство грамоты Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю, связывающей Ивана Александровича с представительством от Славенского конца. Стать славенским посадником этот последний мог только после Юрия Дмитриевича, который скончался в 1410 г. Отсюда следует неизбежный вывод, что имена Александра Фоминича и Кирилла Андреяновича, ставших посадниками в более раннее время, связываются именно с теми двумя вакансиями от Прусской улицы и Неревского конца, которые возникли для преемников Богдана Обакуновича и Василия Ивановича.

О принадлежности Александра Фоминича к Прусской улице мы уже писали. Этот посадник впервые упоминает в летописи под 1403 г. и дожил до 1421 г. Для Кирилла Андреяновича остается только вакансия Неревского конца. Эта атрибуция, на наш взгляд, является безусловной, хотя она и порождает некоторые весьма существенные противоречия. Во-первых, посадник Кирилл Андреянович упомянут в летописи под 1403 г. как строитель придела к церкви св. Михаила на Прусской улице¹³⁵, что вполне закономерно. Мы уже цитировали показания данной

¹³⁵ НПЛ, стр. 397.

спинских сябров, знающей в 1389—1391 г. о существовании посадничьего сына Кирилла Андреевича¹³⁶. С другой стороны, летописный текст под 1390 г. называет Кирилла Андреяновича «внуком Захарьиным»¹³⁷. Следовательно, Кирилл Андреянович действительно был сыном Андреяна Захарьинича, который в посадничестве представлял Плотницкий конец, однако был теснейшим образом связан с Прусской улицей, где, подобно своему сыну, построил церковь. Летопись сообщает также о хоромах дяди Кирилла — Есифа на Софийской стороне, хотя последний был также плотницким посадником. Не имея, однако, возможности отрицать представительство Кирилла Андреяновича от Неревского конца, мы можем только допускать, что Захарьиничам была свойственна большая подвижность. Они имели широкие связи не только в пределах Плотницкого конца и Прусской улицы, но и на Неревском конце.

Другое противоречие содержится в самом факте посадничества Кирилла в 1403 г., когда предшествовавший ему неревский посадник Василий Иванович был еще жив; он умер в 1405 г. В данном случае следует говорить о том, что слишком прямолинейное использование летописных дат посадничьих смертей может привести к существенным недоразумениям. Большинство посадников, даты смерти которых приведены летописцем, умирает «в мнишеском чину». И в древности, по-видимому, скоропостижные смерти случались не чаще, чем смерти после длительных болезней. Отход от политической деятельности мог происходить за некоторое время до физической смерти. В качестве примера воспользуемся сведениями о начале посадничества Тимофея Юрьевича. Его непосредственный предшественник посадник Василий Федорович умер в июне 1392 г.¹³⁸ Между тем Тимофей Юрьевич был на степени уже в первых месяцах 1392 г., когда от его имени заключен Нибуров мир.

Отметим здесь же, что кончина Кирилла Андреяновича, по летописи, относится к концу 1410 г. или к началу 1411 г. (зима в конце марта-го 6918 г.)¹³⁹.

Эти наблюдения позволяют дополнить нашу синхронистическую таблицу следующим образом (см. табл. 11).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИБОЯРСКОЙ БОРЬБЫ В КОНЦЕ XIV ВЕКА И ИХ СВЯЗЬ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПОСАДНИЧЕСТВА

Вспышка внутрибоярской борьбы, отмеченная в 1360 г., была тесно связана с проведением в жизнь реформы посаднической организации. Ее причиной была неудовлетворенность славенского боярства новым порядком вещей, при котором преимущества двойного представительства Славенского конца могли быть реализованы всякий раз только конкретными успехами Славна в борьбе с другими боярскими группировками Новгорода. Эта борьба продолжается и в последней четверти XIV в. Ее очередная значительная вспышка относится к 1384 г. Показательно, что в ходе столкновения расстановка сил внутрибоярской борьбы склады-

¹³⁶ Данные спинских сябров называют Кирилла — Андреевичем, а не Андреяновичем. Имена Андрей и Андреян (Адриан) строго различались в Новгороде, и в данном случае в данных спинских сябров несомненна ошибка. Кирилл Андреевич в данных назван посадничьим сыном, однако на протяжении всего предшествующего периода существовал только один посадник Андрей — Андрей Климович, убитый в 1316 г. Вряд ли можно настаивать на том, что он был отцом Кирилла, поскольку последнему в начале XV в. в этом случае было бы около ста лет. Отметим, что данные спинских сябров известны только в копии 1688 г.

¹³⁷ ПСРЛ, т. IV, стр. 97.

¹³⁸ НПЛ, стр. 385.

¹³⁹ Там же, стр. 402.

	Людин и Загородский концы		Неревский конец
1397	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	Василий Иванович
	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	Василий Иванович
1398	Тимофей Юрьевич	?	Василий Иванович
1399	Тимофей Юрьевич	?	Василий Иванович
1400	Тимофей Юрьевич	?	Василий Иванович
1401	Тимофей Юрьевич	?	Василий Иванович
1402	Тимофей Юрьевич	?	Василий Иванович
1403	Тимофей Юрьевич	?	Василий Иванович ¹
	Тимофей Юрьевич	Александр Фоминич	Кирилл Андреянович
1404	Тимофей Юрьевич	Александр Фоминич	Кирилл Андреянович
1405	Тимофей Юрьевич	Александр Фоминич	Кирилл Андреянович
1406	Тимофей Юрьевич	Александр Фоминич	Кирилл Андреянович
1407	Тимофей Юрьевич	Александр Фоминич	Кирилл Андреянович
1408	Тимофей Юрьевич	Александр Фоминич	Кирилл Андреянович
1409	Тимофей Юрьевич	Александр Фоминич	Кирилл Андреянович
1410		Александр Фоминич	Кирилл Андреянович
1411		Александр Фоминич	

до 1421 г.

¹ умер в 1405 г.

вается точно таким же образом, как и во время восстания 1360 г. На одной стороне в этой борьбе оказывается Славенский конец, а на другой — все остальные концы Новгорода.

На князя Патракия, принятого новгородцами на кормление в 1383 г., городчанами была заявлена жалоба, рассмотрение которой разделило Новгород на два лагеря. Князя поддержал Славенский конец, собравший вече на Ярославовом дворище, тогда как три конца Софийской стороны организовали вечевое собрание в Кремле, а «тысячки Есиф ходи на сию (т. е. на Софийскую. — В. Я.) сторону, плотничане и добрии люди». После двухнедельной вечевой дискуссии «удариха Славеньский конец на тысячкого на Есифов двор с веча, и плотничане тысячкого Есифа не выдаша». 9 февраля три конца Софийской стороны подготовились к вооруженному столкновению, но не были поддержаны Плотничким концом, который «съслався послы с тремя конци». В среду 10 февраля союз трех концов Софийской стороны был скреплен крестоцелованием («списаша три грамоты в одина слова обетныи, и славляне собе доспев,

1400—1409 гг.

Славенский конец		Плотницкий конец
Федор Тимофеевич	Есиф Фалелеевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	
Федор Тимофеевич		

до 1421 г.

стояше с князем на вечи на Ярославли дворе»). Славяне разобрали Великий мост, но затем «поидоша вся 5 концев в одиначество: отняша тыи города у князя, а даша ему Русу да Ладогу, а Наровьский берег, и грамоту списаше с князем и запечаташа на вечи на Ярославли двори»¹⁴⁰.

Если 1384 г. начался решительным столкновением Славенского конца со всеми остальными концами Новгорода, то «одиначество», достигнутое в ходе борьбы, привело к серьезным политическим успехам Новгородской республики. Описывая события 1385 г., летописец сообщает о том, как под руководством посадника Федора Тимофеевича и тысяцкого Богдана Обакуновича собирается вече, которое решает не ходить

¹⁴⁰ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 340. В НПЛ (стр. 379) эти события кратко описаны в расказе мартовского 6892 г., которому должен бы соответствовать февраль 1385 г., однако 9 февраля во вторник на мясопустной неделе, показанное в описании восстания, приходится на 1384 г.

на суд в Москву к митрополиту, а судиться у своего владыки¹⁴¹. Мы уже знаем, что посадник Федор Тимофеевич принадлежал к славенскому боярству, а тысяцкий Богдан Обакунович — к прусскому.

Летописный рассказ 1384—1385 гг. демонстрирует сложную зависимость новгородских внутрибоярских отношений от внешнеполитических факторов, выразителем которых в данном случае является князь Патракий Наримантович. Чтобы оценить его значение, следует сказать несколько слов о роли в Новгороде XIV в. литовских князей.

Союз Новгорода с Наримантом Гедиминовичем и его потомками впервые устанавливается в 1333 г. в момент очередного обострения новгородско-московских отношений. В конце 1332 г., после того как Новгород отказался платить Ивану Калите закамское серебро, великий князь свел из Новгорода своих наместников и находился в «размирьи» с Новгородом вплоть до 1334 г. Во время этого размирья новгородцы принимают сына литовского князя Гедимины — Нариманта-Глеба — и дают ему Ладогу с Ореховым, Корельский городок и Корельскую землю, а также половину Копорья «в отчину и в днину, и его детем»¹⁴².

Появление в Новгороде сына Нариманта — Патракия — в 1383 г. снова совпадает с обострением новгородско-московских отношений. В 1383 г. начался новый этап этих отношений, связанный с возрождением активной антимосковской борьбы. Князь Патракий появляется в Новгороде и получает в кормление Орехов, Корельский город, пол-Копорья и Луское село в тот момент, когда в Орде после похода Тохтамыша обсуждается вопрос о судьбе русского великокняжеского стола. В Орду позван сын и наследник Дмитрия Ивановича — Василий, туда же отправляется искать великого княжения тверской князь Михаил Александрович. Для Новгорода создаются условия активного противодействия московскому князю. Антимосковские действия следуют одно за другим. В 1385 г. новгородцы отнимают суд у митрополита. В 1386 г. ограбление новгородцами волжан вызывает поход против Новгорода князей Дмитрия Донского и Владимира Андреевича и значительную контрибуцию в 8000 рублей. Показательно, что новгородскими войсками в этом столкновении руководил Патракий Наримантович. В 1391 г. решение Новгорода о митрополичьем суде вызывает приезд в Новгород митрополита Киприана и требование уничтожить грамоту 1385 г., в которой митрополиту было отказано. В 1393 г. начинается война Новгорода с великим князем Василием Дмитриевичем, приведшая к победе великого князя и восстановлению митрополичьего суда. Однако в 1395 г., когда в Новгород снова приехал Киприан и «запроси суда», новгородцы суда ему не дали. В 1397 г. начинается открытая борьба между Василием Дмитриевичем и Новгородом за Волок и Двину, в ходе которой великий князь «к Новугороду с себе целование сложил и хрестъную грамоту вьскинул, а новгородцы с себе целование сложили и грамоту крестъную князю великому вьскинуле». К 1398 г. относится знаменитый Двинский поход посадников Тимофея Юрьевича и Юрия Дмитриевича, начавшийся с веча: «Не можем, господине отче, сего насилья терпети от своего князя великого Василья Дмитриевича, оже отнял у святеи Софии пригороды и волости, своен отчины и дедины». Тогда же официальный разрыв с Москвой привел новгородцев к признанию суверенитета над Новгородом, правда на очень короткий срок, литовского великого князя Витовта, о чем можно судить из рассказа летописи под 1399 г.: «Князь Витовт Литовьскыи Кестутьевич присла в

¹⁴¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 92.

¹⁴² НПЛ, стр. 345—346.

Новгород взметную грамоту, рек тако: «обеществовале мя есте, что было вам за мене няться, а мне было вам князем великим быти, а вас мне было боронити, а вы за мене нялися»; и новгородци князю Витовту от себе грамоту взметную отослаша»¹⁴³. Этот разрыв происходит после того, как между Василием и Витовтом был заключен временный союз и Витовт перестал служить символом антимосковской борьбы.

Литва для Новгорода служит противовесом Москве, и несомненно, что за спорами о правах Патракия Наримантовича в 1384 г. стоит проблема начавшегося обострения новгородско-московских отношений. Интересно, что в грамоте Ягайла 1389 г. преемник Патракия — Семен-Лугвень Ольгердович — назван «опекальником мужем и людем Велико-Новгорода»¹⁴⁴. Результат столкновения 1384 г. мы воспринимаем как преодоление внутренней боярской борьбы в Новгороде ради организации успешного противодействия Москве. Поскольку примирение боярских группировок не повлекло за собой реорганизации системы управления, ее противоречия остались в силе и теперь. Уже в 1388 г. летописи отмечают новое столкновение Софийской и Торговой сторон: «...въсташа 3 конце Софеиской стороне на посадника Есифа Захарьинича и звонивше веце у святеи Софеи, и поидоша на двор его, и хоромы разверзоша; а Есиф посадник бежа за реку в Плотничьский конецъ. И въста за него Торговая сторона вся, и начаша людии лупити, а перевозников бити от берега, а суды сечи, и тако быша без мира 2 недели, и потом снидошася в любовь; и даша посадничество Василью Евановичу»¹⁴⁵. В 1394 г. происходит новое столкновение, описанное более кратко: «И в то время отъяша новгородци посадничество у Есифа Захарьинича и даша посадничество Богдану Обакуновичу»¹⁴⁶.

Сравнение расстановки сил во всех трех восстаниях позволяет утверждать, что во всех случаях существенную роль играли попытки установить в посадничестве действительное равновесие группировок, а с 1388 г. — равновесие сторон. И в 1388 г., и в 1394 г. посадничество теряет представитель одного из концов Торговой стороны в пользу представителя одного из концов Софийской стороны. Эта борьба за степень сама по себе отвергает какие-либо предположения о возможном существовании регулярной очередности концов на степени, в чем особенно убеждает следующее обстоятельство. Если бы такая очередность существовала, то преемником плотницкого посадника Есифа всякий раз должен бы был становиться представитель одного и того же конца Софийской стороны. Между тем в 1388 г. на смену ему приходит неревский посадник, а в 1394 г. — представитель Прусской улицы.

Отметим, что несовершенство системы организации посадничества проявляется именно в тот момент, когда оно и должно было проявиться — в период подъема антимосковской борьбы, вновь поставившей на повестку дня вопрос о боярском сплочении. Вопрос о консолидации боярства в этот период приобретает особую силу и в связи с несомненным усилением классовой борьбы в Новгороде¹⁴⁷.

¹⁴³ НПЛ, стр. 379—393. Подробный анализ взаимоотношений Новгорода с Литвой и Москвой см. в работах: В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в., стр. 200—236; Л. В. Черепнин. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. Соцэкгиз, М., 1960, стр. 682—702.

¹⁴⁴ АЗР, т. I. СПб., 1846, № 10.

¹⁴⁵ НПЛ, стр. 382.

¹⁴⁶ Там же, стр. 386.

¹⁴⁷ См. Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1955; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 682—702.

ПЕЧАТИ НОВГОРОДСКИХ ПОСАДНИКОВ XIV ВЕКА

Сфрагистические материалы красноречивы в одном отношении. Они самым решительным образом подтверждают предложенный выше вывод об изменении форм посаднической организации в середине XIV в. Собственно с момента возникновения коллективного посадничества посадничья булла впервые приобретает самостоятельный тип и начинает включать в свою легенду титул посадника.

От конца XIII—первой половины XIV в. сохранилось не более трех достоверных печатей новгородских посадников. Это дошедшие до нас при утвержденных ими грамотах буллы Андрея и Семена Климовичей (рис. 6).

1. Печать Андрея Климовича

Л. с.: Надпись в три строки: **НАР
ВАПЕ
АТЬ**

О. с.: Изображение св. Андрея Стратилата в полный рост, с копьем

и щитом. По сторонам колончатая надпись: **А
Н
А**

Д. — 27—29 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода Риге 1303—1307 г., ГВНиП, стр. 64, № 36. Изд. — ЛСА, XX, 3.

2. Печати Семена Климовича

Л. с.: Надпись в четыре строки: **(МЭ)
ИОВА
ПЕУА
ТЬ**

О. с.: Надпись в три строки: **КАН
МОВ
НУА**

Известна в двух экземплярах.

2—1. Д. — 29—30 мм. Сохранилась при любекском экземпляре договорной грамоты Новгорода с Любеком, Готским берегом и Ригой 1301 г., ГВНиП, стр. 63, № 34. Изд. — ЛСА, XV, 1.

2—2. Д. — 29—30 мм. Сохранилась при рижском экземпляре той же грамоты, ГВНиП, стр. 63, № 34. Изд. — ЛСА, XX, 1.

3. Печать Даниила

Л. с.: Надпись в три строки: **ДАНИ
ЛОВАП
ЕЧАТЕ**

О. с.: Изображение святого всадника с копьем, вправо.

Д. — 27—28 мм. М. н. — Новгород, 1929 г. Хр. — не известно; фотография сохранилась в архиве Н. П. Лихачева, Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 123, рис. 116 г. Не издана.

К числу посадничьих печатей мы относим эту буллу условно на основании общего сходства ее типа с типом описанных ниже посадничьих печатей Якова и Никиты. Она может быть связана с посадником Данилой, известным в 1327—1328 гг.

Этими четырьмя печатями исчерпывается весь сфрагистический материал Новгорода, который можно было бы связывать с посадниками первой половины XIV в. Среди громадного числа новгородских булл нет ни одной с именем Варфоломея Юрьевича, Федора Ахмыла, Михаила Павшинича, Захарии Михайловича, Матфея Варфоломеевича, Федора Даниловича, Остафы Дворянинца, Онцифора Лукича, Федора Юрьевича или просто Варфоломея, Михаила, Захарии, Матфея, Евстафия, Александра, Онцифора. Существует лишь одна печать с именем Федора и титулом посадника, в отнесении которой можно колебаться между Федором Даниловичем и Федором Юрьевичем.

4. Печать Федора

Л. с.: Изображение процветшего креста; вокруг точечный ободок, по

краю надпись: + ФЕДОРОВА ПЕЧАТЬ

О. с.: Надпись в пять строк:

ПОСА
ДНИКА
НОВГОР
ДСКО
ГО

Д. — 26—29 мм. М. н. — Новгород. Хр. — Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд. — ЛСА, I, 14.

В отличие от уже описанных, печати второй половины XIV в. становятся многочисленными. К настоящему времени их известно 19 экземпляров, происходящих от 10 пар матриц (рис. 6 и 7).

5. Печати Ивана Семеновича Муторицы

Л. с.: Надпись в четыре строки:

ИВАН
ВАПЕЧА
ТЬ СЕМЕ
НОВНУ

О. с.: Надпись в четыре строки:

ПОСА
ДНИКА
НОВГОРО

Известна в трех экземплярах.

5—1. Д. — 29 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода Любеку, датированной нами 1370—1371 гг., ГВНиП, стр. 79, № 44. Изд. — ЛСА, XXVII, 5.

5—2. Д. — 28 мм. М. н. — Новгород. Хр. — Новгородский музей, инв. № 3989. Не издана.

5—3. М. И. Полянский («Новгородская памятка для туристов». Новгород, 1908, стр. 260 и сл., № 53) описывает бывшую в его собрании печать с надписью на Л. с.: «Иванова печать Дементьевича», и на О. с.: «посадника новгоро...». Речь, несомненно, идет еще об одном экземпляре печати Ивана Семеновича.

6. Печать Селивестра Лентеева

Л. с.: Надпись в четыре строки:

ПЕУА
ТЬСЕА
НВЕСТ
РОВА

О. с.: Поясное изображение святого.

Д. — 26—27 мм. Сохранилась при Наказе 1372 г., ГВНиП, стр. 32, № 17. Изд. — ЛСА, XIV, 3.

7. Печати Андреяна Захарьинича

Л. с.: Надпись в шесть строк:

ПЕУАТЬ
ОНДРЪНА
НОВАПОС
АННКАНО
ГОРОА
КО

О. с.: Изображение вседержителя на престоле; по сторонам орнаментальные решетки.

Известна в двух экземплярах.

7—1. Д. — 27 мм. Сохранилась при Наказе 1372 г., ГВНиП, стр. 32, № 17. Изд. — ЛСА, XIV, 6.

7—2. Д. — 27 мм. М. н. — Новгород. Хр. — Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд. — ЛСА, XXVII, 3.

8. Печати Юрия Ивановича

Известны два варианта печатей этого посадника, различающиеся мелкими деталями матриц.

8а. Л. с.: Надпись в четыре строки:

ЮРЬКЕ
ВАПЕУА
ТЫВАНО
ВНУА

О. с.: Надпись в четыре строки:

ПОСА
ДНИКА
НОВГОРО
УКОГО

Вариант известен в трех экземплярах.

8а—1. Д. — 28 мм. Сохранилась при договорной грамоте Новгорода с Любеком и Готским берегом, датированной нами 1373—1374 гг., ГВНиП, стр. 80, № 45. Изд. — ЛСА, XV, 6.

8а—2. Д. — 26—28 мм. Сохранилась при договорной грамоте Новгорода с Михаилом Александровичем, датированной нами 1373—1374 гг., ГВНиП, стр. 33, № 18. *Изд.* — ЛСА, XIV, 12.

8а—3. Обломок. М. н. — Новгород. Хр. — Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. *Изд.* — ЛСА, I, 15.

86. Л. с.: Надпись в четыре строки:

ЮРЬЕ
ВА ПЕЧА
ТЬ НВА
НОВІУА

О. с.: Надпись в четыре строки:

ПОСА
ДННКА
НОВГОРО
УКОГО

Известна в четырех экземплярах.

86—1. Д. — 26—28 мм. Сохранилась при Наказе 1372 г., ГВНиП, стр. 32, № 17. *Изд.* — ЛСА, XIV, 7.

86—2. Обломок. М. н. — Новгород. Хр. — Лих. Не разыскана. *Изд.* — ЛСА, XXIX, 5.

86—3. Д. — 23—24 мм. М. н. — Новгород. Хр. — Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. *Изд.* — ЛСА, XXXIX, 9.

86—4. Д. — 26 мм. М. н. — Новгород. Хр. — Новгородский музей, инв. № 3990. Не издана.

9. Печать Якова Хотова

Л. с.: Надпись в шесть строк:

ЯКО
ВЛА ПЕ
УАТЬ ПО
САДННКА
НОВГОРО
УКОГО

О. с.: Изображение святого всадника с копьём, вправо.

Д. — 27 мм. Сохранилась при Наказе 1372 г., ГВНиП, стр. 32, № 17. *Изд.* — ЛСА, XIV, 5.

10. Печать Никиты Матфеевича

Л. с.: Надпись в пять строк:

МНКН
ТННА ПЕ
УАТЬ ПОСА
ДННКАНО
ВГОРОУКО

О. с.: Изображение святого всадника с копьём, вправо; над головой коня лигатура: АГ.

Д. — 27 мм. М. н. — Новгород. Хр. — Лих., ОНГЭ. *Изд.* — ЛСА, XXVII, 4.

11. Печать Василия Федоровича

Л. с.: Надпись в пять строк:

ПЕУ
АТЬВА:
СНЛЪАФ
ЕДОРОВН

О. с.: Надпись в пять строк:

ПОС
АДНИК
А НОВГО
РОС

Д. — 27 мм. М. н. — Новгород, 1952 г., раскопки на Неревском конце в слое с дендрохронологической датой 1381—1396 гг. Изд. — МИА, 1956, № 55, стр. 143, № 8.

Ссылка на грамоту с печатью посадника Василия Федоровича имеется в Нибуровом мире 1392 г.¹⁴⁸

12. Печать Василия Ивановича

Печати этого посадника в коллекциях неизвестны, но ссылка на грамоту «за посадничьей печатью Василия Ивановича», т. е. на именную печать, имеется в Нибуровом мире 1392 г.¹⁴⁹

13. Печать Федора Тимофеевича

Нам не приходилось видеть печатей этого посадника, однако экземпляр буллы Федора Тимофеевича имелся в собрании В. С. Передольского и сведения о нем были опубликованы: «В личном нашем собрании есть свицовый оттиск двусторонней вислой печати „Федора Тимофеевича Посадника Новгородского“ с изображением св. Феодора на коне на обратной и с приведенной надписью на правой стороне»¹⁵⁰.

14. Печать Тимофея Юрьевича

Л. с.: Надпись в четыре строки:

ПЕУА
ТЬТНМО
ФБАЮР
ЬКЕЧА

О. с.: Надпись в четыре строки:

ПОСА
АНИКА
НОВГО
УКОГО

Обломок. М. н. — Новгород. Хр. — Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд. — ЛСА, LV, 16.

¹⁴⁸ ГВНИП, стр. 81—82, № 46.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ В. С. Передольский. Новгородские древности. Новгород, 1898, стр. 251.

Л. с.: Надпись в пять строк: НО
ВЪГО
РОУКА
АПЕУА
ТЬ

О. с.: Надпись в три строки: НПО
САДНИ
УА

Печать известна в двух экземплярах.

15—1. Д. — 25—29 мм. Сохранилась при договоре Новгорода с Михаилом Тверским 1371 г., ГВНИП, стр. 28, № 15. Изд. — ЛСА, XV, 4.

15—2. Д. — 28 мм. Сохранилась при Наказе 1372 г., ГВНИП, стр. 32, № 17. Изд. — ЛСА, XIV, 1.

В посадничьей сфрагистике XIV в. развиваются две линии. Первая продолжает тип печати Андрея Климовича. На буллах этого типа, помимо обязательной надписи, имеются также и изображения. Отметим, что почти во всех случаях изображения носят не лично-патрональный характер, а скорее служат отвлеченными эмблемами. На печатях Данылы, Якова, Никиты и Федора Тимофеевича изображен святой всадник-копьеносец, хотя святыми патронами большинства этих лиц были не святые воины. На печати Андреяна помещено изображение вседержителя, а на печати Федора идентичное вседержителю изображение креста. Мы увидим далее, как эта линия сомкнется с типом «Печатей Великого Новгорода», несущих изображения эмблематического характера.

Вторая линия продолжает развитие типа печати Семена Климовича, лишенной изображений и несущей только надписи. Печати этого типа также переходят в XV в. Обе линии развиваются параллельно.

Наиболее существенным обстоятельством кажется нам появление обязательного титула на всех посадничьих печатях начиная с середины XIV в., т. е. со времени посадничества Онцифора Лукича. Исключением здесь является лишь булла Селивестра, т. е. посадника, пришедшего к власти как раз в тот момент, когда новая сфрагистическая закономерность только возникала.

Следует отметить также, что возникшее впервые после реформы середины XIV в. противопоставление степенного посадника старым посадникам нашло отражение в появлении особой печати степенного посадника — «Новгородской печати и посадничьей», — на которой выражена идея представительства от всего Новгорода. Однако в XIV в. такая печать не привилась, поскольку все акты последней четверти XIV и начала XV в. запечатаны обычными именованными посадничьими печатями, хотя и исходят от степенных посадников.

Глава 7

ПОСАДНИКИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV ВЕКА И РЕФОРМА 1410-х годов

ОКОНЧАНИЕ СПИСКА А И 1-ое ДОПОЛНЕНИЕ К НЕМУ

В предыдущей главе мы довели изложение до 1409—1410 гг. Этот рубеж интересен в двух отношениях. Во-первых, около него в источниках должно появиться несколько новых посадничьих имен. В 1409 г. умерли Тимофей Юрьевич и Есиф Захарьинич. Первый был представителем Прусской улицы, второй — Плотницкого конца. В 1410 г. умерли представитель Неревского конца Кирилл Андреянович и один из представителей Славенского конца Юрий Дмитриевич. На место умерших посадников в это время должны быть избраны четыре новых посадника. Эта цифра — четыре — заставляет обратить внимание на вторую важную особенность рубежа 1409—1410 гг. В Списке А после имени Кирилла (Андреяновича) помещены не четыре, а только два имени — Иван и Фома. На этих именах Список А заканчивается, далее идут позднейшие дополнения. Следовательно, редактирование основной части Списка А закончилось около названной даты, т. е. в тот момент, когда из четырех открывшихся вакансий могли быть заполнены только две.

Казалось бы, что эти два новых посадничьих имени, завершающих Список А, должны соответствовать тем двум вакансиям, которые открылись смертью Тимофея Юрьевича и Есифа Захарьинича, и принадлежать новым представителям Прусской улицы и Плотницкого конца. Однако оказывается, что такого соответствия нет.

Иван и Фома Списка А (№ 79, 80) легко отождествляются с Иваном Александровичем и братаном его Фомой Ивановичем Списка Б (№ 84, 85). Это отождествление продемонстрировано в табл. 1 в первой главе настоящего исследования и не вызывает сомнений, будучи вообще единственно возможным вариантом отождествления. Указанные имена в Списке Б занимают в очередности посадников такое же место, как и в Списке А.

Между тем Иван Александрович хорошо известен как славенский посадник. От его имени и от имени Федора Тимофеевича исходит грамота Славенского конца Савино-Вишерскому монастырю, неоднократно упомянутая выше. Что касается Фомы Ивановича, то этот посадник нигде, кроме как в посадничьих списках, не встречается. Однако мы не должны упускать из виду его близкого родства со славенским боярином Иваном Александровичем, которое, по-видимому, противоречит принадлежности этого посадника к Софийской стороне.

Это несоответствие даже при формальном сопоставлении показаний заключительной части Списка А с летописными данными 1409—1410 гг. (см. табл. 11) влечет за собой неизбежный вывод о том, что Иван Александрович стал посадником не после смерти своего непосредственного предшественника в представительстве от Славна Юрия Дмитриевича в 1410 г., а до его смерти — еще в 1409 г. В самом деле, если брать за основу летописные даты смертей, то его имя в списке А должно было бы появиться не сразу после имени Кирилла Андреяновича, а после имен непосредственных преемников Тимофея Юрьевича (умер в 1409 г.) и Есифа Захарьинича (умер в 1409 г.). У нас есть возможность подтвердить вывод о том, что не только Иван Александрович, но и Фома Иванович стали посадниками еще в 1409 г. Дело в том, что существует договорная грамота Новгорода с Ригой, Юрьевом и Колыванью о взаимном возврате захваченных у немцев и новгородцев товаров, сохранившаяся в немецком списке 1409 г. и относящаяся к осени 1409 г., которая свидетельствует о том, что в момент ее составления степенным посадником был Фома Есифович¹. Но имя Фомы Есифовича содержится уже не в Списке А, а в 1-м дополнении к Списку А. Следовательно, редактирование Списка А было закончено ранее осени 1409 г. Более того, поскольку в Списке А отсутствуют имена преемников Тимофея Юрьевича и Есифа Захарьинича, можно утверждать, что имена Ивана и Фомы были включены в Список А еще при жизни Тимофея и Есифа.

Даты смерти Тимофея Юрьевича и Есифа Захарьинича могут быть указаны с достаточной точностью. Соответствующие летописные сообщения изложены в следующем контексте: «В лето 6917. Преставися князь Данило в Пскове, а посадник Тимофеи Юрьевич в Новгороде. Постави владыка Иоан теремець камен, идеже воду свящают на всякый месяц, и пекленицю камену. Того же лета псковичи взяша мир с Литвою и с Немци, а воевавсья с Немце три лета. Преставися посадник Есиф Захарьиниць. Сеи же зимы, месяца ноября в 30 день, на память святого апостола Андрея, чюдо бысть страшно в церкви святого Михаила на Сковоротке: звук бысть в маковци; сеи же звук слышаша попы и чернци по два дни, по две нощи»². Князь Даниил Александрович умер в Пскове 4 апреля 1409 г.³ Мир с немцами был взят «в то же время, по велице дни»⁴, т. е. вскоре после 7 апреля (пасха в 1409 г. была 7 апреля). Отсюда следует, что Тимофей Юрьевич умер весной 1409 г., в начале апреля, Есиф Захарьинич — между апрелем и ноябрем 1409 г., а редактирование Списка А закончилось до начала апреля 1409 г.

Еще одно подтверждение самой возможности посадничества Ивана Александровича в 1409 г. содержится в следующем обстоятельстве. Фома Есифович, имя которого помещено уже в 1-м дополнении к Списку А и чье посадничество зафиксировано еще в 1409 г., — не первый посадник дополнений к Списку А. 1-е дополнение открывается именем Юрия Онцифоровича, который, таким образом, стал посадником раньше Фомы Есифовича, т. е. тоже еще в 1409 г. Однако неревский боярин Юрий Онцифорович мог быть преемником только Кирилла Андреяновича, а этот последний скончался в 1410 г. Снова мы видим, что появление нового посадника относится к моменту более раннему, чем это следовало бы из наблюдений над датами посадничьих смертей.

Изложенные противоречия позволяют принять следующую гипотезу

¹ ГВНиП, стр. 87, № 49.

² НПЛ, стр. 401.

³ «Псковские летописи», вып. II, стр. 117—118.

⁴ Там же.

тезу. Сама совокупность противоречий (начало посадничества Ивана Александровича и Юрия Онцифоровича ранее смерти их непосредственных предшественников, избрание в посадники Фомы Ивановича при видимом отсутствии свободной вакансии) как будто указывает на возникновение около начала 1409 г. попыток реорганизовать существовавшую систему посадничества. Выше мы уже отмечали, что к этому времени в Новгороде создается явно ненормальное положение. Фактически все три представительства от Софийской стороны оказываются в руках боярства Прусской улицы, поскольку неревским посадником в этот период избран Кирилл Андреянович, издавна связанный с Прусской улицей. С другой стороны, политическое единство охватывает не только концы Софийской стороны, но, несомненно, включает в себя и Плотницкий конец, посадником которого является дядя Кирилла Андреяновича — Есиф Захарынич. Поскольку это единство противостоит Славенскому концу, последний оказывается в явно невыгодном положении и должен искать путей для восстановления равновесия. Если исходить из такой расстановки сил, то появление на славенском посадничестве Ивана Александровича еще в 1409 г. можно связывать с необходимостью заменить в решительный момент дряхлеющего Юрия Дмитриевича (он ведь умер в следующем году), а посадничество загадочного Фомы Ивановича, бывшего близким родственником Ивана Александровича, признавать или попыткой ввести тройное представительство от Славенского конца, или же попыткой захватить в руки Славна представительство от Плотницкого конца, подобно тому как Пруская улица захватила в свои руки представительство от Неревского конца. Отметим временный и недолговечный характер этой меры. Грамота Славенского конца Савино-Вишерскому монастырю, составленная между 1409 и 1417 гг. (1417 г. — год смерти упомянутого в ней Ивана Александровича), снова знает только двух посадников Славенского конца, а новый плотницкий посадник Фома Есифович известен уже в 1409 г. Временный характер этой меры проявляется и в том, что имя посадника-эфемериды Фомы Ивановича отражено только посадничьими списками.

Отметим, что представительство Кирилла Андреяновича от Неревского конца казалось юридически сомнительным уже составителю Списка Б, который поместил Кирилла не перед Иваном Александровичем, как это сделано в Списке А и подтверждено показаниями других источников, а после Ивана и Фомы. Это единственное расхождение между Списками А и Б в очередности посадников для всего времени от середины XIV в. до конца первой четверти XV в.

Чтобы подтвердить недолговечность посадничества Фомы Ивановича и сделанное выше предположение о его территориальной принадлежности, нам следует теперь познакомиться с именами 1-го дополнения к Списку А.

Как уже отмечено, первые имена дополнения связываются с вакансиями, открывшимися в 1409 г. Однако в начале дополнения помещено имя Юрия Онцифоровича, предшественник которого Кирилл Андреянович умер в 1410 г. Если настаивать на предложенной гипотезе о посадничестве Фомы Ивановича как политической мере, вызванной двусмысленным положением Кирилла Андреяновича, который представлял Неревский конец будучи плотницко-пруским боярином, то замену Кирилла еще при жизни Юрием Онцифоровичем следует воспринимать как ответную политическую меру, восстанавливающую обычный порядок организации посадничества. Юрий Онцифорович был исконным неревским боярином. С Неревским концом связана вся деятельность его предков — Юрия Мишинича, Варфоломея Юрьевича, Онцифора Лукича. Здесь на-

ходилась его усадьба, исследованная раскопками в последние годы. С Неревским концом связана и строительная деятельность Юрия⁵.

В летописи Юрий Онцифорович впервые как посадник упоминается под 1411 г., когда он был воеводой в новгородских полках, ходивших ратью под Выбор⁶. В 1414 г. он послан в Литву послом для заключения мира с Витовтом⁷. В 1417 г. умирает, причем летописец отметил, что перед смертью Юрий Онцифорович был нем год и три месяца⁸. Параличом он был разбит в конце 1415 или в начале 1416 г., так как сведения о его смерти помещены раньше сведений, относящихся к июню 1417 г., но позднее февраля 1417 г.

Следующий в 1-м дополнении к Списку А за Юрием Онцифоровичем Фома Есифович в других источниках назван дважды. Осенью 1409 г. от его имени заключен договор с Ригой, Юрьевом и Колыванью⁹. В 1411 г. он, также будучи посадником, является одним из воевод новгородской рати под Выбор¹⁰. Дата его кончины нам неизвестна. Что касается его территориальной принадлежности, то его отчество и сам факт появления на посадничестве в год смерти Есифа Захарьинича позволяют связывать его с представительством от Плотницкого конца.

Что касается следующего посадника 1-го дополнения — Григория Богдановича, то летописные сведения о нем сводятся к двум показателям. Под 1410 г. он назван в связи с проведением в Новгороде денежной реформы: «Того же лета начаша новгородци торговати промежи себе лопьци и гроши литовськими и артуги немечкыми, а куны отложиша при посадничестве Григорья Богдановича и при тысячком Васильи Есифовиче»¹¹. Территориальная принадлежность его устанавливается легко. Список Б называет Григория Богдановича сыном посадника Богдана Обакуновича, а этот последний уже известен нам как представитель Прусской улицы в конце XIV в. Посадничество Григория Богдановича в 1410 г. позволяет признать его непосредственным преемником Тимо-

⁵ См. А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, 1956, № 55, стр. 31—32; его же. Новые новгородские грамоты. СА, 1960, № 1, стр. 233—234. Исчисление построенных Юрием Онцифоровичем церковей содержится в НЗЛ: «В лето 6925. Совершиша в Великом Новгороде шесть церковей каменных: Юрьи Анцифорович соверши храм в монастыре на Колмове святые Троицы, да церковь святого Николая чудотворца на Яковлеве улицы, да церковь святого Николая чудотворца на Холопьи улицы, да церковь великомученика Мины на Дослане улицы, да церковь святого апостола Андрея Первозванного на Щитной улицы, да церковь святого Антония Великого на Хутьни» (ПСРЛ, т. III, стр. 236). В остальных летописях постройка всех этих храмов описана вне связи с именем Юрия и через несколько лет после сообщения о его смерти. По-видимому, он не был строителем всех шести церковей, однако показательно, что Яковлева, Холопья и Досланы улицы находятся в Неревском конце, а Колмово — в окрестностях Неревского конца. Забота Юрия Онцифоровича о Колмовском монастыре особо отмечена источниками. В 1392 г. он строит там Успенскую церковь (НПЛ, стр. 385) после уничтожения ее в 1386 г. Известно также духовное завещание XVI в. Орины, отказавшей Колмовскому монастырю землю с угодьями, в котором говорится, что на Колмове лежит весь ее род начиная с прадеда Юрия Онцифоровича, построившего Троицкую церковь (Макарий. Ук. соч., ч. I, стр. 588). В число неревских кузюдемьянских бояр помещает Юрия Онцифоровича и приписка на последнем листе пергаменного Пролога № 240 в Московской Синодальной библиотеке, сделанная в 1400 г.: «В лето 6908 написаны быша книги сия, глаголемый Пролог, ко святому чудотворцю Козме и Дамьяну на Кузюдемьяну улицю, при князи великом Васильи Дмитриевиче, при архиепископе новгородском владыце Иване, а повелением рабов божиих боголюбивых бояр Юрия Онисифоровича, Дмитрия Микитинича, Василья Кузминича, Ивана Даниловича и всех бояр и всей улице Кузюдемьяне» (Макарий. Ук. соч., ч. I, стр. 218).

⁶ НПЛ, стр. 402; ПСРЛ, т. IV, стр. 113; т. V, стр. 258.

⁷ НПЛ, стр. 404; ПСРЛ, т. IV, стр. 114; т. V, стр. 259; т. VI, стр. 140; т. VIII, стр. 87.

⁸ НПЛ, стр. 407; ПСРЛ, т. IV, стр. 115.

⁹ ГВНИИ, стр. 86 и сл., № 49.

¹⁰ НПЛ, стр. 402; ПСРЛ, т. IV, стр. 113; т. V, стр. 258.

¹¹ Там же.

	Людин и Загородский концы		Неревский конец
1407	Тимофей Юрьевич	Александр Фоминич	Кирилл Андреянович
1408	Тимофей Юрьевич	Александр Фоминич	Кириля Андреянович
1409	Тимофей Юрьевич	Александр Фоминич	Кирилл Андреянович
	Тимофей Юрьевич	Александр Фоминич	Кирилл Андреянович ¹
	Григорий Богданович	Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
1410	Григорий Богданович	Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
1411	Григорий Богданович	Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
1412		Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
1413		Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
1414		Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
1415		Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
1416		Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
1417		Александр Фоминич	Юрий Онцифорович

до 1421 г.

¹ умер в 1410 г.

фея Юрьевича и датировать начало его посадничества 1409 г., когда умер Тимофей Юрьевич. Под 1411 г. Григорий Богданович, будучи посадником, входит в число воевод рати под Выбор ¹².

С этими дополнениями синхронистическая таблица посадников начала XV в. приобретает следующий вид (см. табл. 12).

1-е дополнение к Списку А завершается именами Кирилла Дмитриевича и Ивана Даниловича. Все наши сведения о Кирилле Дмитриевиче как посаднике сводятся к известию о его смерти, помещенному в конце мартовского 6922 г. (зима с 1414 на 1415 г.) в летописи ¹³ и в записи на «Сборнике 1414 г.» ¹⁴. Более ранняя пора его деятельности освещена источниками несколько подробнее. В 1397 г. он вместе с владыкой Иоанном был новгородским послом к великому князю Василию Дмитриевичу ¹⁵. Не позднее начала XV в. он стал тысяцким: в качестве сте-

¹² НПЛ, стр. 402; ПСРЛ, т. IV, стр. 113; т. V, стр. 253.

¹³ НПЛ, стр. 405; ПСРЛ, т. IV, стр. 114.

¹⁴ «В лето 6922 написана бысть книга си к святому Володимиру церкви благословением владыце (Антон) повелением Сидора Кюприянова... (т) Матфея Кусова. А хто сю книгу оукрадетъ, да будетъ проклят. Сеи зимы месяца ноября в 17 пострижеса владыка (Антон) в скину и маслом мазаса в монастыри на Деревяници по сеи днии, а посадник Кирило Дмитриевич преставися». Имя Антон в обоих случаях написано позднее по разуре. И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, вып. 2. СПб., 1867, «XVIII. Сборник 1414 г.», стр. 86.

¹⁵ НПЛ, стр. 390; ПСРЛ, т. IV, стр. 102, 141; т. V, стр. 250; т. VIII, стр. 70.

1409 — 1411 гг.

Славенский конец		Плотницкий конец
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич ²	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	Фома Иванович
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	Фома Есифович
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	Фома Есифович
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	Фома Есифович
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	

до 1421 г.

² умер в 1410 г.

пенного тысяцкого он вместе с посадником Александром Фоминичем в 1403 г. участвовал в крестоцеловании смоленскому князю Юрию Святославичу¹⁶. Степенным тысяцким он был и осенью 1409 г., о чем говорит договорная грамота Новгорода с Ригой, Юрьевом и Колыванью¹⁷. Все эти данные, однако, не позволяют установить территориальной принадлежности Кирилла, который с равными основаниями может быть признан и плотницким боярином — преемником Фомы Есифовича, не упоминаемого после 1411 г., и прусским боярином — преемником Григория Богдановича, который также упомянут в последний раз под 1411 г.

Документальные сведения об Иване Даниловиче еще менее определены. Под 1411 г. он без посадничьего титула упомянут в списке воевод, возглавлявших рать под Выбор¹⁸. Еще дважды Иван Данилович назван в не датированных точно частных актах. Согласно одному из этих актов, Иван Данилович, обозначенный в нем еще без посадничьего титула, является покупателем участка в Соломбале у Спас-Хутынского монастыря. Покупка совершилась до 1415 г., поскольку в отписи Хутынского монастыря упоминается как участник ряда архиепископ Иоанн¹⁹. В другой грамоте тот же участок оказывается предметом выкупа у Ивана Даниловича, названного здесь посадником, со стороны Василия Федо-

¹⁶ ПСРЛ, т. IV, стр. 145.¹⁷ ГВНИП, стр. 87, № 49.¹⁸ НПЛ, стр. 402; ПСРЛ, т. IV, стр. 113; т. V, стр. 258.¹⁹ ГВНИП, стр. 184—185, № 127.

рова и его братанов²⁰. Каких-либо хронологических примет для точной датировки этого акта не имеется.

Все сведения, какими мы располагаем о посадниках Кирилле Дмитриевиче и Иване Даниловиче, не дают возможности точно определить их территориальную принадлежность. Им соответствуют две возможные посадничьи вакансии — от Прусской улицы и от Плотницкого конца, но кто из них был прусским боярином, а кто плотничиком, были ли они оба плотничанами или пруссами, мы не знаем. Какой-то Иван Данилович назван среди кузюдемьянских бояр в записи на Прологе 1400 г., но нет оснований отождествлять его с позднейшим посадником.

Во всяком случае на посадничество оба они пришли еще до 1415 г. Кирилл Дмитриевич умер в 1414 г., успев побывать посадником в какой-то период между 1411 и 1414 гг. Что касается Ивана Даниловича, то начало его посадничества до 1415 г. датируется уже тем обстоятельством, что имя его оказалось включенным в 1-е дополнение к Списку А, тогда как имена посадников Андрея Ивановича (посадничал в августе 1415 г.²¹), Ивана Богдановича (посадничал в апреле 1416 г.²²), Бориса Васильевича (умер посадником осенью 1417 г.²³), Семена Васильевича (посадничал в конце августа — начале сентября 1417 г.²⁴) попали уже во 2-е дополнение к Списку А.

РЕФОРМА ПОСАДНИЧЕСТВА в 1410-х годах

Прежде чем переходить к рассмотрению свидетельств о посадниках второй половины 1410-х годов, нам следует заняться изучением одного посадничьего имени, вовсе не отраженного в списках.

Под 1415 г. летопись сообщает о смерти между 7 июня и 11 августа посадника Феодосия Обакуновича²⁵. Это имя до сих пор нам не встречалось. Феодосий Обакунович появляется в летописи неожиданно. Мы узнаем о его смерти, но нам ничего не известно о его деятельности. Собственно, сама уникальность сообщения не несет в себе ничего необычного. Летопись, например, вовсе не знает посадника Фому Ивановича, хотя его имя имеется в обоих изводах посадничьего списка. Сообщения о некоторых посадниках сводятся, как и в случае с Феодосием Обакуновичем, к единичному случайному известию. В данном случае заставляет насторожиться другое обстоятельство. Имя Феодосия отсутствует в посадничьих списках, хотя дата его смерти, такова, что он неизбежно должен был попасть по крайней мере в 1-е дополнение к Списку А, составленное около 1415 г. В момент составления дополнения он был жив, поскольку редактирование дополнения закончилось не позднее весны 1415 г., как уже отмечено выше. С другой стороны, наблюдения над синхронистической таблицей показывают, что он мог стать посадником не ранее 1411 г., что также теоретически обуславливает включение его имени в 1-е дополнение к Списку А. Мы неоднократно убеждались в пунктуальности исчисления посадничьих имен этим списком, и пропуск, если он действительно имел место, должен показаться особенно странным, так как речь идет о посаднике — современнике составителя 1-го дополнения к Списку А. Мы могли бы заподозрить здесь пропуск, допущенный переписчиком, однако имя Феодосия отсутствует и в Списке Б, отредактированном в ближайшие после смерти Феодосия годы.

²⁰ Там же, стр. 186—187, № 130.

²¹ НПЛ, стр. 405; ПСРЛ, т. IV, стр. 114; т. V, стр. 259.

²² НПЛ, стр. 406; ПСРЛ, т. IV, стр. 114; т. V, стр. 260.

²³ НПЛ, стр. 408; ПСРЛ, т. IV, стр. 115.

²⁴ ГВНИП, стр. 93, № 55.

²⁵ НПЛ, стр. 405; ПСРЛ, т. IV, стр. 114.

Думается, что объяснение странностей, связанных с посадничеством загадочного Феодосия Обакуновича, возможно. Это объяснение, даже будучи отвлеченным от конкретных имен, может дать представление о некоторых еще не учитывавшихся аспектах изучения хронологических проблем посадничества, о фактах, которые нужно иметь в виду, рассуждая о порядке перехода должности посадника из одних рук в другие.

Среди литературных памятников средневекового Новгорода хорошо известна «Повесть о посаднике Щиле», сюжет которой мы излагаем по возможности кратко. В Новгороде жил посадник Щил, или Шил, деятельность которого автор повести относит ко времени архиепископа Иоанна. Этот Щил занимался ростовщичеством и, нажив крупное состояние, ушел в монастырь. Будучи монахом, он построил церковь и «согради» Покровский монастырь на Волхове. Испрашивая благословение на создание монастыря, Щил натолкнулся на колебания владыки, не знавшего, можно ли создавать церковь на деньги, нажитые мздоимством. Архиепископ повелевает Щилу лечь в гроб в созданной им церкви. После отпевания Щил умер и гроб его тотчас провалился под землю, в ад. Лишь после того, как единственный («единочадый») сын Щила троекратно отслужил сорокоусты в сорока новгородских церквях, Щил получил освобождение и был погребен по церковному закону²⁶.

В основе повести лежит действительный факт основания Покровского монастыря монахом Олонием Щилом в 1310 г.²⁷ Щилов монастырь в окрестностях Новгорода существовал вплоть до 1725 г., когда он был уничтожен²⁸. Эта реальная основа повести соединена с фантастическим сюжетом и анахронизмами, из которых наиболее существенны наименование Щила посадником и перенесение действия из эпохи архиепископа Давида во времена святительства Иоанна.

Время составления повести И. П. Еремин относит к периоду, непосредственно предшествовавшему потере новгородской самостоятельности, и датирует ее 1450—1460-ми годами, допуская, что в форме устной легенды повесть сложилась еще в XIV в.²⁹ Недавно с новым истолкованием даты и обстоятельств возникновения «Повести о Щиле» выступил Л. В. Черепнин, который связывает ее составление с событиями начала 1440-х годов³⁰. Мы не можем согласиться с датировкой Л. В. Черепнина, так как имеющиеся в древнейшей редакции повести реалии противоречат такой ранней дате. Рассказывая о мздоимстве Щила, составитель повести сообщает, что тот отдавал в рост серебро «на 14 гривен и на 4 денги на год по денге». Речь идет о новгородских гривнах XV в., равнявшихся 14 денгам, однако совокупность 14 гривен и 4 денег ($14 \times 14 + 4 = 200$) оказывается равной двум московским рублям по 100 новгородских денег. Такое рациональное соотношение московской и новгородской денежных систем устанавливается только при Иване III, что не позволяет датировать возникновение повести временем ранее 1462 г.

Касааясь вопроса о перенесении действия повести во времена владыки Иоанна, И. П. Еремин и вслед за ним Н. К. Гудзий принимают следующую версию. К моменту возникновения книжной повести имя Давида, при котором Олонием Щилом был основан Покровский монастырь, уже не было популярным. Автор повести заменил его эпическим именем

²⁶ См. И. П. Еремин. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле. «Труды Комиссии по древнерусской литературе», I. Л., 1932, стр. 122—151 (тексты).

²⁷ НПЛ, стр. 93, 333; ПСРЛ, т. IV, стр. 47.

²⁸ Подробную историческую справку см. в ук. соч. И. П. Еремина, стр. 97.

²⁹ См. И. П. Еремин. Ук. соч., стр. 112, 122.

³⁰ См. Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 448—451.

архиепископа Иоанна-Илии (1165—1186 г.), прославившимся после открытия мощей Иоанна-Илии в 1439 г. и отраженном в ряде новгородских повестей XV в. (повести о Знамени, о путешествии св. Иоанна в Иерусалим)³¹. Отметим, что именно этого Иоанна подразумевал под архиепископом «Повести о Щиле» составитель одного из вариантов 2-й редакции, возникшей в конце XVII в., поскольку действие «Повести» он относит к 6694 г., т. е. к 1186 г.³². Однако этот вопрос казался не таким ясным составителю НЗЛ, который, основываясь на рассматриваемой повести, перенес рассказ об основании монастыря Олонием Щилом в 1410 г., т. е. во времена святительства Иоанна II (1388—1415 гг., умер в 1417 г.)³³. Следует особо отметить, что для перенесения действия легенды во времена Иоанна II существуют реальные исторические основания. В 1386 г. Щилов монастырь в числе других 24 пригородных монастырей был разрушен новгородцами для удобства обороны города от Дмитрия Донского³⁴. Восстановление всех этих монастырей идет интенсивными темпами как раз во времена Иоанна II и по его благословению.

Предполагая, что одним из действующих лиц «Повести о Щиле» оказался Иоанн II, мы склонны иначе оценить и наименование Щила посадником. Легенда о Щиле создавалась и превратилась в книжную повесть в тот период, когда время ее действия было отделено от времени составления всего лишь одним поколением. Ее оформление относится к тому моменту, когда были живы иные современники событий начала XV в. Мы полагаем, что эти последние узнавали ее действующих лиц, скрытых под вымышленными именами. Иначе фантастичность сюжета послужила бы препятствием самой популярности повести. Иными словами, «Повесть о Щиле» может иметь не только назидательный характер, но и содержать сатирический элемент, имея в виду каких-то конкретных лиц времени Иоанна II. Вполне вероятно, что фантастическая линия повести объединилась в ней с двумя реальными сюжетами: основанием монастыря монахом начала XIV в. Щилом и посадничеством какого-то деятеля начала XV в., занимавшегося ростовщичеством и ушедшего на долгий срок в монастырь, возможно, в монастырь, основанный Щилом. Если это так, то нам следует искать среди посадников времени Иоанна II возможных кандидатов в герои «Повести о Щиле», чья судьба может оказаться сходной с только что предположенной.

На протяжении святительства Иоанна II существовали лишь четыре посадника, предсмертная деятельность которых нам неизвестна. Мы не знаем дат смерти Григория Якуновича, в последний раз упомянутого в 1389 г., Богдана Обакуновича, который исчез со страниц летописи после 1397 г., Фомы Есифовича и Григория Богдановича; последние два не упоминаются после 1411 г.

Если в умершем в 1415 г. загадочном Феодосии Обакуновиче предполагать посадника, последний период деятельности которого протекал в стенах монастыря³⁵, то он очень хорошо отождествляется с бесследно исчезнувшим со страниц летописи после 1397 г. Богданом Обакуновичем. У Феодосия и Богдана тождественны не только отчества, но и имена: имя Богдан является мирским вариантом или русским переводом греческого имени Феодосий. В данном случае сама логика изменения имени говорит в пользу нашего вывода. Если Богдан в миру носил языческое

³¹ См. И. П. Еремин. Ук. соч., стр. 114, 115; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1949, стр. 270, 271.

³² См. И. П. Еремин. Ук. соч., стр. 135.

³³ «Новгородские летописи». СПб., 1879, стр. 253.

³⁴ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2. Л., 1925, стр. 346; т. V, стр. 241.

³⁵ Летопись говорит о смерти Феодосия Обакуновича «в мнишьском чину».

имя, отсутствующее в православных святцах, то, уходя в монастырь, он должен был изменить его на каноническое, православное. Это объясняет отсутствие в Списке А имени посадника Феодосия, поскольку ранее он уже назван под именем Богдан.

Новгородцы, познакомившись в середине XV в. с «Повестью о Щиле», должны были узнать в образе посадника-монаха — Богдана-Феодосия Обакуновича. Но они были знакомы и с его сыном, заказчиком легендарных сорокоустов. С сыном Богдана Обакуновича знакомы и мы. Список Б называет таковым посадника Григория Богдановича. Более того, Григорий Богданович имел прямое отношение если не к ростовщичеству, то во всяком случае к организации новгородских финансов, будучи главным инициатором денежной реформы 1410 г.

Если легенда, имеющая дело с памятными реалиями, относит смерть Щила еще к тому времени, когда был жив его сын, то, отождествляя Щила и Богдана, мы получаем возможность утверждать, что Григорий Богданович еще посадничал в 1415 г., а это значит, что между 1411 и 1415 гг. (время составления 1-го дополнения к Списку А) существовала только одна вакансия Плотницкого конца, которая и была поочередно занята Кириллом Дмитриевичем (до его смерти в 1414 г.) и Иваном Даниловичем (с 1414 г.). С этими дополнениями синхронистическая таблица посадников начала XV в. выглядит следующим образом (см. табл. 13).

Возвращаясь к посадникам, имена которых впервые появляются в середине 1410-х годов, мы начнем их рассмотрение с цитирования летописных и актов сведений.

Под 1415 г. летопись в рассказе об избрании Самсона в новгородские архиепископы 11 августа сообщает о том, что на кафедру он был возведен посадником Андреем Ивановичем и тысяцким Александром Игнатьевичем³⁶. 16 апреля 1416 г., когда Самсон-Симеон возвратился в Новгород после поставления в Москве, он был встречен новгородцами с посадником Иваном Богдановичем и тысяцким Борисом Васильевичем³⁷. В конце августа или начале сентября 1417 г. в Новгороде засвидетельствовано посадничество Семена Васильевича, который вместе с тысяцким Кузьмой Терентьевичем является автором грамоты Новгорода Риге, Юрьеву и Кольвани с предложением утвердить старый мир³⁸. Осенью 1417 г. во время мора умирает посадник Борис Васильевич и другой посадник, уже хорошо нам известный, — Иван Александрович³⁹.

В рассказе о восстании 1418 г., происшедшем в апреле, степенным посадником назван Василий Есифович⁴⁰. Весной 1419 г. умер посадник Иван Богданович⁴¹. В августе 1420 г. степенным посадником в Новгороде был Василий Никитич⁴². В конце января 1421 г. Василий Никитич продолжал оставаться на степени: от его имени на съезд с немцами посланы бояре, в числе которых были посадники Василий Есифович и Афанасий Федорович⁴³. Весной 1421 г. степенным посадником был Михаил Иванович, от имени которого в Юрьев отправлена грамота Новгорода с отказом заключить мир до удовлетворения обид⁴⁴. В конце мая

³⁶ НПЛ, стр. 405; ПСРЛ, т. IV, стр. 114; т. V, стр. 259.

³⁷ НПЛ, стр. 406; ПСРЛ, т. IV, стр. 114; т. V, стр. 260.

³⁸ ГВНиП, стр. 93, № 55.

³⁹ НПЛ, стр. 408; ПСРЛ, т. IV, стр. 115.

⁴⁰ НПЛ, стр. 410; ПСРЛ, т. IV, стр. 117.

⁴¹ НПЛ, стр. 411; ПСРЛ, т. IV, стр. 118.

⁴² ГВНиП, стр. 97, № 59. В том же году новгородским послом на съезде с немцами был посадник Афанасий Есифович (ПСРЛ, т. IV, стр. 119).

⁴³ Там же, стр. 99, № 60; НПЛ, стр. 413.

⁴⁴ ГВНиП, стр. 100, № 61.

	Людин и Загородский концы		Неревский конец
1408	Тимофей Юрьевич	Александр Фоминич	Кирилл Андреянович
1409	Тимофей Юрьевич	Александр Фоминич	Кирилл Андреянович
	Тимофей Юрьевич	Александр Фоминич	Кирилл Андреянович ¹
	Григорий Богданович	Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
1410	Григорий Богданович	Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
1411	Григорий Богданович	Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
1412	Григорий Богданович	Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
1413	Григорий Богданович	Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
1414	Григорий Богданович	Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
	Григорий Богданович	Александр Фоминич	Юрий Онцифорович
1415	Григорий Богданович	Александр Фоминич	Юрий Онцифорович ²
1416		Александр Фоминич	
1417		Александр Фоминич	
1418		Александр Фоминич	
1419		Александр Фоминич	
1420		Александр Фоминич	
1421		Александр Фоминич	

¹ умер в 1410 г.² разбит параличом в начале 1416 г.

или в начале июня того же года скончались хорошо известные нам посадники Федор Тимофеевич, избранный впервые еще в 1380-х годах, и Александр Фоминич⁴⁵. В рассказе о возведении на кафедру владыки Феодосия 1 сентября 1421 г. фигурирует как степенный посадник Тимофей Васильевич⁴⁶. Под тем же 1421 г. в летописи рассказывается о том, что двор Андрея Ивановича разграблен восставшими новгородцами из двух концов — Неревского и Славенского — «за Климента Артемьинича про землю»⁴⁷. В дальнейшем вплоть до 1434 г. в летописи вовсе не встречается посадничьих имен, а также каких-либо сведений о посадничестве. Что касается датированных актов близкого времени, то в них зафиксировано посадничество в начале февраля 1423 г. Василия Никитича⁴⁸. От периода с 1423 по 1435 г. датированных актов не сохранилось.

⁴⁵ НПЛ, стр. 413; ПСРЛ, т. IV, стр. 120.⁴⁶ НПЛ, стр. 414.⁴⁷ ПСРЛ, т. III, стр. 140; т. IV, стр. 120.⁴⁸ ГВНиП, стр. 103, № 62.

1409 — 1415 гг.

Славенский конец		Плотницкий конец
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Юрий Дмитриевич ³	Есиф Захарьинич
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	Фома Иванович
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	Фома Есифович
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	Фома Есифович
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	Фома Есифович
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	?
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	?
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	Кирилл Дмитриевич
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	Иван Данилович
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	Иван Данилович
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	
Федор Тимофеевич	Иван Александрович	
Федор Тимофеевич		
Федор Тимофеевич		
Федор Тимофеевич		
Федор Тимофеевич		

³ умер в 1410 г.

Перечисленными фактами исчерпываются все наши документальные сведения о посадниках второй половины 1410-х и начала 1420-х годов. Этих сведений немного, однако они создают основу для весьма интересных наблюдений и позволяют сделать важные выводы.

Мы уже отмечали, что в заключительной части Списка Б, которая излагает имена посадников, избранных после 1415 г., очередность имен уже не подчиняется генеалогическим интересам составителя списка. Эту особенность заключительной части Списка Б можно пояснить несколькими примерами. В рассказе о походе под Выбор в 1411 г. одним из воевод назван Иван Федорович «сын посадничь»⁴⁹. Этот Иван Федорович мог быть сыном только Федора Тимофеевича, так как никакого другого Федора на протяжении предшествующего времени среди посадников нет. Сыном Федора Тимофеевича должен быть и «Офонос Федорович, сын посадничь», отправленный с посольством в Литву в 1414 г.⁵⁰.

⁴⁹ НПЛ, стр. 402; ПСРЛ, т. IV, стр. 113; т. V, стр. 258.⁵⁰ НПЛ, стр. 404.

Оба брата впоследствии стали посадниками, и их имена включены в Список Б: «(96) Яков Федоров, (97) брат его Иван, (98) и Афанасий». Между тем, если бы генеалогические интересы составителя распространялись и на эту часть Списка Б, братья Федоровичи были бы названы сразу же вслед за Федором Тимофеевичем (77), т. е. ранее двадцати других посадников, стоящих в действительности перед ними.

Однако, если необходимость указания родства уже не учитывается составителем списка, значит очередность посадников в нем сохраняет чисто хронологический характер. Поэтому показания списка, как прежде показания Списка А, возможно использовать для установления относительной хронологии, которая может быть превращена в абсолютную сравнением списка с данными других источников. Сопоставление заключительной части Списка Б с показаниями летописей и актов дает следующие результаты:

<i>Список Б</i>	<i>Летопись и акты</i>
90. Андрей Иванович	Андрей Иванович, 1415, 1421 гг.
91. Иван Богданович	Иван Богданович, 1416, ум. 1419 г.
92. Борис Васильевич	Борис Васильевич, ум. 1417 г.
93. Семен Васильевич	Семен Васильевич, 1417 г.
94. Василий Есифович	Василий Есифович, 1418, 1421 гг.
95. Александр Игнатьевич	
96. Яков Федоров	
97. Иван Федоров	
98. Афанасий Федоров	Афанасий Федорович, 1421 г.
99. Михаил Мотуричин	Михаил Иванович, 1421 г.
100. Василий Микитин	Василий Никитич, 1420, 1421, 1423 гг.
101. Афанасий Есифов	Афанасий Есифович, 1420 г.
102. Тимофей Васильевич	Тимофей Васильевич, 1421 г.
103. брат его Василий	
104. Иван Иевлич	
105. Кузьма Терентьевич	
106. Федор Гаврилович	
107. Иван Данилович	
108. Семен Васильевич	
109. Иван Васильевич	
110. Иван Яковлевич	
111. Аврам Стефанович	
112. Михаил Ананьич	
113. Василий Фомин	
114. Григорий Данилович	
115. Филипп Фомин	
116. Артемий Петрович	
117. Захария Кириллович.	

Важный материал для наблюдений дает также сравнение заключительной части Списка Б со 2-м дополнением к Списку А:

<i>Список Б</i>	<i>2-е дополнение к списку А</i>
90. Андрей Иванович	86. Андрей Иванович
91. Иван Богданович	87. Иван Богданович
92. Борис Васильевич	
93. Семен Васильевич	88. Семен Васильевич
94. Василий Есифович	

95. Александр Игнатьевич
 96. Яков Федоров
 97. Иван Федоров
 98. Афанасий Федоров
 99. Михаил Мотуричин
 100. Василий Микитин
 101. Афанасий Есифов
 102. Тимофей Васильевич
 103. брат его Василий и т. д.
89. Тимофей Васильевич

Мы видим, что все три источника идентичны только в той части, которая касается первых двух имен. И заключительная часть Списка Б, и 2-е дополнение к Списку А открываются именами Андрея Ивановича и Ивана Богдановича, которые и по летописным данным пришли на посадничество ранее других перечисленных здесь посадников. Эти имена вполне укладываются в схему традиционной организации посадничества, образованного шестью посадниками. Об Андрее Ивановиче нам известно, что в 1421 г. его дом был разграблен восставшими жителями Славенского и Неревского концов. Следовательно, сам Андрей не принадлежал к боярству этих концов; он мог быть или прусским, или плотничьим боярином. Думается, что более возможна его плотничья принадлежность, поскольку отчество его современника Ивана Богдановича как будто указывает на родство с прусскими посадниками Богданом Обакуновичем и Григорием Богдановичем. Около 1415 г. существуют именно две возможные посадничьи вакансии, которые связаны как раз с представительством от Прусской улицы и Плотничьего конца, поскольку лишь до 1415 г. мы смогли проследить существование представителя Прусской улицы Григория Богдановича и представителя Плотничьего конца — Ивана Даниловича.

Видимые противоречия с традиционной схемой организации посадничества начинаются с появлением в Списке Б имени Бориса Васильевича. Об этом посаднике нам известны следующие факты. В апреле 1416 г. Борис Васильевич еще не был посадником. Он обладал должностью степенного тысяцкого и в этом звании 16 апреля 1416 г. встречал в Новгороде архиепископа Симеона. Осенью 1417 г. Борис умер уже в звании посадника. Можно установить более или менее точную дату его смерти. Борис Васильевич был жертвой мора, рассказ о котором летописец начинает после сообщения о заключении мира с немцами (не ранее сентября 1417 г.) и заканчивает сообщением о постройке в Новгороде обетной церкви св. Анастасии и в Торжке такой же церкви св. Афанасия⁵¹. Празднование св. Анастасии Римляныни приходится на 29 октября, а св. Афанасия Цареградского — на 24 октября. Следовательно, эпидемия разразилась в сентябре—октябре 1417 г. Этими месяцами и датируется смерть посадника Бориса Васильевича⁵².

Однако Список Б помещает Бориса Васильевича раньше Семена Васильевича, а этот последний был посадником уже в августе—сентябре

⁵¹ НПЛ, стр. 408. Ср. ГВНиП, стр. 93, № 55; эта грамота является не договором, а только предложением заключить договор.

⁵² Издатели ГВНиП, ссылаясь на НПЛ, датируют кончину умершего одновременно с Борисом Васильевичем посадника Ивана Александровича 10 июня 1417 г. (ГВНиП, стр. 91, № 53). Основания такой датировки кажутся нам неясными. Сообщение о смерти посадников Ивана Александровича и Бориса Васильевича находится в самом конце л. 248 Комиссионного списка, а дата 10 июня в начале того же листа в контексте: «Месяца июня в 10 гром бысть в церкви святого Еупатия на Рогатице и иконы ополеша». Какую связь усмотрели издатели ГВНиП между громом в церкви и датой смерти посадников, непонятно.

1417 г., до начала эпидемии, поскольку с его именем связана инициатива заключения договора с немцами: от него исходит приглашение немцам прислать послов для заключения мира.

Семен Васильевич не мог быть прижизненным преемником Бориса Васильевича, так как последний умер скоропостижно. Кроме того, если бы Борис ушел с посадничества до избрания Семена, его имя безусловно было бы включено во 2-е дополнение к Списку А, где имя Семена Васильевича уже имеется.

Признав сосуществование Бориса и Семена Васильевичей на посадничестве, мы обнаруживаем, что это сосуществование ломает традиционную схему организации посадничества из шести посадников. В самом деле, в 1417 г. кроме Бориса и Семена Васильевичей осуществляли свою деятельность следующие посадники: Федор Тимофеевич (пришел на посадничество в 1380-х годах, умер в 1421 г.), Александр Фоминич (пришел на посадничество на рубеже XIV—XV вв., умер в 1421 г.), Иван Александрович (пришел на посадничество в 1409 г., умер осенью 1417 г. одновременно с Борисом Васильевичем), Андрей Иванович (пришел на посадничество в 1415 г., упоминается в 1421 г.), Иван Богданович (пришел на посадничество в 1415 или 1416 г., умер в 1419 г.). Всего мы смогли насчитать семь посадников.

Увеличение числа посадников можно наблюдать и анализируя состав посадничьих имен 1420 г. К этому времени были еще живы по крайней мере трое из уже известных нам посадников 1417 г.: Федор Тимофеевич, Александр Фоминич и Андрей Иванович. Кроме того, в 1420 г. существовали посадники Василий Есифович (впервые упомянутый в 1418 г. и посадивший еще в 1421 г.) и Василий Никитич, посадничество которого засвидетельствовано документами 1420, 1421 и 1423 гг. Однако в Списке Б посадник Василий Никитич помещен после Александра Игнатьевича, Якова Федоровича, Ивана Федоровича, Афанасия Федоровича и Михаила Мотурчина, названных в других документах впервые только в 1421 г. Показания, которые можно извлечь из очередности имен Списка Б, позволяют утверждать, что все эти посадники были избраны до Василия Никитича или в одно время с ним. Для 1420 г. мы, таким образом, насчитываем по меньшей мере десять одновременно существовавших посадников.

Осуществление около 1416—1417 гг. серьезной реформы в организации посадничества очевидно. Одним из результатов этой реформы было резкое увеличение числа одновременно существовавших посадников. Традиции организации правящего боярского органа на всем протяжении длительного предшествующего периода были основаны на кончанском представительстве. Мы видели, что существование к началу XV в. организации шести посадников сложилось исторически в процессе длительной и трудной борьбы и предусматривало принципиальное равенство концов, нарушенное только в пользу Славенского конца, что также было обосновано исторически и определяло равновесие Славна и Прусской улицы, добившейся создания на Софийской стороне фиктивного Загородского конца. У нас нет никаких оснований предполагать, что реформой, увеличившей число посадников, была изменена традиционная пропорциональность кончанских норм представительства, поскольку знакомство с событиями начала XV в. не обнаруживает в Новгороде какой-либо принципиально новой расстановки политических сил. Число посадников могло быть увеличено вдвое, втрое и даже вчетверо, но оно должно было остаться кратным шести. В противном случае нарушение такой кратности равносильно ущемлению прав какого-то конца или каких-то концов, ликвидации достижений, завоеванных в длительной борьбе.

Предполагая значительное расширение числа посадников около 1416—1417 гг., мы получаем возможность объяснить разночтения между заключительной частью Списка Б и 2-м дополнением к Списку А. Для нас очевидно, что Список Б включил в свой состав всех посадников, одновременно избранных около 1416—1417 гг., тогда как во 2-м дополнении к Списку А их перечисление было только начато и не доведено до конца. Однако если какое-то количество новых посадников было избрано в одно и то же время, то порядок их перечисления в списках безразличен. Поскольку 2-е дополнение к Списку А называет Семена Васильевича и Тимофея Васильевича, но не включает имени Бориса Васильевича, хотя последний стал посадником именно в 1416 или 1417 г., мы должны сделать вывод об одновременном избрании на посадничество и Бориса Васильевича, и Семена Васильевича, и Тимофея Васильевича. А это значит, что в число одновременно избранных около 1416—1417 гг. посадников включаются и все лица, имена которых в Списке Б помещены после Ивана Богдановича, но ранее Тимофея Васильевича. Всего таких посадников одиннадцать: Борис Васильевич, Семен Васильевич, Василий Есифович, Александр Игнатьевич, Яков Федорович, Иван Федорович, Афанасий Федорович, Михаил Мотуричин, Василий Никитин, Афанасий Есифович и Тимофей Васильевич. Этот список должен быть расширен именами тех посадников, которые были избраны ранее и были живы в момент проведения реформы, т. е. во всяком случае к 1417 г. Мы знаем пятерых таких посадников — Федора Тимофеевича (умер в 1421 г.), Александра Фоминича (умер в 1421 г.), Ивана Александровича (умер в конце 1417 г.), Андрея Ивановича (упоминается еще в 1421 г.) и Ивана Богдановича (умер в 1419 г.). Всего получается шестнадцать посадников.

Доведя список одновременно избранных посадников до Тимофея Васильевича, мы основывались лишь на сопоставлении 2-го дополнения к Списку А с заключительной частью Списка Б и оказались в зависимости от того чисто случайного обстоятельства, что 2-е дополнение было оборвано именно на Тимофее Васильевиче. Между тем вовсе не исключено, что в числе посадников, следующих в Списке Б за Тимофеем Васильевичем, могут оказаться и какие-то еще посадники, пришедшие на должность в одно время с ним. Попытаемся выяснить возможное число таких посадников.

Вслед за Тимофеем Васильевичем в Списке Б названы: Василий Васильевич (брат Тимофея), Иван Иевлич, Кузьма Терентьевич. Первых двух, коль скоро речь идет об их посадничестве, знает только список, и, следовательно, у нас нет противопоказаний для включения их в число лиц, избранных в одно время с Тимофеем Васильевичем. Напомним, что в точно таком же положении оказываются и некоторые посадники из названных ранее Тимофея Васильевича. Ни летописи, ни акты ничего не сообщают о посадничестве Якова Федоровича или Ивана Федоровича. Напротив, Кузьму Терентьевича мы уже не можем включить в число посадников 1416—1417 гг., так как после этой даты он в течение нескольких лет титулуется новгородским тысяцким — обстоятельство, противоречащее его возможному посадничеству в этот период. Степенным тысяцким Кузьма Терентьевич был летом 1417 г. во время подготовки и подписания договора с немцами⁵³ и в 1418 г. во время восстания в апреле⁵⁴. Летом 1420 г. как степенный тысяцкий он принимал участие в подготовке мирного договора с немцами⁵⁵, а в январе 1421 г. в том же

⁵³ ГВНИП, стр. 93, № 55; ПСРЛ, т. IV, стр. 115.

⁵⁴ НПЛ, стр. 410; ПСРЛ, т. IV, стр. 117.

⁵⁵ ГВНИП, стр. 97, № 59.

звании — в подписании этого договора⁵⁶. Степенным тысяцким он был и весной 1421 г., когда его имя фигурирует в грамоте Новгорода Юрьеву с отказом заключить мир⁵⁷, а также 1 сентября 1421 г., когда он принимал участие в возведении на кафедру архиепископа Феодосия⁵⁸.

Существует один документ, который также указывает, что Кузьма Терентьевич был еще тысяцким в тот момент, когда один из посадников, отнесенных нами к числу одновременно избранных около 1416—1417 гг., — Александр Игнатьевич — уже занимал посадничью степень. Мы имеем в виду грамоту Новгорода Риге с требованием суда над Иньцей Зашембакой, которая исходит от посадника Александра Игнатьевича и тысяцкого Кузьмы Терентьевича⁵⁹. Для точной датировки этой грамоты нет хронологических примет, однако она составлена до 1421 г., так как была написана в одно время с аналогичной грамотой архиепископа Симеона, занимавшего новгородскую кафедру в 1415—1421 гг.⁶⁰

Таким образом, список посадников, избранных одновременно около 1416—1417 гг., можно продлить только до имени Ивана Иевлича включительно. Выше мы уже отмечали, что число одновременных посадников должно быть кратным шести. В самом деле, доведя список до имени Ивана Иевлича, мы насчитываем 18 посадников и получаем возможность говорить, что нормы представительства реформой 1416—1417 гг. были утроены. Проверим, однако, другие возможные варианты. Говорить об удвоении числа посадников невозможно. В этом случае список одновременно избранных посадников нужно было бы доводить только до имени Афанасия Федоровича. Тимофей Васильевич оказался бы вне списка, и его включение во 2-е дополнение к Списку А было бы необъяснимым. Невозможно говорить и об учетверении этого числа. В этом случае нам пришлось бы включить в число посадников 1416—1417 гг. Кузьму Терентьевича, который не мог стать посадником ранее 1421 г. Предположим еще один вариант. Реформа могла быть направлена против двойного представительства Славенского конца и ввести равенство представительства от всех пяти концов. В таком случае число одновременно существовавших посадников при очевидном его увеличении должно было бы приравняться 10, или 15, или 20. Числа 10 и 15 отпадают, так как, принимая их, мы вынуждены оставлять вне списка Тимофея Васильевича. Число 20 невозможно принять, так как в этом случае в число посадников 1416—1417 гг. оказался бы включенным Кузьма Терентьевич.

Вывод о сохранении старых пропорций представительства легче всего было бы подтвердить наблюдениями над территориальной принадлежностью наших 18 посадников. В случае сохранения старой пропорции в их числе должно оказаться по три неревских и плотницких представителя и по шести представителей от Славна и Прусской улицы. К сожалению, у нас нет данных для определения принадлежности всех 18 бояр, хотя нам известна принадлежность большинства их, что дает основание настаивать на общей правильности предложенного вывода. Мы можем во всяком случае утверждать, что число представителей от Неревского и Плотницкого концов было в каждом случае не больше трех, что от Славенского конца и Прусской улицы их было больше трех.

В самом деле, нам известно, что к Славенскому концу принадлежали посадники Федор Тимофеевич и Иван Александрович. Кроме того, к числу славенских посадников относятся и три сына Федора Тимофеевича — Яков, Иван и Афанасий. Всего — пять посадников.

⁵⁶ ГВНИП, стр. 99, № 60.

⁵⁷ Там же, стр. 100, № 61.

⁵⁸ НПЛ, стр. 414.

⁵⁹ ГВНИП, стр. 96, № 58.

⁶⁰ Там же, стр. 95, № 57.

Нам известно также, что к боярству Прусской улицы относились Александр Фоминич и Иван Богданович. Кроме того, к прусскому боярству следует отнести Михаила Мотуричина и Ивана Иевлича. Михаил Мотуричин легко отождествляется с посадником Михаилом Ивановичем грамоты 1421 г.⁶¹. Никаких других Михайлов в близкое время среди посадников не было. Однако летопись называет Михаила Ивановича посадничьим сыном⁶², а его прозвище прямо связывает Михаила с прусским посадником Иваном Семеновичем Муторицей, который в Академическом списке НПЛ назван, между прочим, Мотурицей⁶³. Что касается Ивана Иевлича, то летопись называет его «почтовый адрес»: в 1418 г. восставшими новгородцами был разграблен дом боярина Ивана Иевлича на Чудинцевой улице⁶⁴, а эта улица находится в Загородском конце. Всего нам известны, таким образом, четыре достоверных посадника из числа прусского боярства.

Можно назвать трех несомненных плотницких посадников. К Плотницкому концу, как уже показано выше, принадлежал Андрей Иванович. К тому же концу следует относить и Афанасия Есифовича, которого летопись называет посадничьим сыном⁶⁵, связывая его, таким образом, с плотницким посадником Есифом Захарьиничем, а также и Василия Есифовича, в 3-м дополнении к Списку А названного братом Афанасия.

Принадлежность посадника Александра Игнатъевича неопределенна. Будучи еще молодым, он однажды выступал в качестве рядца при заключении ряда между посадником Иваном Даниловичем и детьми некоего Мартемьяна⁶⁶. Документ не дает возможности установить, свидетелем чьей стороны был Александр Игнатъевич. Мы знаем о плотницкой принадлежности посадника Ивана Даниловича; что же касается Мартемьяновичей, их усадьба находилась на Борковой улице Неревского конца⁶⁷. Следовательно, Александр Игнатъевич как будто мог быть представителем Плотницкого или Неревского конца. Однако он мог принадлежать также к боярству любого другого конца и быть взятым в число свидетелей именно как лицо беспристрастное.

О принадлежности Василия Никитича⁶⁸, Бориса Васильевича, Семена Васильевича, Тимофея и Василия Васильевичей мы не можем сказать ничего определенного, но и рассмотренные материалы как будто подтверждают вывод о сохранении старой пропорциональности кончанского представительства, хотя бы уже отсутствием противоположений.

До сих пор, называя дату реформы посаднической организации, мы говорили о 1416—1417 гг. Существуют некоторые данные для ограничения этой даты. Для ее приближенного обозначения важны были показания о деятельности Бориса Васильевича, который 16 апреля 1416 г. был еще тысяцким, а осенью 1417 г. умер уже в звании посадника. Свидетельство о посадничестве Семена Васильевича в конце августа или в начале сентября 1417 г. несколько сужает хронологические рамки реформы:

⁶¹ ГВНИП, стр. 100, № 61.

⁶² НПЛ, стр. 402; ПСРЛ, т. IV, стр. 113; т. V, стр. 258.

⁶³ НПЛ, стр. 164.

⁶⁴ Там же, стр. 409; ПСРЛ, т. IV, стр. 117.

⁶⁵ НПЛ, стр. 402; ПСРЛ, т. IV, стр. 108, 113, 145; т. V, стр. 254, 258.

⁶⁶ ГВНИП, стр. 187, № 130.

⁶⁷ Там же, стр. 195, № 144.

⁶⁸ При раскопках на Неревском конце в 1955 г. в слое с дендрохронологической датой 1429—1436 гг. была найдена костяная матрица воско-мастичной печати этого посадника. Ее находка не обязательно свидетельствует о местожительстве Василия Никитича. К вопросу о его территориальном происхождении мы еще раз вернемся ниже при разборе эмблем новгородских печатей XV в. Матрица опубликована. См. В. Л. Янин. Печати из новгородских раскопок 1955 г. МИА, № 65, стр. 304.

ведь Семен Васильевич был одним из одновременно избранных в ходе реформы посадников. Таким образом, можно говорить о том, что реформа была проведена между апрелем 1416 г. и августом 1417 г.

Некоторые из избранных в этот момент посадников до того были тысяцкими. Важно, что все упоминания их в этой должности относятся ко времени, более раннему, чем эта реформа. Василий Есифович назван в летописи и актах тысяцким под 1405, 1410, 1411 гг. и в последний раз 23 февраля 1416 г.⁶⁹ Александр Игнатьевич назван тысяцким под 1415 г., 23 февраля 1416 г., в грамоте, датированной именем Ивана Даниловича, т. е. до 1416 г., наконец, в грамоте, датированной именем Ивана Александровича (1409—1417 гг.)⁷⁰.

Реформа 1416—1417 гг. не сводилась к увеличению числа посадников втрое. С еще одним ее результатом знакомит нас сопоставление некоторых актовых и летописных свидетельств. До сих пор мы неоднократно убеждались, что обновление посадничества в Новгороде производилось один раз в год, а наблюдения над датами степенных посадничеств разных лиц позволяли приурочивать это ежегодное обновление степени к концу мартовского года, т. е. к февралю. О таком ежегодном обновлении посадничества свидетельствует и сообщение Гильбера де Ланнуа, посетившего Новгород в 1413 г.: «Они имеют двух начальников, тысяцкого и посадника (*ung duc et ung burchgrave*), которые и управляют сказанным городом. Эти правители возобновляются из года в год (*d'an en an*)»⁷¹.

Теперь и в этом отношении предприняты существенные изменения. Проект договорной грамоты Новгорода с Ливонским орденом и епископом юрьевским о мире, полученный магистром Ливонского ордена 25 августа 1420 г., называет степенным посадником Василия Никитича⁷². Как того и следовало ожидать, Василий Никитич остается на степени до февраля 1421 г. Действительно, договорная грамота с Ливонским орденом, составленная на съезде в конце января 1421 г., продолжает называть степенным посадником Василия Никитича⁷³. Также в полном соответствии с хорошо известным нам порядком ежегодного обновления степени в феврале 1421 г. Василий Никитич должен был уступить место на степени другому посаднику. В самом деле, грамота Новгорода Юрьеву с отказом заключить мир, составленная после 24 марта 1421 г., называет степенным посадником уже не Василия Никитича, а Михаила Ивановича⁷⁴. Если бы прежний порядок ежегодного обновления степени оставался неизменным, следовало бы ожидать, что новый посадник Михаил Иванович останется на степени до февраля 1422 г. Между тем уже 1 сентября 1421 г., когда на владычную кафедру был возведен Феодосий, «весь Новгород» представлял посадник Тимофей Васильевич⁷⁵.

Следовательно, через несколько лет после посещения Новгорода Гильбером де Ланнуа там возникает новый порядок обновления степени, предусматривавший перевыборы степенного посадника не один, а два раза в год. Разумеется, вполне возможно предположение, что Михаил Иванович умер в 1421 г., будучи степенным посадником, и замена его Тимофеем Васильевичем была только результатом этой смерти.

⁶⁹ ГВНИП, стр. 85, № 48; стр. 88, № 50; НПЛ, стр. 402, 406; ПСРЛ, т. IV, стр. 113—114.

⁷⁰ НПЛ, стр. 405—406; ПСРЛ, т. IV, стр. 114; т. V, стр. 259; ГВНИП, стр. 187, № 130; стр. 91, № 53.

⁷¹ «Памятники истории Великого Новгорода и Пскова». Л., 1933, стр. 69.

⁷² ГВНИП, стр. 97, № 59.

⁷³ Там же, стр. 99, № 60.

⁷⁴ Там же, стр. 100, № 61.

⁷⁵ НПЛ, стр. 414.

Однако такое предположение должно быть отвергнуто самым решительным образом, поскольку существует свидетельство того, что Михаил Иванович был жив и в последующие годы. От его имени исходит dokonчание Великого Новгорода с великим князем Василием Васильевичем⁷⁶.

Поскольку Тимофей Васильевич был на степени уже 1 сентября, можно предполагать, что степенное посадничество, став теперь не годичным, а полугодичным, обновлялось в конце мартовского года (февраль) и спустя шесть месяцев, в конце сентябрьского года (август).

Подведем итог сделанным в настоящем разделе наблюдениям. Между апрелем 1416 г. и августом 1417 г. в Новгороде была предпринята реформа посаднической организации. Результатом этой реформы было увеличение втрое числа одновременно действующих посадников при сохранении прежних пропорций кончанского представительства. В силу этой реформы вместо прежних шести были избраны восемнадцать посадников, по три от Неревского и Плотницкого концов и по шести — от Славенского конца и Прусской улицы (Людин и Загородский концы). Одновременно были, по-видимому, изменены сроки степенного посадничества. Обновление степени отныне производится дважды в год, тогда как до того степенные посадники избирались на годичный срок.

Смысл этой реформы станет нам ясен после изучения тех тенденций, которые лежали в основе последующего развития посадничества. Поэтому в дальнейшем мы еще вернемся к этому вопросу.

ВОССТАНИЕ СТЕПАНКИ В 1418 году

Наблюдения над заключительной частью Списка Б знакомят исследователя с особенностями общей расстановки политических сил внутрибоярской борьбы после реформы 1416—1417 гг.

Мы установили, что список посадников, одновременно избранных в 1416—1417 гг., заканчивается именем Ивана Иевлича. Следующий за ним Кузьма Терентьевич не мог быть избран в посадники в 1416—1417 гг., так как до 1421 г. он продолжает занимать должность тысяцкого. Эта дата — 1421 г. — весьма интересна в одном отношении. Нам известно, что между 1416—1417 гг., с одной стороны, и 1421 г., с другой, из числа 18 посадников 1416—1417 гг. скончалось несколько посадников. Осенью 1417 г. во время мора умерли посадники Иван Александрович и Борис Васильевич. В 1419 г. скончался посадник Иван Богданович. До сих пор, как мы уже много раз убеждались, открытие какой-либо посадничьей вакансии вызывало ее немедленное замещение новым боярином. На этот раз вакансии остаются открытыми. В самом деле, вслед за посадниками 1416—1417 гг. в заключительной части Списка Б назван Кузьма Терентьевич, а этот последний не мог стать посадником ни в 1417 г., когда со смертью Ивана Александровича и Бориса Васильевича открылись первые две вакансии, ни в 1419 г., когда смерть Ивана Богдановича открыла третью вакансию. И в 1417 г., и в 1419 г. он еще был тысяцким, а не посадником. Это обстоятельство, на наш взгляд, проливает новый свет на некоторые причины и движущие силы одного из крупнейших социальных движений в средневековом Новгороде — восстания 1418 г.

Прежде чем устанавливать связь этого восстания с проблемой организации республиканской власти, нам следует познакомиться с летописным изложением восстания 1418 г. и обычной его трактовкой в современной литературе.

Рассказ о восстании летописец начинает с повествования о «чуде» богородичной иконы в церкви св. Анастасии 19 апреля. В том же месяце

⁷⁶ ГВНиП, стр. 34, № 19.

«человек некий» Степанко схватил боярина Данила Ивановича, Божи́на внука, и созвал на него вече как на «злодея своего». Боярин был избит («казниша его ранами близко смерти») и сброшен в Волхов, но некий «людин» Личков сын взял его в челн, за что сам подвергся разграблению. После этого сам Степанко был схвачен Данилой Ивановичем и подвергнут пыткам. Летописец, живший на Софийской стороне, выражает сочувствие боярину и пытается оправдать его: «И рекомы боярин, хотя бешестие свое мьстити, вьсхитив супостата и нача мучити, хотя вред исцелити, паче болши язву воздвиже». Узнав о случившемся, народ собрался на Ярославовом дворище, «вопиюще по многы дни: „пойдем на оного боярина и дом его расхытим”». Восставшие в доспехах и со стягом пришли на Кузьмодемьянью улицу, разграбили дом Данилы Ивановича и «иных дворов много» и на Яневе улице «берег пограбиша». Перепуганные кузьмодемьянцы передали Степанка архиепископу. Восставшие отвергли посредничество владыки и «паки възъярившеся, аки пиане, на иного боярина, на Ивана на Иевича, на Чюденцеве улици и с ним много разграбиша домов боярьских; нь и монастырь святого Николы на Поле разграбиша, ркуще: „зде житнице боярьский“». Много дворов было разграблено и на Людгоще улице, причем восставшие говорили о людгощанах: «нам супостаты суть». Удар восставших был отбит лишь на Прусской улице.

После этого, как сообщает летописец, «нача злоба множитися». Восставшие вернулись на «свою Торговую сторону» и начали готовиться к отражению удара с Софийской стороны. «И начаша звонити по всему граду, и начаша людие сърыскивати с обою страну, акы на рать, в доспесех на мост великыи; быше и губление: овы от стрели, овы же от оружия, беша же мертвыи акы на рати; и от грозы тоя страшныи и от возмушениа того великого вьстрясея весь град и нападе страх на обе strany». Далее летописец подробно описывает вмешательство в столкновение архиепископа Симеона, который с причтом и «христоименитым людством», обливаясь слезами, вышел на Великий мост и начал благословлять обе стороны. «Услышав же она страна святителево пришествие, и прииде посадник Федор Тимофеевич с иными посадники и с тысячкыми, поклонишася владыце. Владыка послуша моления их, посла анхимандрита Варлама и отца своего духовного и протодиакона на Ярославль двор, да подадут благословение степенному посаднику Василью Есифовичю и тысячкыму Кузме Терентеевичю, да идут в дома своя. И разидошася... и бысть тишина в граде»⁷⁷.

Восстанию Степанки посвящены специальные исследования А. А. Строкова⁷⁸, Л. В. Черепнина⁷⁹ и В. Н. Бернадского⁸⁰, в которых основное внимание уделено классовой характеристике народного движения. Лишь В. Н. Бернадский пытался сомкнуть проблемы классовой борьбы с проблемами внутрifeодальной борьбы. Нам следует остановиться на этой стороне вопроса подробнее.

Концепция, лежащая в основе исследования А. А. Строкова, своим острием направлена против господствовавшей в старой литературе тенденции противопоставлять Торговую и Софийскую стороны Новгорода как оплоты демократической и боярской партий. А. А. Строков подробно разбирает построения В. В. Пассека, И. Д. Беляева, Н. И. Костома-

⁷⁷ НПЛ, стр. 408—410.

⁷⁸ А. А. Строков. Восстание Степанки в 1418 году. «Новгородский исторический сборник», вып. III—IV. Новгород, 1938.

⁷⁹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. I, стр. 390 и сл.; его же. Образование Русского централизованного государства, стр. 737 и далее.

⁸⁰ В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в., стр. 178—199.

рова, В. О. Ключевского и Н. А. Рожкова, противопоставляя им известные выводы А. М. Гневушева и В. В. Майкова о равномерном заселении сторон представителями всех классов новгородского общества.

В своих построениях А. А. Строков исходит из недвусмысленной формулировки, содержащейся в Софийской Первой летописи: «Шаша чернь с одиноя стороны, а с другои бояре», совершенно справедливо понимая под «сторонами» в данном случае не административные членения Новгорода, а два классовых полюса борьбы 1418 г. В самом деле, антифеодалная, антибоярская направленность восстания очевидна до такой степени, что его следует признавать крупнейшим классовым столкновением за всю историю республиканского Новгорода. Эта направленность отразилась в рассказе много раз. О ней говорят и записанные летописцем речи восставших, направивших свой гнев против супостатов-бояр, боярских житниц и боярских дворов.

Развивая эти правильные наблюдения, А. А. Строков пришел, однако, к весьма спорному выводу о том, что восстание 1418 г. было проявлением классового антагонизма, так сказать, в чистом виде, когда на одном полюсе борьбы оказались все бояре, а на другом — весь черный люд. Поскольку в летописном рассказе противопоставление классов дополнено противопоставлением Торговой и Софийской сторон Новгорода, А. А. Строков выставляет следующие положения.

«Во-первых, необходимо с самого начала отметить, что эти описания движений, говорящие о борьбе сторон Торговой и Софийской, сравнительно очень немногочисленны: большинство же летописных данных говорит о движениях, направленных против князя, против посадника и отдельных боярских фамилий, против архиепископа, без упоминания борьбы одной «стороны» с другой и, наконец, имеется много мест, которые четко изображают эти движения как выступления «черных» людей против бояр»⁸¹.

«Во-вторых, на Торговой стороне была вечевая башня и площадь, где происходили собрания высшего законодательного органа — веча; на Софийской стороне — Кремль с домом св. Софии (Совет господ имел свою резиденцию также здесь).

В-третьих, как видно из описания восстания 1418 г., восставшие почти во всех случаях старались захватить вечевую площадь. Иногда в противовес вече на Торговой стороне в Кремле также сходилась вече, собиравшееся по звону колокола у стен Софийского собора. Следовательно, в одно и то же время происходили иногда два вечевых собрания, одно — на Торговой, другое — на Софийской стороне; одно вече проводилось восставшими, другое — боярами и архиепископом (например, в 1342 и 1384 гг.).

И в-четвертых, Кремль являлся оплотом боярства в борьбе против восставших. Значительные работы по укреплению Кремля, проводившиеся на протяжении всех столетий, были вызваны не только соображениями обороны от внешних врагов. Кремль был нужен боярству и как защита во время захвата остального города восставшими. Так было в 1418 году. Кремль не был доступен для восставших. Восставшие... обходили Кремль. Боярство во главе с архиепископом сосредоточилось в Кремле, ожидая удобного момента для выступления»⁸².

Все эти соображения, небезынтересные сами по себе, имели бы и научную ценность, если бы основывались на анализе летописного рас-

⁸¹ А. А. Строков. Восстание Степанки., стр. 104 и сл.

⁸² Там же, стр. 105.

сказа 1418 г., а не подводили итог той произвольной трактовке этого рассказа, которая была предложена А. А. Строковым.

Посмотрим, как изображает он ход восстания. Изложив факты, связанные с начальным этапом борьбы до момента освобождения Степанки, А. А. Строков отмечает: «Сама процедура освобождения его из тюрьмы(?) заслуживает внимания: архиепископ направляет к «собранию людскому» Степанко со своим попом и боярином. Почему в это дело вмешивается архиепископ Симеон? Вмешательство его было необходимо как председателя Совета господ, а последний состоял из знатнейших и влиятельнейших бояр и направлял деятельность веча. Но из этой процедуры также видно, что арест Степанки не мог быть единоличным актом со стороны одного боярина Божина: он был взят новгородскими властями с целью обезопасить себя и новгородскую знать»⁸³. Мы привели эту длинную цитату, чтобы продемонстрировать метод комментирования летописного текста А. А. Строковым. Летописец весьма определенно говорит о насилии над Степанкой как единоличном акте Данилы Божина («въсхитив супостата и нача мучити», «възбояшеса кузмодемлянцы, да не горее будет на них, отдаша Степанка»), а посредничество владыки самым смыслом повествования изображается как посредничество лица, авторитет которого освящен высшим духовным саном. Таким образом, далеко идущий вывод А. А. Строкова идет дальше всего от анализируемого им текста.

Далее А. А. Строков рассуждает таким образом. После того как вмешательство Симеона не увенчалось успехом, а восставшие получили отпор на Прусской улице, чернь стала укрепляться на Торговой стороне, а боярство со всего Новгорода сбежалось в Кремль. Показательно, что, обосновывая этот вывод, А. А. Строков вынужден ссылаться не на летопись, а на сочинение протоиерея новгородского Знаменского собора П. И. Тихомирова: «Бояре и чиновники уже не ждали себе добра и перебрались в Детеице со своим имуществом»⁸⁴. Вслед за этим сообщением А. А. Строков излагает маршрут движения восставших, преследуя при этом только одну цель — показать, что восстание обтекало Кремль, который, следовательно, был заперт и представлял собой непреодолимую преграду. Наконец, следует красочное описание битвы на мосту: «Во время происходившей битвы на мосту архиепископ, следя за ходом сражения с большим количеством своего штата и бояр, был в Кремле, тогда как посадник Федор Тимофеевич «с иными посадниками и тысяцкими» руководил сражением против восставших»⁸⁵.

Построения А. А. Строкова могли бы быть подвергнуты серьезной критике одними только методами формальной логики. Однако нам важнее проследить противоречия нарисованной им картины с показаниями источников. Главное противоречие, которое в ней имеется, состоит в неаргументированном отрицании роли административных сторон Новгорода в развернувшихся событиях. В самом деле, если следовать построениям А. А. Строкова и признавать, что в ходе восстания все бояре Торговой стороны перебежали в Кремль, то действия восставших покажутся по меньшей мере странными. Вместо того чтобы подвергнуть разграблению и сожжению покинутые дома и усадьбы своих непосредственных супостатов — бояр Торговой стороны, восставшие со стягом идут на Софийскую сторону и наносят удар по боярам Неревского и

⁸³ А. А. Строков. Восстание Степанки., стр. 91 и сл.

⁸⁴ П. Тихомиров. Кафедра новгородских святителей, т. I. Новгород, 1891, стр. 234; А. А. Строков. Восстание Степанки., стр. 94.

⁸⁵ А. А. Строков. Восстание Степанки., стр. 95.

Загородского концов. Их действия планомерны и последовательны, но они направлены не против всего боярства, а против той его части, которая связана с Софийской стороной и которая, таким образом, одна ответственна за насилие над Степанкой.

Следующий факт оказывается наиболее важным. Вопреки заявлению А. А. Строкова посадник Федор Тимофеевич вовсе не руководил действиями против восставших. Напротив, он был вместе с «другими посадниками и тысяцкими» на Торговой стороне. Летописец дает на этот счет весьма определенные указания: «И пришед святитель ста посреди мосту и, взем животворящий крест, нача благословляти обе страны... Услышав же она страна святителево пришествие, и прииде посадник Федор Тимофеевич с иными посадниками и с тысяцкими, поклонившаяся владыце». Связь Федора Тимофеевича с Торговой стороной закономерна, ведь он был славенским посадником. А если это так, то в ходе восстания произошло не только классовое столкновение плебса Торговой стороны с боярством Софийской стороны, но и столкновение боярства Торговой стороны с боярством Софийской стороны. Значит, во время восстания классовая борьба проявилась не в ее «чистом виде», а славенская чернь вместе со славенским боярством противостояла общему противнику. Мы видим в ходе восстания 1418 г. повторение обычной расстановки сил внутривосточной борьбы Новгорода, когда классовая борьба причудливо переплетается с внутрифеодальной борьбой. Существенной особенностью восстания 1418 г., создающей для него особое место в истории новгородских городских движений, является особая сила проявившегося в ходе борьбы классового антагонизма, одинаково напугавшая бояр обеих сторон Новгорода («нападе страх на обе страны») и заставившая их прийти к соглашению.

Внутрибоярское столкновение 1418 г. было первым после длительного перерыва. В последний раз вооруженная борьба Софийской стороны со Славенским концом была отмечена под 1388 г., т. е. за 30 лет до восстания Степанки. Мы видим, что возобновление борьбы произошло сразу же после реформы посадничества и должны поставить оба события в определенную связь. Во время восстания 1418 г. боярство Славенского конца оказывается носителем каких-то претензий к боярству Софийской стороны. О самих этих претензиях летопись сообщает в рассказе о конце восстания. Когда на мост к архиепископу пришел Федор Тимофеевич и «иные посадники и тысяцкие», то владыка «выслуша моления их». Связь этих претензий с посадничеством видна из того факта, что восставшие отказывались признать полномочия только что избранного степенного посадника Василия Есифовича (выборы на степенность происходили в конце февраля, а восстание — в апреле); «Владыка послуша моления их (Федора Тимофеевича и иных посадников и тысяцких. — В. Я.), посла анхимандрита Варлама и отца своего духовного и протодиакона на Ярославль двор, да подадут благословение степенному посаднику Василью Есифовичу и тысяцкому Кузме Терентеевичу, да идут в дома своя». Получив благословение, степенные посадник и тысяцкий, по свидетельству НЗЛ и Н4Л, выступили со следующей декларацией: «Да повелить святитель своеи стране в хоромы ити, а мы своеи братии, по твоему благословию, повестуем и повелеваем им отъити в жилища, и събравшимся по сем с нарочитыми мужи разсудити вещи сия начало»⁸⁶. Наконец, на связь восстания с организацией посадниче-

⁸⁶ «Новгородские летописи». СПб., 1879, стр. 45. В. Н. Бернадский справедливо критикует А. А. Строкова и Л. В. Черепнина, связывавших Федора Тимофеевича с силами Софийской стороны, которые действовали против восставших, однако увлеклись своей весьма интересной теорией о связи восстаний с вечевой законностью,

ства указывает и разграбление восставшими дома прусского боярина Ивана Иевлича, входившего в число посадников 1416—1417 гг.

Восстанавливая связь восстания 1418 г. с реформой посадничества в 1416—1417 гг., мы можем сделать только один вывод, который исходит из следующих наблюдений. Как уже отмечено выше, после смерти посадников Ивана Александровича и Бориса Васильевича осенью 1417 г. освободившиеся посадничьи вакансии не были заполнены избранием их преемников. По крайней мере один из этих посадников — Иван Александрович — был представителем Славенского конца, и сохранение вакансии незаполненной уменьшало норму представительства Славна до пяти посадников вместо установленных реформой шести. Вполне понятно, что инициатива этого уменьшения не могла исходить от славенского боярства. Она могла возникнуть только в результате противодействия враждебных Славну группировок. Поскольку не была замещена и вакансия, образовавшаяся после смерти Бориса Васильевича, мы можем предполагать, что и последний принадлежал к числу славенских посадников. Вряд ли возможно обосновать вывод об одновременном, так сказать, договорном ослаблении главных соперничающих сторон.

Если это так, то существует одно летописное указание, которое как будто подтверждает наше предположение. Мы имеем в виду начальную фразу летописного рассказа 1418 г. о «чуде» в церкви св. Анастасии, смысл которого в летописном контексте сводится к предречению последовавшего за ним кровопролития. Рассказ о «чуде» является как бы мостиком к предшествующему рассказу 1417 г., так как церковь св. Анастасии — место «чуда» — была только что построенным в связи с мором обетным обыденным храмом. Именно в ней кажутся наиболее уместными «чудеса», связанные с теми претензиями Славенского конца, которые возникли после смерти двух его посадников, умерших во время мора. Вполне понятно также, что в ходе борьбы должны были подвергнуться нападению те посадники Прусской улицы, которые своим существованием нарушали новую вынужденную пропорцию представительства. И действительно, одним из объектов нападения был Иван Иевлич.

Степень в момент восстания занята плотницким посадником Василием Есифовичем, поэтому жители Торговой стороны оказываются для него «своей братией», в отличие от «страны святителя» — Софийской. Думается, что, отказывая ему первоначально в доверии, восставшие пытались вызвать общий кризис наличной власти, чтобы сделать неизбежной вечевую дискуссию. Нам неизвестно, к каким результатам пришло совещание нарочитых мужей при архиепископе Симеоне, которое должно было рассудить «вещи сия начало», однако оно, по-видимому, сохранило сложившееся положение неизменным, настаивая на принципе равного представительства для всех концов, в том числе и для Славенского. Тем не менее в какой-то мере претензии Славна не остались без последствий, поскольку смерть в 1419 г. прусского посадника Ивана Богдановича также привела к сохранению этой вакансии открытой.

Ход событий 1418 г. демонстрирует одну важную закономерность, связанную с развитием в Новгороде классовой борьбы. Мы видели, что классовые усилия восставшей черни даже в этот период сильнейшего подъема классовой борьбы не отделены от побочных задач, которые ставит перед городскими движениями внутрибоярская борьба. Сложное

впадает сам в очевидную ошибку, предположив, что вече восставших находилось под руководством степенного посадника Василия Есифовича и степенного тысяцкого Кузьмы Терентьевича. В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в., стр. 194.

переплетение задач боярской и классовой борьбы лишает последнюю четкой перспективы, затрудняет ясное понимание классовых целей восстания, разобщает черный люд уже самим противопоставлением соперничающих территорий. Разобщенность сил черного люда и отсутствие ясного представления о том, что все бояре, в том числе и живущие на одной улице, в одном конце с черными людьми, являются их непримиримыми врагами, и теперь позволили боярству, оставив на время собственные внутренние разногласия, обуздать поднявшийся на борьбу черный люд.

Новгородский губернатор александровских времен П. И. Сумароков очень умилялся талантам архиепископа Симеона, в одно мгновение «утишившего своеволие» и превратившего «буйное скопище» в смиренный крестный ход. «Вот истинное доказательство, — захлебываясь писал он, — что один человек может развратить тысячи народа, и один также человек удержать их в состоянии»⁸⁷. Нет, не обильные слезы новгородского владыки, щедро оросившие рассказ 1418 г., остановили оружие восставших. Только сговор новгородского боярства, испугавшегося за свои «животы» и отложившего до лучших времен собственные «обиды», привел к новому раздроблению сил восставшего народа, ослабил эти силы за счет той части плембса, которая еще неясно видела собственные классовые цели, и остановил страшное для всех бояр Новгорода движение.

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ СОХРАНИВШЕГОСЯ ДОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ ВАСИЛИЕМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ

Под 1421 г. летописец отмечает новую вспышку борьбы в Новгороде: «И в Новгороде воссташа бранью два конца, Неревський и Славенский за Климентия Ортемына про землю на посадника Ондreja Ивановича и пограбиша двор его в доспесех и иных боляр разграбиша дворы напрасно. И убиша Андреевых пособников 20 человек до смерти, а неревлян 2 человека и умиришася»⁸⁸. Оставляя в стороне непосредственную причину восстания («про землю»), мы должны отметить, что борьба в Новгороде в форме столкновения территорий продолжается и через три года после восстания 1418 г.⁸⁹ Это обстоятельство вполне совпадает с нашими наблюдениями над тем, что между 1418 и 1421 гг. так и остается неурегулированным немаловажный для боярства вопрос о составе посадничества и нормах представительства от концов.

Временная консолидация новгородского боярства, возникшая в конце XIV в., в период усиления борьбы с Москвой, продолжала оставаться неустойчивой и после 1417 г. Между тем уже восстание 1418 г. толкало боярство к новой консолидации, которая теперь направляла свое острие внутрь Новгорода, против крепнувших классовых сил черного люда. Собственно, уже сговором 1418 г. боярство стало на путь консолидации.

⁸⁷ П. И. Сумароков. Новгородская история. М., 1890, стр. 245.

⁸⁸ ПСРЛ, т. IV, стр. 431; т. XI, стр. 237; т. XVI, стр. 176.

⁸⁹ В этой связи исключительный интерес представляет берестяная грамота № 310, найденная в Новгороде в 1957 г. при раскопках на Неревском конце (А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, № 2, стр. 240). Грамота написана крестьянами и адресована посаднику Андрею Ивановичу, бывшему их вотчинником; авторы письма обращаются к нему не как к посаднику, а как к своему феодалу. Между тем этот документ обнаружен на усадьбе Онцифоровичей, не имевших отношения к переписке Андрея Ивановича. Следует думать, что грамота попала в Неревский конец в результате событий 1421 г., а место ее обнаружения указывает на Онцифоровичей как инициаторов выступления против Андрея Ивановича в 1421 г. Грамота дендрохронологически датируется 1409—1422 гг. Это важно, так как одноименный посадник существовал еще в 1430-х годах.

Думается, что новое столкновение в 1421 г. должно было еще раз продемонстрировать боярству жизненную важность этого пути, тем более что летописец, повествуя о столкновении концов в 1421 г., пишет о «напрасности» разграбления боярских дворов. Любопытно, что 1421 г. является вероятной датой падения Онцифоровичей как посадничьей династии. Сын Юрия Онцифоровича Михаил еще в 1420 г. принимает деятельное участие в новгородских государственных актах⁹⁰. Между тем в последующее время ни он, ни его сыновья не избираются больше на государственные должности, хотя берестяные грамоты фиксируют их существование по крайней мере до середины XV в. Не связано ли это падение с осуждением их инициативы в 1421 г.?

У нас есть основания говорить о новом сплочении новгородского боярства около 1421 г. и ликвидации в это время взаимных обид, связанных с нарушением норм представительства в посадничестве.

Заключительная часть Списка Б после имени Ивана Иевлича содержит еще 13 посадничьих имен:

105. Кузьма Терентьевич	112. Михаил Ананьич
106. Федор Гаврилович	113. Василий Фомин
107. Иван Данилович	114. Григорий Данилович
108. Семен Васильевич	115. Филипп Фомин
109. Иван Васильевич	116. Артемий Петрович
110. Иван Яковлевич	117. Захария Кириллович.
111. Аврам Стефанович	

В первой главе настоящего исследования, касаясь вопроса о датировке Списка Б в целом, мы остановились как на наиболее приемлемой дате на 1423 г. Основанием для такой датировки послужила общая синхронность концовок всех статей, предшествующих Комиссионному списку НПЛ. Предельная дата — 1423 г. — принята нами главным образом на основании наблюдений над списком новгородских владык, в котором еще отсутствуют сведения об изгнании Феодосия, но уже есть сведения о погребении архиепископа Симеона. Феодосий был сведен с владычной кафедры в сентябре 1423 г.⁹¹ Эта дата и является самым младшим из всех возможных сроков составления статей, предшествующих Комиссионному списку. Существует, однако, возможность еще более уточнить дату составления Списка Б. Один из посадников, названный в заключительной части Списка Б, — Аврам Стефанович — был тысяцким еще 8 февраля 1423 г., о чем свидетельствует договорная грамота Новгорода с ганзейскими городами о разрешении спорных дел, исходящая от имени нареченного владыки Феодосия, посадника Василия Никитича и тысяцкого Аврама Степановича⁹². Следовательно, Список Б составлен не ранее февраля и не позднее сентября 1423 г.

Эта датировка приводит к следующему наблюдению. Если на протяжении 1417—1421 гг. новые посадники вовсе не избирались в Новгороде несмотря на появление вакансий, то между 1421 и 1423 гг. было избрано 13 новых посадников. Вряд ли можно думать, что на новгородских

⁹⁰ НПЛ, стр. 413.

⁹¹ НПЛ, стр. 414; ПСРЛ, т. IV, стр. 120; т. VIII, стр. 92. Феодосий был избран 1 сентября 1421 г. Его преемник Евфимий I, будучи избран в 1423 г., «был владыкою 5 лет и 5 недель, а чернцом был на сенех год и две недели» (НПЛ, стр. 415) — всего 6 лет и 7 недель. Между тем Евфимий I умер 1 ноября 1429 г. Значит, он был избран на кафедру в сентябре 1423 г. С другой стороны, между сентябрем 1421 г. и сентябрем 1423 г. прошел как раз двухлетний срок, который назван в летописи как время святительства Феодосия. Нам пришлось подробно остановиться на этих выкладках, так как 6932 г. в НПЛ объединяет в себе и сентябрьский, и мартовский 6932 г., и некоторые исследователи ошибочно относят свержение Феодосия к осени 1424 г.

⁹² ГВНИИ, стр. 103, № 62.

посадников в это время напал какой-то профессиональный мор и на протяжении кратчайшего времени одна за другой освободились 13 вакансий. (Семь посадников должны были бы умереть только между февралем и сентябрем 1423 г., поскольку вслед за Аврамом Стефановичем, пришедшим на посадничество не ранее февраля 1423 г., в Списке Б названо еще шесть посадников!)

Разобраться в этих противоречиях можно лишь в том случае, если допустить, что конфликт, возникший в 1417 г. из-за норм представительства концов, был ликвидирован в начале 1420-х годов. Возможно, в связи с ликвидацией этого конфликта находится лаконичная запись летописца под 1423 г.: «А новгородци целоваша крест за один брат»⁹³.

К 1421 г. существовали три незаполненные вакансии, образовавшиеся после смерти Ивана Александровича и Бориса Васильевича в 1417 г. и смерти Ивана Богдановича в 1419 г. В 1421 г., когда в мае или июне скончались посадники Федор Тимофеевич и Александр Фоминич⁹⁴, число вакансий увеличилось до пяти, причем две или три из этих вакансий принадлежали Славенскому концу (Иван Александрович, Федор Тимофеевич и, возможно, Борис Васильевич) и две Прусской улице (Иван Богданович и Александр Фоминич). В этих условиях стремление восстановить порядок, введенный реформой 1416—1417 гг., должно было существовать в равной степени и у славенского, и у прусского боярства. Думается, что начало формирования рассматриваемой части Списка Б должно относиться именно к 1421 г., когда он мог пополниться именами Кузьмы Терентьевича, Федора Гавриловича, Ивана Даниловича⁹⁵, Семена Васильевича и Ивана Васильевича. Возможно, что в это число входит и Иван Яковлевич, так как у нас нет уверенности в том, что летопись сохранила сведения обо всех посадничьих кончинах этих лет.

В таком случае избрание еще семи посадников в 1423 г. может означать лишь новое увеличение общего числа одновременно посадничавших бояр. Ведь, настаивая на обязательной кратности любого такого числа — шести и допуская возможность кончины кого-либо из посадников на рубеже 1410-х—1420-х годов, мы должны догадываться, что при новом увеличении числа посадников в 1423 г. их общее количество достигло 24, по четыре от каждого конца и восемь — от Славенского конца.

У нас есть возможность подтвердить этот вывод обращением к документу несколько более позднего времени. Среди актов, изданных в начале прошлого века Амвросием, имеется докончальная грамота Славенского конца с Иваном Губаревым о размежевании земли Ивана Губарева и Саввино-Вишерского монастыря, относящаяся ко второй четверти—середине XV в.⁹⁶ Грамота начинается словами: «Се покончаша промеж себе от Славенского конца посадники Иван Максимовиц, Василей Степановиц, Федор Остафьевиц, Мина Власьевиц, Иван Тимофеевиц, Юрья Терентиевиц, Василей Терентиевиц, Василей Ивановиц — с Иваном з Губаревым, с посадничьим братом с Иваном Сокириным...». Сосчитав славенских посадников, мы легко убедимся, что их в последующий период было как раз восемь, т. е. столько, сколько должно быть, если общее число новгородских посадников приравнялось двадцати четырем.

Именем Захарии Кирилловича заканчивается Список Б. Дополнения к Списку Б, известные по Ермолинекому летописцу, открываются

⁹³ ПСРЛ, т. III, стр. 110, 140; т. IV, стр. 120; т. XVI, стр. 177.

⁹⁴ Сообщение о смерти посадников Федора Тимофеевича и Александра Фоминича помещено в летописи между сообщением о грозе и граде 19 мая и рассказом о смерти владыки Симеона 15 июня (НПЛ, стр. 413).

⁹⁵ Отметим, что это второй посадник с таким именем.

⁹⁶ См. Амвросий. История российской иерархии, ч. III. М., 1811, стр. 560—562; ГВНИП, стр. 172, № 112.

именем Григория Кирилловича. Поскольку посадник Григорий Кириллович становится известным другим источникам не ранее 1428 г., мы предположили в первой главе, что между Списком Б, отредактированным в 1423 г., и дополнениями к Списку Б, составленными в 1460-х годах, допустим хронологический разрыв, и имена посадников середины 1420-х годов могли оказаться опущенными. Можно на нескольких примерах подтвердить правильность этого предположения.

В указанной связи важна, например, правая грамота о включении Власа Тупицына в волостной разруб княжеостровцев⁹⁷. Последними издателями грамота датирована первой четвертью XV в. Приемы датировки нельзя назвать достаточно точными, однако в целом она, как увидим далее, правильна, хотя и нуждается в некотором уточнении. Грамота исходит от посадников Якова Федоровича и Иева Тимофеевича. Еще одним автором грамоты является сотский Иван. Близка этому акту по времени и принадлежности рядная Леонтия Зацепина с княжеостровцами, также отнесенная последними издателями к первой четверти XV в.⁹⁸ Рядная исходит от посадников Василия Юрьевича и Аврама Степановича, Васильева наместника Мины Андреевича⁹⁹ и сотского Ивана.

Двух посадников из числа авторов этих актов мы хорошо знаем. Яков Федорович фигурирует в Списке Б, в той его части, которая перечисляет посадников 1416—1417 гг. Аврам Степанович также назван в Списке Б среди посадников, избранных около 1421 г. Кое-что можно сказать о Василии Юрьевиче. Он назван в летописи под 1417 г. как посадничий сын¹⁰⁰. В начале XV в. было только два посадника Юрия — Юрий Дмитриевич, бывший представителем Славенского конца и умерший в 1410 г., и Юрий Онцифорович — представитель Неревского конца, умерший в 1417 г. С потомством Юрия Онцифоровича после обнаружения берестяных грамот, связанных с его семьей, мы хорошо знакомы, но в этих грамотах ни разу не упомянут Василий Юрьевич. Очевидно, что его следует связывать со Славенским концом. И действительно, обе рассматриваемые грамоты — Власа Тупицына и Леонтия Зацепина — объединены участием в них сотского Ивана, а в одной из грамот назван достоверный славенский посадник сын Федора Тимофеевича Яков. Очевидно, что оба акта связаны с делопроизводством Славенского конца.

Обнаружив в этих актах имена посадников Иева Тимофеевича и Василия Юрьевича, мы не найдем их ни в Списке Б, ни в дополнениях к Списку Б по Ермолинскому летописцу. С другой стороны, эти посадники связываются с периодом 1420-х годов, поскольку они действуют в одно время с посадниками, избранными в конце 1410-х и начале 1420-х годов и неизвестными в достаточно многочисленных документах 1430-х годов. Следовательно, по крайней мере посадники Иев Тимофеевич и Василий Юрьевич должны были появиться в то время, на которое уже не распространяются перечисления Списка Б и которое не охвачено дополнениями к Списку Б. Между Списком Б и дополнениями к нему существует явный хронологический разрыв — пропущены имена ряда посадников, появившихся между 1423 и 1428 гг.

Разница в составе посадничьих имен 1420-х и 1430-х годов весьма значительна. Если в начале и в середине 1420-х годов действуют посад-

⁹⁷ ГВНиП, стр. 148, № 92.

⁹⁸ Там же, стр. 188, № 132.

⁹⁹ Непонятно, почему издатели ГВНиП называют Мину Андреевича наместником посадника Василия Юрьевича. Должность посадничьего наместника в источниках не зафиксирована. В данном случае имеется в виду, скорее всего, наместник великого князя.

¹⁰⁰ НПЛ, стр. 407; ПСРЛ, т. IV, стр. 115.

ники, хорошо нам известные по Списку Б, и те в основном не известные нам посадники, которые приходили на должность между 1423 и 1428 гг., то 1430-е годы это время посадников, именами которых открывается дополнение к Списку Б по Ермолинскому летописцу:

118. Григорий Кириллович
119. Григорий Юрьевич
120. Самсон Иванович
121. Андрей Иванович

122. Федор Данилович
123. Борис Юрьевич
124. Иван Васильевич.

Григорий Кириллович как посадник известен в 1428, 1434, 1435, 1436 гг.¹⁰¹. О Григории Юрьевиче никаких документальных сведений не сохранилось. Самсон Иванович был посадником в 1435 г.¹⁰². Имя Андрея Ивановича имеется в одной неудовлетворительно датированной грамоте, которая может быть отнесена к 1430-м годам¹⁰³. Федор Данилович назван однажды в новгородской грамоте, которая датируется не позднее 1439 г.¹⁰⁴. Борис Юрьевич как посадник известен в 1435 и в 1436 гг.¹⁰⁵. Наконец, Иван Васильевич посадничал уже в 1435 г.¹⁰⁶, что позволяет датировать начало посаднической деятельности лиц, помещенных в списке ранее Ивана Васильевича, временем до 1435 г.

Эта разница в составе посадников 1420-х и 1430-х годов заставляет снова поставить вопрос о дате составления договорной грамоты Новгорода с великим князем Василием Васильевичем¹⁰⁷. Поводом для постановки этого вопроса служит следующее обстоятельство. Договорная грамота с Василием Васильевичем составлена от имени новгородского посадника Михаила Ивановича и степенного тысяцкого Анании Васильевича послами, которые приехали к великому князю в Москву. Среди послов названы посадники Афанасий Федорович и Михаил Ананьич (последний поименован степенным). Мы видим, что все три посадника принадлежат к числу избранных в конце 1410-х и начале 1420-х годов. Начало посадничества Афанасия Федоровича и Михаила Ивановича Мотуричина относится к 1416—1417 гг.; Михаил Ананьич стал посадником в 1423 г. Эти имена в более позднее время не встречены.

Между тем датировка договорной грамоты Новгорода с великим князем Василием Васильевичем всеми исследователями, которые ею занимались, замыкается в пределах 1432—1441 гг. Издатели СГГид относили ее к 1434 г.¹⁰⁸, А. Е. Пресняков — к 1441 г.¹⁰⁹, Л. В. Черепнин и издатели ГВНиП — к 1435 г.¹¹⁰; наконец, в последнее время А. А. Зимин предложил две даты: осень 1432—25 апреля 1433 г. или 25 апреля 1433 — 20 марта 1434 г., называя вторую дату предпочтительной¹¹¹.

Рассмотрим наиболее аргументированные датировки. Отнесение грамоты к 1435 г. основывается на показании летописи о крестоцелова-

¹⁰¹ ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 170; т. XXV, стр. 248; НПЛ, стр. 417, 418.

¹⁰² ГВНиП, стр. 107, № 64.

¹⁰³ Там же, стр. 147, № 90.

¹⁰⁴ Там же, стр. 114, № 69.

¹⁰⁵ См. А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 131 и сл., № 216; ГВНиП, стр. 109—110, № 66, 67.

¹⁰⁶ НПЛ, стр. 417.

¹⁰⁷ ГВНиП, стр. 34—36, № 19.

¹⁰⁸ «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. I, 1334—1598 гг. СПб., 1841, № 258.

¹⁰⁹ См. А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. М., 1918, стр. 397.

¹¹⁰ См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. I, стр. 357; ГВНиП, стр. 34, № 19.

¹¹¹ См. А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями, стр. 318—320.

нии великого князя в Новгороде: «Тоя же зиме князь великий Василии Васильевич человаше крест к новгородчом, а новгородци к князю великому человаша крест, отступитися князю великому новгородчкои отцины Бежичкаго верха и на Ламьском волоке и на Вологде, а новгородчкым бояром отступитися князьшин, где ни есть; и князь великий нялься слати своих бояр»¹¹². Действительно, дошедшая до нас грамота содержит все эти подробности: «А в Бежицах тебе, князю великому, и твоеи княгыне, и бояром, и слугам твоим сел не держати, ни купити, ни даром приимати, по всеи волости по Новгородской. А се ти, княже, и волости ноугородские: Волок со всеми волостьми, Торжек, Бежици, Городецъ Полецъ, Шипино, Мелеча, Егна, Заволочье, Тир, Пермь, Печера, Югра, Вологда... А судии ти слати по волостем на Петров день, как пошло...». Однако вряд ли конкретность этих подробностей способна что-либо датировать. Эти подробности являются составной частью традиционной, восходящей по крайней мере к XIII в. формулы «ряда» между Новгородом и князем, обязательным элементом «старины и пошлины». Они не специфичны для рассматриваемого документа, который представляет собой обычное dokonчание между Новгородом и князем и утверждает традиционный раздел между новгородской и княжеской долями в доходах и управлении, излагая взаимные обязательства, в силу которых Новгород признает суверенитет великого князя, а великий князь обязуется поддерживать «пошлину» в сохранении новгородских свобод.

Аргументация А. А. Зимина более основательна. Она исходит из начальной формулы самого акта, утверждающей, что договор заключен «по благословению преподобного священноинока Евфимия». Владыка Евфимий не носит в грамоте обычного титула архиепископа, и сложная форма его титулования указывает, что документ был составлен, когда Евфимий был еще только «чернцем на сенех», т. е. после его избрания во владыки в Новгороде, но до хиротонисания у митрополита. Евфимий был возведен на кафедру 13 ноября 1429 г., но утвержден митрополитом лишь 11 апреля 1434 г., и только в этот промежуток времени он титуловался священноинком. Внутри этих хронологических рамок А. А. Зимин исключает время между 15 августа 1431 г. и 29 июня 1432 г., когда Василий ездил в Орду спорить с Юрием Дмитриевичем о великом княжении, и весну—лето 1433 г., когда московский стол был захвачен Юрием, а Василий Васильевич довольствовался коломенским уделом. Исключено также время от 13 ноября 1429 г. до 1431 г., когда судьба великокняжеского стола оставалась неясной. Из оставшихся сроков А. А. Зимин останавливается на двух: осень 1432 г. — весна 1433 г. и осень 1433 г. — весна 1434 г., склоняясь ко второму сроку.

Между тем союзнические отношения Новгорода и Василия II возникают впервые не в 1432 г., когда спор с Юрием Дмитриевичем был решен в пользу московского князя. Великим князем Василий Васильевич был и до этой даты, поскольку его великокняжеские права были признаны сразу же после смерти Василия Дмитриевича в феврале 1425 г. и тогда же утверждены ханом¹¹³. Более того, имеются основания полагать, что титул великого князя Василий Васильевич носил еще при жизни своего отца, до 1425 г.

Позднейшие документы, связанные с княжением Василия Васильевича и его сына Ивана, показывают, что в XV в. в Москве складывается устойчивый порядок соправления великого князя и его наследника. Грамоты великому князю адресуются двум князьям: фактическому великому князю и его сыну — будущему преемнику, который уже при жиз-

¹¹² НПЛ, стр. 418.

¹¹³ ПСРЛ, т. II, стр. 354.

ни отца титулуется великим князем. Новый порядок признается и в Новгороде, о чем свидетельствует ряд позднейших договорных грамот. Назовем, к примеру, Яжелбицкий договор 1456 г., содержащий формулу: «Се приехали послове к великому князю Василию Васильевичу всея Руси и к великому князю Ивану Васильевичу всея Руси»¹¹⁴, или грамоту Новгорода Ивану III о сроках выплаты пятнадцати с половиной тысяч рублей «за новгородскую проступку», которая начинается формулой: «Се добил челом великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и сыну его великому князю Ивану Ивановичу всея Руси»¹¹⁵, или мирную грамоту, составленную в 1471 г. в одно время с предыдущей, где содержится та же формула: «Се приехаша к великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси и к его сыну великому князю Иоанну Иоанновичу всея Руси»¹¹⁶. Этот порядок отражен и в грамотах начала XVI в., например в 1501 г. Правящий великий князь и его наследник носят абсолютно тождественные титулы. Однако эти примеры обнаруживают и еще одно значительное обстоятельство. Поскольку союзнические отношения Новгорода и великого князя предусматривают равный суверенитет над Новгородом и самого великого князя, и его наследника, очевидно, что участниками докончаний с Новгородом в XV в. были оба московских великих князя — правящий князь и его наследник. Являясь участниками «размирий» в 1456 и 1471 гг., оба великих князя должны были участвовать и в тех докончаниях, которые нарушались в 1456 и 1471 гг.

Мы видим, что к 1456 г. порядок соправления уже сложился. К какому же времени может относиться его первоначальное образование? Оказывается, что вопрос об особых привилегиях наследника впервые выдвигается с очевидной остротой в последние годы княжения Василия Дмитриевича и связан с наследственными правами Василия Васильевича. Василий I в последний период своего княжения много хлопочет о преемнике, стремясь еще при жизни обеспечить полноту его будущего правления. Еще в 1419 г. он отнимает отчины у своего брата Константина за отказ целовать крест своему наследнику Василию Васильевичу¹¹⁷. Первоначально Новгород принимает сторону Константина. Под 1420 г. в Новгородской Первой летописи записан следующий рассказ: «Того же лета в Новгород приехал с Москве князь Костянтин Дмитриевич; милостью божиею и архиепископа Семеона благословением прияша новгородци в честь, месяца февраля в 25, на сбор великыи; и подаваша ему пригороды, кои быле за Лугвенем, и бор по всей волости новгородчкои, коробеичину; а про то был в Новгороде, занеже брат его князь великыи Василии хотел его в челование привести под своего сына Василья; и он не хотя быти под своим братаничем, и князь Василии возверже нелюбие на него, и отъима у него всю отчину, и бояр его поима, и села, и животы их отъима»¹¹⁸. По всей вероятности, князь Константин был принят в Новгороде в 1420 г. не только на кормление, но и на стол, на что указывает начальная формула проекта договорной грамоты с Ливонским орденом, составленного в 1420 г., ранее 25 августа: «От великого князя Константина Дмитриевича, от посадника новгородского Василия Никитича, от тысяцкого новгородского Кузьмы Терентьевича, от всех больших в Новгороде»¹¹⁹.

В дальнейшем, однако, союзнические отношения Новгорода с Москвой очень быстро восстанавливаются. Уже в январе 1421 г., когда князь

¹¹⁴ ГВНИП, стр. 39, № 22.

¹¹⁵ Там же, стр. 44, № 25.

¹¹⁶ Там же, стр. 45, № 26.

¹¹⁷ ПСРЛ, т. IV, стр. 119; т. V, стр. 261; т. VIII, стр. 90.

¹¹⁸ НПЛ, стр. 412.

¹¹⁹ ГВНИП, стр. 97, № 59.

Константин еще оставался на кормлении в Новгороде, мирный договор с Ливонским орденом заключается от имени великого князя Василия Дмитриевича и новгородских степенных наместником великого князя Василия князем Федором Патрикеевичем и новгородскими послами¹²⁰. Тем неожиданнее, на первый взгляд, оказывается эпизод, происшедший спустя три года после этого. Под 1424 г. летопись рассказывает о следующем событии: «Того же лета князь великий Василей целовал Новгороду Великому на том, что ему отступитися их вотчины Бежитцакого Верха да Волока да Волотцких мест; а Наугородци целовали великому князю, что им княжчин отступитися где ни есть»¹²¹.

Из летописного описания крестоцелования 1424 г. видно, что речь здесь идет об обычном докончании. Размежевание княжеских и новгородских волостей — это стереотипное условие всех княжеских докончаний с Новгородом на протяжении XIII—XV вв., и в рассказе 1424 г. нет каких-либо конкретностей, которые говорили бы об особом характере этого неожиданного крестоцелования. Мы говорим о неожиданности, поскольку никакой необходимости в таком договоре для Василия Дмитриевича не существует. Новгород был связан с ним союзническими отношениями уже 35 лет. Летописец упоминает о наместниках Василия в Новгороде. Заключению договора не предшествует какая-либо временная ликвидация суверенитета московской великокняжеской власти над Новгородом, поскольку конфликт, возникший в 1420 г., был ликвидирован уже в 1421 г. Само заключение обычного докончания в 1424 г. не укладывается в рамки обычных представлений о взаимоотношениях Новгорода и великого князя.

Однако такой договор станет понятен и закономерен, если предположить, что он заключен не от имени Василия Дмитриевича, а от имени его сына и наследника Василия Васильевича. Если последующие докончания заключались одновременно с двумя великими князьями, то первоначальное возникновение порядка соправления должно было потребовать заключения особого, дополнительного, отдельного договора. Отсутствие в таком договоре имени правящего великого князя Василия Дмитриевича, на наш взгляд, усиливает самостоятельное значение докончания, оформление которого сознательно не ставится в связь с существующим докончанием Василия I. Василий Васильевич еще при жизни отца получает в свое распоряжение документ, в котором его права приняты без каких-либо оговорок. Напомним, что и от Константина Дмитриевича требовалось крестоцелование Василию Васильевичу, а не крестоцелование Василию I по поводу его распоряжений о наследнике.

Мы видели, что в основу датировки сохранившегося договора Новгорода с Василием Васильевичем всеми исследователями было положено представление о том, что этот договор не мог быть заключен ранее 1425 г., так как до февраля 1425 г. великим князем был Василий Дмитриевич. Далее, исследователи опирались на упоминание в договоре священноинока Евфимия и отодвигали дату документа за рубеж 1429 г., когда на новгородскую кафедру был возведен Евфимий Лисицкий, хиротонисанный в 1434 г. Выяснив, что 1425 г. вовсе не является той сакральной датой, которая ограничивает ранний рубеж в отношениях Новгорода и Василия Васильевича, попытаемся теперь установить, может ли существующий договор быть отождествлен с тем договором, кото-

¹²⁰ ГВНИП, стр. 99—100, № 60. Летописи сообщают также, что в 1421 г. Константин Дмитриевич, помирившись с великим князем, вернулся в Москву. НПЛ, стр. 413; ПСРЛ, т. IV, стр. 119; т. VI, стр. 142; т. VIII, стр. 91—92.

¹²¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 92.

рый упоминается в рассказе 1424 г. Мы знаем, что документ называется «преподобного священноинока Евфимия».

В сентябре 1423 г. после изгнания Феодосия новгородцами на святительскую кафедру был возведен Емельян Бородатый, нареченный Евфимием I. Его архиепископство продолжалось до 1 ноября 1429 г., когда он умер. Нам важно установить дату его хиротонисания, поскольку лишь до этой даты он оставался священноиноком, а после нее приобрел титул архиепископа. Рассказ в Новгородской Первой летописи труден для хронологического анализа. О хиротонисании Евфимия I сообщается под 6932 г., но летописец под этой датой объединил сентябрьский и мартовский 6932 г. Рассказ начинается с сообщения об избрании Емельяна на место Феодосия, т. е. с сентября 1423 г., и заканчивается сообщением о смерти великого князя Василия Дмитриевича, т. е. февралем 1425 г. Хиротонисание Евфимия, по этому рассказу, возможно датировать и 1423 г., и 1424 г. Для установления месяца рассказа не дает ничего.

Однако это дата с точностью до года и месяца может быть установлена на основании рассказа 1429 г.: «Преставися владыка Еуфимей, месяца ноября в 1, на память святого Кузму и Димиана; а был владыко 5 лет и 5 недель, а чернцом был на сенех год и две недели»¹²². Простое вычитание обнаруживает, что если Евфимий I пришел на кафедру в сентябре 1423 г., то утверждение от митрополита он получил 26 сентября 1424 г., а «чернцом на сенех», или священноиноком, был с 12 сентября 1423 г. по 26 сентября 1424 г. Пользуясь точными цифрами, мы допускаем возможную ошибку в несколько дней, поскольку сроки могут быть округлены летописцем до недели.

Следовательно, при перекрестной проверке различных элементов грамоты мы пришли к одной и той же дате. Под 1424 г. летопись сообщает о заключении обычного dokonчания Новгорода с великим князем Василием. К сентябрю 1423 г. — сентябрю 1424 г. относится священноиноческий период святительства Евфимия I. Наконец, посадники, названные в договоре, все принадлежат к числу посадников начала 1420-х годов, тогда как в 1430-х годах активно действуют уже другие посадники, имен которых в договоре нет. Согласно показание всех этих данных заставляет нас датировать договор Новгорода с великим князем Василием Васильевичем 1424 г. и связывать его с деятельностью Василия I по обеспечению прав своего наследника.

Можно высказать предположение о более точной дате этого договора. Мы видели, что документ как будто фиксирует существование в Новгороде в момент его заключения двух степенных посадников. Один из них — Михаил Ананьич, прямо названный с этим титулом, — входит в число послов к великому князю. Другой — Михаил Иванович, — хотя и не носит титула степенного, но должен быть признан таковым по своему положению в контексте грамоты. Такая редкостная ситуация могла создаться в феврале или в августе, когда происходило обновление степени. Думается, что наиболее вероятен февраль, так как в августе в числе послов оказался бы и Евфимий, который был в Москве уже в сентябре 1424 г.

Мы подробно остановились на датировке договора Новгорода с великим князем Василием Васильевичем не только потому, что этот вопрос важен сам по себе. Датировка грамоты кажется нам хорошим подтверждением правильности хронологического анализа Списка Б, редактирование которого, вне зависимости от рассмотренного договора, было отнесено нами к 1423 г.

¹²² НПЛ, стр. 415.

Заметим кстати, что нам абсолютно неясны основания предложенной в ГВНиП датировки грамоты № 75 временем «около 1452 г.». Датировка этой грамоты, содержащей приказ Великого Новгорода Никите Тинчову уплатить деньги, взятые им у колыванского посла, предпринята, как указано в комментарии, по упоминанию в ней посадника Михаила Ананьинича¹²³. Между тем Михаил Ананьинич упоминается еще только в разобранном выше докончании, которое в ГВНиП датировано 1435 г., а нами — 1424 г. Добавим, что в приказе Никите Тинчову назван также тысяцкий Оникий Власевич, а этот последний упоминается еще и в списке новгородских тысяцких¹²⁴ — документе, составленном в 1423 г. Грамоту № 75 следует относить не к середине XV в., а к 1420-м годам.

Здесь же нам следует обсудить вопрос о датах некоторых других новгородских документов, время которых определяется суммарно.

Грамота Великого Новгорода магистру Ливонского ордена с требованием взыскать с наследников колыванского посадника Конрада 400 рублей датирована издателями ГВНиП временем не позднее 10 июня 1417 г.¹²⁵ Основанием для датировки служит неверное указание даты смерти упомянутого в грамоте посадника Ивана Александровича, умершего якобы 10 июня 1417 г. В действительности Иван Александрович, как уже показано выше, умер в сентябре или октябре 1417 г. С другой стороны, в грамоте назван тысяцким Александр Игнатьевич, который стал посадником не позднее августа 1417 г. Следовательно, возможный поздний рубеж составления этого документа датируется августом 1417 г.

К 1418—1421 гг. относят издатели ГВНиП составление грамоты Великого Новгорода Риге с требованием суда над Иньцей Зашембакой¹²⁶. Грамота исходит от посадника Александра Игнатьевича, тысяцкого Кузьмы Терентьевича и синхронна аналогичной грамоте, составленной от имени владыки Симеона¹²⁷. Смерть Симеона в 1421 г. ограничивает поздний рубеж грамоты, однако что касается ее раннего рубежа, то Александр Игнатьевич мог стать посадником уже после апреля 1416 г. Поэтому пределы возможной датировки нужно расширить до 1416—1421 гг.

Грамота Великого Новгорода Риге о претензиях Данилы Андреевича¹²⁸ исходит от посадника Василия Никитича и тысяцкого Аврама Степановича. Василий Никитич стал посадником в 1416—1417 гг., Аврам Степанович оставался тысяцким до 1423 г. Грамота может быть датирована в этих пределах. Однако эта датировка может быть и уточнена. Контекст грамоты позволяет говорить о том, что в момент ее составления Василий Никитич был на степенях. Между тем степенное посадничество Василия Никитича известно под двумя датами. Он был степенным в августе 1420 г. — феврале 1421 г., но в этот период степенным тысяцким был не Аврам Степанович, а Кузьма Терентьевич¹²⁹. Он также был степенным в августе 1422 г. — феврале 1423 г., и именно в это время степень тысяцкого занимал Аврам Степанович¹³⁰. Грамоту следует относить к концу 1422 — началу 1423 г.

К тому же периоду относится известная жалованная грамота новгородского веча сиротам Терпилова погоста¹³¹, которая содержит имена

¹²³ ГВНиП, стр. 126—127, № 75.

¹²⁴ НПЛ, стр. 473.

¹²⁵ ГВНиП, стр. 91, № 53.

¹²⁶ Там же, стр. 96, № 58.

¹²⁷ Там же, стр. 95, № 57.

¹²⁸ См. В. Л. Янин. Две неизданные новгородские грамоты XV в. «Археографический ежегодник за 1959 г.». М., 1960, № 2, стр. 338 и сл.

¹²⁹ ГВНиП, стр. 96—100, № 59, 60.

¹³⁰ Там же, стр. 102—104, № 62.

¹³¹ Там же, стр. 146, № 89.

посадника Василия Никитича и тысяцкого Аврама Степановича. Издатель ГВНИИ отнесли грамоту ко времени около 1411 г. на том основании, что «Аврам Степанович упоминается в НПЛ под 6919 г. без обозначения должности». Аргумент, разумеется, никак не может быть признан точным; он был отвергнут И. М. Людиным в специальной статье об этой грамоте. И. М. Людин также называет возможной датой документа — время около 1423 г.¹³²

СФРАГИСТИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА РЕФОРМЫ 1410-х годов

Если вторая половина XIV в. была временем заметного расцвета личной посадничьей сфрагистики, то с начала XV в. сфрагистика именных посадничьих печатей приобретает новые черты, свидетельствующие об ее переходе в менее значительный разряд государственных булл. Именные посадничьи печати во многих случаях не несут больше титула посадника и в своем большинстве перестают быть свинцовыми. Их обычным материалом становится воск, что, по-видимому, и является главной причиной сравнительной малочисленности обнаруженных именных булл XV в.

Перечислим все именные посадничьи печати рассмотренного в настоящей главе времени (рис. 8).

1. Печать Александра Фоминича

Л. с.: Надпись в пять строк:
Вокруг линейный ободок.

ПЕЧА
ТЬ ОЛЕ
КСАНДРА
ФОМИ
ЧА

О. с.: Надпись в пять строк:
Вокруг линейный ободок.

ПОС
АДНИКА
НОВГОР.
ОУЧЬКО
Г.

Воск. Д. — 33—34 мм. Сохранилась при грамоте Великого Новгорода Риге об обиде Бориса Кижанинова, Археографический ежегодник за 1959 г., стр. 337, № 1. Изд. — ЛСА, XXXVI, 2.

2. Печать Кирилла Андреевича

Л. с.: Надпись в пять (?) строк:

ПЕ
ЧАТЬ НОВ
ГОРОД
УК
АА

О. с.: Надпись в четыре строки:

КНР
НАОНА
РЕАНО
ВНУА

¹³² См. И. М. Людин. Грамота о сиротах Терпилова погоста как источник по истории московско-новгородских отношений XIV—XV вв. «Проблемы источниковедения», V, М., 1956, стр. 285 и сл.

Обломок. М. н. — Новгород. Хр. — По свидетельству М. Н. Полянского, хранился в Новгородском музее¹³³, однако в собраниях музея его уже не было в 1940 г.¹³⁴. Точность воспроизведения фрагмента М. Полянским сомнительна.

3. Печать Ивана Александровича

Легенда черновосковской печати Ивана Александровича: ПЕЧА/ТЬ ИВАН/А ОЛЕКСА/НДРОВИ/Ц, сохранявшейся при грамоте 1411 г. Кольвани (ГВНиП, стр. 88, № 50), известна по ее описанию в списке с этой грамоты, который хранится в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина.

4. Печать Кирилла Дмитриевича

Л. с.: Надпись в три строки: ПЕЧА
ТЪКЮ
РНАА

О. с.: Надпись в четыре (?) строки: ДМН
ТРН
КВН

Свинец. Д. — 26—28 мм. М. н. — Новгород, 1954 г., раскопки на Неревском конце в слое с дендрохронологической датой 1396—1422 гг. Изд. МИА, № 55, стр. 148, № 22.

5. Печать Василия Есифовича

Восковая печать Василия Есифовича исключительно плохой сохранности имеется при договорной грамоте Великого Новгорода с Ливонским орденом, составленной в конце января 1421 г. (ГВНиП, стр. 98, № 60). Поскольку надпись на этой печати не читается, мы не имеем возможности ее воспроизвести. Однако аналогии с другими печатями того же времени позволяют предполагать, что она была такой же, как печать того же Василия Есифовича в бытность его тысяцким. Последняя, также восковая, несущая легенду: ПЕЧА(ТЬ)/ ВАСИЛЬ/ АЕСИФОВИ- Ч(А), известна по списку Библиотеки им. В. И. Ленина с грамоты Новгорода Кольвани 1411 г. (ГВНиП, стр. 88, № 50).

6. Печать Афанасия Федоровича

Восковая печать этого посадника с легендой: П(Е)Ч(А)ТЬ (О)ФО- НОСА ФЕДОРОВИЧ(А), сохранилась при договорной грамоте Великого Новгорода с Ливонским орденом конца января 1421 г. (ГВНиП, стр. 98, № 60).

7. Печати Василия Никитича

Л. с.: Надпись в четыре строки: ПЕЧАТЬ
ВАСНЛЬ
ТАМН(И)ТН
ННУА

¹³³ См. М. Полянский. Новгородские вислые печати княжие, владычные, посадничьи, наместничьи, воевод и тысяцких, стр. 30, рис. 52.

¹³⁴ См. Н. Г. Порфиридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики. «Новгородский исторический сборник», вып. 8. Новгород, 1940, стр. 25.

О. с.: Изображение воина, стоящего во весь рост, с копьем и щитом;

по краю: **РУСКОГО ПОСАДНИКА**

Воск. Д. — 28 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода Риге о претензиях Даниила Андреевича, 1422—1423 гг., Археографический ежегодник за 1959 г., стр. 388 и сл., № 2. Изд. — ЛСА, XXXVI, 5.

Известна также матрица костяной прикладной печати этого посадника, найденная в Новгороде в 1955 г. при раскопках 1955 г. на Неревском конце в слое с дендрохронологической датой 1409—1422 гг. На матрице диаметром 11 мм помещено изображение птицы и круговая надпись: **ВАСИЛЬЯ МИКІТІ/НИЧ**. Это вообще единственная находка матрицы посадничьей печати¹³⁵.

8. Печать Михаила Ананьича

Восковая перстневая печать этого посадника с изображением креста и без надписей сохранилась при грамоте Великого Новгорода Никите Тинчову, датируемой 1420-ми годами (ГВНиП, стр. 126, № 75).

9. Печать Якова Федоровича

ПЕУА

Л. с.: Надпись в три строки: **ТЬЯКОВА
ФЕДОРОВ**

О. с.: Изображение барса с поднятым вверх хвостом.

Свинец. Сохранялась при правой грамоте о включении Власа Тупицына в волостной разруб княжеостровцев (ГВНиП, стр. 148, № 92); в настоящее время утеряна.

10. Печать Иева Тимофеевича

**ПЕ
УАТЬ
НЄВЬ
ЛА**

Л. с.: Надпись в четыре строки:

**ТН
МОФЬ
ЄВН
УА**

О. с.: Надпись в четыре строки:

Свинец. Д. — 28 мм. Сохранилась при правой грамоте о включении Власа Тупицына в волостной разруб княжеостровцев (ГВНиП, стр. 148, № 92).

Перечисленными буллами исчерпываются все именные посадничьи печати первой четверти XV в. Показательно, что только на печати Алек-

¹³⁵ См. В. Л. Янин. Печати из новгородских раскопок 1955 г. МИА, № 65, стр. 304.

сандра Фоминича имеется посадничий титул. Но Александр Фоминич пришел на посадничество еще на рубеже XIV—XV вв. и хронологически его печать тяготеет к обычным посадничьим буллам второй половины XIV в. Титул «русского посадника» на печати Василия Никитича еще больше подчеркивает общее правило. Не имея печати с титулом новгородского посадника, Василий Никитич пользуется своей буллой, употреблявшейся им в Старой Русе, где он также посадничал¹³⁶.

Эта эволюция посадничьей печати, которую невозможно признать случайной, может быть объяснена изменением роли посадника с начала XV в. Если во второй половине XIV в. степенный посадник был главным носителем и выразителем новгородского суверенитета, и его личный авторитет был достаточно значителен, то сама тенденция к расширению числа посадников, сначала до 18, а потом до 24, восторжествовавшая в первой четверти XV в., не могла не нести с собой идеи умаления личного авторитета посадника.

В том же направлении действовало и сокращение степенного посадничества до полугодового срока. Власть над Новгородом, сосредоточенная первоначально в руках немногих избранных бояр, теперь дробилась. Тенденции реформ 1416—1423 гг. в целом понятны. Реформы подрывали авторитарическое начало республиканской боярской власти и выдвигали на первое место авторитет общебоярского органа — Совета господ. Это был крупнейший шаг в развитии боярской олигархии. Значительное расширение Совета господ, в котором сосредоточивалась вся государственная власть, по существу делало излишними традиционные вечевые порядки, при которых высшие государственные должности сохраняли видимость народно-представительных, а их авторитет был освящен в первую очередь вечевым решением.

Отметим, что резкое уменьшение личной посадничьей власти со второй половины 1410-х годов имело закономерным следствием полное угасание интереса к посадникам со стороны летописца. Если до той поры он тщательно фиксировал кончины посадников, если имена посадников упоминались им в рассказах о важнейших событиях новгородской жизни, то теперь посадники вообще перестают упоминаться.

Говоря о переходе именных посадничьих булл в менее значительный сфрагистический разряд, о приобретении ими черт частных печатей, мы должны предполагать, что общие тенденции развития государственной власти должны были в это время привести к созданию такой государственной буллы, тип которой отразит окончательное создание общебоярского органа, стоявшего над посадничеством и над тысяцким. И в самом деле такая булла появляется и становится главной государственной печатью Новгородской боярской республики вплоть до присоединения Новгорода к Москве.

Мы имеем в виду так называемую «Новгородскую печать» или «Печать Великого Новгорода», известную к настоящему времени в количестве 64 экземпляров. Поскольку большинство таких печатей относится ко второй и третьей четвертям XV в., а их хронология еще должна стать предметом исследования, их обзор будет дан в последней главе. В настоящем разделе мы ограничимся вопросами о времени возникновения этого сфрагистического типа и о его принципиальной принадлежности.

Самые ранние экземпляры «Печати Великого Новгорода» и «Новгородской печати» известны при следующих документах.

¹³⁶ Ср. летописный рассказ 1442 г. о другом подобном посаднике: «В то же время был посадник новгородчкын Иван Васильевич, держал руское посадничество» (НПЛ, стр. 422).

Грамота Великого Новгорода магистру Ливонского ордена с требованием взыскать с наследников колыванского посадника Конрада 400 рублей, составленная от имени «посадника новгородского Ивана Александровича, от тысяцкого Александра Игнатьевича и всего Великого Новгорода»¹³⁷, утверждена двумя свинцовыми печатями. Первая на одной стороне несет изображение барса с поднятым хвостом и на другой — надпись: ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА. Вторая печать несет на одной стороне изображение зверя с поднятым хвостом и надписью: А СЕ ЛЮТЬ ЗВЪРЬ, а на другой — надпись: ПЕЧАТЬ НОВГОРОЧКАЯ. Грамота датируется временем до августа 1417 г. Ранний рубж ее составления возможно отнести к 1415 г., когда Александр Игнатьевич впервые назван с титулом тысяцкого.

Грамота Великого Новгорода Колывани о суде над колыванцем Иваном Мясо¹³⁸, составленная от имени «посадника Ивана Александровича, от тысяцкого Онаньи Костянтиновича и от всего Великого Новгорода», утверждена двумя печатями, но из них сохранилась только одна, на одной стороне которой — изображение вседержителя, а на другой надпись: НО/ВГОРО/ЧКАЯ/ ПЕЧА/ТЬ. Грамота датируется временем не позднее осени 1417 г., когда умер посадник Иван Александрович.

Наконец, грамота Великого Новгорода Риге с требованием суда над Иньцей Зашембакой¹³⁹, датированная нами 1416—1421 гг., составлена от имени «посадника новгородского Александра Игнатьевича и от тысяцкого Кузми Тереньтевича и от всего Великого Новгорода» и утверждена двумя черновосковыми печатями, оттиснутыми при помощи обычных клещей для свинцовых булл. На первой печати на одной стороне изображен зверь с поднятым хвостом и надписью: А СЕ ЛЮТЬ ЗВЪРЬ, а на другой стороне — надпись: ПЕЧАТ/Ь НОВГОР/ОЧКАЯ. Вторая печать несет изображение воина с копьем и щитом, а на другой стороне надпись: ПЕЧА(ТЬ)/НОВГОРО/ЧКАЯ.

Мы видим, что наиболее ранние печати нового типа сохранились при документах второй половины 1410-х годов, составленных в тот период, когда осуществлялась реформа посадничества. Вырождение личной, именной печати посадников происходит одновременно с возникновением и упрочением нового типа, на котором идея личной власти заменена идеей представительства от всего Новгорода. Это обстоятельство вполне совпадает с общими наблюдениями над направлением эволюции государственной власти в Новгороде в первой четверти XV в. Мы обращаем особое внимание на совпадение даты появления нового сфрагистического типа с датой серьезнейшего преобразования государственного аппарата в Новгороде.

Кому же принадлежали печати новых типов? Этот вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд. Формально одна из двух обычных печатей при грамоте должна прикладываться степенным посадником, а другая — степенным тысяцким. Ведь само наличие двух печатей соответствует двойному авторству грамот, исходивших от посадника и тысяцкого. Логически рассуждая, мы первую печать должны признавать посадничьей, а вторую — печатью тысяцкого.

Однако с самого начала нам придется убедиться в том, что печати посадников и тысяцких утрачивают в своем оформлении признаки принадлежности к институту посадников или к институту тысяцких. В самом деле, вряд ли можно распределять печати между двумя этими ин-

¹³⁷ ГВНИП, стр. 91, № 53.

¹³⁸ Там же, стр. 94, № 56.

¹³⁹ Там же, стр. 96, № 58.

ститутами, основываясь, скажем, на символике изображений. При грамоте Великого Новгорода магистру Ливонского ордена имеются две печати, и обе они несут изображение зверя. В такой же малой степени можно обосновывать ту или иную принадлежность булл формулой их легенды. Говорить о том, что печати с легендой «Печать Великого Новгорода» принадлежали посадникам, а с легендой «Печать Новгородская» — тысяцким, разумеется, бессмысленно, тем более что оттиснутые одной и той же парой матриц печати с надписью А СЕ ЛЮТЬ ЗВЪРЬ и формулой ПЕЧАТЬ НОВГОРОЧКАЯ в одном случае привешены на втором месте, а в другом — на первом. Добавим также, что при некоторых грамотах XV в. имеются две печати с вполне идентичными формулами легенды.

Таким образом, рассматриваемые печати, право прикладывания которых принадлежит и посаднику, и тысяцкому, в действительности не принадлежат ни посаднику, ни тысяцкому. Они сосуществуют с выродившимися и получившими второстепенную роль личными буллами этих сановников. Возникновением печати «Великого Новгорода» утверждена идея государственной власти, стоявшей над посадником и над тысяцким. Посадник и тысяцкий являлись только представителями этой власти, символизированной утвердившимся в XV в. понятием «Господин Великий Новгород».

Можно ли, однако, предполагать, что в понятие «Великий Новгород» в данном случае вкладывалась абстрактная идея представительства от всех классов и сословий Новгорода, идея вечового суверенитета и народовластия? Нам кажется несомненным, что демагогические возможности новой терминологии использовались боярством в его интересах. В действительности же носителем новгородского суверенитета и верховным распорядителем республиканских порядков с момента реформ 1410-х годов окончательно становится совокупность боярских представителей новгородских концов, организованная в Совет господ. Оформление этого органа боярской олигархии находится в резком противоречии с самими принципами вечового строя. По существу реформа 1410-х годов ликвидирует неповторимое своеобразие новгородских республиканских порядков периода расцвета и воссоздает новую структуру государственного управления, сходную с республиканской структурой Венеции и Флоренции, где также верховным органом власти был олигархический сенат.

Нужно сказать, что классовая сущность новых порядков не ускользнула от летописца, который в рассказе 1435 г. заменяет термин «Великий Новгород» термином «новгородские бояре»: «Человаша крест отступитися князю великому новгородчкои отцины Бежичкаго верха и на Ламьском волоке и на Вологде, а новгородчкым бояром отступитися князьцин, где ни есть»¹⁴⁰.

Общее сходство новых республиканских порядков Новгорода с венецианскими, по-видимому, прекрасно осознавалось и в самом Новгороде. Во всяком случае в этом убеждают наблюдения над символикой типа новгородских монет, чеканка которых началась в 1420 г. На новгородских деньгах периода самостоятельности постоянно чеканится изображение двух человеческих фигур, одна из которых находится в «просительной» позе, а голова другой украшена зубчатой короной. Смысл этих изображений исследован в специальной литературе, породившей несколько разноречивых толкований. Наиболее аргументирована последняя по времени появления точка зрения, предложенная А. В. Арци-

¹⁴⁰ НПЛ, стр. 418.

ховским, который убедительно доказал, что фигура в зубчатом венце является изображением патронессы Новгорода — св. Софии-Премудрости¹⁴¹. Что касается второй фигуры, стоящей в «просительной» позе, то она пока не истолкована с должной убедительностью. Эта фигура вручает св. Софии или принимает из ее рук так называемый дар, который изображен на различных вариантах монет по-разному и всегда условно. Обычно принято считать эту фигуру изображением денежника, который вручает св. Софии монеты; основанием для такого объяснения послужило то обстоятельство, что на большинстве вариантов «дар» показан в виде точечной цепочки или миндалевидного предмета. Вполне очевидно, что это последнее предположение в значительной степени ослаблено отсутствием каких-либо, хотя бы отдаленных аналогий в нумизматике и сфрагистике.

Между тем сходная композиция, составленная из изображения святого патрона и человека, стоящего перед ним в «просительной» позе, в нумизматике и сфрагистике имеется. Она является традиционной на венецианских монетах и печатях XIII—XVIII вв., где изображен патрон Венеции св. Марк, вручающий дожу символы власти со словами: «*Sit tibi datus iste Ducatus*», т. е. «Да будет тебе дано это правление». Исключительное композиционное сходство изображения на венецианских и новгородских монетах заставляет нас заново подойти к проблематике изображения на новгородских деньгах. Если ранее исследователи видели во второй фигуре изображение человека, вручающего дар, то венецианские аналогии заставляют предположить, что он, наоборот, принимает дар. Что же это за дар? На подавляющем большинстве новгородских монет предмет, переходящий из рук Софии в руки «просителя», имеет, как уже говорилось, миндалевидную форму, а во многих случаях в центре его помещена еще выпуклая точка. Эти особенности предмета заставляют предполагать в нем схематическое изображение щита, показанного во многих случаях с умбомом. Св. София вручает стоящему перед ней человеку щит, т. е. символ защиты, символ оберегания, символ власти. Сходство новгородских и венецианских монет, таким образом, оказывается не только внешним, но и смысловым. Такое сходство могло возникнуть только в результате осмысленного копирования венецианского типа и восприятия его символики. В условиях преобразования республиканской власти перед самым началом чеканки собственной монеты такой интерес к венецианской эмблеме не может быть случайным. Если ход наших рассуждений верен, то во второй фигуре следует усматривать изображение носителя новгородского суверенитета, скорее всего посадника, принимающего из рук патронессы Новгорода символы власти.

¹⁴¹ См. А. В. Арциховский. Изображение на новгородских монетах. «Известия АН СССР», сер. истории и философия, 1948, т. V, № 1, стр. 99—106.

Глава 8

ПОСАДНИКИ ПОСЛЕДНЕГО ПЕРИОДА НОВГОРОДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Отмеченное выше серьезное ослабление интереса летописцев к посадникам с той поры, как состав посадничества резко расширился, вызывает немало затруднений в исследовании фактов, относящихся ко второй и третьей четвертям XV в. Количество нужных нам сведений в этот период сокращается, и материал, который может быть извлечен из летописей и актов, предстает перед исследователем в крайне раздробленном и фрагментарном виде. Все же ряд наблюдений может быть сделан и здесь.

Особую ценность для рассматриваемого периода приобретают дополнения к Списку Б по Ермолинскому летописцу, очередность посадников в которых, как это было показано В. Н. Бернадским¹, сохраняет хронологический характер. Однако чрезвычайно сложной оказывается и та часть проблемы, которая касается характеристики состава имен в Ермолинском списке. Мы видели, что основная часть Списка Б, перечисляющая имена посадников, которые приходили на должность до 1423 г. включительно, содержит все, без исключений, имена, не делая разницы между степенными и нестепенными посадниками. Хронология обновления степени никак не учитывалась составителем Списка Б. Для него хронологическим указанием, определяющим место посадника в списке, служит дата первичного избрания того или иного боярина в посадники. Между тем В. Н. Бернадский при анализе заключительной части Ермолинского списка исходил из вывода, что эта часть включает лишь имена степенных посадников в порядке их избрания на степень. Совершенно очевидно, что, если вывод В. Н. Бернадского верен, очередность посадников в Ермолинском списке должна отличаться от той очередности, которая основана на датах первичного избрания в посадники. Некоторые бояре могли долгое время после избрания в посадники не становиться степенными. Многие же посадники вообще до конца жизни не имели возможности прийти на степень. Слишком велико было их число; поскольку срок степенного посадничества был полугодовым, а посадников 24, каждый из них теоретически мог становиться степенным в среднем один раз в 12 лет. А за двенадцать лет многие посадники могли умереть, так и не увидев степени.

¹ См. В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в., стр. 357—362.

В аргументации В. Н. Бернадского большую роль играют следующие наблюдения. Сопоставление Ермолинского списка с отрывочными показаниями других источников позволили исследователю принять за крайние даты списка — начало 1430-х и середину 1460-х годов. Этот срок, равный примерно 33 годам, идеально соответствует общему количеству названных в заключительной части списка посадников, число которых также равняется 33. Отсюда решительный вывод В. Н. Бернадского о том, что составитель списка ограничился перечислением имен степенных посадников. В. Н. Бернадский предпринял попытку наложить показания летописей и актов о датах степенного посадничества отдельных бояр на показания Ермолинского списка. Предложенная им таблица² является, однако, наименее удачной частью его аргументации, хотя бы уже потому, что большинство летописных дат степенного посадничества ему пришлось признать датами повторных занятий степени одними и теми же боярами. Поскольку время этих повторных занятий степени выпадает из общей суммы 33 лет, предусмотренной его расчетами, исследователю пришлось под некоторыми годами предполагать существование двух степенных. Так, два имени указаны им под 1433, 1435, 1437, 1438, 1443, 1444, 1445, 1446, 1448 гг. С другой стороны, некоторые годы (1451, 1452, 1454, 1455, 1458, 1459) в таблице В. Н. Бернадского оказались «пустыми», им не соответствуют вообще какие-либо посадничьи имена. Эти противоречивые обстоятельства объяснены В. Н. Бернадским следующим образом: «...таблица и комментарии к ней в целом убеждают в правильности предположений об ежегодной смене посадников в Новгороде в XV в. Наличие в источниках некоторых сообщений, по видимости противоречащих этому, может быть сравнительно легко объяснено или расхождением сроков начала года или какими-либо особыми обстоятельствами чрезвычайного порядка, вызвавшими внеочередную смену посадников»³.

Разумеется, ни то, ни другое объяснение не может быть признано удовлетворительным. Расхождение сроков начала года здесь ни при чем. Если 33 годам, по В. Н. Бернадскому, соответствует 41 посадник, то это расхождение вряд ли может иметь отношение к особенностям календаря. С другой стороны, мы насчитали 15 противоречий в таблице (9 «двойных» степенных посадничеств и 6 «пустых» лет). 15 «особых обстоятельств чрезвычайного порядка» на протяжении 33 лет — это, пожалуй, несколько многовато.

Между тем большинство отмеченных противоречий устранится, если исходить из предложенных выше наблюдений о том, что со времени реформы 1410-х годов степенное посадничество стало не годичным, а полугодичным. Однако очевидно, что, основываясь на признании такого срока степенного посадничества, мы должны снова поставить вопрос о крайних датах Ермолинского списка. В самом деле, если продолжительность каждого степенного посадничества была вдвое меньшей, чем считал В. Н. Бернадский, то и предполагаемые хронологические рамки, охватывающие период формирования списка, могут измениться.

Вопрос о характере списка неразрывно связан с вопросом о крайних датах этого списка. Поэтому проблема в целом оказывается значительно более сложной. Разобраться в действительном характере дополнений к Списку Б и в вопросе о его хронологии можно только путем его последовательного сопоставления с другими источниками. Эту работу удобнее проделать, группируя существующие сведения по десятилетиям.

² См. В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля., стр. 360—361.

³ Там же, стр. 361.

После заметного перерыва летописец впервые упоминает о посадниках только под 1428 г. В рассказе об осаде Порхова Витовтом он сообщает о мирных переговорах между Витовтом и посадниками Исааком Андреевичем Борецким и Григорием Кирилловичем Посахно. В. Н. Бернадский высказал сомнение по поводу новгородской принадлежности этих посадников в 1428 г. Основания для таких сомнений действительно имеются. Летописный рассказ сообщает следующее: «Повеле же Витофт приступати к граду, посадници же вышедше из града, Григорей Куриловичь Посахно и Исакеи Борецкой, и иже с ними прочии начаша бити челом; а в то время из Новагорода приде архиепископ Емелиан, нареченный от Фотиа Евфимии, а с ним посадници и тысяцкие, и добиша челом Витофту...»⁴. Допустимо думать, что во время осады Порхова Григорий и Исаак были не новгородскими, а порховскими посадниками.

Однако в дальнейшем их посадническая деятельность прочно связана с Новгородом. Григорий Кириллович, имя которого неизменно сопровождается титулом посадника, появляется на страницах летописи еще несколько раз. В 1434 г. он вместе с Есифом Андреевичем «Горшкова внуком» строит каменную церковь Иоанна Златоуста «на старой основе». В 1435 г. он был одним из руководителей новгородского похода на Ржеву. В 1436 г. новгородцы посылают его на отвод земли на Бежецкий верх, а в зиму 1436/37 г. — послом к литовскому князю Сигизмунду⁵. Археологам и историкам искусства хорошо известен ковш этого посадника, сохранявшийся в ризнице Троице-Сергиева монастыря, с надписью: «А се ковш посадника новгороцкого Григорья Кюриловича»⁶.

Целый ряд сведений сохранился и о посаднике Исааке Андреевиче Борецком. Его имя содержится в договорной грамоте Великого Новгорода с немецким купечеством в Новгороде, составленной ранее 11 февраля 1439 г.⁷ По контексту грамоты, Исаак Андреевич в момент ее составления был степенным. Степень он занимал также и в 1453 г., когда снова упоминается в летописи с этим титулом⁸. Умер Исаак Андреевич в 1450-х или даже в 1460-х годах, поскольку к 1459—1469 гг. относится данная его жены Марфы и сына Федора Соловецкому монастырю на два «лука» в реке Суме с условием «поминати им мужа моего Исака»⁹.

Под 1435 г. в числе воевод, ходивших к Ржеве, назван еще один посадник — Иван Васильевич¹⁰. Еще раз в близкое время летописец упо-

⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 94; т. XVIII, стр. 170; т. XXV, стр. 248.

⁵ НПЛ, стр. 417—419.

⁶ См. А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв., стр. 130, № 214.

⁷ ГВНиП, стр. 113, № 68.

⁸ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 155.

⁹ ГВНиП, стр. 300, № 307. Воспользуемся случаем, чтобы отметить несомненную неподлинность еще одного акта, исходящего от Марфы и Федора (ГВНиП, стр. 242, № 219). Грамота сохранилась в двух списках XVII в., один из которых, хранившийся в ризнице Соловецкого монастыря, был описан архимандритом Досифеем как подлинник (Досифей. Географическое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря, ч. I. М., 1836, стр. 57), что время от времени и вводило исследователей в заблуждение. Между тем в грамоте имеется целый ряд элементов, указывающих на ее подложность. Марфа в ней именуется «Великого Новгорода посадницей»; документ якобы был утвержден свинцовой печатью самой Марфы, имя которой помещено на печати; оформление грамоты вовсе необычно: она содержит на обороте рукоприкладство свидетелей — обычай неизвестный для новгородских документов времени самостоятельности; наконец, имя Зосимы упоминается в нем с такой назойливостью, что не остается сомнений в том, что подделка возникла под влиянием житийной легенды.

¹⁰ НПЛ, стр. 417.

минает этого посадника в рассказе 1442 г.: «В то же время был посадник новгородчкый Иван Васильевич, держал руское посадниство»¹¹.

Несколько посадников 1430-х годов упоминается в актах того времени. Договорная грамота Великого Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на два года, составленная в 1434 г., до 24 июня, сообщает о приезде ганзейских послов к посаднику Самсону. 22 июля того же года посадник Самсон целовал крест за весь Новгород при заключении мира с Псковом. Еще раз посадник Самсон, на этот раз названный с отчеством — Иванович, упоминается в тексте Наровского договора 25 июля 1448 г. в числе новгородских послов¹².

Грамота Великого Новгорода Колывани от начала июля 1436 г. исходит от посадника Бориса Юрьевича. Тот же посадник был одним из авторов договорной грамоты Великого Новгорода с ганзейскими городами, составленной 16 июля 1436 г. Наконец, его имя содержится в надписи на знаменитом артосном панагиаре из Софийской ризницы: «В лето 6-(тысяч)ное 9-сотное 44-е индикта 14, месяца семтебря 14 день, на вздвижение честного креста створена бысть понагия сия повелением пресвященного архиепископа Великого Новагорода владыци Еоуфимия при великом князе Василье Васильевиче всяя Роуси, при князь Юрие Лоугвенъевиче, при посаднике Великого Новогорода Борисе Юрьевиче, при тысяцком Дмитрее Васильевиче, а мастер Иван. Арипъ (=Аминь)»¹³. Основываясь на соответствии индиктного числа и даты: 6944 г. (остаток от деления 6944 на 15 равен 14), мы должны датировать панагиар сентябрем 1435 г. Однако эта дата внушает некоторые сомнения. Показаниями названных выше актов степенное посадничество Бориса Юрьевича датируется февралем — августом 1436 г., что позволяло бы предполагать в надписи панагиара обычную для Новгорода путаницу мартовского и сентябрьского стилей и относить панагиар к сентябрю 1436 г. Вопреки тому что посадничество Бориса Юрьевича должно было закончиться к 1 сентября 1436 г., такая дата могла бы быть оправдана. Панагиар был изготовлен, конечно, не в двухнедельный срок, и работа мастера Ивана относится в основном еще ко времени посадничества Бориса Юрьевича. Однако дата панагиара — 14 сентября 1435 г. — может оказаться и вполне правильной, на что как будто указывает имя тысяцкого Дмитрия Васильевича, названного в надписи. Акты июля 1436 г. называют степенным тысяцким не Дмитрия Васильевича, а Федора Яковлевича. Если дата, указанная в надписи панагиара, верна, то следует признать, что Борис Юрьевич был на степени в августе 1435 г. — феврале 1436 г., а затем повторно в феврале—августе 1436 г.

О Борисе Юрьевиче источники сообщают еще один важный факт: в январе 1431 г. он еще не был посадником, поскольку, будучи в это время послом к князю Свидригайлу, он не титуруется вообще¹⁴.

Ко времени не позднее 1439 г. отнесена издателями ГВНиП грамота Великого Новгорода Колывани с требованием суда над Иваном Амбуром¹⁵. Основанием для такой датировки, по справке издателей, послужило «указание на эту грамоту в письме Ревеля Дерпту от 23 февраля 1439 г.»¹⁶. Проверка ссылки по тексту письма 23 февраля 1439 г. не обнаружила никаких указаний на рассматриваемую грамоту. В действи-

¹¹ НПЛ, стр. 422.

¹² ГВНиП, стр. 107, № 64; стр. 120, № 73; «Псковские летописи», вып. II, стр. 130.

¹³ Там же, стр. 109, № 66; стр. 110, № 67; А. С. Орлов. Ук. соч., стр. 131 и сл., № 216.

¹⁴ ГВНиП, стр. 106, № 63.

¹⁵ Там же, стр. 114, № 69.

¹⁶ LUB, t. IX. Riga—Moskau, 1889, S. 476, № 677; S. 297, № 427.

тельности в нем содержится указание на договорную грамоту Новгорода с немецким купечеством в Новгороде, составленную до 11 февраля 1439 г. и изданную в ГВНиП под № 68. Напротив, грамота об Иване Амбуре содержит в своем тексте указания на более раннюю дату. Одним из авторов этой грамоты является тысяцкий Иван Лукинич, который в немецком донесении из Новгорода от 28 декабря 1439 г. назван не только посадником, но посадником, уже побывавшим на степени¹⁷. Если Иван Лукинич занимал степень в феврале — августе 1439 г. (берем наиболее поздний возможный срок), то другой автор грамоты об Иване Амбуре посадник Федор Данилович, который по контексту был степенным в момент ее составления, не мог занимать степень по крайней мере позднее августа 1438 г., так как срок с августа 1438 г. по февраль 1439 г. принадлежал Исааку Андреевичу¹⁸. Ниже мы вернемся к датировке этого документа.

Сопоставление приведенных сведений с показаниями Ермолинского списка дает следующие результаты (курсивом выделяем даты степенных посадничеств):

Дополнения к Списку Б

Другие источники

118. Григорий Кириллович	Григорий Кириллович, 1434—1436 гг.
119. Григорий Юрьевич	
120. Самсон Иванович	Самсон Иванович, <i>1434</i> , 1448 гг.
121. Андрей Иванович	
122. Федор Данилович	Федор Данилович, до 1438 г.
123. Борис Юрьевич	Борис Юрьевич, <i>1435—1436</i> гг.
124. Иван Васильевич	Иван Васильевич, 1435, 1442 гг.
125. Федор Олисиевич	
126. Ананья Семенович	
127. Дмитрий Васильевич	
128. Иван Лукинич	Иван Лукинич, до 1439 г.
129. Исаак Андреевич	Исаак Андреевич, <i>1439, 1453</i> гг.

Это сопоставление в значительной степени вскрывает особенности нашего источника. Взяв для анализа сведения о посадниках 1430-х годов, мы все имена, встреченные в летописи и актах этого времени, находим только в начальной части списка. Следовательно, его составитель в самом деле придерживался хронологического принципа в определении очередности имен. Этот вывод подтверждается и наблюдениями над той частью списка, которая содержит имена следующих за Иваном Васильевичем (№ 124) посадников.

Федор Олисиевич не мог стать посадником ранее 1435 г. Его имя в сопровождении титула тысяцкого, а не посадника фигурирует в летописном рассказе 1434 г., согласно которому 22 июня этого года он, будучи степенным тысяцким, целовал за весь Новгород крест при заключении мира с Псковом¹⁹. Под 1435 г. он снова назван с титулом тысяцкого в числе воевод, ходивших под Ржеву²⁰. Очевидно, что именно он должен быть отождествлен с тысяцким Федором, который вместе с посадником Самсоном упомянут в договорной грамоте Новгорода с ганзейскими городами, составленной до 24 июня 1434 г.²¹.

¹⁷ LUB, t. IX, S. 391, № 546.

¹⁸ ГВНиП, стр. 113, № 68.

¹⁹ «Псковские летописи», вып. II, стр. 130.

²⁰ НПЛ, стр. 417.

²¹ ГВНиП, стр. 107, № 64. Издатели ГВНиП на непонятных основаниях отождествляют его с Федором Яковлевичем, см. там же, стр. 372.

Ананья Семенович под 1435 г. назван в числе воевод ржевского похода, но его имени в этом рассказе не сопутствует какой-либо титул²². Он не мог стать посадником до 1439 г., так как в начале указанного года был степенным тысяцким и в этой должности вместе со степенным посадником Исааком Андреевичем принял тогда участие в составлении договорной грамоты с немецким купечеством Новгорода²³. Ананья Семенович был степенным тысяцким и около 1438 г., так как он упоминается в уже названном немецком донесении 28 декабря 1439 г.

Дмитрий Васильевич упоминается с титулом тысяцкого в надписи панагиара 1435 г. и, кроме того, в двух суммарно датированных новгородских грамотах²⁴. Одна из грамот, называющих Дмитрия Васильевича тысяцким, может быть привлечена для подтверждения принадлежности ему этой должности в тот момент, когда один из его предшественников по Ермолинскому списку был уже посадником. Мы имеем в виду хорошо известную исследователям данную Толвуйской земли Палеостровскому монастырю на Палий остров с малыми островами²⁵. Обычно эту грамоту относят к 1415—1421 гг., как это сделали издатели ГВНиП, или «к началу XV в.», как это сделал И. Д. Беляев. Основанием для такой датировки является упоминание в грамоте посадника Андрея Ивановича, который в летописи действует между 1415 и 1421 гг. Между тем посадничьи списки для первой половины XV в. знают двух посадников с таким именем. Один из них, действительно посадничавший в 1415—1421 гг., фигурирует во 2-м дополнении к Списку А (№ 86) и в заключительной части Списка Б (№ 90). Имя другого помещено в дополнении к Списку Б (№ 121), где ему предшествует Самсон Иванович, а вслед за ним названы посадники Федор Данилович, Борис Юрьевич и Иван Васильевич, деятельность которых связана с 1430-ми годами.

С каким же из этих посадников следует связывать данную Палеостровскому монастырю? Ответ на этот вопрос дает анализ других имен, названных в документе. В нем упомянут тысяцкий Дмитрий Васильевич, имя которого отсутствует в списке тысяцких Комиссионной рукописи. Иными словами, в те годы, когда осуществлял свою деятельность первый Андрей Иванович, Дмитрий Васильевич тысяцким не был, поскольку Комиссионный обзор составлен в 1423 г. Однако деятельность тысяцкого Дмитрия Васильевича известна в 1435 г., т. е. в период, совпадающий со временем посадничества второго Андрея Ивановича. Также отсутствует в Комиссионном списке тысяцких Остафий, хотя в данной Палеостровскому монастырю назван Афанасий Остафьевич, сын тысяцкого. Это обстоятельство также противоречит датировке документа первой четвертью XV в. и заставляет искать его дату в 1430-х годах. Точную дату данной указать, по-видимому, невозможно, однако вполне очевидно, что она в общем совпадает с периодом, освещенным начальной частью приведенного выше списка посадников. Для нас важнее всего оказывается показание о предшествовании посадничества Андрея Ивановича посадничеству Дмитрия Васильевича, совпадающее со сведениями Ермолинского списка.

Иван Лукинич назван тысяцким в тот момент, когда Федор Данилович уже был посадником²⁶, что также подтверждает существование хронологической очередности в заключительной части Ермолинского списка.

²² НПЛ, стр. 417.

²³ ГВНиП, стр. 113, № 68.

²⁴ Там же, стр. 147, № 90; стр. 290—291, № 290.

²⁵ Там же, стр. 147, № 90.

²⁶ Там же, стр. 114, № 69.

Таким образом, в рассмотренном месте Ермолинского списка хорошо прослеживается наличие хронологической основы. Список открывается именами достоверных посадников первой половины и середины 1430-х годов. Затем следуют имена бояр, которые могли стать посадниками не ранее второй половины 1430-х годов. Эта стройная картина хронологических взаимоотношений в рассмотренной части списка нарушена только в одном случае. Ананья Семенович (№ 126), согласно показаниям Ермолинского списка, был посадником ранее Ивана Лукинича и Исаака Андреевича (№ 128 и 129). Между тем, как мы уже видели выше, он еще был тысяцким, когда степень около 1438 г. принадлежала Ивану Лукиничу. Тысяцким он был и в феврале 1439 г., когда степень уже принадлежала Исааку Андреевичу. Это единственное противоречие является результатом ошибки, в чем убеждает дальнейший анализ рассматриваемого места списка.

Этот анализ позволяет присоединиться к мнению В. Н. Бернадского о том, что в состав дополнений по Ермолинскому летописцу включены только имена степенных посадников в очередности их избрания на степень. В самом деле, нам известно, что Самсону Ивановичу на степни принадлежал срок с февраля по август 1434 г., поскольку его фиксируют документы, составленные в июне—июле 1434 г.; что Борис Юрьевич оставался на степени два срока подряд с августа 1435 г. по август 1436 г., что Исаак Андреевич был степенным с августа 1438 г. по февраль 1439 г., так как его степенное посадничество зафиксировано актом начала февраля 1439 г. Попытаемся совместить эти сведения с показаниями Ермолинского списка и наложить их на календарную канву обновления степени (курсивом выделены документально засвидетельствованные степенные посадничества):

февраль — август 1434 г.	— <i>Самсон Иванович (№ 120)</i>
август 1434 г.— февраль 1435 г.	— Андрей Иванович (№ 121)
февраль — август 1435 г.	— Федор Данилович (№ 122)
август 1435 г.— февраль 1436 г.	— <i>Борис Юрьевич (№ 123)</i>
февраль — август 1436 г.	— <i>Борис Юрьевич (№ 123)</i>
август 1436 г.— февраль 1437 г.	— Иван Васильевич (№ 124)
февраль — август 1437 г.	— Федор Олисиевич (№ 125)
	— Ананья Семенович (№ 126)
август 1437 г.— февраль 1438 г.	— Дмитрий Васильевич (№ 127)
февраль — август 1438 г.	— Иван Лукинич (№ 128)
август 1438 г.— февраль 1439 г.	— <i>Исаак Андреевич (№ 129)</i>

Мы видим, что все показания сходятся с исключительной точностью. Ошибка, допущенная составителем списка при определении места Ананья Семеновича, обнаруживается при этом сопоставлении: имя Ананья оказывается избыточным и не укладывается в жесткие хронологические рамки календарной схемы.

Основываясь на результатах приведенного сопоставления, мы можем уточнить некоторые актовые даты. Выше мы показали, что новгородская грамота с требованием суда над Иваном Амбуром, составленная от имени степенного посадника Федора Даниловича и степенного тысяцкого Ивана Лукинича, неправоммерно датирована издателями ГВНИП временем около 1439 г., и назвали ее позднейшим возможным рубежом 1438 г. Теперь мы можем настаивать на том, что эта грамота была составлена между февралем и августом 1435 г., когда степень принадлежала Федору Даниловичу. Приведенная табличка помогает

ограничить и позднюю дату данной Палеостровскому монастырю, которая не могла быть составлена после августа 1437 г., когда названный в ней тысяцкий Дмитрий Васильевич стал уже степенным посадником.

ПОСАДНИКИ 1440-х годов

К концу 1441 г. относится грамота Великого Новгорода Колывани по поводу разграбления ладьи новгородца Петра, составленная от имени посадника Федора Олисиевича и тысяцкого Семена Тимофеевича²⁷. Хронологически к этому документу примыкает договорная грамота литовского великого князя Казимира с Великим Новгородом о мире, в которой как носители новгородского суверенитета названы те же: посадник Федор Олисиевич и тысяцкий Семен Тимофеевич²⁸. В ГВНиП этот договор суммарно датирован 1440—1447 гг. на том основании, что Казимир титулуется в нем великим князем (вкняжился в 1440 г., а в 1447 г. стал королем). А. А. Зимин, анализируя новгородскую политическую обстановку того времени, уточнил дату договора, отнеся его к промежутку времени от 19 марта 1440 г. до 11 сентября 1443 г. По его мнению, в этих пределах предпочтительной датой является конец 1440 г., так как 30 декабря 1440 г. аналогичный договор был заключен между Казимиром и Псковом²⁹, а в литовской метрике оба акта находятся рядом, причем первым помещен новгородский³⁰. Нам кажется, однако, что в данном случае следует больше доверять тем показаниям, которые могут быть извлечены из сочетания имен посадника и тысяцкого. Вряд ли Федор Олисиевич и Семен Тимофеевич были степенными и в конце 1440 г., и в конце 1441 г. Поскольку последняя дата в этом отношении не вызывает сомнений, с нею же нужно связывать и заключение договора между Литвой и Новгородом. Отметим, что в Ермолинском списке имя Федора Олисиевича названо сразу же вслед за именами Бориса Юрьевича и Ивана Васильевича, посадничавших в 1435—1437 гг., а сведения о деятельности Федора Олисиевича в должности тысяцкого относятся ко времени не позднее 1435 г. Очевидно, что к концу 1441 г. относится уже второе занятие степени Федором.

Под 1442 г., как уже отмечено в предыдущем разделе, в летописи назван посадник Иван Васильевич. В указанном году он не был степенным. Летописец упоминает его в связи с событиями в Русе и называет новгородским посадником, держащим русское посадничество.

Следующая серия посадничьих имен содержится уже в источниках, повествующих о событиях второй половины 1440-х годов.

Под 1446 г. летописец рассказывает о новгородском посольстве в Москву к Дмитрию Шемяке; членами посольства в этом рассказе названы посадники Федор Яковлевич и Василий Степанович³¹.

Федор Яковлевич в 1430-х годах был еще только тысяцким. В этой должности он известен как один из авторов двух грамот Великого Новгорода ганзейским городам, составленных в июле 1436 г.³² Более или менее известна и его посадническая деятельность после 1446 г. Он принимал участие в заключении Яжелбицкого мира в 1456 г.³³ Также будучи

²⁷ ГВНиП, стр. 117, № 71.

²⁸ Там же, стр. 115, № 70.

²⁹ Там же, стр. 321—322, № 335.

³⁰ См. А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв., стр. 320 и сл.

³¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 443; т. XVI, стр. 189.

³² ГВНиП, стр. 109—112, № 66, 67.

³³ Там же, стр. 39—44, № 22—24.

посадником, он в 1459 г. сопровождал на поставление в Москву архиепископа Иону³⁴. Под 1462 г. в летописи записан следующий небезынтересный рассказ: «Тои же зимы, месяца декабря в 7, на Волосове улице, возле церкви святого Василья загореся двор Васильев Козин от поварне, и инья пожже, и двор посадничь Федора Яковлича, и двор сына его Лукин тысячкого на Добрыни улицы и инья пожже...»³⁵. Под 1466 г. летописец сообщает о смерти посадника Федора Яковлевича 8 сентября³⁶.

Что касается Василия Степановича, то он в дальнейшем также с титулом посадника был одним из участников заключения Яжелбицкого мира³⁷. Посадник Василий Степанович был вкладчиком Богословского Важского монастыря. Эта его деятельность отражена в данной Богословскому монастырю на села по рекам Ваге, Большой и Малой Пинежкам и на остров Онтрофьев³⁸, датировка которой 1451—1452 гг., к сожалению, условна и основывается только на помете XVI в. В дальнейшем Василий Степанович принял пострижение в Важском монастыре под именем Варлаам. И. И. Григорович называет датой его смерти 1462 г., упоминая в связи с его кончиной новый вклад в Важский монастырь, сделанный сыном Василия-Варлаама Иваном³⁹. Однако эта последняя грамота, которая действительно целью вклада называет «по своих родителей в поминание за упокой», относится ко 2 февраля 1470 г. (дата содержится в самом тексте грамоты)⁴⁰. Поэтому более вероятная дата кончины Василия Степановича — конец 1460-х годов.

Под 1447 г. в летописи сообщается о волнениях в Новгороде в связи с открывшимися злоупотреблениями в денежном деле. В расследовании этих злоупотреблений принимает деятельное участие посадник Сокира, допрашивавший на вече «ливца и весца серебряного» Федора Жеребца. После расправы над Федором и его соучастниками «бысть во гради мятеж велик и отголе и сам Сокира разболеся и оумре»⁴¹.

Несколько посадников названо в летописи и актах в связи с Наровским съездом 1448 г., на котором был заключен мирный договор между Новгородом и Псковом, с одной стороны, и Ливонским орденом, с другой. 27 февраля 1448 г. был составлен предварительный договор о пятилетнем перемирии и съезде на Нарове⁴². Этот договор называет новгородским посадником, по контексту — степенным, Есифа Григорьевича. 25 июля того же года на съезде был заключен длительный мир, причем Новгород тогда представляли посадники Самсон Иванович, Дмитрий Васильевич, Иван Лукинич, Есиф Андреевич и Богдан Есифович, которые прибыли на Нарову «от посадника Великого Новгорода Афанасия Остафьевича»⁴³. Псковская летопись, рассказывая о Наровском съезде, называет те же имена, сопровождая это перечисление существенной деталью. Некоторые имена там названы с прозвищами: Дмитрий Васильевич Глухов, Иван Лукинич Щока, Есиф Андреевич Горошков⁴⁴. Рассмотрим все сведения об этих посадниках, содержащиеся в летописи и актах.

³⁴ ПСРЛ, т. XVI, стр. 198.

³⁵ Там же, стр. 211.

³⁶ Там же, стр. 219.

³⁷ ГВНиП, стр. 39—44, № 22—24.

³⁸ Там же, стр. 281, № 280. Амвросий называет Василия Степановича основателем Богословского монастыря. Амвросий. История российской иерархии, ч. III, М., 1811, стр. 393.

³⁹ Опыт, стр. 246.

⁴⁰ ГВНиП, стр. 282, № 281.

⁴¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 126; т. XVI, стр. 189—190.

⁴² ГВНиП, стр. 118, № 72.

⁴³ Там же, стр. 119—124, № 73.

⁴⁴ «Псковские летописи», вып. II, стр. 138.

Есиф Григорьевич был в дальнейшем посадником еще в 1463 г. Под названной датой в летописи изложено следующее сообщение: «Того же лета (месяца августа 28, на память святого Моисиа Мурина, сгореша двора два: Есифа Григорьева и Есифа Андреенова, и вся Гребля двory хрестьянска и две церкви огореша: храм святого Иоанна Предтечи и храм святеи Богородици Ведения...»⁴⁵.

Самсон Иванович был посадником еще в 1434 г. После 1448 г. его имя в источниках не встречено.

Дмитрий Васильевич в 1435 г. был тысяцким, о чем сообщает надпись панагиара, уже рассмотренная выше. Тысяцким он назван также в данной Палеостровскому монастырю, датированной нами 1430-ми годами, а также в рядной с Никитой Ивановичем, не имеющей точной даты⁴⁶. Первое его степенное посадничество мы отнесли к 1437—1438 гг. 1 марта 1450 г., в момент составления договорной грамоты Великого Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на семь лет⁴⁷, он был также степенным посадником. Ко времени его степенного посадничества относится также составление жалованной грамоты Троице-Сергиеву монастырю, датированной в ГВНиП 1448—1454 гг.⁴⁸. Наконец, как посадник он является участником купчей у Ховры Васильевой дочери на участки в реках Выге, Шуге, Кеми и на Кильбоострове⁴⁹ и послухом при заключении рядной инока Алексея с Вязищским монастырем⁵⁰. Последний документ датируется временем до 1458 г.

Первое степенное посадничество Ивана Лукиничя мы отнесли к 1438 г. В 1435 г. он был еще только тысяцким. Его посадническая деятельность продолжительна и засвидетельствована рядом документов. В 1456 г. он был степенным посадником и участником заключения Яжелбицкого мира. В 1458 г., будучи посадником, он участвовал в новгородском посольстве к королю Казимиру. В 1463 г., также будучи посадником, принимал участие в мирном посольстве архиепископа Ионы к Ивану III. Он был также участником договора Новгорода с Иваном III в августе 1471 г.⁵¹. Умер Иван Лукинич в начале 1470-х годов, так как не упоминается в числе именитых бояр, встречавших Ивана III в 1475 г. Возможно, что к началу 1470-х годов относится его не физическая, а политическая смерть, поскольку в последний период своей жизни Иван Лукинич принял пострижение, о чем можно судить из его духовной грамоты, где он называется «Иваном Лукиничем, а во иноцех Василием»⁵². С именем Ивана Лукиничя связаны еще два документа: суммарно датируемая купчая этого посадника у Константина Осиповича на землю по реке Вишере⁵³ и также суммарно датированная 1459—1469 гг. жалованная грамота Новгорода Соловецкому монастырю, составленная в тот момент, когда Иван Лукинич был степенным посадником⁵⁴.

⁴⁵ ПСРЛ, т. XVI, стр. 214.

⁴⁶ ГВНиП, стр. 290—291, № 290.

⁴⁷ Там же, стр. 124—126, № 74.

⁴⁸ Там же, стр. 150—151, № 95.

⁴⁹ Там же, стр. 291—292, № 291.

⁵⁰ Там же, стр. 293, № 294.

⁵¹ Там же, стр. 39—44, № 22—24; стр. 44—51, № 25—27; ПСРЛ, т. XVI, стр. 198, 211.

⁵² ГВНиП, стр. 177, № 120. Непонятно, почему издатели ГВНиП датируют духовную грамоту временем «не позднее 1471 г.». В 1471 г. Иван Лукинич был еще посадником и не принимал пострижения. Грамоту следует датировать началом 1470-х годов, но «не ранее 1471 г.».

⁵³ ГВНиП, стр. 172—173, № 113.

⁵⁴ Там же, стр. 152, № 96.

Есиф Андреевич, или Андреянович, Горошков уже известен нам как строитель церкви Иоанна Златоуста в Околотке в 1434 г., когда он еще не титуловался вообще. Он был жив в 1463 г., о чем можно судить из цитированного выше сообщения летописи о пожаре 1463 г., во время которого сгорел его двор.

Имя Богдана Есифовича в дальнейшем связано с событиями 1475—1476 гг. 16 ноября 1475 г. он принимал участие во встрече Ивана III новгородцами, а затем по жалобе Славковой и Микитиной улич и бояр Полинарьиных был схвачен Иваном III и увезен в Москву. В 1476 г. за него безуспешно хлопотал архиепископ Феофил⁵⁵.

Что касается Афанасия Остафьевича, то этот посадник упомянут в источниках неоднократно. В данной Палеостровскому монастырю, суммарно датированной нами 1430-ми годами, он еще не носит посадничьего титула и называется сыном тысяцкого⁵⁶. Он был степенным посадником в момент составления грамоты Великого Новгорода Василию Темному на «черный бор», которую А. А. Зимин датирует 1456—1461 гг., отдавая предпочтение дате февраль — март 1461 г.⁵⁷ В 1463 г., будучи посадником, Афанасий Остафьевич принимал участие в посольстве Ионы к Ивану III⁵⁸. 18 марта 1466 г., когда был заключен договор между Новгородом и ганзейскими городами о перемирии на два года, он снова был степенным посадником⁵⁹. В конце 1470 — первой половине 1471 г. Афанасий Остафьевич, будучи посадником, участвовал в заключении окончания с королем Казимиром⁶⁰. Наконец, 17 ноября 1475 г. он вместе с другими боярами встречал Ивана III во Влукоме, а 2 января 1476 г. давал пир в честь Ивана III. В обоих последних случаях летописец называет его с прозвищем Груз⁶¹.

Приведенными фактами исчерпываются все летописные и актовые сведения о посадниках 1440-х годов. Перейдем теперь к сопоставлению этих свидетельств со списком Ермолинского летописца.

Дополнения к Списку Б

Другие источники

118. Григорий Кириллович	Григорий Кириллович (до 1434) ⁶² , 1434—1436 гг.
119. Григорий Юрьевич	(Григорий Юрьевич, до 1434 г.)
120. Самсон Иванович	Самсон Иванович, 1434, 1448 гг.
121. Андрей Иванович	(Андрей Иванович, 1434—1435 гг.)
122. Федор Данилович	Федор Данилович, 1435 г.
123. Борис Юрьевич	Борис Юрьевич, 1435—1436 гг.
124. Иван Васильевич	Иван Васильевич, 1435 (1436—1437), 1442 гг.
125. Федор Олисиевич	Федор Олисиевич, (1437), 1441 гг.
126. Ананья Семенович	Ананья Семенович (не ранее 1439 г.)
127. Дмитрий Васильевич	Дмитрий Васильевич (1437—1438), 1448, 1450 гг.
128. Иван Лукинич	Иван Лукинич (1438), 1448, 1456, 1458, 1463, 1471 гг.

⁵⁵ ПСРЛ, т. IV, стр. 130; т. VI, стр. 200—205; т. VIII, стр. 182.

⁵⁶ ГВНиП, стр. 147, № 90.

⁵⁷ Там же, стр. 38, № 21; А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв., стр. 323.

⁵⁸ ПСРЛ, т. XVI, стр. 211.

⁵⁹ ГВНиП, стр. 127—129, № 76.

⁶⁰ Там же, стр. 129—132, № 77.

⁶¹ ПСРЛ, т. III, стр. 142; т. VI, стр. 17, 200, 204.

⁶² В скобках указаны сведения, которые выше реконструированы автором.

129. Исаак Андреевич	Исаак Андреевич, 1438—1439, 1453 гг.
130. Федор Яковлевич	Федор Яковлевич, 1446, 1456, 1459, 1462, 1466 гг.
131. Богдан Микитинич	
132. Есиф Андреевич	Есиф Андреянович, 1448, 1463 гг.
133. Есиф Григорьевич	Есиф Григорьевич, 1448, 1463 гг.
134. Есиф Яковлевич	
135. Иван Максимович	
136. Иван Лаврентьевич	
137. Богдан Есифович	Богдан Есифович, 1448, 1475 гг.
138. Захария Григорьевич	
139. Василий Степанович	Василий Степанович, 1446, 1456 гг.
140. Михайло Иванович	
141. Афанас Остафьевич	Афанасий Остафьевич, 1448, 1461, 1463, 1466, 1471, 1475—1476 гг.
142. Александр Васильевич	
143. Василий Александрович	
144. брат его Яков Короб	
145. Иван Немир	
146. Василий Глазоемцев	
147. Кузьма Григорьевич	
148. Михайло Семенов	
149. Александр Самсонов	
150. Федор Самсонов	

Снова мы убеждаемся в наличии последовательной хронологической основы перечисления посадничьих имен в Ермолинском списке. Посадники, начало деятельности которых восходит к 1440-м годам, занимают в списке промежуточное место между посадниками, избранными в 1430-х годах, и теми, имена которых в источниках 30-х и 40-х годов нам еще не встречались. Мы вторично получаем возможность убедиться в том, что Ермолинский список действительно включает только имена степенных посадников, перечисленных в очередности их избрания на степень.

Проследив порядок перехода степени вплоть до февраля 1439 г., мы уже знаем, что Федор Яковлевич (№ 130) не мог быть избран на степень ранее февраля 1439 г. С другой стороны, Афанасий Остафьевич (№ 141) был на степени в феврале — августе 1448 г., когда от его имени был заключен Наровский договор. Период с февраля 1439 г. по февраль 1448 г. охватывает 18 полугодовых сроков степенного посадничества. Этим 18 срокам в Ермолинском списке соответствует 11 посадничьих имен (№ 130—140), к которым следует добавить еще несколько. Нам известно, что в списке не на месте оказался Ананья Семенович (№ 126), который не мог стать посадником ранее февраля 1439 г. Кроме того, к указанному промежутку времени относится второе степенное посадничество Федора Олисиевича (№ 125), бывшего на степени не только в 1437, но и в 1441 г. В указанный промежуток времени было также не одно, а два степенных посадничества Есифа Григорьевича (№ 133). Актовые показания свидетельствуют о занятии им степени в августе 1447 — феврале 1448 г., но в Ермолинском списке его имя помещено ранее имени Афанасия Остафьевича, получившего степень в феврале 1448 г., будучи отделено от последнего семью другими именами, что говорит о том, что впервые на степени Есиф Григорьевич был не позднее 1444 г. Существует еще одно степенное посадничество, которое следует добавить к уже подсчитанным. Мы имеем в виду посадничество Сокиры в 1447 г. Теоретически

вполне возможно допустить, что посадник Сокира упомянут в списке. Ведь летописец не называет его имени, ограничившись только прозвищем, которое может принадлежать любому из названных в списке посадников. Однако такое допущение окажется невероятным, как только будет сделана попытка произвести отождествление.

Важным для этой цели документом оказывается докончальная грамота посадников Славенского конца с Иваном Губаревым о размежевании земли последнего с землями Саввино-Вишерского монастыря⁶³. Грамота сообщает о «докончании» Славенского конца с «Иваном Губаревым, с посадничьим братом, с Иваном Сокириным», называя его в дальнейшем Иваном Васильевичем Губаревым. Отсюда следует, что Иван Васильевич Губарев был братом посадника Сокиры, который, таким образом, тоже был Васильевичем. Памятуя, что Сокира умер в 1447 г., мы найдем среди посадников 1430-х и 1440-х годов только двух Васильевичей. Дмитрий Васильевич (№ 127) отпадает, поскольку он был участником Наровского съезда уже после смерти Сокиры. Он упоминается также и в более поздних документах 1450-х годов. Что касается Ивана Васильевича (№ 124), то он отпадает как двойной тезка Ивана Губарева. В дополнении к Списку Б по Ермолинскому летописцу нет имени, которое могло бы быть связано с именем Сокиры. По-видимому, Сокиру следует искать в основной части Списка Б, среди посадников, впервые избранных еще в первой четверти XV в., где встречается несколько Васильевичей: Тимофеем Васильевич (№ 102), Василий Васильевич (№ 103), Семен Васильевич (№ 108), Иван Васильевич (№ 109). Известно, например, что Григорий Данилович (№ 114), избранный в самом начале 1420-х годов, был посадником даже в 1456 г., когда принимал участие в заключении Яжелбицкого мира.

Таким образом, к 11 посадничьим именам, соответствующим 18 полугодовым срокам с февраля 1439 г. по февраль 1448 г., мы должны добавить по крайней мере еще четыре имени, главным образом за счет вторых занятий степени. Остальные три срока могли принадлежать другим посадникам, также приходившим на степень вторично. Важно, что число имен не превосходит числа возможных полугодовых сроков.

Признав, что в Ермолинском списке содержатся только имена степенных посадников, перечисленные в соответствии с датами их первого избрания на степень, мы можем теперь предложить реконструкцию хронологической таблицы степенных посадников в 1440-х годах. Основой таблицы является порядок изложения имен в Ермолинском списке. Истинное место в списке Ананьи Семеновича мы определяем на том основании, что в Ермолинском списке его имя помещено после Федора Олисиевича, который вторично занимал степень в 1441—1442 гг. Поскольку для указанных выше 18 полугодовых сроков мы располагаем сведениями лишь о посадниках, владевших в общей сложности 15 сроками, теоретически возможны несколько вариантов таблицы с точностью до полутора—двух с половиной лет. Мы показываем два крайних варианта, иными словами, определяем пределы возможного хронологического колебания в установлении дат занятия степени каждым посадником.

129. Исаак Андреевич	VIII. 1438—II. 1439	129. Исаак Андреевич
130. Федор Яковлевич	II. 1439—VIII. 1439	?
131. Богдан Микитинич	VIII. 1439—II. 1440	?
132. Есиф Андреевич	II. 1440—VIII. 1440	?
133. Есиф Григорьевич	VIII. 1440—II. 1441	130. Федор Яковлевич

⁶³ ГВНИП, стр. 172, № 112.

134. Есиф Яковлевич	II. 1441—VIII. 1441	131. Богдан Микитинич	VIII. 1441—II. 1442
125. Федор Олисиевич	II. 1442—VIII. 1442	125. Федор Олисиевич	II. 1442—VIII. 1442
126. Ананья Семенович	VIII. 1442—II. 1443	126. Ананья Семенович	VIII. 1442—II. 1443
135. Иван Максимович	II. 1443—VIII. 1443	132. Есиф Андреевич	II. 1443—VIII. 1443
136. Иван Лаврентьевич	VIII. 1443—II. 1444	133. Есиф Григорьевич	II. 1443—VIII. 1443
137. Богдан Есифович	II. 1444—VIII. 1444	134. Есиф Яковлевич	VIII. 1443—II. 1444
138. Захарья Григорьевич	VIII. 1444—II. 1445	135. Иван Максимович	II. 1444—VIII. 1444
139. Василий Степанович	II. 1445—VIII. 1445	136. Иван Лаврентьевич	VIII. 1444—II. 1445
140. Михайло Иванович	VIII. 1445—II. 1446	137. Богдан Есифович	II. 1445—VIII. 1445
?	II. 1446—VIII. 1446	138. Захарья Григорьевич	VIII. 1445—II. 1446
?	VIII. 1446—II. 1447	139. Василий Степанович	II. 1446—VIII. 1446
?	II. 1447—VIII. 1447	140. Михайло Иванович	VIII. 1446—II. 1447
Сокира	VIII. 1447—II. 1448	Сокира	II. 1447—VIII. 1447
133. Есиф Григорьевич	II. 1448—VIII. 1448	133. Есиф Григорьевич	VIII. 1447—II. 1448
141. Афанасий Остафьевич		141. Афанасий Остафьевич	II. 1448—VIII. 1448

Приведем несколько примеров чтения таблицы. Федор Яковлевич (№ 130) впервые получил степень на полугодовой срок между февралем 1439 г. и февралем 1441 г. Есиф Андреевич (№ 132) полгода занимал степень между февралем 1440 г. и февралем 1443 г. и т. д. Бóльшая степень точности при анализе существующих источников, к сожалению, не может быть достигнута.

ПОСАДНИКИ 1450-х годов

К первой половине 1450-х годов относятся два упоминания в источниках посадничьих имен. 1 марта 1450 г. был заключен договор Великого Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на семь лет. В грамоте, фиксирующей этот договор, степенным посадником назван Дмитрий Васильевич⁶⁴. Под 1453 г. в летописи упоминается степенный посадник Исаак Андреевич⁶⁵. Оба посадника нам уже хорошо известны. Дмитрий Васильевич (№ 127) был степенным еще в 1437—1438 гг. Исаак Андреевич (№ 129) избирался на степень в 1438—1439 гг.

Ряд посадничьих имен назван также в летописном рассказе и документе, связанных с размирьем и заключением Яжелбицкого договора в 1456 г. Поход Василия Темного на Новгород в 1456 г. начался в первых числах февраля. Первый удар — по Русе — был нанесен 2 февраля («в понедельник на сырной недели»). В тот же день в Новгороде собирается рать на москвичей, возглавленная посадником Иваном Лукиничем Щоккой и тысяцким Василием Пантелеевичем⁶⁶. Летописец не называет их степенными, но это подразумевается контекстом рассказа и подтверждается в дальнейшем прямыми показаниями Яжелбицкого договора. Во время решающего дела столкновения в Русе 3 февраля был убит Есиф Васильевич Носов, которого Псковская летопись называет посадником, и взят в плен посадник Михаил Туча, названный в Воскресенской летописи «посадником их болшим»⁶⁷. Мир в Яжелбицах был заключен до 24 февраля (архиепископ Евфимий после заключения мира вернулся в Новгород в среду третьей недели поста, т. е. 24 февраля)⁶⁸. Мирные гра-

⁶⁴ ГВНИП, стр. 124, № 74.

⁶⁵ ПСРЛ, т. XIII, стр. 155.

⁶⁶ ПСРЛ, т. XVI, стр. 194.

⁶⁷ ПСРЛ, т. VIII, стр. 146; т. XVI, стр. 195; «Псковские летописи», вып. I, стр. 53; вып. II, стр. 49, 141.

⁶⁸ ПСРЛ, т. XVI, стр. 196.

моты составлены от имени посадника новгородского Ивана Лукинича и тысяцкого новгородского Василия Пантелеевича посадниками Григорием Даниловичем, Федором Яковлевичем, Василием Степановичем, тысяцкими Яковом Ивановичем и Василием Пантелеевичем, а от житых — Афанасием Микуличем, Иваном Юрьевичем, Яковом Ивановичем, Еремеем Кузьмичем и Василием Захарьиничем⁶⁹.

Мы обращаем особое внимание на точные даты, поскольку из них следует, что Иван Лукинич был степенным посадником в августе 1455 г. — феврале 1456 г. Так как он был на степени уже в первые дни февраля, его степенное посадничество в 1456 г. нельзя считать только что начавшимся. Однако Иван Лукинич остается степенным и на следующий полугодовой срок с февраля по август 1456 г. К такому выводу мы приходим на основании наблюдений над грамотой Великого Новгорода Василию Темному об окончательной расплате по Яжелбицкому миру⁷⁰. Указанная грамота относится ко времени не ранее марта 1456 г., т. е. к тому периоду, когда обновление степени уже должно было совершиться. Между тем эта грамота утверждена «печатию посадничею степенного Ивана Лукинича и тысяцкого степенного печатию Михаиловою Андреевича». Во время очередных выборов в конце февраля или в начале марта 1456 г. был заменен только степенный тысяцкий, а степенным посадником остался Иван Лукинич.

Остальные посадники, упомянутые в яжелбицких грамотах, нам хорошо известны. Григорий Данилович был одним из патриархов в посадничестве. Его имя упоминается в основной части Списка Б (№ 114), он был избран на посадничество впервые еще в 1423 г. Федор Яковлевич назван в Ермолинском списке (№ 130) и был на степени около 1439—1441 гг. Василий Степанович также назван в Ермолинском списке (№ 139) и был на степени около 1444—1446 гг.

Под 1458 г. в летописи снова упоминается посадник Иван Лукинич, посланный новгородцами к королю Казимиру в Литву «прошать князя на пригороде»⁷¹. Наконец, под 1459 г. летописец рассказывает о поездке владыки Ионы на поставление в Москву. Иона выехал из Новгорода 11 января в сопровождении посадников Федора Яковлевича и Ивана Афанасьевича, тысяцкого Василия Александровича Казимира и представителей от житых — Афанасия Микулинича Кукаса, Киприяна Арзубьева⁷².

Приведенными фактами исчерпываются все датирующие свидетельства о посадниках 1450-х годов. Существует, однако, еще один документ 1450-х годов, упоминающий посадниче имя, но датированный суммарно. Имеем в виду жалованную грамоту Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю на беспрошлинный провоз товаров по Двине, составленную по благословиению архиепископа Евфимия от имени посадника Великого Новгорода Дмитрия Васильевича и тысяцкого Великого Новгорода Михаила Андреевича⁷³. Издатели ГВНиП датируют ее 1448—1454 гг., основываясь на датах святительства Евфимия (1434—1458 гг.), посадничества Дмитрия Васильевича (1448—1454 гг.) и игуменства в Троице упомянутого в акте Мартиниана (1447—1454 гг.). Мы уже видели, что начало посаднической деятельности Дмитрия Васильевича следует относить к более раннему времени; он был на степени уже в 1437—1438 гг. Поэтому рамки формальной датировки должны быть раздвинуты до 1447—1454 гг.

⁶⁹ ГВНиП, стр. 39—43, № 22—23.

⁷⁰ Там же, стр. 43—44, № 24.

⁷¹ ПСРЛ, т. XVI, стр. 198.

⁷² Там же.

⁷³ ГВНиП, стр. 150, № 95.

(годы игуменства Мартиниана) и снова сужены до 1448—1454 гг., так как вторично Дмитрий Васильевич мог прийти на степень не ранее августа 1448 г. (см. таблицу на стр. 287). Между тем в указанных пределах было не только достоверное степенное посадничество Дмитрия Васильевича в февралю — августе 1450 г., но в этот период он также сосуществовал со степенным тысяцким Михаилом Андреевичем, как это следует из показаний договорной грамоты Новгорода с ганзейскими городами 1 марта 1450 г.⁷⁴ Это совпадение позволяет относить жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю к февралю — августу 1450 г.

Сравнение приведенных здесь показаний летописи и актов с показаниями Ермолинского списка еще раз подтверждает правильность вывода об общем характере Ермолинского списка, включающего только имена степенных посадников и перечисляющего эти имена в соответствии с датами избрания посадников на степень.

В предыдущем разделе мы довели рассмотрение Ермолинского списка до имени Афанасия Остафьевича, избранного на степень в февралю 1448 г. Вся следующая за этим именем заключительная часть списка относится к более позднему времени. Как легко убедиться, в ней вовсе нет таких новых посадничьих имен, появление которых было бы связано с 1450-ми годами. В заключительной части списка названы такие имена:

142. Александр Васильевич	147. Кузьма Григорьевич
143. Василий Александрович	148. Михайло Семенов
144. брат его Яков Короб	149. Александр Самсонов
145. Иван Немир	150. Федор Самсонов.
146. Василий Глазоомцев	

Если об Александре Васильевиче (№ 142) нет никаких других сведений, то некоторые материалы для датировки начала посаднической деятельности Василия Александровича (№ 143) имеются. Василий Александрович Казимир, или Казимер, впервые упоминается в летописи под 1456 г. как один из новгородцев, наиболее отличившихся в бою под Русой 3 февраля. В этом рассказе он назван без титула⁷⁵. Следующее упоминание о нем относится к 1459 г., когда 11 января он, будучи новгородским тысяцким, сопровождал в Москву владыку Иону⁷⁶. Это сообщение позволяет настаивать на том, что Василий Казимир не мог стать посадником до 1459 г. Прямые указания на его посадничество относятся к сравнительно позднему времени. С посадничьим титулом он упоминается в летописи под 1471, 1476 и 1478 гг.⁷⁷

Яков Александрович Короб (№ 144) впервые упоминается под 1471 г., когда его имени уже сопутствует посадничий титул. В дальнейшем его посадничество засвидетельствовано летописным рассказом 1475—1476 гг.⁷⁸ Отождествляемый с Иваном Афанасьевичем Иван Немир (№ 145) впервые назван посадником под 1459 г. и посадничает до 1476 гг.⁷⁹ Он был посадником уже в то время, когда Василий Казимир еще оставался тысяцким. Однако, несмотря на то что в Ермолинском

⁷⁴ Там же, стр. 124, № 74.

⁷⁵ ПСРЛ, т. XVI, стр. 195.

⁷⁶ Там же, стр. 198.

⁷⁷ ПСРЛ, т. III, стр. 192; т. IV, стр. 241, 251; т. V, стр. 36; т. VI, стр. 15—16, 193, 200—204, 219; т. VIII, стр. 165—166, 197—198.

⁷⁸ ГВНИП, стр. 44—51, № 25—27; ПСРЛ, т. III, стр. 142; т. VI, стр. 16—17, 200—219; т. VIII, стр. 182—198.

⁷⁹ ПСРЛ, т. XVI, стр. 198; т. IV, стр. 130, 228, 251; т. VI, стр. 18, 33, 201—205; т. VIII, стр. 182.

списке Казимир назван ранее Немира, это обстоятельство не принадлежит к числу противоречивых. Иван Афанасьевич стал посадником раньше Василия Александровича, но это не значит, что и степень он занял раньше Казимира. Показания Ермолинского списка заставляют относить первое степенное посадничество Ивана Афанасьевича уже к 1460-м годам.

Василий Глазоемцев (№ 146) известен летописцу только под 1475 г.⁸⁰ Кузьма Григорьевич (№ 147) в летописи упоминается под 1471, 1475, 1476 и 1477 гг., всякий раз с титулом посадника; в 1477 г. он был убит на вече⁸¹. Михаил Семенович (№ 148) был степенным посадником в 1470-х годах⁸². Александр Самсонович (№ 149) с посадничьим титулом назван в 1472, 1475 и 1476 гг.⁸³ Наконец, Федор Самсонович (№ 150) в летописи и актах не упоминается, однако к 1475 г. его, видимо, уже не было в живых, так как в числе новгородских бояр, встречавших Ивана III, назван только его сын Семен⁸⁴.

Перечисляя все эти факты, связанные с деятельностью посадников заключительной части Ермолинского списка, мы видим, что они не противоречат общему выводу о том, что на протяжении 1450-х годов список не пополнялся именами новых степенных посадников. Между именами Афанасия Остафьевича, ставшего степенным в 1448 г., и Василия Александровича, бывшего тысяцким еще в 1459 г., имеется лишь имя Александра Васильевича, о котором ничего не известно и который один только может быть в какой-то степени связан с посадничеством 1450-х годов.

Можно было бы предполагать, что эта особенность списка объясняется пробелом в изложении имен. Однако, чтобы подтвердить такое предположение, мы должны доказать, что на протяжении 1450-х годов существовали степенные посадники, не включенные в список. Таких фактов, как мы уже видели, не существует. Гораздо реальнее предположить, что на протяжении 1450-х годов на посадничьей степени не появлялись новые лица, что 1450-е годы являются временем многочисленных повторных посадничеств тех бояр, имена которых уже попали в список в связи с их предшествующими занятиями степени. В самом деле, все сведения о степенных посадниках 1450-х годов, которыми мы располагаем, являются сведениями о хорошо нам известных боярах, записанных в тех частях Ермолинского списка, которые сложились до 1450 г. В феврале — августе 1450 г. на степени был Дмитрий Васильевич (№ 127), в 1453 г. — Исаак Андреевич (№ 129), в августе 1455 г. — феврале 1456 г. и затем в феврале — августе 1456 г. — Иван Лукинич (№ 128). Политическая жизнь Новгорода в 1450-х годах тесно связана с именами посадников Григория Даниловича, Федора Яковлевича, Василия Степановича, уже приходивших к власти задолго до 1450 г.

Среди посадников, упомянутых в источниках 1450-х годов, есть один не включенный в Ермолинский список, однако этот посадник не был степенным. Речь идет о Есифе Носове. В уже цитированном сообщении о битве 3 февраля 1456 г. говорится, что москвичи «убиша посадника новгородского Есифа Носова и инех добрых людей побиша много, а Михаила Тучю посадника новгородского руками изымаша». Михаил Туча в Воскресенской летописи называется «посадником их болшим» и, по-видимому, может быть отождествлен с Михаилом Ивановичем (№ 140), бывшим на степени около 1445—1447 гг. Что касается Есифа Носова, то в списках для близкого времени названо несколько Есифов (Есиф Анд-

⁸⁰ ПСРЛ, т. VI, стр. 201.

⁸¹ ПСРЛ, т. III, стр. 142; т. VI, стр. 17, 200—206; т. VIII, стр. 165—184.

⁸² ГВНИП, стр. 156, № 101.

⁸³ ПСРЛ, т. III, стр. 142; т. VI, стр. 17, 201, 204; т. VIII, стр. 169.

⁸⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 201.

реевич— № 132; Есиф Григорьевич— № 133; Есиф Яковлевич — № 134), однако ни один из них не может быть отождествлен с Есифом Носовым, так как летопись Авраамки называет его Есифом Васильевичем⁸⁵.

Боярин с именем Есиф Васильевич без титула упомянут еще в летописном рассказе 1435 г.⁸⁶ С другой стороны, нам известно, что все три Есифа Ермолинского списка пережили 1456 г. Есиф Григорьевич и Есиф Андреянович были живы в 1463 г., когда сгорели их дворы⁸⁷. Есиф Яковлевич умер в 1466 г., во время мора⁸⁸. Есиф Носов действительно не включен в Ермолинский список, но он, по-видимому, никогда и не был степенным.

Обосновывая вывод о том, что заключительная часть Ермолинского списка включает только имена степенных посадников, мы должны одновременно показать, что и имена некоторых других посадников того же периода оказались вне списка, поскольку эти посадники на степени не были. Необходимые в этой связи наблюдения могут быть сделаны при изучении проблемы датировки уже упоминавшейся докончальной грамоты славенских посадников⁸⁹.

Издатели ГВНиП датировали эту грамоту 1436—1456 гг. на том основании, что названные в числе славенских посадников этого документа Иван Максимович и Василий Степанович упоминаются в других источниках между 1436 и 1456 гг. Обе эти даты не совсем точны. Иван Максимович действительно назван в летописи впервые под 1436 г., однако в этом случае при его имени еще нет посадничьего титула⁹⁰. Одно из «ранних» упоминаний Ивана Максимовича связано с духовной Федора Остафьевича Своземцева на имущество в Ловоти, Кокшенгском погосте, Бежицах и других местах, где посадники Федор Алексеевич, Иван Максимович и Иван Афанасьевич названы душеприказчиками завещателя⁹¹. Духовная Федора Остафьевича несет на себе помету шенкурского протопопа Ивана Розова: «Лета 6943. Сообразуясь с словарем о князьях Российских, лета под вышеописанными статьями написал Шенгкурскаго Благовещенского собора протопоп Иван Розов. 1786-го года 12 июня, Шенгкурск». Условно, на основании этой пометы, и датируется духовная.

Между тем в фантастичности этой даты легко убедиться. Среди душеприказчиков Федора Остафьевича кроме названных посадников были также тысяцкий Яков Игнатьевич, господин Киприян Григорьевич и «вся великая улица Нутная». Посадник Федор Алексеевич в других источниках неизвестен. Иван Афанасьевич был посадником в 1459 г., когда проводил владыку Иону на поставление в Москву. В 1464 г., будучи посадником, он снова едет в Москву с жалобой Ивану III на Псков. В 1475 г. встречается Иван III вместе с другими боярами в Рыдыне, а затем схвачен Иваном III за то, что «мыслил Великому Новгороду датися за короля», и отправлен в Москву. В 1476 г. за него тщетно хлопотал архиепископ Феофил⁹². Тысяцкий Яков Игнатьевич также хорошо известен летописцу. В 1463 г. его «повелением и тицанием» была заложена церковь Нерукотворенного Образа на Поле. В рассказе о строительстве он назван тысяцким Великого Новгорода; летописец также сообщает его прозвище — «словутный Лозьев»⁹³. Под 1469 г. рассказывается о смерти Якова

⁸⁵ ПСРЛ, т. XVI, стр. 194—195.

⁸⁶ НПЛ, стр. 417; ПСРЛ, т. IV, стр. 121; т. XVI, стр. 179.

⁸⁷ ПСРЛ, т. XVI, стр. 214.

⁸⁸ Там же, стр. 219.

⁸⁹ ГВНиП, стр. 172, № 112.

⁹⁰ ПСРЛ, т. III, стр. 112; т. IV, стр. 121; т. XVI, стр. 180.

⁹¹ ГВНиП, стр. 171, № 111.

⁹² ПСРЛ, т. XVI, стр. 198; т. IV, стр. 130, 228, 251; т. VI, стр. 18, 33, 201—205; т. VIII, стр. 182.

⁹³ ПСРЛ, т. XVI, стр. 212.

Лозьева 3 марта, причем в этом случае он называется посадником Яковом⁹⁴. Что касается Киприяна Григорьевича, то боярин с таким именем известен летописцу под 1475 г.⁹⁵

Все эти даты говорят в пользу весьма поздней датировки духовной Федора Остафьевича и согласуются с показаниями Ермолинского списка, в котором Иван Максимович назван среди посадников 1440-х годов, а Иван Афанасьевич, отождествляемый с Иваном Немиром (№ 145), — среди посадников еще более позднего времени.

Вполне очевидно также, что духовная Федора Остафьевича является более поздним документом, нежели dokonчание Славенского конца с Иваном Губаревым. Связь Федора Остафьевича с Нутной улицей, находившейся в Славенском конце, и прямое указание духовной позволяют считать в всех его душеприказчиках гражданами Славенского конца. Между в славенском dokonчании с Иваном Губаревым перечислены все восемь посадников, однако среди них есть только Иван Максимович и сам завещатель Федор Остафьевич, но нет ни Федора Алексеевича, ни Ивана Афанасьевича. В момент заключения dokonчания Федор Алексеевич и Иван Афанасьевич еще не были посадниками.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что оба свидетельства о посадничестве Ивана Максимовича в 1435—1436 гг., привлеченные издателями ГВНиП для датировки dokonчания с Иваном Губаревым, неверны. Практически самым ранним упоминанием посадничества Ивана Максимовича и Василия Степановича является свидетельство Ермолинского списка, который помещает обоих посадников в окружение других лиц, получавших степень в 1440-х годах.

Поздняя дата, предложенная издателями ГВНиП для dokonчания славенских посадников, также далеко не бесспорна. Мы видели, что в духовной Федора Остафьевича имя Ивана Максимовича упомянуто среди имен посадников и тысяцких 1460-х годов. Что касается Василия Степановича, то последнее упоминание о нем в источниках около 1456 г. не является сообщением о его смерти. Как мы уже видели, он умер в конце 1460-х годов, хотя до этого и принял пострижение. Формально младшим рубежом dokonчания с Иваном Губаревым должен быть признан 1459 г., когда впервые упоминается славенский посадник Иван Афанасьевич, имя которого в dokonчании отсутствует.

Если дата dokonчания с Иваном Губаревым относится к 1440-м — 1450-м годам, то тем самым мы получаем возможность датировать целую серию посадничьих имен, которые отсутствуют в Ермолинском списке. Среди славенских посадников этого документа названы: Иван Максимович, Василий Степанович, Федор Остафьевич, Мина Власевич, Иван Тимофеевич, Юрий Терентьевич, Василий Терентьевич, Василий Иванович. Только два первых имени имеются в Ермолинском списке, остальных шести в нем нет. Мы видим, что в самом деле Ермолинский список называет не всех посадников, ограничиваясь лишь теми, которые избирались на степень. В этом отношении показательно, что список славенских посадников в dokonчании с Иваном Губаревым открывается именами как раз тех двух посадников, которые, в отличие от остальных, названы и в Ермолинском списке и, таким образом, принадлежали к числу побывавших на степени.

Можно назвать еще одно посадничье имя, относящееся ко второй четверти XV в. и отсутствующее в Ермолинском списке. Мы имеем в виду посадника Терентия, который был автором данной Богсродицкой церкви

⁹⁴ ПСРЛ, т. XVI, стр. 224.

⁹⁵ ПСРЛ, т. IV, стр. 201.

на землю на Княжеострове⁹⁶. Терентий, вероятно, является отцом посадников Юрия и Василия Терентьевичей, названных в славенском докончании. Его данная может быть датирована временем после 1423 г., но ранее славенского докончания с Иваном Губаревым.

Выше мы неоднократно говорили о возможности хронологического разрыва между основной частью Списка Б, составленной в 1423 г., и дополнениями к нему по Ермолинскому летописцу, начало формирования которых относится к 1430-м годам. Допустимо предполагать, что степень в 1420-х и начале 1430-х годов занималась поочередно теми посадниками, которые были избраны не позднее 1423 г. Поскольку их имена уже были в основной части Списка Б, составитель дополнений Ермолинского летописца начал свой список именем первого степенного посадника, избранного после 1423 г., и таким посадником оказался Григорий Кириллович.

ПОСАДНИКИ 1460-х и 1470-х годов

Посадничество 1460-х годов — наименее освещенный свидетельствами источников период. Для выводов, касающихся этого времени, наибольшее значение приобретают показания Ермолинского списка, которые могут быть сопоставлены со сведениями о степенных посадниках 1470-х годов. Такое сопоставление в конечном счете поможет определить поздний хронологический рубеж Ермолинского списка и дать хотя бы приблизительное определение дат избрания на степень посадников, перечисленных в его заключительной части.

Рассмотрим прежде всего летописные показания о посадниках 1460-х годов. В рассказе о событиях осени 1460 г. летопись сообщает о приезде в Псков новгородского посла посадника Карпа Савинича⁹⁷. В начале 1461 г., между 6 января и 1 февраля, в Новгороде был заключен пятилетний мир между Новгородом, Псковом и немцами, подкрепленный с новгородской стороны крестоцелованием степенного посадника Ивана Лаврентьевича⁹⁸. К 1462 г. относится сообщение о пожаре 7 декабря на Волосове и Добрыне улицах, во время которого сгорели дворы посадника Федора Яковлевича и его сына тысяцкого Луки Федоровича⁹⁹. 22 декабря того же года в Москву к Ивану III отправилось мирное посольство владыки Ионы, в которое входили посадники Иван Лукинич, Захария Григорьевич и Афанасий Остафьевич¹⁰⁰. 28 августа 1463 г. сгорели дворы Есифа Григорьевича и Есифа Андреяновича¹⁰¹.

18 марта 1466 г. в Новгороде был подписан договор с ганзейскими городами о перемирии на два года, утвержденный степенным посадником Афанасием Остафьевичем¹⁰². В том же году 8 сентября во время мора умерли посадники Федор Яковлевич и его брат Есиф¹⁰³. 7 октября 1467 г. в Новгороде умер Иван Григорьевич, смерть которого упомянута летописцем в связи с рассказом о постройке им обыденной церкви в Зверинецком монастыре¹⁰⁴. Летописец в этом рассказе не называет Ивана Григорьевича посадником, однако под 1475 г. в числе бояр, встречавших Ивана III, упомянут посадничий сын «Юрья Иванов сын Григорьева»¹⁰⁵.

⁹⁶ ГВНИП, стр. 264, № 253.

⁹⁷ «Псковские летописи», вып. I, стр. 56; вып. II, стр. 50, 145.

⁹⁸ ПСРЛ, т. XVI, стр. 204.

⁹⁹ Там же, стр. 211.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, стр. 214.

¹⁰² ГВНИП, стр. 127—129, № 76.

¹⁰³ ПСРЛ, т. XVI, стр. 219.

¹⁰⁴ Там же стр. 220—221.

¹⁰⁵ ПСРЛ, т. VI, стр. 201.

Наконец, под 1469 г. в летописи сообщается о смерти Якова Игнатьевича «словутного Лозьева», названного посадником¹⁰⁶. В 1463 г. Яков Лозьев был еще тысяцким¹⁰⁷.

К рассматриваемому времени относятся еще два суммарно датированных документа. Жалованная грамота Великого Новгорода Соловецкому монастырю на Соловецкий и другие острова датируется 1459—1469 гг. по упоминанию в ней соловецкого игумена Ионы¹⁰⁸. Она составлена от имени степенного посадника Ивана Лукинич и степенного тысяцкого Труфана Юрьевича. Духовная Федора Остафьевича Своеземцева¹⁰⁹ должна быть датирована 1460-ми годами по упоминанию в ней посадника Ивана Афанасьевича, о посадничестве которого известно начиная с 1459 г., и тысяцкого Якова Игнатьевича, который стал посадником между 1463 и 1469 гг. Впрочем, эта грамота может относиться и к концу 1450-х годов, так как дата избрания Ивана Афанасьевича в посадники точно неизвестна. Напомним, между прочим, что в духовной упомянут еще посадник Федор Алексеевич, неизвестный в других источниках. Этот Федор Алексеевич назван дядей завещателя и, следовательно, человеком более пожилым, нежели сам Федор Остафьевич. Нельзя ли его отождествлять с посадником Федором Олисиевичем? Ведь духовная сохранилась только в копии XVII в., где отчество посадника могло быть искажено.

Мы видим, что памятники 1460-х годов не дают каких-либо указаний, которые могли бы оказаться полезными для датировки заключительной части Ермолинского списка. Три степенных посадника, сведения о которых сохранились в источниках этого времени, в 1460-х годах приходили на степень не впервые. Иван Лаврентьевич (№ 136) был на степени около 1443—1445 гг., Иван Лукинич (№ 128) — в 1438 и в 1455—1456 гг., Афанасий Остафьевич (№ 141) — в 1448 г.

В поисках позднейшего хронологического рубежа Ермолинского списка нам следует теперь рассмотреть имена степенных посадников 1470-х годов.

В августе 1471 г. посадничью степень в Новгороде занимал Тимофей Остафьевич. От его имени и от имени степенного тысяцкого Василия Максимовича заключены договорные грамоты Новгорода с Иваном III 11 августа 1471 г.¹¹⁰ Из двух возможных сроков степенного посадничества в августе 1471 г. ему принадлежал срок с февраля по август. В этом убеждает косвенное показание проекта договорной грамоты Новгорода с Казимиром IV. Последний издателями ГВНИП датирован 1470—1471 гг., а А. А. Зиминым — более точно, промежуток времени от 15 ноября (декабря) 1470 г., когда был избран на кафедру упомянутый в грамоте Феофил, до 14 июля 1471 г., когда был взят в плен упомянутый в грамоте посадник Дмитрий Исакович Борецкий¹¹¹. Предпочтительной датой А. А. Зимин считает июнь 1471 г. Мы можем утверждать, что проект договора в самом деле был составлен между февралем и июлем 1471 г. В сохранившемся списке договора оказалось пропущенным имя степенного посадника, однако степенным тысяцким в нем назван Василий Максимович, который, как мы видели, оставался на степени и в начале августа 1471 г. Эти наблюдения позволяют уточнить дату новгородской грамоты Двинской земле о сложении крестоцелования на подданство

¹⁰⁶ ПСРЛ, т. XVI, стр. 224.

¹⁰⁷ Там же, стр. 212.

¹⁰⁸ ГВНИП, стр. 152—153, № 96.

¹⁰⁹ Там же, стр. 171, № 111.

¹¹⁰ ГВНИП, стр. 45—51, № 26—27.

¹¹¹ Там же, стр. 130—132, № 77; А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв., стр. 324—326.

Новгороду земель, отходящих во владение Ивана III¹¹². Издатели ГВНИП, вслед за Н. М. Карамзиным, датируют ее промежутком времени от августа 1471 г. до 15 декабря того же года. Однако авторами грамоты были степенный посадник Тимофей Остафьевич и степенный тысяцкий Василий Максимович, полномочия которых оканчивались в августе 1471 г. По-видимому, грамота Двинской земле принадлежит к числу документов, выработанных в начале августа 1471 г. совместно с другими коростынскими актами¹¹³.

18 ноября 1475 г. в Рыдыне на реке Холове Ивана III встречал вместе с другими наиболее именитыми боярами степенный посадник Василий Ананьич¹¹⁴. 26 ноября он был арестован Иваном III по жалобе Славковой и Микитиной улиц и отправлен в Москву. Новгородская IV летопись сообщает, что Василий Ананьич на степени был заменен Фомой Андреевичем Курятником¹¹⁵. Действительно, летописец рассказывает о том, как 11 января 1476 г. «великому князю ударили челом Фома степенный посадник да тысяцкой Василий Есипов, от всего Великого Новгорода явили 1000 рублей»¹¹⁶. В промежутке от 26 ноября 1475 г. до 11 января 1476 г. в летописи содержится сообщение о пире Ивана III 19 декабря 1475 г. «у посадника у степенного у Василья Есипова»¹¹⁷. Последний известен нам как степенный тысяцкий 18 ноября 1475 г. (в этот день он встречал Ивана III вместе со степенным посадником Василием Ананьичем) и 11 января 1476 г. В. Н. Бернадский предполагал, что после ареста Василия Ананьича и до избрания на степень Фомы Курятника обязанности степенного посадника выполнял степенный тысяцкий, который поэтому и поименован посадником 19 декабря 1475 г.¹¹⁸ Однако более вероятно, что в летописном рассказе Василий Есифович назван степенным посадником ошибочно; он должен быть признан тысяцким и между 26 ноября и 11 января.

В конце ноября 1477 г. и вплоть до официальной ликвидации Новгородской республики 15 января 1478 г. степенным посадником в Новгороде был Фома Андреевич Курятник¹¹⁹, от имени которого ведутся последние в истории боярского Новгорода переговоры с великим князем.

Еще одно имя степенного посадника содержит жалованная грамота Новгорода Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинный провоз товаров по Двине¹²⁰. Эта грамота условно датируется 1476—1477 гг. Дата содержится в самом тексте документа, однако в подлиннике цифра единиц в ней не сохранилась. В жюлии конца XVII в. дата обозначена как 6985. Жалованная грамота исходит от степенного посадника Михаила Семеновича и степенного тысяцкого Федора Лукинича, время пребывания которых на степени, основываясь на такой дате акта, приходится относить к какому-то периоду между 1 сентября 1476 г. (если дата обозначена по сентябрьскому циклу) и 1 марта 1478 г. (если употреблен мартовский цикл), точнее — между 1 сентября 1476 г. и августом 1477 г., поскольку в позднейшее время степень безусловно принадлежала Фоме Курятнику.

В том случае, если реконструкция даты в грамоте неверна, датировка документа несколько расширится. В ее основу может быть положено

¹¹² ГВНИП, стр. 154, № 98.

¹¹³ Отметим, что на грамоте имеется карандашная помета П. М. Строева: «1471. 11/VIII».

¹¹⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 201.

¹¹⁵ ПСРЛ, т. IV, стр. 251; т. VI, стр. 202—204.

¹¹⁶ ПСРЛ, т. III, стр. 142; т. VI, стр. 17, 204.

¹¹⁷ ПСРЛ, т. III, стр. 142; т. VI, стр. 16, 204.

¹¹⁸ См. В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля, стр. 362.

¹¹⁹ ПСРЛ, т. VI, стр. 210; т. VIII, стр. 188.

¹²⁰ ГВНИП, стр. 156, № 101.

упоминание троицкого игумена Авраамия, которому адресована грамота. Игуменство Авраамия продолжалось с 1474 по 1478 г., причем оно началось не ранее осени 1474 г.¹²¹. Углубляя датировку до осени 1474 г., мы в промежутке от 1474 до 1478 г. можем отметить две возможные даты составления акта. Одна из них — август 1476 г.— август 1477 г.— уже названа выше. Другой датой может быть только срок между сентябрем 1474 г. и августом 1475 г., поскольку с августа 1475 г. по август 1476 г. степенными посадниками были Василий Ананьич, а потом Фома Курятник, но не Михаил Семенович. Вторая датировка (1474—1475 гг.) является предпочтительной, так как Михаил Семенович назван в заключительной части Ермолинского списка, т. е. он был посадником уже в 1460-х годах, но его имя отсутствует в летописном рассказе конца 1475 г. о встрече Ивана III новгородскими боярами. Этот рассказ называет десятки имен новгородских посадников, тысяцких и крупнейших бояр, бывших в живых к моменту приезда Ивана III. Следует отметить, что В. Н. Бернадский, по-видимому, относил жалованную грамоту к 1475 г., так как степенное посадничество Михаила Семеновича он датирует именно 1475 г.¹²², однако аргументация этого исследователя нам, к сожалению, осталась неизвестной.

Таким образом, хронологическая таблица степенных посадников 1470-х годов, оставаясь весьма фрагментарной, реконструируется следующим образом:

II.1471 — VIII.1471 г.	— Тимофей Остафьевич;
VIII.1471 — VIII.1474 гг.	— (6 полугодовых сроков) — ?
VIII.1474 — VIII.1475 гг.	— (2 срока), один из этих сроков, вероятно, принадлежал Михаилу Семеновичу;
VIII.1475 — XI.1475 г.	— Василий Ананьич;
I(?).1476 — VIII.1476 г.	— Фома Андреевич;
VIII.1476 — VIII.1477 гг.	— (2 срока) — ?
VIII.1477 — I.1478 гг.	— Фома Андреевич.

В. Н. Бернадским был предложен другой вариант хронологической таблицы степенных посадников 1470-х годов, который отличается от нашего тем, что в нем названы еще одно степенное посадничество Фомы Андреевича в 1474 г. и степенное посадничество Захарии Овина в 1477 г.¹²³. Оба этих посадничества не только недостоверны, но и невозможны вообще. Говоря о посадничестве Фомы Курятника в 1474 г., В. Н. Бернадский, по-видимому, опирался на показания договорной грамоты Новгорода и Пскова с епископом юрьевским о перемирии на 30 лет, утвержденной 13 января 1474 г.¹²⁴. В этом документе, скрепленном от имени Новгорода посадником Фомой Андреевичем и послом Окинфом Васильевичем, имя посадника Фомы действительно выделено, однако он титулуется там не степенным, а «воеводой Великого Новгорода у Великому Пскове, посадником». Согласно сообщению псковских летописей, в 1474 г. «приехала ко Пскову сила новгородская в помощь на Немци, а воеводоу в них был посадник новгородскеи Фома Андре-

¹²¹ Последняя грамота, адресованная предшественнику Авраамия — Спиридонию, датирована 27 августа 1474 г. («Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. I. М., 1952, стр. 313, № 424). Первая датированная грамота с упоминанием Авраамия относится к 27 января 1475 г. (там же, стр. 338, № 451).

¹²² См. В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля, стр. 361.

¹²³ Там же.

¹²⁴ ГВНИП, стр. 133—136, № 78.

евичь»¹²⁵. Это воеводство, а не степенное посадничество послужило основанием для участия Фомы в подписании договора и роли главного новгородского представителя на переговорах.

Что касается степенного посадничества Захарии Григорьевича Овина в 1477 г., то оно также не подтверждается. Захария Овин в 1477 г. ездил в Москву на беспрецедентный суд Ивана III, нарушивший одно из главных условий докончания, а затем был убит на вече. Летописец достаточно подробно излагает историю его трагической смерти, но ни разу не называет его степенным посадником¹²⁶.

В. Н. Бернадский, не сопровождая своего мнения какими-либо оговорками, писал о степенных посадниках второй половины 1460-х и начала 1470-х годов (до 1471 г.) Дмитрию Исаковиче, Феофилате Захарьиниче, Луке Федоровиче, Иване Васильевиче и Василии Ананьиче¹²⁷. Основанием для такого вывода послужило упоминание всех этих посадников в текстах коростыньских грамот 1471 г. В. Н. Бернадский при этом исходил из общепринятого, но абсолютно неверного мнения, что старым посадником мог быть только посадник, уже побывавший на степени. Между тем мы уже видели достаточно большое число лиц, носивших в XV в. титул посадника, но так и не ставших степенными. Поэтому предложенный В. Н. Бернадским список посадников конца 1460-х и начала 1470-х годов не может быть признан достоверным.

Наблюдения над списком посадников, владевших степенью в 1470-х годах, позволяют утверждать, что Ермолинский список был окончательно отредактирован во всяком случае до 1471 г. Тимофея Остафьевича в нем еще нет так же, как нет в нем имен других степенных посадников 1470-х годов — Василия Ананьича и Фомы Андреевича. Лишь Михаил Семенович назван в заключительной части Ермолинского списка. Вполне очевидно, что к 1470-м годам относится его повторное степенное посадничество. С другой стороны, мы видели, что деятельность на степени тех восьми посадников, чьи имена завершают Ермолинский список, не могла начаться ранее февраля 1459 г., поскольку первый из этих восьми посадников — Василий Александрович Казимир — был тысяцким еще 11 января 1459 г. Так как посадников восемь, а общая сумма принадлежащих им сроков степенного посадничества равна четырем годам, то наиболее ранней датой редактирования Ермолинского списка должен быть август 1462 г. Однако нам уже известно, что к августу 1460 г. — февралю 1461 г. относится повторное степенное посадничество Ивана Лаврентьевича, а это обстоятельство отодвигает наиболее раннюю из возможных дат редактирования списка на февраль 1463 г. В первой главе настоящего исследования мы уже пытались связать проникновение рассматриваемого списка в Уваровскую рукопись с использованием в ней трифононской редакции ростовского владычного свода, датированной А. А. Шахматовым временем от 1464 до 1467 г. Принципиальное совпадение дат, полученных независимо одна от другой, очевидно. Степенное посадничество последних восьми лиц, названных в списке, возможно отнести к промежутку времени от февраля 1459 г. до 1467 г. Большее уточнение, к сожалению, недостижимо.

Исчерпав все сведения о степенных посадниках 1460-х и 1470-х годов, рассмотрим теперь имена других посадников, существовавших в последние восемь лет новгородской самостоятельности.

Большую группу посадников называет летописец в рассказе о битве новгородцев с войсками Ивана III на Шелони 14 июня 1471 г. В числе

¹²⁵ «Псковские летописи», вып. II, стр. 197.

¹²⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 18, 33, 205—206; т. VII, стр. 227; т. VIII, стр. 183—184.

¹²⁷ См. В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля, стр. 361.

двух тысяч новгородцев, взятых москвичами в плен в этой битве, были посадники Василий Казимир, Дмитрий Исакович Борецкий, Кузьма Григорьев, Яков Федоров, Матфей Селезнев, Василий Селезнев, два сестричича Казимира, Павел Телятев и Кузьма Грузов. 24 июля того же года из их числа Дмитрий Исакович Борецкий и Василий Губа Селезнев были казнены Иваном III, а остальные закованы и увезены в заточение в Коломну. Летописец снова перечисляет имена взятых в заточение бояр, среди которых нет почему-то только Павла Телятева¹²⁸.

Незадолго до Шелонской битвы один из казненных в Русе посадников — Дмитрий Исакович — вместе с хорошо нам известным посадником Афанасием Остафьевичем принимал участие в составлении проекта докончальной грамоты Новгородца с королем Казимиром IV¹²⁹.

Что касается сосланных после Шелонской битвы посадников, то их коломенское заточение продолжалось недолго. Они были освобождены уже в августе, после заключения Коростынского мира¹³⁰. Осенью 1475 г. все они участвуют во встрече Ивана III: Яков Федоров — 15 ноября, Василий Казимир и Матфей Селезнев — 16 ноября, Кузьма Грузов, Кузьма Григорьев и Павел Телятев — 17 ноября¹³¹.

Рассказ о встрече 1475 г. дает некоторые уточнения к сообщению 1471 г. Во-первых, он позволяет отнести слова «два сестричича Казимировы» не к Павлу Телятеву и Кузьме Грузову, названным вслед за этими словами, а к Василию и Матвею Селезневым, названным перед этими словами. Казимир и Селезнев оказываются в одной группе встречавших Ивана III бояр, тогда как Грузов и Телятев — в другой¹³². Во-вторых, он заставляет усомниться в правильности титулования Матфея Селезнева посадником в 1471 г. Он даже в 1475 г. носит титул тысяцкого и не мог поэтому называться посадником во время Шелонской битвы. Подобные же сомнения вызывает и посадничество Павла Телятева в 1471 г. В рассказе о встрече 1475 г. имя Павла помещено после имени тысяцкого, хотя при описании церемониала встречи летописец точно следует старшинству иерархических разрядов. Рассказ о встрече дает также некоторые материалы, указывающие родство названных здесь посадников с другими новгородскими посадниками. Так, Кузьма Григорьевич оказывается братом известного нам Захарии Григорьевича Овина; Кузьма Грузов назван братом Афанасия Остафьевича Груза.

Что касается дальнейшей, после 1475 г., деятельности посадников, плененных во время Шелонской битвы, то Василия Казимира псковские летописи называют в числе бояр, арестованных Иваном III в ноябре 1475 г. и отправленных в Москву¹³³, однако это несомненная ошибка, поскольку в Софийской летописи, подробно описывающей процедуру конвоирования арестованных бояр, имя Казимира отсутствует¹³⁴. Более того, он в 1478 г. просится в службу великому князю¹³⁵, значит, он оставался на свободе. Кузьма Григорьевич Овин был убит в 1477 г. на

¹²⁸ ПСРЛ, т. VIII, стр. 165—166.

¹²⁹ ГВНиП, стр. 130—132, № 77. Список с этой грамоты был захвачен москвичами во время Шелонской битвы. ПСРЛ, т. IV, стр. 242; т. VI, стр. 11—12, 193; т. VIII, стр. 165.

¹³⁰ ПСРЛ, т. VI, стр. 15; т. VIII, стр. 167.

¹³¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 200—201.

¹³² Летописи под 1475 г. и писцовые книги неоднократно называют «казимировыми сестричичами» Григория и Ивана Михайловых. Вероятно, в данном случае имеются в виду племянники Казимира от другой сестры.

¹³³ «Псковские летописи», вып. II, стр. 200.

¹³⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 203.

¹³⁵ Там же, т. VIII, стр. 197—198.

вече вместе со своим братом Захарией¹³⁶. Яков Федоров как посадник принимал участие в торжественной встрече Ивана III в 1475 г. и в последних переговорах с Иваном III в конце 1477 — начале 1478 г.¹³⁷. Кузьма Грузов, Матфей Селезнев, бывший тысяцким еще в конце 1475 г., и Павел Телятев, в посадничестве которого мы усомнились, после 1475 г. в источниках не упоминаются.

Ряд посадников, носивших этот титул в 1471 г., назван в документах, связанных с заключением Коростынского мира в августе 1471 г. Кроме степенного посадника Тимофея Остафьевича в заключении мира принимали участие посадники Иван Лукинич, Яков Александрович Короб, Феофилат Захарьинич, Лука Федорович и Иван Васильевич¹³⁸. Иван Лукинич и Яков Александрович нам хорошо известны как посадники, начавшие свою деятельность в сравнительно раннее время. В дальнейшем Иван Лукинич в источниках не упоминается, а Яков Александрович Короб действовал вплоть до 1478 г., когда принимал участие в переговорах Новгорода с Иваном III¹³⁹. Также до 1478 г. продолжается деятельность посадников Феофилата Захарьинича и Луки Федоровича¹⁴⁰. Феофилат Захарьинич был известен летописцу и в более раннее время, когда он еще не был посадником. Это сообщение особенно важно потому, что в нем указан «адрес» Феофилата. Под 1462 г. в летописи рассказывается: «Того же лета месяца августа 26, ноши час 6, на Прусской улице възгореся огнь от Фефилатова двора и Захарьина, и погоре по обе стороне Прусской улицы и за Михаил святыи, а храм святого архистратига Михаила огоре»¹⁴¹.

Наиболее важным для наших целей является летописный рассказ о встрече Ивана III во время его «мирного похода» в Новгород в конце 1475 г.¹⁴². Этот рассказ, отличающийся исключительной подробностью, важен для нас и своей формой, которая учитывает разрядные градации боярства. Рассмотрим этот рассказ подробно, тщательно взвешивая указания о принадлежности к посадничеству названных в нем бояр.

«В лето 6984, октября в 22, в неделю, пошел князь великий к Новгороду миром, а с людьми со многими; а на Москве оставил сына своего великаго князя Иванз. А на Дмитреев день князь велики въехал на Волоч, да ел и пил у брата у князя Бориса. А ноября в 1 въехал в Торжок, в среду. В 5 на Волочну: стретили великаго князя Ноугородци, Кузма Яковль с товарищи, с жалобою на свою же братью на новгородцев; да туто же стретил его от владыки Феофила с поминки Василей Микифоров сын Пенкова. Ноября 7 стоял князь великий на Виру, ту срете его от Новагорода подвойской Назар с поминки. В 14, во вторник, в Женах на Хирове стретил великаго князя наместник его Семен Борисов да дворецкой Роман Алексеев».

В этой части рассказа нет ни одного посадничьего имени. Наиболее значительные имена Василия Пенкова и Лошинского не связаны с посадничеством. Первый был владьчным боярином, второй в летописи назван неоднократно, но ни разу с посадничьим титулом.

Главная серия официальных встреч начинается 15 ноября.

«В 15, в среду, на Волме стретили великаго князя посадници новгородстии Феофилат Захарьин, Яков Федоров, Кузьма Фефилатов, а жи-

¹³⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 18, 33, 206; т. VIII, стр. 184.

¹³⁷ ПСРЛ, т. VI, стр. 209—219; т. VIII, стр. 187—198.

¹³⁸ ГВНиП, стр. 44—51, № 25—27; стр. 154, № 98.

¹³⁹ ПСРЛ, т. VI, стр. 209—219; т. VIII, стр. 187—198.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ ПСРЛ, т. XVI, стр. 210.

¹⁴² ПСРЛ, т. VI, стр. 200—201; ср. А. Н. Насонов. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник. «Проблемы источниковедения», IX. М., 1961, стр. 383—385.

тых Ульян Плюснин, Федор Иевль, Матфей Деревяшкин, с поминки от Новгорода и от себе».

Из трех лиц, объединенных здесь в категорию посадников, двое — Феofilат Захарьин и Яков Федоров — нам уже известны. Они посажены еще в 1471 г. Кузьма Фефилов — сын Фефила Захарьина; родство указано в летописном рассказе о пирах Ивана III¹⁴³.

«...Да туто же стретил его Федор Исаков с поминки».

Федор Исакович Борецкий, сын посадника Исаака Андреевича и знаменитой Марфы, брат посадника Дмитрия Исаковича, носивший недвусмысленное прозвище Дурень¹⁴⁴, по-видимому, сам не был посадником. Источники нигде не титулуют его посадником.

«В 16, в четверг, в Васильеве селе Волмановского стретили великого князя посадници новгородстии Василей Казимер, да брат его Яков, Лука Федоров, да сестричичи Казимеровы Григорей да Иван Михайловы, Григорей Тучин, Богдан Есипов, Олферей Офонасов, да тысяцкие старые Матфей Селезнев, Андрей Исаков, да бояре Иван Кузмин сын Савельева, Иван Секирин, а житьи люди Алексей Квашнин, Василей Болахша, да и жалобники многи, Олфер Гагин с товарищи».

В этой части рассказа нам уже знакомы имена посадников Василия Казимира, Якова Короба и Луки Федорова. Первые два начали свою посадническую деятельность в 1460-х годах, Лука был посадником в 1471 г. Григорий Тучин в другом месте летописного рассказа назван Михайловичем¹⁴⁵. Поэтому он должен быть признан сыном посадника Михаила Тучи. Богдан Есифович был посадником еще в 1440-х годах.

«В 17, в пяток, на усть Волмы стоял князь велики во Влукоме: ту стретили его мнози посадници, Захарья Овин, брат его Кузма, зять его Иван Кузьмин, сын его Захарья и Иван¹⁴⁶, Василей Кузьмин, тысяцкой Михайло Берденев, да боярин Григорей Михайлов...»

В этой части рассказа названо пять посадников.

«...А после тех на том же стану иные посадники: Офонас Груз, брат его Тимофей, Иван Шенкурской, Никита Офонасов, Кузма брат Грузов с сыном Тимофеем, Матфей тысяцкой, Павел да Федор Телятевы, да житьи Иван Костянтинов с товарищи».

Здесь перечисляются еще шесть посадников.

«Да того же дни стретили великого князя Микита Есипов сын Григорьева, Семен Федоров сын Самсонова, тысяцкой Есип Максимов, Федор Семенов, житьи Окинф Васильев, Костянтин Лестницын, Федор Лотошков, Павел да Григорей Федоровы, то житьи, да Назар подвойской». Несмотря на отсутствие посадничьих титулов в этой части рассказа, мы должны признать посадниками названных прежде тысяцкого — Микиту Есифовича и Семена Федоровича. Первый был сыном посадника Есифа Григорьевича, известного с 1440-х годов, но, несомненно, уже умершего к 1475 г. Второй — сын посадника Федора Самсоновича, занимавшего степень в 1460-х годах и также умершего к 1475 г.

«Того же дни стретили великого князя посадник Александр Самсонович, да дети посадничии Юрьи Иванов сын Григорьева, Иван Есипов сын Горшково, Иван Дмитреев житьи, да Юрьи Маринин, Мартемьян Божин». Здесь только один посадник — Александр Самсонович, бывший на степени еще в 1460-х годах. Что касается посадничьих детей, то Юрий был сыном умершего в 1467 г. посадника Ивана Григорьевича, а

¹⁴³ ПСРЛ, т. VI, стр. 204.

¹⁴⁴ «Псковские летописи», вып. II, стр. 200.

¹⁴⁵ ПСРЛ, т. VI, стр. 208.

¹⁴⁶ Должно быть: «сын его Захарьин Иван», так как в дальнейшем летопись говорит только об одном сыне Захарии Овина — Иване.

Иван — сыном Есифа Андреяновича Горошкова, упоминаемого вплоть до 1463 г.

«А изо Влукома стоял князь велики в Рыдыне на реце на Холове; ту его стрегил Великого Новагорода архиепископ Феофил, от города за 90 верст, а с ним князь Василей Васильевич Шуйской, да посадник степенный Василей Онаньин, посадник Иван Офонасов, посадник Кирил Яковль, тысяцкой степенной Василей Есипов, Василей Микифоров, Исак Семенов сын Шенкурской, да архимандрит Юрьева монастыря Феодосей, игумен Хутынской Нафанаил, да Вяжицкой Варлам, да казначей Сергей, да духовник Еуфимей: от владыки две бочки вина, красного една, а белого другая, а от тех ото всех по меху вина».

Здесь три посадника, которые все точно обозначены: Василий Ананьич (степенный), Иван Афанасьевич и Кирилл Яковлевич.

«По тех ударили челом великому князю Василей Глазоемцев, Родивон Норов, да бояре новгородский и житьи люди Кирилл да Михайло Ивановы дети Макарьева, Микифор Хмелев, Самойло Деревяшкин, Алексей Скокухин, Микифор Степанов, Александр Клементьев, Иван Офремов, Михайло Богуславль, Никита Григорьев, Матфей Костянтинов сын Домажиров, Василей Филипов, по меху все».

В этой части рассказа посадничий титул не назван ни разу. Однако два боярина здесь выделены, причем об одном из них — Василии Глазоемцеве — мы из показаний Ермолинского списка знаем, что он был на степени еще в 1460-х годах. Очевидно, посадником следует признать и Родиона Норова, имя которого вместе с именем Глазоемцева обособлено от имен всех остальных лиц, участвовавших в этой встрече.

«...Лука да Василей Полинарьины мех, Киприян Григорьев с двема сыны два меха, Иван Онаньин, Александр Лукин Сляковых мех, Василей Анфимов подвойской мех».

Здесь нет посадников. Правда, Лука Исакович Полинарьин в дальнейшем в звании посадника принимал участие в переговорах с Иваном III в конце 1477 — начале 1478 г., однако в рассказе 1475—1476 гг. Полинарьины названы еще несколько раз (они подавали жалобу Ивану III на некоторых новгородских бояр, у них пировал Иван III), но в этом рассказе они ни разу не носят посадничьего титула, хотя титулование, как правило, последовательно выдерживается.

«И того дни у великого князя архиепископ и князь Василей и вси прежеречени с ними на обеде его ели и пили; и отпусти их от себе. И по тех придоша к нему два старосты улиц Славковы Иван Кузмин да Трофим Григорьев, а Никитины улиц два же Григорей Киприянов сын Арзубьева да Василей Фомин, а явили обеих улиц бочка вина красного». Здесь нет посадничьих имен, а сама встреча Ивана III старостами Славковой и Никитиной улиц не принадлежит к церемониалу торжественного приема, находясь в связи с поданной несколько позднее жалобой этих улиц на большую группу новгородских бояр.

«А из Рыдына стоял князь велики, ноября 19, в неделю, на Лытне, на реце Мсте, за 50 верст, и ту стретили его бояре и житьи люди Моисей Федоров, Лука Афонасов, Костянтин Богданов сын Бабкыны, Яким Онаньин, Дементей Андреев сын Емецкой по меху, мнози же от старост купецких и купци, мнози житьи люди стретоша его вси с вином».

Имена посадников в этой части рассказа также отсутствуют.

«В 20, в понедельник, стоял князь велики в Плашкине, за полътре-тьядцать верст: и ту стретоша его посадници Фома Ондреевич Курятник, Федор Окинфов сын Глазоемцев, Яков Слизень, Никита Федоров, тысяцкой Олферей Михайлов, Никита Кирилов посадничь сын, и бояре новгородстии Климентей Филипов сын, Савел Семенов, Лука Остафьев,

Матфей Онаньин, Захарья Григорьев, а житьи Степан Железцов, Фалелей Остафьев, все по меху вина; да староста Городищецкой Ивашко Обакумов со всеми Городищаны бочку вина белого, полътретьста яблск, блюдо ягод винных».

В этой части рассказа названы четыре посадничьих имени, в том числе два имени, уже нам известных. Фома Андреевич Курятник был посадником в 1474 г., Федор Глазомец назван посадником в Ермолинском списке. Интересным для нас оказывается и упоминание посадничьего сына Никиты Кирилловича, который может быть только сыном встречавшего Ивана III в Рыдыне посадника Кирилла Яковлевича.

«Ноября 21, во вторник, из Плашкина поиде князь велики в свою отчину в Великий Новгород, и того дни на пути стретили его многие посадници и житьи люди и множество много народа; и в той же день князь велики приехал на Городище и обедню слушал у Благовещения и ел у себе».

Отсутствие посадничьих имен в этой части рассказа, упоминающей «многих посадников», говорит о том, что при въезде Ивана III в Новгород все встречавшие его ранее и «отпущенные» из Рыдина посадники организовали ему заключительную встречу, но не о существовании каких-то еще не названных ранее посадников.

В рассказе 1475—1476 г. целый ряд посадников из числа участников встреч назван в связи с перечислением пиров Ивана III у новгородских бояр. Этот рассказ не сообщает новых имен, но имеет важное значение для понимания организации посадничества. Поэтому мы подробно рассмотрим его несколько ниже.

Наконец, последняя серия посадничьих имен времени новгородской независимости названа в рассказе о переговорах Ивана III с Новгородом в конце 1477 — начале 1478 г. От имени степенного посадника Фомы Андреевича в переговорах участвуют посадники Яков Александрович Короб, Феофилат Захарьинич, Лука Федоров, Яков Федоров и Лука Исакович Полинарьин¹⁴⁷. Все они, кроме Луки Полинарьина, были посадниками и в 1475 г.

По-видимому, к 1470-м годам следует относить посадническую деятельность и тех бояр, имена которых оказываются избыточными, сравнительно с Ермолинским списком, в 3-м дополнении к Списку А:

104. Иван Иванович	124. Филат Скупой Порочка
105. брат его Яков Селезневич	125. Кузьма Семенович
106. Микифор Борисович	126. Федор Глазомец.
121. Кирилла Голый	

Из этих бояр Кирилла Голый может быть отождествлен с посадником Кириллой Яковлевичем рассказа 1475 г. Федор Глазомец как посадник назван в том же рассказе. Филат Скупой Порочка, по-видимому, тождествен Феофилату Захарьиничу, поскольку тождественны сами имена Филат и Феофилат (Феофилакт, Фефилат). Яков Селезневич ни в коем случае не отождествляется с Яковом Слизнем рассказа 1475 г., которого писцовые книги называют Яковом Васильевичем, тогда как брат Ивана Ивановича Яков Селезневич должен быть Ивановичем.

Вероятно, бояре, упомянутые в 3-м дополнении к Списку А и не названные в Ермолинском списке, приходили на посадничество главным образом между 1475 и 1478 г. Впрочем, 3-е дополнение может относиться и к несколько более раннему времени, например к 1460-м годам, если оно включает также и имена посадников, не бывших на ступени.

¹⁴⁷ ПСРЛ, т. VI, стр. 209—219; т. VIII, стр. 187—198.

Глава 9

ОЛИГАРХИЧЕСКОЕ ПОСАДНИЧЕСТВО XV ВЕКА И ЕГО СТРУКТУРА

СТРУКТУРА ПОСАДНИЧЕСТВА В ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ

Мы видели, что на протяжении XIV и первой четверти XV в. основой организации посадничества было кончанское представительство бояр, опиравшееся на традиционные нормы равного представительства для всех концов, за исключением Славенского, который располагал двойной нормой. Последнее обстоятельство, хотя и было следствием возникновения фактического двойного представительства Прусской улицы, время от времени становилось поводом внутрибоярских столкновений. Посмотрим теперь, в какой мере сохранились и в каком направлении изменились принципы организации посадничества в последующее время.

Первым и основным выводом, который возникает при наблюдениях над источниками середины и третьей четверти XV в., является вывод о безусловном сохранении кончанского представительства и в этот период. Более того, рассматриваемое время можно назвать периодом торжества этого принципа, поскольку факты пятикончанского представительства в новгородском государственном управлении в середине XV в. становятся особенно многочисленными. Приведем наиболее значительные примеры.

Наровский договор 1448 г. Этот договор заключен от имени степенного посадника Афанасия Остафьевича пятью посадниками: Самсоном Ивановичем, Дмитрием Васильевичем, Иваном Лукиничем, Есифом Андреевичем и Богданом Есифовичем¹.

Яжелбицкий договор 1456 г. заключен от имени степенного посадника Ивана Лукинича тремя посадниками: Григорием Даниловичем, Федором Яковлевичем и Василием Степановичем, двумя тысяцкими: Яковом Ивановичем и Василием Пантелеевичем, пятью житыми: Офонасом Микуличем, Иваном Юрьевичем, Яковом Ивановичем, Еремеем Кузьмичем, Василием Захарьиничем².

Здесь пять представителей от бояр и пять от житых. Посадников только три, что вполне закономерно, так как за несколько дней до заключения Яжелбицкого мира был убит посадник Есиф Носов и взят в плен посадник Михаил Туча, которые, по-видимому, и осуществляли бы представительство вместе с остальными тремя посадниками, не случись с ними несчастья. Их заменяют тысяцкие.

¹ ГВНиП, стр. 119—124, № 73.

² Там же, стр. 39—44, № 22—24.

Коростынский договор 1471 г. заключен от имени степенного посадника Тимофея Остафьевича пятью посадниками: Иваном Лукиничем, Яковом Александровичем, Феофилом Захарьиничем, Лукой Федоровичем, Иваном Васильевичем и пятью житьими: Лукой Остафьевичем, Александром Климентьевичем, Федором Иевlichem, Окином Васильевичем, Дмитрием Михайловичем³.

Переговоры Новгорода с Иваном III в конце 1477 — начале 1478 г. велись от имени степенного посадника Фомы Андреевича Курятника пятью посадниками: Яковом Александровичем Коробом, Феофилом Захарьиничем, Лукой Федоровичем, Яковом Федоровичем и Лукой Исаковичем Полинарьиным — и пятью житьими: Александром Клементьевым, Евфимием Медниковым, Григорием Киприяновичем Арзубьевым, Филиппом Килским и Яковом Царевичевым, купцом. Позднее посольство было пополнено пятью представителями от черных, при перечислении которых летописец раскрывает значение цифры пять: «Декабря 7 прииде к великому князю владыка из Новагорода с теми же прежереченными посадники и с житьими, да с ними пять человек черных от пяти концов: от Неровскаго конца Аврам Ладоженин, а от Горньчарскаго Кривою, а от Словенскаго Захар Брех, а от Загородскаго Харитон, а от Плотничья Федор Лытка»⁴.

Важное значение в этой связи имеют жалованные грамоты Соловецкому (1459—1469 гг.) и Троице-Сергиеву (около 1475 г.) монастырям⁵, утвержденные печатями «изо всех пяти концов». Наконец, следует упомянуть о представительско-кончанской организации монетного чекана в Новгороде с 1447 г. («уставиша 5 денежньиков») ⁶.

Порядок организации высшей боярской власти и во второй половине XV в. остается внешне тождественным тому, который существовал во второй половине XIV в. Мы говорим о видимой тождественности потому, что практически в рассматриваемое время он был другим. Если в XIV в. существовало только шесть посадников, которые в своей совокупности осуществляли представительство от всего боярства, теперь, когда количество посадников увеличилось до 24, небольшая группа особо привилегированных посадников осуществляет представительство прежде всего от посадничества в целом, которое, выделив из себя правящий орган, превратилось из административной организации в сословный разряд.

В связи с этими наблюдениями уместно поставить вопрос о сущности термина «старый посадник». Обычно принято считать, что этот термин прилагался к тем посадникам, которые, отбив срок степенного посадничества, в дальнейшем получали почетное звание, дававшее им право пожизненного преимущественного участия в государственных делах. Более того, термины «старый посадник» и «посадник» исследователями не различались вообще. Предполагалось, что существовал степенный посадник, а все остальные, сосуществовавшие с ним, были старыми посадниками, что приобретение посадничьего звания вообще было с самого начала сопряжено с пребыванием на степени. Мы уже видели, что далеко не все посадники на самом деле становились степенными. Термины «посадник» и «старый посадник» не идентичны уже на этом основании.

Однако можно ли полагать, что более определенный термин «старый посадник» является синонимом понятия «бывший степенный посадник»? Как это показывают наблюдения над формулами грамот и рас-

³ ГВНиП, стр. 45—51, № 26—27.

⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 214.

⁵ ГВНиП, стр. 152—153, № 96; стр. 156, № 101.

⁶ НПЛ, стр. 426—427.

сказами об официальных актах новгородской истории, «старые посадники» составляли вполне определенный административный разряд, который называется вслед за именем степенного посадника. Иногда этот разряд обозначается другим термином: «От великого князя.., от посадника новгородского.., от тысяцкого новгородского.., от всех болших в Новгороде»⁷. Напомним, что посадник Михаил Туча назван в летописи «посадником их болшим». Весьма интересной кажется нам терминология летописи в рассказе 1469 г.: «Той же зимы путешествова господин наш архиепископ Великого Новагорода и Пскова владыка Иона в свой град Псков, к своим детям к меньшим, брату Великого Новагорода, на своя старины и пошлыны; а с ним от старейших посадник Лука Федоровичь, сын посадничь»⁸.

Вполне очевидно, что если термин «старый» сам по себе двусмыслен и может быть истолкован разными способами, то в редакции рассказа 1469 г. он этой двусмысленности лишен. И. И. Срезневский к слову «старый» дает следующие толкования: «достигший преклонного возраста», «старший по возрасту», «почтенный», «прежний», «старинный», «древний», «прежний (первый)», а к слову «старей (шии)» — «старший по возрасту», «исконный», «старший по значению, первенствующий», «главный, начальствующий», «владычественный», «знатный»⁹. Мы видим, что большинство толкований говорит в пользу административного значения термина, связанного с существованием особой группы «первенствующих», или «главных», или «больших» посадников, наличие которой мы проследили в документах¹⁰.

Если термин «старый посадник» выражает понятие «первенствующий» или «главный», то и возникнуть он должен был не только для противопоставления термину «степенный посадник», но и для противопоставления термину «посадник», лишенному каких-либо иерархических эпитетов. Иными словами, существование термина «старый посадник» в этом случае невозможно в период более ранний, нежели время реформы 1410-х годов, когда состав посадничества резко расширился. Только тогда стало возможным выделение привилегированной группы «старых посадников» из общей категории лиц, носящих посадничий титул. В самом деле, термин «старый посадник», постоянно встречающийся на страницах документов и текстов XV в., впервые может быть отмечен только в договорной грамоте Новгорода с ганзейскими городами 1423 г.¹¹.

В связи с существованием особой группы из шести главных посадников, представлявших концы Новгорода и, одновременно, весь Новгород, значительный интерес приобретает широко известное место из жития Савватия и Зосимы, соловецких чудотворцев. Житие, принадлежащее к числу повестей о конце Новгорода, содержит типичный для этих сказаний мотив пророчествования о грядущей гибели Новгорода. В нем рассказывается, как Зосима на пиру у Марфы Посадницы трижды узрел страшное видение: перед ним сидели шестеро обезглавленных бояр.

⁷ ГВНиП, стр. 97, № 59.

⁸ ПСРЛ, т. XVI, стр. 223.

⁹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стр. 498—502.

¹⁰ Долуская тождество понятий «старый посадник» и «главный кончанский представитель», мы обращаем внимание на то, что, несомненно, именно последний в источниках называется «кончанским старостой».

¹¹ ГВНиП, стр. 103, № 62. Отметим, что в псковских источниках «старые посадники» начинают упоминаться в близкое время («Послания митрополита Фотия в Псков 1422—1427 гг.». Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Ук. соч., Приложения, № 4—6, стр. 247—255). Мы не придаем значения посланию Фотия от 23 сентября 1416 г. (там же, № 3, стр. 243—247), в котором упоминаются «старые посадники», поскольку начальная формула этого послания, несомненно, редактировалась в позднее время (в ней, например, упоминаются тысяцкие, которых в Пскове никогда не было).

«С ними сбудется это в свое время», — предрек Зосима. Исследователи связывают эту легенду с именами новгородцев, казненных после Шелонской битвы¹². Однако легко установить, что к событиям 1471 г. она не имеет прямого отношения. После Шелонской битвы были обезглавлены не шесть, а четыре человека: два посадника — Дмитрий Исакович Борецкий и Василий Селезнев и два житых — Киприян Арзубьев и Еремей Сухошок¹³. Если бы составитель легенды задался целью связать ее с результатами событий 1471 г., он ограничил бы число бояр, явившихся Зосиме обезглавленными. Не следует ли усматривать в этой легенде символ: шесть обезглавленных бояр — это шесть посадников, образующих главный представительный орган боярской власти и олицетворяющих Новгородское государство?

Мы видели, что сакраментальное число шесть продолжает оставаться неизменным вплоть до присоединения Новгорода к Москве. Оно, по-видимому, покоится на поддержании традиционных норм представительства от концов, на схеме, которая на протяжении второй половины XIV в. и первой половины XV в. учитывала привилегированное положение Славенского конца. Существование двойного представительства от Славенского конца мы прослеживали документально. Анализ территориальной принадлежности посадников, сосуществовавших в 1354—1416 гг., всякий раз обнаруживал двух славенских посадников, тогда как в остальных концах их было по одному. Грамота Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю исходит от двух славенских посадников. Славенский конец назван в ней «великим Славенским концом», что подчеркивает его исключительность. Наконец, двойная норма представительства сохраняется и в позднейшее время, поскольку в докончании с Иваном Губаревым, датированном не позднее 1459 г., перечислено 8 славенских посадников из общего числа 24 новгородских посадников.

Однако некоторые документы позволяют утверждать, что в последующее время в распределении норм представительства произошли существенные изменения. В этой связи исключительно важным представляется нам сфрагистическое показание второй половины XV в., впервые зачеркивающее особую роль Славенского конца и выделяющее на привилегированное место другой конец — Неревский. Мы имеем в виду легенды кончанских печатей второй половины XV в.

В настоящее время известны две полные и одна неполная серия таких печатей, сохранившиеся при подлинных грамотах XV в.¹⁴, и несколько экземпляров, найденных в земле при случайных обстоятельствах. Мы описываем каждую серию отдельно, в хронологическом порядке, чтобы показать эволюцию в их оформлении (рис. 9 и 10).

I. Печати жалованной грамоты Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1450 г.

1. Печать Людина конца

Л. с.: Надпись в три строки:

ПЕЧАТЬ
ЛЮДИНА
КОНЦА

¹² См. Ф. Буслаяев, Новгород и Москва. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 270 и сл.

¹³ ПСРЛ, т. VI, стр. 12, 193; т. VIII, стр. 166.

¹⁴ ГВНИП, стр. 150—152, № 95, 96; стр. 155—156, № 101. Относительно последней грамоты в ГВНИП отмечено, что при ней вообще не сохранилось печатей, хотя имеются следы прикрепления восьми булл. Однако еще в 1910-х годах при акте сохранялись три печати, изображения которых см. в ЛСА, XIII, 8; XV, 7, 8.

О. с.: Изображение воина в полный рост, с копьем и щитом; вокруг точечный ободок.
Д.— 29—35 мм. Изд.— ЛСА, XXVIII, 4.

2. Печать Неревского конца

Л. с.: Надпись в четыре строки:

ПЕ [VA]
[Т]Ь СТГО
ННКОЛ
Ы:..

О. с.: Поясное изображение св. Николая; по сторонам: НН КО
Д.— 29—32 мм. Изд.— ЛСА, XXVIII, 5.

3. Печать Загородского конца

Л. с.: Надпись в четыре строки:

СТГОНИ
КОЛЫВЗА
ГОРЬДСКО
МЪКОНЧИ.

О. с.: Поясное изображение св. Николая; по сторонам: НН КО
С Л

Д.— 29—31 мм. Изд.— ЛСА, XXVIII, 6.

4. Печать Плотницкого конца

Л. с.: Прорезанный шестиконечный крест; по краю, между двумя точечными ободками, надпись: ПЕЧАТЬ ШИТОНОВСКАЯ

О. с.: Изображение Богоматери «Деисусной» вправо; нимб украшен арабесками; по сторонам: УΘ ϣН Вокруг точечный ободок.

Д.— 32 мм. Изд.— ЛСА, XXVIII, 7.

5. Печать Славенского конца

Л. с.: Восьмиконечный крест на подножии; вокруг надпись:

ПЕЧАТЬ СЛАВЕНСКОГО КОНЦА По краю точечный ободок.

О. с.: Поясное изображение св. Павла Исповедника;

по сторонам: ПВЕ ИСПО
ЛЪ ВЕД
ННЪ Вокруг точечный ободок.

Д.— 30—33 мм. Изд.— ЛСА, XXVIII, 8.

II. Печати жалованной грамоты Великого Новгорода Соловецкому монастырю 1459—1469 гг.

1. Печать Неревского конца

ПЕЧА:
ТЬ СТАГОН
НКОЛНВЕЛ
КОГОКОМУ
:4НЕРЕСК
:ОГО:

Л. с.: Надпись в шесть строк:
Вокруг точечный ободок.

О. с.: Изображение св. Николая в полный рост; по сторонам кресты и орнаментальные точки; вокруг точечный ободок.

Д.— 32—34 мм. Изд.— Н. С. Чаев. Северные грамоты XV в. ЛЗАК, XXXV, № 46, табл. 3, 4.

Следующие далее печати Плотницкого, Славенского, Людина и Загородского концов оттиснуты теми же матрицами, что и аналогичные печати грамоты 1450 г.¹⁵

III. Печати жалованной грамоты Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю около 1475 г.

При грамоте сохранились печати Неревского и Людина концов. Первая оттиснута теми же матрицами, что и аналогичная печать при грамоте 1459—1469 гг.¹⁶ Вторая — теми же матрицами, что и аналогичные печати при грамотах 1450 и 1459—1469 гг.¹⁷

Известны еще две кончанские печати из случайных находок в Новгороде — плотницкая¹⁸ и загородская¹⁹; обе они оттиснуты уже известными нам матрицами, аналогичными тем, которые были использованы для печатей 1450 и 1459—1469 гг.

Мы видим, что все кончанские печати Новгорода на протяжении второй половины XV в. вплоть до падения Новгорода сохраняют неизменными не только свой тип, но и матрицы. Единственное исключение составляет печать Неревского конца, которая в 50-х или 60-х годах XV в., во всяком случае после 1450 г. и ранее 1469 г., сменяет свой тип для того, чтобы ввести в наименование конца эпитет «Великий», выделяющий ее из всех остальных кончанских печатей.

Возможно, это обстоятельство и не заслуживало бы серьезного внимания, если бы не существование еще одного круга свидетельств о приобретении Неревским концом в XV в. особого положения. В 1898 г. А. И. Никольский опубликовал синодальную рукопись о распределении новгородских церквей по семи соборам, датированную не позднее 1527 г.²⁰ К этому времени в Новгороде существовало семь градных соборных церквей, к которым были приписаны все остальные храмы. В число соборов входили Софийский в Околотке, церковь Михаила архангела на Прусской улице, церковь св. Власия на Власовской улице, церковь Сорока мучеников на Щерковой улице, церковь св. Якова на Яковлевой улице, церковь Рождества Иоанна Предтечи на Опоках, церковь Успения Богородицы на Козьей Бородке. В более раннее время су-

¹⁵ См. Н. С. Чаев. Ук. соч., табл. 3, 4.

¹⁶ См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XV, 7. Лишь «Онтоновская» печать здесь в другом варианте, но не имеющем принципиальных отличий.

¹⁷ Там же, XV, 8.

¹⁸ Там же, I, 12.

¹⁹ Там же, XV, 9.

²⁰ См. А. Никольский. Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. «Вестник археологии и истории», вып. X. СПб., 1898, стр. 79—81.

шествование семисоборного деления прослеживается в 1485 г. в грамоте архиепископа Геннадия²¹, в 1477 г., когда семь соборов упоминаются Феофилом во время переговоров с Иваном III в Сытине²², и в 1417 г., когда владыка Симеон совершает крестный ход вокруг Новгорода «с всею седмию сборов» во время Анастасьинского мора²³. Впрочем, последнее известие кажется весьма сомнительным, так как грамота 1485 г. как будто говорит о том, что организация соборов относится ко времени Евфимия. О соборном делении Новгорода писал еще Макарий, путая, правда, Михайловскую церковь на Прусской улице с одноименной церковью на Торговой стороне²⁴.

Сравнение показаний Синодальной рукописи с Нарядной росписью новгородских улиц 1623 г.²⁵ наглядно показывает, что организация распределения новгородских церквей по соборам была в своей основе канчанской. Произведем это сопоставление.

К собору Власия на Власовской улице приписаны церкви, стоящие на Власовской, Добрыне²⁶, Ерышеве, Черницыной, Редятиной и Лукиной улицах. Все эти улицы, за исключением Ерышовой, в описи 1623 г. показаны в Людином конце. Ерышева улица в описи 1623 г. не обозначена.

К собору Михаила на Прусской улице приписаны церкви, стоящие на Прусской, Добрыне²⁷, Роговке, Чудинцевой, Легощей²⁸ улицах, а также церковь Собора архангела Гавриила на Фрековой улице. В Нарядной описи 1623 г. Чудинцева и Пруская улицы показаны в Загородском конце, Добрыня улица — в Людином конце, а Фрековский переулок — в Неревском конце. Расхождения между Синодальной рукописью и Описью 1623 г. касаются пограничных улиц Загородского конца. Мы уже видели, что если церковь св. Якова на Добрыне улице приписана к Михайловскому собору вместе с храмами Загородского конца, то церковь Спаса, стоящая на той же улице, входит в подчинение собору Власия вместе с многочисленными храмами Людина конца. Что касается Легощей улицы и примыкающего к ней Фрековского переулка, церкви которых подчинены Михайловскому собору на Прусской улице, а сами эти улицы Описью 1623 г. показаны в Неревском конце, то летописные указания позволяют относить к Загородью ближайший к валу конец Легощей улицы. Так, под 1398 г. в летописи отмечена совместная постройка монастыря жителями Чудинцевой улицы и конца Легощей улицы²⁹. В описании пожара 1407 г. Легоща улица выделена из Неревского конца: «Погоре Неревьскыи конецъ до города и святаа Софея огоре вся и двор владычень и Людогоща улица»³⁰.

К собору Сорока мучеников на Щеркове улице приписаны церкви, стоящие на Щеркове, Разваже и Яневе улицах. Все эти улицы в Описи 1623 г. показаны в Неревском конце.

²¹ См. Макарий. Ук. соч., ч. I, стр. 34.

²² Там же.

²³ НПЛ, стр. 408.

²⁴ См. Макарий. Ук. соч., стр. 33—36.

²⁵ См. Н. Н. Муравьев. Описание древней новгородской серебряной гривны и ее рублей. М., 1826, план Новгорода.

²⁶ «А на Добрыне улице Спас святыи образ».

²⁷ «Да Яков святыи брат господень на Добрыне улице».

²⁸ «На Легощи улице Фрол святыи, а на полатех Кир Иван».

²⁹ НПЛ, стр. 383, 393, 460, 462. «И поставиша монастырь нов святого Николу конецъ Люгощи улице и Чуденцеве на скудельници», «Постави Михаил Крупа церковь камени святого Николу конецъ Лугощи и Чуденцеве улице». Эта церковь в соборной росписи существует в виде придела на полатах церкви Гавриила на Фрековой улице.

³⁰ НПЛ, стр. 399—400.

К собору Якова на Яковлевой улице приписаны церкви, стоящие на Яковлеве, Даньславле, Борковой и Холопией улицах. Все эти улицы в Описи 1623 г. показаны в Неревском конце.

К собору Ивана на Опоках приписаны церкви, стоящие на Лубянице, Лубянке, Иворовой, Рогатице, Славковой, Федоровой, Никитиной, Молотковской, Михайлице, Щитной и Конюховой улицах. Все эти улицы, за исключением Лубянки, Лубяницы и Рогатицы, в Описи 1623 г. показаны в Плотницком конце. Лубянка, Лубяница и Рогатица в этой описи отнесены к Славенскому концу, но и в этом случае речь идет о пограничных улицах двух концов. Еще в начале XV в. положение именно этих улиц было несколько неопределенным, о чем можно судить по описанию пожара 1403 г.: «Погоре Плотничьский конец до Славкове улицы, а Рогатица до Еупатия святого, а Лубяница до святого Луки, а Славенский весь конец»³¹. Отметим, что соборная церковь Плотницкого конца создается на самом пограничье со Славенским концом; на территории, которая могла быть спорной (церковь Иоанна на Опоках находится в районе Рогатицы).

К собору Успенья на Козьей Бородке приписаны церкви, стоящие на Ильинской улице, на Дворище, у Немецкого двора, на Михайловой, Нутной, Варяжской улицах и просто «в Славенском конце». В Описи 1623 г. все эти улицы показаны в Славенском конце.

Отождествление соборных участков с концами позволяет обнаружить, что, в отличие от всех остальных концов, Неревский конец объединяет в себе два соборных участка; в нем не одна, а две соборные церкви, что само по себе выделяет его, объясняя казавшуюся странной надпись на неревской печати.

Приобретение Неревским концом привилегированного положения заставляет предполагать и перераспределение норм представительства, возникновение такого порядка, при котором повышенное представительство принадлежало Неревскому концу.

Поскольку кончанское представительство составляло основу структуры новгородского посадничества, нам в этой связи следует особенно внимательно присмотреться к тем летописным рассказам, которые излагают правительственные действия, связанные с боярским представительством в общегосударственных предприятиях. Одним из таких действий является встреча Ивана III в ноябре 1475 г., проведенная в соответствии со сложным церемониалом. В основу излагаемых ниже рассуждений положены наблюдения над общим количеством групп встречавших Ивана III новгородцев. Таких групп мы насчитываем 10, причем одна из них является общеновгородской; в ней участвуют степенные посадник и тысяцкий, архиепископ, служилый новгородский князь Василий Шуйский, юрьевский архимандрит, игумены, казначей и духовник. Логично предположить, что эти 10 групп осуществляют пятикончанское представительство, по две группы от каждого конца.

Для того чтобы проверить это предположение, следует на предлагаемую ниже таблицу (см. табл. 14), в которой сгруппированы по разрядам участники встреч, наложить все доступные сведения о территориальной принадлежности названных в ней бояр и житых.

Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении таблицы,— заметно увеличившееся число посадников. Если документы второй четверти XV в. позволяли определенно говорить о сосуществовании 24 посадников, то их количество в рассказе о встрече Ивана III теперь

³¹ НПЛ, стр. 397.

Участники встречи Ивана III в 1475 г.

	Посадники	Тысяцкие	Дети посадничьи и бояре	Житьи	Прочие лица
I 15.XI	Феофилат Захарьин Яков Федоров Козма Феофилатов			Ульян Плюснин Федор Иевль Матвей Деревяшкин	
II 16.XI	Василий Казимир Яков Короб Лука Федоров Григорий Михайлов Иван Михайлов Григорий Тучин Богдан Есифов Олферий Офонасов	Матфей Селезнев Андрей Исаков	Иван Кузьмин Савел- ков Иван Секирин	Алексей Квашнин Василий Болахша	
III 17.XI	Захарья Овин Козма Овин Иван Кузьмин Иван Захарьин Василий Кузьмин	Михаил Берденев	Григорий Михайлов		
IV 17.XI	Офонас Груз Тимофей Грузов Иван Шенкурской Никита Офонасов Козма Грузов Тимофей Кузьмин	Матфей	Павел Телятев Федор Телятев	Иван Костянтинов	
V 17.XI	Никита Есифов Семен Федоров	Есиф Максимов	Федор Семенов	Окинф Васильевич Костянтин Лестницын Федор Лотошков Павел Федоров Григорий Федоров	Назар, подвойский
VI 17.XI	Александр Самсонов		Юрий Иванов Иван Есифов	Иван Дмитриев Юрий Маринин Мартемьян Божин	

	Посадники	Тысяцкие	Дети посадничьи и бояре	Житы	Прочие лица
VII 18.XI	Василий Ананьин Иван Офонасов Кирилл Яковлев	Василий Есифов	Василий Никифоров Исаак Семенов		Феофил, архиепископ В. В. Шуйский, князь Феодосий, архимандрит Нафанаил, игумен Варлам, игумен Сергей, казначей Евфимий, духовник
VIII 18.XI	Василий Глазоемцев Родион Норов		Кирилл Иванов Макарьев Михаил Иванов Макарьев Микифор Хмелев Самойло Деревяшкин Алексей Скокухин Микифор Степанов Александр Клементьев Иван Офремов Михайло Богуславль Никита Григорьев Матфей Костянтинов Домажиров Василий Филиппов Лука Полинаршин Василий Полинаршин Киприан Григорьев Иван Ананьин Александр Лукин Сляковых		Василий Онфимов, подвой- ский
IX 19.XI			Моисей Федоров Лука Офонасов Костянтин Богданович Бабкин Яким Онаньин Дементий Андреев Емецкий		
X 20.XI	Фома Андреевич Федор Глазоемцев Яков Слизень Никита Федоров	Олферий Михайлов	Никита Кириллов Климентий Филиппов Савел Семенов Лука Остафьев Матфей Онаньин Захарья Григорьев	Степан Железцов Фалелей Остафьев	Ивашко Обакумов, староста городищенский

достигает 34. Поскольку даже в 1477 г. общее представительство от Новгорода осуществлялось шестью посадниками, следует думать, что количество сосуществовавших посадников, которое должно было оставаться кратным шести, в действительности равнялось теперь 36 человекам. Если это так, то после анализа территориальной принадлежности названных в рассказе 1475 г. бояр и житых мы должны получить, во-первых, четыре группы, связанные с Прусской улицей, и по две группы, связанные соответственно со Славенским, Плотницким и Неревским концами; во-вторых, число посадников в группах Плотницкого конца должно приравниваться шести, в группах Прусской улицы — двенадцати. Что касается Славенского и Неревского концов, то изложенные выше наблюдения сделали вопрос о нормах представительства этих концов открытым.

Принадлежность целого ряда бояр из числа перечисленных в нашей таблице нам известна. В I группе участвует Феофилакт Захарьинич, двор которого находился на Прусской улице, близости от церкви архангела Михаила³². Во II группе участвует Лука Федорович, двор которого сгорел в 1462 г. на Волосове или Добрыне улице³³. В V группе участвует Никита Есифович, сын посадника Есифа Григорьевича, жившего поблизости от церквей Иоанна Предтечи и Введения, которые сгорели в 1463 г., во время пожара его двора³⁴. В Новгороде была только одна церковь Введения — на Прусской улице, горевшая в 1291, 1348 и 1391 гг. Предтеченских церквей в Новгороде было несколько, в том числе и на Десятине, и на Чудинцевой улице, т. е. в непосредственной близости к церкви Введения. В VI группу входил Иван Есифович, сын посадника Есифа Андреяновича, двор которого находился рядом с двором Есифа Григорьевича на Прусской улице и горел в один с ним пожар в 1463 г. V и VI группы, кроме того, объединяются участием в них посадника Александра Самсоновича (VI группа) и его племянника Семена Федоровича Самсонова (V группа).

Нам известно также место жительства посадника Ивана Афанасьевича, который был душеприказчиком жителя Нутной улицы Славенского конца Федора Своеземцева³⁵. Однако Иван Афанасьевич участвовал в VII группе представителей от всего Новгорода, и это указание нельзя использовать для территориальной характеристики группы в целом.

Ряд важных указаний на территориальную принадлежность многих бояр может быть извлечен из наблюдений над летописным рассказом 1475 г. о жалобах, поданных Ивану III: «Ноября 25, в субботу, били челом великому князю, пришед на Городище, мнози новгородци, две улицы Славкова да Микитина, на бояр на новгородских, на посадника степенного Василья Онаньина, на Богдана Есипова, на Федора Исакова, на Григорью Тучина, на Ивана Лошиньского, на Василья Микифорова, на Матфея Селезнева, на Якова Селезнева, на Ондreja Телятева Исакова, на Луку Офонасова, на Костянтина на Бабкина, на Олексея Квашнина, на Василья Тютрюма, на Василья на Бахшу, на Ефима на Ревшина, на Григорья на Кошюркина, и на Онфимьины люди Есипова Горшкова, и на сына ее Ивана, на Ивановы люди Савелкова, что наехав те со многими людми на те две улицы, людей переграбили и перебили, животов людских на тысячу рублей взяли, а людей многих до смерти перебили. И того же дни били челом великому князю бояре Лука да Василей Исаковы дети Полинарьины на Богдана на Есипова, на Василья на Микифорова, на Панфила на старосту Федоровские улицы, что наехав на их

³² ПСРЛ, т. XVI, стр. 210.

³³ Там же, стр. 211.

³⁴ Там же, стр. 214.

³⁵ ГВНиП, стр. 171, № 111.

двор людей у них перебили, а животы разграбили, а взяли на 500 рублев»³⁶.

Обе жалобы касаются одного и того же дела, на что указывают совпадения в именах обвиненных новгородцев. Разграбление Славковой и Никитиной улиц и бояр Полинарьиних организовано большой группой бояр и житых, которым как-то помог староста Федоровской улицы, находящейся между Никитиной и Славковой улицами. Мы обращаем внимание на положение Федоровской улицы потому, что, являясь базой для нападавших, она показывает, откуда было совершено нападение на улицы Плотницкого конца. Если бы это нападение было организовано Славенским концом, то должны были бы пострадать не только Славкова и Никитина улицы, но и пограничные улицы — Иворова, Буянья и Коржова. Напротив, Федоровская улица служит удобнейшим трамплином для нападения на Плотницкий конец из-за Волхова, из Неревского конца. Во всяком случае если наше предположение о том, что встреча Ивана III была организована по принципу кончанского представительства, правильно, то бояре Полинарьины и организаторы нападения на Славкову и Никитину улицы должны оказаться в разных группах. Кроме того, бояре, перечисленные среди организаторов нападения на Плотницкий конец, если они принадлежали к одной территориальной группировке, могут оказаться участниками не более чем двух групп.

Проверим это обстоятельство. Полинарьины участвуют в VIII группе. Что касается их обидчиков, то Богдан Есифов, Григорий Тучин, Матфей Селезнев, Андрей Исаков, Алексей Квашнин, Василий Бахша (Болахша), Иван Кузьмин Савелков оказываются во II группе. Лука Офонасов, Моисей Федоров, Константин Бабкин — в IX группе. Василий Ананьин как «степенный посадник» — в VII группе, состав которой был сборным; в той же VII группе участвует Василий Никифорович Пенков. Федор Исаков и Иван Лошинский встречали Ивана III самостоятельно, вне официальных групп. Имена Якова Селезнева, Андрея Телятева, Семена Офонасова, Василия Тютрюма, Ефима Ревшина и Григория Кошюркина в списках встречавших отсутствуют. Мы уже отмечали, что Яков Селезнев не может быть отождествлен с Яковом Слизнем, участником X группы. Наконец, Иван Есифович Горошков входил в VI группу.

Практически все бояре и житы, названные в числе нападавших, входят в две официальные группы встречавших. Единственное исключение, касающееся Ивана Горошкова, конечно, не меняет картины.

Выше мы высказали предположение о том, что нападение было осуществлено неревским боярством. Это предположение может быть подкреплено еще несколькими фактами. В числе нападавших был Федор Исакович Дурень, сын Марфы Борецкой. Между тем неревская принадлежность Борецких зафиксирована летописным рассказом 1477 г. о пожаре «чудного двора» Марфы: «Бысть пожар от Розважи улицы погоре и до Боркове улицы побережье все и до Великой улицы, и Марфе посадники чудный двор»³⁷. Борецкие находились в близком родстве с названными в той же II группе Василием Казимиром и Яковом Коробом. Как это следует из рассказа о пире Ивана III 1 января 1476 г., Яков Короб был дедом Ивана Дмитриевича Борецкого³⁸. Разумеется, из этого следует лишь, что сын Марфы был женат на дочери Якова Короба, а для брачного союза кончанские границы не могли быть преградой, однако сочетание всех этих фактов переплетает рассмотренную группу бояр сетью особо тесных взаимосвязей.

³⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 202—203.

³⁷ ПСРЛ, т. IV, стр. 130.

³⁸ ПСРЛ, т. VI, стр. 17.

Ставя вопрос о территориальной принадлежности Полинарьиных, мы проще всего могли бы его решать только на основании тождества их жалобы с жалобой улиц Плотницкого конца. Действительно, если в ходе нападения на улицы Плотницкого конца пострадали бояре Полинарьины, то, по-видимому, они должны быть плотницкими боярами. Однако нападение было совершено на территорию, пограничную между Плотницким и Славенским концами, и это осложняет вопрос. Настаивая на территориальном характере встречавших Ивана III групп, мы должны признавать Полинарьиных славенскими боярами, поскольку в одной группе с ними участвовал Киприян Григорьев, жительство которого на Нутной улице Славенского конца засвидетельствовано духовной Федора Остафьевича Своеземцева³⁹. Если это так, то славенскую принадлежность мы должны предполагать для VIII и X групп, которые объединяются участием в них Василия Глазоемцева (VIII группа) и Федора Глазоемцева (X группа). В таком случае к числу славенских посадников должен относиться и названный в составе VII сборной группы Кирилл Яковлевич: в X группе участвует его сын Никита Кириллович.

Подчеркивая предварительность сделанных наблюдений, мы можем суммировать их следующим образом. Мы предполагаем, что I группа представляла Прусскую улицу, II группа — Неревский конец, V группа — Прусскую улицу, VI группа — Прусскую улицу, VII группа была сборной, в ней рядом с неревским боярином Василием Ананьичем участвуют славенские бояре Иван Афанасьевич и Кирилл Яковлевич; кроме того, она включает в свой состав всех главных руководителей государства. VIII и X группы представляли Славенский конец. IX группа представляла Неревский конец. Характер III и IV групп пока не ясен.

Было бы наивно думать, что летописное перечисление огромной группы бояр и житейх свободно от ошибок, тем более что оно существует в единственной дошедшей до нас редакции. К числу таких ошибок может относиться включение во II группу прусского посадника Луки Федоровича. Иностранность этого имени среди других имен II группы подчеркивается тем, что оно разбивает семейственный характер перечисления, будучи вклинено между именами родных братьев Казимира и Короба и именами их сестричичей. В таком же положении оказывается имя посадника Якова Федоровича (I группа), помещенное между именами Феофилата и его сына Кузьмы. Мы обращаем внимание на имя Якова Федоровича, так как летописец неуверенно обращался с ним и путал Якова Федоровича с Яковом Александровичем Коробом⁴⁰.

Если путь наших рассуждений верен, то в числе оставшихся неопределенными двух групп обязательно должна оказаться плотницкая группа или обе они могут оказаться плотницкими. Возможно также, что одна из них окажется плотницкой, а другая — прусской, так как мы уже насчитали по две славенских и неревских группы, но ни одной плотницкой и только три прусских вместо возможных четырех. Определение этих групп станет возможным после анализа еще одного источника. Сейчас же нам следует подвести итоги предварительному определению территориальной принадлежности тех посадников, относительно которых мы уже высказали предположения.

К Неревскому концу возможно относить 8 посадников: Василия Казимира, Якова Короба, Григория Михайлова, Ивана Михайлова, Григория Тучина, Богдана Есифова, Олферия Офонасова — во II группе и Василия Ананьина — в VII группе.

К Славенскому концу возможно относить 8 посадников: Ивана Афа-

³⁹ ГВНЦП, стр. 171, № 111.

⁴⁰ ПСРЛ, т. VI, стр. 16—17; ср. ПСРЛ, т. VI, стр. 204.

насьевича и Кирилла Яковлева — в VII группе, Василия Глазоємцева — в VIII группе, Родиона Норова — в VIII группе, Фому Андреевича, Федора Глазоємцева, Якова Слизня и Никиту Федорова — в X группе.

К Прусской улице возможно отнести 6 посадников: Феофилата Захарына и Кузьму Фефилатова — в I группе, Луку Федорова — во II группе, Никиту Есифова и Семена Федорова — в V группе, Александра Самонова — в VI группе.

В остающихся неопределенными группах — 11 посадников: 5 — в III группе (Захария и Кузьма Овины, Иван Кузьмин, Иван Захарыч, Василий Кузьмин) и 6 — в IV группе (Офонас Груз, Тимофей Грузов, Иван Шенкурский, Никита Офонасов, Кузьма Грузов, Тимофей Кузьмин).

Кроме того, нам неизвестна территориальная принадлежность посадника Якова Федорова (I группа), в прусском происхождении которого мы усомнились. Остаются неизвестными также два не обозначенных в рассказе 1475 г. посадника, которых недостает до предполагаемого общего числа 36 посадников.

Этот подсчет не оставляет сомнений в том, что III и IV группы, остающиеся нерасшифрованными, не могут обе принадлежать к одному концу. Если они обе плотницкие, то на Плотницком конце окажется 11 посадников, т. е. больше, чем на любом другом. Очевидно, что одна из них связывается с Плотницким концом, а другая — с Прусской улицей.

Достигнутый таким образом предварительный результат подсчета приводит к вполне удовлетворительным выводам. Он показывает, что на Плотницком, Людином и Загородском концах в 1475 г. число посадников в каждом случае не превышало шести, а в Славенском и Неревском концах оно было больше шести. Этот результат, будучи применен к исходной цифре 36, позволяет настаивать только на одном варианте пропорционального представительства от концов в 1470-х годах, а именно: из 36 посадников Новгорода к Плотницкому, Людину и Загородскому концам принадлежало по шести посадников, а к Славенскому и Неревскому — по девяти. Если общее число посадников было равно не 36, а 34, то к Славенскому и Неревскому концам принадлежало по восьми посадников, а к остальным — по шести.

Результат сделанного подсчета, вполне совпадающий с предложенными выше наблюдениями об изменившейся роли Неревского конца, представляется нам первым подтверждением правильности тех предположений, которые были положены в основу анализа летописного рассказа о встрече Ивана III в 1475 г. Разумеется, наш пасьянс, несмотря на его формально успешный результат, не может иметь особой силы, пока общая правильность определения территориальной принадлежности групп не будет подтверждена другими, вполне независимыми аргументами. К рассмотрению таких аргументов мы теперь и переходим.

До специального исследования об организации института тысяцких нам неизвестна в точности система этой организации. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что она основывалась на тех же принципах кончанского представительства, которые учитывались при формировании посадничества. Рассказ о встрече Ивана III знакомит нас с именами семи новгородских тысяцких, из которых Матфей Селезнев и Андрей Исаков входили во II группу, связанную нами с Неревским концом, Михаил Берденев — в III группу, Матфей — в IV группу. Конкретная принадлежность III и IV групп пока не ясна, но одна из них была плотницкой, а другая — прусской. Есиф Максимов входил в V группу, связанную с Прусской улицей, Олферий Михайлов — в X группу, связанную со Славенским концом. Степенный тысяцкий Василий Есифов был участником сборной VII группы. Таким образом, с Плотницким, Людиным и Заго-

родским концами связано по одному тысяцкому, с Неревским концом — два. Что касается Славенского конца, то, учитывая обнаруженное выше равенство его представительства с представительством Неревского конца, мы к числу славенских тысяцких должны относить не только Олфера Михайлова, но и степенного тысяцкого Василия Есифова. Несколько ниже мы подтвердим это допущение.

Интересные результаты дает проверка выводов по именам житых. Несколько житых из числа поименованных в рассказе 1475 г. входило в состав пяти кончанских представителей от житых при заключении Коростынского мира 1471 г. В договоре перечислены следующие жити: Лука Остафьевич, Александр Клементьевич, Федор Иевлич, Окинф Васильевич, Дмитрий Михайлович⁴¹. Поскольку эти лица были представителями концов, они должны участвовать в разных группах встречавших Ивана III новгородцев, если предложенное нами понимание регламента встреч правильно. Из числа житых Коростынского договора в рассказе 1475 г. упомянуты: Александр Клементьевич (VIII группа, Славенский конец), Федор Иевлич (I группа, Прусская улица) и Окинф Васильевич (V группа, Прусская улица). Эти три житых действительно связываются с разными концами. Что касается Луки Остафьевича, то он не может быть отождествлен с Лукой Остафьевичем X группы, так как последний был не житым, а боярином. Дмитрий Михайлович в числе встречавших не упомянут.

Наибольшую важность имеет еще один комплекс сведений, позволяющий говорить, что кончанское представительство от бояр в XV в. осуществляется по измененным нормам, при которых соблюдается равенство Плотницкого, Людина и Загородского концов, с одной стороны, и равенство (при повышенных нормах представительства) Неревского и Славенского концов — с другой. Мы имеем в виду летописный рассказ о пирах, которые были даны в честь Ивана III новгородскими боярами⁴². Характер этого рассказа, больше напоминающего выписку из приходно-расходной книги, является свидетельством тщательной регламентации «большого приема» Ивана III Новгородом. Если уже порядок его встречи основывался на принципе кончанского представительства, тем более этот принцип должен быть учтен при организации угощения великого князя, которое по существу было растянутым актом вручения великому князю официального дара. Официальный дар входил в число условий dokonчания Новгорода с князьями: «А коли княже, поедешь в Новгород, тьгда тебе дар емати по постояниям; а коли поедешь из Новагорода, тьгда дар не надобе»⁴³.

Принято считать пиры, данные великому князю в декабре 1475 г. и январе 1476 г., некоей серией частных приемов, устроенных в его честь отдельными боярами. В. Н. Бернадский даже составил таблицу даров Ивану III, желая показать, до какой степени были велики богатства отдельных бояр, если они могли дарить великому князю по несколько сот рублей⁴⁴. Уродливые формы распределения богатств в новгородском обществе не вызывают сомнений и хорошо прослеживаются при изучении писцовых книг. Однако вряд ли дары 1475—1476 гг. следует считать частным подарком отдельных бояр, пожелавших угостить великого князя. Если нам удастся доказать существование принципа кончанского представительства в организации пиров, то тем самым мы придем к не-

⁴¹ ГВНиП, стр. 44—51, № 25—27.

⁴² ПСРЛ, т. VI, стр. 16—17.

⁴³ ГВНиП, стр. 18, № 7.

⁴⁴ См. В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля, стр. 152.

избежному выводу о том, что дары были коллективными, вручаемыми кончанскими представителями от имени групп бояр.

Всего в декабре 1475 г.— январе 1476 г. Ивану III было дано 17 пиров. Из них 3 — у архиепископа Феофила, 1 — у служилого новгородского князя Василия Васильевича Шуйского, 1 — у Настасьи на Городище. Эти пять пиров, несомненно, не имеют какого-либо отношения к возможному кончанскому представительству. Остаются 12 пиров:

1. 15 декабря — у Василия Казимира,
2. 16 декабря — у Захарии Григорьевича,
3. 19 декабря — у Василия Есифовича,
4. 21 декабря — у Якова Короба,
5. 23 декабря — у Луки Федоровича,
6. 30 декабря — у Феофилата Захарьинича,
7. 1 января — у Якова Короба,
8. 2 января — у Афанасия Остафьевича Груза,
9. 3 января — у Луки и Василия Полинарьиных,
10. 4 января — у Александра Самсоновича,
11. 6 января — у Фомы Андреевича Курятника,
12. 14 января — у Кузьмы Григорьевича.

Поскольку все эти лица упоминаются в рассказе о встрече Ивана III в ноябре 1475 г. и на основании этого рассказа мы сделали выводы об их принадлежности, посмотрим теперь, соответствует ли распределение пиров между концами Новгорода нормам кончанского представительства.

С Неревским концом связаны три пира (15 и 21 декабря и 1 января), со Славенским концом — три пира (19 декабря, 3 и 6 января), с Прусской улицей — три пира (23 и 30 декабря и 4 января). Мы не установили принадлежность Захарии Григорьевича, Афанасия Груза и Кузьмы Григорьевича (пиры 16 декабря, 2 и 14 января), однако нам известно, что они участвовали в группах, связанных с Плотницким концом и Прусской улицей: Захария Григорьевич Овин и его брат Кузьма — в III группе, Афанасий Груз — в IV группе. Если мы отнесем III группу к Прусской улице, а IV — к Плотницкому концу, то получится, что два конца Прусской улицы дали Ивану III пять пиров, а Плотницкий конец — только один. Напротив, отнесение III группы к Плотницкому концу, а IV — к Прусской улице позволит установить идеальную пропорцию: четыре пира были организованы Прусской улицей (два пира Людиным концом и два пира Загородским), два пира — Плотницким концом, три пира — Неревским и три пира — Славенским концом. Это вполне соответствует выведенным выше нормам, согласно которым представительство Неревского конца было расширено и приведено в соответствие с представительством Славенского конца.

Правильность предложенной территориальной атрибуции посадников подтверждается и анализом состава пятикончанского представительства от Новгорода при совершении важнейших государственных актов.

В этой связи важны показания летописи о составе новгородского посольства к Ивану III в конце 1477 г., связь формирования которого с пятикончанским представительством уже отмечена. В состав посольства, действующего от имени степенного посадника Фомы Андреевича Курятника, входят посадники Яков Короб, Феофилат Захарьинич, Лука Федорович, Яков Федорович, Лука Исакович Полинаршин, которые вместе со степенным посадником образуют правящую группу. Фома Андреевич

связан нами со Славенским концом, Яков Короб — с Неревским концом, Феофилат Захарьинич — с Прусской улицей, Лука Федорович — с Прусской улицей, Лука Исакович Полинаршин — со Славенским концом. Яков Федорович в рассказе 1475 г. помещен в I группу вместе с представителями Прусской улицы, однако сомнения по этому поводу мы уже высказывали. Он может быть только плотницким посадником. В самом деле, при существовании пропорционального представительства от концов на Плотницком конце должно было быть 6 посадников. Между тем в III группе, единственной группе Плотницкого конца, — только 5 посадников.

Коростынский мир 1471 г. был заключен от имени степенного посадника Тимофея Остафьевича посадниками Иваном Лукиничем, Яковом Александровичем, Феофилатом Захарьиничем, Лукой Федоровичем, Иваном Васильевичем. Тимофей Остафьевич принадлежит к боярству Прусской улицы, Яков Александрович Короб — к Неревскому концу, Феофилат Захарьинич — к Прусской улице, Лука Федорович — к Прусской улице. Принадлежность Ивана Лукинича и Ивана Васильевича нам неизвестна, так как оба они прекратили свою деятельность до 1475 г., однако один из них может быть только славенским, а другой плотницким боярином. Определить их конкретную принадлежность возможно. Мы знаем, что Иван Лукинич был посадником еще в конце 1430-х годов, занимая степень около 1438 г. Если бы он был славенским боярином, то его имя должно было бы оказаться в числе имен восьми славенских посадников докончания с Иваном Губаревым, которое датируется внутри хронологических рамок безусловного посадничества Ивана Лукинича. Между тем это имя в славенском докончании отсутствует, что заставляет относить Ивана Лукинича к Плотницкому концу. Напротив, подтверждение славенской принадлежности Ивана Васильевича, по-видимому, содержится в его данной 2 февраля 1470 г. в Богословский Важский монастырь, которая в описях называется данной Ивана Васильевича, сына Василия Степановича или Варлаама Важского⁴⁵. Славенская принадлежность Василия Степановича хорошо известна, так как он был одним из восьми посадников славенского докончания с Иваном Губаревым. Отметим, что Иван Васильевич 1471 г. не может быть отождествлен с Иваном Васильевичем Ермолинского списка (№ 124), поскольку в противном случае он сам оказался бы участником докончания с Иваном Губаревым. В этом нас подкрепляет и наблюдение В. Н. Бернадского над очередностью перечисления посадников в формулах актов в соответствии с их старшинством по Ермолинскому списку (т. е. на степени). Иван Васильевич (№ 124) в этом списке назван ранее Ивана Лукинича (№ 128) и Якова Александровича (№ 144) и в случае тождества в коростынских актах должен был бы стоять ранее этих посадников. Между тем его имя обозначено при заключении мира последним.

В состав посольства Новгорода на Наровском съезде в 1448 г. входили посадники: Самсон Иванович, Дмитрий Васильевич, Иван Лукинич, Есиф Андреевич и Богдан Есифович, действовавшие от имени степенного посадника Афанасия Остафьевича. Афанасий Остафьевич был прусским боярином. Прусским боярином был и Есиф Андреевич: в районе Прусской улицы находился его двор, сгоревший в 1463 г. К прусскому боярству должен быть отнесен и Самсон Иванович, поскольку в V и VI группах 1475 г., связанных с Прусской улицей, участвуют его сын Александр и внук Семен Федорович Самсонов. Богдан Есифович (II группа) принадлежал к неревскому боярству, Иван Лукинич — к плотницкому. Для Дмитрия Васильевича остается место представителя Славенского

⁴⁵ ГВНиП, стр. 282, № 281.

конца. Эта атрибуция позволяет вернуться к датировке славенского докончания с Иваном Губаревым.

Датируя это докончание, мы пришли к выводу, что оно было составлено в промежуток времени от 1440-х годов до 1459 г. Напомним, что позднейший рубеж грамоты был установлен по отсутствию в ней имени славенского посадника Ивана Афанасьевича, избранного после 1459 г. Его имя должно было бы оказаться в числе посадничьих имен этого докончания, если бы оно было составлено уже в бытность его посадником. Однако в докончании с Иваном Губаревым нет имени и посадника Дмитрия Васильевича, славенская принадлежность которого только что была установлена. О Дмитрие Васильевиче нам известно, что, впервые получив степень около 1437—1438 гг., он затем как посадник упоминается в источниках вплоть до середины XV в. Последний раз он назван в точно датированном тексте и документе под 1450 г.⁴⁶ Его имя также неизбежно оказалось бы в докончании с Иваном Губаревым, будь оно составлено до 1450 г. Это обстоятельство позволяет ограничить время составления докончания Славенского конца 1450—1459 гг.

Вернемся, однако, к разбору территориальной принадлежности пятнадцатых представителей в новгородских актах. Яжелбицкий договор 1456 г. заключен от имени степенного посадника Ивана Лукиничу посадниками Григорием Даниловичем, Федором Яковлевичем и Василием Степановичем и тысяцкими Яковом Ивановичем и Василием Пантелеевичем. Последние, как мы предположили, заменяют выбывших перед заключением мира из состава новгородской правящей верхушки посадников Михаила Тучу и Есифа Васильевича Носова. Нам известна принадлежность Федора Яковлевича, бывшего прусским боярином: на Добрыне улице в 1462 г. сгорел его двор. Иван Лукинич был плотничьим боярином. К славенскому боярству принадлежал Василий Степанович, названный в докончании с Иваном Губаревым. Михаил Туча — представитель Неревского конца, так как его сын Григорий в 1475 г. участвовал во II группе встречавших Ивана III бояр. Принадлежность Григория Даниловича и Есифа Носова нам неизвестна, но для них остаются места представителей Прусской улицы и Плотничьего конца, поскольку мы обнаружили только одного прусского представителя — Федора Яковлевича, а плотничий боярин Иван Лукинич в момент заключения договора был степенным и не ездил в Яжелбицы вместе с представителями пяти концов.

Все эти наблюдения ведут к взаимному подтверждению двух главных выводов, предложенных в настоящем разделе. Во-первых, совокупность всех изложенных здесь материалов говорит о правильности анализа территориальной принадлежности боярских групп, перечисленных в рассказе 1475 г. Во-вторых, эти материалы позволяют утверждать, что принцип кончанского представительства в формировании органов боярской власти сохранился вплоть до 1478 г., но сама схема представительства была изменена. К третьей четверти XV в. число сосуществовавших посадников было доведено до 34 (или 36?), причем нормы представительства от концов тоже изменились. Равное представительство по шести посадников было установлено для Плотничьего, Людина и Загородского концов. Неревский конец перешел в разряд «Великих концов» с повы-

⁴⁶ ГВНиП, стр. 124, № 74; стр. 150, № 95. Издатели ГВНиП датируют временем около 1456 г. рядную инока Алексея с Вяжицким монастырем, в которой одним из послухов выступает посадник Дмитрий Васильевич (стр. 293, № 294). Эта датировка предпринята по упоминанию вяжицкого игумена Иоакима, который строителем «около 1456 г.». Однако игуменство Иоакима в действительности датируется лишь по помете П. М. Строева при грамоте № 292, не подкрепленной аргументами.

шенным представительством (8 — или 9? — посадников), равным такому же повышенному представительству Славенского конца.

Существенным образом изменился и характер правящей группы из шести посадников. Если в начале XV в. в числе этих шести посадников всегда находилось два славенских посадника, что создавало для Славенского конца исключительные условия, теперь в правящей группе осуществлен принцип равного представительства для всех концов, а шестое место принадлежит степенному посаднику, территориальная принадлежность которого могла изменяться каждые полгода. Так, в 1448 г., когда степень принадлежала Афанасию Остафьевичу, шестым местом владела Прусская улица; в 1456 г., когда степенным был Иван Лукинич, шестое место принадлежало Плотницкому концу. В 1471 г. этим местом владела Прусская улица, а в 1477 г. — Славенский конец.

Эта весьма существенная реформа государственного управления, по-видимому, может быть датирована. Мы уже отмечали, что сфрагистические свидетельства превращения Неревского конца в «Великий конец» позволяют относить эту реформу к промежутку от 1450 до 1469 г. В этой связи значение свидетельства приобретают послания митрополита Ионы в Великий Новгород «о боех усобных», которые упоминанием в них имен самого Ионы и новгородского архиепископа Евфимия датируются 1449—1458 гг.: «Слышах, сынове, яко поизначалнаго врага душ наших и губителя диаволим наветом, некое богоненавистное и богомерзкое злое дело сътворятся в вашем православном христианстве, во отчине сына моего великого князя, в Великом Новгороде, не токмо от простых людей, от наших духовных детей: незакую сию и великую и малую вещь зачинается гнев и от того ярость и свары и прекословия и многонародное събирание с обоих стран, еще же и наименовати на то на злое и богоненавистное дело (а врагу диаволу угодное) збродней, пьянчивых и кровопролитных человек, и бои замышляют и крови пролития, и души христианские губят»⁴⁷. Вряд ли это послание могло быть написано после Яжелбицкого мира. Скорее всего оно датируется первой половиной 1450-х годов. Отметим, что, если реформа, изменившая пропорции кончанского представительства, была проведена в начале 1450-х годов, число установленных ею посадников действительно следует ограничивать тридцатью четыремя, поскольку славенское докончание с Иваном Губаревым называет 8, а не 9 славенских посадников.

ПОСАДНИЧЕСТВО XV ВЕКА КАК ОРГАН БОЯРСКОЙ ОЛИГАРХИИ

В предыдущем разделе мы старались фиксировать внимание только на тех вопросах, которые связаны с внутренней организацией посадничества, его структурой. Теперь нам надлежит перейти к характеристике посадничества как органа боярской власти, призванного обеспечивать интересы богатейшей части новгородского общества, органа, проводящего в жизнь политику крупнейших землевладельцев Новгорода.

Мы уже отмечали, что резкое расширение числа посадников в результате реформы 1410-х годов было крупным шагом в развитии боярской олигархии. Одним из наиболее существенных признаков олигархической власти является ее кастовость, другим — приобщение к государственной власти касты в целом. Наличие этих двух признаков в организации управления Новгородской республикой в XV в. нам и следует установить в первую очередь.

⁴⁷ РИБ, т. VI, Памятники древнерусского канонического права, ч. I. СПб., 1880, стр. 549; ср. также стр. 543 и сл.

В. Н. Бернадскому принадлежит весьма ценное исследование социальной структуры новгородского общества в XV в.⁴⁸ Разделяя основные выводы этого исследователя, мы можем теперь рассмотреть их с точки зрения собственных наблюдений над организацией посадничества.

Устанавливая отличия между тремя привилегированными группами новгородского общества — боярами, жителями и купцами, В. Н. Бернадский наглядно показал связь всех трех групп с землевладением, эпизодическим для купечества, которое в своей значительной части могло быть и не связано с землей, и обязательным для бояр и жителей. Наиболее трудно уловима социальная грань между боярами и жителями. Если в общей иерархии новгородских феодалов жители безусловно занимают второе место, то в размерах землевладения некоторые из них успешно соперничали с боярами. По подсчетам С. А. Таракановой, житий Василий Пантелеймонович Деревяшкин владел 88 деревнями со 154 дворами, 170 людьми и 150 обжами пахотной земли. Житий Дмитрий Матфеевич Деревяшкин владел 55 деревнями со 106 дворами, 117 людьми и 115 обжами пахотной земли. Житиему Матфею Константиновичу Домажирову принадлежало 65 деревень со 111 дворами, 118 людьми и 116½ обож пахотной земли. Житиему Алексею Квашнину принадлежали 72 деревни со 128 дворами, 129 людьми и 128 обжами пахотной земли. В. Н. Бернадский, отмечая неполноту сохранности писцовых книг и неполноту использования существующих данных С. А. Таракановой, указывал, что эти цифры безусловно преуменьшены. Так, кроме владений, подсчитанных С. А. Таракановой, у Матфея Домажирова была большая волостка из нескольких деревень в Бежецкой пятине⁴⁹.

С другой стороны, во владении тысяцкого Михаила Берденева, по данным сохранившихся писцовых книг, было 87 деревень со 141 двором, 197 людьми и 153½ обож земли; у посадника Овина — 76 деревень со 152 дворами, 219 людьми и 168 обжами земли; у четырех бояр Пантелеевых — 30 деревень со 163 дворами, 212 людьми и 177 обжами земли и т. д.⁵⁰ Памятуя о неполноте данных и несомненном преуменьшении цифр, мы все же имеем основания говорить, что разница между боярином и житием состояла вовсе не в размерах земельных владений. В. Н. Бернадский цитирует одно из описаний писцовой книги Деревской пятины: «Селцо Честово на реце Мсте... старого дохода не было; жили в нем сами бояришки и отождествляет этот пренебрежительный термин с понятием «житий»⁵¹. Однако в данном случае нет какой-либо подмены терминов. В терминологии писцовой книги отразилось лишь пренебрежение переписчика к малому владению, не дававшему дохода. Напротив, как показывает сам В. Н. Бернадский, в глазах москвичей и в терминологии писцовых книг новгородские бояре и жители не различались вообще, будучи представителями одной и той же социальной категории.

Мы не будем подробно останавливаться на других подтверждениях экономического тождества бояр и жителей. Они изложены в цитированной работе В. Н. Бернадского. Для нас более существенно выяснить различия между боярами и жителями, которые, несомненно, были строго ре-

⁴⁸ См. В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля, раздел «Бояре, жители люди и купцы», стр. 148—177.

⁴⁹ См. С. А. Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939, стр. 92—94; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля, стр. 170.

⁵⁰ См. С. А. Тараканова-Белкина. Ук. соч., стр. 91—100.

⁵¹ См. В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля, стр. 170; «Новгородские писцовые книги», изд. Археографическою комиссиею, т. 2. Переписная сбросная книга Деревской пятины около 1495 г., вторая половина. СПб., 1862, стр. 150.

гламентированы в новгородской практике, поскольку сами термины «боярин» и «житий» противопоставляются в источниках постоянно.

В этой связи наиболее важны показания Новгородской судной грамоты, в которой установлено взыскание за наводку «на виноватом на боярине 50 рублей, а на житьем двадцать рублей, а на младшем десять рублей»⁵². Этот пункт грамоты резко выделяет боярство, сближая в правовом отношении житых и молодых, и позволяет сделать вывод о том, что расширение земельного владения вовсе не было основой изменения юридического положения житяго. В экономической сфере последний мог максимально сблизиться с боярином и даже превзойти его, однако на правовом положении житяго это обстоятельство не отражалось.

Для того чтобы уточнить правовые градации новгородского общества, нам следует остановиться на одном, на наш взгляд, неверном положении, выдвинутом В. Н. Бернадским. Этот исследователь, придерживаясь мнения о том, что различия между боярами и житыми лежали в сфере юридической, несколько усложнял социальную терминологию, давая повод предполагать, что в отдельных случаях владение крупнейшими латифундиями могло вести и к изменению правового положения феодала. Мы имеем в виду замечания В. Н. Бернадского о так называемых «великих» боярах и «просто» боярах. «Великими» В. Н. Бернадский считал те два десятка боярских фамилий, которые владели в общей сложности 12 508½ обжами из общего количества 36 658 обож пахотной земли, находившейся в частном владении 1632 новгородцев. Разделяя боярство на две экономические категории, В. Н. Бернадский не оговорил того обстоятельства, что сама терминология — «великие бояре», «меньшие бояре» — заимствована им из «Устава Ярослава о судах святительских»⁵³, а в этом документе «великие» и «меньшие» бояре являются представителями различных в юридическом отношении групп.

Юридические градации «Устава Ярослава» очевидны и постоянны. Они предполагают существование «великих бояр», «меньших бояр», «нарочитых», или «добрых», людей и «простой чади», причем оскорбление жен великих бояр карается штрафом в 5 гривен золота, «меньших» бояр — в 1 гривну золота, нарочитых людей — в 2 гривны серебра или в 2 рубля, что практически одно и то же, простой чади — в 1 гривну серебра или в 1 рубль. Мы видим; что при некоторой разнице в пропорции штрафов между «Уставом Ярослава» и Судной грамотой главные юридические градации в этих памятниках совпадают, причем «младшие» Судной грамоты оказываются идентичными «меньшим боярам» «Устава Ярослава», а житьи — новообразованным термином, который применяется к социальной категории, стоявшей между «меньшим» и «великим» боярством, но ближе к «меньшим». Более того, отождествляя меньших бояр и «младших», мы тем самым признаем их менее привилегированным сословием, нежели житьи. Эти наблюдения показывают, что в XV в. никакого деления на правовые категории внутри собственно боярства не было. Существовала категория бояр, единая в юридическом отношении, хотя и включавшая в свой состав лиц разного экономического положения.

Резкая обособленность боярства от житых людей, а в более раннее время — великих бояр от меньших бояр хорошо видна из сопоставления штрафов. Уже эта правовая разница определяет кастовый характер боярства, подчеркивая его привилегированное положение. Однако эта обособленность боярства станет особенно наглядной, когда мы перейдем к вопросу о степени участия бояр и житых в государственном управлении.

⁵² «Памятники истории Великого Новгорода», под ред. С. В. Бахрушина, стр. 58.

⁵³ НПЛ, стр. 481—483.

Наблюдения над достаточно многочисленными именами житых XV в. показывают, что их политическая карьера никогда не увенчивалась избранием на высшие государственные должности посадника и тысяцкого. В. Н. Бернадский называет два исключения из этого правила, признавая их имеющими небольшую ценность для решения рассматриваемого вопроса⁵⁴. Во-первых, в писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. в описании владений Палеостровского монастыря в Шальском погосте имеется указание: «А дал те деревни в дом Спасу Палеостровскому монастырю посадник старой Панфил Селифонтов»⁵⁵. Между тем Панфил Селифонтов, несомненно, был житым: в 1471 г. он входил в число пятикончанских представителей от житых при составлении докончания с Казимиром⁵⁶. «Убедительность свидетельства,— писал В. Н. Бернадский,— снижается, однако, тем обстоятельством, что речь идет о весьма отдаленных от Новгорода местах и термин «посадник» мог быть употреблен и по отношению к местному носителю власти, а не к новгородскому посаднику»⁵⁷. Такое объяснение принять трудно, поскольку нет никаких оснований предполагать существование в Шальском погосте такой же организации местной власти, как и в Новгороде, на что должен был бы указывать термин «старый посадник». Скорее всего дело здесь сводится к простому недоразумению, вполне понятному в писцовой книге, составленной спустя почти столетие после потери Новгородом независимости. Имена новгородских посадников 1470-х годов известны нам неплохо, но среди них никогда не было имени Панфила Селифонтова.

Другим исключением В. Н. Бернадский считает посадничество в 1477—1478 гг. Луки Исаковича Полинарьюна, которого он почему-то относит к числу житых. В данном случае речь должна идти об ошибке самого исследователя. Лука Полинарьюн под 1475 г. назван не в числе житых, а в составе смешанной группы бояр и житых; кроме того, Софийская летопись прямо называет его боярином⁵⁸.

Несопоставимость этих исключений подчеркивает вывод о резкой обособленности боярства. Только боярам в XV в. принадлежали высшие государственные должности Новгородской республики, и состав боярства не пополнялся за счет других новгородских сословий. Эти факты достаточно определенно характеризуют боярство как касту, отграниченную от близких ему по своему экономическому положению категорий общества и распоряжавшуюся верховной властью в государстве.

Другой важной проблемой, стоящей перед нами, является вопрос о причастности к государственному управлению боярства в целом. Мы видели, что на протяжении XII—XIV и начала XV в. этот вопрос был одним из коренных, определяя постоянные внутрикласовые конфликты. Нормы представительства в посадничестве, принадлежность степени — это частные проблемы, которые исходят из стремления всех боярских групп к власти. Постоянное соперничество группировок и их борьба между собой за власть на протяжении XII—XIV вв. определялись существованием сильного автократического начала в организации республиканских органов. Поэтому консолидация боярства в сильнейшей степени зависела от реорганизации государственной власти. Лишь ликвидация автократии и замена ее олигархией, приобщая к государственной деятельности значительно больший круг бояр, должна была вести к ослаблению соперничества боярских группировок.

⁵⁴ См. В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля, стр. 175.

⁵⁵ «Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.». М.—Л., 1930, стр. 178.

⁵⁶ ГВНИП, стр. 130, № 77; ПСРЛ, т. VI, стр. 12; т. VII, стр. 160.

⁵⁷ В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля, стр. 175.

⁵⁸ ПСРЛ, т. VI, стр. 203: «...били челом великому князю бояре Лука да Василей Исаковы дети Полинарьюны...».

С другой стороны, целям боярской консолидации могло отвечать только максимальное расширение числа лиц, участвовавших в управлении государством. При юридическом равенстве всех новгородских бояр идеальной формой организации боярской власти, отвечающей тенденциям реформы 1410-х годов, было бы приобщение к государственному управлению всех бояр, имевших на то право в силу своей сословной принадлежности, возраста, способностей и желания. В этой связи возникает вопрос о том, сколько в Новгороде XV в. было боярских фамилий и насколько общее число бояр превосходит число посадников и тысяцких.

Некоторую возможность для подсчетов дает летописный рассказ о боярском выводе из Новгорода после присоединения к Москве. Ликвидация новгородского боярства Иваном III началась в 1475 г., когда в результате разбора жалоб в Новгороде были арестованы и отправлены в Москву Иван Афанасьевич с сыном Олферием, Василий Ананьинич, Богдан Есифов, Иван Лошинский и Федор Исаков⁵⁹. В 1478 г. сразу же после присоединения Новгорода в Москву были отправлены Марфа Исакова с внуком Василием Федоровичем, Иван Кузьмин Савелков, Окинф Толстой с сыном Романом, Юрий Репехов, Григорий Арзубьев и Макарка Панфилов⁶⁰. Из этого числа некоторые лица были житыми, что вполне определенно можно утверждать относительно Григория Арзубьева. Панфилов был купеческим старостой. В 1481 г. в Москву были увезены бояре Василий Казимир, Яков Короб, Михаил Берденев и Лука Федоров⁶¹. Главный удар по новгородским боярам и их землевладению был нанесен Иваном III в 1484 г., когда «прииде великому князю обговор на новгородци от самих же новгородцев, яко посылалися братья их новгородци в Литву к королю. Князь велики посла и пойма их всех болших и житых людей, человек с тридцать, и домы их повеле разграбити и повеле их мучити на Иванове дворе...»⁶². В приведенном контексте 30 человек болших и житых отождествляются с московскими изменниками, снискавшими с Казимиром IV. Однако, в отличие от Софийской Второй летописи, откуда мы заимствовали цитату, все остальные летописи излагают этот рассказ несколько иначе: «Тое же зимы посла князь велики болших бояр новгородцких и боярынъ, а казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместиа на Москве под городом; а иных бояр, которые коромолю дръжали от него, тех велел заточити в тюрьмы по городом»⁶³.

В 1488 г. на втором этапе новгородского вывода, имевшем наиболее массовый характер, речь идет только о житых: «Тое же зимы посла князь велики и привели из Новагорода боле семи тысячъ житиих людей на Москву, занеже хотели убить Якова Захарыча наместника новгородскаго; и иных думцев много Яков пересек и перевешал»⁶⁴. Наконец, бояре упомянуты еще раз на третьем этапе вывода, в 1489 г.: «Тоя же зимы князь велики Иван Васильевич приведе из Новагорода из Великого многих бояр и житиих людей и гостей, всех годов болши тысячи, и жаловав их на Москве давал поместиа, и в Володимери, и в Муроме, и в Новегороде Нижнем, и в Переяславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме и по иным городом; а в Новгород Велики на их поместиа

⁵⁹ ПСРЛ, т. IV, стр. 130, 251; т. VI, стр. 18, 33, 203; т. VIII, стр. 182.

⁶⁰ Там же, т. IV, стр. 259, 261; т. V, стр. 38; т. VI, стр. 19, 33, 220; т. VIII, стр. 198—199.

⁶¹ См. И. Беляев. История Новгорода Великого. М., 1866, стр. 573; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля, стр. 320.

⁶² ПСРЛ, т. VI, стр. 235—236.

⁶³ ПСРЛ, т. VI, стр. 36; т. VIII, стр. 215.

⁶⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 238; т. VIII, стр. 218.

послал московских много лучших людей...»⁶⁵. Упоминание бояр в этом рассказе, по-видимому, является следствием все той же московской путаницы в новгородской терминологии, о которой писал В. Н. Бернадский. В других летописях в рассказе 1489 г. упоминаются одни только житьи: «Тое же зимы новгородцев князь велики повеле вывести из Новгорода житьих людей, а вести в Новгород Нижний обговору деля, что наместники и волостели их продавали, и кои на них продажи выщут, и они боронятся тем, что их, рекши, думали убить; и князь велики москвичь и иных городов людей посла в Новгород на житье, а их вывел, а многих изсечи велел на Москве, что, рекши, думали Якова Захарьича убити»⁶⁶.

Есть основания думать, что второй и третий этапы вывода новгородцев в действительности были одним этапом⁶⁷, начало которого относится к 1488 г., а конец — к 1489 г. Трудно поверить, что такое решительное предпринятие, затронувшее всех землевладельцев Новгорода и круто изменившее их судьбу, осуществлялось выборочным порядком, что сначала была выведена одна часть житьих, а затем другая спустя год. Еще труднее поверить в то, что вывод такого громадного числа людей с их семьями и скарбом был осуществлен в какие-то короткие отрезки времени. По-видимому, в рассказе 1488 г. и в рассказе 1489 г. речь идет об одних и тех же лицах, но в первом случае сосчитаны все житьи, включая женщин и детей, а во втором только главы семей, владельцы земельных участков. В этом предположении нас подкрепляет общая цифра землевладельцев Новгорода, сведенных в 1480-х годах, которая была подсчитана А. М. Гневушевым на основании писцовых книг и равна 1632⁶⁸.

Если все эти наблюдения правильны, то общее число бояр в Новгороде следует признавать исключительно небольшим. Учитывая сумму показаний летописного рассказа 1484 г. и рассказов летописи об арестах бояр в 1475, 1478 и 1481 гг., можно утверждать, что оно равнялось двум-трем десяткам семей. Эта цифра не расходится с результатами подсчета крупнейших землевладельцев Новгорода, предложенными С. А. Таракановой. Она насчитывает 55 таких землевладельцев⁶⁹, однако в их числе был целый ряд житьих; кроме того, некоторые бояре из числа названных С. А. Таракановой принадлежали к одним и тем же семьям. Подтверждается эта цифра и наблюдениями над рассказом о встрече Ивана III в 1475 г.

В числе встречавших названы 59 достоверных бояр; кроме того, отдельные бояре (не больше десятка) перечислены вместе с житьими. Между тем если подсчитать боярские семьи, к которым принадлежат бояре, перечисленные в этом рассказе, то количество их не превысит четырех десятков.

Если мы сравним эту цифру с общим числом новгородских посадников и тысяцких XV в., результаты сравнения окажутся весьма красноречивыми. После реформ 1410-х и начала 1420-х годов в Новгороде одновременно существовало 24 посадника. Количество тысяцких может быть установлено только после специального исследования, но, по-видимому, их тогда было не меньше пяти (по числу концов). После реформы 1450-х годов количество одновременных посадников достигло 34 человек, а тысяцких — 7 человек. Из 50—60 достоверных бояр рассказа 1475 г. 41 был посадником или тысяцким. Иными словами, большинство взрос-

⁶⁵ ПСРЛ, т. VIII, стр. 218.

⁶⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 238—239.

⁶⁷ См. В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля, стр. 322.

⁶⁸ См. А. М. Гневушев. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495—1505 гг., ч. I. Киев, 1915, стр. 311—312.

⁶⁹ См. С. А. Тараканова-Белкина. Ук. соч., стр. 91—100.

лых бояр принимало участие в руководстве государством на правах членов новгородского сената — Совета господ. Представители всех семейств не только располагали возможностью быть избранными на должность посадника или тысяцкого, но практически владели этими должностями. Показательно, что летописец, касаясь событий третьей четверти XV в., в ряде случаев не титулет бесспорных посадников. В результате реформ XV в., расширивших число посадников практически до числа боярских семей, титул посадника был принижен, а звание боярина приобрело дополнительную ценность. По-видимому, в этот период вообще намечается бытовое сближение терминов «боярин» и «посадник».

Единственное противоречие предложенной цифре подсчета возможного числа бояр заключается в известном сообщении о 300 золотых поясах, содержащемся в донесении Немецкого двора Рижскому магистрату 1331 г.⁷⁰ Выражение «ССС guldene gordele» исследователи толкуют часто как обозначение количества членов Совета господ. Однако это толкование принадлежит к числу наиболее противоречивых. Состав Совета господ перечислен в немецком документе 1401 г., т. е. времени, когда этот совет мало в чем мог измениться сравнительно с 1331 г.: *gink in to dem bishope und borgreven hertegem und to vif ordernden von vif enden*⁷¹, т. е.: «архиепископ, посадник, тысяцкий и 5 старост от 5 концов», иными словами: архиепископ, 6 посадников и тысяцкий, поскольку кончанский староста и кончанский посадник — понятия тождественные. Грановитая палата, построенная Евфимием специально для заседаний новгородского сената (1433 г.) в тот период, когда его состав значительно расширился по сравнению с 1401 г., вовсе не приспособлена для размещения нескольких сот человек. Это помещение с полезной площадью около 165 кв. м, к тому же еще ограниченное особенностями планировки. В ней могло засесть по большей мере несколько десятков человек. Не говорит ли выражение «ССС guldene gordele» о цене пояса в 300 гульденов, что само по себе подчеркивало бы высокий ранг членов Совета? Отметим, что В. О. Ключевский весьма убедительно противопоставлял Совет господ этим «ССС guldene gordele», понимаемым, однако, им в обычном толковании: «300 золотых поясов»⁷².

Итак, организация государственной власти в Новгороде XV в. действительно основана на началах олигархии. Власть принадлежит крайне небольшой и замкнутой боярской касте, которая целиком приобщена к управлению республикой. Экономической основой этой власти является крупное и крупнейшее землевладение, средоточие в руках нескольких десятков боярских семей трети частновладельческих земель в пятинах и большинства земель в колониях, К сожалению, невозможно произвести общий подсчет всех боярских земель в пятинах, но, по-видимому, они охватывали не менее половины пахотных площадей.

Однако кастовость новгородского боярства основывается не на размерах землевладения. Обладая особыми юридическими правами, сравнительно с жителями, в числе которых встречались и равновеликие боярам землевладельцы, возвышаясь над ними, бояре, вне всякого сомнения, основывали свои права и привилегии, свою особую роль в управлении на принадлежности к исконной новгородской аристократии, состав которой был уже фиксирован к тому времени, когда началось формирование крупной земельной собственности меньших бояр — житейх. По существу стремление летописца возвести корень новгородского боярства к Рюрику («и суть новгородстии людие до днешняго дня от рода варяжь-

⁷⁰ «Русско-ливонские акты, собраны К. Э. Напьерским», № 61.

⁷¹ LUB IV, Reval, 1859, стр. 531.

⁷² В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. М., 1902, стр. 545.

ска»⁷³), а Гостомысла — к роду римских кесарей отражает составные части политической легенды, освящающей права этой аристократии на власть в Новгороде. Одним из основных признаков принадлежности бояр к древней новгородской аристократии, ведущей происхождение от племенной знати, является наследственность посадничества, которая определилась еще в XII в. и была провозглашена в начале XIII в., задолго до первого активного выхода на политическую арену «меньших бояр». Даже при относительной скудости генеалогических сведений большинство посадничьих генеалогий может быть прослежено на протяжении не менее двухсот лет, т. е. четырех-пяти поколений.

До сих пор мы касались только одной части проблемы организации Новгородского государства — вопроса о принадлежности высших органов власти, находящихся всецело в руках боярства. Однако в развитии новгородской государственности тенденция боярства сосредоточить в своих руках все виды государственного представительства наталкивалась на встречную тенденцию житых, купцов и черных людей иметь собственных представителей при совершении важнейших политических актов. Бояре стремились представлять «весь Новгород», все его классы и сословия, подменяя их интересы задачами собственной политики. Между тем ни житьи, ни купцы, ни черные люди не могли поддерживать этой тенденции, стремясь к созданию собственного представительства. Вопрос о формах власти, стремление к созданию сословно-представительного органа не могли не стать одним из главных элементов политической и классовой антибоярской борьбы новгородского общества. Рубежи классовой борьбы в этой обстановке не совпадали с рубежами антибоярской борьбы в целом, и это обстоятельство вело к исключительной сложности взаимоотношений внутри Новгорода. Если житьи в стремлении к власти были политическими противниками бояр, то, занимая вместе с ними верхние ступени феодальной лестницы, они были решительными классовыми врагами черного люда. Если купечество не могло не стремиться к приобретению к власти и в этом стремлении противостояло боярам, то в своей экономической деятельности оно было связано с боярством теснейшими узами, участвуя в реализации доходов с боярских земель.

С другой стороны, само существование классового рубежа между черным людом и всеми остальными слоями новгородского общества, принадлежавшими к классу феодалов, должно было постоянно поддерживать классовую общность боярства, житых и купечества. Вполне очевидно, что расстановка политических и классовых сил в Новгороде XV в. была наименее выгодной для черного люда. Она была менее выгодной, чем в предшествующее время, когда в обстановке собственной внутренней борьбы боярство постоянно вынуждено было обращаться за поддержкой к городскому плебсу.

Отождествляя житых с меньшими боярами, мы можем говорить, что они сравнительно рано смогли добиться признания их вторым привилегированным сословием Новгорода. Актовая формула «и от всех старейших, и от всех меньших» засвидетельствована еще в 1260-х годах⁷⁴, а в дальнейшем становится постоянной для государственных актов Новгорода вплоть до 1370-х годов⁷⁵. Поскольку в полном виде эта формула звучит: «от всех старейших, и от всех меньших, и от всего Новгорода», в ней следует видеть указание именно на меньших бояр, а не на весь Новгород, исключая старейших. Однако, несмотря на постоянство этого до-

⁷³ НПЛ, стр. 106.

⁷⁴ ГВНИП, стр. 10, № 2.

⁷⁵ Там же, стр. 29, № 15.

статочного важного обозначения меньших в актовых формулах, мы должны признать, что действительного представительства от меньших, по крайней мере в конце указанного периода, в середине и второй половине XIV в., не существовало.

В самом деле, во всех документах этого времени, называющих рядом со старейшими меньших, представительство от старейших, меньших и всего Новгорода осуществляется посадником и тысяцким. Социальная природа первого хорошо известна: посадник был боярином и сам принадлежал к числу старейших. Что касается тысяцкого, то для середины XIV в. и всего последующего периода новгородской независимости фигура тысяцкого неотделима от среды все тех же старейших бояр, к которым принадлежали и посадники. Хорошо известно и уже много раз отмечено выше, что в позднейший период истории Новгородской республики должность тысяцкого была одной из промежуточных ступеней тех политических карьер, которые увенчивались избранием в посадники, что многие посадники, прежде чем приобрести свой высокий титул, бывали тысяцкими, что, наконец, обе эти должности были принадлежностью одной касты — новгородского боярства. Практически представительство от всего Новгорода — старейших, меньших, купцов и черных — осуществлялось двумя боярами и было действительным представительством от боярства и фиктивным от всех остальных сословий.

Известно, что тысяцкий первоначально признавался представителем от житых и черных людей. Напомним показания «Рукописания князя Всеволода», документа, отредактированного на рубеже XIII—XIV вв.: «А яз князь великий Всеволод поставил есмь святому Ивану 3 старосты: от житых людей и от черных тысяцкого, а от купцев 2 старосте, управливати им всякаа дела торговаа и гостинаа; а Мирославу посаднику в то не вступатися, ни иным посадникам в Иванское ни во чтоже, ни бояром новгородским»⁷⁶.

В этой связи небезынтересно проследить, с какой поры тысяцкое стало безусловной и неотъемлемой принадлежностью боярства, выяснить, вращалась ли эта должность всегда в кругу старейших или она перешла к ним на одном из этапов развития этого института.

Оказывается, что с момента возникновения должности тысяцкого в конце XII в. и до середины XIV в. списки тысяцких вовсе не перекрещиваются с посадничьими списками. Для всех деятелей XIII в. и первой четверти XIV в., побывавших на должности тысяцкого, обладание этой должностью было вершиной их карьеры. Более того, ни один из тысяцких этого времени не оказывается в близком родстве с посадниками того же времени; во всяком случае в источниках нет ни одного такого показания, которое могло бы быть использовано для установления родственных связей между посадниками и тысяцкими. Выборы посадников и тысяцких производились из разных групп новгородских феодалов.

Только во второй четверти XIV в. этот порядок был изменен. Первым новгородским деятелем, побывавшим на должности тысяцкого до того как стать посадником, был Евстафий Дворянинец. После него количество подобных случаев умножается. К рубежу XIV—XV вв. схема административной карьеры — через должность тысяцкого к должности посадника — становится обычной. С того же времени летописец постоянно называет тысяцких боярами.

Из этих наблюдений мы делаем вывод, что со второй четверти XIV в. должность тысяцкого, бывшая до того принадлежностью меньших бояр, становится предметом устремлений и со стороны великих или старейших бояр, которые на протяжении XIV в. узурпируют ее. Одна из берестяных

⁷⁶ НПЛ, стр. 508.

грамот, найденных при раскопках в Новгороде, позволяет установить одну из главных целей этих устремлений. Мы уже отмечали, что тысяцкое по своей сущности было не только представительством от житейх и черных людей, но и обобщением той административной системы, которая существовала рядом с кончанским и уличным делением и, будучи введена еще в княжеский период новгородской истории, имела, по всей видимости, главным образом фискальный характер. Мы имеем в виду систему деления Новгорода на сотни, которой принадлежала немаловажная роль, в частности в организации купечества («кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнет в свой погост»). Вполне очевидно, что если боярство в его стремлении захватить в свои руки должность тысяцкого руководствовалось желанием поставить под безраздельный контроль эту административную систему, важность которой видна хотя бы из того, что она неизменно культивировалась вплоть до падения Новгорода, хотя рядом с ней существовала более органичная кончанская система, то его внимание должна была привлечь не только высокая должность тысяцкого, но и не такая высокая должность сотского. В числе берестяных грамот, обнаруженных на усадьбе Онцифоровичей, найдено несколько писем, адресованных брату Юрия Онцифоровича — Максиму. Принадлежность Максима Онцифоровича к великому боярству не нуждается в детальных доказательствах. Между тем в грамоте № 279 он титулуется сотским⁷⁷.

Таким образом, на протяжении XIV в. совершается весьма важный процесс преобразования природы тысяцкого. Эта должность переходит в руки боярства и теряет свое прежнее содержание. Очевидно, что с утратой представительства в лице тысяцкого житейх и черные должны были искать новых путей для восстановления своего представительства. В этой связи нам кажется вполне закономерным особый интерес к старым документам новгородского законодательства, в которых устанавливались какие-либо ограничения боярского произвола. То обстоятельство, что «Рукописание» Всеволода приобретает широкое распространение в XIV в. и еще раз редактируется не позднее первой четверти XV в., представляется фактом весьма значительным. Ведь именно этот документ при его антибоярской направленности содержит древние установления некоторых привилегий для других новгородских сословий. В частности, «Рукописание» отдает торговый суд в руки житейх, черных и купцов и провозглашает его независимость от боярства.

Существенные успехи житейх в их борьбе за представительство следует отметить в связи с событиями 1385 г., вызванными отказом новгородцев от митрополичьего суда: «Той же зимы, при посаднике Федоре Тимофеевиче, при тысяцком Богдане Обакуновиче, человаша новгородци крест на том, не зватися к митрополиту на Москву на суд, но судити владыке Алексею по Манакануну; а посаднику и тысяцкому судити свои суды по челованию; а на суд поимати двема истчам по два боярина и по два житейя с стороне»⁷⁸. Около того же времени отмечается образование особых представительств от житейх при совершении государственных актов. По-видимому, первый случай формирования особого представительства от разных сословий наблюдается в 1370-х годах, во время заключения договора с Дмитрием Ивановичем о взаимной помощи: «Се приехали ко мне к великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, от отца моего владыки Олексея, и от посадника Юрья, от тысяцково Оли-

⁷⁷ См. А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 г. в Новгороде. СА, 1958, № 2, стр. 236.

⁷⁸ ПСРЛ, т. IV, стр. 91—92; т. XII. СПб., 1901, стр. 85—86.

сея, и ото всего Новгорода Иван посадник, Василей Федоров, Иван Борисов, а от черных людей Воислав Попович, Василей Огафонов»⁷⁹. Житьи здесь не названы, однако с почти полной несомненностью мы можем отнести к числу их представителей Василия Федорова и Ивана Борисова. Иначе состав посольства к великому князю Дмитрию станет совершенно непонятным.

В 1386 г. во время похода Дмитрия Донского на Новгород житьи снова включены в состав новгородского посольства, по одному от конца⁸⁰. Они участвуют в посольстве Новгорода к Василию Дмитриевичу в 1398 г.⁸¹, принимают участие в заключении Демонского соглашения в 1441 г.⁸² Пять представителей от житьих (Афанас Микулич, Иван Юрьевич, Яков Иванович, Еремей Кузьмич, Василий Захарьинич) участвуют в заключении Яжелбицкого мира⁸³. Пять их представителей (Панфил Селифонтович, Кирило Иванович, Яким Яковлевич, Яков Зиновьевич, Степан Григорьевич) названы как представители Новгорода в проекте договора с Казимиром IV в 1471 г.⁸⁴ и пять (Лука Остафьевич, Александр Клементьевич, Федор Иевлич, Окинф Васильевич, Дмитрий Михайлович) — в тексте документов, связанных с заключением Коростынского мира⁸⁵. Наконец, пять житьих (Александр Клементьевич, Евфимий Медников, Григорий Киприянович Арзубьев, Филипп Килской и Яков Царевичев) осуществляли кончанское представительство во время последних переговоров с Иваном III в конце 1477 — начале 1478 г.⁸⁶

Государственное представительство от житьих в XV в. возобновлялось всякий раз, когда отношения Новгорода с великим князем вступали в критическую фазу. Это обстоятельство свидетельствует, по-видимому, о том, что в отношении к Москве житьи выражали взгляды, практически совпадавшие со взглядами бояр. Однако наблюдения над составом представительства от житьих показывают также, что каждый раз их посольства формировались лишь по мере возникновения потребности. В отличие от бояр житьи в XV в. не располагали постоянно действующим представительным органом, который мог бы выражать и защищать их интересы внутри Новгорода. В этом отношении наиболее показательное сравнение двух посольств 1471 г. Оба посольства — к Казимиру IV и к Ивану III — действуют не одновременно, но с небольшим интервалом, приходящимся на промежуток между двумя обновлениями государственных органов Новгорода. Если бы представительство от житьих было постоянным, состав их представителей в обоих случаях должен был бы совпадать. Однако и в том и в другом случае названы разные лица, что говорит об эпизодическом характере представительства, о формировании посольств от случая к случаю.

Таким образом, государственное представительство от житьих в XV в. оставалось фикцией, но в наиболее острых ситуациях бояре пользовались их поддержкой и допускали создание особых представительств эпизодического характера. Очевиден успех житьих в суде, определившийся еще в конце XIV в., но этот успех вряд ли следует переоценивать, так как суд оставался прерогативой боярства, а житьем в нем отводилась роль наблюдателей. Оценивая результаты длительного процесса борьбы бояр и житьих, можно говорить, что итоги борьбы складывались

⁷⁹ ГВНИП, стр. 31, № 16.

⁸⁰ ПСРЛ, т. IV, стр. 346; т. XXV, стр. 213.

⁸¹ НПЛ, стр. 393.

⁸² Там же, стр. 421.

⁸³ ГВНИП, стр. 39—44, № 22—23.

⁸⁴ Там же, стр. 130—132, № 77.

⁸⁵ Там же, стр. 44—51, № 25—27.

⁸⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 209—213; т. VIII, стр. 187—192.

в пользу боярства, поскольку еще в начале XIV в. житьи располагали деятельным участием в государственном управлении, избирая из своей среды тысяцкого, а уже в первой половине XIV в. должность тысяцкого была захвачена боярами, что превратило постоянное представительство от житьих в фикцию.

Иначе складывались отношения боярства и купечества. На протяжении всей истории республиканского Новгорода купечество ни разу не получило права выступать от лица Новгорода рядом с боярами и житьями. При совершении актов, касавшихся отношений Новгорода с великим князем, т. е. документов, наиболее четко выражавших принципы республиканского суверенитета, представители купечества не участвуют в посольствах. Однако самостоятельность купеческих интересов была признана в Новгороде официально еще во второй половине XIII в. установлением независимого торгового суда. Участие купеческих старост в суде и обсуждении дел, связанных с новгородской торговлей, — вот решительно ограниченная сфера их деятельности. Можно полагать, что именно эта второстепенность купеческого представительства и была причиной более полного сохранения той системы участия купечества в государственных органах, которая сложилась во второй половине XIII в.

Мы уже отмечали, что редактированное в конце XIII в. «Рукописание Всеволода» фиксирует существование в Новгороде торгового суда, находившегося в ведении трех старост, одним из которых был представитель житьих и черных тысяцких, а двое других представляли интересы купцов. Наблюдения над многочисленными сфрагистическими свидетельствами древнего аппарата Новгородской республики показали, что организация такого суда относится к концу XIII в., когда впервые становятся известными ставшие затем многочисленными печати «новгородских тиунов», отождествляемых с купеческими старостами. Сравнение общего числа сохранившихся до настоящего времени печатей новгородских тиунов и печатей тысяцких позволило утверждать, что на протяжении XIV в. торговый суд практически находился в руках купеческих старост, которым принадлежало и высшее право утверждения актов, связанных с торговыми делами.

Купеческие старосты достаточно часто упоминаются в неотделимых от истории торговли международных актах Новгорода второй половины XIII—XV вв. Их называют документы 1269, 1301, 1342, 1371, 1372, 1409, 1434, 1436, 1439, 1448, 1450, 1456 гг.⁸⁷ В большинстве этих документов старосты названы по имени. Лишь в акте 1342 г. упомянут один купеческий староста; во всех остальных случаях их — два, что соответствует показанию «Рукописания Всеволода».

Помимо участия в международной политике, которое было весьма важной функцией купеческого представительства, купеческие старосты располагали еще одной, не менее существенной формой участия в государственных делах, имея несомненное отношение к государственным финансам Новгорода. Разумеется, основой образования и пополнения республиканской казны были всевозможные виды обложения, от бора и тамги до доходов, связанных с эксплуатацией монетной регалии. Однако значительная доля доходов государства складывалась также и путем государственной эксплуатации торговли. Система торговых, весовых и проездных пошлин постоянно находилась в центре внимания государства, о чем можно судить хотя бы при рассмотрении докончаний Новгорода с великими князьями, строго различающих республиканскую и княжескую доли в доходах от взимания пошлин. Докончания связывают

⁸⁷ ГВНиП, № 31, 33, 41—43, 49, 64, 67—68, 73—74, 76.

деятельность по контролю над таможенными сборами с тиунами — княжескими и новгородскими. Условие «а что вам пошлина в Торжку и на Волоце: тиун свои держати на своей части, а ноугородцам на своей части» является традиционным для договоров Новгорода с великими князьями. Между тем нам уже известно о тождественности терминов «новгородский тиун» и «купеческий староста». Собственно, с этой деятельностью купеческих старост связана и организация привилегий Иваньского ста, являвшегося собственником всех пошлин с торговли воском. Трудно представить себе существование особого аппарата, связанного только с контролем над торговыми операциями вошников, если весь аппарат таможенного контроля не находился в руках купечества, заинтересованного в извлечении доходов для своей корпорации.

Таким образом, в XIII—XIV вв. известная автономия купеческого представительства опиралась на существенную материальную базу, значительно подкреплявшую авторитет купеческих старост. Говоря об известной автономии органов купеческого представительства, мы прежде всего имеем в виду показания «Рукописания Всеволода», в котором провозглашен принцип независимости торгового суда от боярства.

Мог ли, однако, такой важный орган сохранить свою независимость в эпоху, когда боярство, добившись внутреннего сплочения, создало монолитные формы олигархического правления? Ответ на этот вопрос дает Новгородская Судная грамота. В этом важнейшем юридическом памятнике XV в. засвидетельствовано существование в Новгороде трех судов — посадника (судившего вместе с великокняжеским наместником), тысяцкого и владычного наместника. Если в руках посадника и великокняжеского наместника находился верховный суд, ведавший областью уголовного права, а владычному наместнику были подсудны имущественные отношения и та часть судопроизводства, которая подробно описана в Митрополичьем правосудии, то все дела, связанные с торговым судом, могли входить лишь в юрисдикцию тысяцкого, имевшего прямое отношение к торговому суду еще в конце XIII в., как об этом сообщает «Рукописание Всеволода».

Однако само участие тысяцкого в торговом суде в XV в. по смыслу оказывается диаметрально противоположным его участию в этом суде в XIII — начале XIV в. Если в раннее время тысяцкий осуществлял не фиктивное, а фактическое представительство от житейх и черных, то уже к середине XIV в. эта должность была захвачена боярством. Более того, наблюдения над вислыми печатями показывают, что к началу XV в. резко меняется степень участия тысяцкого в торговом суде. Если в конце XIII и в XIV в. получают широкое распространение печати купеческих старост («новгородских тиунов») и таких печатей к настоящему времени найдено уже 80, тогда как печатей тысяцких того же времени известно всего 10 экземпляров⁸⁸, то в сфрагистических материалах XV в. нет больше ни одной тиунской печати. Напротив, в XV в. резко увеличивается количество печатей тысяцких, а затем печатей «Великого Новгорода». Поскольку все тиунские печати происходят из случайных находок и могут быть датированы лишь путем привлечения технических, стилистических и палеографических аналогий в хорошо датированных памятниках, точную дату ликвидации тиунской печати назвать невозможно, хотя эти аналогии говорят о том, что она находится в пределах второй

⁸⁸ Интересно отметить, что из этих 10 печатей 9 сохранились при грамотах и только одна обнаружена в земле, тогда как все 75 тиунских печатей происходят из случайных находок. Несомненно, что пропорции распределения материала случайных находок более объективны.

половины XIV в. Предположения об этом хронологическом рубеже возможно высказать, отталкиваясь от приблизительной даты увеличения числа печатей тысяцких, коль скоро эти два явления оказываются результатом одного и того же процесса. Печати тысяцких перестают быть исключительной редкостью с началом последней четверти XIV в. Впрочем, вопрос об этой дате может и должен стать предметом специального исследования.

Во всяком случае изложенные наблюдения позволяют говорить о том, что к началу XV в. структура торгового суда, внешне оставаясь неизменной, пережила глубокое качественное преобразование. Торговый суд, бывший некогда органом защиты интересов купечества, не подконтрольным боярству, органом, декларировавшим свою независимость от боярства, теперь превращается в орган боярского управления, в котором первое место занимает боярин-тысяцкий, а купеческим старостам отводятся второстепенные роли. В этой связи можно было бы привести длинный список международных актов Новгорода, обсуждающих и решающих торговые дела, в которых старосты даже не упомянуты, а представительство от купцов осуществляется владыкой, посадником и тысяцким.

Весьма интересно, что имена купеческих старост отсутствуют, как правило, в документах последней четверти XIV и первой четверти XV в., тогда как в последующий период они называются в актах неизменно. Они исчезают тогда, когда в торговом представительстве выходит на первое место боярин-тысяцкий, и вновь появляются, когда боярское управление приобретает в своем развитии законченные формы. После реформы 1423 г., окончательно укрепившей всю систему боярской власти, вопрос о взаимоотношениях с купечеством не мог иметь прежней остроты, и участие купеческих представителей в осуществлении боярской политики могло быть только желательным для бояря, коль скоро деятельность купеческих старост находилась под контролем тысяцкого.

В настоящей работе нет смысла подробно анализировать взаимоотношения боярства и церкви, хотя вопрос о роли архиепископа в общей системе организации республиканской власти принадлежит к числу кардинальнейших вопросов истории новгородской государственности. Любая попытка подойти к этой проблеме в конечном счете приведет к исследованию, имеющему специальный характер и затрагивающему иной круг вопросов, нежели поставленные в настоящей работе. Однако не подлежит какому-либо сомнению экономическое и политическое родство владычного управления с органами боярской олигархии. Боярство и церковь, представляя крупнейшее землевладение Новгорода, занимали место на самом верху феодальной лестницы. Принципиальная схема размежевания сфер государственного управления между боярством и церковью сложилась уже в XIII в. Подбор кандидатов на новгородскую кафедру осуществлялся стоявшим у власти боярством. На протяжении всей истории республиканского Новгорода ни разу не отмечены какие-либо расхождения между классовой политикой архиепископа и классовой политикой стоявшего у власти боярства.

В исторической литературе некоторую популярность приобрела концепция Б. А. Рыбакова, согласно которой один из новгородских архиепископов XIV в. — Василий Калика (1331—1353 гг.) был ставленником ремесленной части населения Новгорода и проводил политику, отличную от боярской⁸⁹. Однако выводы исследователя не аргументированы с должной тщательностью и нуждаются в пересмотре. Аргументация Б. А. Рыбакова основывается на следующих положениях. 1. Василий

⁸⁹ См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд-во АН СССР, М., 1948. стр. 767 и далее.

Калика до избрания на владычную кафедру был священником в церкви Козмы и Демьяна на Холопъей улице. Между тем Козмодемьянские церкви обычно связаны с патронатом ремесленной корпорации кузнецов. Известная хутынская икона «Видение пономаря Тарасия» позволяет локализовать изображенную на ней кузницу как раз в районе Козмодемьянской церкви на Холопъей улице; 2. В 1342 г. во время столкновения Онцифора Лукича с посадником Федором Даниловичем архиепископ встал на сторону Онцифора, но этот последний был также поддержан и чернью; 3. В своей внешней политике Василий выступал против союза с Литвой и придерживался московской ориентации, между тем «именно в это время оформилось тяготение черных людей Новгорода, Торжка, Брянска, Костромы, Нижнего Новгорода к сильной власти московского князя, в котором они хотели видеть защитника от боярского насилия»; 4. Литературное наследие Василия рисует его «как человека, не считавшегося с официальной церковностью и открыто заявлявшего о своих полуеретических взглядах, близких к народной идеологии». Рассмотрим эти аргументы.

Называя церковь Козмы и Демьяна на Холопъей улице центром ремесленной корпорации кузнецов, Б. А. Рыбаков основывается на сопоставлении хутынской иконы с планом Новгорода, «составленным на основании писцовых книг»⁹⁰. Не совсем ясно, какой план имеется в виду, поскольку ссылка дается на план в книге И. И. Красова, а на этом плане воспроизведена новейшая топография Новгорода 1850 г. Попытаемся, однако, произвести это сопоставление заново. Для предложенной Б. А. Рыбаковым локализации кузницы хутынской иконы «ориентирующими топографическими признаками являются Волхов, башни городского вала, церкви апостола Иакова, Флора и Лавра и Сорока мучеников... Изображение кузницы локализуется в конце Кузьмодемьянской улицы близ того места, где в нее входит Холопья улица»⁹¹. Последнее указание позволяет утверждать, что при сопоставлении данных Б. А. Рыбаков пользовался планом П. Л. Гусева, приложенным к статье последнего «Новгород XVI в. по изображению на хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия»⁹², поскольку лишь на этом плане Холопья улица соприкасается с Козмодемьянской. Безотносительно к каким-либо графическим планам, место обеих Козмодемьянских церквей на Холопъей и Козмодемьянской улицах находится внутри треугольника, образованного местоположением церковей Якова, Флора и Лавра и Сорока мучеников, и находится у восточной грани этого треугольника, обращенной к Волхову. Однако на хутынской иконе кузница изображена не только вне указанного треугольника, но и далеко за его пределами, к северу от него, почти у самого вала окольного города. Это место П. Л. Гусев вполне убедительно сопоставляет с местом кузниц, показанных у вала, между Петербургской и Лучинской улицами на плане 1778 г., и связывает с местоположением церкви Козмы и Демьяна в Кузнецех на Гзени⁹³. Отметим, что раскопки на Козмодемьянской и Холопъей улицах не обнаружили никакого присутствия здесь кузнецов. Напротив, здесь вскрыты аристократические усадьбы посадничьей династии.

Последнее обстоятельство проливает свет и на отношение Василия Калики к Онцифору Лукичу. Церковь Козмы и Демьяна на Холопъей

⁹⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 752.

⁹¹ Там же.

⁹² П. Л. Гусев. Новгород XVI в. по изображению на хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». «Вестник археологии и истории», вып. XIII. СПб., 1900, вклейка между стр. 20 и 21.

⁹³ См. П. Л. Гусев. Ук. соч., стр. 32.

улице находилась в непосредственной близости от усадьбы Онцифора. Поэтому основной близости Василия и Онцифора могла быть эта старая территориальная, соседская связь, а не принадлежность к какому-то искусственному демократическому сообществу, опиравшемуся на черный люд и проводившему антибоярскую политику. Мы уже видели, что Онцифор Лукич был одним из наиболее дальновидных идеологов боярства, направившим свою деятельность к сплочению бояр. Мы с большим трудом смогли бы допустить длительное, 23-летнее сосуществование у власти боярского правительства и архиепископа, проводившего антибоярскую политику. Что касается антилитовских настроений Василия Калики, то в обстановке XIV в. они не могут быть привлечены для его классовой характеристики. Признание московского великокняжеского суверенитета над Новгородом вплоть до 1478 г. оставалось основной политики значительной части боярства, несклонного доводить дело до решительного конфликта с Москвой. Всецело прав Л. В. Черепнин, писавший, что «следует признать неубедительным распространенное в нашей литературе представление о непосредственной связи между демократическими настроениями тех или иных представителей русского общества XIV—XV вв. и их политической ориентацией на московскую великокняжескую власть»⁹⁴.

Вряд ли возможно привлекать для характеристики классовой политики Василия и его взгляды, в которых отражалась народная идеология. Исследователь литературного творчества Василия А. И. Клибанов склонен признавать его «православным ортодоксом»⁹⁵, а Л. В. Черепнин отмечает проникновение народной идеологии не только в мировоззрение Василия, но и в мировоззрение его идейного противника тверского епископа Федора⁹⁶.

С другой стороны, двойственность политики Василия Калики и популярность его личности в Новгороде нельзя отрицать. Нам кажется, что появление этой фигуры вполне закономерно в период, завершившийся реформой Онцифора Лукича, когда боярство в поисках новых форм государственной организации особенно нуждалось в гибкой политике⁹⁷.

Определенность взаимоотношений боярской республики и церкви, выдающаяся роль архиепископа в системе государственного управления и суда говорят о том, что союз боярства и церкви был одной из основ упрочения боярской республики. Если бояре были главными строителями и вкладчиками церкви, то церковь своим авторитетом освящала боярскую власть. Показательно, что роль церкви в системе новгородской государственности особенно возрастает в последний период новгородской независимости — к середине XV в., о чем, в частности, говорят материалы сфрагистики. Мы имеем в виду возникновение так называемых кончанских печатей, уже описанных выше. В их числе лишь печати Людина и Славенского концов по своему оформлению являются собственно кончанскими буллами. Что касается печатей остальных концов, то там во всех случаях функции кончанских печатей принимают на себя монастырские печати: Антонова монастыря для Плотницкого конца; Николь-

⁹⁴ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 527.

⁹⁵ А. И. Клибанов. К истории русской реформационной мысли (Тверская «распря о рае» в середине XIV в.). «Вопросы истории религии и атеизма», т. 5. М., 1958, стр. 233—263.

⁹⁶ См. Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 528.

⁹⁷ Подробный анализ политики Василия см. в книге: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 501 и далее.

ского монастыря (Никола Белый или Никола Разважский) для Неревского конца; Никольского монастыря (Никола на Поле) для Загородского конца. По своему оформлению все эти буллы не отличаются от обычных монастырских печатей Новгорода XV в., таких, как Благовещенская⁹⁸, печать Кириллова монастыря⁹⁹, Варваринского монастыря¹⁰⁰, Юрьева монастыря¹⁰¹ и т. д. Несомненно, что и внутренние акты этих монастырей скреплялись теми же самыми буллами, которые в известных нам случаях употреблялись как кончанские. На наш взгляд, дело здесь не сводится к патрональному значению Антоновского и Никольских монастырей. Употребление монастырских печатей в качестве кончанских могло быть следствием откровенного совмещения кончанской администрации, боярской по своей природе, с администрацией кончанских патрональных монастырей. Подобно тому как Совет господ, высший орган боярской республики, проводил свои заседания в Грановитой палате на Владычном дворе, боярская администрация концов перебралась в новую «кончанскую избу», стенами которой были стены патрональных монастырей, а крышей — купол, поддерживающий крест, этот символ божественного происхождения и неприкосновенности государственной власти.

Особенности оформления кончанских печатей вызывают к жизни одну весьма интересную проблему, которую мы в силах только поставить. Мы видели, что оплотом кончанской администрации становятся в XV в. не кончанские соборные церкви, а монастыри. Собором Славенского конца была церковь Успенья на Козьей Бородке, но кончанские посадники употребляют печать с эмблемой Павлова монастыря. Соборная церковь Плотницкого конца — Иван на Опоках, но кончанской печатью оказывается булла Антонова монастыря. В Загородском конце соборная церковь — храм архангела Михаила на Прусской улице, но акты Загородского конца скрепляются печатью Никольского монастыря. В Неревском конце было две соборные церкви — храмы Сорока мучеников и Якова, но неревские посадники пользуются монастырской буллой св. Николы. Это сращение кончанской администрации с черным, а не с белым духовенством подчеркивает особое значение и влияние монастырей в XV в., заметные и в актах. Отмеченное обстоятельство свидетельствует об определенной роли в новгородском республиканском управлении так называемого «новгородского архимандрита». Список таких архимандритов имеется среди прочих списков новгородских должностных лиц¹⁰². «Новгородских архимандритов», юридическая природа которых никогда не изучалась, в указателях и справочниках постоянно отождествляют с юрьевскими архимандритами, однако такое отождествление не имеет под собой оснований. Список «новгородских архимандритов» существенно отличается от реконструируемого по летописям и актам списка юрьевских настоятелей. К тому же последние получают сан архимандрита лишь в конце XIII в., тогда как существование «новгородских архимандритов» зафиксировано уже под 1226 г., причем понятие «игумен святого Георгия» и «архимандрит новгородский» различаются: «Преставися игумен святого Георгия Саватия, архимандрит новгородский»¹⁰³. «Новгородские архимандриты» неоднократно упоминаются в летописи как участники важнейших официальных актов. Думается, что «новгородский архимандрит» в системе новгородской государственности осуществлял особое представительство от черного духовенства.

⁹⁸ См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XXXVII, 3.

⁹⁹ Новгородский музей, инв. № 9727; найдена в 1954 г., не издана.

¹⁰⁰ См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XVI, 2.

¹⁰¹ Новгородский музей, инв. № 13074; найдена в 1960 г., не издана.

¹⁰² НПЛ, стр. 475.

¹⁰³ Там же, стр. 65, 269.

Беглый обзор взаимоотношений боярства с жителями, купцами и церковью показывает, что развитие органов боярской государственности в XIV—XV вв. пережило два существенных этапа. На первом этапе, продолжавшемся до реформы 1410-х годов, рост боярской власти осуществлялся не только путем внутрибоярского сплочения, но и за счет перехода в руки бояр той части власти, которая до того принадлежала представителям житейх и купцов. На втором этапе, когда были созданы новые формы боярского олигархического правления и максимально ослаблены причины боярского соперничества в борьбе за власть, дальнейшее укрепление этой власти пошло по пути создания видимых форм союзнических отношений боярства и других привилегированных сословий Новгорода. Представители житейх и купцов допускаются к участию в государственном управлении, поскольку общий контроль над их деятельностью полностью сосредоточивается в руках боярства.

С упрочением боярской власти в XV в. создается новая расстановка политических сил внутри Новгорода, крайне невыгодная для черных людей. Сплочение боярства превратило кончанскую систему, бывшую прежде системой размежевания боярских группировок, в аппарат осуществления общепоярской политики. Создание удобных для боярства форм приобщения к государственной власти житейх и купцов также вело к образованию политической общности всех привилегированных сословий, главной задачей которых была защита своих классовых интересов. Новая расстановка политических сил создавала условия для более четкого размежевания эксплуататоров и эксплуатируемых, она делала видимыми различия политических и классовых задач, однако она же противопоставляла стихийному движению плебса, разобщенного на протяжении столетий, потому что его задачи постоянно подменялись задачами внутренней феодальной борьбы, развитую государственную машину феодалов.

Именно во второй четверти XV в., как никогда раньше, в Новгороде обостряются классовые противоречия. Усиление феодального гнета ярко нарисовано летописцем под 1446 г.: «...не бе в Новегороде правде и правого суда, и возсташа ябедници, изнарядиша четы и обеты и целованья на неправду, и начаша грабити по селом, и по волостем, и по городу, и бежом на поругание суседом нашим, сущим окрест нас, и бе по волости изъезжа велика и боры частыя, кричь и рыдание и вопль и клятвы всими людьми на стареишыны наша, и на град наш, зане не бе в нас милости и суда права»¹⁰⁴. «Бесправдивые бояре» вновь упоминаются под 1447 г. в связи с денежными злоупотреблениями. Говоря о реакции населения на действия бояр, летописец отмечает: «...бысть межи ими голка и мятежь и нелюбовь»¹⁰⁵.

В отличие от житейх и купцов черный люд Новгорода не располагал никакими формами участия в выборных органах. Исключением является лишь представительство от черных во время заключения договора с Дмитрием Ивановичем¹⁰⁶ и посольство от черных во время переговоров с Иваном III в 1477—1478 гг., но последнее было сформировано в необычных обстоятельствах. Единственной формой участия простого населения в новгородской политике было вечевое собрание, которое, однако, после реформы 1410-х годов не могло не приобрести фиктивный характер. В самом деле, в XIII и XIV вв., когда внутрифеодальная борьба по-

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. IV, стр. 124.

¹⁰⁵ Там же, стр. 125—126. Интересно, что именно в середине XV в. в Новгороде создаются такие антибоярские и антипосаднические произведения, как «Повесть о посаднике Добрыне» и «Повесть о посаднике Щиле», которые обличают мздоимство посадников и предкают им возмездие.

¹⁰⁶ ГВНиП, стр. 31, № 16.

стоянно наполняла политическую жизнь Новгорода, соперничавшие между собой землевладельцы находились в зависимости от веча. Боярские группировки в борьбе между собой и с жителями то и дело вынуждены были обращаться за народной поддержкой, используя в своих целях классовый антагонизм черного люда, его недовольство политической наличных властей. Тогда кончанские веча могли служить чрезвычайной удобной формой организации всех сил, выступавших против наличного посадника или тысяцкого, — от оппозиционного боярства, стремившегося к поражению враждебной группировки, до черного люда, боровшегося за улучшение условий существования. При такой системе общегородское вече должно было становиться механическим соединением кончанских вечевых собраний. Концы приходили на общегородское вече как организованные отряды политической борьбы.

Эта система могла быть удобной боярству до тех пор, пока боярство пользовалось ею не опасаясь, что классовая задача плебса возобладает над задачами внутрифеодального соперничества. Б. Д. Греков писал: «Вечевые собрания живут долго на северо-западе (Новгород, Псков, Полоцк) как результат определенного соотношения классовых сил, при котором феодальная знать, захватившая в свои руки власть и ограничившая в своих интересах власть князей, не была в силах уничтожить народное собрание, но была достаточно сильна, чтобы превратить его в орудие своих интересов»¹⁰⁷.

Наблюдения В. Н. Бернадского над связью новгородских восстаний с вечевой законностью позволяют говорить о том, что во многих случаях непосредственным толчком для активных народных движений бывали коллизии, возникавшие в ходе внутрифеодальной борьбы за власть. Классовый антагонизм ширился и воплощался в формы решительных столкновений, развязанных подчас тем или иным поворотом борьбы внутри самого класса феодалов. Ценность вечевых собраний с точки зрения истории классовой борьбы заключается в том, что они не только облегчали, но и узаконивали участие народных масс в городских движениях. Эта их особенность и составляла главную опасность народных собраний для феодалов. Всякий раз восставший народ оказывался грозной силой, способной в ходе восстания осознать преобладающую важность своих собственных, классовых интересов и сломать узкие рамки тех задач, которые ставила перед ним территориальная борьба феодалов. Так едва не случилось в 1418 г. Так, несомненно, случалось и раньше, поскольку периоды укрепления боярского государства всякий раз закономерно следуют за периодами особого усиления городских движений.

Заинтересованность стоявших у власти землевладельцев в поддержке вечевого собрания могла существовать только до тех пор, пока само боярство оставалось раздробленным на соперничавшие между собой группировки. Создание олигархического посадничества, приобщение к власти боярства в целом, возникновение Совета господ — все эти явления, свидетельствующие о серьезной консолидации боярства, меняют существо вечевых собраний. Теперь основой государственного решения становится обсуждение проблемы не на вече, а в сенате, вечевому решению предшествует сговор «державших власть» бояр, кончанское вече становится орудием подготовки народа к восприятию государственной воли, отделенной от народного собрания, а за общегородским вечем остается роль машины для голосования, результат которого predetermined.

Очевидно, что главной опорой боярства во внутренней политике теперь должны были стать те сословия новгородцев, которые были связаны с боярством общностью классовых интересов, — житьи и купечество.

¹⁰⁷ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 364.

Нельзя забывать, касаясь социальной характеристики новгородского веча, что землевладельцы составляли значительный процент вечников. Летопись говорит о более чем 7000 житых, сведенных Иваном III из Новгорода. Писцовые книги называют свыше 1600 землевладельцев в последний период новгородской независимости. Если первая, летописная цифра может быть преувеличенной, то ко второй, более достоверной, следует присовокупить тех новгородцев, которые, не принадлежа к привилегированным сословиям, находились под сильнейшим влиянием «своих» феодалов. Только тогда мы сможем оценить степень непосредственного воздействия феодалов на деятельность народного собрания.

Действительно, после завершения реформы 1410-х годов вопрос о союзе с житыми становится одним из главных в боярской политике. В этом убеждает не только возобновление государственного представительства житых и укрепление их позиций в суде, но и общая характеристика Новгородской Судной грамоты, которую исследователи, специально ею занимавшиеся, склонны рассматривать как порождение политического и классового союза бояр и житых: «Эта была грамота бояр и житых людей, возведенная в закон воля высших классов новгородского общества», «Консолидируя боярский и житий суд, утверждая его права и независимость, концентрируя его деятельность на важных для бояр и житых людей делах, Новгородская Судная грамота предоставляла людям младшим и черным лишь право быть судимыми и лишала их всех путей воздействия на этот суд»¹⁰⁸.

Таким образом, после реформы 1410-х годов в политической структуре Новгородской республики наблюдается принципиальное изменение, сущность которого сводится к практической ликвидации вечевого строя. Народное собрание продолжает существовать, но роль его сведена на нет. Если в предшествующий период, когда боярская государственная организация сохраняла значительные элементы автократии, боярство было заинтересовано в сохранении вечевого собрания, используя народное недовольство в собственных целях, то теперь после консолидации правящих феодалов деятельность правящих классов не могла не приобрести откровенно антивечевого характера. Рубежи классовой борьбы должны были приобрести теперь особую четкость. По одну сторону их оставался черный люд, несший на себе всю тяжесть феодальной эксплуатации, по другую — все привилегированные сословия Новгорода, объединенные принадлежностью к классу феодалов и владеющие окончательно отделенной от народного собрания государственной машиной.

Изменение системы государственной власти должно было повлечь за собой и изменение форм классовой борьбы. Если ранее объектом выступлений новгородского плебса были отдельные бояре или отдельные группы бояр, если еще в XIV в. черный люд не осознавал с должной четкостью своего единства так же, как он не осознавал с должной четкостью единства всего боярства и общности интересов всех феодалов, к каким бы сословиям они ни относились, то теперь классовые отношения обретали достаточную ясность. Летописные тексты о событиях 1418, 1421 и 1446—1447 гг. не оставляют в этом сомнений.

С другой стороны, не оставляет сомнения и то, что восстания 1418 и 1421 гг. были последними в истории Новгорода организованными движениями черни. Сложная политическая обстановка, в которой на протяжении XII—XIV вв. развивалась классовая борьба новгородского плебса, исторически объединяла силу стихийного недовольства черного люда

¹⁰⁸ Б. М. Кочаков. Новгородская Судная грамота. «Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та», 1940, т. V, вып. 1, стр. 10, 17; ср. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, стр. 392 и др.

с боярской организацией внутрифеодальной борьбы. В этом, на наш взгляд, заключается одна из главных причин очевидной нерешительности городских движений в Новгороде, приносящих успех отдельным группам оппозиционного боярства, боярству в целом, союзу бояр с другими сословиями феодалов, но не черному люду. Вывод Б. Д. Грекова о превращении вечевого собрания в орудие интересов феодальной знати по существу заключает в себе и вывод об организованном использовании классовой борьбы феодальной знатью в своих интересах, поскольку городские движения в Новгороде были связаны с вечевой законностью и начинались на вече.

Социальный успех классовых движений мог быть обеспечен только созданием особой классовой организации черного люда, которая противостояла бы боярскому государству, но которая, естественно, так и не возникла в Новгороде XV в. Между тем в тот момент, когда рубежи классовой борьбы в начале XV в. впервые обособливаются от рубежей внутрифеодальной борьбы, плебс оказывается в наиболее трудном положении: стихийности его движений противостоит мощная, отрегулированная в деталях машина феодального государства, единственной внутренней целью которого остается подавление эксплуатируемого народа.

В этих условиях преимущественной формой классовой борьбы в Новгороде становится пассивное отношение черного люда к боярскому государству, переживавшему последний в истории республиканского Новгорода внешнеполитический кризис. Еще в XIV в. черному люду было что защищать в новгородских республиканских порядках. Вечевой строй в условиях внутрифеодальной борьбы сохранял условия приобщения плебса к политической жизни государства, создавая видимость его воздействия на боярскую политику. Зависимость бояр от народной поддержки, нужно полагать, вела по крайней мере к поддержанию постоянного уровня налогового гнета, не позволяя ему резко повышаться. Уже это обстоятельство могло собирать под знамена республики широкие слои новгородского населения. В XV в. боярское государство практически ликвидирует вечевой строй и фиксирует свою обособленность от веча в Судной грамоте. Вече превращается в пережиток, поскольку оно не смогло стать орудием защиты народных интересов. Эта вполне определившаяся противоположность государства эксплуататоров классу эксплуатируемых закономерно вела к тому, что на новом этапе борьбы Новгорода с Москвой черный люд отказывает боярству в своей поддержке.

Отказ широких слоев новгородского населения поддержать бояр в их борьбе с Москвой обстоятельно описан летописцем при изложении событий 1471 г.: «Новгородские посадники и тысяцские, купцы и житии люди, и мастера всякие, спроста рещи плотници и горнчары, и прочии, которых родився на лошади не бывал, и на мысли которым того не бывало, что руки поднять противу великого князя, всех тех изменници они силою выгнаша; а которым бы не хотети пойти к бою тому, и они сами тех разграбляху и избиваху, а иных в реку Влхов вметаху; сами бо глаголаху яко было их сорок тысячъ на бою том»¹⁰⁹. Нежелание новгородцев воевать с Москвой было настолько очевидным, что заставило удивиться даже московских воевод: «Что ради вы с толиким множеством вой своих нимало постоасте, видяще малое наше воинство».

Равнодушие черного люда Новгорода к жизненно важной для бояр и житых проблеме взаимоотношений с Москвой определено классовыми причинами и равнозначно осознанию противоположности черного люда и боярского государства.

¹⁰⁹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 164—165.

В этой связи особый интерес приобретает вопрос о различиях в политических точках зрения внутри новгородского правящего класса. Мы имеем в виду привычные рассуждения исследователей о существовании внутри новгородского боярства последнего периода республики так называемых сторонников «литовской» и «московской» ориентаций. Эти слишком прямолинейные термины способны ввести в заблуждение, заставляя предполагать наличие внутри боярства и прочих крупных землевладельцев Новгорода каких-то групп, которые поддерживали общерусскую объединительную политику Василия Темного и Ивана III.

Вне всякого сомнения, проблема взаимоотношений с Москвой не могла не породить внутрибоярской политической борьбы, поскольку эта проблема касалась самых основ боярского существования. Та часть программы московских князей, которая имела отношение к землевладению бояр в житых, была известна в Новгороде еще до падения республики. Вывод землевладельцев из Новгорода был осуществлен Иваном III в 1488—1489 гг., однако уже 7 декабря 1477 г. во время последних переговоров Новгорода с Иваном III новгородские послы бьют челом великому князю, «чтобы пожаловал князь велики вывода не учинил из Новгородские земли; да о вотчинах боярских и землях, чтобы государь не вступался»¹¹⁰. Вопрос о земле гораздо важнее вопроса о власти. 14 декабря 1477 г. это обстоятельство сформулировано боярами со всей четкостью: «А вече и колокол отложили и посадника отложили, чтобы государь с сердца сложил и нелюбия отдал, и вывода бы не учинил, и во отчины бы их в земли и в воды не вступался и в животы их»¹¹¹. Необходимость защищать земельную собственность от ее захвата московским князем стояла перед всем боярством и житыми, и трудно предполагать, что среди землевладельцев Новгорода находились сторонники Москвы.

Между тем 1470-е годы наполнены борьбой боярских группировок, стержнем которой является отношение к Москве. Около 1475 г. происходит столкновение Неревского и Плотницкого концов, причем плотничане ищут защиты у Ивана III, который охотно расправляется с целой группой неревских бояр, включив в нее и тех, которые «думали на короля». В 1477 г. происходит кровавое столкновение, в ходе которого был убит обвиненный плотницким боярином Захарией Овиным в союзе с Иваном III неревский боярин Василий Никифоров, а затем такой же расправе подверглись Захария Овин, его брат Кузьма и сын Кузьмы Овина. Ожесточенность столкновения была страшной: «А Василья Онаньина (ошибочно вместо Никифорова.— В. Я.) тоу поймав, а на вече исьшекли топори в часть, а иных заповедали, тако же хотяче смертию казнить»¹¹². Поводом для столкновения были московские дела. В начале года Овины и Василий Никифорович ездили в Москву к Ивану III на беспрецедентный суд и поименовали его там не «господином», а «государем», чем Иван III и воспользовался для того, чтобы прислать своего посла в Новгород с требованием фактического его признания государем: «А что его есте государем себе назвали и за него есте задале, соуду его в вас в Великом Новгороде быти, и по всем оулицам сeditи князя великого тиоуном, и Ярославля зам дворище великим князем очистити, и в великих князей соуд не оуступати»¹¹³. Интересен ответ Василия Никифорова на обвинение его в измене: «Целовал есми крест к великому кня-

¹¹⁰ ПСРЛ, т. VIII, стр. 192 и сл.

¹¹¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 215; т. VIII, стр. 193; т. XII, стр. 181—182; т. XVIII, стр. 261; т. XXV, стр. 318.

¹¹² «Псковские летописи», вып. II, стр. 209.

¹¹³ Там же.

зю в том, что ми служити ему правдою и добра ми хотети ему, а не на государя своего Великого Новагорода, ни на вас, свою господню и братию»¹¹⁴. Именно в рассказе об этих событиях летописец четко противопоставляет «литовскую» и «московскую» группы: «И от того часу възбеснеша яко пианы, ин иная глаголаше, и к королю паки възхотеша; князь же велики услышав от своих послов, да и от тамошних посадник, котории приатны ему, а разбегошася вси... сжалился зело о них и прослезился»¹¹⁵. К «московской» группе в первую очередь направлено и известное послание митрополита Филиппа 22 марта 1471 г.: «...а ныне слышу в детех ваших, в ноугородцех, да и в многих у вас в молодых людех, которые еще не навыкли доброй старине... да и нынеча деи те несмысленные, копячася в сонмы, да поостряются на многая стремления и на великое земли неустроение, нетишину, хотячи ввести мятеж велик и расколу в святей божьей церкви, да оставя православие и великую старину да приступити к латыном... А вы, сынове, православные старые посадници ноугородстии и тысяцкие, и бояре, и купцы, и весь Великий Новъгород, живучи в православьи, сами того побережите, да старии младых понакажите, да лихих възчюните от злаго начинания»¹¹⁶.

Несмотря на принципиальную общность боярской политики в отношении к Москве, внутри новгородского боярства в последний период самостоятельности существовали заметные градации. Если одна часть боярства придерживалась крайней политики решительного разрыва с Москвой, ликвидации московского великокняжеского суверенитета и признания литовского суверенитета над Новгородом, то другая часть боярства признавала наилучшим способом самозащиты политику мелких уступок великому князю, поддержание возможного компромисса. Вполне очевидно, что такая политика могла исходить из реалистического анализа сложившейся обстановки, которая определилась внутри Новгорода к началу 1470-х годов. Решительный разрыв с Москвой должен был вести к полной изоляции новгородской правящей верхушки, уже не имевшей возможности опереться на широкие слои новгородского общества в случае военного столкновения с Москвой. Иными словами, так называемая «московская» ориентация части новгородского боярства имела тактический характер и была порождена спецификой политической обстановки. Устремления этой части боярства отчетливо выражены Василием Никифоровичем, который, по его словам, хотел ладить и с Иваном III, и с Новгородом, «своей господей и братией». Так называемая «московская» ориентация — это синоним традиционной боярской политики в отношении к Москве, политики, которая всегда была антикняжеской и антимосковской во всем, что касалось внутреннего управления Новгородом, но которая в решении наиболее сложных внешних задач исходила из союзнических отношений с Москвой.

Внешняя политика новгородского боярства и в XIV, и в XV вв. была достаточно противоречивой. С одной стороны, для нее характерно стремление к независимости от московского великого князя. С другой стороны, союз с Москвой не мог не признаваться наиболее существенной гарантией от постоянной угрозы западным рубежам новгородских земель. Отсюда — та сложная позиция, которую занимал Новгород в системе русско-литовских отношений.

Стремление к независимости новгородской внешней политики от вторжений со стороны московских князей уже в первой половине XV в. привело к практическому восстановлению самостоятельного новгород-

¹¹⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 184.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ РИБ, VI, стр. 726 и сл.

ского княжения на основе союза с Литвой. Мы имеем в виду преобразование института служилых князей, утвердившегося в Новгороде рядом с суверенитетом великого князя. Корни этого института уходят в новгородско-литовские отношения XIV в. или, точнее, в новгородско-московские отношения XIV в., поскольку развитие союзнических отношений с Литвой происходит под знаком осложнения отношений с Москвой.

Первоначальная роль литовских князей в Новгороде сводится лишь к олицетворению новых принципов новгородской внешней политики, заинтересованной в союзе с Литвой на случай разрыва с Москвой. Наримант Гедеминович, пришедший в Новгород в 1333 г., его сын Патракий, появившийся там в 1383 г., Семен-Лугвень Ольгердович, принятый в Новгороде в 1389 г., — не называются новгородскими князьями. Они получают от Новгорода в кормление пригороды и обязанности службой. Политический смысл кормления очевиден. В Новгороде в 1384 г. происходит серьезное столкновение между сторонниками и противниками Патракия. В момент размирья Новгорода с Москвой в 1398 г. форма новгородско-литовского союза меняется, Новгород принимает решение порвать с Москвой и заключить окончание с Витовтом. Однако в 1399 г. происходит разрыв этих отношений и восстанавливается суверенитет московского князя. В 1403 г. новгородцы приглашают к себе на службу смоленского князя Юрия Святославича, лишённого отчины Витовтом и находившегося в союзе с Москвой. Юрий получает от Новгорода в кормление 13 городов. В 1407 г. новгородским служилым князем «на пригородах, которые были преже сего за ним» снова становится Семен Ольгердович. И снова колебания новгородского боярства приводят к разрыву с Литвой в 1413 г. В числе литовских обвинительных пунктов был, между прочим, и следующий: «А над то над все нашего ворога Юрьева Святославича сына Федорова приняле есте»¹¹⁷. Институт служилых князей, который иногда оказывался выражением новгородско-московского союза, по своей сущности был порождением антимосковской политики. Показательно, что и Федор Юрьевич не пожелал княжить на новгородских пригородах, боясь осложнений не только с Витовтом, но и с Москвой.

Мы должны особенно подчеркнуть то обстоятельство, что сложная борьба вокруг института служилых князей ведется в период, когда внутрибоярские отношения еще не прошли исторический рубеж реформы 1410-х годов. В этот период, пока еще не была достигнута консолидация новгородского боярства, та или иная внешнеполитическая ориентация могла быть средством во внутренней политической борьбе. Лишь с образованием новых форм государственной власти в 1410-х годах можно говорить с уверенностью об общебоярской политике. Оказывается, что именно с этого момента начинается новый этап в развитии института служилых князей. В 1420 г. новгородцы принимают на пригороды, «кои быле за Лугвенею», и дают коробейщину и бор по всей волости новгородской князю Константину Дмитриевичу, появившемуся в Новгороде после разрыва со своим братом московским князем Василием¹¹⁸.

Антимосковская направленность этого акта носит не только открытый, но и демонстративный характер. Однако гораздо важнее то, что с принятием в Новгороде Константина Дмитриевича существенно изменяется статут служилых князей. Князь Константин признается не просто принятым на кормление, а новгородским князем, сидящим на новгородском столе. Об этом можно судить на основании документов 1420—1421 гг. Его имя с титулом великого князя названо первым в чис-

¹¹⁷ НПЛ, стр. 404.

¹¹⁸ Там же, стр. 412.

ле имен тех лиц, от которых исходит проект договорной грамоты Новгорода с Ливонским орденом и Юрьевом 1420 г.: «От великого князя Константина Дмитриевича, от посадника новгородского Василия Никитича, от тысяцкого новгородского Кузьмы Терентьевича, от всех больших в Новгороде. Я, князь Константин Дмитриевич, посылая моих послов и т. д.»¹¹⁹. К нему же как к главному лицу в Новгороде приезжают ливонские послы в конце января 1421 г.¹²⁰. Вопреки титулованию Константина великим князем в документе 1420 г. его новгородское княжение осуществляется в системе московского суверенитета над Новгородом: «И князе великий Васелии Дметриевич и князе Костянтин Дмитриевич и архиепископ новгородчкый владыка Семеон, посадник новгородчкый Васелии Микитинечь, и тысячкый новгородчкый Кузма Терентиевич, и весь господин Великий Новъгород послаша на съезд с местерем князя великого намеснека князя Федора Патракеевича, посадника новгородского Василея Есефовича и т. д.»¹²¹.

После примирения Константина с Василием Дмитриевичем и непродолжительного периода, когда в Новгороде не было служилого князя¹²², туда приглашается сын Семена-Лугвеня литовский князь Юрий Семенович, подвизавшийся в Новгороде с перерывами, связанными с его разъездами из Новгорода в Литву и обратно, с 1432 по 1440 г., а затем в 1446 г. Юрий, подобно Константину Дмитриевичу, признается особым новгородским князем, как это следует из надписи панагиара 6944 г.: «...створена бысть понагия сия повеленьем преосвященного архиепископа Великого Новагорода владыци Еоуфимия при великом князе Василье Васильевиче всея Роуси, при князе Юрье Лоугвеньевиче, при посаднике Великого Новагорода Борисе Юрьевиче, при тысяцком Дмитрее Васильевиче»¹²³.

В 1444—1446 гг. служилым новгородским князем был литовский князь Иван Владимирович. С 1447 г. эту должность занимает князь Александр Васильевич Черторыйский, который титулуется новгородским князем или князем Великого Новгорода в летописи¹²⁴ и документах, относящихся к Наровскому съезду 1448 г.¹²⁵. В 1455 г. Александр Васильевич возвращается на псковское княжение. Характер его взаимоотношений с великим князем Василием Васильевичем достаточно ясен, он проявляется в событиях 1460 г., когда Александр отказался целовать крест Василию и его детям и предпочел бежать в Литву. В 1455 г. служилым новгородским князем становится также решительный противник Москвы Василий Васильевич Шуйский-Гребенка (Горбатый-Суздальский), который, впрочем, был новгородским князем, по видимому, и около 1447 г., поскольку он возглавлял тогда новгородскую рать. Василий Шуйский княжит до 1478 г., неоднократно возглавляя новгородское войско против Москвы. Лишь около 1471 г., в момент упрочения новгородского союза с Литвой, он был временно заменен ли-

¹¹⁹ ГВНиП, стр. 97, № 59.

¹²⁰ Там же, стр. 99, № 60.

¹²¹ Там же.

¹²² Возможно, что именно к этому периоду относится несохранившаяся грамота Новгорода к Витовту с просьбой отпустить на новгородское княжение Семена-Лугвеня. О существовании такой грамоты известно из описей Посольского приказа 1614 и 1626 гг. В описи 1614 г. говорится о приглашении Семена «в Новгород на государство», а в описи 1626 г. сообщается, что ответ Витовта был датирован 2 июня, «а в котором году, того не писано, грамота ветха и продралася». «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». Изд-во АН СССР, М., 1950, стр. 457, 478.

¹²³ См. А. С. Орлов. Ук. соч., стр. 131, № 216.

¹²⁴ «Псковские летописи», вып. II, стр. 138.

¹²⁵ ГВНиП, стр. 118—123, № 72—73.

товским киевским князем Михаилом Олельковичем, чем была нанесена особая «грубость» московскому великому князю¹²⁶.

Существование в Новгороде института служилых князей как нельзя лучше отражает двойственный характер боярской внешней политики. Одним из ее принципов было поддержание московского суверенитета над Новгородом, боязнь гибельного разрыва с Москвой. Другим принципом — изыскание средств ослабить влияние великого князя, противопоставляя ему систему союзов с его главными противниками. Антимосковская по своему духу боярская политика располагала лишь шаткими средствами дипломатии и социальной демагогии. Лишенная поддержки со стороны широких масс новгородского общества, она балансировала на туго натянутом канате дипломатических комбинаций, не будучи в состоянии отыскать более надежную опору. Эта позиция ставила перед боярством неизбежную тактическую проблему. Можно было стремиться к сохранению неизменными сложившихся отношений, т. е. продолжать дипломатическую борьбу. Но можно было также совершить попытку добиться военной победы в союзе с Литвой. Обе возможности не могли не вербовать сторонников, активность которых зависела прежде всего от общеполитической конъюнктуры. В определенные моменты, когда обстановка складывалась таким образом, что решительный успех боярства в борьбе с Москвой казался возможным, как это было, например, перед Яжелбицким и Коростыньским поражениями, военные лозунги становились выражением общебоярской политики и собирали под военные стяги представителей обоих политических направлений, тогда как в обстановке разочарования после сокрушительных ударов со стороны Москвы внешнеполитическая проблема вновь приобретала дискуссионный характер.

Мы далеки от мысли, что крайности антимосковской политики или тяготение к проведению этой политики более умеренными средствами могут служить признаком принадлежности сторонников «литовской» и «московской» ориентаций к тем или иным территориальным группировкам бояр. Вопрос об отношении к Москве был настолько важным для всего новгородского боярства и всех житых, что методы его решения должны были обсуждаться в каждом конце, на каждой улице, они могли восстанавливать сына против отца и брата против брата. Однако кончанское соперничество своими корнями так глубоко уходит в почву внутривоярских отношений, что попытка поставить вопрос о существовании каких-то определенных центров политических споров по крайней мере оправдана. Орудием распространения политических лозунгов и во второй половине XV в. оставалось кончанское вече, а от характера активности его руководителей во многом зависела политическая характеристика того или иного конца в целом.

Способом проверить это предположение является анализ территориальной принадлежности тех достаточно многочисленных новгородских бояр, которые, по свидетельству источников, «думали на короля» и на которых в разное время обрушивались репрессии Ивана III.

Первые репрессии Ивана III против сторонников «литовской» ориентации относятся к 1471 г., когда на Шелони москвичами была взята в плен большая группа новгородских бояр и житых. В ее составе оказались: Василий Казимир, Дмитрий Исакович Борецкий, Кузьма Григорьев, Яков Федоров, Матфей Селезнев, Василий Селезнев, Павел Телятев, Кузьма Грузов, Киприян Арзубьев и Еремей Сухощок.

Нам известна территориальная принадлежность Василия Казимира

¹²⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 5.

(Неревский конец), Кузмы Григорьева (Плотницкий конец), Якова Федорова (Плотницкий конец), Матфея Селезнева (Неревский конец), Павла Телятева (Прусская улица), Кузмы Грузова (Прусская улица). Можно с достаточной определенностью высказаться о принадлежности еще нескольких лиц. Дмитрий Исакович Борецкий связывается с Неревским концом, где жили его мать, брат и сын. Василий Селезнев также связывается с Неревским концом, поскольку неревскими боярами были и Матфей Селезнев, и Яков Селезнев. Что касается Киприяна Арзубьева, бывшего житым, то его сын Григорий Киприянович Арзубьев в 1475 г. был старостой Никитиной улицы в Плотницком конце. Территориальная принадлежность житего Еремея Сухошока нам неизвестна.

Мы видим, что состав схваченной Иваном III группы новгородцев весьма разнообразен. В нее входят неревские, плотницкие и прусские бояре и житыи. Этот состав вполне соответствует и составу инициаторов приглашения «на государство» в Новгород Казимира IV. Проект докончальной грамоты с польским королем и литовским великим князем 1471 г. исходит от степенного посадника Тимофея Остафьевича (Прусская улица) и скреплен участием посадников Афанасия Остафьевича (Прусская улица), Дмитрия Исаковича (Неревский конец) и посадничьего сына Ивана Кузьмина (Плотницкий конец). В обоих случаях в составе бояр, «думающих на короля», нет представителей Славенского конца. Мы особо отмечаем это обстоятельство, поскольку в 1475 г. после ареста и отправки в Москву степенного посадника неревского боярина Василия Онаньина по инициативе Ивана III степенное посадничество было передано славенскому боярину Фоме Андреевичу Курятнику.

Более умеренная позиция славенского боярства на этом основании кажется очевидной. Однако, по-видимому, следует говорить также о некоторых различиях в подходе к проблеме взаимоотношений с Москвой и внутри территориально разнородной группы «литовской» ориентации. Во всяком случае эти различия были ясны Ивану III, который при заключении Коростынского мира отпустил большую часть плененных бояр и житых, но приказал казнить четырех человек из их числа: Дмитрия Борецкого, Василия Селезнева, Киприяна Арзубьева и Еремея Сухошока. Оба казненных боярина принадлежат к числу неревских посадников; плотницкого и прусского боярства крайние репрессии не коснулись. Из плотничан был обезглавлен житий Киприян Арзубьев. Принадлежность Еремея Сухошока неизвестна, но он также был не боярином, а житым.

Видным деятелем «литовской» ориентации был посадник Василий Онаньин, который в 1471 г. во время поездки в Москву спровоцировал открытый разрыв между Новгородом и Москвой. В 1475 г. он был схвачен Иваном III и отправлен в заточение. Мы видели, что Василий Онаньин принадлежал к неревскому боярству.

Одновременно с Василием Онаньиным в Новгороде были арестованы и отправлены в Москву Богдан Есифов (Неревский конец), Федор Исаков и Иван Лошинский. Последние два боярина во время официальной встречи Ивана III не входили в группы кончанских представителей, но они значатся в числе нападавших на Славкову и Никитину улицы и должны быть отнесены к неревскому боярству. Для Федора Исаковича Борецкого эта связь тем более очевидна, что в Неревском конце жили его мать, брат и племянник, а также его сын Василий, арестованный впоследствии вместе с Марфой. Можно было бы думать, что арест всех этих лиц объясняется лишь тем, что на них Ивану III были поданы жалобы самими новгородцами, однако политическая характеристика Борецких и Василия Онаньина, существующая вне зависимости от показа-

тельного суда Ивана III, не оставляет места для сомнений в действительных причинах репрессий.

Тогда же были схвачены и отправлены в Москву посадник Иван Афанасьевич и его сын Олферий, которым в вину прямо вменено, что они «думали на короля». Это единственный случай ареста Иваном III славенских бояр.

Особая роль Неревского конца подтверждается и последующими расправами Ивана III. В 1478 г. в Москву были отправлены Марфа Исакова с внуком Василием Федоровичем, Иван Кузьмин Савелков, Окинф Толстой с сыном Романом, Юрий Репехов, Григорий Арзубьев и Макарка (или Марк) Панфилъев. Тем самым была завершена расправа с Борецкими, о связи которых с Неревским концом мы писали уже несколько раз. К Неревскому концу принадлежал и Иван Кузьмич Савелков. Принадлежность Толстых и Репехова неизвестна. Григорий Арзубьев был плотничьим житьем. К Плотничьему концу, вероятно, относился и Панфилъев, бывший купеческим старостой, т. е. лицом, связанным с Иваном на Опоках, соборной церковью Плотничьего конца. В 1481 г. в Москву были увезены бояре Василий Казимир (Неревский конец), Яков Короб (Неревский конец), Михаил Берденев (Плотничьий конец), Лука Федоров (Прусская улица).

Наконец в 1484 г., когда «прииде великому князю обговор на новгородци от самих же новгородцев, яко посылалися братья их новгородци в Литву к королю», в Новгороде по приказу Ивана III было схвачено около 30 человек бояр и житых, из числа которых поименно названы лишь «славная и богатая Настасья», вдова посадника Ивана Григорьевича, связанного с Прусской улицей, поскольку его сын Юрий назван в VI группе встречавших Ивана III новгородцев, и Иван Кузьмин, «что был у короля в Литве, а сбежал, когда князь великий Новгород взял, с тридцатью слуг своих, и король его не пожаловал, и люди отстали от него, и он сам третей прибежал на свою отчину в Новгород, и князь велики велел поимати и дом его пограбити»¹²⁷. Ивана Кузьмина 1484 г. иногда отождествляют с Иваном Кузьмичом Савелковым, как это сделано, например, в Указателе к первым восьми томам ПСРЛ. Однако карьера Савелкова закончилась еще в 1478 г., когда он по взятии Новгорода был отправлен в Москву, а все его имущество конфисковано. В данном случае речь, несомненно, идет об Иване Кузьмине, зяте Захарии Овина, плотничьим посаднике.

Мы видим, что многочисленные аресты, произведенные Иваном III, касаются представителей все тех же Неревского и Плотничьего концов и Прусской улицы, причем количество схваченных неревских бояр и житых резко преобладает. На Славенском конце был арестован только посадник Иван Афанасьевич, который носил прозвище Немир, что подчеркивает исключительность его позиции для Славна. Это дает основание утверждать, что в отношении к Москве неревское боярство занимало наиболее крайнюю позицию, являясь главным выразителем пролитовской политики, тогда как боярство Славенского конца в целом выражало наиболее умеренные взгляды. Остальные территориальные группировки колебались между этими двумя политическими полюсами, поддерживая главным образом неревлян. Если около 1471 г. «литовская» группировка добилась наиболее существенного успеха, сплотив вокруг своих лозунгов основную часть боярства четырех концов Новгорода, то после Шелонского поражения она теряет силы. Столкновение в 1475 г. Плотничьего и Неревского концов, на наш взгляд, говорит об изменении политической линии основной частью бояр и житых Плот-

¹²⁷ ПСРЛ, т. VI, стр. 236.

ницкого конца. Распад союза этих концов связывается также с событиями 1477 г., когда на вече по обговору плотницких бояр Овиных был казнен неревлянин Василий Никифорович, а затем казнены и Овины. Ожесточенность столкновения 1477 г., помимо всего прочего, объясняется и характером обвинения, предъявленного Василию Никифоровичу. Поскольку в сговоре с великим князем обвинен неревский боярин, т. е. человек, принадлежащий к наиболее сплоченной и решительной антимосковской группировке, это обвинение равносильно обвинению в измене не только Новгороду, но и собственной группировке. И в 1475, и в 1477 гг. речь идет о повороте в политике основной части боярства внутри концов, так как расправы Ивана III свидетельствуют о сохранении крайних взглядов лишь некоторыми боярами и жителями не только на Прусской улице, но и в Плотницком и в Славенском концах.

Последняя попытка объединения всех боярских группировок вокруг знамени активной антимосковской борьбы относится к 1477 г., когда была принята «Утвержденная грамота». Это объединение, оказавшееся недолговечным, возникает в чрезвычайно сложной обстановке. Та часть боярства, которая испытывает колебания, терроризирована расправой с Василием Никифоровичем и Овиными; некоторые посадники бежали из Новгорода. Архангелогородская летопись сообщает о мерах, которые были приняты «литовской» группировкой против колебавшихся прусских посадников: «А Луку Федорова да Фефилата Захарына изымавше, посадили за сторожи, и потом приведше их на вече и пожаловаша их и целовали крест, что им хотети добра Новгороду»¹²⁸.

Колебания бояр создавали условия, при которых черный люд снова мог проявить свою активность: «И въсколебашася аки пьяни, и баше в них непословича и многие брани, мнози бо велможи бояре перевет имеаху князю великому и того ради не изволиша в единомыслии быти, и въсташа чернь на бояр, а бояри на чернь»¹²⁹. Сплочение бояр после событий 1477 г., таким образом, имело классовый характер. Но оно было также антимосковским. Поэтому мы не можем согласиться с выводами, предложенными И. В. Лепко, согласно которым Иван III в Новгороде опирался на «приятных» ему бояр, а чернь стала главным хранителем республиканских порядков¹³⁰.

Мы не беремся судить о причинах, превративших неревское боярство в целом в группировку наиболее активных проводников пролитовской политики. Возможно, ответ на этот вопрос даст исследование топографии боярского землевладения Новгорода. Однако эта особая роль Неревского конца, умевшего не только сплотить вокруг себя наиболее активные антимосковские элементы прусского и плотницкого боярства, но и изолировать более умеренное боярство Славенского конца, по-видимому, и лежит в основе тех преобразований 1450-х годов, которые создали новую, выгодную для Неревского конца схему организации республиканской власти.

«ПЕЧАТИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА»

После реформы 1410-х годов характер государственной печати Новгорода существенно изменяется. Если в предшествующее время посадничьи печати содержали элементы, подчеркивающие их личную принадлежность, и несли на себе имя посадника, то теперь они становятся не-

¹²⁸ «Архангелогородская летопись». М., 1819, стр. 183.

¹²⁹ ПСРЛ, т. V, стр. 37.

¹³⁰ См. И. В. Лепко. Социально-политическая борьба в Великом Новгороде в 1477—1478 гг. «Уч. зап. Вологодского пед. ин-та», 1951, т. 9.

сомненной принадлежностью боярской олигархии в целом. Их надписи, как правило, не содержат больше имен; они свидетельствуют о принадлежности печатей «Великому Новгороду». Практическое объединение посадничества и тысяцкого в руках боярского сената уничтожает внешние различия печатей посадников и тысяцких. Если раньше посадничество и тысяцкое были особыми организациями в системе республиканского управления, теперь они превращаются в его органы, что находит выражение и в сфрагистике.

К настоящему времени известны 64 экземпляра печатей Великого Новгорода, происходящие от 42 или 47 пар матриц. Эти печати по своим типовым особенностям подразделяются на несколько групп, значение которых нуждается в осмыслении. В основу классификации мы положили два главных элемента этих печатей: форму их надписи («Новгородская печать» или «Печать Великого Новгорода») и изображение.

I. «Новгородские печати» (рис. 11—12)

а. Печати с изображением вседержителя

2 экземпляра, оттиснутые двумя парами матриц.

1. Л. с.: Надпись в пять строк:

НО
ВГОРО
УКА
ПЕЧА
ТЬ

О. с.: Поясное изображение вседержителя; по сторонам: ІС—ХС.
Д.— 28—30 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода Колывани середины 1410-х годов, ГВНиП, стр. 94, № 56. Изд.— ЛСА, XXVIII, 9.

2. Л. с.: Надпись в три строки:

ПЕЧАТЬ
ОВГОРОУ
КАА

О. с.: Поясное изображение вседержителя.
Д.— 28—30 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Новгородский музей, инв. № 3981. Не издана.

б. Печати с изображением воина

7 экземпляров, оттиснутых четырьмя парами матриц.

3. Л. с.: Надпись в три строки:

ПЕЧА
НОВГОРО
УКАА

О. с.: Изображение воина в зубчатой короне, с копьём и щитом, в полный рост.

3а. Воск. Д.— 30—31 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода Риге второй половины 1410-х годов, ГВНиП, стр. 96, № 58. Изд.— ЛСА, XXXVI, 8.

3б. Д.— 31 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Штиглиц, АОГЭ. Не издана.

4. Л. с.: Надпись в четыре строки:

ПЕЧА
НОВГО
РОУКА
ХГАХ

О. с.: Изображение воина в зубчатой короне, с копьём и щитом, в полный рост.

4а. Д.— 29—31 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, LV, 10.

4б. Д.— 28—31 мм. М. н.— Новгород, 1952, раскопки на Неревском конце в слое с дендрохронологической датой 1409—1422 гг. Изд.— МИА, № 55, 1956, стр. 140, № 1.

5. Л. с.: Надпись в четыре строки:

ПЕУА
НОВГО
РОДЬУК
ХААХ

О. с.: Изображение воина в зубчатой короне, с копьём и щитом, в полный рост.

5а. Д.— 31 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., ОНГЭ. Изд.— ЛСА, XIII, 9.

5б. Д.— 27—29 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Новгородский музей, инв. № 3982. Изд.— ЛСА, XXVII, 1.

6. Л. с.: Надпись в три строки:

ПЕУА
ТЬНОВГО
РОУКАГА

О. с.: Изображение воина с копьём и щитом, в полный рост.

Д.— 27—29 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд.— ЛСА, LV, 9.

в. Печать с изображением всадника

7. Л. с.: Надпись в четыре строки:

ПЕУА
[ТЬ]НОВ
[ГО]РОУ
КАА

О. с.: Изображение всадника, влево.

Д.— 28—32 мм. М. н.— Новгород, 1954 г., раскопки на Неревском конце в слое с дендрохронологической датой 1409—1429 гг. Изд.— МИА, № 55, 1956, стр. 142, № 6.

г. Печати с изображением «лютого зверя»

7 экземпляров, оттиснутых четырьмя парами матриц.

8. Л. с.: Надпись в три строки:

ПЕУАТ
ЬНОВГОР
Вокруг линейный ободок. ОУКАГА

О. с.: Изображение зверя, влево; вокруг надпись:

А СЕ ЛУТЬ ~ ЗВЪРЬ По краю двойной линейный ободок.

8а. Воск. Д.— 32—34 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода Риге второй половины 1410-х годов, ГВНиП, стр. 96, № 58. Изд.— ЛСА, XXXVI, 7.

8б. Сохранилась при грамоте Новгорода магистру Ливонского ордена середины 1410-х годов, ГВНиП, стр. 91, № 53. Не издана.

9. Л. с.: Надпись в пять строк:

НО
ВГОРО
УКАП
ПЕУА
ТЬ

О. с.: Изображение зверя, вправо.

9а. Д.— 29—30 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд.— ЛСА, XIII, 6.

9б. Д.— 28 мм. М. н.— не известно. Хр.— ГБЛ, не разыскана. Изд.— ЛСА, XXXIX, 3.

10. Л. с.: Надпись в четыре строки:

ПЕУАТ
ДНОВГОР
ОРЬКА
.: ГИ :.

О. с.: Изображение зверя, вправо.

Д.— 27—30 мм. М. н.— Старая Ладога, 1911 г. Хр.— коллекция Н. И. Репникова, Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд.— ЛСА, XXXIX, 5.

11. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

· ПЕУА ·
ТЬ НОВГО
РОД Ч К
* ГИ *

О. с.: Изображение зверя, вправо; вокруг точечный ободок.

11а. Д.— 30 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода великому князю тверскому Борису Александровичу (1425—1461 гг.), ГВНИП, стр. 36, № 20. Изд.— ЛСА, XIII, 3.

11б. Д.— 27—30 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XXXIX, 2.

II. «Печати Великого Новгорода» (рис. 13—16)

а. Печати, не несущие изображений

2 экземпляра, оттиснутые одной парой матриц.

12. Л. с.: Надпись в четыре строки:

ПЕУА
ТЬ ВЕЛ
НИКО
ХГОХ

О. с.: Надпись в три строки:

В АГО
РОДА
х · х ·

12а. Д.— 29 мм. М. н.— Новгород. Хр.— коллекция П. И. Юкина, не разыскана. Известна по фотографии в архиве Н. П. Лихачева, Архив АН СССР (Ленинград), ф. 246, оп. 1, № 123, рис. 88. Не издана.

12б. Д.— 29—32 мм. М. н.— Новгород, 1918 г. Хр.— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Не издана.

б. Печать с изображением воина

13. Л. с.: Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

ПЕЧА.
ТЬВЕЛН
КОГОНОЕ
ВАГОРО
ДА

О. с.: Изображение воина с копьем и щитом, в полный рост, в картуше из точечных линий; вокруг точечный ободок.

Д.— 30 мм. М. н.— Новгород, Ленинградская ул. (Софийская сторона), 1954 г. Хр.— Новгородский музей, инв. № 9964. Не издана.

в. Печати с изображением птицы

7 экземпляров, оттиснутых шестью парами матриц.

14. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг линейный ободок.

ПЕЧА
[ТЬВЕЛН]НК
[ОГОНО]ВА
ГОРОДА

О. с.: Изображение сидящей птицы, влево; наверху: ОРЕЛЬ

Д.— 28—30 мм. М. н.— Новгород, 1951 г., раскопки на Неревском конце в слое с дендрохронологической датой 1422—1429 гг. Изд.— МИА, 1956, 55, стр. 141, № 5.

15. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг линейный ободок.

ПЕЧА
ТЬВЕЛНК
ОГОНОВА
ОРОДА

О. с.: Изображение сидящей птицы с распушенными крыльями, влево, перед птицей ветка; наверху: ОРЕЛЬ Вокруг линейный ободок.

15а. Д.— 25—32 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд.— ЛСА, LV, 8.

15б. Д.— 30—33 мм. М. н.— Новгород, 1928 г., найдена в Кремле, под аркой, ведущей к станции Освода. Хр.— Новгородский музей, инв. № 3984. Изд.— Н. Г. Порфиридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики. «Новгородский исторический сборник», 1940, вып. 8, стр. 31, рис. 6.

16. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

ПЕЧА:
ТЬВЕЛН
КОГОНО
ВАГОРО

О. с.: Изображение птицы с распушенными крыльями, влево; вокруг точечный ободок.

Д.— 28—30 мм. М. н.— Новгород, Городище. Хр.— Новгородский музей, инв. № 3986. Изд.— Н. Г. Порфиридов. Ук. соч., стр. 31, рис. 5.

17. Л. с.: Надпись в четыре строки:

ПЕЧА
ТЬ ВЪЛК
ОГОНОВ
ГОРОДА

О. с.: Изображение птицы с распушенными крыльями, влево; вокруг точечный ободок.

Д.— 27 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд.— ЛСА, XXXIX, 8.

18. Л. с.: Надпись в пять строк:

· ПЕ [V
АТЬ ВЕ]
Л И К О Г О Н
В О В А [Г О Р О]

О. с.: Изображение птицы, влево.

Д.— 27 мм. (обломок). М. н.— Новгород. Хр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XX, 8.

19. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

ПЕЧАТЬ
ВЕЛНКОГО
НОВАГО
РОДА

О. с.: Изображение птицы, вправо; над ней звездочка и сегментовидная фигура; по сторонам вертикальные линии, разделенные крестиками.

Д.— 31—32 мм. М. н.— Новгород, 1924 г., между Троицкой и Воскресенской слободами. Хр.— Новгородский музей, инв. № 3985. Изд.— Н. Г. Порфиридов. Ук. соч., стр. 32, № 7.

г. Печати с изображением зверя

32 экземпляра, оттиснуты 23 парами матриц. Кроме того, существует еще 5 печатей этой группы, которые нам, к сожалению, не удалось осмотреть. Это тем более обидно, что печати сохранялись при подлинных грамотах. Последние находились в Таллинском архиве и, по-видимому, были утрачены во время войны.

20. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

ПЕЧАТ:
В ВЕЛНКО
Г О Н О В А Г
О Р О Д А

О. с.: Изображение зверя, вправо; вокруг точечный ободок.

20а. Д.— 25—28 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, I, 9.

20б. Д.— 27—29 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Штиглиц, АОГЭ. Не издана.

20в. Д.— 29 мм. М. н.— Новгород, 1955 г., на огородах дома № 1

по Псковскому шоссе. Хр.—Новгородский музей, инв. № 10 359. Не издана.

21. Л. с.: Надпись в четыре строки:

ПЕВАТ
БВЕЛНКОГ
ОНОВАГО
РОДА

О. с.: Изображение зверя, вправо.

Д.—25 мм. (обломок). М. н.—Новгород. Хр.—ОН ГИМ. Изд.—ЛСА, XXVII, 2.

22. Л. с.: Надпись в пять строк:

ПЕЧАТ.
БВЕЛНК
ОГАНД
АГАР
ДАВ

Вокруг точечный ободок. Четвертая строка была первоначально пропущена резчиком матрицы и вставлена позднее.

О. с.: Изображение зверя, вправо; вокруг точечный ободок.

22а. Д.—25 мм. М. н.—Новгород, 1951 г., у часовни Чудного Креста на берегу Волхова (Софийская сторона). Хр.—ГИМ. Изд.—МИА, 1956, 55, стр. 140, № 2.

22б. Д.—25—28 мм. М. н.—Новгород, 1953 г., раскопки на Неревском конце, печать обнаружена в выбросе. Изд.—МИА, № 55, 1956, стр. 140, № 3.

22в. Д.—26—27 мм. М. н.—Новгород, 1957 г., раскопки на Неревском конце в слое с дендрохронологической датой 1429—1436 гг. Не издана.

23. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

ПЕВА
[Т]БВЕЛН
КОГОНОВА
ГОРОДА

О. с.: Изображение зверя, вправо; вокруг точечный ободок.

23а. Д.—27 мм. М. н.—Новгород, 1940 г., раскопки в Кремле. Хр.—Новгородский музей, инв. № 3983. Не издана.

23б. Д.—27—29 мм. М. н.—Новгород, 1952 г., раскопки на Неревском конце в слое с дендрохронологической датой 1409—1422 гг. Изд.—МИА, № 55, 1956, стр. 140, № 4.

23в. Д.—27 мм. М. н.—не известно. Хр.—ГБЛ, не разыскана. Изд.—ЛСА, XXXIX, 4.

24. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

ПЕУА
ТБВЕЛН
КОГОВА
ГОРОДА

О. с.: Изображение зверя, влево; вокруг точечный ободок.

24а. Д.—27—29 мм. М. н.—Новгород, 1939 г., раскопки в Кремле. Хр.—Новгородский музей; утрачена во время войны. Изд.—Н. Г. Поффиридов. Ук. соч., стр. 28, рис. 2.

24б. Д.—29 мм. Мн.—Новгород. Хр.—Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд.—ЛСА, XXIX, 10.

24в. Д.—29 мм. (обломок). М. н.—Новгород. Хр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, L, 10.

25. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг линейный ободок.

· ПЕУА ·
ВЕЛНКОГ
НОВАГО
РОДА

О. с.: Изображение зверя, вправо; вокруг линейный ободок.

Д.— 28 мм. М. н.— не известно. Хр.— Древлехранилище Московского архива МИД (№ 55/20), куда поступила в 1857 г. от директора Архива М. А. Оболенского; не разыскана. Изд.— ЛСА, XIII, 5.

26. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

· ПЕУА ·
ВЕЛНКОГ
НОВАГО
РОДА

О. с.: Изображение зверя, вправо; вокруг точечный ободок.

Д.— 27—29 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд.— ЛСА, XXXIX, 1.

27. Л. с.: Надпись в четыре строки:

· ПЕУА ·
[ВЕЛНКОГ]
[НОВАГО]
РОДА

О. с.: Изображение зверя, вправо.

Д.— 35 мм. М. н.— Новгород, 1958 г. Хр.— Новгородский музей, инв. № 12683. Не издана.

Оба последних варианта чрезвычайно близки друг другу по матрицам.

28. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Над надписью и под ней арабески.

· ПЕУАТ ·
[ВЕЛНКОГ]
[НОВАГО]
ГОРОДА

О. с.: Изображение зверя, вправо.

Д.— 25—27 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд.— ЛСА, L, 8.

29. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

* + *
ПЕУАТЪ
ВЕЛНКОГО
· НОВАГО
· РОДА
* + *

О. с.: Изображение зверя, влево, на фоне стилизованного дерева; вокруг точечный ободок.

29а. Д.— 26—27 мм. М. н.— не известно. Хр.— Московский архив МИД, куда поступила в 1857 г. от Я. Я. Рейхеля; не разыскана. Изд.— ЛСА, XIII, 7.

29б. Д.— 27—28 мм. М. н.— Новгород. Хр.— коллекция М. И. Полянского, не разыскана. Изд.— М. Полянский. Ук. соч., № 32; фотография сохранилась в рукописи текста Сфрагистического альбома Н. П. Лихачева, комментарий к XIII, 7.

30. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

· ПЕУА ·
ТЬВЕЛНК
ОГОНОВА
ГОРОДА

О. с.: Изображение зверя, вправо; вокруг точечный ободок, широкое поле за которым украшено точками.

Д.— 32—34 мм. Сохранилась при грамоте Новгороду тверскому великому князю Борису Александровичу (1425—1461 гг.), ГВНИП, стр. 36, № 20. Изд.— ЛСА, XIII, 4.

31. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

ПЕЧАТ
ВЕЛНКО
ГОНОВАГ
РАДА

О. с.: Изображение зверя, вправо; вокруг точечный ободок.

Д.— 28—31 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., не разыскана. Фотография буллы сохранилась в архиве Н. П. Лихачева, Архив АН СССР (Ленинград), ф. 246, оп. 1, № 123, рис. 81—82. Не издана.

32. Л. с.: Надпись в четыре строки:

ПЕЧАТЬ
ВЕЛНКО
ГОНОВА
ГОРДА

О. с.: Изображение зверя, влево.

Д.— 28—30 мм. М. н.— Новгород, 1944 г., у юго-восточного угла Петропавловского кладбища на Синичьей горе. Хр.— коллекция кружка юных краеведов школы № 4 г. Новгорода. Не издана.

33. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг линейный ободок.

ПЕЧАТЬ
ВЕЛНКОГО
ГОНОВАГО
ГОРДА

О. с.: Изображение зверя, вправо; вокруг линейный ободок.

Д.— 38 мм. М. н.— Псков. Хр.— Плюшкин, ОНГЭ. Изд.— ЛСА, XXXIX, 6.

34. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

ПЕЧАТ.
ВЕЛНКОГ
НОВГОР
[А] 4

О. с.: Изображение зверя, влево; вокруг точечный ободок.

Д.— 28—33 мм. М. н.— не известно. Хр.— ГБЛ, не разыскана. Изд.— ЛСА, XXXIX, 7.

35. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

ПЕЧА
ТЬВЕЛНК
ОГОНОВ
ГОРДА

О. с.: Изображение грифона, вправо; перед грифоном вертикальная линия, над крылом звездочка; вокруг точечный ободок.

Д.— 30—33 мм. М. н.— Новгород, 1952 г., ул. Желябова (Прусская). Хр.— Новгородский музей, инв. № 5839. Не издана.

36. Л. с.: Надпись в пять строк:

П	Е	У	А		
Т	Ь	В	Е	Л	Н
К	О	Г	О	Н	О
В	А	Г	О	Р	
О	А	А			

О. с.: Изображение зверя, вправо; над зверем, под ним и по сторонам его орнаментальные трехточечные фигуры.

Д.— 30—32 мм. М. н.— Новгород, 1939 г., раскопки в Кремле. Хр.— Новгородский музей, утрачена во время войны. Изд.— Н. Г. Порфиридов, Ук. соч., стр. 28 и сл., рис. 3.

37. Л. с.: Надпись в четыре строки:

П	Е	У	А	Т				
В	Е	Л	К	О	Г	О	Н	О
Н	О	В	А	Г	О	Р		
О	А	А	И	Е				

Все строки подчеркнуты линиями.

О. с.: Изображение зверя, вправо; над спиной звездочка.

Д.— 34—40 мм. Сохранялась при грамоте Новгорода Троице-Сергиеву монастырю, ок. 1475 г., ГВНИП, стр. 155—156, № 101; в настоящее время утрачена. Изд.— ЛСА, XIII, 8.

38. Л. с.: Надпись в несколько строк:

П	Е	У	А	Т				
В	Е	Л	К	О	Г	О	Н	О

О. с.: Изображение зверя, вправо.

Обломок. М. н.— Новгород. Хр.— Новгородский музей, инв. № 4037. Не издана.

39. Л. с.: Надпись в пять строк:

П	Е	У	А		
Т	Ь	В	Е	Л	Н
К	О	Г	О	Н	О
В	А	Г	О	Р	
О	А	А			

Вокруг точечный ободок.

О. с.: Изображение зверя, вправо.

Д.— 26 мм (обломок). М. н.— Новгород. Хр.— Лих., ОНГЭ. Изд.— ЛСА, XIII, 10.

40. Л. с.: Неразборчивая надпись в несколько строк.

О. с.: Изображение зверя, вправо.

Обломок. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., ОНГЭ. Изд.— ЛСА, XIII, 15.

41. Л. с.: Изображение стилизованного цветка, напоминающее геральдическую лилию; вокруг точечный ободок; по краю

надпись: ПЕЧАТЬ [ВЕЛНКОГО НОВА]ГОРОДА

О. с.: Изображение зверя, вправо; над ним четыре точки; вокруг точечный ободок.

Д.— 25—28 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, I, 11.

42. Печать того же типа, что и предыдущая, но других матриц и очень плохой сохранности.

Д.— 28 мм (обломок). *М. н.*— Новгород. *Хр.*— Новгородский музей, инв. № 4040. Не издана.

Еще пять печатей того же типа сохранялись при грамотах Таллинского государственного городского архива и в изданиях были только описаны, причем таким образом, что судить об их тождестве с известными и описанными выше вариантами не представляется возможным.

Печать при грамоте Великого Новгорода магистру Ливонского ордена, составленной не позднее 1417 г. от имени посадника Ивана Александровича и тысяцкого Александра Игнатьевича, в изданиях описана следующим образом: *Л. с.*: Надпись: ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА; *О. с.*: Изображение барса с поднятым хвостом¹³¹. Порядок деления надписи на строки, положение зверя в композиции и особенности его изображения не указаны.

Две свинцовые печати, сохранявшиеся при грамоте Великого Новгорода Колывани с требованием суда над Иваном Амбуром, составленной около 1435 г. от имени посадника Федора Даниловича и тысяцкого Ивана Лукиничя, описаны вместе следующим образом: *Л. с.*: Надпись в четыре строки: ПЕЧАТЬ /ВЕЛИКОГО/ НОВАГОРОДА; *О. с.*: Изображение барса с поднятым хвостом¹³². Печати имеют сходство с экземпляром Библиотеки им. В. И. Ленина, описанным нами под № 34.

Две свинцовые печати, сохранявшиеся при договорной грамоте Великого Новгорода с Ливонским орденом о съезде на реке Нарове, составленной 27 февраля 1448 г., описаны следующим образом. 1. *Л. с.*: Надпись в четыре строки: ПЕЧА(ТЬ)/ ВЕЛИК(ОГО)/ НОВАГОРОДА; *О. с.*: Изображение грифа с поднятым хвостом. 2. *Л. с.*: Надпись в четыре строки: (ПЕ)ЧАТ(Ь)/ (ВЕ)ЛИКО(ГО)/ НОВАГОРОДА; *О. с.*: Изображение грифа с поднятым хвостом¹³³. По описанию печати имеют сходство с описанными нами выше под № 29 и 33.

Наблюдения над совокупностью описанных печатей вызывают к жизни целый комплекс вопросов, главными из которых являются проблема общей и внутренней хронологии материала и проблема истолкования изображений.

В числе вопросов хронологического порядка одним из наиболее существенных оказывается вопрос о начальной дате бытования описанной сфрагистической категории. Нужно отметить, что этот вопрос в литературе еще не был поставлен с достаточной четкостью, поскольку исследователи, как правило, исходили из представлений о том, что сфрагистика еще не располагает должной полнотой накопленных источников. Н. П. Лихачев, а вслед за ним Н. Г. Порфиридов допускали возможность непрерывного бытования анонимных государственных печатей на протяжении XIII—XV вв. Вехами этого бытования они считают известную печать «Всего Новгорода» при договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1263 г. и «Новгородскую печать и посаднику» Наказа 1372 г. и договора Новгорода с Михаилом Тверским 1371 г. Последние две печати Н. Г. Порфиридов от-

¹³¹ Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым, кн. 2, полумом 1. М., 1855. Грамота Новгородского правительства к Рижскому началу XV в., стр. 8; РИБ, т. XV. СПб., 1894, стр. 3—4; ГВНИП, стр. 91, № 53.

¹³² См. А. Чумиков. Неизданные русские акты XV—XVI вв. Ревельского городского архива, кн. 2, Смесь, № 4; ЧОИДР, 1897; ГВНИП, стр. 114, № 69.

¹³³ Nachricht von Queller zur Geschichte Russlands vornehmlich aus schwedischen Archiven und Bibliotheken von C. Schirren. St.-Pb, 1860, S. 48—51; ГВНИП стр. 118, № 72.

носит, исходя из определений СГГид, к началу XIV в.¹³⁴ Отсюда время бытования описанной выше группы «Новгородских печатей» и «Печатей Великого Новгорода» Н. П. Лихачев и Н. Г. Порфиридов определяют суммарно как XIV—XV вв.

Между тем, как мы пытались показать выше, эти буллы являются хронологически определенной формой печатей посадников и тысяцких, возникающей в тот момент, когда прекращается бытование именных печатей посадников и тысяцких. Исторические основы этого явления уже освещены подробно и нет смысла еще раз на них останавливаться. Его датой являются 1410-е годы, т. е. время реформы новгородского государственного управления. Все данные о датированных печатях этой группы подтверждают правильность такого хронологического определения. Наиболее ранними документами, скрепленными анонимными государственными печатями Новгорода, являются: грамота Новгорода Колывани середины 1410-х годов¹³⁵, грамота Новгорода Риге второй половины 1410-х годов¹³⁶, грамота Новгорода магистру Ливонского ордена середины 1410-х годов¹³⁷. Переход от именных посадничьих печатей к анонимным государственным хорошо прослеживается как раз в эти годы. Еще в 1411 г. посадник Иван Александрович пользуется своей именной буллой¹³⁸, тогда как к документу середины 1410-х годов от его имени привешена «Печать Великого Новгорода»¹³⁹. Эта дата подтверждается и стратиграфическими данными находок, сделанных при раскопках в четко датированных слоях. При раскопках на Неревском конце обнаружено пять стратиграфически датируемых печатей рассматриваемой группы; из них три в слое 1409—1422 гг., одна в слое 1422—1429 гг., одна в слое 1429—1436 гг. С другой стороны, еще в начале 1420-х годов анонимная государственная печать не привилась окончательно и в документах аналогичного характера время от времени появляются печати именные¹⁴⁰.

Другим важным вопросом хронологического порядка является проблема хронологической классификации различных типов анонимных печатей Новгорода XV в. В 1956 г. автором настоящего исследования была предложена общая схема такой классификации¹⁴¹, которая теперь должна быть отвергнута. Высказывая предположения о том порядке, в котором сменялись различные типы этих печатей, мы исходили из ошибочного представления, что, во-первых, типы с изображением всадника, воина, лютого зверя, птицы не сосуществовали, а сменяли друг друга; во-вторых, что форма надписи на печатях — «Новгородская печать» и «Печать Великого Новгорода» — также является отражением разных этапов хронологического развития, причем первая должна быть более ранней, а вторая позднейшей уже в силу самой законченности терминологии. Некоторые основания для таких представлений содержатся в хронологии грамот, сохранивших печати. Так, при грамотах 1410-х годов несколько раз встречены печати с надписью «Новгородская печать», не характерной для позднего времени и повторяющей надпись на печатях 1371—1372 гг., тогда как акты 1440-х—1470-х годов снабжены буллами

¹³⁴ См. Н. П. Лихачев. Рукопись Сфрагистического альбома. Даты указаны в комментариях к каждой печати; Н. Г. Порфиридов. Ук. соч.

¹³⁵ ГВНИП, стр. 94, № 56.

¹³⁶ Там же, стр. 96, № 58.

¹³⁷ Там же, стр. 91, № 53.

¹³⁸ Там же, стр. 88, № 50.

¹³⁹ Там же, стр. 91, № 53.

¹⁴⁰ Там же, стр. 98—99, № 60; В. Л. Янин. Две неизданные новгородские грамоты XV в., № 2.

¹⁴¹ См. В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг., стр. 142.

с надписью «Печать Великого Новгорода». Однако эти наблюдения разбиваются существованием грамоты середины 1410-х годов, при которой рядом с «Новгородской печатью» висит «Печать Великого Новгорода»¹⁴², и договорной грамоты Новгорода с тверским великим князем Борисом Александровичем, при которой рядом с «Печатью Великого Новгорода» висит «Новгородская печать»¹⁴³. Последняя грамота суммарно датируется временем великого княжения Бориса Александровича (1425—1461 гг.), однако ее иногда относят к 1446—1447 гг. Если даже эта датировка и кажется сомнительной, все же договорная грамота засвидетельствовала сравнительно позднее бытование «Новгородской печати».

Тем не менее, хотя основания признавать всю группу «Печатей Великого Новгорода» более поздней, нежели группа «Новгородских печатей», отпадают, можно с уверенностью говорить, что термин «Новгородская печать» был в XV в. пережиточным и в этом смысле должен указывать на принадлежность «Новгородских печатей» к начальному периоду бытования анонимных государственных булл Новгорода XV в. Если «Печати Великого Новгорода» существовали с середины 1410-х годов вплоть до падения Новгорода, то «Новгородские печати», появившись тогда же, т. е. в середине 1410-х годов, перестали употребляться в гораздо более раннее время.

Говоря о пережиточности термина «Новгородская печать», мы имеем в виду те изменения актовой терминологии, которые наблюдаются еще в последней четверти XIV в. Новгород начинает называться Великим лишь в конце XIV в. Первым документом, исходящим от «Великого Новгорода», является Нибуров мир 1392 г. Во всех более ранних документах называется «Весь Новгород» или просто «Новгород». Точную дату возникновения новой терминологии установить невозможно, поскольку от периода с середины 1370-х годов до 1391 г. вообще не сохранилось ни одного акта, однако еще в документах первой половины 1370-х годов Новгород не называется «Великим». После 1392 г. новый термин в актах используется постоянно, тогда как в сфрагистике, как мы уже видели, смена терминов осуществляется постепенно, что определяет сосуществование старой и новой терминологии в легендах печатей на протяжении какого-то пока не определенного периода.

Интересно отметить, что и стратиграфические данные печатей, найденных при раскопках, подтверждают оба отмеченных обстоятельства. Буллы с обеими легендами зафиксированы уже в слоях 1409—1422 гг., однако печати с надписью «Новгородская печать» найдены только в этих слоях, т. е. не позднее 1422 г.

Еще одним важным хронологическим вопросом является проблема конечной даты существования анонимных государственных печатей Новгорода. В литературе упорно бытует представление о том, что государственная печать Новгорода прекратила свое существование уже в середине XV в. в соответствии с требованиями Яжелбицкого договора 1456 г. («А печати быти князей великих»). Это представление укрепило настолько, что оно даже распространяется на хронологическую классификацию новгородского денежного чекана времени самостоятельности, существование которого А. В. Орешниковым было ограничено 1456 г. на том основании, что монетный штемпель, составляя регалию независимости, также практически был государственной печатью и подлежал замене великокняжеским штемпелем по духу Яжелбицких

¹⁴² ГВНиП, стр. 91, № 53.

¹⁴³ Там же, стр. 36, № 20.

установлений¹⁴⁴. Между тем существуют прямые документальные свидетельства о существовании «Печатей Великого Новгорода» даже после Коростынского договора 1471 г., в котором было подтверждено условие Яжелбицкого мира «А печати были князем великих». «Печатью Великого Новгорода» скреплена жалованная грамота Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю, составленная около 1475 г.¹⁴⁵ Такая печать была приложена и к совместному договору Новгорода и Пскова с юрьевским епископом, составленному 13 января 1474 г. Грамота сохранилась в копии, но ее текст не оставляет места для сомнений: «А воевода Великого Новагорода, посадник новгородский Фома Анъдреевичь, а посол Великого Новагорода Онъкипа Васильевич крест поцеловали за Великий Новгород и за всю Новгородскую державу и печать Великого Новагорода прыложити»¹⁴⁶.

Несомненно, что постановления Яжелбицкого и Коростынского договоров вовсе не ликвидировали государственную печать Новгорода. Они и не преследовали этой цели. Речь в них шла об обязательном употреблении великокняжеской печати, вернее печати великокняжеских тиунов — такие буллы в заметном количестве появляются в Новгороде именно в третьей четверти XV в.¹⁴⁷ — в какой-то специфической сфере делопроизводства, где до того роль представителя великого князя игнорировалась республиканскими органами. Можно высказать весьма вероятное предположение, что в Яжелбицком и Коростынском договорах имелся в виду порядок оформления документов смешанного суда посадника и великокняжеского наместника.

Вопросы, связанные с хронологической классификацией анонимных государственных булл Новгорода, еще раз встанут перед нами, когда мы коснемся проблемы истолкования изображений на этих печатях, к рассмотрению которой мы теперь переходим. Однако предварительно следует назвать еще несколько печатей посадников и тысяцких середины XV в., сохранивших характер именных булл (рис. 17).

1. Л. с.: Изображение сидящей птицы с распушенными крыльями, влево; перед птицей и под ней орнаментальные розетки из

точек; вокруг надпись: ПЧАТЬ ФЕДОРА ѠЛСЬЕВИЧА:

По краю точечный ободок.

- О. с.: Изображение зверя, вправо; вокруг надпись:

ПОСАДНИКА ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА По краю точечный ободок.

Сохранилась при договорной грамоте великого князя Казимира с Великим Новгородом, 1440—1441 гг., ГВНиП, стр. 115, № 70.

2. Л. с.: Изображение птицы с распушенными крыльями, вправо; вокруг, между двумя точечными ободками:

ПЕЧАТЬ АМНТРЕА ВАСНЬКЕ в поле, под птицей: В НУА

¹⁴⁴ См. А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, стр. 7; В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг., стр. 141 и сл.

¹⁴⁵ ГВНиП, стр. 155 и сл., № 101; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XIII, 8.

¹⁴⁶ ГВНиП, стр. 135, № 135.

¹⁴⁷ См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, X, 11; XVII, 3—5; XLIII, 3; XLVIII, 15; LI, 10, 11; LV, 13; Новгородский музей, инв. № 4031, 4032, 12780.

О. с.: Изображение воина с мечом и щитом; по краю, между двумя

точечными ободками: **+ПОСАДНИКА НОВГОРОЧКОГ**

Д.— 33 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1450 г., ГВНиП, стр. 150, № 95. Изд.—ЛСА XXVIII, 2.

3. Л. с.: Поясное изображение архангела Михаила, вокруг точеч-

ный ободок; по краю: **[МН]ХАІМЪ ѠНЬДРЪСВНУА**

О. с.: Изображение сидящей птицы, вправо, с головой, поверну-

той влево; вокруг точечный ободок; по краю: **[.....]УКОГО**

Д.— 33—39 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1450 г., ГВНиП, стр. 150, № 95. Изд.—ЛСА, XXVIII, 3.

4. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

ПЄУАТ
ІВАНД
ЛУКН
НУА

О. с.: Изображение сидящей птицы, вправо; вокруг, между двумя

точечными ободками: **ПОСАДНИКА¹ ВЕЛІКОГ[О НОВАГ]ОРОД**

Д.— 29 мм. Сохранилась при грамоте Великого Новгорода Соловецкому монастырю 1459—1469 гг., ГВНиП, стр. 151, № 96. Изд.—Н. С. Чаев. Ук. соч., табл. 3 и 4.

5. Л. с.: Надпись в четыре строки:

ПЄУАБ
ТУФА
[Н]ГОРДИЕ
[В]НУА

О. с.: Надпись в четыре строки:

ПЄУАТ
ΔВЕЛІК
ОГОНОВ
ГОРОД

Д.— 26—29 мм. Сохранилась при грамоте Великого Новгорода Соловецкому монастырю 1459—1469 гг., ГВНиП, стр. 151, № 96. Изд.—Н. С. Чаев. Ук. соч., табл. 3 и 4.

6. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

ПЄУАТ
ІВАНД
ЛУКН
НУА

О. с.: Изображение зверя, вправо; вокруг, между двумя точечными

ободками: [пѣвч]ть тѣсачког[о].

Д.— 29 мм (обломок). М. н.— Новгород. Хр.— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд.— ЛСА, LV, 15.

7. Л. с.: Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

ТѢСАК
ОГОВЕЛН
КОГОНОВ
ГОРОДА

О. с.: Изображение сидящей птицы, влево; свободные участки поля
заполнены точками; вокруг точечный ободок.

Д.— 28 мм. М. н.— Новгород, 1952 г., раскопки на Неревском конце
в слое с дендрохронологической датой 1409—1422 гг. Изд.— МИА,
№ 55, 1956, стр. 142, № 7.

Мы привели эти печати, исчерпывающие вместе с описанной выше группой анонимных государственных печатей весь сфрагистический материал XV в., который связывается с посадниками и тысяцкими, чтобы показать ограниченность эмблем в государственной сфрагистике Новгорода этого времени. Как и на анонимных печатях, здесь встречены те же изображения зверя, птицы и воина.

Мы видим, что сфрагистические эмблемы в XV в. сосуществуют. Они не сменяют одна другую в хронологической последовательности, а употребляются в одно и то же время. Это сосуществование может быть объяснено разными способами. Если каждое из таких изображений было общегосударственной эмблемой, их употребление безразлично для владельцев булл. Если же они несли какую-то иную смысловую нагрузку, тогда их употребление должно было строго регламентироваться.

Отметим прежде всего два существенных обстоятельства. Во-первых, не следует думать, что государственные печати посадников и тысяцких могли быть предметом наследования. Само обилие вариантов этих печатей говорит о том, что матрицы всякий раз вырезывались для вновь избранного посадника или тысяцкого. При исключительном обилии вариантов каждый вариант представлен незначительным числом экземпляров. В самом деле, невозможно указать ни одного случая, когда тождественные экземпляры прикладывались к документам разными лицами. Напротив, можно указать случай, когда одно и то же лицо сначала в ранге тысяцкого, а затем, спустя несколько лет, в ранге посадника пользуется одной и той же буллой. Имеем в виду печать Александра Игнатьевича при документах 1416—1421 гг.¹⁴⁸ Это значит, что рамки датирования каждого варианта печати ограничены временем деятельности того лица, по чьему заказу была изготовлена печать. Во-вторых, возможно утверждать, что употребление эмблем на печатях было подчинено каким-то закономерностям, изменяющимся с течением времени.

Действительно, в истории новгородской государственной печати XV в. возможно различать четыре периода. Первый период, сравнительно короткий, датируется временем с 1416 г. до середины 1420-х годов. Он характеризуется бытованием «Новгородских печатей» и сосуществованием в сфрагистике всех известных нам эмблем. В это время на печатях встречаются изображение и воина, и всадника, и зверя, и птицы, и всадника. Второй период — от середины 1420-х до конца 1440-х го-

¹⁴⁸ ГВНиП, № 53 и 58. См. выше в описании печать № 8.

дов — это время употребления государственной печати с изображением зверя. Только зверя мы видим на печати тысяцкого Ивана Лукинича (до 1438 г.), на печатях документов 1439 и 1448 гг.¹⁴⁹ и на печатях новгородского договора с князем Борисом Александровичем¹⁵⁰, дата которого находится в указанных пределах второго периода. На печати посадника Федора Олисиевича при документе 1440—1441 гг.¹⁵¹ помещено изображение птицы, однако и оно сочетается с изображением зверя. Для третьего периода, начавшегося около 1450 г. и продолжавшегося до 1470-х годов, характерно изображение птицы. Мы видим птицу на всех государственных печатях этого периода. Изображение птицы имеется на печатях жалованной грамоты 1450 г.¹⁵² и на печати посадника Ивана Лукинича при жалованной грамоте 1459—1469 гг.¹⁵³. Принципиальная смена эмблем настолько характерна, что, сравнивая, например, печати Ивана Лукинича грамоты 1439 г. и более раннюю его печать тысяцкого, с одной стороны, и его же печать грамоты 1459—1469 гг., мы видим, что более ранние буллы, относящиеся ко второму сфрагистическому периоду, несут изображение зверя, а более поздняя, относящаяся к третьему периоду, — изображение птицы. Четвертый период охватывает самые последние годы новгородской независимости, поскольку на печати жалованной грамоты 1470-х годов снова появляется изображение зверя¹⁵⁴.

Имея в виду все эти наблюдения, памятуя также о том, что общее число сфрагистических эмблем равно пяти, мы можем предложить только одно истолкование этих эмблем. Они могли быть эмблемами новгородских концов, обладая в то же время тенденцией к превращению в общеновгородскую эмблему.

Проверим это предположение. Прежде всего следует отметить полное тождество одной из пяти наших эмблем — изображение воина — с безусловной эмблемой Людина конца, присутствующей на печатях этого конца. Это совпадение убеждает нас в том, что в осмыслении эмблематики мы находимся на верном пути. Если это так, то изображение зверя должно быть связано с эмблематикой Славенского конца. Это изображение находится на печати, приложенной славенским посадником Иваном Александровичем¹⁵⁵. Оно имеется также на личной печати славенского посадника Якова Федоровича, приложенной к документу внутрикончанского характера¹⁵⁶. Изображение птицы возможно связывать с эмблематикой Неревского конца, поскольку оно зафиксировано на личной печати неревского посадника Василия Никитича, найденной при раскопках в Новгороде на Неревском конце (матрица печати). Наиболее сложным является определение принадлежности изображений вседержителя и всадника. Первое связывается с именем тысяцкого Ананьи Константиновича, от лица которого печать с изображением вседержителя приложена к документу середины 1410-х годов¹⁵⁷, но территориальная принадлежность которого неизвестна. Второе обнаружено лишь на случайно найденной в Новгороде печати. Предположительно мы можем связывать изображение всадника с эмблематикой Загородского конца,

¹⁴⁹ ГВНиП, № 53 и 58, стр. 114; № 69; стр. 117 и сл., № 72.

¹⁵⁰ Там же, стр. 36, № 20.

¹⁵¹ Там же, стр. 115, № 70.

¹⁵² Там же, стр. 150, № 95.

¹⁵³ Там же, стр. 151, № 96.

¹⁵⁴ Там же, стр. 156, № 101; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XIII, 8.

¹⁵⁵ ГВНиП, стр. 91, № 53.

¹⁵⁶ Там же, стр. 148, № 92.

¹⁵⁷ Там же, стр. 94, № 56. При акте сохранилась только печать тысяцкого; печати посадника Ивана Александровича соответствует лишь разрез на пергамене.

полагая, что эмблема этого конца должна быть близка эмблеме Людина конца (воин), а изображение вседержителя — с эмблематикой Плотницкого конца.

Если все эти наши предположения верны, то становятся ясными и общие закономерности употребления эмблем на государственных печатях Новгорода в XV в. В первое десятилетие после реформы 1416 г. эмблематика государственных печатей символизировала торжество кончанского принципа. Степенные посадник и тысяцкий помещали на своих печатях эмблемы собственных концов.

Мы отметили, что в начале 1420-х годов в Новгороде развивается межкончанский конфликт, основой которого было стремление лишить Славенский конец двойного представительства. В ходе этого конфликта не замещаются открывшиеся вакансии, и на первых порах он развивается в пользу Прусской улицы. Возможным сфрагистическим свидетельством этого конфликта является печать посадника Василия Никитича, сохранившаяся при грамоте 1423 г.¹⁵⁸ На этой печати, принадлежавшей неревскому боярину, появляется изображение воина, эмблема Людина конца, получившая, видимо, в данном случае общегородской характер. После 1423 г., когда права Славенского конца на двойное представительство были вновь подтверждены, а его наименование «Великим Славенским концом» сохранено, начинается длительный период употребления на всех новгородских печатях изображения зверя — эмблемы Славенского конца, которая может быть также названа общереспубликанской эмблемой этого периода.

Около середины XV в., как мы уже отмечали, происходит перераспределение норм представительства. Новую роль в системе управления приобретает Неревский конец, именуемый теперь «Великим концом Неревским» и получивший повышенное представительство. В самом деле, с этого времени начинается период употребления на печатях изображения птицы — эмблемы Неревского конца. Следует отметить, что в ходе борьбы середины XV в. на какой-то период восторжествовала Прусская улица, поскольку при документе 1450 г. на печати славенского посадника Дмитрия Васильевича помещены в качестве общереспубликанских эмблемы не только Неревского, но и Людина концов — птица и воин¹⁵⁹. Наконец, после Коростынского мира 1471 г. общереспубликанской эмблемой снова становится славенский зверь. Мы живо представляем себе, например, боевой порядок новгородских полков, над которыми развевались разноцветные стяги с изображением кончанских эмблем — Зверя, Вседержителя, Орла, Всадника и Воина.

Разумеется, предложенные построения при современном состоянии материала не могут претендовать на окончательное решение вопроса. Эмблемы зарождаются еще в XIV в., когда на посадничьих печатях уже помещаются изображения всадника и вседержителя или заменяющее последнее — изображение креста. Тогда порядок употребления эмблем был безразличным, поскольку идентичные эмблемы имеются на печатях посадников из разных концов. Возможно, что и в XV в. тенденция закрепить определенные эмблемы за концами была недостаточно прочной. Четкое решение вопроса о новгородских эмблемах станет возможным после нового увеличения сфрагистического фонда XV в.

¹⁵⁸ См. В. Л. Янин. Две неизданные новгородские грамоты XV в., № 2.

¹⁵⁹ ГВНИП, стр. 150, № 95.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новгородское боярское государство в своем развитии прошло несколько этапов, смена которых постоянно определялась существованием трех главных факторов. Во-первых, на протяжении XI—XV вв. в Новгороде из десятилетия в десятилетие углублялись социальные противоречия, рос классовый антагонизм, вызывавший к жизни постоянные классовые схватки. Боярство в целом испытывало непрекращавшееся давление со стороны новгородского плебса и в своей государственной политике преследовало как одну из главнейших целей обуздание трудящихся масс. Во-вторых, со времени образования боярской республики Новгород испытывал непрекращавшееся давление со стороны великокняжеской власти, и задачи антикняжеской борьбы постоянно требовали совершенствования форм боярского государства. В-третьих, характернейшим элементом новгородской политической жизни на всем протяжении XII—XV вв. оставалась внутренняя разобщенность класса феодалов, в том числе и боярства, группировки которого находились в постоянном соперничестве, сталкиваясь с оружием в руках в борьбе за власть, доходы и авторитет. Преодоление этой розни было жизненно важным вопросом успехов боярского государства. Внутрифеодалная борьба была главным тормозом в развитии боярской республики и вела к крайнему замедлению темпов становления государственных институтов, которые до конца существования новгородской независимости оставались внутренне противоречивыми.

Существовал еще четвертый фактор — задачи обороны Новгородской земли на ее западных рубежах, где существовала постоянная угроза нападения со стороны немецкой Прибалтики. Эти задачи также в значительной степени определяли развитие боярской государственности, однако и они приводили лишь к временной консолидации боярства. Показательно, что Новгород, проводивший агрессивную политику на своих северных рубежах, на западе только оборонялся, не имея сил перейти в наступление даже после самых решительных побед.

Одновременное действие всех этих разнородных факторов создавало чрезвычайно запутанную картину новгородской политической жизни. Одной из наиболее характерных черт городских движений в Новгороде было сложное переплетение задач внутрифеодалной и классовой борьбы. Разобщенность боярства, непрекращавшаяся борьба боярских территориальных группировок замедляли не только процесс консолидации самого боярства, но и процесс консолидации противостоящих ему классовых сил. На протяжении столетий на всех линиях боярской политиче-

ской борьбы практически воссоздавалась картина неустойчивого равновесия. Такое неустойчивое равновесие характерно и для соотношения классовых сил. Разобщенный новгородский плебс не был в состоянии добиться сколько-нибудь заметных успехов, но и стоявшее у власти боярство вплоть до XV в. не имело сил решительно противостоять народным движениям, будучи вынужденным в своей внутренней борьбе постоянно обращаться за поддержкой к массам новгородского населения. Такое неустойчивое равновесие характерно и для антикняжеской борьбы новгородского боярства. Если княжеская власть на протяжении нескольких столетий утратила свои позиции в Новгороде, то окончательно ликвидировать участие княжеских представителей во внутренних делах Новгорода боярство так и не смогло. Такое же неустойчивое равновесие характерно и для внешней политики Новгорода. Если новгородские полки с успехом отражали нападения на Новгородскую землю псов-рыцарей, то решительно ликвидировать военную угрозу с запада Новгородское государство было не в состоянии.

Исходные формы новгородской республиканской государственности образуются еще в недрах периода княжеской автократии. Мы отнесли первые успехи антикняжеских движений к концу XI в., когда рядом с княжеским столом возникает боярский орган — посадничество. На первых порах, в княжение Мстислава Владимировича, этот орган имеет, по-видимому, главным образом символический характер. Однако уже в 1117 г. он конституирован в орган, решительно противостоящий княжеской власти, и занимает видное место в государственных порядках. После 1136 г. это — главный орган новгородской государственности, ставшей отныне боярской государственностью. Возникновение Новгородской республики было немислимо без использования классового недовольства народа княжеской властью, однако главным двигателем новгородских движений первой трети XII в. была антикняжеская борьба боярства, обладавшего экономической базой власти в Новгороде, но лишенного до того сколько-нибудь серьезного политического авторитета.

После 1136 г. вплоть до начала XIII в. княжеская власть в Новгороде была ограничена торжеством принципа «вольности в князьях», однако князь располагал весьма многообразными формами участия в управлении. Завоевания боярской власти на протяжении всего этого периода не только находятся в шатком положении, им угрожает предательская политика боярских группировок, которые вступают в ожесточенную борьбу друг с другом, отыскивая опору в русских княжеских группировках и поступаясь в пользу князя частью собственной власти. Это период политических переворотов, расшатывавших самую основу только что образовавшейся республики.

В конце XII в. Мирошка Нездинич предпринимает шаги по укреплению боярской республики. Он стремится к консолидации всех антикняжеских сил Новгорода. При нем укрепляется посадничество и основывается тысяцкое. Однако уже при сыне Мирошки — Дмитре успехи боярского государства используются для попытки превращения посадничества в орган личной власти Мирошкиничей. Это время резкого углубления всех противоречий в новгородском обществе — классовых и политических, — приведшего к восстанию 1207 г. Решительное усиление классового антагонизма толкает новгородское боярство к поискам новых путей укрепления государства. При Твердиславе предпринимаются попытки упорядочить схему замещения посадничества на основе боярской консолидации — антикняжеской и антинародной.

Эти идеи господствуют на протяжении всего XIII в., в эпоху, когда дальнейшего укрепления государства требует грозная опасность воен-

ного нападения на Новгород с запада и востока. Уже в первой трети XIII в. отношения с князем начинают складываться по новой схеме. Новгород признает суверенитет великого князя, являвшийся выражением политического и военного союза с остальными русскими землями. По существу это отказ от принципа «вольности в князьях», но вместе с тем это и ликвидация личного авторитета новгородского князя, самостоятельное значение которого практически сводится на нет. В этой обстановке боярское государство значительно укрепляется. Организация власти уже в середине XIII в. учитывает принцип кончанского представительства, иными словами, представительства от соперничавших боярских группировок. Общая схема посадничества впервые включает представительный совет: исходное ядро будущего Совета господ. Усиление боярской власти сопровождается городскими движениями, в которых боярам все решительнее противостоят «меньшие бояре», сословие землевладельцев неаристократического происхождения, опиравшееся в своей борьбе на народные массы.

Общие успехи боярского государства в конце XIII в. вызвали серьезное преобразование новгородской государственности. С этого времени княжеской власти в Новгороде практически не существует. Исполнительная власть, ранее принадлежавшая князю, переходит в руки республиканских органов. В конце XIII в. фактически возникает все то разнообразие государственных институтов Новгорода, которое в дальнейшем характерно для периода развитой республики. В Новгороде преобразуется суд, возникает многообразный бюрократический аппарат. Вводится годичный срок посадничества и устанавливается принцип избрания посадника лишь из числа пяти пожизненных представителей концов.

На протяжении XIV в., в пору расцвета Новгородской республики, две главные задачи стоят перед боярским государством. Первая задача — внутренняя — направлена к укреплению боярства внутри Новгорода. Дальнейшей консолидации требует рост классовой борьбы, активизация которой особенно заметна в этот период. Другая задача — внешняя — направлена к дальнейшей борьбе с остатками княжеской власти и провозглашению полной независимости новгородской боярской политики. Обе эти задачи требуют дальнейшего концентрирования власти в руках аристократии. В XIV в. боярство постепенно узурпирует те республиканские органы, которые возникли в результате союза с другими слоями новгородского общества и которые по своей принадлежности первоначально не были боярскими. Так, в руки бояр переходит тысяцкое и вместе с ним суд тысяцкого. Вместе с тем с начала XIV в. усиливается внутрибоярская борьба, неуклонно ведущая к кризису государственной власти. В 1354 г. по инициативе Онцифора Лукича была предпринята реформа обновления государственных органов, которая подтвердила принцип равенства концов в обладании посадничеством, на место одного посадника ввела шесть посадников, правивших пожизненно, но ежегодно выделявших из своего числа нового степенного посадника. Реформой 1354 г. было введено двойное представительство от Славенского конца, поставившее славенское боярство в равные условия с боярством Прусской улицы.

Новая организация государственной власти не ликвидировала внутрибоярских противоречий. Борьба группировок продолжается и в последующий период. Она, как и раньше, причудливо переплетается с классовой борьбой новгородского плебса и политической борьбой других, привилегированных сословий Новгорода. Участие в городских движениях народных масс придает особую силу территориальным столкновениям и, несомненно, еще более активизирует классовую активность плебса.

Резкое усложнение внешней и особенно внутренней обстановки в Новгороде имеет следствием дальнейшее преобразование боярского государства по пути классовой консолидации бояр. Около 1416 г. в Новгороде проводится реформа государственного управления, резко увеличившая число посадников и установившая полугодовой срок степенного посадничества. Эта реформа создала в Новгороде законченные формы олигархического правления. Во главе государственной жизни стал сенат — Совет господ, боярство в целом было приобщено к государственному управлению, впервые получив возможность назвать государством все свое сословие. Консолидация боярства по существу ликвидировала вечевые порядки, отделив государство от народного собрания. Реформа, начавшаяся около 1416 г., была завершена к 1423 г., причем ее классовая сущность особенно подчеркивается тем, что непосредственным поводом укрепления боярской консолидации были сильнейшие народные движения 1418 и 1421 гг., носившие ярко выраженный антибоярский характер.

В середине XV в. предпринято еще одно изменение государственных органов в целях дальнейшего укрепления боярской олигархии.

Вместе с тем создание олигархических форм правления окончательно лишило боярское государство поддержки со стороны новгородского плебса. Усиление классового гнета, антинародная политика республики, самоуправство бояр в судах, насильственные мобилизации населения для участия в антимосковских войнах и т. д. привели к закономерному падению республики, не имевшей уже ничего общего ни с вечевым строем, ни с «новгородскими вольностями», а бывшей уделом замкнутой касты антинародной земельной аристократии. «Вольность!.. но вы тоже рабствуете. Народ! я говорю с тобою. Бояре честолюбивые, уничтожив власть государей, сами овладели ею». Эти слова принадлежат Н. М. Карамзину, но эта мысль в XV в. получила немало воплощений, главным результатом которых было падение боярского государства в 1478 г.

Последовательно излагая наблюдения над развитием форм новгородского посадничества, мы постоянно испытывали значительные трудности, недооценка которых читателем может повлечь и неправильное восприятие общих выводов, предложенных в работе. Нашей целью не могло быть создание общей концепции политической истории Новгорода и его государственности. Никакая общая концепция не может возникнуть на частичном материале, а сами рамки нашего исследования таковы, что постоянно заставляли нас ограничиваться наблюдениями над материалами, имеющими непосредственное отношение к посадникам. Основная трудность разработки темы заключается в том, что проблематика посадничества, бывшего главным органом боярской власти, практически связана со всей совокупностью материалов новгородской истории. Поэтому, пойдя по пути ограничения проблемы за счет отказа от такого же внимательного рассмотрения некоторых важнейших сторон истории Новгородского государства, мы уделили главное внимание вопросу о связи развития посадничества с историей внутрифеодальной борьбы. Наши выводы в силу этого не могут подменить общей концепции. При создании общей концепции истории Новгородского государства они должны быть подвергнуты перекрестной проверке теми выводами, которые даст исследование прямого воздействия на формы боярской власти классовой борьбы и борьбы внешнеполитической. Они должны быть проверены исследованием других институтов боярской власти.

Следует пристально заняться историей тысяцких, купеческих старост и, что наиболее важно, историей владычного управления в общей системе государства.

Смысл выводов, предложенных в настоящем исследовании, сводится к установлению конкретных следствий внутрибоярской борьбы, сказавшихся на истории республиканской организации. Мы неоднократно отмечали, что эта борьба является составной частью более сложных движений, что на развитие государства влиял обширный комплекс разнородных причин. Однако для нас теперь несомненно, что создание и применение принципа кончанского представительства, который лег в основу устройства республиканских органов, было прямым следствием кончанского соперничества боярских группировок, а задачи преодоления внутрifeодальной розни вставали перед боярством и в периоды подъема классовых движений, и в периоды обострения антикняжеской борьбы, и в годы усиления внешней опасности.

Нам хотелось бы теперь остановиться на вопросе о характере внутрибоярской борьбы, на проблеме устойчивости концов как цельных организмов не только в административном, но и в политическом отношении. Разумеется, было бы по меньшей мере наивным полагать, что в основе межкончанской борьбы лежала традиция кулачных боев, и уподоблять это соперничество дракам орловских мещан с семинаристами, описанным Н. С. Лесковым. Противоположность кончанских интересов была достаточно глубокой, если она могла сохраниться на протяжении многих веков, и не только сохраниться, но и определять общее направление исторической схемы формирования республиканских органов. Мы не располагаем сколько-нибудь яркими материалами для подобного исследования основ кончанского соперничества, однако некоторые наблюдения могут быть сделаны. Возможны также и определенные предположения, которые в дальнейшем могут быть проверены археологическим путем.

Мы придаем исключительно большое значение грамотам Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю и Ивану Губареву, в которых говорится о «кончанской земле», пожертвованной Саввино-Вишерскому монастырю. Не пытаясь сейчас сколько-нибудь подробно исследовать экономическую сторону проблемы, мы можем, однако, отметить два важных обстоятельства. Во-первых, конец был не только административной и политической единицей, он был также и коллективным феодалом, т. е. единицей экономической. Рядом с частным землевладением бояр и житых, рядом с церковным и княжеским землевладением в Новгороде существовало также и землевладение кончанское. Во-вторых, эти кончанские земли находились внутри пятинных территорий или собственно Новгородской земли, поскольку Саввино-Вишерский монастырь расположен всего в десяти верстах от Новгорода. Обращает на себя внимание, что жалованные грамоты «Всего Новгорода» жертвуют земли в колониях, но не в пятинах¹. По-видимому, кончанское землевладение может быть связано с древнейшими новгородскими порядками. Предположительно его возможно отождествлять с общинным землевладением, юридически подчиненным только кончанскому управлению. Если это так, то несомненная экономическая основа межкончанской борьбы облекается в весьма конкретные формы. Концы боролись между собой не только как политические, но и как экономические организмы.

¹ Все «Новгородские волости» княжеских докончаний также расположены в колониях, а не в пятинах.

Было бы заманчиво связывать пятинное деление Новгородской земли с пятикончанским делением Новгорода. Однако попытки автора анализировать боярское землевладение в пятинах с точки зрения кончанской принадлежности землевладельцев не увенчались успехом. Несомненно, они были обречены на неудачу самим характером пятинного деления, которое, как это показал Б. А. Рыбаков, восходит к делению Новгорода на сотни и, следовательно, связано с сотенной, а не с кончанской системой. Показательно, что Новгородская земля делилась на десять сотен уже в XIII в., когда концов было не больше четырех. Кроме того, пятинное деление писцовых книг отражает уже результаты длительной борьбы землевладельцев Новгорода, дает итог бесчисленных земельных сделок и сложного наследования.

Вопрос о связи концов с земледельческой округой возвращается таким образом в круг проблем, связанных с древнейшей историей Новгорода. Он неотделим от сложного вопроса о происхождении Новгорода. Выше мы неоднократно, но вскользь касались разных сторон этого вопроса. Здесь же, в заключение нашего исследования, нам кажется необходимым изложить ту гипотезу о происхождении Новгорода, которая представляется нам вытекающей из изложенных наблюдений.

Касаясь проблем исторической топографии Новгорода, мы пришли к заключению, что первоначально Новгород представлял собой совокупность нескольких поселков, изолированных один от другого пустопорожними пространствами или территориями с редкой застройкой. Эти поселки дают основу позднейшей кончанской системе, однако в древности их было не пять, а меньше.

Указания на относительную древность одних концов и сравнительную молодость других могут быть извлечены из самих наименований концов. Несомненными древними топонимами являются наименования Славенского, Неревского и Людина концов, тогда как наименование Загородского конца указывает на его позднейшее образование. Что касается Плотницкого конца, то время его возникновения должно стать предметом особого рассмотрения.

Несомненная древность Славенского конца особо подчеркивается его топографической спецификой. Славно — единственная часть Новгорода, образованная по обычному типу древних городищ. Она расположена на возвышенности, называемой Славенским холмом, ограничена с одной стороны Волховом, с другой — речкой Тарасовцем, которая называлась также Копанью, и защищена с третьей стороны искусственным рвом (Плотницкий, или Федоровский, ручей). Это единственная возвышенная часть города. Отметим, что если привычное наименование «Новгород» содержит в себе указание на сравнительно позднее происхождение термина (Новый город), то более ранние показания арабских источников называют Новгород Славией, а в скандинавских источниках он известен под именем Холмгарда. Наименование Новгорода Славией связывается и с самим летописным именем новгородских славян. В целом Славенский конец удовлетворяет требованиям древнейшего образования городского типа. Здесь расположены торг и торговые пристани; здесь же была древнейшая княжеская резиденция. Раскопки, правда, не обнаружили пока на Славенском конце слоев ранее XI в., но «вопрос о древнейшем поселении на Славенском холме рано считать решенным в ту или иную сторону»².

Широко распространено неверное мнение, что Федоровский ручей

² А. Арциховский и М. Каргер. Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 1—2.

(упоминается с 1134 г.) в системе новгородских укреплений был рубежом Славенского и Плотницкого концов. В действительности Славенский конец внутри треугольника, образованного Волховом, Тарасовцем и Федоровским ручьем, занимал более ограниченное пространство. В него не входила часть этого треугольника, непосредственно примыкающая к Федоровскому ручью, с улицами Лубяницей, Рогатицей, Лубянской, Славковой и Иворовой, которые в позднейшее время входили в членения Плотницкого конца, а также, по-видимому, территории Торга и Дворища. С другой стороны, основной массив Плотницкого конца в позднейшее время находился по другую сторону Федоровского ручья. Эти особенности расположения могут говорить только о том, что первоначально этот древний оборонительный рубеж был не кончанской, а городской границей, и указывать на более позднее, сравнительно со Славенским концом, время образования Плотницкого конца. Весьма показательно, что из 11 плотницких церквей, показанных в соборной росписи, 6 древнейших расположены к югу от Федоровского ручья, т. е. в районе Лубяницы, Лубянки, Рогатицы, Славковой и Иворовой улиц, а 5 церквей, расположенных на основной части Плотницкого конца, к северу от Федоровского ручья, упоминаются в источниках не ранее XIV в. (Федор Стратилат на Ручье, с 1329 г.; Никита на Никитиной улице, с 1368 г.; Андрей на Щитной, с начала XV в.; Борис и Глеб в Плотниках, с 1377 г.; Николай на Молотковской улице, не упомянут в летописи). Неоднократно отмеченная выше тесная политическая связь Плотницкого конца с Софийской стороной может указывать на то, что он заселялся и выходцами с Софийской стороны.

На Софийской стороне к древнейшим поселкам не может относиться Загородье, само наименование которого указывает на позднейшее включение этой территории в состав городского административного деления. Обстоятельства этого включения мы уже рассматривали выше. Здесь в древности, по-видимому, было два поселка. Один из них — Неревский, — как это показали раскопки, существовал уже в первой половине — середине X в. П. И. Засурцев, много занимавшийся проблемами древней застройки на материалах раскопок в Неревском конце, обратил наше внимание на следующее важное обстоятельство. Внутри Неревского конца прослеживается древний рубеж, который проходил по линии Козмодемьянской улицы. Часть кончанской территории, расположенная между Кремлем и этим рубежом, возникла как цельный поселок с устойчивой планировкой улиц и усадеб одновременно в тот период, когда другая часть Неревского конца, расположенная по ту сторону Козмодемьянской улицы, знала лишь неустойчивую и нерегулярную застройку. Холопья улица возникает в этой части города позднее Козмодемьянской. Часть Великой улицы, примыкающая к Холопьей, возникает позднее части той же улицы, расположенной между Козмодемьянской улицей и Кремлем. Здесь мы видим как бы ядро древнего поселка и его посад, формирующийся в позднейшее время. Отметим, что эта древняя граница совпадает с границей позднейших соборных участков Неревского конца.

Что касается Людина конца, то мы неоднократно прослеживали его органическую связь с Прусской улицей, которая в XIII в. стала основой искусственно созданного Загородского конца. Нам кажется возможным усматривать здесь некоторую аналогию с социальным делением Неревского конца. Если там существовало ядро поселка с аристократической застройкой и «посад» с Холопьей улицей, то здесь налицо такое же социальное противопоставление аристократической Прусской улицы Людину концу, наименование которого может быть связано с термином «людин», хорошо известным в источниках и обозначающим городское и

сельское простонародье. Показательно, что церковное строительство в этой части Новгорода постоянно тяготеет к Прусской улице и примыкающим к ней Власовской и Добрыне улицам, тогда как на основной части Людина конца церквей почти нет³.

Эти предварительные наблюдения позволяют говорить о том, что в древнейшее время на территории Новгорода существовало, по-видимому, три поселка — Славно, Неревский и Пруссы. С другой стороны, если Славно по своим топографическим признакам кажется поселком, естественно выросшим в условиях, присущих любому древнему городищу, то оба поселка Софийской стороны производят впечатление перенесенных на новое место. Они расположены в низменной местности, лишенной естественных укреплений, хотя их социальная топография более чем естественна. И на Неревском конце, и в Прусском поселке имеются «город» с аристократическими усадьбами и «посад», хотя признаки первого не выражены рвами и городнями, а признаки второго — окольной стеной. Такая топография не могла сложиться на существующем месте поселков, но она могла быть перенесена с их прежнего места.

Если эти наблюдения верны, то возникновение Новгорода может быть объяснено как результат федерации исконного поселка на Славне с поселками, водворившимися на Софийской стороне. Эти три древнейших поселка создают единую систему укреплений и устанавливают единое управление из представителей родо-племенной знати, назвав новое образование Новым городом.

Топонимы древнейших поселков указывают на этнически разнородный характер возникшего союза. Славно связывается с именем новгородских славян, с древней Славией арабских писателей. Неревский конец своим наименованием может быть связан с чудской основой. Его именуют иногда Наровским концом. Что касается прусского поселка, то для определения его этнической основы важны наблюдения А. И. Соболевского, археологически подкрепленные В. В. Седовым. Названные исследователи отмечают, что кривичи псковской группы, освоившие значительные территории юго-запада Новгородской земли, являются для этой области пришлым элементом, соседствующим в древности с балтийскими племенами на территории Пруссии⁴. Эти наблюдения, на наш взгляд, подтверждают терминологией одного из вариантов легенды о признании варягов или руси, содержащегося в Лаврентьевской летописи. Послы, отправленные за море, обращаются к руси со следующими словами: «Русь! Чудь и Словени и Кривичи, вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет» и т. д.⁵ В дальнейшем летописец, пытаясь осознать неясный для него союз славян, чуди и кривичей, изобретает ле-

³ Весьма интересные материалы для характеристики значительной устойчивости кончанских территорий дают наблюдения над синодальной росписью семи новгородских соборов. В 1116 г. в Новгороде был расширен Кремль («В то же лето Мьстислав заложил Новьгород болей первого». НПЛ, стр. 20, 204), благодаря чему к Кремлю была присоединена часть примыкающего к нему Людина конца. Это обстоятельство послужило основой давно уже подмеченного исследователями привычного членения позднейшего Кремля на две части, из которых древнейшая называлась «владычной половиной». Оказывается, что территории, присоединенные к Кремлю в 1116 г., и в дальнейшем сохраняют органическую связь с Прусской улицей и Людиным концом. Расположенные на ней церкви входят не в соборное подчинение Софийскому собору, а соборам Людина и Загородского концов. К загородскому собору св. Михаила приписаны кремлевские церкви Покрова на Воротах, Бориса и Глеба (постройка Сотко Сытинича), Андрея Стратилата (обетная), Иоанна Златоуста. К людинскому собору св. Власия приписана кремлевская церковь Спаса на Воротах.

⁴ См. А. И. Соболевский. Важная особенность старого псковского говора. «Русский филологический вестник», т. LXIX. Варшава, 1913; В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, № 1.

⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 19—20.

гендарных Синеуса и Трувора, чтобы посадить их в Изборске и на Белоозере, однако смысл этой федерации, по-видимому, более точен. Эта федерация означает собственно Новгород с его тремя разнородными поселками, которые могли играть роль соответствующих племенных центров. Значительный интерес представляет тот вариант легенды о призвании князя, который связывается с посольством в землю пруссов, в город Малборк. В этом варианте князь призван с древней прародины кривичей.

В той же связи весьма интересна также первая статья Краткой редакции Русской Правды: «Оубъеть моужь моужа, то мьстить братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоучадоу любо сестриноу сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову; аще боудеть роусин, любо гридин, любо коупчина, любо ябетник, любо мечник, аще изьгой боудеть, любо словенин, то 40 гривен положить за нь»⁶. М. Н. Тихомиров признает заключительную часть статьи об изгое и славяnine припиской, сделанной в Новгороде, подчеркивая, что на вставной характер фразы указывает и характерное повторение слов «аще» вместо «любо» и «40 гривен». Эта приписка не только приравнивает славянина лицам княжеской администрации, но и изгоям. Если под славянином понимать новгородца, связанного с древним Славном, исконного жителя Новгорода, то к изгоям возможно относить жителей чудского и кривичского поселков, перенесенных на территорию Софийской стороны и уравненных со славянами во вновь образованной федерации.

Предполагая такой путь возникновения Новгорода, мы получаем ответ на несколько существенных вопросов новгородской истории. Получает объяснение не только устойчивость кончанской системы, которая основана на триединстве экономической, этнической и политической общности, но и характер взаимоотношений Новгорода с Новгородской землей. Характерной особенностью новгородских порядков было противопоставление громадного по своим масштабам города и Новгородской земли, практически лишенной сколько-нибудь заметных признаков городской жизни. Возникновение Новгорода было связано с концентрацией племенной знати значительных территорий в одном центре, ставшем впоследствии средоточием феодальной верхушки, которая распространяла свою власть на обширные территории. Эта концентрация боярства стала главной гарантией его успехов в борьбе с князем и в создании специфического по своим формам феодального государства.

⁶ М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. Изд-во МГУ, М., 1953, стр. 75.

Актовые датировки, пересмотренные в настоящей работе

№ в ГВНИП	Название акта	Дата в ГВНИП	Предложенная дата	Основание датировки см. на стр.
16	Договорная грамота с Дмитрием Ивановичем	1371—1372 гг.	позднее февраля 1374 г.	205—210
18	Договорная грамота с Михаилом Тверским	1375 г.	февраль 1373 г.— февраль 1374 г.	209—210
19	Договорная грамота с Василием Васильевичем	1435 г.	февраль 1424 г.	261—265
29	Договорная грамота с немецкими городами	1262—1263 гг.	утверждена не ранее 27 января 1264 г.	150—151
37	Договорная грамота с Ливонским орденом	28 января 1323 г.	25 февраля 1323 г.	178
44	Грамота Новгорода Любеку о пограбленном товаре	1373 г., не позднее сентября	февраль 1370 г.— февраль 1371 г.	206—210
53	Грамота Ливонскому ордену о Конраде	не позднее 10 июня 1417 г.	не позднее августа 1417 г.	266
58	Грамота Риге об Иньце Зашембаке	1418—1421 гг.	1416—1421 гг.	266
69	Грамота Колывани об Иване Амбуре	не позднее 1439 г.	февраль — август 1435 г.	277—278, 280
70	Договорная грамота с Казимиром	1440—1447 гг.	август 1441 г.— февраль 1442 г.	281
75	Грамота Никите Тинчову	около 1452 г.	1420-е годы	266
85	Грамота Новгорода на Двину	1328—1341 гг.	август 1327 г.— февраль 1328 г.	180
89	Грамота сиротам Терпилова погоста	около 1411 г.	август 1422 г.— февраль 1423 г.	266—267
90	Данная Палеостровскому монастырю	1415—1421 гг.	1430-е годы, не позднее августа 1437 г.	279, 281
95	Жалованная Троице-Сергиеву монастырю	1448—1454 гг.	февраль — август 1450 г.	288—289
98	Грамота Двинской земле	август—15 декабря 1471 г.	август 1471 г.	295
101	Жалованная Троице-Сергиеву монастырю	1476—1477 гг.	сентябрь 1474 г.— август 1475 г.	295—296
107	Данная спинских сябров	1389—1415 гг.	1389—1391 гг.	216
109	Данная спинских сябров	1389—1415 гг.	1389—1391 гг.	216
110	Духовная Остафия Ананьевича	1393 г.	1397—1409 гг.	219
111	Духовная Федора Остафьевича	1435 г.	1450-е годы — 1469 г.	291—292, 294
112	Докончальная с Иваном Губаревым	1436—1456 гг.	1450—1459 гг.	291—292, 320
253	Данная посадника Терентия	XV в.	1423—1440-е годы	293
219	Данная Марфы Борецкой	1469—1470 гг.	не ранее XVI в. (грамота подложная)	276

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПОСАДНИКОВ

- Сокращения:** А.—Список А;
 Б.—Список Б;
 Нер.—Неревский конец;
 Пл.—Плотницкий конец;
 Пр.—Прусская улица (Людин или Загородский конец);
 Сл.—Славенский конец.
- Аввакум** — см. Обакун
- Аврам Стефанович** — Б-111, Сл.; посадник с 1423 г., до 1423 г. тысяцкий — 22, 31, 34, 244, 258—260, 266, 267
- Азария Феофилатович** — Б-25; несуществовавший посадник, упоминается ошибочно вместо посадника XII в. Захарии — 21, 28, 31, 32, 42, 101
- Александр Васильевич Кавский** — А-112, Б-142; посадник 1450-х или 1460-х гг. — 19, 22, 34, 285, 289, 290
- Александр Игнатьевич** — А-91, Б-95, Сл.; посадник с 1416 г., до 1416 г. тысяцкий — 19, 22, 30, 34, 241, 244—250, 266, 271, 359, 364
- Александр Самсонович** — Б-149, Пр.; упоминается как посадник в 1472—1476 гг., избран не позднее первой половины 1460-х гг.; сын посадника Самсона Ивановича — 22, 35, 285, 289, 290, 300, 311, 313, 316, 318, 319
- Александр Семенович** — А-61, Б-67, Пр.; посадник 1354—1360 гг., возможный младший рубеж посадничества — 1371 г.; брат посадника Ивана Муторичи — 16, 22, 29, 188—190, 194—196, 198, 200—204
- Александр Фоминич Царько** — А-77, Б-81, Пр.; посадник 1403—1421 гг., возможный старший рубеж посадничества — 1398 г., умер в 1421 г. — 16, 17, 22, 30, 217—220, 222, 236, 237, 242, 246, 247, 249, 259, 267, 269, 270
- Александр, брат Остафия Дворянина** — А-56, Б-65, Пл.; постоянный представитель в посадничестве с 1346 до 1354 г. — 16, 21, 22, 29, 188—194, 201
- Ананья Семенович** — А-90, Б-126; степенный посадник 1442 г., в 1439 г. степенный тысяцкий — 19, 22, 34, 278—280, 284—287
- Ананья Феофилатович** — А-41, Б-44, Сл.; избран между 1243 и 1255 гг., лишен посадничества в 1255 г.; умер в 1256 г. — 16, 21, 29, 32, 41, 144, 145, 147, 151, 154, 160
- Андрей Иванович** — А-86, Б-90, Пл.; упоминается как посадник в 1415—1421 гг., избран не ранее 1415 г. — 16, 18, 22, 30, 33, 238, 241, 242, 244—247, 249, 257, 279
- Андрей Иванович** — Б-121; степенный посадник в 1434—1435 гг. — 22, 34, 261, 278—280, 284
- Андрей (Андрейко) Климович** — А-47, Б-51, Пр.; постоянный представитель в посадничестве в 1286—1316 гг.; погиб в 1316 г.; брат посадника Семена Климовича — 16, 21, 29, 166—171, 177, 179, 183, 221, 226, 231
- Андрей Захарьинич** — А-64, Б-73, Пл.; посадник 1354—1384 гг., возможный позднейший рубеж посадничества — 1387 г.; сын посадника Захарии Михайловича — 16, 22, 29, 155, 188—190, 194—204, 210, 212, 215, 216, 221, 228, 231
- Артемий Петрович** — Б-116; посадник с 1423 г. — 22, 31, 34, 244, 258
- Афанасий (Офонас) Есифович Свекла** — А-119, Б-101, Пл.; посадник с 1418 г.; сын посадника Есифа Захарьинича — 19, 22, 30, 34, 241, 244, 245, 247, 249
- Афанасий (Офонас) Остафьевич Груз** — А-116, Б-141, Пр.; посадник 1448—1478 гг.; сын тысяцкого — 19, 20, 22, 34, 36, 282, 284, 285, 287, 289, 290, 293, 294, 298, 300, 303, 311, 316, 318, 319, 321, 347
- Афанасий Федорович** — Б-98, Сл.; посадник с 1416 г.; сын посадника Федора Тимофеевича — 22, 30, 34, 241, 243—248, 261, 268
- Ахмыл Федор** — см. Федор Ахмыл
- Богдан-Феодосий Обакунович** — А-73, Б-78, Пр.; посадник 1391—1397 гг., возможные хронологические рамки посадничества — 1390—1402 гг., умер в 1415 г. — 16, 22, 30, 215—220, 222—225, 238—241, 245, 330, 338; см. также Шил
- Богдан Есифович** — Б-137, Нер.; избран на посадничество до 1445 г., был посадником в 1476 г., схвачен и увезен в Москву в 1476 г. — 22, 34, 36, 282, 284, 285, 287, 300, 303, 311, 313—315, 319, 325, 347
- Богдан Микитинич** — А-128, Б-131; степенный посадник около 1439—1441 гг. — 19, 22, 34, 285—287
- Борецкий Дмитрий Исакович** — см. Дмитрий Исакович Борецкий
- Борецкий Исак Андреевич** — см. Исак Андреевич Борецкий
- Борис** — А-15, Б-18; прислан на посадничество из Киева в 1120 г., посадничал, по-видимому, до 1125 г. — 16, 21, 28, 31, 32, 64—68, 78, 79
- Борис Васильевич** — Б-92; посадник 1416—1417 гг., до 1416 г. тысяцкий; умер в 1417 г. — 22, 30, 33, 238, 241, 244—247, 249, 251, 256, 259
- Борис Юрьевич** — А-92, Б-123; степенный посадник в 1435—1436 гг. — 19, 20, 22, 34, 261, 277—281, 284, 345
- Варфоломей (Вальфромей) Юрьевич** — А-50, Б-53, Нер.; постоянный представитель в посадничестве от 1316 до 1342 гг.; умер в 1342 г.; сын посадника Юрия Мишинича — 16, 21, 26, 29, 32, 41, 155, 169, 178, 179, 181—185, 188, 190—192, 227, 234

- Василий Александрович Казимир** — А-120, Б-143, Нер.; избран на посадничество не ранее 1459 г.; был посадником до 1478 г., в 1459 г. тысяцкий; брат посадника Якова Александровича Короба — 19—23, 34, 285, 288—290, 297, 298, 300, 311, 314, 315, 318, 325, 346, 348
- Василий Ананьич** — Нер.; избран не позднее 1470 г.; степенный посадник в 1475 г., схвачен и увезен в Москву в 1476 г. — 295—297, 301, 312—315, 325, 342, 347
- Василий Васильевич** — Б-103; избран на посадничество в 1416 г.; брат посадников Тимофея и Семена Васильевичей — 22, 30, 34, 245, 247, 249, 286
- Василий Глазосемцев** — Б-146, Сл.; избран в первой половине 1460-х гг.; был посадником в 1475 г. — 22, 35, 285, 289, 290, 301, 312, 315, 316
- Василий Есифович** — А-118, Б-94, Пл.; посадник с 1416 г.; брат посадника Афанасия Есифовича, сын посадника Есифа Захарьинича — 18, 19, 22, 30, 34, 197, 241, 244, 246, 247, 249, 250, 252, 255, 256, 268, 345
- Василий Есифович** — степенный тысяцкий 1475—1476 гг., ошибочно назван посадником — 295
- Василий Иванович** — А-70, Б-72, Нер.; посадник 1384—1405 гг., возможные хронологические рамки посадничества — 1381—1403 гг.; умер в 1405 г.; брат посадника Юрия Ивановича — 16, 22, 30, 188, 211—214, 217, 218, 220—222, 225, 230
- Василий Иванович** — Сл.; посадник 1450-х гг. — 259, 292
- Василий Кузьмич** — Пл.; посадник 1470-х гг.; упоминается под 1475 г. — 300, 311, 316
- Василий Никитич** — Б-100, Нер.; посадник с 1416 г. — 18, 22, 30, 34, 241, 242, 244—247, 249, 250, 258, 263, 266—270, 345, 365, 366
- Василий Селезнев Губа** — Нер.; посадник 1470-х гг.; казнен Иваном III в 1471 г. — 298, 306, 346, 347
- Василий Степанович** — А-113, Б-139, Сл.; избран на посадничество до 1446 г.; умер в конце 1460-х гг. после пострижения под именем Варлаам — 19, 20, 22, 34, 36, 259, 281, 282, 285, 287, 288, 290—292, 303, 319, 320
- Василий Терентьевич** — Сл.; посадник 1450-х гг.; сын посадника Терентия — 259, 292, 293
- Василий Федорович** — А-69, Б-62, Пр.; посадник 1384—1392 гг.; умер в 1392 г.; сын посадника Федора Юрьевича — 16, 17, 21, 30, 188, 191, 210—215, 217, 218, 221, 230
- Василий Фоминич** — Б-113; избран на посадничество в 1423 г. — 22, 31, 34, 244, 258
- Василий Юрьевич** — Сл.; посадник 1420-х—1430-х гг.; сын посадника Юрия Дмитриевича — 260
- Внезд Водовик** — А-38, Б-40; посадник 1229—1230 гг.; умер в 1231 г. — 16, 21, 29, 31, 32, 137—139, 160
- Глухов Дмитрий Васильевич** — см. Дмитрий Васильевич Глухов
- Гольй Кирилл** — см. Кирилл Гольй
- Гольй Туча Михаил** — см. Михаил Иванович Туча Гольй
- Горошок Есиф Андреевич** — см. Есиф Андреевич Горошков
- Григорий Богданович** — А-83, Б-79, Пр.; посадник 1409—1415 гг., возможный позднейший рубеж посадничества неизвестен; сын посадника Богдана Обакуневича — 16, 17, 22, 30, 216, 235—237, 240—242, 245
- Григорий Данилович** — А-95, Б-114; Пр. или Пл.; избран на посадничество в 1423 г., был посадником в 1456 г. — 19, 20, 22, 31, 34, 36, 244, 258, 286, 288, 290, 303, 320
- Григорий Кириллович Посахно** — А-94, Б-118; избран на посадничество до 1428 г., был посадником в 1437 г. — 19, 22—24, 34, 260, 261, 276, 278, 284, 293
- Григорий Михайлович** — Нер.; посадник 1475 г.; сестрич посадника Василия Александровича Казимира — 300, 311, 315
- Григорий Михайлович Тучин** — Нер.; посадник 1475 г.; сын посадника Михаила Ивановича Тучи — 300, 311, 313—315, 320
- Григорий Юрьевич** — А-93, Б-119; избран на посадничество до 1434 г. — 19, 22, 34, 261, 278, 284
- Григорий Якунович** — А-67, Б-76, Пр.; посадник 1383—1389 гг.; возможные хронологические рамки посадничества 1373—1390 гг. — 16, 22, 27, 29, 202, 211—216, 218, 240
- Груз Афанасий Остафьевич** — см. Афанасий Остафьевич Груз
- Грузов Кузьма Остафьевич** — см. Кузьма Остафьевич Грузов
- Губа Василий Селезнев** — см. Василий Селезнев Губа
- Гюрта** — А-10, Б-11; седьмой из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 16, 21, 27, 28, 41, 54, 55, 61, 73
- Данила** — Сл.; посадник 1327—1328 гг. — 41, 179, 180, 182—184, 198, 226, 231
- Данила из Киева** — А-17, Б-20; прислан посадничать из Киева в 1129 г., лишен посадничества в 1130 г. — 16, 21, 28, 31, 32, 64—68, 77, 79
- Дворянинец Остафья** — см. Остафья Дворянинец
- Дворянинцев Александр** — см. Александр, брат Остафья Дворянинца
- Дмитрий Васильевич Глухов** — А-110, Б-127, Сл.; избран на посадничество до 1437 г., был посадником около 1456 г., в 1436 г. тысяцкий — 19, 20, 22, 34, 36, 277—284, 286—290, 303, 319, 320, 345, 362, 366
- Дмитрий (Дмитр) Завидич** — А-13, Б-5; посадник 1117—1118 гг.; умер в 1118 г.;

- возможный сын посадника Завида — 16, 21, 28, 41, 64—66, 68, 78, 79, 81, 82
- Дмитрий Исакович Борецкий** — Нер.; посадник 1471 г.; казнен Иваном III в 1471 г.; сын посадника Исака Андреевича Борецкого — 20, 294, 297, 298, 306, 346, 347
- Дмитрий (Дмитр) Мирошкин** — А-32, Б-36; посадник 1205—1207 гг.; убит в 1207 г.; сын посадника Мирошки Нездича — 16, 21, 28, 116—120, 368
- Дмитрий (Дмитр) Якунович** — А-34, Б-29; получил посадничество в 1211 г.; умер до 1215 г.; сын посадника Якуна — 16, 21, 29, 124, 125, 160
- Добрыня-(Михаил?)** — А-12, Б-16; последний из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.); умер в 1117 г. — 16, 21, 28, 54—56, 63—66, 68, 78—80, 88, 338
- Евстафий** — см. Остафья
- Елевферий** — см. Олферий
- Есиф Андреевич (Андревич) Горошков** — А-99, Б-132, Пр.; избран до 1443 г., был посадником в 1463 г. — 19, 20, 22, 34, 36, 276, 282—287, 290, 291, 293, 301, 303, 313, 319
- Есиф Васильевич Носов** — Пр. или Пл.; убит в 1456 г. — 287, 290, 291, 303, 320
- Есиф Григорьевич** — А-98, Б-133, Пр.; избран до 1443 г., был посадником в 1463 г. — 19, 20, 22, 34, 282, 283, 285—287, 291, 293, 300, 313
- Есиф (Еска) Захарьинич** — А-72, Б-74, Пл.; посадник 1388—1409 гг.; возможный ранний рубеж посадничества 1385 г.; умер в 1409 г.; сын посадника Захарии Михайловича — 9, 16, 22, 30, 155, 181, 188, 211—213, 215—217, 219—223, 225, 232—235, 237, 243, 249
- Есиф Фалелевич** — А-75, Б-82, Сл.; посадник 1392—1397 гг.; умер в 1397 г. — 16, 22, 30, 215, 217—220, 223
- Есиф Яковлевич** — А-102, Б-134, Пр.; избран до 1442 г.; умер в 1466 г.; брат посадника Федора Яковлевича — 19, 22, 34, 285, 287, 291, 293
- Жирослав** — А-27, Б-30; первое посадничество около 1169—1171 гг.; второе — в 1171—1172 гг.; третье — в 1175 г. — 16, 21, 28, 31, 32, 102—107, 120
- Завид-(Евстафий)** — А-4, Б-4; первый из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 16, 21, 27, 28, 40—42, 54—56, 60—62, 73, 74, 80
- Завид-(Феодор?) Дмитриевич** — А-16, Б-19; получил посадничество в 1128 г.; умер в 1128 г. — 16, 21, 28, 65, 66, 68, 79, 80
- Завид Неревинич (Неверонич)** — А-29, Б-31; первое посадничество в 1175—1176 гг.; второе — в 1177—1180 гг.; третье — в 1184—1186 гг. — 16, 21, 28, 107—109, 117, 119, 120
- Захария** — А-25, Б-26; посадник 1161—1167 гг.; убит в 1167 г. — 16, 21, 28, 31, 32, 101—104, 106, 107, 109, 119—121, 123
- Захария Григорьевич Овин (Отвин)** — А-123, Б-138, Пл.; избран на посадничество до 1445 г.; был посадником в 1476 г.; убит в 1477 г.; брат посадника Кузьмы Григорьевича — 19; 20, 22, 34, 36, 285, 287, 293, 296—300, 311, 316, 318, 342, 349
- Захария Кириллович** — Б-117; избран на посадничество в 1423 г. — 22, 23, 25, 31, 34, 244, 258, 259
- Захария Михайлович** — А-52, Б-56, Пл.; постоянный представитель в посадничестве в 1316—1335 гг.; умер, по-видимому, в 1335 г.; сын посадника Михаила Павшинича — 16, 21, 29, 32, 41, 155, 179—184, 186, 198, 227
- Иван Александрович** — А-79, Б-84, Сл.; посадник 1409—1417 гг.; умер в 1417 г.; братан посадника Фомы Ивановича — 16—18, 22, 27, 30, 197, 218, 220, 232—234, 237, 241, 243, 245—248, 250, 251, 256, 259, 266, 268, 271, 359, 360, 365
- Иван Афанасьевич Немир** — А-115, Б-145, Сл.; избран на посадничество до 1459 г.; схвачен и увезен в Москву в 1476 г. — 19, 20, 22, 35, 285, 288—292, 294, 301, 312, 313, 315, 316, 320, 325, 348
- Иван Богданович** — А-87, Б-91, Пр.; избран в 1415—1416 гг.; умер в 1419 г. — 16, 18, 22, 30, 33, 238, 241, 244—247, 249, 251, 256, 259
- Иван Васильевич** — Б-109; избран на посадничество около 1421—1423 гг. — 22, 23, 31, 34, 244, 258, 259, 286
- Иван Васильевич** — А-103, Б-124; избран на посадничество до 1436 г., был посадником в 1442 г.; вероятный сын посадника Василия Никитича — 19, 20, 22, 34, 36, 261, 270, 276—281, 284, 286
- Иван Васильевич** — Сл.; избран на посадничество до 1471 г.; умер до 1475 г. — 297, 299, 304, 319
- Иван Григорьевич** — Пр.; умер в 1467 г. — 293, 301, 348
- Иван Данилович** — А-85, Б-89, Пл.; посадник 1414—1415 гг.; возможный младший рубеж посадничества неизвестен — 16, 18, 22, 30, 236—238, 241, 243, 245, 249, 250
- Иван Данилович** — Б-107; избран на посадничество около 1421—1423 гг. — 22, 30, 34, 244, 258, 259
- Иван (Иванко) Дмитриевич** — А-37, Б-39; посадник 1220—1229 гг.; убит в 1238 г. — 16, 21, 29, 31, 129, 133—135, 137, 140, 160
- Иван (Иванко) Захарьинич** — А-28, Б-27; первое посадничество в 1171 г.; второе — в 1172—1175 гг.; умер в 1175 г. — 16, 21, 28, 104, 106, 107, 109, 117, 119—121, 126
- Иван Захарьинич** — Пл.; посадник 1475 г.; сын посадника Захарии Григорьевича Овина — 300, 311, 316
- Иван Иванович** — А-104; посадник 1470-х гг.; брат посадника Якова Селезневича — 19, 34, 302

- Иван Ивлич** — Б-104, Пр.; избран на посадничество в 1416 г. — 22, 30, 34, 35, 244, 247—249, 251, 252, 256
- Иван Кузьмич** — Пл.; посадник 1475 г.; схвачен Иваном III в 1484 г.; зять посадника Захарии Григорьевича Овина — 300, 311, 316, 348
- Иван Лаврентьевич** — А-108, Б-136; избран на посадничество до 1445 г., был посадником в 1461 г. — 19, 20, 22, 34, 285, 287, 293, 294, 297
- Иван Лукинич Шока** — А-117, Б-128, Пл.; избран до 1438 г., был посадником в 1471 г., в 1435 г. тысяцкий; умер до 1475 г. — 19, 20, 22, 34, 36, 278—280, 282—284, 287, 288, 290, 293, 294, 299, 303, 304, 319—321, 359, 363, 365
- Иван Максимович** — А-107, Б-135, Сл.; избран до 1444 г., был посадником до 1450-х—1460-х гг. — 19, 22, 34, 259, 285, 287, 291, 292
- Иван Михайлович** — Нер.; сестричич посадника Василия Александровича Казимира; посадник 1475 г. — 300, 311, 315
- Иван (Иванко) Павлович** — А-19, Б-21; получил посадничество в 1134 г.; убит в 1135 г. — 16, 21, 28, 41, 65, 66, 68—71, 77, 79
- Иван Семенович Муторица (Мотурица)** — А-60, Б-66, Пр.; посадник 1354—1372 гг.; возможный позднейший рубеж посадничества 1382 г.; брат посадника Александра Семеновича — 16, 22, 27, 29, 188—190, 194, 195, 198—204, 206, 208, 210, 214, 227, 228, 249, 331
- Иван Тимофеевич** — Сл.; посадник 1450-х гг. — 259, 292
- Иван Федорович Смятанка** — А-63, Б-68, Сл.; получил посадничество в 1354 г.; возможный позднейший рубеж посадничества 1371 г. — 16, 22, 27, 29, 188—190, 194, 195, 198, 200, 203, 204
- Иван Федорович** — Б-97, Сл.; избран на посадничество в 1416 г.; сын посадника Федора Тимофеевича — 22, 30, 34, 243—248
- Иван Шенкурский** — Пр.; посадник 1475 г. — 300, 311, 316
- Иван Яковлевич** — Б-110; избран на посадничество около 1421—1423 гг. — 22, 31, 34, 244, 258, 259
- Иов Тимофеевич** — Сл.; посадник 1420-х—1430-х гг., избран не позднее 1423 г. — 260, 269
- Исак Андреевич Борецкий** — А-109, Б-129, Нер.; избран до 1428 г.; умер в 1460-х гг. — 19, 20, 22, 34, 276, 278—280, 285—287, 290, 300
- Кавский Александр Васильевич** — см. Александр Васильевич Кавский
- Казимир (Казимер) Василий Александрович** — см. Василий Александрович Казимир
- Карп Савинич** — посадник 1460 г. — 293
- Кирилл Андреевич** — А-78, Б-86, Нер.; посадник 1403—1409 гг.; умер в 1410 г.; сын посадника Андреяна Захарьинича — 16, 17, 22, 27, 30, 216, 220—222, 232—234, 236, 242, 267
- Кирилл Голый** — А-121 — 19, 35, 302; см. также Кирилл Яковлевич
- Кирилл Дмитриевич** — А-84, Б-88, Пл.; посадник 1414 г.; возможный старший рубеж посадничества 1412 г.; умер в 1414 г. — 16, 18, 22, 30, 236—238, 241, 243, 268
- Кирилл Яковлевич** — Сл.; посадник 1470-х гг. — 301, 302, 312, 315, 316; возможно, отождествляется с Кириллом Голым
- Константин (Коснятин)** — А-6, Б-7; третий из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 16, 21, 28, 41, 54, 55, 61, 62
- Константин (Коснятин) Добрынич** — А-2, Б-2; посадник 1016—1030 гг.; сын Добрыни, уя Владимира Святославича — 16, 21, 28, 47—49, 51, 53, 54, 56
- Константин Микульчич** — А-21, Б-15; первое посадничество в 1136—1137 гг.; второе — в 1146—1147 гг.; умер в 1147 г. — 16, 21, 28, 41, 65, 66, 68, 71, 76, 79, 80, 94—96, 98, 101—104, 106, 120, 121, 123
- Константин Моисеевич** — А-14, Б-17; посадник 1118—1119 гг.; умер в 1119 г. — 16, 21, 28, 41, 65, 66, 68, 79
- Короб Яков Александрович** — см. Яков Александрович Короб
- Коска Матфей Варфоломеевич** — см. Матфей Варфоломеевич Коска
- Кузьма Григорьевич** — Б-147, Пл.; избран на посадничество в 1460-х гг.; убит в 1477 г.; брат посадника Захарии Григорьевича Овина — 22, 35, 285, 289, 290, 298—300, 311, 316, 318, 342, 346, 347, 349
- Кузьма Остафьевич Грузов** — Пр.; посадник 1470-х гг.; брат посадника Афанасия Остафьевича Груза — 298—300, 311, 316, 346, 347
- Кузьма Семенович** — А-125; посадник 1470-х гг. — 19, 35, 302
- Кузьма Терентьевич** — Б-105; избран на посадничество около 1421—1423 гг., в 1421 г. степенный тысяцкий — 22, 30, 34, 241, 244, 247, 248, 251, 252, 255, 256, 258, 259, 263, 266, 271, 345
- Кузьма Феофиластович** — Пр.; посадник 1470-х гг.; сын посадника Феофилата Захарьинича — 300, 311, 315, 316
- Курятник Фома Андреевич** — см. Фома Андреевич Курятник
- Лозьев Яков Игнатьевич** — см. Яков Игнатьевич Лозьев
- Лука Исакович Полиарьин** — Сл.; избран на посадничество после 1475 г., был посадником в 1478 г. — 301, 302, 304, 313, 315, 318, 319, 324
- Лука Федорович** — Пр.; избран на посадничество не позднее 1471 г., был посадником в 1478 г.; сын посадника Федора Яковлевича — 20, 282, 293, 297, 299, 300, 302, 304, 305, 311, 313, 315, 316, 318, 319, 325, 348, 349
- Матфей Варфоломеевич Коска (Коська)** — А-53, Б-59, Пр.; постоянный представитель в посадничестве около 1332—

- 1345 гг. — 16, 21, 27, 29, 41, 179—192, 202, 212, 227
- Микула** — А-11, Б-13; восьмой из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 16, 21, 27, 28, 41, 54, 55, 61, 73
- Мина Власьевич** — Сл.; посадник 1450-х гг. — 259, 292
- Мирон Иванович** — несуществовавший посадник; ошибочно назван в подложном документе, несущем дату 1391 г. — 216
- Миронег (Нипониг)** — А-7, Б-8; четвертый из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 16, 21, 27, 28, 41, 54, 61
- Мирослав (Яков?) Гюрягинич** — А-20, Б-12; первое посадничество — сомнительное — около 1126—1128 гг.; второе — в 1135—1136 гг.; умер в 1136 г. — 16, 21, 28, 41, 65—71, 76, 79, 80, 89, 104, 172, 329
- Мирошка Незднич (Незнанич)** — А-31, Б-35; посадник 1189—1204 гг.; с 1195 по начало 1197 гг. был задержан Всеволодом III в Суздале; умер в 1204 г. — 16, 21, 28, 64, 95, 109, 110, 113—117, 119, 120, 131, 134, 368
- Михаил Ананьинич** — А-111, Б-112; избран в 1423 г.; был посадником в 1424 г. — 19, 22, 31, 34, 244, 258, 261, 265, 266, 269
- Михаил Данилович** — А-66, Б-70, Сл.; посадник 1372—1392 гг.; возможный ранний рубеж посадничества 1355 г.; умер в 1392 г.; брат посадника Федора Даниловича; сын посадника Даниила — 16, 22, 29, 188, 193, 196—200, 204—207, 210—213, 215, 217, 219
- Михаил Иванович Мотуричин** — Б-99, Пр.; избран в 1416 г., был посадником в 1424 г.; сын посадника Ивана Семеновича Мотурицы (Муторицы) — 18, 22, 30, 34, 241, 244—247, 249—251, 261, 265, 300
- Михаил Иванович Туча Голый** — А-114, Б-140, Нер.; избран не позднее 1446 г.; в 1456 г. взят в плен Василием Темным — 19, 20, 22, 34, 285, 287, 290, 303, 305, 320
- Михаил Мишинич** — А-45, Б-49, Нер.; первое посадничество в 1272 г., второе — в 1273—1280 гг.; умер в 1280 г.; брат посадника Юрия Мишинича — 16, 21, 26, 29, 155, 156, 158, 159, 161
- Михаил Павшинич** — Б-55, Пл.; постоянный представитель в посадничестве с конца XIII в. до гибели в 1316 г. — 21, 29, 31, 32, 41, 155, 169, 170, 177, 179, 181, 198, 227
- Михаил Семенович (Чапинога?)** — Б-148 посадник 1460-х гг.; умер до 1475 г. — 22, 35, 285, 289, 290, 295—297
- Михаил (Михалко) Степанович** — А-30, Б-32, Пр.; первое посадничество в 1176—1177 гг.; второе — в 1180—1184 гг. третье — в 1186—1189 гг.; четвертое — в 1204—1205 гг.; умер в 1205 г. — 16, 21, 26, 28, 107—109, 113, 116, 118, 120, 121, 125, 129, 130
- Михаил (Михалко) Степанович** — А-42, Б-42, Пр.; посадник 1255—1256 гг.; убит в 1256 г. сын посадника Степана Твердиславича — 16, 21, 26, 29, 144, 145, 147, 148, 151, 161
- Михаил Федорович** — А-43, Б-45; посадник 1256—1268 гг.; погиб в 1268 г. — 16, 21, 29, 147, 149—151, 154, 155, 161
- Михаил Чапинога** — А-127 — 19, 35; см. также Михаил Семенович
- Мотурица (Муторица) Иван Семенович** — см. Иван Семенович Муторица
- Мотуричин Михаил Иванович** — см. Михаил Иванович Мотуричич
- Нежата Твердятич** — А-24, Б-24; первое посадничество в 1144—1146 гг.; второе — в 1160—1161 гг. — 16, 21, 28, 31, 41, 71, 97, 98, 100—104, 106, 120
- Немир Иван Афанасьевич** — см. Иван Афанасьевич Немир
- Никита Афанасьевич** — Пр.; посадник 1475 г.; сын посадника Афанасия Остафьевича Груза — 300, 311, 316
- Никита Григорьевич** — Б-48; недостоверный посадник 1269 г. — 21, 29, 31, 32, 156—158, 161
- Никита Есифович** — Пр.; посадник 1475 г.; сын посадника Есифа Григорьевича — 300, 311, 313, 316
- Никита Матфеевич** — А-68, Б-60, Пр.; посадник 1370-х гг.; летописное упоминание его посадничества под 1359 г., по-видимому, ошибочно; сын посадника Матфея Варфоломеевича Коски — 16, 21, 30, 188, 201, 202, 211—213, 227, 229, 231
- Никита Федорович** — Сл.; посадник 1475 г. — 301, 312, 316
- Никифор Борисович** — А-106; посадник 1470-х гг. — 19, 35, 302
- Нинониг** — см. Миронег
- Норов Родион** — см. Родион Норов
- Носов Есиф Васильевич** — см. Есиф Васильевич Носов
- Обакун Твердиславич** — несуществовавший посадник, летопись ошибочно называет его под 1354 г. — 194, 201
- Овин Захария Григорьевич** — см. Захария Григорьевич Овин
- Овин Кузьма Григорьевич** — см. Кузьма Григорьевич Овин
- Олферий Афанасьевич** — Нер.; посадник 1475 г. — 300, 311, 315, 325, 348
- Онцифор Лукич** — А-57, Б-57, Нер.; постоянный представитель в посадничестве в 1343—1354 гг.; внук посадника Варфоломея Юрьевича — 16, 21, 26, 29, 155, 181, 182, 185, 186, 188—194, 199—201, 203, 227, 231, 234, 335, 336, 369
- Остафья Дворянинец** — А-55, Б-64, Пл.; постоянный представитель в посадничестве в 1335—1346 гг., до 1335 г. тысяцкий; убит в 1346 г.; брат посадника Александра Дворянинеца — 16, 21, 29, 31, 32, 41, 42, 178—192, 197, 227, 329
- Остромир-Иосиф** — А-3, Б-3; посадник 1054—1057(?) гг.; погиб в 1057(?) г. (по летописи, в 1054 г.) — 16, 21, 28, 49, 51, 53—56, 68

- Павша Ананьинич** — А-44, Б-47; первое посадничество в 1268—1272 гг.; второе — в 1272—1273 гг.; умер в 1273 г. — 16, 21, 29, 154—158, 161
- Панфил Селифонтов** — житий 1470-х гг.; ошибочно назван посадником в документе XVI в. — 324
- Пездья Семен** — см. Семен Пездья
- Петр (Петрята)** — А-5, Б-6; второй из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 16, 21, 28, 41, 54, 61, 62
- Петр (Петрята, Петрило) Микульчич** — А-18, Б-14; посадник 1130—1134 гг.; погиб в 1135 г. — 16, 21, 28, 41, 65—71, 77, 79
- Полинаршин Лука Исакович** — см. Лука Исакович Полинаршин
- Порочка Филат Скупой** — см. Филат Скупой Порочка
- Посахно Григорий Кириллович** — см. Григорий Кириллович Посахно
- Роднон Норов** — Сл.; посадник 1470-х гг. — 301, 312, 316
- Родослав Данилович** — боярин конца XII в.; ошибочно назван как посадник под 1383 г. — 211
- Савва (Сава)** — А-8, Б-9; пятый из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 16, 21, 27, 28, 41, 54, 61, 73
- Самсон Иванович** — А-96, Б-120, Пр.; избран на посадничество до 1434 г.; был посадником в 1448 г. — 19, 20, 22, 34, 36, 261, 277—280, 282—284, 303, 319
- Сбыслав Якунович** — А-40, Б-43; получил посадничество в 1243 г.; умер между 1243 и 1255 гг. — 16, 21, 27, 29, 41, 142, 160, 161
- Свекла Афанасий Есифович** — см. Афанасий Есифович Свекла
- Селезнев Губа Василий** — см. Василий Губа Селезнев
- Селезнев (Селезевич) Яков Иванович** — см. Яков Иванович Селезнев
- Селивестр Леонтьевич (Лентеев)** — А-62, Б-75, Сл.; посадник 1354—1380 гг.; возможный позднейший рубеж посадничества 1384 г. — 16, 22, 29, 188—190, 194—204, 210, 213, 215, 228, 231
- Селифонтов Панфил** — см. Панфил Селифонтов
- Семен Борисович** — А-36, Б-38; посадник 1219 г.; убит в 1230 г. — 16, 21, 29, 31, 126, 128—130, 138, 139, 160
- Семен Васильевич** — А-88, Б-93; избран на посадничество в 1416 г. — 16, 18, 22, 30, 34, 238, 241, 244—247, 249, 250
- Семен Васильевич** — Б-108; избран на посадничество около 1421—1423 гг. — 22, 31, 34, 244, 258, 259, 286; см. также Семен Пездья
- Семен Климович** — А-49, Б-52, Пр.; постоянный представитель в посадничестве в 1292—1316 гг.; умер после 1316 г.; брат посадника Андрея Климовича — 16, 21, 29, 40—42, 166—171, 177, 179, 183, 184, 197, 200, 212, 226, 231
- Семен Михайлович** — А-46, Б-46; посадник 1280—1286 гг.; умер в 1287 г. — 16, 21, 29, 159, 161, 166, 171
- Семен Пездья** — А-100—19, 34; см. также Семен Васильевич
- Семен Федорович** — Пр.; посадник 1475 г.; сын посадника Федора Самсоновича — 290, 300, 311, 313, 316, 319
- Скупой Филат Порочка** — см. Филат Скупой Порочка
- Слизень Яков Васильевич** — см. Яков Васильевич Слизень
- Смятанка Иван Федорович** — см. Иван Федорович Смятанка
- Сокира** — не известный по имени посадник, отчество — Васильевич; умер в 1447 г. — 282, 285—287
- Степан Твердиславич** — А-39, Б-41, Пр.; посадник 1230—1243 гг.; умер в 1243 г.; сын посадника Твердислава Михалковича — 16, 21, 26, 29, 40, 41, 126, 131, 138—140, 142, 160, 162
- Судило Иванкович** — А-23, Б-22; первое посадничество в 1141—1144 гг.; второе — в 1147—1156 гг.; умер в 1156 г. — 16, 21, 28, 97, 98 100—104, 106, 120
- Твердислав Михалкович** — А-33, Б-33, Пр.; первое посадничество в 1207—1211 гг.; второе — около 1214—1215 гг.; третье — в 1216—1219 гг.; четвертое — в 1219—1220 гг.; принял схиму в 1220 г.; сын посадника Михалки Степановича — 16, 21, 26, 28, 31, 118—120, 124—134, 138, 144, 160, 368
- Терентий** — Сл. посадник 1420-х—1430-х гг. — 292, 293, 376
- Тимофей Васильевич** — А-89, Б-102; избран на посадничество в 1416 г.; брат посадников Семена и Василия Васильевичей — 16, 18, 19, 22, 30, 34, 242, 244, 245, 247—251, 286
- Тимофей Кузьмич** — Пр.; посадник 1475 г.; сын посадника Кузьмы Остафьевича Грузова — 300, 311, 316
- Тимофей Остафьевич** — Пр.; избран на посадничество до 1471 г.; был посадником в 1475 г.; брат посадников Афанасия и Кузьмы Остафьевичей — 20, 294—297, 299, 300, 304, 311, 316, 319, 347
- Тимофей Юрьевич** — А-74, Б-80, Пр.; посадник 1392—1409 гг.; умер в 1409 г.; братан посадника Александра Фомнича — 16, 22, 30, 217—222, 224, 230, 232, 233, 235, 236, 242
- Туча Гольй Михаил Иванович** — см. Михаил Иванович Туча Гольй
- Тучин Григорий Михайлович** — см. Григорий Михайлович Тучин
- Улеб** — А-9, Б-10; шестой из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 16, 21, 27, 28, 41, 54, 61
- Устин** — несуществовавший посадник, ошибочно упомянутый летописью под 1383 г. — 211
- Федор Акинфьевич Глазоемец** — А-126, Сл.; посадник 1470-х гг. — 19, 20, 35, 301, 302, 312, 315, 316
- Федор Алексеевич** — Сл.; посадник 1450-х—1460-х гг. — 291, 292, 294; пред-

- положительно отождествляется с Федором Олисниевичем
- Федор Ахмыл** — А-51, Б-54, Пр.; постоянный представитель в посадничестве в 1329—1332 гг. — 16, 21, 29, 31, 32, 41, 179—184, 186, 227
- Федор Гаврилович** — Б-106; избран на посадничество около 1421—1423 гг. — 22, 30, 34, 244, 258, 259
- Федор Данилович** — А-54, Б-69, Сл.; постоянный представитель в посадничестве с середины 1330-х гг. до 1350 г.; сын посадника Данилы; брат посадника Михаила Даниловича — 16, 22, 29, 41, 179—185, 187—193, 196, 198, 200, 203, 227, 335
- Федор Данилович** — А-97, Б-122; избран на посадничество до 1435 г. — 19, 20, 22, 34, 261, 278—280, 284, 359
- Федор Олисниевич** — Б-125; избран на посадничество до 1437 г., был посадником в 1441 г. — 22, 34, 35, 278, 280, 281, 284, 285, 287, 294, 362, 365
- Федор Остафьевич Своеземцев** — Сл.; посадник 1440-х—1460-х гг. — 219, 259, 291, 292, 294, 313, 315, 376
- Федор Михалкович** — Б-34, Пр.; ошибочно назван посадником в Списке Б; сын посадника Михалки Степановича — 21, 28, 31, 129, 134, 160, 161
- Федор Самсонович** — Б-150, Пр.; посадник 1460-х гг.; умер до 1475 г.; сын посадника Самсона Ивановича — 22, 35, 37, 285, 289, 290, 300
- Федор Тимофеевич** — А-71, Б-77, Сл.; посадник 1385—1421 гг.; возможный ранний рубеж посадничества 1381 г.; умер в 1421 г. — 16, 17, 22, 30, 210—213, 215, 217—220, 223, 224, 230—232, 237, 242—244, 246—248, 252, 254, 255, 259, 260, 330
- Федор Юрьевич** — А-58, Б-61, Пр.; постоянный представитель в посадничестве около 1346—1350 гг. — 16, 21, 29, 188—192, 194, 195, 200, 203, 212, 227
- Федор Яковлевич** — А-101, Б-130, Пр.; избран на посадничество до 1440 г.; умер в 1466 г. — 19, 20, 22, 34, 36, 278, 281, 282, 285—288, 290, 293, 303, 320
- Феодосий Обакунович** — см. Богдан-Феодосий Обакунович
- Феофиласт Захарьинич** — Пр.; избран на посадничество до 1471 г., был посадником в 1478 г. — 20, 297, 299, 300, 302, 304, 311, 313, 315, 316, 318, 319, 349; см. также Филат Скупой Порочка
- Филат Скупой Порочка** — А-124 — 19, 20, 35, 302; см. также Феофиласт Захарьинич
- Филипп** — несуществовавший посадник; ошибочно упомянут летописью под 1383 г. — 211
- Филипп Фоминич** — Б-115; избран на посадничество в 1423 г. — 22, 31, 34, 244, 258
- Фома Андреевич Курятник** — Сл.; посадник 1470-х гг.; избран до 1474 г., был посадником в 1478 г. — 295—297, 301, 302, 304, 312, 316, 318, 347, 362
- Фома Есифович** — А-82, Б-87, Пл.; посадник 1409—1411 г.; возможный позднейший рубеж посадничества 1413 г. — 16, 17, 22, 30, 233—235, 237, 240, 243
- Фома Иванович** — А-80, Б-85, Сл.; посадник 1409 г.; братан посадника Ивана Александровича — 16, 17, 22, 27, 30, 220, 232—234, 237, 238, 243
- Царько Александр Фоминич** — см. Александр Фоминич Царько
- Чапинога Михаил** — см. Михаил Чапинога
- Шенкурский Иван** — см. Иван Шенкурский
- Щил** — см. Богдан-Феодосий Обакунович
- Щока Иван Лукинич** — см. Иван Лукинич Щока
- Юрий Дмитриевич** — А-76, Б-83, Сл.; посадник 1397—1409 гг.; умер в 1410 г. — 16, 22, 30, 218—220, 223, 224, 232—234, 237, 243, 259
- Юрий (Гюрги) Иванкович** — А-35, Б-37; посадник 1215—1216 гг.; вероятный сын посадника Иванки Захарьинича — 16, 21, 29, 126, 127, 160
- Юрий Иванович** — А-65, Б-71, Нер.; посадник 1354—1380 гг.; возможный позднейший рубеж посадничества 1382 г.; брат посадника Василия Ивановича — 16, 22, 29, 188—190, 194—198, 200, 202—210, 212, 214, 228, 229, 330
- Юрий (Георгий) Мишинич** — А-48, Б-50, Нер.; постоянный представитель в посадничестве в 1291—1316 гг.; погиб в 1316 г.; брат посадника Михаила Мишинича — 16, 21, 26, 29, 155, 166—170, 177—179, 190, 234
- Юрий Онцифорович** — А-81, Б-58, Нер.; посадник 1409—1416 гг.; умер в 1417 г.; сын посадника Онцифора Лукича — 16, 17, 21, 26, 30, 155, 188, 190, 216, 233—236, 242, 258, 259, 330
- Юрий Терентьевич** — Сл.; посадник 1450-х гг. — 259, 292, 293
- Яков Александрович Короб** — А-122, Б-144, Нер.; избран на посадничество до 1471 г.; был посадником в 1478 г.; брат посадника Василия Александровича Казимира — 19, 22, 34, 36, 285, 289, 299, 300, 302, 304, 311, 314, 315, 318, 319, 325, 348
- Яков Васильевич Слизень** — Сл.; посадник 1475 г. — 302, 312, 314, 316
- Яков Иванович Селезнев** — А-105; посадник 1460-х—1470-х гг. — 19, 20, 35, 301, 302, 313, 347
- Яков Игнатьевич Лозьев** — посадник 1460-х гг., в 1463 г. тысяцкий; умер в 1469 г. — 291, 292, 294
- Яков (Семенович?) Хотов** — А-59, Б-63, Пр.; постоянный представитель в посадничестве в 1352—1354 гг.; посадник в 1372 г.; возможные рамки посадничества после реформы 1354 г.: 1360—1382 гг.; вероятный сын посадника Семена Климовича — 16, 21, 29, 188—190, 194—200, 203, 204, 210, 213, 214, 227, 229, 231
- Яков Федорович** — Б-96, Сл.; избран на посадничество в 1416 г.; сын посадника Федора Тимофеевича — 22, 30, 34, 243—248, 260, 269, 365
- Яков Федорович** — Пл.; посадник 1470-х гг.; избран до 1471 г., был посадником в

1478 г. — 298—300, 302, 304, 311, 315, 316, 318, 319, 346, 347
Якун — А-56, Б-28; посадник 1167 — около 1169 гг.; умер около 1169 г. — 16, 21, 28, 31, 32, 102—104, 106, 120, 125

Якун Мирославич — А-22, Б-23; первое посадничество в 1137—1141 гг.; второе — в 1156—1160 гг. — 16, 21, 28, 71, 94—104, 106, 107, 119, 120, 125

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗР	— «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией», т. I, СПб., 1846;		ских таблиц и рукописный текст, хранящиеся в Архиве ИА АН СССР;
АН СССР	— Академия наук СССР;	Л. с.	— Лицевая сторона;
АОГЭ	— Археологический отдел Государственного Эрмитажа;	Материалы	— Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I. Л., 1928; вып. 2. (Л., 1930);
БАН	— Фундаментальная библиотека Академии наук СССР (Ленинград);	МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина;	МИА	— «Материалы и исследования по археологии СССР»;
ГВНИП	— «Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валка». М. — Л., 1949;	МИД	— Министерство иностранных дел;
ГИМ	— Государственный Исторический музей (Москва);	М. н.	— Место находки;
Д.	— Диаметр;	Ник.	— Собрание Н. К. Никольского;
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения»;	НПЛ	— «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М. — Л., 1950;
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР;	НЗЛ	— Новгородская третья летопись;
Изд.	— Место издания;	Н4Л	— Новгородская четвертая летопись;
ИРЛ	— Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом);	ОНГИМ	— Отдел нумизматики Государственного Исторического музея;
КС ИИМК	— «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР»;	ОНГЭ	— Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа;
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова;	Опыт	— (И. И. Григорович). Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. Из древних русских летописей. М., 1821;
ЛЗАК	— «Летопись занятий Археографической комиссии»;	Орешников	— А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. «Труды Московского Нумизматического общества», т. III, вып. I. М., 1903;
Лих.	— Собрание Н. П. Лихачева;	О. с.	— Обратная сторона;
ЛО ИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР;	ПВЛ	— «Повесть временных лет, ч. 1—2», М. — Л., 1950;
ЛОИИ	— Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР;	Плюшкин	— Собрание Ф. М. Плюшкина в Пскове (до 1912 г.);
ЛСА	— Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Комплект фототипиче-		

- «Полное собрание русских летописей», т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926—1928; т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1843; т. III. Новгородская первая летопись. СПб., 1841; т. IV. Псковская первая летопись. СПб., 1848; т. V. Псковская вторая летопись и Софийская первая летопись. СПб., 1851; т. VI. Софийская первая летопись (продолжение) и Софийская вторая летопись. СПб., 1853; т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856; т. VIII. Летопись по Воскресенскому списку (продолжение). СПб., 1859; т. XI. Никоновская летопись (продолжение). СПб., 1897; т. XII. Никоновская летопись (продолжение). СПб., 1901; т. XV, вып. I. Рогожский летописец. Пг., 1922; т. XVI. Летопись Авраамки. СПб., 1899; т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913; т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910; т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.—Л., 1949; Использование отдельных томов ПСРЛ в других изданиях оговорено в подстрочных примечаниях;
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук;
- РБС — «Русский биографический словарь»;
- РИБ — «Русская историческая библиотека»;
- СА — «Советская археология»;
- Сб. — Сборник;
- СГГид — «Собрание государственных актов и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел, ч. I». М., 1813;
- ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР»;
- УЗ — Ученые записки;
- Хр. — Место хранения;
- ЧОИДР — «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете»;
- Штиглиц — Собрание Штиглица;
- LUB — «Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Herausgegeben von Dr. F. G. von Bunge».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Летописные списки новгородских посадников	14
Первый извод списка посадников (Список А и дополнения к нему)	15
Второй извод списка посадников (Список Б и дополнение к нему)	21
Сравнительное изучение двух изводов посадничьего списка	26
История посадничьих списков в связи с историей летописания	36
Предварительная характеристика посадничьих списков	43
Глава 2. Посадники древнейшей поры и восстание 1136 года	45
Новгородское посадничество до конца XI века	46
Время Мстислава Владимировича и первые преобразования в новгородском посадничестве	54
Посадники времени Всеволода и восстание 1136 года	62
Печати новгородских посадников времени Всеволода	72
К вопросу о хронологии «Уставов Всеволода»	82
Глава 3. Внутрибоярская борьба за посадничество в XII—начале XIII века (1136—1207 гг.)	94
От восстания 1136 года до смерти Андрея Боголюбского (1174 г.)	95
Возобновление антикняжеской борьбы боярства в конце XII века	106
Восстание 1207 года	116
Вопрос о посадничьих печатях середины XII—начала XIII века	120
Глава 4. Посадничество в XIII веке	124
Посадничество при Твердиславе и попытки его преобразования	124
Внутрибоярская и антикняжеская борьба в 1220-х и начале 1230-х годов	133
Посадничество в середине XIII века	140
Посадники 1260-х—1280-х годов	149
Вопрос о республиканских печатях XIII века	161
Глава 5. Коренные преобразования республиканского управления в конце XIII века и возникновение кончанского представительства в посадничестве	165
Возникновение годичного срока посадничества	165
Общие преобразования государственной власти в конце XIII века	171
Глава 6. Посадники XIV—начала XV века и оформление коллективного посадничества	176
Посадники 1316-х—1342-х годов	178
Обострение кризиса и реформа Онцифора Лукича	185
Посадники 1380-х годов	210
Посадники 1390-х годов	214
Посадники начала XV века	220
Некоторые особенности внутрибоярской борьбы в конце XIV века и их связь с организацией посадничества	221
Печати новгородских посадников XIV века	226

Глава 7. Посадники первой четверти XV века и реформа 1410-х годов	232
Окончание Списка А и 1-е дополнение к нему	232
Реформа посадничества в 1410-х годах	238
Восстание Степанки в 1418 году	251
Проблема датировки сохранившегося докончания Великого Новгорода с великим князем Васи́лием Васи́льевичем	257
Сфрагистические свидетельства реформы 1410-х годов	267
Глава 8. Посадники последнего периода Новгородской республики	274
Посадники 1430-х годов	276
Посадники 1440-х годов	281
Посадники 1450-х годов	287
Посадники 1460-х и 1470-х годов	293
Глава 9. Олигархическое посадничество XV века и его структура	303
Структура посадничества в последний период независимости	303
Посадничество XV века как орган боярской олигархии	321
«Печати Великого Новгорода»	349
Заключение	367
Приложение 1. Актовые датировки, пересмотренные в настоящей работе	376
Приложение 2. Алфавитный указатель посадников	377
Список сокращений	384

ИЛЛЮСТРАЦИИ

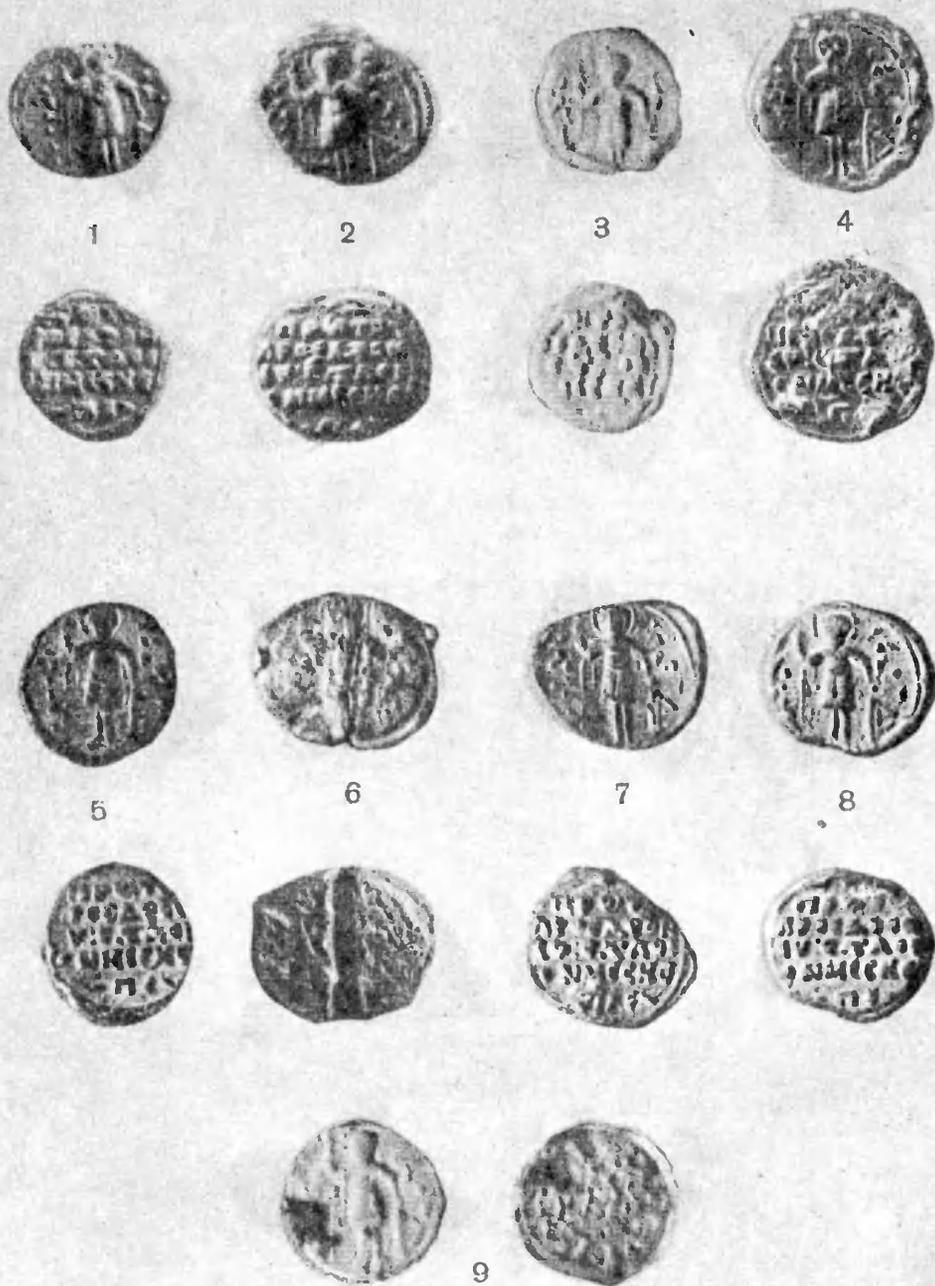

Рис. 1. Печати протопродра Евстафия: 1. ОНГЭ; ЛСА, XXIV, 3; 2. ОНГЭ; ЛСА, LII, 15; 3. ОНГЭ, не издана; 4. Новгородский музей, утрачена; Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 2, рис. 230; 5. Новгородский музей, инв. № 4096; Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, рис. 74; 6. Новгородский музей, инв. № 4098, не издана; 7. Новгородский музей, инв. № 4097, не издана; 8. ОНГИМ (из коллекции Н. В. Гудкова-Белякова), не издана; 9. Коллекция В. М. Ковалевой (Новгород), не издана.

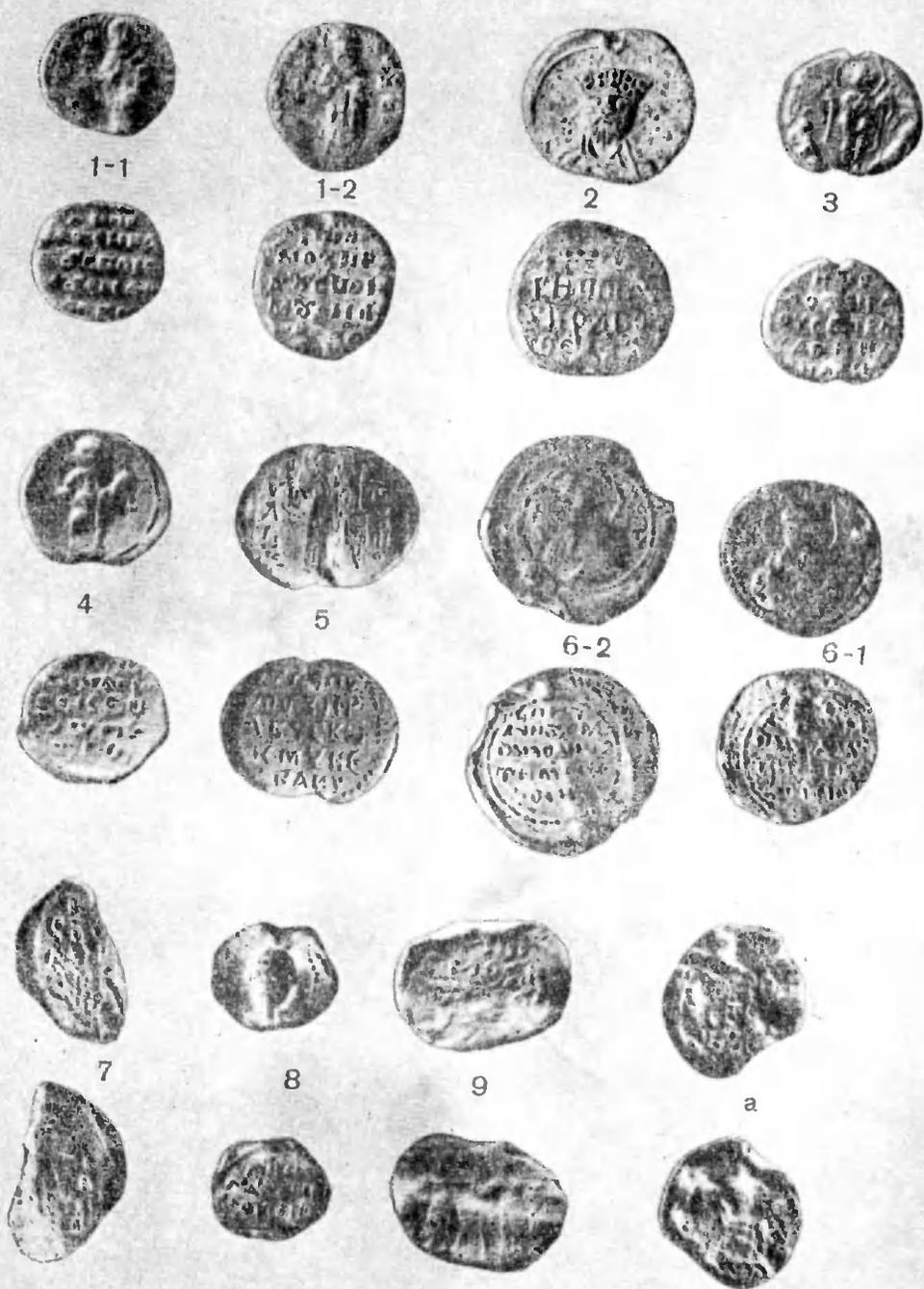

Рис. 2. Посадничьи печати 1117—1136 гг. с формулой «Господи, помози...»

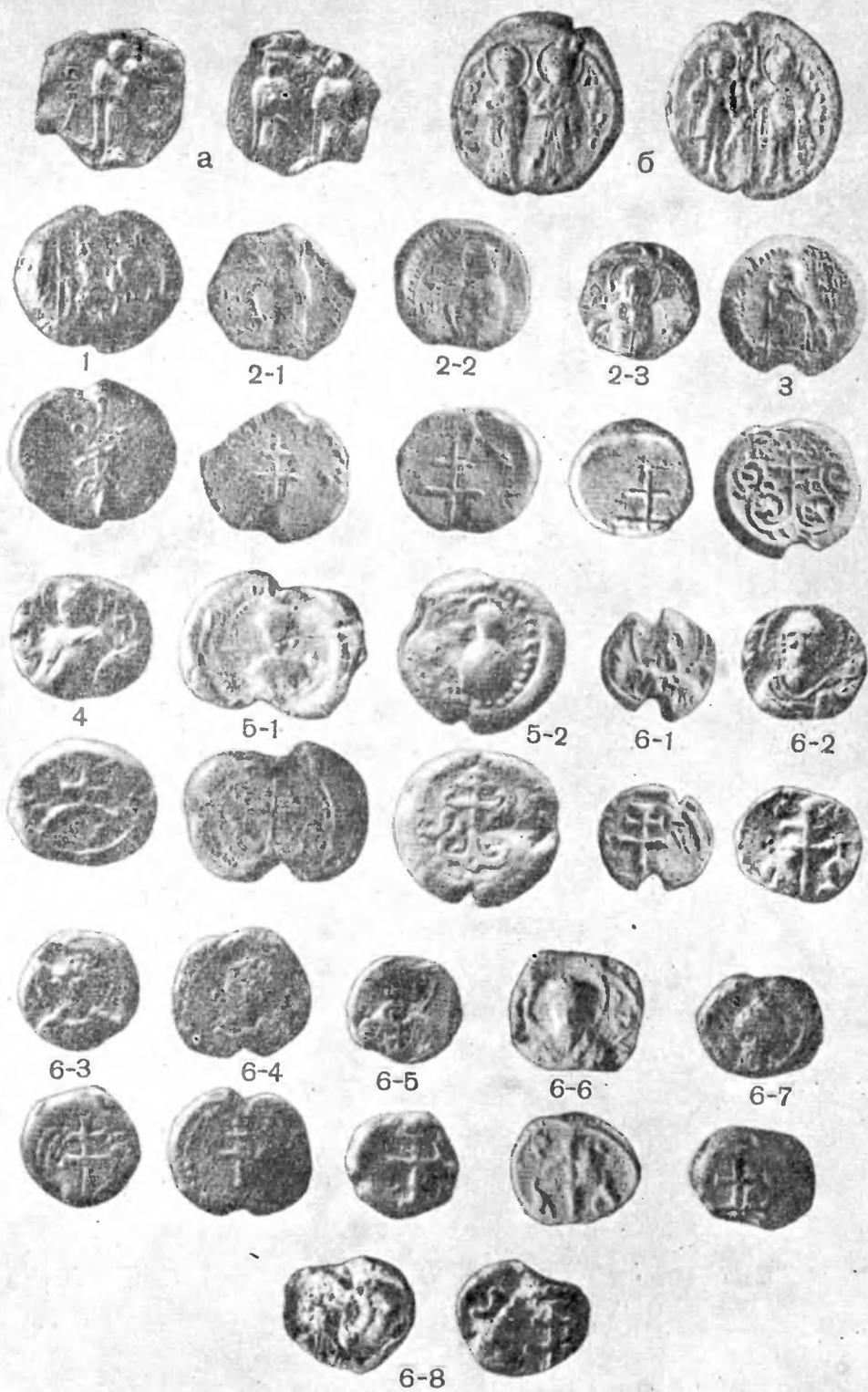

Рис. 4. а. Печать Святослава Мстиславича-Борисовича (1218—1219 гг.); б. Печать Всеволода Мстиславича-Борисовича (1219—1221 гг.)
 1—6. Посадничьи печати середины—второй половины XII в.

Рис. 5. Новгородские республиканские печати XIII в.

Рис. 6. Посадничьи печати XIV в.

Рис. 7. Посадничьи печати XIV в.

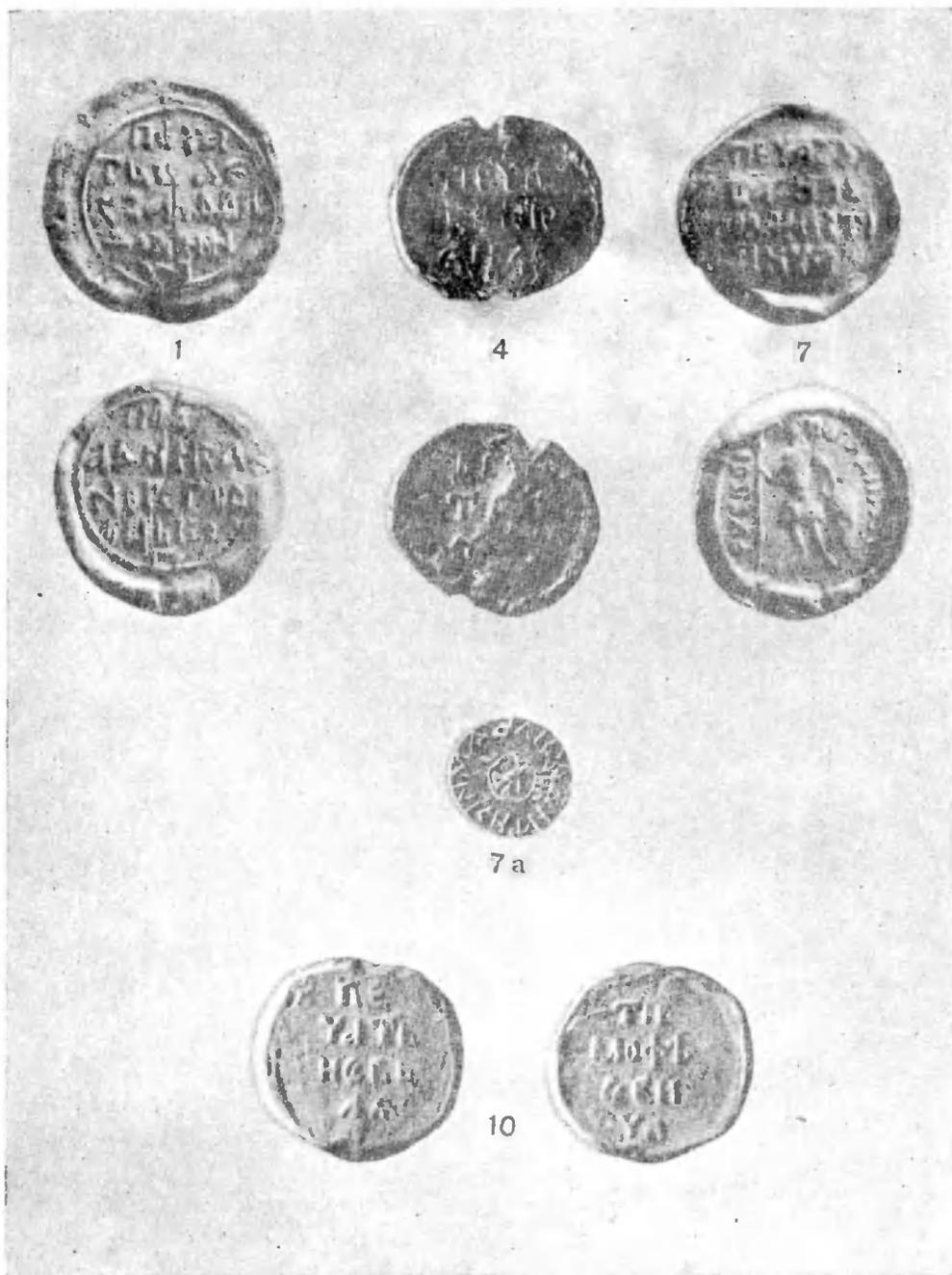

Рис. 8. Посадничьи печати первой четверти XV в.

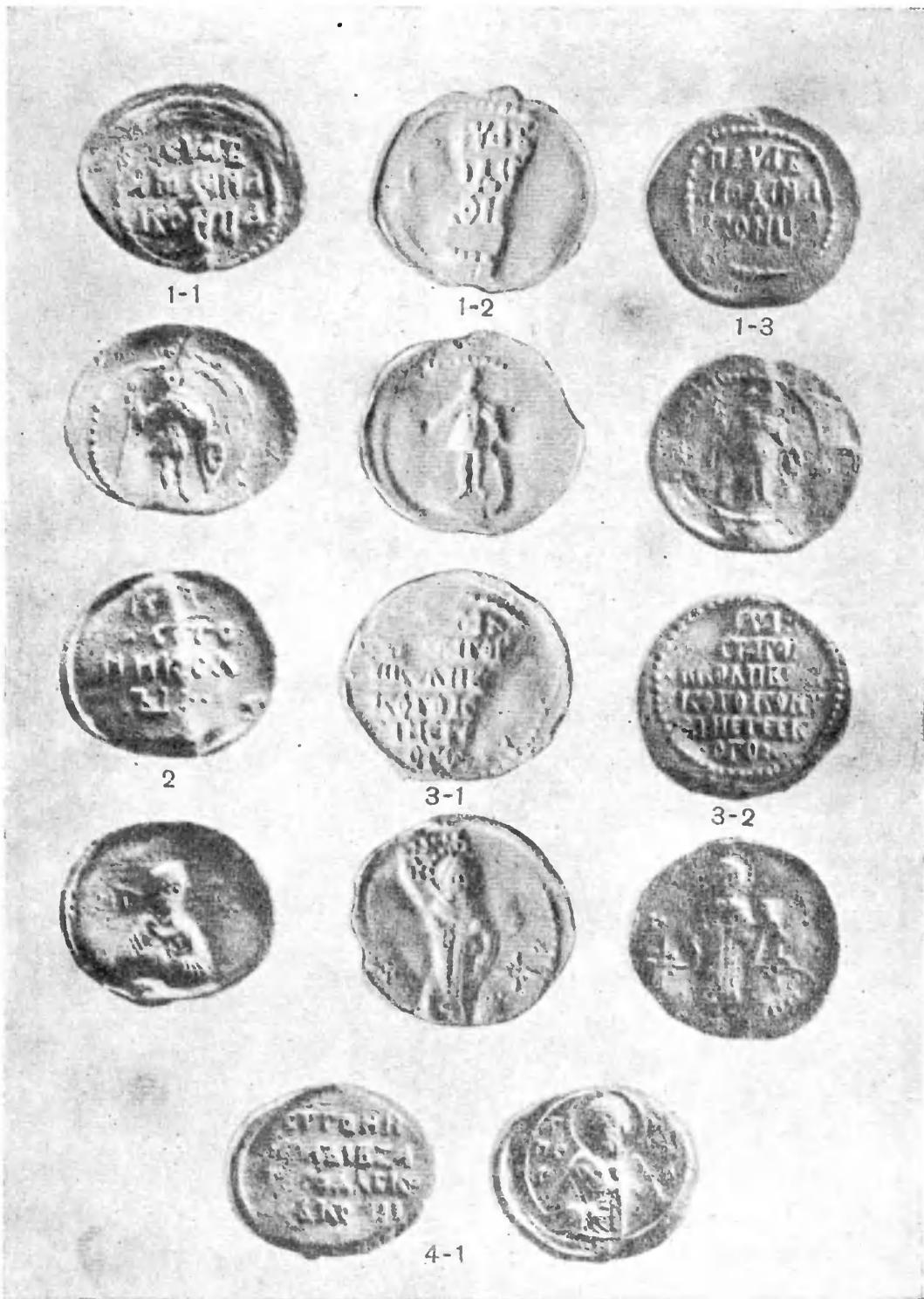

Рис. 9. Кончанские печати XV в. 1. Людина конца; 2—3. Неревского конца; 4. Загородского конца. При грамоте 1450 г. печати 1—1, 2, 4—1; при грамоте 1459—1469 гг. печати 1—2, 3—1; при грамоте 1475 г. печати 1—3, 3—2.

Рис. 10. Кончанские печати XV в. 4. Загородского конца; 5—6. Плотницкого конца; 7. Славенского конца. При грамоте 1450 г. печати 5—1, 7—1; при грамоте 1459—1469 гг. печати 4—2, 6, 7—2; из случайных находок печати 4—3, 5—2

1

2

3-a

4-a

4-b

5-a

5-b

6

6-a

Рис. 11. «Новгородские печати».

7

8-a

9-a

9-b

10

11-a

11-b

Рис. 12. «Новгородские печати»

12a

12b

13

14

15a

15b

16

17

18

19

Рис. 13. «Печати Великого Новгорода»

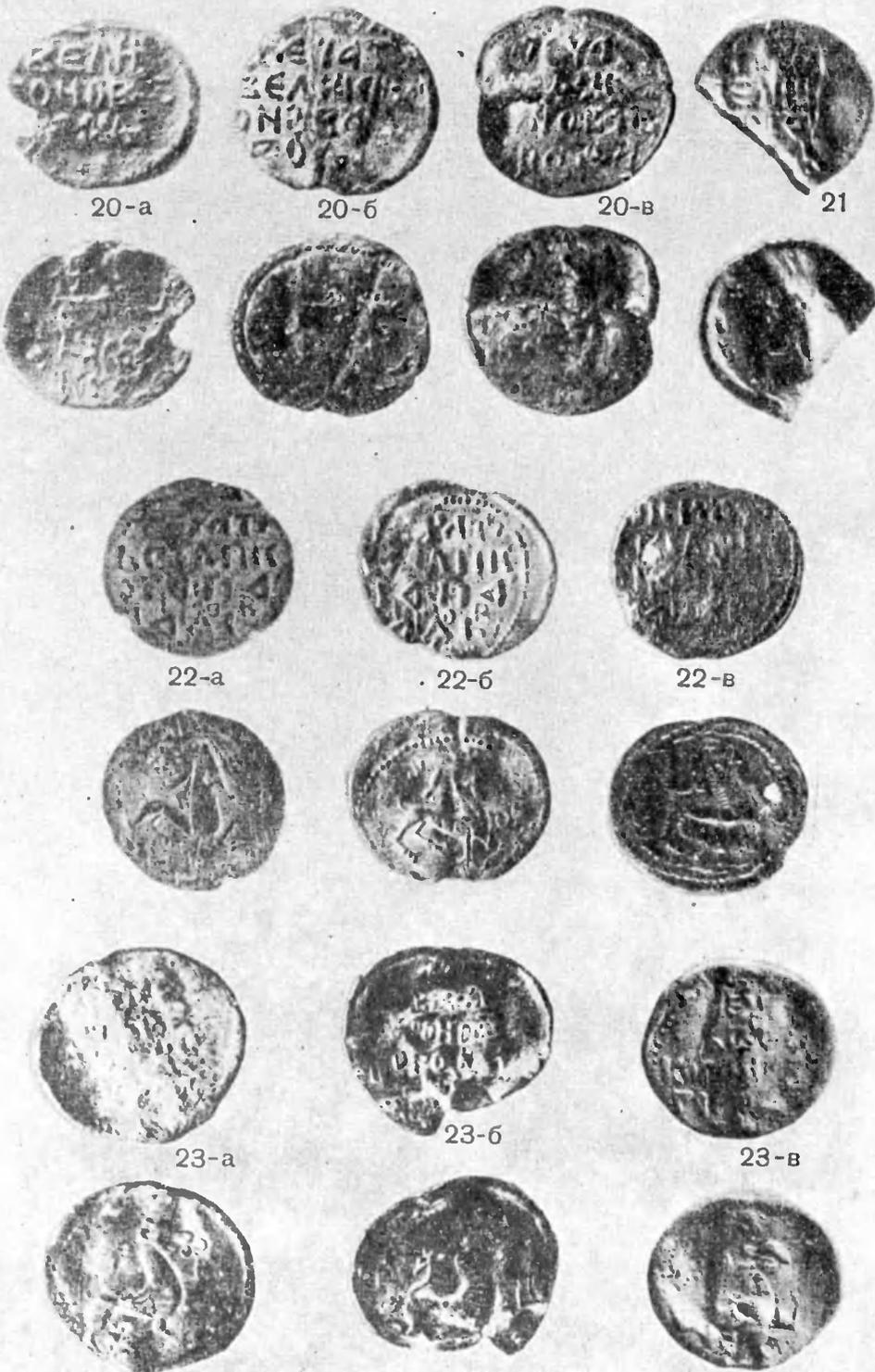

Рис. 14. «Печати Великого Новгорода»

24-а

24-б

24-в

25

26

27

28

29-а

29-б

30

31

Рис. 15. «Печати Великого Новгорода»

Рис. 16. «Печати Великого Новгорода»

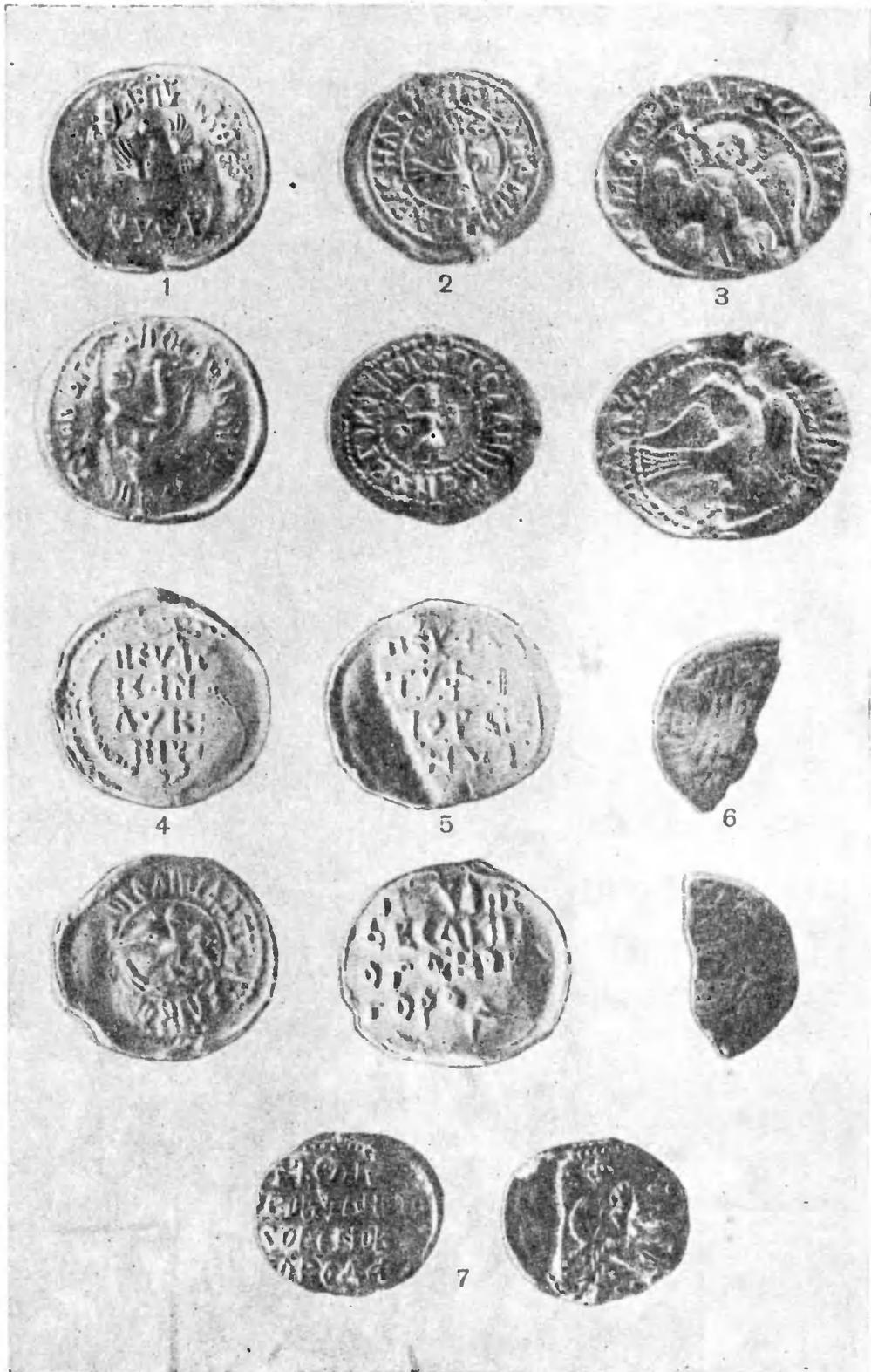

Рис. 17. Именные республиканские печати середины XV в.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
41	8 снизу	Fridrich	Friedrich
54	24 сверху	но об опале	ни об опале
199	3 снизу	ПСРЛ, стр. 228;	ПСРЛ, т. III, стр. 228;
206	23 снизу	князя Андрея	князя Владимира
362	4 сверху	были	быти
381	12 сверху, левый столбец	Нипониг	Нинониг

На стр. 92 в ключе к тайнописи шифровка показана стрелками над верхней строкой азбуки, а дешифровка — стрелками под нижней строкой.